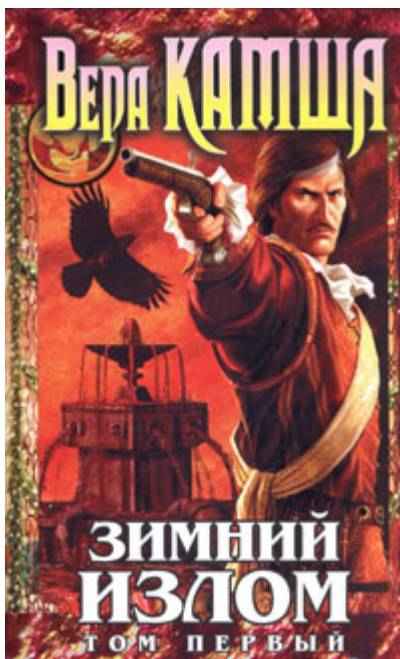

Вера Викторовна Камша
Зимний излом. Том 1. Из глубин

Отблески Этерны – 4

«Зимний излом. Том 1. Из глубин»: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-16920-7

Аннотация

Невозможное все же случилось. То ли волей высших сил, то ли золотом и интригами таинственных гоганов принц-изгнанник Альдо Ракан занял столицу предков. Король Фердинанд Оллар в плену. В плену и непобедимый Рокэ Алва, обменявший свою свободу на жизнь Фердинанда.

Свято верящий в свое божественное происхождение, Альдо с упоением готовится к коронации и возрождает древние порядки. Счастлив и обретший себя в служении делу Раканов Ричард Окделл, но принцесса Матильда и принявший из рук Альдо маршальскую перевязь Робер Эпинэ в ужасе от того, чем оборачивается победа.

Тишина в столице, это тишина в центре смерча. Только зима и нависшие над границами Талига вражеские армии мешают сохранившим верность Оллара войскам ударить по захватчикам. Только чувство долга удерживает Робера рядом с Альдо, а время уходит. Пегая кобыла, древняя вестница смерти, ходит по кругу, и круг этот все шире.

Вера Камша
Зимний излом
Том первый. Из глубин

*Звезды синеют. Деревья качаются.
Вечер как вечер. Зима как зима.
Все прощено. Ничего не прощается.
Музыка. Тьма.*

*Все мы герои и все мы изменники,
Всем одинаково верим словам.
Что ж, дорогие мои современники,
Весело вам?*

Георгий Иванов

*Автор благодарит за оказанную помощь Александра Бурдакова,
Александра Зелендинова, Марину Ивановскую, Данила Мелинца,
Юрия Нерсесова, Александру Павлову, Артема Хачатурянца,
Татьяну Щапову*

Осенние дороги (вместо синопсиса)

Истинно благородные люди никогда ничем не кичатся.

Франсуа де Ларошфуко

I

Торка. Агмаренский перевал 399 года С.С. 11-й день Осенних Ветров

1

Три знамени на двух башнях, разделенных вечно злящейся Шнеештрааль... Серебряный волк Ноймаринена с усмешкой глядит на Победителя, вонзающего копье в озадаченного Дракона, а напротив спорит с ветром золотой кораблик.

У талигойцев и бергеров на двоих одна война и один враг, только счет горцев к бывшим землякам много больше, чем у Талига к соперникам и соседям. Ненависть – это память об оставленном доме. Ненависть, парусник на гербе да имя – вот и все, что осталось от северного острова, в незапамятные времена задавленного льдами. Судьба метнула кости, и моряки-агмы стали горцами-бергерами. Судьба любит веселиться, стал же лишенный наследства южанин торским бароном, чем и гордится. Торка – не Оллария, даром ничего не дает, а дав, не отнимает.

Жермон Ариго вызывающе усмехнулся, как всегда, когда вспоминал оставленный Гайярэ. Нет, не так – Гайярэ, который вышвырнул его вон, так и не сказав за что. Тогда Жермону было двадцать лет, с тех пор прошло столько же. Половина разбитой по воле отца и кое-как сросшейся жизни. Говорят, время лечит, – оно и залечило. Так казалось, но последняя осень разбередила старую тоску. Гусиные стаи тянулись через горы, а генерал Ариго, как последний дурак, торчал на башне, провожая их глазами, словно других дел не было. Жермон вызвал бы любого, кто заподозрил бы его в тоске по старому дому, но в Торке таких не находилось, а на юге генерал не бывал. Не хотел.

Настроение стремительно портилось, но выручил ветер, исхитрившийся сорвать с генеральской головы шляпу. Жермон ее подхватил и нахлобучил прямо на внушительный фамильный нос. Ветер в лицо граф любил. Как и войну, и давший ему приют север. Прошлое на то и прошлое, что его больше нет. Генерал Ариго тщательно подкрутил темные усы и уставился на громаду Айзмессер. Над иззубренными пиками вздымалась облачная стена, в розовых сумерках казавшаяся еще одной горной грядой. Обычно в середине Осенних Ветров Торка тонула в снегах, но в этом году все встало на дыбы.

На дальнем берегу звонко ударил колокол, приветствуя холодное солнце. Еще один обычай, переживший века и дороги... Жермон отсалютовал друзьям шпагой, в ответ блеснул агмаренский клинок – Герхард Катершванц любил войну и рассветы не меньше Жермона Ариго.

Обмен утренними любезностями был окончен, и талигоец, поплотней запахнув волчий плащ, неторопливо спустился с башни. Неужели где-то стучат о землю созревшие каштаны, а крестьяне ходят босиком? Или он путает и в Ариго уже зарядили дожди? Сколько всего можно забыть, особенно если стараться.

Замок просыпался, приветствуя очередной день, наполненный учениями и хозяйственными хлопотами. Солдаты носили воду, рубили дрова, хрипло и весело переговаривались. У кухонь повар с помощниками разделявали кабанью тушу, рядом умильно крутили хвостами шестеро крепостных псов во главе с вконец обнаглевшим рыжим Манриком. Все шло, как положено, можно было спать и спать, но командующему горными гарнизонами нравилось вставать затемно, здороваться с соседями, а затем переходить со двора во двор, вдыхая запах дыма и горячего хлеба. Это была его жизнь, его горы и его войны, без которых генерал себя не мыслил.

Скажи кто Жермону, что его преданность Торке рождена обидой на Ариго, он бы пожал плечами, но в глубине души граф знал, что это именно так. Он был не первым и не последним, кого спасла служба, зачеркнувшая прошлое и отучившая загадывать дальше следующей кампании. Теперь будущее тонуло в пороховом дыму. Смерть Сильвестра расшевелила дриков и гауна. Лазутчики сообщали о скоплении войск за Айзмессер, а нагрянувший ночью Людвиг Ноймар привез письмо от фок Варзов. Маршал Запада сообщал генералу от инфантерии Ариго об очередном военном союзе Эйрехта и Липпе и предполагаемом выдвижении объединенной армии к границам Талига.

«Объединенная армия», по прикидкам Жермона, могла насчитывать тысяч полтораста. Правда, на стороне обороняющихся были Торка и зима. Ариго был не прочь встретить «гусей»¹ на вверенных ему перевалах, но среди дриксенских генералов не водилось придурков, готовых пробивать лбом стены. Соседи были осторожными, неглупыми и начитанными, а признанные стратеги в один голос твердили, что большим армиям в горах удачи не видать. Алва тоже так решил и взял в Сагранну шесть с половиной тысяч. Этого хватило.

Конечно, Агмарен не Барсовы Врата, а бергеры и талигойцы не кагеты, но посты нужно выставить на каждой тропе, какой бы непроходимой та ни казалась. Есть люди, которым крутизна нипочем, Жермон и сам был из таких, хотя до двадцати лет ничего выше марикулярских холмов не видел. Он много чего не видел, и еще меньше понимал, но потом все встало на свои места.

Генерал привычным жестом поправил шляпу и ухватил за рукав высунувшегося из норки тенъента-эконома. Франц Цукерброд вырос на кухне герцогов Ноймаринен, но возжелал воинской славы и отпросился в Торку, к вящей радости тамошних обитателей. Теперь Цукерброд соперничал с поваром соседа-бергера и ради победы был готов на любые жертвы.

– Что на кухне? – любопытно спросил Ариго, с наслаждением пробуя только что испеченный хлеб. – И как Хайнрих?

Хайнрихом солдаты прозвали разожравшегося на осенних харчах медведя, подвернувшегося генералу Ариго. Зверь сполна расплатился за свою глупость, Жермон сорвал дурное настроение, а его офицеры получили отменное мясо. Разумеется, добычу решили съесть вместе с соседями.

– Мой генерал, Хайнрих маринуется, к обеду созреет, – глаза повара затуманились недостижимой мечтой. – Эх, мускатного ореха б!

– Хватит с тебя и перца с луком, – сам Жермон, по утверждению приятелей, был готов

¹ «Гуси» – презрительное прозвище дриксенцев, на гербе которых изображены коронованный Лебедь на волне и два скрещенных меча. «Буробокими» и «Медвежьими башками» называют подданных правящей в Гаунау династии Бербрудер, считающих своим прародителем одного из богов Седых земель, могучего воина с медвежьей головой. После принятия Гаунау эсператизма Бербрудеры взяли своим гербом медведя с двуручным мечом.

глотать мясо со шкурой и костями и потому смотрел на кулинарные изыски без должного почтения, – а с медведя и подавно.

– Мясо – это тело, а приправы – душа, – закатил глаза Цукерброд. Повар утверждал, что приходится дальним родичем великому Дидериху, и ему верили. Несомненный поэтический дар в сочетании с преданностью кастрюле и половнику приводил к потрясающим результатам.

– Ничего, – утешил кулинара Ариго, – душа душе рознь. Хайнриху луковой за глаза и за уши хватит. У него и такой нет!

Франц расхохотался открыто и весело. В Торке все просто. Если смешно – смеются, если война – воюют, если беда – стоят насмерть.

2

Жермон Ариго уродился жаворонком, Людвиг Ноймар – совой, но на сей раз наследник Рудольфа Ноймаринена поднялся ни свет ни заря. Разумеется, с его точки зрения.

– Хорошее утро. – Людвиг стоял на крыльце в одной рубашке, с сомнением разглядывая наползающие тучи. – Тебе не кажется, что к обеду нас засыплет?

– Нет, – Жермон от души потрянул руку маркиза. – Слишком сильный ветер. Раз тучи перешли за перевал, они уйдут вниз.

– Пожалуй, – согласился Людвиг. – В любом случае, я вовремя приехал.

– Не то слово. – Ариго глянул на друга и нарочито вздрогнул. – На тебя смотреть и то холодно. Надо выпить.

– Кто ж виноват, что ты мерзнешь?! – Серые глаза Ноймара задорно блеснули. – И все потому, что ложишься с курами, а встаешь с петухами.

– Лучше с петухами, чем с гусями, – засмеялся Жермон. Маркиз Ноймар шутил всегда и над всеми. Семнадцать лет назад его выходка довела Жермона до белого каления. Дело кончилось дуэлью, двумя ранами и дружбой на всю оставшуюся жизнь. – Ты надолго к нам?

– Увы, – Ноймар вдохнул полной грудью ледяной воздух, – торчать мне тут не переторчать.

– Тебе здесь самое место, – хмыкнул Ариго. – На крыльце в одной рубашке торчишь, дрыхнешь до обеда.

– Ох уж эти южане, – хмыкнул Ноймар, – чуть похолодает, и они вянут, как магнолии.

– Магнолии? – возопил Жермон, с трудом сдерживая хохот. – Южане?! Я, чтоб ты знал, – торский барон до мозга костей! Таковым и помру.

– Вольфганг тебя бы отругал, – флегматично произнес Людвиг, – старик не терпит разговоров о смерти, пока она спит. Лучшая смерть – это смерть врага.

– Кто бы спорил, – улыбнулся Жермон. – Кстати о враге, тебя ждет медвежатина.

– Сам брал? – деловито уточнил Людвиг. – На что?

– На твой подарок. – Жермон ловко выхватил из-за спины кинжал. – Как в масло вошел, так что с приездом ты угадал, замариновалось уже.

– Хорошая примета, – серые глаза Ноймара задорно блеснули. – Окорок – агмам, кости – гаунау.

– Запросто, – заверил Ариго, – но сначала их надо обглодать.

– Испугал! – маркиз зевнул и потянулся. – Чтоб мы с соседями не обглодали какого-то медведя?! Сначала бурого, потом жирного! Я, кстати, вина привез, ты хоть и бергер, а от пива рожи корчишь.

– Так ведь гадость несусветная, – с чувством произнес генерал, – такое только с горя пить можно.

– Ты и с горя безговал, – уточнил лучший друг. – Ладно, пошли в дом, а то совсем изведешься. Осенью в волчьем плаще ходишь, от пива шарахаешься – и еще говоришь, не южанин! Да ты вылитый мориск, только без шадди.

Шадди Жермон не пил – горький въедливый запах слишком навязчиво напоминал о

доме. Бывшем, разумеется. Ариго подкрутил усы и огрел будущего герцога по плечу:

– Вперед, к кружкам!

Людвиг шагнул к двери, но на пороге резко обернулся, выхватывая шпагу. Ждавший этого Жермон принял клинок на клинок.

– Скотина недоверчивая, – укоризненно покачал головой гость, семнадцатый год пытавшийся застать хозяина врасплох. Те, кто видел их игры впервые, бросались разнимать «дуэлянтов». К вящему удовольствию последних.

– Ужасные времена создают ужасные нравы, – назидательно сообщил Жермон, вбрасывая шпагу в ножны. – Касеру будешь или свое пиво?

– Свое вино, – Ноймар больше не улыбался, – только позже. Жермон, я приехал тебя сменить.

– И кто же проштрафился, – хохотнул Ариго, – ты или я?

– Манрик с Колиньяр, – суконным голосом произнес Людвиг. —Тебе нужно в Ариго, и чем быстрее, тем лучше.

– И что я там буду делать?

– Вступать в права наследования. Ты так и будешь торчать у двери или сядешь? – Ноймар крутил в пальцах обручальный браслет, как и тогда, когда сказал о смерти Арно Савиньяка. Кончалась весна, и Придда была красной от маков. Ветер раскачивал цветы, и по зеленым полям катились кровавые волны, в которых тонули лошади и солдаты.

– Садись, – напомнил Людвиг, – разговор у нас долгий.

– Хочу и стою! – огрызнулся Ариго, придвигая табурет. Другой бы на его месте еще летом испросил отпуск и отправился в майорат. От свежее испеченного графа ждали именно этого, но Жермон не собирался отказываться ни от армии, ни от выбранного в минуту злости баронского герба с ощерившимся котом. Он слишком трудно выдирал из себя Гайярэ, чтобы вернуться.

– Жермон, – тихо сказал Людвиг, – я тебя прошу. Отец тебя просит. Дриксы ждут, Эпинэ – нет.

– Дело зашло так далеко?

– Как бы не дальше. Манрики с Колиньярами после смерти Сильвестра как с цепи сорвались.

– И что? – Ариго все-таки заставил себя сесть. – При чем здесь я?

– При том, что Ариго восстала. Вместе со Старой Эпинэ и Пуэном.

Вот тебе и твои тревоги, господин генерал. Ты грешил на дриков с гаунау, а то, что спит в каждом, проснулось и потянуло домой, только ты не понял.

– Старик Эпинэ умер дней за десять до Сильвестра. – Людвиг надел браслет и тут же снял. – Твой кузен был вне закона, и Колиньяры разинули пасть, но Робер вернулся.

– В Талиг?! – не поверил своим ушам Ариго. – Тогда он сошел с ума.

– Все южане сумасшедшие, – пошутил северянин, – но отец думает, что Роберу дали гарантии. Сильвестр не хотел отдавать титул Колиньярам. И Лионель не хотел.

– Арно их тоже терпеть не мог. – Жермон зачем-то вынул кинжал и поднес к глазам украшенную раухтопазом рукоять. Если б было солнце, в сердце камня вспыхнул бы серый огонь.

– Лучше скажи, кто их терпит. – Ноймар вскинул голову. – Ты дашь мне договорить?

Граф Ариго пожал плечами. Руки продолжали играть кинжалом, а мысли заблудились между Аррижем и Гайярэ. Мятаж! Третий за двенадцать лет, неужели Робер так ничего и не понял?

– Жермон! – Как темно за окном, но тучи скоро уйдут вниз, в Придду. – Ты помнишь барона Райнштайнера?

– Ойгена? Его, пожалуй, забудешь.

Холодный, спокойный взгляд, узкое длинное лицо, светлые волосы. Ойген Райнштайнер... Соратник по Агмарену, бергер, давший присягу Талигу и отозванный в гвардию. Из гвардии в Торку возвращаются редко. Даже бергеры.

– Весной Сильвестр приставил барона к губернатору Эпинэ, – Ноймар не смог удержать ухмылки, – чтоб тот не слишком зарывался. Ойген очень старался.

– Не сомневаюсь. Странно, что Сабве не повесился.

– Не успел, – с сожалением произнес маркиз. – Сильвестр умер раньше, а с Манриками у Ойгена не сложилось. Наш барон подал в отставку, вернулся в Бергмарк и отправился прямо к маркграфу. Тот решил, что дело важное, и спровадил Райнштайнера с его докладом в Ноймар.

– Хотел бы я послушать.

За окном зарычали. Надо полагать, здешний Манрик защищает от собратьев добытую кость. Везде одно и то же.

– Послушаешь, – утешил Людвиг. – Теперь Ойген – полковник Ноймаринен и офицер по особым поручениям при особе Проземперадора Севера.

Что ж, за особые поручения можно быть спокойным. Барон Райнштайнер не признавал шуток, но был умен, как Леворукий, и столь же удачлив. Если потребуется, он достанет луну, заодно указав небесным обитателям, что ее плохо протирали, из-за чего появились пятна. Жермон невольно ухмыльнулся:

– И кому Ойген ныне являет свои таланты?

– Отец решил вернуть его в Эпинэ. Вместе с тобой и тремя полками, так что наговоритесь. Да будет тебе известно, что Райнштайнер склонен защищать твоего кузена.

– Что он натворил? – Сколько сейчас Роберу? Есть тридцать или еще нет? – Кроме того, что вернулся?

– Ойген уверен, что сам Иноходец ничего творить не собирался. Виноваты Мараны. Они считали Эпинэ своим, а тут такая незадача! Нагрянувшего наследника решили прикончить при попытке к бегству, но Райнштайнер счел это преждевременным. Наш дорогой бергер, к неудовольствию губернатора и его родичей, появился в Эпинэ лично. Ойген собирался под благовидным предлогом доставить пленника не в Олларию, а к Савиньяку, но Эпинэ этого знать не мог. Он бежал и поднял восстание. Говоря по чести, я его понимаю.

– Арно Савиньяк понимал Карла Борна. – Ариго подкрутил усы, дурацкая привычка, надо с ней что-то делать. – А чем кончилось?

– Эпинэ не Борн. – Людвиг пригладил русые волосы. – А делать что-то надо. Твой приятель Леонард Манрик на пару с Сабве повели в Эпинэ Резервную армию, а в столице ловят пособников бунтовщиков. Да, Леонард теперь именуется маркизом Эр-При.

– Весело. – Жермон положил кинжал на захламленный стол. – Кого я должен унимать? Своих вассалов, для которых я – вышвырнутый отцом мерзавец? Иноходца? Леонарда?

– Всех понемногу. – Ноймар вновь занялся браслетом. – Поедешь через Лаутензее, там ждет Райнштайнер со своими стрелками и вот-вот подойдет Шарли.

– Фок Варзов отдает лучших кавалеристов? – Воистину сегодня утро невозможностей. – Пишет, что дриксы спелись с гаунау и собирают войска, и отдает?

– На юг лучше посылать южан, – объяснил лучший друг, – а старик внакладе не останется, отец поднимает своих «волоков», недели через три они будут в Гельбе. Твое дело – принять капитуляцию Эпинэ и не дать Леонарду с Сабве спутать собственные графства с какой-нибудь Гайифой.

– Думаешь, успею?

– Должен, – лицо Людвига стало жестким, не хуже, чем у отца. – Леонард – человек осторожный, а Резервная армия на три четверти из новобранцев состоит. Нет, «маркиз Эр-При» на рожон не полезет, да и Робер, если не вовсе дурак, первым не начнет. Думаю, парочка до зимы станет бегать то ли друг от друга, то ли друг за другом, а тут и ты появишься. С отборными полками. Вот тут тебя твои вассалы и полюбят. И чужие заодно.

– А больше всех меня полюбят тессорий.

– Манрик теперь канцильер, но отец с ним договорится. Уверяю тебя.

– Кто бы сомневался. – Закатные твари, вот тебе, генерал, и твой личный Излом. Торка

тебя спасла, но принадлежишь ты Гайярэ, а не Агмарену. Людвиг – твой друг до своей смерти, но не до смерти Ноймаринен. Рано или поздно каждый остается со своей землей и со своей войной, потому что изгнанники свободны, а графы – нет.

– Жермон, – кажется, Ноймар подумал о том же или о чем-то похожем, – если б не мятеж, мы бы тебя не дергали.

Если бы не восстание, если б не война, не смерть, не зима... Любим мы это самое «если бы».

– Бросай оправдываться, тебе это не идет. Я еду.

– Едешь, – кивнул Людвиг, – куда ты денешься, но Шарли до Лаутензее раньше двадцатого не доберется, так что дня три у нас есть. Как раз съедим медведя, и ты сдашь мне дела. Как следует сдашь. Ты будешь кузена пороть и фламинго из виноградников гнать, а мне, между прочим, границу держать.

– Удержишь, – хохотнул Жермон, пинками загоняя под стол очередное предчувствие. – А теперь доставай свое вино. Надо выпить за удачу.

II

Урготский тракт

399 года К.С. 19-й день Осенних Ветров

1

Хлеб был свежим, яичница – отменной, сыр – додержанным. Скорее всего. Потому что Чарльз Давенпорт глотал неприлично ранний завтрак, не чувствуя ни вкуса, ни запаха – только усталость. И еще ему было страшно от всеобщего спокойствия. В придорожном трактире с вывеской, которую Чарльз не удосужился разглядеть, хмурое осеннее утро ничем не отличалось от десятков таких же.

Настырно стучал в закрытые окна дождь, заспанный повар слушал еще более заспанного хозяина, лениво точил когти котяра-крысолов, глупо и весело трещали поленья, служанка остервенело перетирала кружки, а в Олларии сидел Альдо Ракан с толпой наемников, мародеров и предателей. Одного, маршала Генри Рокслея, Чарльз продырявил прямо во дворце. Молодой человек надеялся, что рана оказалась смертельной, потому что таких вот рокслеев следует убивать на глазах приспешников, и желательно вовремя. С маршалом Генри он промешкал самое малое на сутки.

Чарльз оттолкнул сковороду, взялся за вино, передумал и потребовал воды. Вино было врагом, даже не врагом, а искушителем. От стакана полшага до кровати, а спать тенъент Давенпорт себе запретил. По крайней мере, дольше, чем требуется для того, чтоб не издохнуть.

– Прикажете комнату? – Хозяин. Лысый, зевающий, довольный жизнью. Есть ли у него родичи во Внутренней Эпинэ или Олларии? И если есть, что с ними?

– Я еду дальше.

– Сударь, – в голосе трактирщика отчетливо слышалась скорбь, – в такую погоду? Поверьте, у нас прекрасные спальни, а какие перины...

Вот так искушители и выглядят. Никакие они не красотки в алых платьях, а трактирщики с перинами.

Чарльз с трудом задержал взгляд на улыбающейся физиономии. Комната дрожала и расплывалась, на висках лежали невидимые ладони – тяжелые и холодные.

– Вы же с ног валитесь, – настаивал хозяин, – а конь ваш и того хуже... Жорж говорит, он и шагу сделать не может.

– Как раз о коне я и хотел поговорить, – буркнул Давенпорт. – Мне нужно обменять его на свежего. Разумеется, с приплатой.

– О! – глазки искушителя стали острыми, как иголки. – У меня есть то, что вам нужно.

Орел... Золото, а не конь! Впору хоть графу, хоть маркизу.

– Я всего лишь виконт, – перебил Чарльз. – Сколько с меня и когда ваш орел будет оседлан?

– О, – иголки стали еще острее, – два тала – и Каштан ваш. Два тала – и десять минут, но, сударь, паромщик еще не вставал. Да-да, этого лентяя раньше полудня не докличешься, а Брети разлилась. Дожди... Никто не ездит. Паромщик мог и загулять. Запросто мог.

– Разбужу! – рявкнул Давенпорт, злясь на весь свет и слипающиеся глаза. С паромщиком он справится не золотом, так пистолетом. Соня согласится, но не подведут ли собственные ноги вместе с головой? Закатные твари, не хватало упасть и околеть прямо на дороге!

– Сударь, – лысый то исчезал в тошнотворном тумане, то выныривал из него, – оставайтесь!.. Курьеры – и те отдыхают, а уж я на них нагляделся...

Курьеры отдыхают, только он не курьер. Он неизвестно кто, но ему нужно в Ургот, и он туда доберется назло всем дождям и всем перинам!

Чарльз Давенпорт судорожно сжал челюсти, сдерживая настырную зевоту, и бросил на стол три тала.

– Я подожду на крыльце.

– Под дождем?! – на лице трактирщика проступил неподдельный ужас.

– Именно...

В дожде есть своя прелесть. Когда ты мокрый, как утонувшая мышь, ты не уснешь!

2

Виконт Валме проснулся сам, и ничего хорошего в этом не было. Ничего хорошего не было ни в запахе лаванды, исходившем от простынь, ни в сопевшем у окна Герарде. Разобрать в кромешной тьме, который час, виконт не мог, но шести еще не было, иначе бы юное чудище, не хуже петуха чувящее, когда нужно вопить, стояло б над душой с бритвенным прибором.

Марсель вздохнул и закрыл глаза, но темней от этого не стало. Пожалуй, темней бы не стало, даже если б их кто-нибудь проглотил. А чего вы хотите, сударь, – ночь, осень, дождь, и это не считая собственной дури! Виконт лежал, слушал, как барабанят о подоконник ледяные струйки, и пытался понять, за какими кошками его несет в Олларию, да еще таким аллюром. Куда спешить? К Марианне он всегда успеет, а где болтаются Алва и Луиджи, не знает сам Леворукий! Марсель отбросил тонкую перину, служившую в здешних краях одеялом, и сел, свесив ноги. Засыпать снова было глупо, а будить Герарда – жалко, хотя это было прекрасной шуткой: виконт Марсель Валме будит Герарда Арамону, тьфу ты, рэя Кальперадо! Рокэ не поверит... Ну и Леворукий с ним, пусть не верит, лишь бы отыскался!

Бывший офицер по особым поручениям поморщился и сполз на застеленный сукном пол. Он сам не понимал, что его тащит вперед и не все ли равно, приедут они с Герардом на день раньше или на неделю позже. Дядюшка Шантэри полагал спешку вредной для здоровья, герцог Фома был слегка озабочен, не более того, а вот Марсель не находил себе места. Или, наоборот, нашел. Рядом с Вороном. Прицепился к Первому маршалу, а тот возьми да и умчись, ничего не сказав, главнокомандующий называется! Без Алвы жизнь сразу же стала скучной, потому что спать, чесать языком, танцевать и ухаживать за хорошенькими женщинами приятно, когда есть дело, от которого можно увильнуть. Когда же дела нет, праздность теряет всякое очарование. Да, разумеется, причина в этом и только в этом, а предчувствия оставим девицам в розовом. Или в голубом. Что еще делать Елене с Юлией, как не предчувствовать и не шить туалеты к мистериям?

Дочки Фомы были хорошенькими, но до Франчески Скварца им было далеко. Вот кому бы пошел наряд Элкимены! Розовая, нет, пурпурная туника, золотые сандалии, кованый пояс с шерлами...

Осторожный стук в дверь оторвал Марселя от мыслей о вдове фельпского адмирала, которой виконт перед отъездом написал длиннющее письмо. Написал и разорвал, потому что писать, не получая ответов, глупо, а Марсель не желал выглядеть дураком. Тем более в столь прекрасных глазах.

– Сударь, – голосок за дверью явно принадлежал служанке, молоденькой и, весьма вероятно, хорошенькой, – сударь, восемь часов!

Восемь?! Выходит, он все-таки проспал, хоть и не так пошло, как Герард! Ну, погоди же!

– Утро, сударь! – гаркнул виконт, срывая с рзья перину. Опозорившийся изверг с жалобным кукареканьем подскочил на своем тюфячке, и Марселю впервые за последние дни стало смешно.

– Простите, – Герард явно собрался провалиться сквозь землю или хотя бы сквозь дощатый пол, – я не думал, что...

– И слава Леворукому. – Марсель отодвинул засов и открыл дверь, за которой обнаружилась премиленькая пышка. – Рыбонька, горячую воду, шадди, завтрак и лошадей.

– Лошадей? – захлопала глазами девица. – На улице дождь... Очень сильный.

– И когда он кончится? – полюбопытствовал Валме.

– Сударь, – хихикнула служанка, – об эту пору всегда льет.

– Вот видишь, – виконт сделал над собой усилие и совершил то, чего, без сомнения, ожидала толстушка, а именно ущипнул ее за тугий бочок, – дождь не прекратится, так что прекратимся мы. Неси воду.

Девушка снова хихикнула и вышла. Виконт зевнул и натянул дорожное платье. О зеркалах и камердинерах он вспомнил, лишь застегивая манжеты. Увы, он опростился, и, похоже, навсегда. Путешествовать с одним лишь порученцем, и то чужим! Отец не поверит, но, пожалуй, одобрит.

– Ваша вода!

– Спасибо, – Валме ухватил служанку за круглый подбородок. – Как тебя зовут, ежевичинка моя?

– Лиза, – мурлыкнула девица.

– Помолись за нас, Лиза, – виконт вытащил из кармана несколько суанов и сунул за низко вырезанный корсаж, – только не сейчас. Сейчас шадди.

Лиза, крутанув бедрами, исчезла, Марсель зевнул и потянулся к бритвенному прибору. Без сомнения, красотка решила, что, будь столь галантный кавалер один, лежать бы ей в постельке, да не за серебро, а за золото. Смешно... Если б не Герард, он бы на эту пампушку и не глянул, но не выказывать же мальчишке дурацкие страхи! Вот и приходится изображать себя самого. Позавчерашнего! Офицер для особых поручений при особе Первого маршала Талига вздохнул и намылил щеку: как бы виконт Валме ни опростился, до бороды он не докатится. Валмоны не Люди Чести и не козлы.

– Герард, запомни: в Урготе варят лучшее в Золотых землях мыло, – проклятье, приучил парня к болтовне, теперь хочешь не хочешь, трещи, как сорока, – а в этой гостинице делают самый мерзкий шадди.

– Сударь, – дернулся Герард, – вам помочь?

– Вот еще! – Марсель попробовал пальцем бритву. – Бросал бы ты лакейские замашки. Тебя что, рзем сделали, чтоб ты тазы с водой таскал?

– Сударь...

– Сам ты сударь, – отмахнулся Валме.

Рэй Кальперадо захлопал глазами и притих. Задумался, надо полагать. Парнишка за Ворона в огонь прыгнет, не чихнет, но пока в огонь прыгнул Рокэ. Один! А они, тапоны² эдакие, были рядом и ничего не поняли, пока письма не нашли. Ничего!

² Слепое, похожее на крота животное, ведущее подземный образ жизни.

Вернулась Лиза. Хихикнула, протянула поднос. Валме хмуро взял белую чашечку с шадди. Разумеется, паршивым. В здешних краях знают толк в закусках и сладях, но не в шадди.

3

Теньент Давенпорт поправил основательно отсыревшую шляпу и вскочил в седло. На улице было легче. В том смысле, что дождь и ветер разогнали сонную одурь. Надолго ли? Орел с пошлым имечком Каштан оказался гнедым меринком с еще неизвестным норовом. Радости от предстоящей прогулки конь не испытывал, и Давенпорт его понимал. Он и сам был бы рад задержаться и проспать до весны, но возвращаться – дурная примета, а упрямство явно родилось раньше теньента. Ничего, отдохнем в Эр-При. В первой попавшейся гостинице, иначе живым ему до Ургота не добраться.

– Сударь, может, останетесь? Ишь как хлещет!

– Я спешу.

– Ну, как знаете...

Стук захлопнувшейся двери, и все! Никого, только он, дождь и лошадь, пятая за последнюю неделю. Не считая Бэрил, бывшей спутницей Чарльза четыре года. Оставляя загнанную чалую на попечении дородной трактирщицы, Давенпорт чувствовал себя последним подонком, но ждать не мог. Не имел права. Следующие кони не успели стать для теньента никем, они просто его везли, пока могли, а потом уступали место новым. Одни были хуже, другие лучше. С Каштаном, кажется, повезло. Почти повезло, потому что мерин оказался не только резвым, но и злобным. Он бодро трусил по раскисшей дороге, умело отыскивая лужи поглубже. Надо полагать, назло настырному седоку.

Снизу брызгало, сверху лило, со всех сторон дуло, но спать все равно хотелось. Видимо, из-за проклятой яичницы. Не нужно было поддаваться на совместные уговоры пустого брюха и лысого трактирщика – голод отгоняет сон лучше холода. И еще он отгоняет подлые мысли о том, что ты не сделал всего, что мог. Подумаешь, пристрелил одного предателя на глазах короля, король-то все равно в лапах заговорщиков.

Нельзя сказать, что Чарльз Давенпорт боготворил Фердинанда Оллара, скорее уж наоборот, но это был его король, он ему присягал, и потом, есть средства, которые делают мерзкими любую цель. Теперь теньент не сомневался – Октавианская ночь, от которой засевшие в казармах вояки не отмылись до сих пор и не отмоются никогда, была таким средством. Разоренная Вараста была таким средством. Ложь на Совете Меча, когда Фердинанду ввалили в глаза, а тот слушал, кивал, верил, раздавал титулы и чины, была таким средством.

Больше всего на свете Давенпорту хотелось отправить предателей к Леворукому, и он знал, с чего, вернее, с кого начнет, когда вернется. С генерала Морена, будь он неладен!

Чарльз со злостью рванул повод, мерин Каштан укоризненно хрюкнул, и теньенту стало еще тошнее. За подлости надо спрашивать с подлецов, а не с безответной скотины. И он спросит, только сначала разыщет Ворона и расскажет ему все. И то, что случилось, и то, чего теньент Давенпорт не видел, но о чем догадывался. Если Алва захочет, пусть вешает его хоть за шею, как положено, хоть вверх ногами, как во время Октавианской ночи. Потому что Франциск, когда писал свой кодекс, был прав. Недонесение о государственной измене – преступление, которое нельзя прощать. Потому что знавшие и молчавшие открывают ворота смертям. Чужим, между прочим...

Он умирать будет – не забудет, как кричала дочка мимоходом растоптанного ткача, горели дома и лавки, по улицам металась толпа с мешками и без мешков, в мундирах и без мундиров, а Джордж Ансел вел их сквозь мечущееся безумие, как заведенный повторяя две фразы: «Берегите порох!» и «Цельтесь наверняка!». Что сейчас с Анселем? Прорвался в Ноймаринен или свернул к фок Варзов? И догадался ли кто-нибудь послать весточку Лионелю?

Чарльз Давенпорт привстал на стременах, вглядываясь вперед: ничего и никого, хотя с пути он не сбился. Тут и не собьешься – дорога обсажена изгородями из барбариса, за которыми мокнут черные перепутанные лозы. Дорак славен вишневыми садами, Рафиано – орехами и каплунами, а Савиньяк заповили виноградники.

Дождь времени зря не терял. Одолев плащ, он добрался сначала до камзола, потом до рубашки и, наконец, до спины. Ледяные струйки побежали вниз по позвоночнику, слегка подзадержались у пояса и ринулись вниз, в сапоги. Позапрошлой весной тенъент Давенпорт сопровождал в Урготеллу экстерриора, но тогда было сухо и над трактом до самого Шато-Роже плыл запах цветущих кустов. Рафиано шутил, что они едут Рассветными Садами, а теперь он даже не в Закате, а в болоте. Здешние жители недаром осенью сидят дома – по такой погоде не торгуют и не воюют, хотя с Рокэ Алвы станется. Топи Ренквахи были пострашней, а их прошли, и правильно сделали!

В серой полосатой мгле замаячило нечто темное и высокое. Тенъент не сразу сообразил, что это деревья. Знаменитые на весь Талиг ундовы ивы полоскали в подступившей к самым корням воде ветви, покрытые мертвыми листьями, отчего-то облетающими лишь весной. Тенъент придержал «золотого» мерина, стянул правый сапог, вылил скопившуюся воду, взялся за левый. Дуплистые гиганты нагоняли тоску, но по раскисшей дороге галопом не поскачешь, только рысью.

Каштан вновь поплюхал по бабки в мутной жиже, но ни впереди, ни сбоку ничего не менялось. В Дораке еще поговаривали о безобразиях во Внутренней Эпинэ, а на дорогах нет-нет, да и появлялись драгуны, но чем дальше на юго-запад, тем спокойней и обыденней становилась жизнь.

Трактирщики и негоцианты не сомневались, что к зиме все заглохнет само собой, и смеялись над дурнем-губернатором, которого теперь уж наверняка прогонят взашей, будь он четырежды Колинъяром. За Эр-Лиарди о мятеже и вовсе не вспоминали, болтая лишь об осенней стрижке да свадьбах. Что думали власти, Чарльз не знал, но немногочисленные разъезды объезжал старательно. Отчитываться перед каждым встречным Давенпорт не собирался, но то, что Талиг дрых, словно перебравший гуляка, не замечая ни воров, ни грабителей, радости не внушало. Ничего, скоро забегают, как посланные.

Снова, несмотря на холод и дождь, захотелось спать. До тошноты и головной боли. Старые ивы безнадежно и глухо шумели, их жалобы мешались с причитаниями дождя и хмурым ворчанием реки. Скользящий повод так и норовил вырваться из рук, промокшая одежда не грела, а терла. Чарльз еще сознавал, на каком он свете и куда и зачем едет, но остальное заволочла бурая муть, из которой появлялись и в которой тонули чужие лица. Иногда знакомые, иногда нет. Ансел, Морен, Фердинанд, Рокслеи, Лионель Савиньяк, Манрики...

Каштан неудачно шагнул, провалился в яму, с ног до головы окатив всадника ледяными брызгами, и визгливо заржал. Чарльз вздрогнул, но потом сообразил, что золото о четырех копытах не было боевым конем и помалкивать его не приучили. Ну и Леворукий с этим сокровищем, к вечеру он его сменит. До Урготеллы денег хватит, а после решать Ворону. Каштан заржал еще разок и обернулся, видимо, намекая, что приехали.

Лысый трактирщик не соврал – вода поднялась. Пристань была вровень с грязно-бурой, рябой от дождя рекой. Что ж, если паромщик заупрямится, переберемся вплавь. Брети не Рассанна и не Хербсте, а тенъенту Давенпорту нужно на тот берег. И он там будет!

III

Торка. Окрестности Манлиева столпа 399 года К.С. 19-й день Осенних Ветров

Вороны деловито галдели над двумя повешенными, судя по отсутствию смертных балахонов – дриксенским и лазутчиками. Еще один признак подступающей войны, который по счету – Жермон Ариго не помнил. Меньше всего генералу хотелось в такое время покидать север, но Рудольф Ноймаринен зря не попросит. Нельзя поворачиваться спиной даже к самым корявым лапам, если в них оказался нож. Пока был жив Сильвестр, о мятежниках и заговорщиках можно было не думать, теперь придется смотреть не только вперед, на дриксов с гаунау, но и назад. Ариго с трудом представлял, как станет договариваться с Леонардом Манриком, а Сабве он и вовсе не знал, Колиньяры на север не заглядывали. С Эпинэ было не проще. Самого Робера Жермон последний раз видел перед своим отъездом в Лаик. Когда-то двадцатилетний тогда еще граф Энтраг обожал свою сорокалетнюю тетку, но герцогиня Эпинэ отреклась от племянника точно так же, как и остальные родичи. Жозефина никогда никому не перечила. Ни отцу, ни брату, ни мужу со свекром. Сына она тоже не уймет, даже если захочет, а кто уймет?

Привычный ко всему жеребец равнодушно миновал «украшенный» дриксенцами ясень – торские лошадки дурака при виде покойников не валяют. Они и снежных бурь не боятся, едят, что ни попадя, везут сколько могут и дальше, а то, что статью не вышли, так это пережить можно. На войне нужны солдаты, а не столичные хлыщи, хоть на четырех ногах, хоть на двух... Ариго, сам не зная с чего, потрепал своего гнедого по шее, и тот благодарно фыркнул. Подумать только, когда-то Жермон Энтраг ездил на линарцах, зимой ходил в шелковых подштанниках, а Торку почитал обиталищем дикарей. Нет, господа хорошие, здесь живут и воюют люди, а дикари торчат при дворе. Даже не дикари – ызарги, с которыми Ариго не хотелось иметь никаких дел, но жизнь не спрашивает, а приказывает. В Эпинэ – так в Эпинэ!

Прошлое кусалось, царапалось, пыталось дотянуться до горла, но генерал его не гнал, пытаясь понять, как перевезти на другой берег собаку, кошку, цыплят и крупу. Унять мятежников, выпроводить Манрика с его армией, навести порядок во взбаламученных графствах и к началу весенней кампании вернуться в Торку... Для этого нужно стать Сильвестром или Алвой, а Жермон был всего-навсего генералом от инфантерии, хоть и неплохим.

Жермон закинул голову; в безбрежной, пронизанной солнцем сини неспешно плыл хохлатый коршун. Генерал проводил птицу взглядом и прищиприл коня. Дорога шла под гору, обросшие к зиме кони бодро топали по смерзшейся листве. Погода для путешествия – лучше не придумаешь: ясно, тихо, прохладно, но Жермон предпочел бы ветер в лицо или дождь со снегом. Мелкие неприятности защищают от крупных, а удача в начале пути оборачивается крупной пакостью в конце. Хорошо хоть увидеть повешенных через левое плечо – к удаче, знать бы еще, с чего начать.

Самым умным было бы посоветоваться с Ее Величеством, но королева угодила в Багерлее за защиту мятежников. Именно королева, потому что сестры у Жермона Ариго нет. Он писал ей, долго писал. И когда она была девицей Ариго, и когда стала Ее Величеством. Писал и надеялся. Не на помощь – на ответ, на пустяковую записку, в которой желают здоровья и просят быть осторожным, но не было ничего. Ничегошеньки! А потом Ворон прикончил Ги и Иорама.

Если бы сестра продолжала молчать, Жермон бы думал, что она верит в его непонятную вину, но Катари написала. В нескольких местах буквы расплывались то ли от слез, то ли от умело пролитой воды. Любящая сестра на трех страницах объясняла, как она тоскует и молит Создателя, чтобы он сохранил ей брата. Как неистово брат ждал этих слов, и какими ненужными они оказались! Нет, Жермон не радовался свалившимся на Катарину бедам, тем более что она сражалась с временщиками до последнего, но уважение не заменит издохшую любовь, а выгода – дружбу.

– Сударь, – раздумываясь на ветру белобрысый разведчик ловко отдал честь, – у Манлиева столпа отряд из Ноймара. Дюжина всадников и тенъент. У них новости для вашей милости.

– Надо полагать, ноймарцы давешних субчиков и повесили, – предположил Ариго, заворачивая коня. Отряд на рысях обогнул заросшую ельником гору, похожую на двух влюбленных ежей, и вышел к Манлиевой развилке, в незапамятные времена обозначенной каменным обелиском. Когда-то у его подножья сидел каменный пес, время и ветры превратили его в причудливый серый валун. Изменился и герб Ноймаринен, собака уступила место волку. Потомки Манлия не стали рвать на куски издыхающую империю. Они до последнего прикрывали ей спину, потом службе пришел конец, и владыки перевалов стали свободны, как волки. Свободны, благородны и суровы.

2

Всадников в багряных ноймарских плащах Жермон заприметил издали и не стерпел – поднял гнедого в галоп, наслаждаясь бьющим в лицо ветром. Граф Ариго был генералом от инфантерии, но верховую езду обожал, как и все уроженцы Эпинэ. Увы, торские дороги не позволяют гнать во весь опор.

– Мой генерал, – молоденький офицер вскинул два пальца к серой фетровой шляпе, – тенъент Арно Сэ и чрезвычайный разъезд полка Энтони Давенпорта к вашим услугам.

– Благодарю. – Ариго и без представления понял, что черноглазый блондинчик – младший сын Арно Савиньяка. В этой стране фамильных носов и глаз не спрячешься. – Двое на ясене – ваша работа?

– Наша, – тенъент не выдержал и расплылся в улыбке. – Мой генерал, шпионов было пятеро, живыми взять удалось троих. Двое молчали, третий заговорил. Сейчас корнет Рафле сопровождает его в Ноймар.

– А почему не вы?

– Я должен был дожждаться вас. Разрешите докладывать? – Парень явно удался в деда Рафиано. Арно-старший начхал бы на субординацию, Арно-младший держался, хоть и из последних сил.

– Вижу, вас следует поздравить с производством, – Ариго кивнул на новенькую перевязь. – Я в ваши годы в корнетах ходил.

– Вы были не в Торке, а в Олларии, – юный негодник уже делит мир на Торку и все остальное, прелестно. Когда Арно Сэ объявится в столице, число тамошних бездельников, без сомнения, сократится, и сильно.

– Тенъент, у вас уже были дуэли? – Жермон смотрел на сына, а видел отца. – Или пока обходитесь дриксенскими лазутчиками?

– К сожалению, то есть, к счастью, – по губам Арно скользнула плутовская ухмылочка, тоже семейная, – Монсеньор мерзавцев не держит.

Одно лицо с отцом! Леворукий бы побрал Карла Борна – застрелить такого человека! Арно-старший до последнего надеялся образумить родича и друга, но Борны всегда были с придурью, что мужчины, что женщины. Жермон и сам был Борном. Наполовину.

– Что ж, тенъент, – если сейчас же не вылезти из прошлого, оно задавит, – докладывайте. Сперва о лазутчиках.

– Я должен был перехватить вас у Вайзтанне, но мы прибыли раньше срока и решили пойти навстречу. Ну и встретили, – виконт Сэ счел возможным улыбнуться, – шпионов. Они изображали из себя заблудившихся путников и расспрашивали пастухов о дороге на Гельбе, но по ней не поехали. Пастухам это не понравилось, нам тоже.

– Как вы их брали?

– На приманку, – Арно все-таки забыл о субординации. – Я поехал вперед всего с одним солдатом. «Гуси» решили, что пятеро проглотят двоих, и подавились.

– Когда их послали, – Жермон с трудом подавил улыбку, – и зачем?

– После смерти Его Высокопреосвященства, – губы Арно сжались. – Шпионы прибыли в Олларию через Гаунау и Кадану в качестве охранников заказанных каданским посольством грузов. В столице их подменили. «Охранники» отправились назад, а лазутчики поехали во

Внутреннюю Придду, а оттуда через Гельбе в Хексберг. Посчитали корабли и назад ноймарским трактом. Пленный, его зовут Нилс Гаусс, показал, что их послали глянуть на Хексберг без Альмейды и разведать проходы из Надора в Северную Придду и Ноймаринен.

Неглупо... Очень неглупо. Добраться до Олларии в посольском обозе и уже оттуда двигаться к границам.

– Этот Нилс не врет?

Арно на мгновение задумался и резко мотнул головой.

– Не врет.

– В Дриксен гусей много, – Жермон задумчиво тронул усы, – вряд ли вы выловили всех. Мне не нравится, что они ищут проходы вдоль гор.

– Никому не нравится, – выпалил Сэ и смутился. – Мой генерал, вчера мы разминулись с курьерами фок Варзов. Бруно-старший принял под свое командование все войска на границе с Талигом.

– Сколько у него людей, известно?

– У курьера не было поручения на словах, но в Гельбе считают, «гусей» слетелось не меньше пятидесяти тысяч, а может, и все семьдесят.

– Неплохая стайка, – Жермон задумчиво свел брови. – Теньент!

– Мой генерал?

– Какой приказ вы должны мне передать?

– Монсеньор хочет вас видеть. Сейчас он в замке, ждет маркграфа, но на следующей неделе отъезжает в Придду.

Что и требовалось доказать. Старый волк покидает логово и мчится туда, где опасней, а куда отправят генерала Ариго? Когда Людвиг выезжал в Агмарен, он не знал ни о лазутчике Нилсе, ни об армии Бруно. В такое время каждый человек на счету, а кавалеристы Шарли и подавно. Вряд ли фок Варзов их отпустит, да и от них с Райнштайнером больше пользы на севере, чем на юге.

Жермон не считал себя великим полководцем – великих хватало и без него: Ноймаринен, фок Варзов, Савиньяки, Алва, наконец, но Ворон и Эмиль застряли на юге, Лионель дерется в Надоре, а у Рудольфа болит спина, и ему за шестьдесят. Фок Варзов держится, но он не может быть в трех местах одновременно, а дриксы, если решатся, ударят не только в Гельбе и Хексберг, но и про перевалы не забудут.

– Барон Райнштайнер тоже возвращается?

– Мне об этом ничего не известно, – на лице Арно мелькнула досада, – но Монсеньор просил поторопиться.

IV

Урготский тракт

399 года К.С. 21-й день Осенних Ветров

1

Любопытно, откуда трактирщики берут названия? Утром был «Филин-девственник», вчера вечером «Лев и рога», а сейчас «Лунный заяц».

Марсель Валме с сомнением оглядел придорожное заведение с зеленым чудищем на вывеске. С одной стороны, они с Герардом честно заслужили полдник, с другой – смерть от голода им не грозила, а пообедать можно и в Шевр-Нуар или Атсе.

– Рэй Кальперадо, – произнес Марсель с тактом, достойным дядюшки Шантэри, – как вы полагаете, стоит ли нам почтить сию обитель своим присутствием?

– Сударь, – если б, сидя в седле, можно было подскочить, Герард бы подскочил, – как... как скажете, но я могу ехать дальше. Я не устал!

Не устал он, как же! Все устали, а он нет. Врет и не краснеет.

– Сударь, – Валме, как мог, скопировал интонации порученца, – если вас не затруднит, проверьте эту таверну на предмет горячего вина, свежего хлеба и тараканов. Последние мне неприятны.

– Да, сударь, – выпалило чудище, все еще переживавшее позавчерашний конфуз, – я сейчас.

Оскандалившаяся исполнительность соскочила с равнодушной кобылы и юркнула в зеленую дверь. Валме зевнул и поглядел наверх. Жирные тучи обещали очередной дождь не сейчас, так к вечеру. Пожалуй, нужно послать «Лунного зайца» к кошкам и ехать, пока хляби небесные не разверзлись окончательно. Марсель совсем было собрался выуживать Герарда из заячьих объятий, но со стороны Шевр-Нуар раздались топот и чавканье. Кто-то одинокий гнал коня по меньшей мере кентером. Курьер? Весьма кстати.

Валме вернулся на тракт вовремя – из-за поворота вынырнул заляпанный грязью всадник весьма странного вида. Марсель чихнул и послал коня наперерез незнакомцу. Незнакомец ловко переложил поводья в левую руку, правая привычно скользнула к седлу. Так и есть, вояка, но не курьер, королевские курьеры носят плащи с крылатой стрелой. Марсель улыбнулся в усы, в свою очередь открывая ольстру³. Знать бы еще, не отсырел ли порох, хотя, если этого не знает хозяин, как узнает чужак.

– Прошу простить, – виконт учтиво наклонил голову, – вы случайно не из Олларии?

– Это мое дело... – начал незнакомец и перебил сам себя. – Если не ошибаюсь, я имею честь говорить с виконтом Валме?

– Не ошибаетесь, – кивнул Марсель, лихорадочно соображая, с кем его свело. Усталое темное лицо казалось смутно знакомым, но не более того.

– Вы, я полагаю, меня не помните? – Офицер, а это, без сомнения, был офицер, по-собачьи отряхнулся и чихнул. Щеки бедняги покрывала щетина, а шляпа обвисла.

– Отчего же, помню, – виконт на всякий случай решил не выказывать забывчивости, – просто мне странно видеть вас в столь плачевном состоянии.

– Так сложились обстоятельства. – Знакомый незнакомец сосредоточенно хмурился, словно умножал в уме шестнадцать на сорок восемь, если не хуже.

– Бывает, – поддакнул Валме, живо заинтересовавшись упомянутыми обстоятельствами.

Сбоку раздался шорох, офицер вздрогнул и вновь потянулся к пистолету. Плохо!

– Успокойтесь, – виконт на всякий случай загородил обалдевшую при виде незнакомца исполнительность, – это мой спутник. Герард, что вы узнали?

– Сударь, – корнет Кальперадо был еще серьезней, чем обычно, – внутри чисто, но очень просто. Есть вишневая наливка из Дорака и местное вино. На обед у хозяйки говядина, но нам могут нарезать курицу.

– Курицу мы, конечно, съедим, – Марсель расхохотался очень беззаботно, – и не одну, но для начала представьтесь моему другу. Мир воистину тесен.

Чудище незамедлительно выпалило:

– Корнет Герард Кальперадо, порученец Первого маршала Талига Рокэ Алвы.

Расчет оправдался. Грязный всадник как-то странно вздохнул и негромко произнес:

– Чарльз Давенпорт виконт Давен к вашим услугам.

Про Давенпортов Марсель знал лишь то, что они были ординарами, обитали в Южном Надоре и состояли в отдаленном родстве с Рокслеями. Рокслеям же папенька не доверял, как и Окделлам, полагая, что от людей, чей герб украшает дикая свинья, можно ожидать лишь свинства и дикости. Давенпорт пожевал губами и отчетливо произнес:

– Не знаю, куда вы едете, но между Дораком и Приддой я не советовал бы ссылаться на Первого маршала. Разумеется, если за вашей спиной нет армии.

³ Ольстра – седельная кобура. Их крепили к седлу с обеих сторон у передней луки седла. Кобуры обычно закрывались сверху.

Теньент Давенпорт видел виконта Валме раз пять или шесть. Наследник хитрюги Валмона казался разряженным в пух и прах хлыщом, которому не мешало б пару недель поголодать. Ни малейшего желания узнать сорящего деньгами бездельника поближе у теньента не было, но после Октавианской ночи виконт, к всеобщему удивлению, сдружился с Вороном и, бросив любовниц и портных, отправился на войну. Об этом посудачили и замолчали, а теперь Чарльз сам не понимал, как узнал в хмуром офицере с провалившимися щеками столичного гуляку. Почему Валме уехал и, самое главное, почему возвращается, да еще вместе с кэналлийским мальчишкой, щеголявшим званием порученца Алвы?

– Не знаю, куда вы едете, – и еще я не знаю, что и сколько можно вам говорить, – но между Дораком и Приддой я не советовал бы ссылаться на Первого маршала. Разумеется, если за вашей спиной нет армии.

– Армии за моей спиной нет, – Валме поправил отнюдь не щегольскую шляпу, – и это, судя по вашему виду, весьма печально. В любом случае, навестить «Лунного зайца» не помешает ни нам, ни вам.

Чарльз, не говоря ни слова, заворотил довольно хрюкнувшего пегаша к двухэтажному строеньицу, над входом которого болтался барабанящий по луне зеленый длинноухий монстр. Видимо, заяц.

Пахнувший луком конюх увел лошадей, порученец распахнул дверь, и они вошли в дымное тепло. Давенпорт с овечьим равнодушием смотрел, как виконт занимает стол в углу дурацкой пятиугольной комнаты, говорит с хозяином, куда-то отсылает белобрысого рэя. Деваха в зеленом фартуке весело грохнула на стол бутылку и бокалы. Недавний щеголь сбросил плащ, под которым обнаружился капитанский мундир, и принялся деловито разливать вино. Красное. Совершенно прямые волосы Валме были по-кэналлийски стянуты на затылке, а место придворной «зубочистки» на боку виконта заняла боевая шпага.

– Вы шокированы моим внешним видом? – усмехнулся наследник Валмонов. – Уверю вас, я сам поражен. Ваше здоровье!

– Прошу меня простить, – Чарльз отодвинул бокал, – если я сейчас выпью, то упаду и усну.

– Вы упадете и уснете, даже если не выпьете, – Валме махнул рукой, подзывая дебелую тетку. – Хозяюшка, прикажите шадди. Покрепче, побольше и послаще!

– Благодарю. – Шадди и впрямь ему не помешает, как он сам не догадался. А все потому, что в Надоре «морисский орех» не в почете.

– Вообще-то, – будущий граф внимательно посмотрел в глаза Чарльзу, – вас надо не шадди поить, а затолкать в постель и поставить под дверью охрану. И я так и сделаю, но сначала вы мне скажете, почему мы не должны упоминать Алву. Манрики, что, окончательно сбесились?

– Хуже, – буркнул Давенпорт. – Манрики сбежали. Вместе с Колиньярами, принцем и целой сворой всяческой сволочи.

– Разрубленный Змей! – Марсель Валме залпом осушил бокал и тут же наполнил. – Видимо, следует предположить, что в Оллории вспыхнула чума?

Пожалуй, что и чума. В некотором смысле. Закатные твари, с чего же начать?

– Валме, – Чарльз потряс головой и с силой ущипнул себя за ухо, отгоняя подступивший с ножом к горлу сон, – скажите, что вы знаете, а то, боюсь, я не доберусь до конца.

– Мы знаем, что во Внутренней Эпинэ случился мятеж, а Манрик загнал тех, кого невзлюбил, в Багерлее. Вместе с королевой.

– Тогда вы не знаете ничего, – поморщился Давенпорт. – Резервная армия, которую собрал Манрик, перешла на сторону Ракана...

– Кого? – не понял виконт. – Ракана? Этот-то откуда взялся? Не хочу показаться

недоверчивым, но вы уверены, что не спите?

– Леворукий и все его кошки, – с тоской произнес Чарльз, – если б я спал... Альдо Ракан как-то затесался в ряды мятежников. Симон Люра... вы его знаете?

– Понаслышке. Он связан с Манриками?

– Так думали. Люра вызвался утихомирить восставших и предал. Королевскую армию разнесли в пух и прах, Ракан двинулся на столицу, к нему стали примыкать гарнизоны. Все нанятые Манриками, между прочим. Обстрелянных сплавил на север, вместе с Лионелем, и он таки разнес каданцев вдрызг. Хоть какая-то радость!

Дверь открылась и закрылась, пропустив лекарского вида мещанина и двух слуг, уныло зажуужала отчего-то не уснувшая муха. Шадди не несли. Чарльз еще разок щипнул себя за ухо.

– Сейчас... Я сейчас...

Валме сочувственно кивнул. Год назад он не вылезал от куаферов и играл в карты на любовниц, а теперь перед Давенпортом сидел офицер. Чего только не бывает, но в Оллари виконту делать нечего. Пусть едет в Придду или домой, к отцу, хотя Марсель Валме не похож на человека, готового все бросить и сбежать, как эти...

– Подонки!

– Простите?

– Манрики – трусы, – отдельно произнес Чарльз Давенпорт, – а Рокслеи, Придды, Краклы, Вускерды – подонки. Ну а Морена я сам убью.

Валме не ответил – сидел, смотрел, ждал продолжения. Только как рассказать едва знакомому человеку об удивленных глазах Фердинанда, улыбочке Генри Рокслея, пятнистой физиономии Кракла? О том, как звенело разбитое стекло, запах пороха мешался с ароматом дыни, громко вопила фрейлина в желтом, а голова кружилась от высоты, бессильной злости и содеянного?

– Ваше шадди, – зеленая девица хлопнула на стол поднос с кружками. – Господа хотят сливки или просто?

– Просто! – Давенпорт залпом проглотил обжигающий напиток, не ощутив ни вкуса, ни запаха. Валме молча пододвинул ему свою кружку. Шадди в кружках... Хотя чего ждать от зеленых зайцев?

– Это действительно шадди? – вежливо поинтересовался Валме.

Наверное, шадди, а может, и нет. Какая разница. Он должен договорить, а остальное – потом.

– Манрики узнали о разгроме и сбежали вместе с Колиньярами. Казну и принца с принцессами уволокли с собой.

– А Фердинанд?

– Остался.

– Остался? – недоуменно повторил Валме. – Этот тюфяк?

Чарльз бы тоже не поверил, но король действительно остался. Его искали, но Фердинанд Оллар умудрился спрятаться в каком-то тайнике.

– Можете не верить, – туман в голове понемногу рассеивался, значит, в кружках был все-таки шадди, – но Его Величество где-то отсиделся, а потом, когда трусы откочевали, выбрался и попытался править. Отпустил из Багерлее всех узников, собрал Совет Меча, приказал готовить ополчение... Фердинанда арестовали у меня на глазах. Рокслеи и Морен. Он не сопротивлялся, почти... Приказал охране сложить оружие, но охрана... уже не была его. Спасибо Манрикам...

– А вы, виконт? – в упор спросил Марсель Валме. – Что делали вы?

Что он делал? Прозевал все на свете, хотя мог бы догадаться, что Рокслеи что-то затевают. Джеймс намекал на перемены, а он-то думал, речь идет о Талиге без Манриков и Колиньяров. Думал, думал и в суп попал... У курицы мозгов и то больше, но отвечать надо. Чарльз отодвинул пустую кружку – его собеседник все еще ждал ответа. Молча. Неужели это виконт Валме, славившийся болтливостью на всю Олларию?

– Я был в карауле у Малой Печати, – просто сказал Чарльз, – услышал шум, вбежал в столовую. Все уже было кончено. Я выскочил в окно, в городе начинались погромы, но пройти было можно. Я добрался до казарм... Ансел уже все знал. Он решил прорываться в Придду. Из Олларии мы ушли вместе, у Корты Ансел свернул на север, а я – на запад. Сообщить Ворону.

3

Нужно возвращаться. Не к Фоме, к Ворону, которого в Олларии нет, а где есть, только кошкам известно. Знает ли Алва, что творится в столице, или он умчался не поэтому?

– Теньент, – окликнул Марсель, – я должен вас огорчить. Первого маршала в Урготелле нет. Эй, вы меня слышите?

– Да, – бедняга оторвался от заячьего шадди и попытался держать голову прямо, – слышу.

Слышит он! Пустой, стеклянный взгляд. Не понимает? Очень может быть.

– Алва исчез. Может, вернулся в Фельп, к Савиньяку, а может, и нет. Он получил какое-то известие и уехал. Мы думали, в Олларию.

– Все сходится, – Давенпорт в очередной раз потряс сонной башкой. – Он узнал о предательстве Люра.

Узнал и умчался. Мог бы, между прочим, и сказать. Или не мог? Ворон любит разводить тайны, а они с дядюшкой своими несведущими рожами дурачили шпионов целый день. Закатные твари, надо было сразу гнать к Савиньяку, а не лезть в это болото.

– Вы что-то сказали? – вежливо переспросил Давенпорт. Глаза офицера были красней, чем у кролика, но зевать он перестал. То ли от шадди, то ли от новости.

– Так, – неопределенно махнул рукой Валме, – задумался. Непонятно, на что все эти господа надеются. Ызаргу ясно, править им до подхода первой же армии.

– Армии летать не могут, – теньент с тоской уткнулся в опустевшую кружку, – вожаки успеют сбежать, ну а мелочь... Когда ее жалели?

Это точно, заводилы удерут, а мелкоту перевешают, только кто? Фок Варзов и Лионель связаны дриксенцами, Алва – Бордоном и Гайифой. Конечно, можно все бросить, но нужно ли?

– Слушай, – начал Марсель, чувствуя, что его заносит, как перед боем, – это затеяли «павлины», чтоб мы сняли с границ войска. Согласен?

– Да. – Чарльз Давенпорт с удивлением поднял глаза на Марселя. Ах да, он в запале перешел на «ты», ну и ладно.

– Рокэ никогда не делает того, чего от него ждут? Так?

– Так.

– Значит, и сейчас не сделает. Он останется на юге и будет воевать с Бордоном, как и собирался. Так?

Теньент кивнул и подпер подбородок рукой. Еще немного, и в спальню его придется тащить на руках. Ну и дотащим!

– Если все затеяли не «павлины», а «гуси», они ждут, что давить мятеж пойдет Лионель или фок Варзов, и устроят какую-нибудь подлость. Так?

– Да, – кроличьи глаза слипались, но глядели осмысленно.

– Значит, на севере тоже нужно стоять, где стояли. И что у нас остается? Тронко и Кадела. Тронко ближе к столице, и там кэналлийцы, значит, нам туда!

– Сударь, вы во многом правы, – пробормотал засыпающий вояка, – но я должен отвезти донесение Ансела Первому маршалу Талига.

– А где вы его искать будете? В Фельп может и Герард съездить. Если вам нейдет, езжайте вдвоем, а я поскачу в Тронко предупредить Дьегаррона. Когда придет приказ наступать, мы будем готовы...

– Вы правы, – на измученном лице проступила заинтересованность, – от Тронко до

Олларии не так уж и далеко.

– Именно. А то, что там творится, вы знаете лучше адуанов и лучше меня!

– Решено, – Давенпорт поднялся с места. Он явно собирался сесть в седло, – я еду с вами.

– Правильно, – согласился Марсель, – но вечером, а сейчас вы отправитесь в кровать. Терпеть не могу носить на руках мужчин, а вы вот-вот свалитесь.

– Сударь...

– Теньент Давенпорт, – рявкнул Марсель, подражая Дерра-Пьяве, – я вам приказываю... Закатные твари, я вам капитан или птицерыбодура?! А ну живо спать!

V

Ноймаринен. Замок Ноймар 399 года К.С. 22-й день Осенних Ветров

1

Ноймар. Замок на утесе Литасфляхеханд. Шестнадцать неприступных башен, серые скалы, вечная радуга над порогами неугомонной Доннерштрааль. Волчье логово, поставлявшее Талигу полководцев, кардиналов, регентов, а однажды расщедрившееся на поэта. Великого. По крайней мере, так в один голос утверждали менторы. Правы они были или нет, Жермон не задумывался, но неприязнь к виршам Вальтера Дидериха пронес через всю свою жизнь. Хорошо хоть, эта ненависть была веселой, не чета другим.

Дорога уперлась в опущенный мост и распахнутые ворота. Рудольф Ноймаринен был силен и осторожен, он мог позволить себе подобную роскошь. Если все тропинки под присмотром, а солдаты и офицеры знают друг друга в лицо, ворот можно не запирасть. По крайней мере, днем.

– Жермон! – Ариго вскинул голову и увидел младшего брата Людвига. Тридцатитрехлетний Альберт, вечно забывавший, что он еще и граф Доннербург, жизнерадостно махал со стены офицерской шляпой. – Явился наконец!

Генерал засмеялся и подкрутил усы. Тревога, прихватившая Ариго в начале осени, отступила пред мощью возведенных самим Манлием стен и уверенностью обитателей замка.

Жермон поручил жеребца заботам конюха и угодил прямоком в достойные удава объятия. Альберт пребывал в отменном настроении, впрочем, все семейство Ноймаринен было наиприятнейшим. Для друзей и союзников, вестимо.

– Ну ты и вырядился, – покачал головой Жермон, отдавая должное багряному камзолу и кремовой рубашке, – прямо жених!

– Вырядишься тут, – подмигнул развеселившийся граф, кивком головы указав на здоровенных парней в бирюзовых куртках, кидавших в кухонные оконца связки гусей и ледяных уток. – Это авангард. Основные силы подойдут завтра. Отец только их и ждет. Их и тебя.

– Арно предупреждал, что грядут бергеры, – меланхолично заметил Жермон, – что ж, дичью вас родственник обеспечил.

Маркграф Вольфганг-Иоганн был не из тех, кто приезжает в гости с пустыми руками, тем паче осенью, когда на перехват пролетающих над Торкой бесчисленных стай выходит и стар и млад. Бергеры истребляют гусей и уток десятками тысяч, но на следующий год пернатые странники вновь затмевают солнце, а горцы палят по ним из своих чудовищных «утятниц».

– Бедные, бедные гуси, – закатил глаза Альберт, —

Трепещущие крылья рассекали
Предзимний, напоенный плачем ветер,

Рыдали птицы об умершем лете,
И плакал вечер с исчезающей стаей...

С исчезающей? Или с *обреченной*? Не помнишь?

– К счастью для меня, нет, – огрызнулся Жермон, – чего и тебе желаю. Дурацкие стихи!

Правильно он пририсовал к портрету Дидериха ослиные уши, впрочем, они больше походили на заячьи. Художником юный Жермон был неважным, но утонченный мэтр Капотта чуть не лопнул от ярости. При воспоминании о любимом учителе генерал от инфантерии блаженно улыбнулся и немедленно заработал чувствительный тычок в бок.

– Смеешься? – строго спросил Альберт. – Я тоже хочу.

– Ну так смейся, – Жермон поправил шпагу, – благо, есть над чем.

– Ты про «Прерванный полет»? И чего только менторы в этих стишатах находят? Гуси летят, по ним стреляют, такова жизнь. Надо же агмам зимой что-то кушать.

– И не только зимой, – перед глазами зазеленело рассветное небо и распустил паруса золотой кораблик. – Пока бергеры не пересолят всех гусей, они не уймутся.

– Ну, нет, – замотал головой Альберт, – тут я с ними не согласен. Копченые вкуснее. А ты что скажешь, коптить или засаливать?

– Коптить, – постановил Ариго. – Ты часом не знаешь, твой поэтический земляк дичь ел?

– Дидерих? Ел, наверное. Вот плакал он при этом или нет, не знаю.

– Если с луком, то, может, и плакал.

– Конечно, с луком. А еще он пил вино, бегал за девицами и хотел дворянство...

И получил бы, если б не родной отец. Гостивший у зятя граф Дорак приглубил хорошенькую горничную, десять месяцев спустя осчастливившую мир великим Вальтером. Дорак бастарда признал, дал ему образование и состояние, но наотрез отказался ходатайствовать о возведении молодого поэта в дворянское достоинство. Папенька полагал, что титул способствует написанию скучных од, а не занимательных драм, и был прав. Дидерих накатал множество трагедий, и чуть ли не в каждой имелись жестокосердный отец, соблазненная дева и благородный подкидыш...

– Вообще-то я его всегда терпеть не мог, – задумчиво произнес Жермон.

– Лук? – удивился братец Людвиг. – В таком случае ты прекрасно скрывал свои чувства.

– Дидериха, – шепнул Ариго, – и чем больше ко мне с его виршами приставали, тем больше я его ненавидел.

– А мне как-то все равно, – хмыкнул Альберт. – Дидерих и Дидерих. Должен же в Талиге быть кто-то великий, кроме полководцев и мерзавцев.

– А дураки? – осведомился Жермон.

– Не сказал бы, что наши дураки превосходят гайифских, – усомнился приятель, – иначе б павлины после Варасты не полезли бы в Фельп и не остались бы без хвоста.

– Весной гайифским генералам будет не до корнетских ляжек, – задумчиво протянул Ариго, – Дивин это понимает. Готфрид тоже.

– Гусь павлину не родич, – лицо приятеля стало злым, – но гусь любит золотой горох. При Сильвестре дриксы сидели б да глядели, чем дело кончится, но с Манриками, да в отсутствие Алвы могут и укусить. Про Фридриха слышал? Этот кесарский племянничек перебрался к тестю, в Липпе.

– Сослали или наоборот?

– Кошки их там разберут, – Альберт снял шляпу и смахнул с нее пару пушинок. – Будем надеяться, что все-таки ссылка. Бруно Фридриха терпеть не может, а Бруно стал фельдмаршалом.

Фридрих сначала прыгает, потом думает. Бруно неделю думает, а потом строит мост. При таком фельдмаршале о дриксах до весны можно забыть, зато потом хлопот не оберешься.

– Постараюсь к Весеннему Излому вернуться, – кивнул Ариго, – месяц туда, месяц обратно, четыре месяца там...

Вечерний ветер скатился с темнеющих стен, ударил в лицо, развернул поникшее было знамя с бессонным волком, закружил мертвые листья и тонкую водяную пыль.

– Закатные твари! – Альберт разжал вцепившиеся в эфес пальцы и делано рассмеялся. – Ты чего?

– То же, что и ты, – огрызнулся Ариго, с трудом подавляя идиотское желание вскочить на коня и мчаться на юг, – это просто ветер.

– Ветер с гор несет зиму, – припомнил старую поговорку Людвиг, – вести с гор несут войну.

– Нет, – Жермон Ариго закинул голову, глядя на плещущий в синеве багровый стяг, – этот ветер не с гор. Он из Придды, но насчет войны ты прав. И насчет зимы тоже.

– Видимо, я пророк, – хохотнул Альберт, – и, будучи таковым, предрекаю тебе еще и весну. Весной...

– Господин генерал, – темноглазый корнет ловко и красиво отдал честь, – вас просит герцог. Немедленно.

2

Рудольф Ноймаринен оторвал голову от очередной бумаги, неспешно водрузил перо на роговую подставку и поднялся из-за стола. Выглядел герцог, мягко говоря, усталым, но одет был, как всегда, безукоризненно.

– Нужда в твоей поездке отпала. К сожалению.

Ариго ожидал подобного, и все же сердце нахально екнуло.

– Ты голоден?

– И да, и нет, – признался Жермон, – я в седле с утра, но Бруно с Манриками не способствуют аппетиту.

– Если ты собираешься и впредь обращать внимание на новости, то скоро умрешь. С голоду. – Рудольф уже несколько лет ел вываренное мясо с овощами и белые сухари, но оставался хлебосольнейшим из хозяев. – Когда я посылал к тебе Людвига, из Эпинэ тянуло дымком, не более того. Неделью назад дым уже стоял столбом.

Герцог неторопливо поднялся. Ариго был немалого роста, но на Рудольфа ему приходилось смотреть снизу вверх.

– Садись к столу, сейчас принесут перекусить. Ты будешь есть, я буду говорить.

Манеру пожизненного Проэмперадора Севера бродить по комнате, размышляя вслух, знал весь Талиг. Другое дело, что видели это только близкие. Жермону герцог верил, и был прав. Рудольф Ноймаринен был первым из тех, за кем генерал Ариго прыгнул бы в Закат и не заметил. Вторым шел Людвиг, третьим – старик фок Варзов. Четвертым был Арно Савиньяк, но графа не было на свете десятый год.

– Садись, кому говорят. За стол!

Жермон безропотно опустился на массивную дубовую скамью, глядя, как Рудольф меряет шагами знакомую комнату. Узнав о восстании Борна, он ходил так же, а Савиньяк теребил перевязь и вдруг сказал, что поедет к Карлу и уймет его. Он так и сделал, но получил пулю в живот. Маршал Арно вечно полагался на чужую совесть, как на свою.

Герцог дошел до камина и резко повернулся на широких каблуках, звякнули, столкнувшись, две цепи – герцогская и вторая, широкая, из плоских золотых звеньев. Цепь регента? И как он ее не заметил?! Рудольф поймал взгляд Ариго и хмуро кивнул, подтверждая, что генеральские глаза не врут и герцог Ноймаринен на самом деле – регент Талига.

– К лету сниму этот ошейник к кошачьей бабушке, – Ноймаринен часто начинал свои монологи с ответов на невысказанные вопросы. – Гадаешь, что стряслось? Не догадаешься, разве что с ума сойдешь. Людвиг должен был рассказать об Эпинэ.

И рассказал, но при чем тут регентство? Разве что Фердинанда после варастийских чудес потянуло на подвиги и он свалился с лошади. Или ему помогли? Тогда королем стал Карл, а Ворон – регентом. Может ли регент Талига воевать по найму в чужой стране? Может ли передать регентство? Жермон не был силен в казуистике, его делом были атаки и ретирады.

Пришел слуга, принес глинтвейн. Две дриксенские кружки с золотыми ручками и вызолоченными крышками. В Эпинэ вино со специями не кипятят даже зимой, в Ноймаре ужин начинают с глинтвейна.

– Пей!

Трещал огонь, пахло пряностями и вином, на подоконнике блаженствовала толстая старая кошка. Ее звали Метхен.

– Фердинанд умер?

– Если бы, – регент махнул рукой и побрел от стола к камину. – В Эпинэ всплыл Альдо Ракан, а Робер Эпинэ умудрился разбить Леонарда Манрика. Ты будешь смеяться, но собранная тессорием сволочь, которую он назвал Резервной армией, перешла на сторону мятежников. Леонарда, судя по всему, прикончили свои же. Маркиз Сабве, к несчастью, удрал. Видимо, в Каделу, так как в Олларии не объявлялся, а Ворон для него хуже Ракана. Сообщить в столицу о поражении Сабве, по великой своей занятости, забыл.

– Трус, – не выдержал Ариго, – заяц свежееванный!

– Не больше, чем братец, – буркнул Ноймаринен, буравя взглядом безответную кочергу. – Весть о поражении привез тенъент Куртис. Из парня будет толк, так что возьми его в разведчики. Заодно и расспросишь, если охота будет.

– Расспрошу, – пообещал Жермон. Регент что-то буркнул и пошевелил угли.

– Узнав про Люра и Ракана, Манрик со товарищи все бросили и сбежали. Надеюсь, недалеко, – по лицу Рудольфа плясали недобрые отблески, само лицо тоже добротой не блистало. – Принца с принцессами уроды прихватили с собой, а вот короля потеряли. Фердинанд где-то отсиделся, вылез и начал править. Через три дня Рокслеи продали его с потрохами. Что творится в Олларии сейчас, не знаю. Ансел был последним, кто мало-мальски соображал, больше там сопротивляться некому.

Ариго не вскочил, не заорал, не подавился. Он даже не опрокинул кружку, только в голове завертелось какое-то тошнотворное колесо. Генерал торопливо проглотил ставший горьким глинтвейн.

– Мне лучше поспешить.

– Нет, – регент оторвался от камина и нацелился на письменный стол. – Ты едешь со мной в Придду. Не только как генерал, но и как граф Ариго.

Жермон кивнул; свое генеральство, в отличие от отобранного и брошенного назад титула, он ценил. Да и Рудольф то и дело говорил, что родословная – дело собачье, а не человеческое. Разве что дело в Катарине.

– Монсеньор, я правильно понимаю, что мне придется стать опекуном Ее Величества?

– Не совсем. — Ноймаринен остановился у письменного стола, тронул свиток с зелеными печатями и потер поясницу. – Не терплю воевать зимой – спину ломит... Ты когда выехал?

– Пятнадцатого. Мог раньше, но возил Людвиг к Айзмессер.

– Правильно сделал, – одобрил регент Талига, отправляясь к окну. – Когда соседи узнают про наши дела, они обрадуются, а радость, как известно, окрыляет. Не удивлюсь, если дрикс с гаунау попробуют полетать. И еще меньше удивлюсь, если они замахнутся на Хексберг.

А в Хексберг хорошо если осталось два десятка кораблей... Когда Альмейда уходил в Фельп, считалось, что Готфрид с Хайнрихом будут сидеть и глядеть, как Гайифа грызется с Талигом. Кесарю надоело таскать хвост императору, он был бы счастлив, если б этот хвост выдернули. Именно поэтому Сильвестр отпустил Альмейду, а фок Варзов – Дьегаррона и Вейзелю. Расчет на скрытое соперничество Паоны и Эйрехта был верным. Пока не умер

Сильвестр.

– Закатные твари, – пробормотал Ариго, – Алва знает?

– Нет, – отрезал герцог, – и когда узнает, ведомо только Леворукому и Фоме, а старый пройдоха станет тянуть до последнего и будет прав. Грех упускать такой случай.

Да, второй раз Гайифа с Бордоном вряд ли позволят схватить себя за шиворот, да еще в строгом соответствии с Золотым Договором. Закатные твари, Рокэ не должен возвращаться, будь он хоть трижды регентом.

– Значит, – подвел итог Жермон, – вы не просто регент Талига, вы еще и Первый маршал.

– Вот уж не думал, что снова влезу в эту упряжь. – Рудольф Ноймаринен приподнял портьеру. Сквозь пылающий запад стремительно прорастала ночь. Осенняя или уже зимняя?

Трое слуг – пожилой и двое мальчишек – приволокли подносы с едой, которой хватило бы на троих генералов и одного крокодила, зажгли свечи и ушли. Ноймаринен вернулся к столу, отломил кусок хлеба, обмакнул в соус и отправил в рот, под аккуратные седые усы.

– Не удивляйся, с вареной мочалкой покончено, – регент прикончил еще один кусок. – Оказывается, я голоден... И ты, между прочим, тоже.

Генерал послушно ковырнул густо приправленную сельдереем зайчатину. Рудольф был прав, есть действительно хотелось.

3

– Рад? – регент поморщился и потер поясницу. – Проклятая спина, еще хуже Манриков, тех хотя бы удавить можно.

– Чему рад? – переспросил Жермон, отодвигая наполовину опустошенный поднос, живо заинтересовавший Метхен.

– Что остаешься, – герцог неторопливо отхлебнул из кубка. Волк, который перед охотой пьет глинтвейн. Старый волк, но от этого не менее опасный.

– Что остаюсь, рад, – признался Жермон, – но не такой ценой.

– Цены мы еще не знаем, – серый взгляд скользнул по увешанному оружием гобелену, – только, боюсь, с платежами мы просрочили. Ринальди Ракан платил в девяносто седьмом году гальтарского круга, императорская семья – в девяносто седьмом следующего, Эрнани Последний дотянул до осени девяносто девятого, а мы и того хуже.

Жермон угрюмо кивнул, древние беды его никогда не занимали, но с этими Изломами что-то и впрямь не так.

– Не любишь заумных разговоров? – Регент прикрыл остывающую кружку, крышка щелкнула, как капкан захлопнулся.

– Не люблю. Чувствуешь себя петухом в мешке.

– Хорошо, не ызаргом⁴, – пошутил Рудольф. – Сколько я тебя знаю?

Если считать с первой встречи – больше двадцати лет, если с первого настоящего разговора – девять. Они встретились, когда герцог Ноймаринен был первым маршалом Талига, а Жермон – столичным щенком, выброшенным в Торку. Теперь один – регент, второй – генерал, а Излом – вот он! Дриксы который год орут, что Оллара́м отпущен один круг, но Оллары – это еще не Талиг.

– Твоего отца я знал меньше, чем тебя, – задумчиво произнес герцог, – но Пьер-Луи был справедливым человеком.

– Справедливым, – подтвердил Жермон, потому что это было правдой. За отцом не числилось ни одного несправедливого поступка, ни одного злого слова. Только как назвать письмо, даже не письмо, записку, превращавшую графа Энтраг в пустое место и

⁴ Намек на вара́стийскую забаву, когда двух или более ызаргов помещают в мешок; животные начинают драться, и в конце концов в живых остается лишь один. Если подобное развлечение сопровождается ставками, ызаргов метят особым образом.

уведомлявшую означенное место, что оно незамедлительно должно отбыть в Торку и жить исключительно за счет жалованья?

Королевский указ отстал от родительского «благословения» всего на два дня: геренций Фукиано, как и все в Олларии, не усомнился в справедливости графа Ариго.

– Ты ничего не забыл. – Рудольф тяжело поднялся и двинулся к глядящему в вечер окну. – Забыть и не вспоминать – это разные вещи. Очень разные.

– Отец мертв, – Жермон посмотрел в глаза регенту, – это все, что я могу сказать.

– Мертв. – Витражи прятали звезды и облака, но не тьму. – Иначе б я говорил не с тобой, а с ним.

Метхен покончила с остатками подливки и облизнулась, показав розовый язычок; за спиной что-то сухо треснуло. Свеча...

– Эсператисты не зря придумали исповеди, нельзя всю жизнь таскать в душе пулю. Что ты натворил?

– Прошло двадцать лет, не все ли теперь равно?

– Тебе не все равно, – Рудольф принялся растирать запястье, – но будет все равно, когда ты расскажешь.

– Вы этого не узнаете, – Ариго тронул пальцами опустевший кубок, – по крайней мере от меня.

– Тебя послушать, – хмыкнул герцог, – так ты чужие души Леворукому продавал, не меньше. А хоть бы и так, время любой грех хоронит. Расскажи и забудь.

– Не могу, – выдержать взгляд Проэмперадора Севера было непросто, но Жермону это удалось, – потому что сам не знаю. И Арно Савиньяк не знал. Обещал спросить, не успел.

– Закатные твари! – регент остановился, качнулась огромная, в потолок, тень. – Так какого ызарга ты молчал?!

– А такого! – огрызнулся Жермон. – Я хотел сначала доказать... Отцу, матери, братьям... После первого ордена я попросил бы отпуск и потребовал бы ответа, но отец умер раньше. О его смерти я узнал от фок Варзов. Через полгода. Мать мне так и не написала, мне никто не написал, а Торка меня и грязным съела.

– Торка нелюбопытна, – подтвердил Ноймаринен, возвращаясь к столу.

– Отец был болен, – зачем-то пробормотал Жермон, водя пальцем по резному дубу. Почему он не помчался в Гайярэ, не бросился за советом к тому же Арно? Оскорбился? Испугался? Растерялся? Или все сразу? Теперь уже и не вспомнить. Загнанная в дальний угол боль – вот и все, что осталось в памяти от далекой, злой весны. Это было весной, и день был солнечный, до отворачивания, до рези в глазах.

– Допей, – регент кивнул на свою кружку, – я не хочу.

Допить за кем-то – узнать чужие мысли. Бергеры привезли это поверье в Золотые земли вместе с кораблем на флаге и ненавистью к гаунау и дриksam. Если бергер отдает свое вино, значит, верит собеседнику до конца, а Ноймаринен наполовину бергеры.

– Что думаешь о Бруно? – неторопливо осведомился регент, почесывая за ухом незнамо как оказавшуюся у него на коленях Метхен. Прошлого осталось прошлым, а настоящим была война.

– Когда «гуси» поймут, что у нас творится, они обнаглеют, – предположил Жермон. – Шутка ли, такая возможность. Двадцать лет ждали.

– Своего они не упустят, – согласился Рудольф, – но когда и как? Попрут вперед сразу или подождут, пока мы бросимся на Ракана?

– А мы бросимся? – Ариго залпом прикончил остывшее вино.

– Оставлять столицу в руках мятежников неприлично. – Свечи плавилась в серых человеческих глазах, заливая их звериным золотом. – С другой стороны, Манрики позаботились о том, чтоб в Олларии приличных людей не осталось, а приличные люди загодя вывезли семьи. По крайней мере, я на это надеюсь. На письменном столе касера и стопки, принеси.

Фляга была бергерской, и касера тоже. Жермон откинул крышку, запахло дымом и

можжевеликом, Ариго любил этот запах, он не напоминал ни о чем, кроме Торки. Торка жила войной, Оллария – миром, но сейчас все смешалось.

– Мы не должны оголять границу и не должны отвлекать Алву от Бордона и Гайифы, но Лионель... – начал было Жермон и осекся.

– Вот именно, – подтвердил Рудольф, принимая касеру. – Если Савиньяк уйдет, гаунау пожалуют в Кадану и внакладе не останутся. Мы потеряем Северный Надор вместо Северной Придды, и потеряем надолго.

– Значит, Ракана должен быть Дьегаррон. Если только не зашевелились «павлины».

– Вот слова умного человека, у которого в столице никого нет, – регент усмехнулся, кошка перевернулась на спину, игриво дернув лапкой. – Ничего, отгоним кабанов, дойдут руки и до залезших в капусту зайцев, а пока пусть жрут, не до них!

Рудольф Ноймаринен замолчал. Он уже все решил, и отменить это решение мог только герцог Алва. Если б захотел. Или Фердинанд, если б вернулся и посмел сказать «нет».

Том первый. Из глубин

О человек, кто бы ты ни был и откуда бы ни явился, – ибо я знаю, что ты придешь, – я Кир, создавший персидскую державу. Не лишай же меня той горстки земли, которая покрывает мое тело.

Надпись на гробнице Кира в Персиде⁵

Чистая правда со временем восторжествует...

В. Высоцкий

Часть первая «L'IMPERATRICE»⁶

Достойно вести себя, когда судьба благоприятствует, труднее, чем когда она враждебна

Франсуа де Ларошфуко

Глава 1 Оллария 399 года К.С. 11-й день Осенних Волн

1

Первый маршал Талигойи не обязан самолично чистить лошадей, но что делать, если никого не хочешь видеть, а каждый день превращается в пляску то ли среди тухлых яиц, то

⁵ «Когда Александр узнал, что могила Кира разграблена, он велел казнить Поламаха, совершившего это преступление, хотя это был один из знатнейших граждан Пеллы. Прочтя же надгробную надпись, Александр приказал начертать ее также и по-гречески». *Плутарх*. Избранные жизнеописания.

⁶ «Императрица» – высший аркан Таро. Символизирует соединение внешнего и внутреннего могущества, уравновешенного разумом, указывает на то, что некий процесс близок к завершению, можно надеяться на успех, все происходит естественно, без напряжения. Может говорить о предстоящем рождении ребенка, а также указывать на деспотичную особу женского пола, у которой отсутствует способность критически оценивать свои действия. Перевернутая карта (ПК) указывает на бесполезный труд, безрадостность, упадок творческих сил, домашние хлопоты, материальные затруднения, часто мщенье, семейные неурядицы, служебные трудности.

ли среди ядовитых змей? Тут сбежишь не только на конюшню, но и на кладбище. Покойники ни о чем не просят и ничего не требуют, а выходцы... Живые бывают отвратнее. И опасней.

– Ну что? – тоскливо спросил герцог Эпинэ своего жеребца. – Что скажешь?

Дракко ответил коротким фырканием и чувствительным тычком в плечо. Робер решил, что в переводе с лошадиного сие означает: «Хватит умереть, пора отрезать».

– Уверен? – рука герцога скользнула по огненной гриве, такой же, как у иноходца из то ли снов, то ли видений. Дракко еще разок фыркнул и ухватил хозяина за ухо. Не больно, а в шутку. В отличие от Робера полумориск был в отменном настроении и желал одного – пробежаться.

– Успеешь, – заверил Эпинэ расшалившегося друга, – мы с тобой еще погуляем, а сейчас мне нужно еще кое к кому...

«Кое-кто» прижал уши, но войти позволил. Моро смирился с присутствием Робера, но больше не подпускал к своей особе никого. Даже тех, кого знал по прошлой жизни. Королевские конюхи, воспринявшие перемены с философским спокойствием, обходили черного змея по стеночке. В их присутствии мориск не желал ни есть, ни пить, смотрел зверем и норовил врезать любому, до кого удастся дотянуться.

Конечно, управа бывает и на таких: жажда сломит любую лошадь, но Эпинэ наорал на умника, предложившего оставить строптивца без воды. Робер не мог предать Моро, ведь он был тенью клятвы, о которой знали только Повелитель Молний и Повелитель Ветров. По крайней мере, Роберу хотелось думать, что Алва знает. И Первый маршал Талигойи самолично таскал ведра и мешки, возился со скребницей и проминал осиротевшего жеребца, несмотря на ревность Дракко и скрытые ухмылки конюхов, вбивших в свои дурные головы, что Эпинэ приспичило прокатиться на чужой лошади.

– Здравствуй, – маршал Талигойи медленно протянул руку к черной шее. Моро не отшатнулся, но и не потянулся вперед, а остался стоять, как стоял. Жили только глаза, да вбирали знакомый, но все равно чужой запах влажные ноздри. Гематитовая статуя из мертвого города, которая вдруг почти ожила.

– Есть будешь? – спросил герцог, он всегда спрашивал, хотя Моро никогда ничего не брал из рук. Не взял и сейчас. Эпинэ выждал пару минут – пусть в очередной раз привыкнет к неизбежности – и, взявшись за недоуздок, велел конюхам приниматься за уборку. Моро коротко и зло всхрапнул, превратившись на мгновение в живую лошадь.

Робер с радостью бы забрал Моро в родовой особняк, но жизнь Первого маршала Талигойи протекала где угодно, но не в построенном Рене Эпинэ доме на улице Синей Шпаги. Оставить вороного там означало обречь его на заточение в деннике, от чего даже лучшая лошадь за месяц выйдет из порядка⁷. Робер выбрал меньшее из зол и привел мориска в дворцовые конюшни. Альдо это не нравилось, коню тоже.

– Монсеньор, осторожней!

Никола... Разыскал-таки. От настырного коротышки уйти не проще, чем от судьбы.

– Успокойтесь, Карваль, – Эпинэ скосил глаз на вновь окаменевшего мориска, – смерть от лошадиных копыт мне не грозит.

– Так то от лошадиных, – скривился южанин, – а этот зверь похлеще Чужого будет.

– Ничего он мне не сделает, – отрезал Робер. – Что случилось? Ведь просил же...

– Вас хотят видеть.

Раз «хотят», значит, речь о Его Величестве Альдо Первом Ракане. Никола, хоть и прыгнул из капитанов Талига в генералы Талигойи, благодетеля не возлюбил, избегая называть того по имени, не говоря уж о титулах. А Робер так же упрямо называл, тем более что считать Альдо другом мог уже с трудом. Когда-то это выходило само собой, но чем дальше, тем больше походило на вранье.

⁷ Вышла из порядка (спец. термин) – лошадь стала вялой, потеряла аппетит, неохотно движется во время тренинга, снизила упитанность, стала хромать и т. д.

Робер угрюмо глянул на суетившихся конюхов, и те, не дожидаясь окрика, замахали вилами еще чаще. Пять минут сюзерен подождет, не стоять же Моро целый день среди навоза. Эпинэ поймал довольный взгляд Карваля – радуется, что его «Монсеньор» не мчится к королю, задравши хвост. Любопытно, что б выбрал Никола, окажись он между Альдо и Алвой?

Повелитель Молний вздохнул, предвкушая очередной неприятный разговор. Конюхи уйдут, и верный вассал в сотый раз спросит, когда они вернутся в Эпинэ, а сюзерен в сто первый ответит, что не сейчас, и спрячется за присягу, хотя дело в другом. Нельзя бросать Олларию на милость обалдевшего от победы вертопраха и падальщиков, которых становится все больше.

Глухо звякнули вилы. Конюхи закончили работу, и Робер кивнул – уходите. Здоровенные дядьки бочком скользнули за дверь, казалось, они боятся не столько Моро, сколько чего-то, чего сами не понимают. Иноходец тоже многого не понимал и еще большего боялся. Боялись многие – заливающие страх вином солдаты, ошалевшие от ужаса горожане, шарахающиеся от людей псы. Боялись и ждали то ли зимы, то ли беды, то ли того и другого.

– Никола, – окликнул Робер, – принесите воды. Я его держу.

Карваль без лишних слов приволок четыре ведра, вылил в каменную колоду и поспешно отступил. Робер выпустил недоуздок, Моро передернул ушами, но к воде не потянулся. Не хотел, чтобы видели его пьющим, сдавшимся, предавшим. Людям бы такую гордость и такую верность! Эпинэ едва сдержал желание потрепать лоснящуюся шею. Нет, Повелитель Молний не боялся, что конь его покалечит, просто это было чем-то, на что он не имел права. Все равно что лезть в постель к жене угодившего в беду друга. Может быть, потом, когда он расплатится с долгом, он и попробует приласкать Моро. С разрешения хозяина...

– Идемте, Никола. Что нового? Дожда нет?

– Нет... Курше повесил пятерых мародеров. На сей раз из полка Окделла. Бывшие люди Люра.

Пятерых поймали, а пять тысяч живут в свое удовольствие. Лэйе Астрапэ, ну как объяснить Альдо, что король в своей стране не завоеватель, а хозяин. Грабят те, кто не надеется удержаться, но сюзерен уверен, что пришел навсегда, и делает глупость за глупостью.

Конечно, можно махнуть на все и вся рукой и удрать. Мятеж, ибо как еще назвать то, что случилось, захлебнется в своей и чужой крови, но к этому времени они будут далеко. Из Эпинэ можно попробовать договориться с Савиньяками или хитрюгой Валмоном, а не выйдет – удрать в Алат...

– Никола, я должен вам сказать раз и навсегда, что не уйду из Оллари. По крайней мере, пока не прекратятся грабежи.

А прекратятся они, когда «победителей» вышвырнут из столицы к кошачьей матери...

– Монсеньор! – Карваль резко остановился – борец за великую Эпинэ не мог на ходу говорить о том, что его волновало. – Монсеньор, я бы счел бесчестным бросить жителей столицы на произвол судьбы. Кроме нас их защитить некому. Ублюдки-северяне горазды только грабить и предавать.

У Никола во всем виноваты «ублюдки-северяне», хотя среди северян мародеров как раз и нет. Или почти нет. Уроженцы Придды, Ноймаринен, Бергмарк, Надора испокон веку шли в северные армии, а в принявшей сторону Альдо Резервной большинство составляли жители центральных графств, только для Никола все, что не юг, то север. Впрочем, для бергеров все, что не Торка, то юг...

– Карваль, – Робер взял генерала под руку, – я намерен просить у Его Величества особых полномочий для себя и место коменданта Оллари для вас.

Никола в ответ уставился на свои сапоги, и Робера осенило, что Карваль похож на молодого бычка, сильного, упорного и все равно смешного.

– Я готов, – маленький южанин, усугубляя сходство, с шумом выдохнул воздух, – но у вашего Ракана можно только требовать, иначе без толку.

Требовать тем более без толку потому, что Альдо вообразил, будто ему принадлежит весь мир. Сюзерена разуверит разве что армия фок Варзов в предместьях Оллари, да и то не сразу, но виноват не Альдо, а тот, кто начал, то есть герцог Эпинэ. Можно криком кричать, что ты не хотел, не собирался, не думал, толку-то? Это Создатель видит намерения, люди живут по другому закону: сделал – отвечай. Или беги, если у тебя нет совести.

– Не нужно было забираться за кольцо Эрнани, – не удержался Никола, – пускай бы сами выкарабкивались. Только раз зашли, нужно держаться и думать, как быть дальше.

– Да, – эхом откликнулся Повелитель Молний, – нужно думать.

И не только думать, но и делать. Спасать город, горожан и тех солдат, которые просто выполняют приказы. И растерявшихся тоже надо спасать, и запутавшихся в чужих делах и делишках, а еще есть Багерлее и ворохи доносов и жалоб в новой канцелярии.

2

– Заходи, – Альдо Ракан приветливо улыбнулся, и Дик невольно улыбнулся в ответ, – как дела?

– Хорошо, – выпалил герцог Окделл, потому что все действительно было хорошо, даже погода. Утреннее солнце заливало королевский кабинет золотом, играя на старинном оружии и начищенных до блеска подсвечниках. Дворец словно бы радовался возвращению законного хозяина.

– Я тоже думаю, что неплохо, – кивнул сюзерен, – а будет еще лучше. Да ты садись, нечего над душой стоять. Ты мне вот что скажи – ты по-прежнему живешь у Рокслеев?

– Да, – Дик с готовностью уселся на вызолоченный стул. – Они наши соседи и вассалы... То есть были нашими вассалами.

– И будут, – твердо сказал Альдо. – Ричард, пока это тайна для всех или почти для всех, но не для тебя. Я верну старые порядки. Не кабитэлские – гальтарские. Золотые земли вновь станут единой империей. Не будет никаких гайиф, гаунау, фельпов, только Золотая Талигойя от моря до моря. Ну, Повелитель Скал, что скажешь?

Дик был бы и рад что-то сказать, но слова куда-то делись, остались лишь восторг и неистовое желание немедленно броситься в бой. Альдо слов на ветер не бросает. Он обещал привести их до конца года в Олларию – и привел! Теперь последний из Раканов обещает возродить Золотую империю – и сделает это, а Ричард Окделл встанет с ним рядом. Сюзерен усмехнулся.

– Вижу, согласен, ну и слава истинным богам! Глава Великого Дома должен жить в собственном дворце, а не в гостях у вассала, пусть и верного. Кто захватил дом Окделлов?

Дом Окделлов не захватывал никто. Когда расширяли Триумфальную улицу, корона выкупила и снесла мешавшие здания, среди которых был и особняк с вепрями на фронтоне. Это было при деде Ричарда герцоге Эдварде, закладывать новый дворец Повелитель Скал не стал, предпочтя увезти деньги в Надор. Отец пустил золото Алисы на нужды восстания, но его все равно не хватило.

– Ты не знаешь, что за тварь прибрала к рукам твой дом? – сюзерен казался удивленным. – Или кого-то покрываешь?

– Ваше Величество...

– Я, конечно, твой король, – сюзерен откинулся в кресле и закинул ногу на ногу, – но прежде всего я – твой друг. Пока мы вдвоем, зови меня Альдо, а то я, чего доброго, позабуду собственное имя. Так кто вас ограбил?

– Дед сам продал особняк, – объяснил Ричард, – и его снесли. Когда строили дорогу.

– Понятно, – протянул Альдо, – и теперь у потомка Алана Святого в столице нет собственного угла. Впрочем... Ты почти год жил во дворце Алвы, как он тебе? Нравится?

– Да, – начал Ричард, но договорить не успел.

– Он твой. Со всеми потрохами. – Сюзерен взял перо и что-то быстро набросал на плотном листе. – Вот тебе дарственная, только мой тебе совет – выгони слуг. От кэналлийцев можно ожидать любой подлости.

Альдо Ракан в очередной раз был прав, слуги Ворона – враги. Особенно Хуан со своими головорезами, хотя бывший работорговец наверняка удрал, бросив и дом, и господина. Наживающиеся на чужих страданиях всегда были и будут трусами, бьющими в спину.

– Что молчишь? – поднял бровь Альдо. – Язык проглотил?

– Благодарю, Ваше Вели... Извини, Альдо. Спасибо тебе. Я могу взять к себе сестру?

– Разумеется. – Король почему-то нахмурился, или ему показалось? Показалось... Из-за освещения: только что было солнце, а сейчас набежали облака.

– Айрис – фрейлина Ее Величества, – напомнил Ричард, – она была с королевой в Багерлее.

– Дикон, – рука Альдо легла на плечо Дика, – я понимаю, ты вырос в Талиге, но сейчас ты живешь в Талигойе. Не сомневаюсь, что Катарина Оллар – достойная женщина, но она не королева и никогда ею не была. Так же как ее жирный муженек никогда не был королем.

– Но... Да, конечно... Ты говорил, что олларрианство незаконно, значит, Катарина Ариго не жена Фердинанда Оллара.

– Не жена, – медленно произнес король, – и, вместе с тем, жена. В глазах других. Четыреста лет не выкинешь за дверь, как грязную тряпку, как бы этого ни хотелось. Понадобится года четыре, чтоб вымарать из памяти Олларов, и в десять раз больше, чтоб вернуть Талигойю к истинным богам. Я не могу встать и объявить, что с сегодняшнего дня олларрианские браки недействительны, ведь тогда во всей стране не найдется ни одного законнорожденного. Представляешь, какая поднимется неразбериха?

Дик представил и понял, но легче от этого не стало. Перед Создателем Катари свободна, но для людей она прикована к своему проклятому мужу, оставшемуся в живых из-за дурацкой выходки Ворона и глупости Робера.

– Катарину Ариго выдали замуж насильно!

– Не сомневаюсь, – кивнул Его Величество, поигрывая кинжалом, – ни одна девушка по своей воле за Оллара бы не вышла, но это не наше дело. Я жду нового кардинала. Если госпожа Оллар захочет развестись, эсператист ее разведет. Ты мне другое скажи, почему ты поселился с Рокслеями, а не с Робером? Поссорились?

Нет. И да. Потому что Иноходец изменился не в лучшую сторону, но Альдо и Робер друзья, а Ричард Окделл не наущник.

– Мы не ссорились, – твердо сказал юноша, – просто... Герцог Эпинэ очень занят. Он дома почти не бывает, и у него живут его южане.

– Неприятные люди, – скривил губу король, – лично я предпочитаю север. Он прямей, благородней, преданней... Робер никогда мне не изменит, но юг думает лишь о себе. Им нет дела до величия страны, справедливости, чести, лишь бы накормить овец и нажраться своего чеснока. Южане по духу не воины, а крестьяне и торговцы, даже дворянство.

Ричард промолчал, чтоб не показаться подлизой, но в глубине души не мог не согласиться. Пусть Альдо не был великим бойцом, но в людских душах он читал, как сам Дидерих, с первого взгляда понимая, кто чего стоит.

– Смотри, – Альдо отдернул занавеси, – снова солнце. Это наша с тобой судьба, Дикон. Свет, тень и снова свет... Ты согласен?

– Да, – твердо ответил Повелитель Скал.

– Вот этим ты от Робера и отличаешься, – взгляд сюзерена стал грустным. – Эпинэ не верит в хорошее, он идет за мной не побеждать, а умирать. Я его не виню, на беднягу и так свалилось слишком много: Ренквах, Дарама, смерть деда и матери... Иноходец не в состоянии понять, что мы победили, я уже отчаялся отучить его бояться.

Бояться? Ричард с непониманием уставился на Альдо. С Робером в последнее время было ужасно тяжело, но трусом он не был. Кто угодно, только не Эпинэ!

– Альдо... – Святой Алан, как же это объяснить? – Робер – смелый человек. Он ведь Повелитель Молний!

– А я и не говорю, что Иноходец – трус, – король невесело улыбнулся, – его беда не в том, что он боится умереть, а в том, что он боится жить. Эпинэ всю жизнь терял тех, кого любил: отца, братьев, друзей, деда, мать... И чем меньше у него остается близких, тем больше он боится. Не за себя, за уцелевших, то есть за нас с тобой, за Матильду, за своих вонючих южан... Его б воля, он запер бы нас всех в сундуке, а сам бы сел сверху. С пистолетом.

Если мне, избави Ушедшие, придется отступать, никто лучше Эпинэ не прикроет спину, но наступать он не умеет и вряд ли сумеет. Робер – мой арьергард, а мой авангард, Дикон – это ты. Ты, и никто другой, потому что Придды думают только о себе, а перебежчики тем более.

– Ваше Величество, – Ричард вскочил, едва не опрокинув стул, – я уже дал присягу, и я буду верен делу Раканов до смерти.

– Я знаю, – Альдо засмеялся и протянул юноше руку, – садись, мы не на Совете. А теперь, Ричард, мне придется тебя огорчить. Ты говорил мне о своей даме. Вы уже виделись?

– Нет, – вспыхнул Дик, – еще нет... Она нездорова, и я не знаю...

– Зато я знаю, – резко бросил Альдо. – Герцог Окделл не может жениться на куртизанке, неважно, замужем она или нет. Можешь думать, что хочешь, но подбирать объедки Валмонов и Савиньяков я тебе не дам.

На куртизанке?! Дик задохнулся от удивления, но потом сообразил: сюзерен говорит о Марианне. О встречах Повелителя Скал с Катари не знает никто, а баронесса и ее расфранченный супруг секретов из его визитов не делали. Что ж, тем лучше! Прежде чем рассказать сюзерену о них с Катари, нужно ее подготовить, объяснить, что от Альдо можно ничего не скрывать.

Хорошо, что Айри – фрейлина, она ему поможет, а в том, что брат добивается встречи с сестрой, нет ничего удивительного. Он и вправду будет рад встрече, герцог Окделл больше не нищий, он может дарить сестре коней, ожерелья, меха...

– Ну, – рука Альдо стиснула плечо Дика, – что замолчал? Злишься? Ничего, потом сам спасибо скажешь.

– Ваше Величество, – Ричард с трудом сдержал улыбку, – клянусь, я никогда не женюсь на Марианне Капуль-Гизайль.

– Ну и слава истинным богам. Но нанести красотке визит ты просто обязан, – Альдо от души стукнул Ричарда по спине, – она будет в восторге.

Дик невольно рассмеялся. Марианна будет рада, но он верен Катари и только Катари. Вот Альдо удивится, когда узнает правду! А может, не ждать встречи и сказать прямо сейчас? У Окделла нет и не может быть секретов от Ракана.

Дверь распахнулась, и на пороге появился гвардеец с белой перевязью.

– Ваше Величество, герцог Эпинэ. По вашему приказу.

3

Альдо был не один. У стола стоял Ричард Окделл, и вид у мальчишки был, мягко говоря, блаженный. Наверняка Альдо накормил сына Эгмонта очередными великими замыслами, а тот проглотил и не поморщился. Лэйе Астрапэ, вместо того чтоб думать, как выбраться из ловушки, сохранив голову на плечах, сюзерен ловит в пруду луну, а Дикон держит ведро.

– Я тебе нужен? – улыбнулся Робер, устраиваясь в свободном кресле. Раньше он не думал, как садиться и что говорить.

– Ты мне всегда нужен, – заверил король на час. – Ричард, отправляйся домой. Смотри, устраивайся хорошенько, мы к тебе в гости придем. Примешь?

– Альдо, – расцвел Дикон, – я...

– Идите, герцог, – махнул рукой Альдо, – и не забудьте взять с собой солдат, мало ли...

– Куда ты его? – любопытствовал Робер, разглядывая невыгоревшее пятно на обитой серо-голубым шелком стене. Альдо Ракан успешно избавился от портрета Франциска Оллара, великая победа, ничего не скажешь!

– Отдал ему особняк Алвы, – сообщил сюзерен, – заслужил.

– Алвы?! – Роберу в который раз за последние месяцы показалось, что он ослышался. – Ты с ума сошел?

– Ну что ты взъелся? – не понял сюзерен. – Хватит герцогу спать у графов!

– А ты подумал, каково жить в доме, где каждая тряпка напоминает о предательстве?

– Какое предательство? – не понял Его Величество Ракан. – Долг эориев – служить анаксам, и никому больше.

– А долг оруженосца – служить эру, – опять этот разговор глухого с глухим, сколько можно и, главное, зачем? – На этом стояло талигойское рыцарство. Если ты собрался возвращать старые порядки, не превращай преступление в подвиг.

– Ерунда, – отмахнулся Альдо, – я могу освободить своего вассала от любой клятвы.

– Можешь, – вздохнул Эпинэ, – но от совести не освободит даже сюзерен. Дикон по уши обязан Ворону.

– А ты? – перебил Альдо.

– Что я?

– Ричард по уши обязан герцогу Алва, а ты? Уж не должок ли ты возвращал, когда у тебя на глазах располосили беднягу Люра, а ты пальцем не пошевелил?

– Это правда, – медленно произнес Робер Эпинэ, – я обязан Алве жизнью, но тогда я об этом забыл.

– Забыл так забыл. В любом случае вы теперь квиты.

Ой ли? Алва выпустил Повелителя Молний из ловушки, в которую его заманили Лис и собственная глупость, а Ворона никто не ловил. Он пришел сам, вот только зачем?!

– Альдо, почему меня не пускают в Багерлее?

– Потому что тебе там нечего делать, – отрезал Альдо. – В Багерлее собралось не то общество, которое тебе нужно. После коронации решим, куда их девать.

– Ваше Величество, – зря он затеял этот разговор, ничего, кроме ссоры, из него не вырастет, – каковы будут ваши распоряжения?

– Успокойся, – хмыкнул Альдо, поправляя новое кольцо со Зверем, – на твой век войн хватит, а еще раз обзовешь наедине величеством – придушу.

– Войны пока ждут. – Не величество так не величество, и на том спасибо. – Нам бы бунта не допустить. Карваль делает, что может, но он всего лишь генерал. Один из многих. Если тебе нужно, чтоб в городе был порядок, назначь его комендантом.

– Ричард от твоих чесночников не в восторге, да и я тоже.

– А горожане не в восторге от твоих мародеров. Альдо, нужно что-то делать, пока нас окончательно не возненавидели.

– Ты нашел деньги? – осведомился Его Величество. – Тогда одолжи.

– Откуда? – пожал плечами Робер. – У меня золотых приисков нет.

– И у меня тоже, – сюзерен поднял какие-то бумаги, потряс ими в воздухе и бросил на стол. – Пока мы не можем платить, приходится брать.

– «Брать»? – переспросил Иноходец. – Ты называешь это «брать»?

– Назвать можно как угодно, – пожал плечами Альдо. – Мне нужны солдаты, а солдатам нужно платить. Если б не твое чистоплюйство, деньги бы у нас были, а так – терпи.

– Деньги бы были, а честь вряд ли. Если ты король, ты должен держать слово.

– Я и держу, – огрызнулся Альдо, – но ты никакого слова никому не давал. Тебе в руки попался убийца отца и братьев. Кто тебе мешал его прикончить? Я б тебя громко отругал, а тихо поздравил, зато мы бы избавились от Ворона. Навсегда... Ладно, что не сделано, то не сделано. Садись, пиши.

– Что писать?

– Рескрипт о назначении барона Айнсмеллера гражданским комендантом Кабитэлы, а твоего Карваля – военным. Под твою ответственность. Пусть гонят мародеров, но за каждого убитого солдата будут вешать четверых горожан. Найдут виновных – хорошо, не найдут, сгодятся первые попавшиеся. К коронации в Оллари, тьфу ты, в Кабитэле должно быть тихо.

Спорить бесполезно. Отказаться? Столицу отдадут на откуп Айнсмеллеру, которому самое место на эшафоте, только и всего. Герцог Эпинэ со присными останется чист, только вот убитым и ограбленным от этого легче не станет.

Первый маршал великой Талигойи пододвинул кресло к столу и взял золотистое дриксенское перо.

– Диктуй, я готов.

Глава 2 Ноймаринен 399 года К.С. 12-й день Осенних Волн

1

Из осенней мглы закатным мороком проступили шпили аббатства Святого Хорста. На излете Двухдцатилетней войны Михаэль Ноймаринен и Алонсо Алва не пожалели золота для усыпальницы погибших в начале бойни. Нашлось под сводами из серебристого кэналлийского мрамора место и Ги Ариго, если только похороненный с почестями изломанный скелет принадлежал повешенному после смерти генералу. Из заступившего дорогу дриksam отряда уцелело четырнадцать человек, до победы дожило двое – герцог Михаэль и получивший баронство капрал-южанин...

– Мой генерал, – голос был низкий и хриплый, – разрешите представиться. Полковник Ансел. Приказ регента.

Жермон оторвал взгляд от вызолоченных игл, сшивавших прошлое с настоящим, и обернулся. Полковник Ансел был немолод и спокоен, как и положено человеку, в полном порядке выведшему солдат из захваченного предательством города.

– Рад знакомству, – совершенно искренне произнес Ариго. – Чего хочет регент?

– Монсеньор поручил мне временно принять вверенный вам авангард, вам же в сопровождении тенъента Сэ надлежит незамедлительно отправиться в резиденцию маршала фок Варзов. Вот рескрипт.

– Что-то случилось? – Жермон развернул приказ, в котором, кроме печати и подписи, имелось лишь семь слов: «Сдай командование Анселу. Жду в Вальдзее. Срочно». Рудольф никогда не страдал бумажным многословием и никогда не торопил зря.

– Не имею достоверных сведений, но полагаю, что да, – отчеканил Ансел. Есть ли у него родичи или только друзья и сослуживцы? Ариго кивком попрощался с золотыми шпилями и лежащим под ними предком. Ансел ждал указаний, за спиной полковника блеснули черные глаза виконта Сэ. Закатные твари, половину Савиньяков звали Арно, а до старости дожил лишь пасынок Алонсо. Один за всех. Генерал подкрутил усы.

– Ансел, представляю вам полковника Карсфорна, он все объяснит. Гевин, я на вас надеюсь. Желаю удачи. Едемте, тенъент.

Гевин Карсфорн дотошен, как четыре бергера, а полковник Ансел не из тех, кто теряется, до Гельбе как-нибудь доберутся, а что дальше – сам Леворукий не знает, а знает, так не скажет. «Жду в Вальдзее...» Регент счел возможным отстать от армии и задержать командующего авангардом, а может, не только его. Дело плохо или, наоборот, хорошо?

– Арно!

– Мой генерал?

– Регент в Вальдзее?

– Я оставил его утром в Абентханде. – Арно умело развернул коня, пропуская здоровенную фуру. – Это три часа кентером до Вальдзее.

– Знаю, – еще бы ему не знать Северную Придду. – Фок Варзов в Гельбе?

– Насколько мне известно, в Хексберг, – улыбнулся Арно. – По крайней мере, герцог послал курьера именно туда.

Маршал покинул Гельбе. Это может значить лишь одно: дриксы решили начать с оставшейся без флота крепости. Удачный момент, ничего не скажешь. Взяв Хексберг, Его Величество Готфрид положит в карман всю Приморскую Придду, а Западная армия окажется в мешке. Весело!

Граф и виконт конь о коня ехали вдоль марширующих мушкетеров и артиллерийских запряжек. Скрипели колеса, фыркали кони, переговаривались и напевали возчики. Рудольф перебрасывал из Ноймара в Придду то, что называлось личными резервами Проэмперадора Севера, а на деле было пусть небольшой, но отменной армией, которую содержали герцоги Ноймаринен. Теперь Людвиг может рассчитывать лишь на бергеров, а что, если «гуси» рискнут и там? Принц Фридрих упрям и завистлив: куда Ворон с когтями, туда и «гуси» с перепонками.

Хексберг, Гельбе, Агмарен... Агмарен, Гельбе, Хексберг... Хочешь не хочешь, силы дробить придется, а резервов теперь не дождешься. И пушек новых не дождешься, и фуража...

– Мой генерал, поворот на Вальдзее!

– Вы здесь впервые, виконт?

– Да, сударь!

Двадцать лет назад все было наоборот. Почти наоборот. Генерал Савиньяк и потерявший имя и отца тенъент. Арно-младшего еще не было на свете, Арно-старший сказал «забудь и войей». И Жермон Ариго воюет до сих пор.

– Красивое место, – генерал привстал в стремени, приветствуя гранитную стелу с неуместной среди лесистых холмов касаткой, – и замок красивый. На юге строят иначе. Вы давно были в Сэ?

– Перед Лаик, – Арно улыбнулся немного виновато. – Мне Давенпорт на Зимний Излом обещал отпуск, но теперь отпусков нет. Вы знаете, что Сэ сожгли?

Розовое от заката озеро, золотистые башенки, флюгера в виде оленей и розы, множество роз. Арлетта Савиньяк обожала цветы и сыновей...

– Что с матерью? – Жена Арно любила Сэ больше остальных замков. – Она была там?

– Матушка в безопасности. Она уехала в Савиньяк, успела. Так говорит барон Райнштайнер.

– Если Райнштайнер что-то говорит, – подтвердил Жермон, – так оно и есть.

– Мой генерал, спасибо...

Дорога на Вальдзее казалась безлюдной. До первого поворота, за которым обнаружили мушкетеры с бирюзовыми обшлагами. Бергеры, отпущенные маркграфом в распоряжение тестя. Под увенчанной роскошными перьями шляпой мелькнуло знакомое лицо. Катершванц, но который? Жермон натянул повод и поднял руку, приветствуя огромного полковника.

– Добрый день, сударь. Я просто обязан передать вам привет из Агмарена. От родича.

– Я очень благодарный, – беловолосый гигант расплылся в улыбке, которая сошла б за волчью, не будь ее обладатель размером с медведя. – В горах есть холодно или имеет быть жарко?

– Когда я уезжал, гуси махали крыльями, но не взлетали, – хорошо, что на белом свете существуют Катершванцы, их присутствие успокаивает, – но я вынужден уточнить, с кем из сыновей барона Зигмунда я беседую.

– Я есть Эрх, – с готовностью признался огромный полковник, – я и находящийся в Гельбе Дитрих есть средние близнецы. Мы меньше Эрхарда и известного вам Герхарда, и мы еще не есть два генерала, а только полковник и еще один полковник. Мы похожи, да. Когда

мы с Дитрихом в одном месте, я надеваю на шею малиновый платок, а брат-близнец – белый. И все становится совсем просто.

– О, да, очень просто. – Разговор с горцами требует обстоятельности, и Ариго совершенно искренне добавил: – Я рад, что рядом со мной будет сражаться Катершванц из Катерхаус.

– Я тоже есть весьма горд, – не моргнув глазом заверил брат Герхарда, – рядом с нами есть также двое мои юные племянники. Я буду рад представлять их другу моего старшего брата.

– Буду очень рад. – Чем больше бергеров, тем лучше, а еще лучше было бы, заявись в Придду сам Зигмунд со всем потомством и потомством потомства. Увы, глава фамилии отпускал в Талиг только младших, а старшие сидели на перевалах. – Эрих, вы давно здесь?

– С конца ночи, которая закончилась, – сообщил полковник. – Мы есть личный эскорт герцога Ноймаринен, который находится в резиденции графа фок Варзов, который сейчас есть отсутствующий и исполняющий свои обязанности в Хексберг, которая имеет подвергнуться нападению большого количества «гусиных» кораблей с моря и «гусиных» человек со стороны суши.

Говори Катершванц по-бергерски, он бы уложился в четыре слова. Другое дело, что каждое состояло бы из шестнадцати талигойских. Когда-то Жермон Ариго едва не упал в обморок, услышав в ответ на свое приветствие словечко длиной в Рассанну, теперь привык.

– Йоган и Норберт были со мной в Лаик, – сообщил Арно Сэ, когда они отъехали. – Мой генерал, дриксы не должны взять Хексберг!

– Значит, не возьмут, – отрезал Жермон. – Хексберг никто еще не брал, на то он и Хексберг.

Агмарен тоже никто не брал, но все когда-то бывает впервые. Взяли же Барсовы Врата, а Олларию не повезло дважды, правда, первый раз она была Кабитэлой.

– Мой генерал, – Арно доказал, что умеет молчать и держать субординацию, и теперь был не прочь поговорить, – вы не думаете, что Дриксен или Гаунау усилят натиск на перевалы?

Иными словами, не прорвутся ли «гуся» в Ноймаринен, раз оттуда ушли войска. Его отец так бы и спросил, но нынешний Арно не только Савиньяк, но и Рафиано. Сразу и дипломат, и военный... Такой и с закатной тварью справится. Не клинком, так языком!

Жермон поймал выжидающий, серьезный взгляд. Виконт Сэ хотел знать все и наверняка. Граф Ариго тоже бы не отказался, но ясновидящие водятся только в сказках.

– Ноймаринен, Агмарен и Бергмарк держатся много лет. – Это очевидно, но иногда об очевидном следует напоминать и другим и себе. – Правда, принц Фридрих не прочь покрыть себя славой, но зима защитит перевалы лучше любой армии, а к весне Альберт наберет несколько новых полков, да и бергеры поднимут тысяч десять-пятнадцать. Торка отобьется, это в Придде может по-всякому повернуться.

– Да, – кивнул Арно, – раньше у фок Варзов было не тридцать четыре тысячи, а все пятьдесят.

Внук Рафиано не сказал, что мысль усилить Надор и экспедиционную армию за счет Западной оказалась не лучшей, вопрос был написан у теньента на носу, и Жермон ответил:

– Это казалось разумным. Твоим братьям нужны были обстрелянные полки, а не набранный в окрестностях Олларию сброд. Талигу повезло, что Лионель успел разбить Кадану и перекрыть восточные проходы из Гаунау. Другое дело, что резервы из Олларию нам больше не светят, но Двадцатилетняя война началась еще хуже.

– На границах хуже, – тряхнул головой родич и тезка Арно Каделского, – но не в столице.

– В Олларию тоже бывало по-разному, – усмехнулся Жермон. – Алонсо королевского брата не просто так расстрелял, но ты прав, Излом нам еще тот достался. Ничего, выпутаемся.

– Конечно! – расцвел виконт Сэ. Он был умницей, потомком маршалов и экстерриоров,

но ему не было и двадцати.

2

На Гербовой башне реял регентский штандарт, а рядом торчал пустой флагшток, знаменуя отсутствие хозяина. Когда Вольфганг фок Варзов был в Вальдзее последний раз? Скорее всего, весной, в годовщину смерти жены. Принес в склеп незабудки и кленовые ветви, подождал, пока сгорят четыре свечи, и вернулся к армии. Другой семьи у маршала не осталось, да она ему и не нужна.

– Вас ждут. – Бравый – еще бы, Рудольф других не держал – капрал принял лошадей. Сэ откозырял Жермону и смешался с молодыми офицерами. К ногам графа Ариго упал бурый дубовый лист: Вальдзее славилась дубравами, это в Гайярэ росли каштаны.

– Мой генерал, сюда. – Дежурный порученец, задыхаясь от чувства долга, провел генерала в кабинет фок Варзов. Жермон мог ходить по резиденции фок Варзов с закрытыми глазами, но зачем огорчать мальчишку?

Знакомая дверь с взметнувшейся на гребне волны касаткой, мягкий свет камина, запах яблок. В Вальдзее всегда пахнет яблоками, даже зимой.

– Заходи. – Рудольф Ноймаринен в черно-белом мундире стоял у окна, за столом сидели еще двое. С графом Гогенлоэ-цур-Адлербергом Жермон был знаком, второй, темноглазый толстяк в годах, слишком походил на Арлетту Савиньяк, чтобы быть кем-нибудь, кроме ее брата-экстерриора.

– Садись, – регент махнул рукой и пошел от окна к камину. – Гектор, это генерал Ариго. Жермон, перед тобой экстерриор Рафиано. Он, впрочем, настаивает на слове «бывший», но мы с ним не согласны.

Жермон пожал плечами – дескать, регенту видней, и сел напротив Гогенлоэ. Герцог дошел до камина, обернулся, усталый взгляд не предвещал ничего хорошего, но кому?

– Альмейда возвращается! – сообщил регент рогатому подсвечнику. – И Вейзель с ним. Алва завернул эскадру и отослал Курта к нам.

– Ворон прав, – с чувством произнес бывший геренций. – Хоть что-то хорошее.

«Что-то» – мягко сказано. «Гуси» полагают Хексберг не то чтобы беззащитным, но уязвимым. То, что Талиг может не только кусаться на юге, но и брыкаться на севере, их не обрадует. Закатные твари, если б не заваруха в Оллари, кесарии пришлось бы весело, но Рудольф начинает с приятного, только когда дело плохо.

– Ну вот, – раздвинул губы регент, – я вас и порадовал, а теперь к делу. Да будет вам известно, что Бруно вышел к границе и армия у него хорошая. Я бы даже сказал, слишком.

К тем тридцати тысячам, что у него были, добавлено шесть кавалерийских полков и не менее пяти вновь набранных полков пехоты. Набирали их из приддских и марагонских ветеранов, по сути – просто собрали тех, кого распустили после гельбского провала, и, говорят, набирают еще. Вдвое увеличили артиллерию. Когда фельдмаршал перейдет границу, у него будет не меньше пятидесяти тысяч.

– Простите мне мою неосведомленность, – шевельнул холеными пальцами Рафиано, – но какими силами располагаете вы?

– Мы, – поправил Гогенлоэ. – Надеюсь, вы не собираетесь вернуться на родину и вспомнить, что Рафиано когда-то было суверенным герцогством?

– Я этого не забывал, – улыбнулся экстерриор. – Кстати, вы не знаете притчу о некоей девице, которая предпочла вручить свою невинность и сундуки соседу с большим мечом, полагая, что в противном случае у нее не останется ни сундуков, ни невинности?

– Девица была мудра, – заметил регент, – обменять свою слабость на чужой меч не каждый может. Что до мечей, то в Гельбе тридцать тысяч, а обороняться легче, чем наступать, благо Придда изобилует водными преградами и крепостями.

– Вы упомянули Альмейду, но не маркграфа, – заметил Рафиано сварливым голосом, – значит, пятьдесят тысяч «гусей» в Придде – еще не все.

– Вы правы, – регент взял кочергу и пошевелил угли, – я буду не я, если «гуси» забудут про перевалы, так что бергерам дело найдется. Тем не менее Вольфганг отдал нам агмаренских стрелков, а старик Катершванц пожертвовал Талигу половину своих родственников.

Пятьдесят тысяч против тридцати в обороне под зиму, не так уж и страшно. Если только за спиной все в порядке.

– Как обстоят дела с припасами, – полюбопытствовал экстерриор, – и с дорогами? Рафиано готово кое-чем поделиться, но это кое-что должно достаться фок Варзов, а не мятежникам.

– Альмейда займется морем, – Рудольф с видимым трудом разогнулся. – Дорога на Кэналлоа тоже свободна, но мы не должны тянуть соки из юга.

– Что ж, – медленно произнес экстерриор, – будем ждать Альмейду и думать, кто обглодал фламинго. Поверьте небывшему экстерриору, «гуси» и «павлины» были поражены не меньше нас.

Рудольф вопросительно поднял бровь, но ответить не успел. На пороге возник Ойген Райнштайнер собственной персоной. Бергер сдержанно поклонился, он был таким же, как всегда. Бледным, невозмутимым и деловитым.

– Господин регент, господа, королевский кортеж прибыл.

– Хорошо. – Рудольф Ноймаринен тронул регентскую цепь и прошествовал к окну. – Господин Манрик не удивился вашему появлению?

– Граф Манрик не счел возможным уведомить меня о своих чувствах, – объявил барон, и Жермон едва не расхохотался. Воистину в этом мире есть кое-что надежней гор и серьезней Книги Ожидания.

3

– Господа, – усмехнулся регент Талига, – ставлю вас в известность, что в шестой день Осенних Волн полковник Райнштайнер встретил кортеж бывшего кансильера и бывшего же обер-прокурора. Господа, предусмотрительно прихватив казну, кардинала и наших с Жермоном племянников, направлялись через Придду в Ардору. Барон убедил их свернуть в Вальдзее.

– Жаль, барон предъявил свои доводы в Придде, а не в Олларии, – свел брови Рафиано. – Господа, вы не представляете, как нам его не хватало.

– Я получал ваши письма, граф, – Ноймаринен задержался у стола, поглаживая шрам на левом запястье, – но гонцы и армии не летают. Остается утешаться тем, что у Бруно крыльев тоже не имеется.

– Простите, – наклонил голову дипломат, – я забылся. Мне и впрямь пора в отставку.

Отчего ж сразу в отставку? Экстерриоры тоже люди, они злятся, ненавидят, негодуют, сожалеют точно так же, как регенты и генералы. Что сделает Рудольф с зарвавшимися дураками? Повесит, расстреляет, где-нибудь запрет? Жермон бы расстрелял. Перед строем.

– Ваше Высокопреосвященство, прошу вас, – Ойген Райнштайнер распахнул дверь, и в кабинет Михаэля вошли четверо, вернее, трое и один. Русский олларианец испуганно оглядывался на лысоватого господина в розовом и зеленом, памятного Жермону еще по Олларии. Леопольд Манрик был на два года старше Рудольфа, но ровесниками они не казались никогда. Двадцать лет назад Первый маршал Талига выглядел моложе старообразного тессория лет на пятнадцать, теперь Рудольф изрядно сдал, а Манрик остался прежним – рыжим, наглым и настороженным, как кот в поварне.

Спутников Леопольда граф Ариго в лицо не знал, но холеный красавец с герцогской цепью мог быть только Колиндьяром, а суетливый клирик – новым кардиналом. Третий, худой и светловолосый, с лошадиной физиономией и легонькой шпагой, не попадался Жермону ни в Олларии, ни в Торке.

– Ваше Преосвященство утомлены, – герцог Ноймаринен еще медленней, чем обычно,

пересек комнату и наклонился к руке кардинала, не замечая остальных. В торских сказках горные хозяева взглядом превращали смертных в камень, Рудольф пошел дальше: он превращал собеседников в пустое место.

Кардинал вздрогнул и затравленно оглянулся на поджавшего губы Манрика. Колиньяр устоял на бронзовый кэналлийский подсвечник, лошадинолицый поднял бровь и едва заметно улыбнулся. Молодец, хоть и не военный.

– Увы, здешние дороги по силам лишь бывалым путешественникам, – с нажимом произнес регент, глядя в растерянное, незначительное лицо.

– Да, – начал кардинал и запнулся, – да, сын мой.

– Дела мирские не стоят вашего внимания. – «Сын» старше духовного отца лет на двадцать и выше на голову, но дело не в росте и не в возрасте. Кардинал не духовный владыка, а кукла, кто ухватил, тот и играет.

– Благодарю вас, Монсеньор – бормочет черный болванчик новому хозяину, – будьте терпеливы, ожидая Его, и будете спасены.

И это преемник Сильвестра?! Худой, остролицый, с мелкими ненужными движениями?

– Чту слово Его, ожидаю возвращения Его и уповаю на прощение Его. – Благочестивые слова в устах Рудольфа напоминали речения, выбитые на пушечном стволе. Может, Создатель и вернется, может, даже простит незлобствующим, но герцог Ноймаринен себе не простит, если пустит «гусей» в Марагону. И фок Варзов не простит, и Жермон Ариго, и малыш Арно...

– Да возрадуются благочестивые души Возвращению Его в землях ли Талигойских, в Садах ли Рассветных.

Его Высокопреосвященство переминался с ноги на ногу, Манрик вскидывал голову, как бракованный жеребец, Ойген Райнштайнер смотрел на всех и ни на кого.

– Я прошу Ваше Высокопреосвященство о беседе наедине и о благословении, – мягко произнес регент. Бергер с невозмутимым видом распахнул двери, и кардинал, придерживая полы запыленного черного одеяния, исчез за порогом вместе с герцогом.

4

– Прошу садиться, – вежливо произнес Ойген, становясь рядом с Манриком. То ли без задней мысли, то ли наоборот.

Бывший канцильер шумно втянул воздух, но опустился в кресло рядом с Рафиано, Колиньяр устроился напротив, а слева от Жермона оказался обладатель лошадиной физиономии.

– Разрешите представиться, – физиономия изысканно качнулась, – граф Креденьи, в недавнем кратком и неудачном прошлом – тессорий.

Креденьи... их земли лежат в Приморской Эпинэ, а встретиться выпало в Торке.

– Генерал Ариго, – представился Жермон и в приступе вежливости добавил: – Я слышал о вас. Вы ведь были интендантом Северной армии?

– Давно, – вздохнул сосед, – но я всегда вспоминал Придду с любовью и мечтал вернуться. Увы, я не мог предположить, что это произойдет при столь плачевных обстоятельствах.

– «Наши желания суть листья гонимые», – покачал головой Рафиано. – Господа, вы не находите, что в этом году удивительно теплая осень?

– О да, – согласился с дипломатом Колиньяр. Манрик промолчал. Ойген перешел к камину, достал из стоявшей на треножнике корзины еловую шишку, бросил в огонь. Взлетели рыжие искры, и, словно в ответ, замерцала одна из свечей.

Жермон потянулся за щипцами для нагара, но Гектор Рафиано его опередил. Пламя выправилось. Оно было золотым, а небо за окнами – багровым. Завтра будет ветер, сильный и холодный, он принесет в Придду запоздавшую зиму, но не снег.

– Судя по всему, дорога из Оллари в Придду безопасней, чем в Ургот и Эпинэ? – Граф

Гогенлоэ поправил массивный обручальный браслет. На ком был женат геренций, Жермон не помнил.

– На что вы намекаете? – А голос у Манрика тихий и скрипучий, одно слово – тессорий. Тессорием бы и оставался.

– Время намеков кончилось, – зачем-то произнес Жермон, глядя в полыхающее зарево. Окна на закат – радость Леворукому, но в Торке закатов не боятся. Как и ветра, и выстрелов. В Торке боятся тишины.

– Сейчас не время для ссор, – весомо произнес Колинъяр, – нужно спасать Талиг.

– Верно, – подтвердил Жермон Ариго, – но прежде следует уяснить, как Резервная армия и часть гарнизонов перешли на сторону молодого человека, у которого нет ничего, кроме забытого имени.

– Измена, – буркнул Манрик. – Заговор был раскрыт, но слишком поздно.

– Нелепо объяснять предательство изменой, а измену – предательством, – приподнял губу Гогенлоэ. – Тем более, изменили те, кому вы покровительствовали. Как это понимать?

– Граф, – лицо Манрика пылало не хуже неба за стеклами, но голоса он не повысил, – я не намерен ни перед кем отчитываться.

– В таком случае вам следовало бежать в другом направлении, – любезно сообщил геренций. – Впрочем, куда б вы ни приехали, вас спросят об одном и том же и за одно и то же. Бросив Их Величества, вы совершили государственную измену.

– Фердинанд исчез, – быстро сказал Колинъяр. – Мы не сочли возможным подвергать опасности жизнь наследника короны, принцесс и Его Высокопреосвященства.

– А также свои собственные, – кивнул Ариго, понимая, что на него накатило, – но у меня нет уверенности, что сейчас вы в большей безопасности, нежели в Оллarii.

– Это угроза? – хмуро осведомился беглый обер-прокурор.

– Никоим образом, – Жермон улыбнулся отцу Леонарда. – У нас на носу война. Пока с Дриксен, но Гаунау вряд ли заставит себя ждать. Вы изволили удрать от мятежников и изменников, которых вряд ли больше двадцати тысяч, а «гусей» по наши души слетелось, самое малое, тысяч пятьдесят.

– Мне неприятен ваш тон, – угрюмо сказал Манрик, – но вы правы в одном. Сейчас не до личных счетов. Мы отвечаем за Талиг.

– Нет, сударь, – возразил Гогенлоэ, – вы за Талиг никоим образом не отвечаете. Такова воля Его Величества.

– Чем вы можете подтвердить ваши слова? – Теперь у рыжего кансильера побагровели и уши и шея. – Если Его Величество здесь, я требую аудиенции.

– Мы требуем, – уточнил Колинъяр.

– Его Величества здесь нет, – сообщил Рафиано, – к несчастью. Но его распоряжения относительно вас известны.

– Мы, – отчеканил Гогенлоэ-цур-Адлерберг, – вместе с графом Гектором Рафиано присутствовали на Совете Меча, созванном Его Величеством Фердинандом после бегства кансильера и, не побоюсь этого слова, его сообщников. Его Величество лишил должностей всех, отбывших из Оллarii без его разрешения.

– От себя замечу, – подал голос от камина Райнштайнер, – что причиной постигших Талиг бед стали действия бывшего кансильера Манрика и бывшего обер-прокурора Колинъяра, среди всего прочего способствовавших назначению Симона Люра и маркиза Сабве, что и стало причиной поражения в Эпинэ.

– Люра казался хорошим генералом, – с усилием произнес Манрик, – он не давал никаких поводов усомниться в его верности.

– Видимо, вода для этого рыбака была недостаточно мутной, – пожал плечами Гогенлоэ, – но времена изменились, и «хороший генерал» стал плохим.

– Я ошибся в Люра, – Манрик сцепил и расцепил руки, – и готов это признать. Рано или поздно предатель получит по заслугам, как получил Поль Пеллот. Увы, не ошибается только Создатель. Я делал то, что считал своим долгом...

– Долгом? – скривился геренций. – Леопольд, вы, часом, не сменили имя на Алва или фок Варзов? Нет, долг здесь ни при чем. Вы не желали зла Талигу, это так, вы искали добра для себя. Зла ради зла редко кто добивается, оно вырастает само собой. Из желаний, превышающих и права, и возможности.

– Вы не Создатель и не король, чтоб судить, – окрысился Колиньяр. – К тому же прошу не равнять моего брата с негодяем, которого навязал Его Величеству бывший кансильер.

– Господин Рафиано, – светским тоном осведомился Креденьи, – вам, часом, не пришла на ум какая-нибудь притча?

– Рассказывают, – кивнул экстерриор, – что жили у пастуха рыжий пес и бурый козел. Пес отгонял волков, козел исправно крыл коз и водил за собой овец и баранов. И все шло хорошо, но пастух был немолод. Пес и козел сетовали, что хозяин по старости своей не гонит стадо на новый луг, но перечить открыто не смели. Потом пастух умер, а пес и козел решили, что без труда справятся со стадом, и погнали овец туда, где трава была всего зеленей. Увы, луг оказался трясинной, и овцы стали тонуть. Тогда пес и козел бросили стадо на произвол судьбы и сбежали в лес...

– Мне не нравится ваша притча, граф, – прорычал обер-прокурор, привставая и кладя руку на эфес. – Тем более что вы тоже сбежали в лес.

– Нет, – экстерриор остался сидеть, – я сбежал не в лес, а в деревню. К пастухам.

Барон Райнштайнер угостил огонь очередной шишкой и подошел к столу.

– И все же, чем закончилась притча? – любопытно спросил он. – Овцы утонули?

– Надеюсь, что не все, – бросил Гогенлоэ. – Пришли пастухи и спасли отару, пес попробовал укусить козла, а козел забодать пса, но их обоих отправили на живодерню.

– Вы сменяли должность геренция на обер-прокурорскую? – зло бросил Колиньяр. – Или вы предпочитаете маску палача?

– Это вы успешно сочетали сии ипостаси, – процедил сквозь зубы Гогенлоэ, – но решать вашу участь не мне. К счастью для нас обоих.

– Я не желаю продолжать беседу в таком тоне, – теперь бывший обер-прокурор смотрел только на бергера. – Более того, я не желаю продолжать беседу в присутствии графа Гогенлоэ-цур-Адлерберга и графа Ариго. Возможно, вам неизвестно, что их имена раз за разом всплывали во время следствия по делу о государственной измене. Про причины, по которым присутствующий здесь генерал оказался в Торке, я считаю излишним даже упоминать.

– Так не упоминайте, – рука Креденьи легла на плечо Жермона. Надо полагать, сосед решил, что сейчас здесь произойдет убийство. Он опоздал со своим беспокойством лет на пятнадцать.

– Покойный герцог Придд, возможно, и в самом деле был заговорщиком, – граф Рафиано многозначительно кашлянул. – Ее Величество и Август Штанцлер также вызывали подозрения, укрепившиеся после бегства последнего, но Симон Люра оказался изменником без всякого «возможно».

– Господа, – натянуто улыбнулся для разнообразия побледневший Манрик, – заговор был много шире, чем думалось вначале, и закрывать глаза на связь дома Гогенлоэ с домом Приддов, на мой взгляд, недальновидно.

– Я помню, кто был мужем Ангелики Гогенлоэ, – сообщил с порога получивший свое благословение регент. – Но, господин бывший кансильер и господин бывший обер-прокурор, предателями оказались ваши люди. Я далек от того, чтоб считать вас изменниками, так как ваше благополучие напрямую зависит от благополучия Олларов. Тем не менее дом горит, и подожгли его вы.

– Вы слишком много себе позволяете, герцог, – Манрик медленно поднялся, побледневшая было физиономия стремительно наливалась кровью. – Слишком много.

– Ровно столько, сколько может позволить себе регент государства, в которое вот-вот вторгнется враг, – отчеканил Рудольф.

– Вы не регент, – выдохнул стремительно поглупевший временщик, – вы присвоили

себе это звание самочинно.

– Граф, – не повышая голоса, сообщил Ноймаринен, – вы не в том положении, чтобы решать, кто я. Это я решаю, кто вы и не пора ли вам предстать перед тем судьей, который не ошибается.

Леопольд Манрик не ответил, только выпирающие из розовых манжет веснушчатые кулаки то сжимались, то разжимались. Хочет убить, но не убьет, такие за шпаги не хватаются, по крайней мере своими руками. А жаль, Жермон бы не отказался от поединка.

– Садитесь, – махнул рукой Рудольф. – Крики – довод осла, а не кансильера, хотя б и бывшего.

Манрик сел, чтобы не сказать плюхнулся на скрипнувшее от неожиданности кресло. Ноймаринен улыбнулся. Или оскалился, как и положено отродью Леворукого⁸. В неправдоподобной тишине тяжелые шаги герцога вполне бы сошли за поступь Зверя. Если б только регент был лет на десять помоложе и не хватался то за спину, то за бок... А еще был бы жив Арно Савиньяк, в армию фок Варзов вернулись бы отозванные третьего лета мушкетеры, а на деревьях росли пули и ядра, хотя ядрам больше пристало расти на огородах. Как тыквам.

– Монсеньор, – граф Креденьи попытался поймать взгляд старательно вышагивающего регента, – вам не кажется, что разговор зашел в тупик? Мы не знаем, что нас ждет, а люди в таком положении – дурные собеседники. Насколько мне известно, регентом Талига является герцог Алва, но это обстоятельство нашу участь никоим образом не облегчает. Напротив. Я, как здесь любезно заметили, удрал от мятежников, но я не генерал и не герой, к тому же мне надо было вывезти внуков.

– Креденьи, – покачал головой Гектор Рафиано, – вас, как и меня, можно упрекнуть в нежелании обнажить шпагу, но никак не в погоне за чужим наследством. И уж точно вы не покровительствовали изменникам и не навязывали свою волю королю, кардиналу и Талигу.

– Экстерриор прав, – подтвердил Рудольф, меряя шагами лиловый ковер, – вы всего лишь не рискнули бросить вызов обстоятельствам, а господа Манрик и Колиньяр эти обстоятельства создали. Тем не менее я не намерен делать больше, чем необходимо. Герцог Колиньяр, граф Манрик, вашу судьбу решит либо Его Величество Фердинанд, либо герцог Алва. По возвращении из Ургота. Шпаги можете положить на кресло, вам они больше не понадобятся.

– Вы совершаете ошибку, – шея Манрика все еще была красной. Что поделать, с рыжими всегда так.

– Напротив, – Ноймаринен отвернулся от бывшего кансильера и взял из рук Ойгена кочергу, – я ее исправляю. Ошибкой было позволить вам взяться за вожжи. Вы отправитесь в Бергмарк до конца кампании. Утром барон Райнштайнер сообщит вам время отъезда, а сейчас вам приготовлены комнаты. Я вас долее не задерживаю.

– Как вам будет угодно, – дернул щекой Манрик, – но я чувствую ответственность за Их Высочества и Его Высокопреосвященство.

– Место кардинала рядом с регентом, – Ноймаринен невозмутимо занялся камином. – Это же относится к экстерриору, геренцию и тессорию, каковым придется и впредь исполнять свои обязанности. Что до наследника престола и принцесс, то о них позаботятся ближайшие родственники. Как вы помните, ими являются сестры Его Величества и присутствующий здесь брат Ее Величества. Дети будут препровождены в замок Ноймар и переданы на попечение своей тетки, герцогини Георгии. Граф Ариго, вы согласны с этим решением?

– Разумеется, – подтвердил Жермон.

⁸ Намек на основателя рода герцогов Ноймаринен Манлия Ферру. Манлий был левшой, и недоброжелатели прозвали его Леворуким.

Глава 3
Оллария
399 года К.С. 17-й день Осенних Волн

1

Щит с фамильным гербом повесили именно так, как велел герцог Окделл, но вышло не слишком удачно. Соседство с охотничьими трофеями превращало геральдического вепря в поросенка, маленького, обиженного и жалкого. Приказать снять? А что взамен? Или убрать кабаньи головы?

Дикон еще раз оглядел бывший кабинет Ворона. Здесь мало что изменилось, разве что исчезли гитара и часть оружия, да кэналлийцы, удирая, опустошили стол и бюро. Рвущиеся к столице армии Альдо почти не оставили мародерам времени, но деньги, драгоценности и лошадей украсть успели. Особенно жаль было Соро – жеребец, хоть и был норовистым, отличался отменным ходом и прекрасной статью, да и Дикон к нему привык.

Конечно, в бою и в походе лошади лучше Соны не сыскать, но во время коронационных церемоний глава Великого Дома должен ехать на жеребце. Так было в гальтарские времена, и так будет теперь. Что ж, придется купить линарца, потому что связываться с Моро Ричарду не хотелось. Пусть с черной тварью возится Робер, а герцог Окделл не желает свалиться с коня на глазах сюзерена и всяческих приддвов.

Юноша вытянул из лежащего на столе черного сафьянового бювара лист нухутской бумаги и крупным почерком написал: «Жеребец для парадных выездов – 5 тысяч». Меньше не выйдет. Повелитель Скал может уступить лишь Его Величеству, но не равным и низшим, а найти коня лучше Дракко непросто.

Воспоминания о лошади разбредили воспоминания о ее хозяине. Бывшем. Не то чтоб Дикон был обижен тем, как Оскар распорядился своим жеребцом, но Дракко более чем хорош. Почему Ворон отдал его Эпинэ, а не кому-то из своих офицеров? Не хотел вспоминать о Феншо или поддался минутной прихоти? Не все ли равно, главное – коня придется покупать. И не только коня, трат предстояло множество.

Повелителю Скал надлежало заказать портреты государя, отца и Алана Святого, обновить гардероб, заменить обивку хотя бы в приемной и в гостиной, и это не считая приданого для Айрис! По самым скромным подсчетам, требовалось не меньше пятидесяти тысяч талов, а у Ричарда на руках не было и половины, хотя Альдо для друзей не жалел ничего. Кроме особняка со всем содержимым, герцог Окделл получил двадцать тысяч. В Надоре на эти деньги жили несколько лет, но у столицы свои законы.

К счастью, в доме была прорва вещей, без которых можно обойтись: мебель, ковры, посуда... Одно оружие стоило сотни тысяч. Ричард без сожаления расстался бы с морисскими саблями и каданскими секирами, но как и кому их продать? Не Валентину же, хотя у Спрута деньги и водятся. Еще бы! Придды выжидали, а не поднимали восстаний, копили, а не тратили, зато теперь Повелитель Волн ни в чем себе не отказывает. Его серый стоит не меньше Дракко, а на коронации главы Великих Домов следуют друг за другом. Их будут сравнивать все кому не лень, значит, за коня придется отвалить не пять тысяч, а все восемь, если не десять. И еще надо поторопить портных и написать в Надор.

Дикон понимал, что вдовствующая герцогиня должна присутствовать на церемонии. Этого требовали память отца и законы Чести, но юноше мучительно не хотелось, чтобы мать приезжала. Повелитель Скал не мальчишка, которым помыкают родичи и друзья отца, но как объяснить это женщине, для которой чужие чувства ничего не значат?! Для всех будет лучше, если Мирабелла Окделл останется в Надоре, но как этого добиться? Юноша откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза, прикидывая, как, не нарываясь на новую ссору, отговорить матушку от поездки. Это мог сделать эр Август, но бывший кансилльер в Багерлее, и к нему никого не пускают.

Робер из-за кольца причислил Штанцлера к негодям и убедил в этом сюзерена. Дикон Иноходца понимал – кому понравится, когда твоих предков записывают в отравители, но Эпинэ после восстания отсиживался в Агарисе, а эр Август остался в Олларии. У тихой войны свои правила, в них есть место и кинжалу, и яду. Даже отец согласился на убийство Ворона, чего уж говорить о больном старике? До коронации Его Величеству будет не до бывшего кансильера, но после Излома нужно уговорить сюзерена встретиться с узником самому, а не судить с чужих слов.

Ричард вытащил еще один лист и аккуратно вывел: *«Месяц Зимних Скал 400 года К.С. Поговорить с Его Величеством об облегчении участи графа Штанцлера»*. Отец всегда записывал важные дела, но не потому, что боялся забыть. Дикон как-то спросил, зачем он это делает, и получил ответ: «Запись на бумаге – обещание, данное Создателю при свидетелях».

Песка в песочнице не оказалось, пришлось зажечь свечу и махать над ней бумагой, пока не высохли чернила. Насколько легче говорить с сюзереном, чем с матушкой и Робером, но без письма не обойтись. Если этого не сделать, вдовствующая герцогиня Окделл станет направо и налево рассказывать, что ее сын перешел на сторону Раканов по воле матери. Будь это правдой, Ричард сжал бы зубы и стерпел, но он пытался убить Ворона во имя любви и Чести.

Что же делать? Матушка останется в Надоре по приказу короля, но Альдо никогда не нанесет оскорбления вдове Эгмонта, да и Дик не посмеет просить сюзерена о подобной услуге. Айрис тоже не помощница, Ричард мог лишь гадать, какие страсти бушевали в Надоре, когда сестра сбежала в столицу. Айри и матери лучше не встречаться, но что-то делать нужно, причем немедленно! Хорошо бы послать гонца прямо сейчас, пока тот же Наль сдуру не написал о том, про что лучше помалкивать...

Наль! Вот оно! Кузен отказался подделать письмо перед варазийской кампанией, но теперь он поможет. Всего-то и дел – заменить «Ночь Зимнего Излома» на «Весеннего», а потом, когда будет поздно, извиниться за «ошибку». Да, это выход!

Ричард дважды дернул серебристый шнурок, вызывая дежурного лакея, доставшегося юноше в наследство от Люра. После убийства маршала Ричард, искренне симпатизировавший Симону, взял его людей к себе и не прогадал. Люра, несмотря на более чем скромное происхождение, был прекрасным полководцем, отличным воином и достойным человеком. Под стать ему были и подчиненные – умные, честные, преданные.

– Монсеньор? – Джереми Бич почтительно поклонился. Новенькая черная с золотом ливрея превратила braveго капрала в слугу из хорошего дома, но военная выправка давала себя знать. Дику это нравилось.

– Разыщите виконта Реджинальда Лара. Это мой кузен. Раньше он жил у церкви Святой Иларии. Мне он нужен немедленно.

– Слушаюсь, Монсеньор, – на лице Джереми читалось некоторое сомнение, – а если виконта не окажется дома? Должен ли я его искать и как долго?

Не окажется дома? Это вряд ли. Наль – домосед, а его распрекрасное казначейство закрыто, хотя странно, что кузен до сих пор не объявился. О чем, о чем, а о возвращении герцога Окделла знает весь город.

– Если его нет, узнайте, куда он уехал и когда вернется. Если в городе, вытащите хоть из-под земли. Вам ясно?

– Да, Монсеньор.

– Поторапливайтесь.

2

Встрепанная пятнистая кошка выскочила из подворотни и заячьими прыжками помчалась через улицу. Робер Эпинэ, помянув кошачьего повелителя, осадил коня, и тут сбоку что-то свистнуло. Жанно Пулэ, сдавленно охнув, ткнулся в конскую гриву, громко выругался сержант Дювье, кошка на той стороне обернулась, осев на задние лапы.

Любопытство было сильнее страха.

– Монсеньор! Вы не ранены?

– Нет, – Эпинэ покосился на бросившихся к заколоченному особнячку южан. – Посмотрите, что с Жанно.

Бессмысленный приказ. С Жанно ничего нет и уже никогда не будет. Целились в одного, вмешалась кошка, и смерть в очередной раз досталась другому.

– Монсеньор, он мертв.

– Родичи у него есть?

– Кажется, три сестры где-то в Пуэне, – припомнил Сэц-Ариж, после возвышения Карваль угодивший в капитаны герцогской охраны. – Незамужние.

Робер молча кивнул, глядя на залитые солнцем крыши. На одной из них прятался враг, имевший все права на ненависть и месть, но поймать его следовало. Или попытаться поймать.

– Пошлите людей! – Девушкам нужно приданое, и герцог Эпинэ даст его сегодня же. Пока жив и может это сделать. – Пусть обыщут дворы.

– Уже пошли, – под глазами Никола лежали темные круги, хлеб военного коменданта сладким не был, – ищут.

– Тебе не кажется, что нам здесь не рады? – пошутил Иноходец, но шутка не удалась.

– Не нам, – буркнул военный комендант столицы, – а вашему Ракану.

– Я сто раз говорил, – устало бросил Робер, – любой из твоих людей может отправляться в Эпинэ, только пусть скажет, чтоб его не искали, а то...

«А то» может означать перерезанное горло, нож в спине, проломленный череп. Оллария не сопротивлялась, но и не покорилась. Горожане прятали глаза и ходили по стеночке, а солдаты то и дело исчезали, и это далеко не всегда было дезертирством, хотя случалось и оно.

– Мы не уйдем, – на физиономии Никола обида мешалась с возмущением, – но заложников с завтрашнего дня я брать буду. На тех улицах, по которым мы больше всего ездим.

– Ты уверен, что без этого не обойтись?

Зачем спрашивать? Карваль всегда уверен в своих словах и в своих делах.

– Лучше заложники, чем повешенные. Я за их жизнь ручаюсь, а вот если на охоту выйдут северяне...

– Северяне возьмутся не за горожан, а за нас. Если не сцепятся с дриксенцами. – Робер перехватил негодующий взгляд и добавил: – Я о настоящих северянах. Тех, что у фок Варзов и старшего Савиньяка, а нам с тобой досталась сволочь из внутренних провинций. Войны не видели, зато как грабить – они первые.

– Ублюдки, – припечатал Никола. – Нет, за Кольцом нам делать нечего. Эпинэ от Кольца до Рафиано, восемь графств, и все, хватит! Правильно вы решили.

Он ничего не решал, просто позволил Никола, Пуэну, Сэц-Арижу обманывать себя и других. Альдо не мешает Мэллит думать, что она любима. Повелитель Молний разрешает южанам считать себя своим будущим королем. Самый подлый вид вранья!

– Монсеньор, – будь Дювье пониже на голову, он сошел бы за брата Карваль. – Поймали на этот раз. Один был, поганец эдакий.

– Точно один?

– Все обыскали. С чердака бил.

Робер спрыгнул с коня, на душе было муторно, как перед встречей с «истинниками». Карваль уже стоял на замусоренной мостовой, на лице коменданта злость мешалась с обреченностью. Иноходец подозревал, что его собственная физиономия выглядит не лучше. Они оставили за спиной укрытого плащом Жанно и вошли в заваленный слипшейся листвой дворик. Симпатичный особнячок с фазанами на фронтоне был пуст: хозяева не стали дожидаться Раканов и куда-то откочевали.

– Вот, – коротко бросил сержант, – сопляк, а туда же... С арбалетом.

Пленник и вправду был сопляк сопляком. Лет шестнадцати, худой, прыщавый, длинношей, словно гусенок, а глаза цепкие и злые. Прямо-таки злющие.

– Кто ты? – спросил Робер, потому что надо было что-то спросить.

– Талигоец, – выпалил «гусенок», – а вы... Вы – ублюдки. Убирайтесь в свою Гайифу и Ракана-Таракана прихватывайте!

Ну что с ним, с таким, делать? Подмастерье какой-нибудь... Вообразил себя святым Аланом. Стоп, а вообразил ли? Он ведь и есть талигоец. В отличие от победителей.

– Почему ты стрелял? – Робер понял, что отпустит дурня, припугнет и отпустит. Жанно простит.

– Потому, – огрызнулся пленник.

– Балда, – бросил кто-то из южан, – как есть балда... «Раканы-Тараканы», скажет же!

– Драть некому.

– Ишь, вскидывается, – с невольным восхищением пробормотал Дювье, – сейчас покусает.

– А чего б ему не вскидываться, северяне нагадили, до весны не разгребешь.

– На то они и гады, чтобы гадить.

– И то верно... Союзнички, раздери их кошки.

– Жанно жалко.

– Нашел в кого стрелять. Щенок шелудивый!

– Цивильников⁹ тебе мало, на людей кидаешься? Ослеп!

– Дык, может, он Айнсмеллера и стерег. Эта сука здесь каждый день ездит...

– Взгреть, и к мамке...

Карваль молчал, задумчиво глядя на мальчишку, а в нескольких шагах на мостовой лежал Жанно Пулэ с арбалетным болтом в спине. Они были ровесниками, но никогда бы не встретились, если б не кровавое безумие, затопившее сначала Старую Эпинэ, а теперь весь Талиг.

3

– Монсеньор, – доложил слуга, – пришел Реджинальд Ларак.

Наль! Нашелся наконец!

– Проводите в кабинет и подайте вина. «Вдовью слезу» двадцатичетырехлетней выдержки. Через час – ужин.

– Слушаюсь.

Лакей вышел, а юноша взялся за перо и бумаги – пусть кузен видит, что у герцога Окделла нет свободной минутки, но ради родича он бросит любые дела, даже самые важные. Сверху лежало письмо Энтала Кракла. Первый старейшина возрожденного Совета Провинций¹⁰ просил сообщить, кого из ординарных вассалов Повелителя Скал следует пригласить на коронационные торжества. Дикон с ходу вписал Дугласа Темплтона и генерала Морена и задумался, вспоминая, кто из отцовских соратников после восстания остался в Надоре. Глан, Хогберд и Кавендиш бежали в Агарис, Ансел и Давенпорты предали, несмотря на близость с Рокслеями...

– Виконт Реджинальд Лар, – возвестил Джереми, и у Дикона при виде кузена сжалось сердце. Они не виделись с Октавианской ночи, сколько же с тех пор прошло не лет, жизнью!

⁹ Цивильники – презрительная кличка «цивильной стражи», сменившей прежнюю городскую стражу. «Цивильники» подчинялись цивильному коменданту столицы, в свою очередь подотчетному лишь королю. В их обязанности входило бороться с мятежниками, взыскивать налоги и расследовать преступления против короля и жителей столицы.

¹⁰ Созданный при Эрнани Святом и постепенно сошедший на нет совещательный орган при особе Императора, куда входили наиболее значимые ординары – дворяне, чей род не восходил к Высоким Домам.

Реджинальд был все таким же толстым, серьезным и опрятным. Поношенное платье, выдавшие виды сапоги, плохонькая шпага... Сейчас этому придет конец! Ближайший родственник Повелителя Скал не может походить на затрапезного ликтора и жить у какой-то мещанки!

– Дикон, – кузен мялся в дверях, смущенно улыбаясь, – мы так давно не виделись.

– Да уж! – Юноша отбросил письмо и бросился к Налью, лишь сейчас поняв, как рад его видеть. Друзья друзьями, но кровное родство они не заменят. – Святой Алан, как же хорошо, что ты нашелся! Где ты был, раздери тебя кошки? Да садись же наконец!

– Здесь, – кузен казался удивленным, – в городе... Дома...

– А почему не приходил? – возмутился Дикон, берясь за вино. – Забыл, где я живу? Небось, в Октавианскую ночь сразу нашел.

– Ну, – занял по своему обыкновению родич, и Дику захотелось его обнять. Потому что это был Наль, потому что они победили и можно не юлить, не прятаться, а смело смотреть вперед, – ну... Я не был уверен, что ты будешь рад... У тебя теперь такие важные дела.

– Ну и что? – не понял Ричард. – Окделлы никогда не забывают друзей и родичей. Мог не дожидаться, пока тебя с фонарями по всей Олларию искать будут. Твое здоровье и наша победа!

– Твое здоровье! – Наль поднес к губам бокал. – Создатель, какое вино! Что это?

– «Вдовья слеза». Неплохой год, но бывает и лучше.

– Шутишь? – Наль благоговейно поставил бокал на стол. – Лучше быть просто не может.

– Скоро убедишься, – засмеялся Дик. – Я не допущу, чтобы мой кузен и друг пил всякую дрянь, считал суаны и одевался, как мещанин. Завтра же рассчитаешься со своей хозяйкой и переедешь сюда.

– Сюда? – на лбу Наль выступили бисеринки пота. – К Алве?!

– Ко мне, – поправил Ричард. – Особняк Повелителей Скал снесен, но Его Величество Альдо ценит верность и честь по достоинству.

– Ричард, – Наль сжал губы, – ты меня извини, но мне хватит того, что мне принадлежит. Я не могу... Я не хочу жить за твой счет, и потом...

– Что «потом»? – Ох уж эти Лараки с их щепетильностью. – Ты меня не обрменишь, не бойся.

– Ничего.

– Ты хотел что-то сказать? Говори!

– Пустяки, – глазки кузена забегали, как жучки-водомерки по старому пруду. – Право, не стоит...

– Я – глава фамилии, – если его не приструнить, дурак будет рыдать над каждой монеткой и есть на кухне, – и я требую, чтобы ты мне ответил.

– Ты заслужил все это, – зачастил Наль, смешно тряся щеками, – ты участвовал в сражениях, рисковал жизнью, а я не сделал ничего важного.

И кто это сказал, что сын не похож на отца? Еще как похож. Вылитый Эйвон, только толстый и бритый. А хорошо, кстати, что в гальтарские времена брились, бороды мало кому идут. Ричард, по крайней мере, был до смерти рад, что может и впредь обходиться без этого украшения.

– Реджинальд, – прикрикнул Дик, с трудом сдерживая смех. – Я тебе не только родич, я – глава дома, так что нечего юлить, говори, что думаешь.

– Изволь, – промямлил Наль. Какой же он все-таки нелепый. – Ричард, моя хозяйка... Я живу среди мещан...

– Ты ей задолжал? – поднял бровь Ричард. – Сколько?

– Понимаешь... Дик, она говорит, что к весне Альдо сбежит, а его людей называет мародерами и предателями. И не она одна...

– Негодяи!

– Ричард, – лицо кузена пошло красными пятнами, – они... Им стало хуже, намного хуже! Солдаты заходят в любые дома, берут, что хотят, пьют, едят, принуждают женщин... Людям это не нравится.

– За все надо платить. Альдо Ракан соберет из осколков великую страну, но кое-кому придется подтянуть пояса. – Дик оттолкнул бокал, тот упал на пол, разлетелся в мелкие брызги. – А чего они хотят, твои горожане? Они все предатели, предатели короля, предатели Создателя, предатели Талигойи! Где они были, когда мы умирали за их свободу?!

– Дикон, – Наль сопел, словно только что взобрался на гору, – людям не нужна великая страна, они просто хотят жить, как раньше. Есть досыта, не бояться ходить по улицам.

– А ты? – Дик смотрел на своего родича и не узнавал его. Это толстое ничтожество – сын Эйвона, будущий граф Ларак, Человек Чести?! Нет, это отпрыск трактирщика!

– Я? – губы Наль побелели. – Я... Все выходит очень плохо. Ты этого не видишь, у тебя здесь спокойно, но я живу в Нижнем городе... Там тревожно, даже хуже, чем в Октавианскую ночь.

– Скажи честно, – холодно произнес Ричард, – ты просто трусил. Ты не воин и ты не талигонец!

– Нет, – неожиданно твердо произнес Наль, – я не воин, но я талигонец и не хочу, чтобы одни талигойцы убивали других. Люди хотят жить, как ты этого не понимаешь? Жить и не бояться, а вы... То есть мы принесли им беду. Ты близок к королю, это все знают, расскажи ему.

– Что именно? – деревянным голосом переспросил Дик. – Что я должен передать Его Величеству? То, что мещане не рады его возвращению? Или что-то другое?

– Ричард, – кузен выглядел несчастным, – надень простой плащ и пройди по городу. Ты сам увидишь, что творится. Или давай пойдем вместе, я знаю Олларию лучше, чем ты.

– Кабитэлу, – горло Ричарда перехватило от бешенства, – Кабитэлу! Олларии нет и никогда не будет.

– Это Кабитэлы нет, – растерянно пробормотал Наль, – для жителей город остался Олларией... И чем больше Ра... солдаты Его Величества будут грабить, тем больше будут вспоминать Олларов и Алву. Добром вспоминать.

– Ты понимаешь, что несешь?

– Да, – потупился кузен. – А вот ты не понимаешь. И твой король не понимает. Дикон, прошу тебя, пройдемся по городу...

– Мне это не нужно. – Ричард с отвращением посмотрел на разбитый бокал. – Я, к твоему сведению, член Высокого Совета и о том, что происходит в государстве, знаю получше тебя и твоих трактирщиков. Наша победа многим поперек горла. Хватит, пей свое вино, иначе поссоримся, а в город я с тобой схожу. После Совета. Если дело так, как ты говоришь, виновные будут наказаны.

4

– Мой герцог, – цивилинный комендант Кабитэлы Уолтер Айнсмеллер в окружении стражников стоял у калитки, влажно блестя черными глазами, – что случилось? Вы попали в засаду?

– Ничего серьезного, барон, – буркнул Робер, поворачиваясь лицом к гостю и одновременно пытаясь загородить пленника.

– Но я видел труп на улице, и мне доложили, что преступник схвачен на месте преступления.

– Боюсь, мы приняли желаемое за действительное, – пожал плечами Робер, проклиная себя за очередную глупость. Можно подумать, он не знал, что вешатель ездит по улице Адриана, а раз так, ухо нужно держать востро.

– Я полагаю, настоящий преступник скрылся, – неторопливо произнес Карваль. – Разумеется, мы будем его искать. Весьма вероятно, он связан с Давенпортом. Покушение на

герцога Эпинэ является звеном той же цепи, что резня в Тарнике и нападение на Его Величество.

– Убийца – солдат, – внес свою долю вранья Жильбер Сэц-Ариж, – или разбойник. Я видел, как он убегает по крышам. Очень ловкий человек.

– А что делает здесь этот горожанин? – Уолтер Айнсмеллер протиснулся меж скривившихся южан, остановился в шаге от пленника и поднес к носу желтый платок. – Его взяли на месте преступления?

– А Леворукий знает, чего он здесь болтался, – влез Дювье, – может, спереть что хотел, дом-то пустой.

– Что ты тут делал? – палец в черной перчатке целил в грудь «гусенку».

– Что-что, – зло бросил тот, – охотился... Одного хлопнул, жаль, не тебя, змеюка усатая!

И вправду жаль. Того, кто прикончит Айнсмеллера, следует носить на руках и представить к ордену. А ведь выбери они с Карвалем другую дорогу, дурню могло б повезти, а с ним и Альдо. Айнсмеллеры и Люра еще ни одного короля до добра не довели. Робер торопливо произнес, глядя в злые юные глаза:

– Не ври, стрелял не ты. Стрелка мы поймаем, а ты дай слово, что не поднимешь оружие на слуг Его Величества.

– Подниму, – окрысился мальчишка, – и никого со мной не было. Это я стрелял. Я! Ясно вам?!

– Что ж, – вздохнул Айнсмеллер, – все ясно. Сбежавшего преступника следует найти, но перед лицом закона убийцами являются оба, а убийца должен быть наказан. Немедленно.

Усатый красавец знал, что говорил. Согласно высочайшему рескрипту пойманных с поличным надлежало вешать без исповеди на месте преступления, а имущество конфисковывать в пользу короны.

Родные казненных становились заложниками, головой отвечающими за безопасность защитников и приближенных Его Величества. Убитый солдат обходился городу в четыре жизни, офицер или чиновник – в шестнадцать, за придворного должны были умереть шестьдесят четыре ни в чем не повинных обывателя. Нет, нельзя давать за убийство Айнсмеллера орден, потому что отвечать за скотину будут другие. Головой. Во сколько жизней обойдется смерть Первого маршала, Робер предпочел не думать.

– Вы ведь куда-то торопились, барон? – Нужно быть спокойным. Но как бы пошла Айнсмеллеру дырка во лбу или «перевязь Люра»? – Не лучше ли вам продолжить свой путь?

– О нет, мой друг, – черные усы шевельнулись, сверкнули белоснежные зубы. – Говоря по чести, я искал вас. У меня к вам и господину Карвалю серьезный разговор. Между гражданской стражей и военными существует некоторое непонимание, его следует преодолеть, но сначала покончим с печальной необходимостью.

Айнсмеллер не отцепится, потому что ему нравится смотреть на повешенных. Кто-то об этом говорил... Джеймс Рокслей? Нет, Раймон Салиган! Неряха вчера в очередной раз напился и полночи рассказывал, как Айнсмеллер ездит на охоту за мятежниками, а если мятежников нет, обходится теми, кто попадает под руку. Раньше красавчик-ординар мучил любовниц и собак, потом не угадал с дамой и оказался в Багерлее. Там бы ему и оставаться, но Фердинанд выпустил ублюдка заодно с жертвами Манриков. Айнсмеллер принялся и резво перепрыгнул к Рокслеям. Джеймса от этой твари мутит, но покойный маршал Генри безгласностью не страдал. Альдо, к несчастью, тоже.

– Согласно статуту вам следует передать преступника гражданским властям. – Усатая тварь не могла оторвать взгляда от нахохлившегося «гусенка». – Каждый должен делать то, что положено, и делать хорошо. Не правда ли, герцог?

Гражданских не меньше двух дюжин. Это тебе не гоганы, а гарнизонная солдатня, так просто не перебеешь. А хоть бы и удалось, гражданский комендант – не ворона, за него прикончат сотню заложников и найдут нового мерзавца.

– Что ж, – глухо сказал Робер, – распоряжайтесь.

Можно уехать, обождать на улице, отвернуться, но совесть или, вернее, то, что от нее осталось, требовала досмотреть до конца. И запомнить.

– Монсеньор, – рука Жильбера Сэц-Арижа сжимает эфес, – вам не кажется... Пленника даже не допросили...

– Жильбер, пойдите проверьте лошадей.

– Монсеньор...

– Выполняйте, тенъент! – хрипло рявкнул Карваль. – Живо!

Жильбер исчез. Цивильники, то ли не замечая, то ли не желая замечать тяжелой ненависти в глазах южан, занялись привычным делом. Двое взобрались на разлапистый клен, ногами пробуя крепость сучьев, третий возился с веревкой, еще парочка вломилась в дом и через несколько минут вернулась, волоча кухонную скамью. Пленник следил за приготовлениями со странной улыбкой на вдруг похорошевшем лице. Оказавшиеся светло-карими глаза сияли, ноздри раздувались, как у разыгравшегося жеребенка.

– Быстрее! – Красивое лицо гражданского коменданта казалось отражением лица приговоренного – горящие глаза, раздувающиеся ноздри, полуоткрытый, очень яркий рот. – Быстрее, я сказал!

– Готово, – сообщил тот, что забрался повыше, – выдержит.

– Давайте, – господин барон уже не мог скрыть нетерпения. Закатные твари, он и впрямь сумасшедший. Робер вздрогнул от захлестнувшего его тоскливого отвращения. Это была не первая казнь и тем более не первая смерть, которую он видел. И не последняя.

Двое гражданских подхватили талигойца под руки, тот дернулся. Испугался? Понял наконец, что его ждет?

– Пустите! – завопил пленник отчаянным ломающимся голосом. – Уберите лапы! Я сам пойду!

– А ну, пустите! – прикрикнул Карваль, без тени сомнений повесивший Маранов. Воистину все веревки связаны: начали в Эпинэ, дотянули до Оллари.

– Да, пусть идет сам, – прошептал Айнсмеллер, облизнув губу. – Медленно идет. Еще медленней... И петлю тоже пусть сам наденет.

Равнодушные лица гражданских, угрюмые взгляды южан.

– Эй, вы, – приговоренный ловко взобрался на скамью, – раканы-тараканы! Вам все равно конец! Мы вам...

Мальчишка ругался грязно, грубо, неумело, не понимая и трети слов, которые швырял в лицо палачам и солдатам. Худющий, босой, с петлей на шее, он стоял на закопченной лавке, выкрикивая угрозы, а гражданский комендант столицы, широко распахнув глаза, склонил голову набок, словно слушал какую-то серенаду. Потом Айнсмеллер убрал желтый платок и вынул черный с алой монограммой. Эпинэ почувствовал запах лилий и еще чего-то, похожего на мускус.

Гражданский комендант улыбнулся и поднес черный шелк к правильному носу. Из-за спин гражданских выкатился пузатый здоровяк. Робер понял, кто это, только когда ублюдочный красавчик махнул платком. Пузан одним пинком выбил из-под ног навсегда оставшегося просто талигойцем парнишки скамейку и, ухватившись за тощие ноги, навалился всем телом. Затрещала, но не обломилась черная ветка, упал на землю последний лист, помянул Леворукого Колен Дювье.

– Лэ́е Астрэпэ, пошли уходящему достойного спутника!

– Вы что-то сказали, герцог?

– Ничего, барон, ровным счетом ничего. Идемте.

– Пойдите, – Айнсмеллер не мог оторваться от пляшущего в петле тела, – одну минуту...

– В таком случае догоняйте. – Робер сглотнул застрявший в горле комок и, расшвыривая бурые листья, пошел к калитке. Дракко понял, что с хозяином что-то не так, и прижал уши не хуже Моро. Робер оглянулся и напоролся на взгляд Сэц-Арижа. «Раканы-тараканы»... Олларию свое слово сказала. Можно вешать, стрелять, пороть – от позорной

ключки не избавит ничто. Появился Айнсмеллер, спокойный, довольный, сытый, замурлыкал о мятежниках, облавах, заложниках. Робер слушал, а копыта Дракко выстукивали: «Раканы-тараканы», «раканы-тараканы», тараканы, тараканы... Тараканы, заползшие в чужой дом и превратившиеся в чумных крыс.

Глава 4 Оллария 399 года К.С. 18-й день Осенних Волн

1

Эпинэ, Придд, Окделл, Алва, Савиньяк, Дорак, Ариго, фок Варзов, Гонт, Тристрам, Берхайм, Рокслей, Карлион... Эти имена Ричард помнил с детства: последний Высокий Совет Талигойи, принявший отречение Эрнани и избравший регентом Эктора Придда. Прошло больше четырехсот лет, и в Гербовом зале король Ракан вновь соберет Людей Чести. И пусть говорят, что остановить время и тем более повернуть его вспять нельзя, для Альдо слова «невозможно» просто нет. Изгнанник вернул трон предков, Оллария вновь стала Кабитэлой, в королевском дворце будет заседать Высокий Совет, а Повелитель Скал, как в прежние времена, встанет рядом со своим королем. Воистину

Миг и Вечность, Штиль и Шквал,
Скалы...
Четверых Один призвал,
Скалы...

– Монсеньору не угодно посмотреть на себя? – Куафер отступил назад и поднял пахнувшие резедой руки, показывая, что сделал все, что мог, и даже больше. Ричард неторопливо поднялся с кресла и подошел к огромному, в потолок, зеркалу. Из загадочных глубин на Повелителя Скал глядел молодой вельможа в черном с золотой оторочкой платье. Сжатые губы, слегка, но не чрезмерно выющиеся русые волосы, серые глаза. Герцогская цепь, фамильное кольцо с карасом на среднем пальце правой руки и два парных кольца с рубинами на обоих безымянных... Единственное, чего не хватает, – орденой цепи.

Награды и титулы, полученные из рук Олларов, Альдо объявил недействительными. Сюзерен поступил правильно и справедливо, но воспоминаний о первом бое было мучительно жаль. Ничего, будут другие сражения и другие ордена. Настоящие.

– Монсеньор доволен? – взволнованно спросил куафер.

– Да, Джакопо, – улыбнулся Ричард, – ты прекрасный мастер, просто прекрасный.

– Эскорт готов, – доложил Эндрю Нокс. Бывший офицер для особых поручений при генерале Люра впервые надел парадный мундир капитана Личной гвардии Повелителя Скал. Что ж, выглядел он отлично, уж всяко лучше коротенького Карваля или сменившего его Сэц-Арижа с мальчишеским ломающимся голоском и прыщами на шее.

– Благодарю, капитан! – с удовольствием произнес герцог Окделл. Кажется, он ничего не забыл и не упустил. – Ступайте вперед, я сейчас буду.

Ричард немного задержался, наблюдая, как в прихожей рабочие разворачивают рулон с золотистым обивочным шелком, и вышел на крыльцо, у которого ждал караковый линарец. Юноша взял у конюха половинку яблока и протянул изгибавшему шею жеребцу, ни статью, ни ценой не уступавшему покойному Бьянко. Конь деликатно принял угощение и взмахнул тщательно расчесанным хвостом. На ярком свету Карас понравился Дику еще больше, чем в конюшне торговца. Мысль приобрести для церемоний линарца была верной. Нет и не может быть ни лошади, ни человека, совмещающего в себе все. Для боя не найти коня лучше мориска, для парадов и прогулок нужен покладистый, добронравный красавец, на которого

не страшно посадить самую робкую даму.

Дик протянул Карасу вторую половинку яблока, которую тот и взял с видимым удовольствием. Конь хрустел угощением, а хозяин прикидывал, выезжать прямо сейчас или немного выждать. Прибывать первым так же глупо, как и последним. Лучше всего появиться сразу же после Валентина, чтобы тот увидел и Караса, и свиту Повелителя Скал. Юноша окликнул слугу:

– Поторопите виконта Лара.

– Слушаюсь.

Однако торопить никого не понадобилось – Наль, удивительно нелепый в темно-красной с золотом одежде наследника Дома Скал, выкатился на крыльцо и с нескрываемым восторгом уставился на Ричарда.

– Святой Алан, – пухлые щеки кузена от волнения стали красными, – настоящий Святой Алан!

– Ты же знаешь, – довольный жизнью и собой Ричард от души хлопнул крикнувшего родича по плечу, – Окделлы похожи друг на друга, как листья с одного дуба.

– О да, – с легкой завистью подтвердил кузен, – но как же тебе идет. Настоящий талигойский рыцарь!

– У Его Величества безупречный вкус, – окончательно развеселился Ричард, – а Джереми отыскал прекрасного портного. Ладно, поехали, негоже являться позже всех.

Ричард ухватился за гриву Караса и ловко вскочил в седло. Именно так садились на коня Савиньяки. Дику немного не хватало обоих братьев, и юноша в глубине души надеялся, что те рано или поздно присягнут настоящему королю и встанут на Высоком Совете за спиной Робера Эпинэ. Без Дораков Талигойя обойдется, но за Савиньяков, фок Варзов и графа Ариго нужно бороться. Конечно, кем бы ни оказался брат, на отношении Дика к сестре это не скажется, но Катари будет больно, если знамя Ариго запятнают еще больше.

Рассчитывать, что сосланный в Торку собственным отцом Жермон окажется Человеком Чести, было наивным. Дик это понимал и все равно надеялся. Сейчас графу Ариго сорок, большую часть жизни он провел в походах, а война облагораживает. Брат Катари мог измениться к лучшему. Надо ему написать. Ему, Катершванцам и Арно – пусть убедит Эмиля и Лионеля вернуться в Кабитэлу. Альдо только обрадуется, он не собирается никому мстить. Эпинэ тоже переходили на сторону Олларов, а Робер – лучший друг Его Величества.

– Монсеньор, – вполголоса спросил Нокс, – разрешите открыть ворота?

– Открывайте, капитан.

Кованные створки, с которых уже сняли воронов, но не успели прикрепить вепрей, медленно распахнулись. Первым двинулся знаменосец в багряном плаще. Его сопровождали двое солдат с обнаженными палашами и четверка трубачей, за которыми гарцевал капитан Нокс.

Ричард обернулся к восхищенному Налью, вцепившемуся в поводья очень приличного гнедого. Посадка кузена оставляла желать много лучшего, и Ричард невольно поморщился. Конечно, Полный Совет собирается не каждый день, а наследником титула Наль пробудет лишь до рождения у Повелителя Скал первенца, но подучиться кузену придется. Дом Окделлов не должен быть посмешищем, а Наль, как его ни одевай, остается толстым чиновником. Не хватало, чтоб какой-нибудь остряк «спутал» его с писцом или ликтором.

– Реджинальд, – Ричард постарался подсластить пилюлю улыбкой, – тебе бы не помешало похудеть.

– Я знаю, – вздохнул кузен, – это у меня от матушки, а ведь я очень мало ем.

– Ты еще и двигаешься мало, – засмеялся Дик, – то есть двигался. Теперь ты каждое утро будешь фехтовать и ездить верхом.

– А может, я заболею? – предложил Наль. – Заболею и уеду в Надор. Тебе не придется за меня краснеть, а мне не нужно будет худеть.

– В Надор ты поедешь, но не поэтому, – Дик запнулся, подбирая слова. – Понимаешь... Надо сделать так, чтобы матушка не приехала в Олла... В Кабитэлу. Понимаешь ли...

– Понимаю, – подхватил кузен, – ты не хочешь, чтоб эрза Мирабелла встретилась с Айри. Я с тобой полностью согласен, они могут снова поссориться.

– Вот именно! – Дик возблагодарил небеса, избавившие его от объяснений. Предлог – лучше не придумаешь. Хотя никакой это не предлог. Он заберет сестру при первой возможности, а матушка, без сомнения, все еще зла на дочь. Зачем их сводить?

– Я давно хотел спросить, – Наль снова покраснел, – почему Айри не с нами?

– Я ее еще не видел, она в свите Ее Величества. – Что б ни говорил Альдо, для Ричарда Окделла Катарина Ариго остается и всегда останется королевой. – А Ее Величество никого не принимает.

– И Айри тебе даже не написала?

– Нет, – коротко ответил Ричард, делая вид, что занят дорогой и лошадью. Двадцатый раз пережевывая одно и то же не хотелось. Айри на письма не отвечала. Так же как и Катарина. И это начинало тревожить.

Юноша ни на мгновение не допускал, что Альдо Ракан может повести себя недостойно с женщиной. Значит, Катарина молчит по другой причине. Королева слишком горда, чтобы, потеряв трон, просить помощи у тех, кто поднялся на вершину. И еще на ней лежит тень ее жалкого мужа или, того хуже, не мужа.

Дик только недавно осознал, что будет, если олларрианские браки признают недействительными. Тысячи женщин, и среди них Катарина, окажутся в положении Ровены из «Плясуны-монахини», считавшей себя женой Галахада и лишь после его смерти узнавшей, что их брак не имеет силы. Но Ровена любила, а Катарина!.. Ее молодостью и честью заплатили за жизнь соратников Борна.

Теперь Удо – один из доверенных сподвижников Его Величества, а Катарина Ариго одинока и опозорена, так чего удивляться, что она прячется от людей?! Но почему молчит Айри? Сюзерен заверил, что герцогиня Окделл совершенно свободна и может переехать к брату в любое время. В этом-то все и дело! Айри не знает Альдо, она может решить, что ее свобода – ловушка. Ей позволят выйти, а назад не впустят. Именно так поступили с дамами Алисы, Айри об этом известно, вот она и остается со своей королевой. Храброе и верное сердечко!

– Монсеньор, – капитан Нокс казался серьезнее самого Вейзеля, – нам предстоит проехать улицей Адриана, я прошу вас и вашего кузена поменяться плащами со мной и Томасом и смешаться с солдатами.

– Что за чушь, – пожал плечами Дик.

– Это не чушь, – Наль пытался говорить спокойно, но глазки кузена предательски бегали, а голос дрожал, – я же тебе говорил... Вас, то есть нас, в городе не любят.

– Виконт Лар совершенно прав, – Эндрю изо всех сил пытался скрыть презрение, – сбежали далеко не все олларовские прихвостни. Разумеется, они не нападают открыто, но... Вчера стреляли в герцога Эпинэ. Монсеньор, я не хочу искать себе нового господина. И мои люди не хотят!

Да, северяне не забыли Симона Люра, таких не забывают. Ричард тоже нет-нет да и вспоминал то шутки генерала, то его советы. Люра был умницей, но главное, в нем были благородство и смелость. В жилах генерала не текло ни капли крови эориев, титул и звание он получил из рук Олларов и все-таки перешел на сторону принца Ракана, что и решило исход восстания.

Симон понимал, что никогда не сравняется с новыми соратниками знатностью, победа Раканов висела на волоске, в Оллари отступника ждала даже не плаха, виселица, и все равно он послушался совести. Уцелеть в десятках сражений и так страшно и нелепо погибнуть! Ричард тепло улыбнулся напряженно молчавшему офицеру:

– Капитан, клянусь вам, имя Симона Люра не будет забыто, но я был бы недостоин вашей тревоги, если б стал скрывать лицо и герб. Держите ухо востро, и пусть решает Создатель! Наль, к тебе это не относится, можешь сменить плащ.

Кузен ощутимо побелел, затем покраснел и дрогнувшим голосом произнес:

– Я поеду рядом с тобой в своем плаще.

Воистину куда конь с копытом, туда и ызарг с хвостом, хотя он к бедняге Налю несправедлив. Чиновник не обязан быть храбрецом. Чиновник не обязан, но не будущий граф Ларак. Хорошо, что Реджинальд все-таки помнит свой долг. Ричард подмигнул кузену:

– Давай, покажи им, что Люди Чести ничего не боятся! Вперед!

2

– Убил бы, – Альдо Ракан зачем-то схватил с камина бронзовую фигурку и взмахнул ею, как булавой, – взял бы и убил. Уж лучше я, чем другие! Ты соображаешь, что творишь?

Робер пожал плечами, отвечать было глупо. Разве что сказать, что он-то как раз соображает. В отличие от сюзерена, родившегося и выросшего в Агарисе. Мать Альдо была агарийкой, отец – наполовину алатом! Наполовину неизвестно кем. Талигойская кровь в Раканах сошла на нет давным-давно, но беда была не в этом. Кровь может быть хоть гоганской, хоть бирисской, главное – понять и полюбить не свои выдумки, а настоящую страну или живого человека. Сюзерену это не грозило, Альдо видел только то, что хотел. А слышал себя и только себя. Иноходец невесело усмехнулся.

– Айнсмеллер нажаловался?

– Не нажаловался, а рассказал. – Его Величество с грохотом водрузил статуэтку на место. – Все! С завтрашнего дня изволь ездить по городу в кирасе и шлеме. Считай это приказом.

– Нет, – оказывается, герцог Эпинэ научился говорить спокойно, как бы ни клокотало внутри, – я не стану ездить по собственной столице в доспехах. И солдатам не дам. Иначе нас окончательно в захватчики запишут, а от пули в спину кираса все равно не спасет.

– Тогда меняйся плащами с гвардейцами. – Альдо был не на шутку встревожен и расстроен, и Роберу стало стыдно за издыхающую дружбу. – Ты совсем себя загонял, так дело не пойдет.

– Фураж сам не придет. – Эпинэ с трудом удержался от того, чтоб прикрыть глаза ладонями. – Альдо, подданные не овцы, чтоб их стричь и резать. Подданных надо если не любить, так хотя бы делать вид, что любишь. И уж всяко не грабить сверх меры.

– И что дальше? – Альдо не злился, ему было скучно.

– У нас только один выход, – Лэйе Аstrapэ, пусть сюзерен хоть что-нибудь поймет, хоть самую малость! – Перевешать самых ретивых мародеров и самых ретивых вешателей.

– Погоди, – Ракан задумчиво потер переносицу и зевнул. – Закатные твари, опять не выспался! Если так и дальше пойдет, забуду, как женщина без рубашки выглядит.

– Так-таки и забудешь, – отшутился Робер, а в душу глянули зеленые глаза. Лауренсия... Кем она была, его последняя женщина? В каком огне она сгорела?

– С самой Сакаци безгрешен, – возмущенно объявил сюзерен. – С этим королевством столько мороки, один Совет чего стоит, а без него все к кошкам летит.

– Так уж и все? – задал Робер нужный вопрос и сразу стал себе противен. – Да и не выходит у нас никакого Совета. Нужен двадцать один человек, при Эрнани осталось тринадцать, а сейчас ты, мы с Диконом, Придд, Рокслей и все.

– Ничего не все, – замотал головой Альдо. – Еще Удо, разыщи его, кстати. Берхайм, конечно, зануда порядочная, но он тоже настоящий, так что живем! И вообще, Повелители заменяют своих вассалов, а я заменю любого Повелителя, так что законную силу Высокий Совет имеет.

– Ты это новому кардиналу сказать не забудь.

– Не бойся, – лицо Альдо стало плутоватым, – в еретики нас не запишут. Во-первых, мы нужны, во-вторых, против Эрнани Святого церковь не попреет, а Эрнани Высокий Совет собирал. Главное, чтобы твои распрекрасные талигойцы поняли – нет права выше права крови.

– Я бы предпочел другое, – проворчал Робер, растирая занывшую руку. – Неужели ты

не хочешь, чтоб подданные тебя любили?

– Полюбят, – подбоченился Альдо, – куда денутся, но в чем-то ты прав. Это секрет, но тебе, так и быть, скажу, чтоб не страдал. Будут у нас праздники, только не сразу. С чернью следует обходиться, как со строптивой женой. Сначала долго бить, потом долго любить.

– Ты женился? – дурацкая шутка, но хоть что-то. – А я и не знал.

– Нет, – хмыкнул сюзерен, – я книжки читал, пока ты по Сагранне разгуливал. Про Мария Крионского слышал? Это он сказал, а у него и жена имелась, и королевство.

– У него еще и любовниц стая имелась, – огрызнулся Эпинэ, – и бил он алатов, а любил агаров.

– Все меняется, о друг мой. – Альдо задрал голову, приняв позу древней статуи, не выдержал, махнул рукой и расхохотался. – Добра и зла нет, неизменны лишь ум и глупость. Пусть глупцы поймут, что военный комендант – одно, а гражданский – другое. И что ты у нас добрый и справедливый, а Айнсмеллер – не очень. Кстати, добрый и справедливый, почему ты не в придворном платье?

– Потому что у меня его нет, – признался Робер, разглядывая фигурку на камине. Стройный крылатый юноша с невозмутимым видом наигрывал на свирели, но отчего-то казалось, что милый музыкант только что устроил какую-то каверзу. – Он такой же, как его Повелитель.

– Повелитель? – не понял Альдо. – Ты о ком?

– Об Анэме, – пожал плечами Робер. – Эвроты всегда смеются.

– Эвроты?

Закатные твари, не знает он никаких эвротов и знать не хочет! И еще он не хочет, чтоб Альдо это понял.

– Я что-то такое слышал в Кагете. Адгемар ценил старье не меньше Енниоля, но это его не спасло. – С улицы донеслась переключка труб, и Робер отдернул портьеру, радуясь возможности сменить разговор. – Ну и зрелище! Повелитель Волн при всех регалиях. Не то что я!

– Именно. – Альдо встал рядом с Робером, разглядывая вливавшуюся в Триумфальные ворота процессию. – Смотри и учись. Знаменосец, музыканты, должным образом одетая свита, а ведь Придд – юнец, ни должности, ни заслуг.

– Потому и вырядился. – Иноходцы Спрутов не любили, и Робер не собирался становиться исключением. – Нет заслуг – нужны знаменосец и оркестр, есть заслуги – достаточно лица и шпаги.

– Для Первого маршала Талигойи недостаточно, – отрезал Альдо. – Уважение других начинается с уважения к самому себе. Следующий раз изволь одеться как положено, а сейчас найди мне Борна.

3

Повелитель Волн явился раньше Повелителя Скал и теперь стоял у окна в окружении фиолетовых офицеров. «Спрут» носил траур по убитым родичам и был в сером бархате с одинокой герцогской цепью на груди. Жизнь жестока, но справедлива. Когда Вепри и Иноходцы умирали, Спруты выжидали и дождались. Палача! Семь лет назад мертвых оплакивал Надор, теперь настал черед Васспарда¹¹, но надорский траур был скорбным, а не вызывающим. Погибли многие, но побед без жертв не бывает, Придд же своей каменной физиономией бросал вызов радости и надежде.

Ричард, как мог, избегал бывшего однокорытника, но сейчас это было невозможно. При виде Повелителя Скал Валентин холодно поклонился. На вежливость следует отвечать вежливостью, Ричард поздоровался и быстро прошел мимо – говорить было не о чем. Дикон

¹¹ Фамильный замок Приддов.

признавал заслуги Повелителей Волн, но они остались в далеком прошлом. Нынешнему Придду придется постараться, чтобы занять достойное место среди Окделлов, Эпинэ, Борнов...

– Ты уже выразил сочувствие герцогу Придду? – зашептал Наль. – Это был такой ужас... Такая несправедливость, мы все были поражены.

– Валентин Придд в моем сочувствии не нуждается, – отрезал Ричард, – и впредь прошу тебя воздержаться от подобных советов.

– Как скажешь, – сник кузен, – но вы же были вместе в Лаик, и потом...

– Наль!

Родич поджал губы и замолчал. Гвардейцы очередной раз развели алебарды, давая дорогу графу Рокслею и его свите. Джеймс благополучно переступил новый бронзовый порог¹² и завертел головой, отыскивая знакомых. Ричард невольно улыбнулся и, мимоходом кивнув графу Тристраму, пошел навстречу Рокслею. Новый командующий гвардией юноше нравился так же, как когда-то Савиньяки, он не станет нести всякую ерунду и лезть с советами.

Было просто замечательно, что графский титул унаследовал именно Джеймс. Пусть маршал Генри погиб достойно, отец к нему относился прохладно, а Эмиль, говоря о прежнем Рокслее, заметил, что военному неприлично предпочитать казармам дворцовые паркетные. Маршал должен быть маршалом, а не придворным. Джеймс Рокслей в чине полковника командовал всей кавалерией Южной армии, а в столицу вернулся по просьбе Ги Ариго. Альдо Ракан произвел полковника в генералы и вручил ему талигойскую гвардию, пока, увы, немногочисленную. И все равно Джеймс целыми днями пропадал в казармах и на плацу. Он никогда не превратится в салонного шаркуна!

О том, что по этикету вассал подходит к главе Дома, а не наоборот, Дикон вспомнил как раз посреди зала. Уподобиться Придду и стать столбом было глупо, возвращаться к Налью – тем более. Ну и что, что положено наоборот? Титул титулом, а дружба дружбой. Ричард спокойно присоединился к Джеймсу, в конце концов, ругать Повелителя Стихий может только сюзерен, а он еще не появлялся.

– Монсеньор, – граф Рокслей слегка наклонил голову, – счастлив видеть вас в добром здравии.

– Пустое, – Дикон взял вассала под руку, – мы не на коронации, обойдемся без церемоний.

– Если мы не начнем тренировки прямо сейчас, – не согласился Рокслей, – мы неминуемо сядем в лужу. Кроме Валентина, разумеется. И еще Карлионов, если они приедут. Уж они-то в делах этикета не ошибутся.

Рокслей вряд ли намекал на матушку, но Ричард вспомнил именно ее. Поджатые губы, серая вуаль, четки в длинных пальцах... В глубине души Дикон признавал, что последний раз вел себя не лучшим образом, но мать тоже виновата. Повелитель Скал давно уже не мальчишка, за его плечами две войны, не считая октавианской бойни, и он, в конце концов, герцог и глава Дома. Женщина остается матерью, сестрой, женой, вдовой, но все решает мужчина. Так повелось от века. Если герцогиня Окделл чтит традиции, она должна смириться и с этой.

– Что с тобой? – Джеймс внимательно смотрел на замечтавшегося сюзерена. – Что-то случилось?

– Нет-нет, – замотал головой Ричард, – все в порядке. Что ты думаешь о Высоком Совете?

Генерал задумался, теребя эфес шпаги. Рокслея называли отменным фехтовальщиком, и Дику давно хотелось проверить на нем свое искусство. К сожалению, траур по маршалу

¹² В гальтарские времена все парадные помещения имели бронзовый порог высотой «в четыре мужских пальца», покрытый символическими абвениатскими значками.

Генри исключал фехтовальные забавы.

– Джеймс, – вполголоса окликнул юноша, – почему бы нам после Совета не размяться со шпагами? Приезжай в мой особняк, как-никак, ты мой вассал. Вот и явишься с визитом.

– С визитом? – переспросил Джеймс. – Ах, да... Я как-то еще не привык, где ты живешь. И в Совете сидеть не привык. Хорошо, если у нас получится, а если нет? По праву крови становятся графами, но не генералами и экстерриорами.

– Ты во многом прав, – в самом деле, почему ничего не сделавшие для победы имеют те же права, что и сражавшиеся за нее?! – но если мы хотим возродить Империю, нужно вспомнить старые обычаи.

– Все ли? – в голосе Рокслея звучало сомнение. – Мы же не откажемся от пистолетов и подзорных труб и не нацепим на себя доспехи? Время на месте не стоит, что ушло, то ушло.

– Уходит не все, – Ричард стиснул собеседнику руку, давая понять, что большего говорить не вправе. – И в конце концов, такова воля Его Величества.

– О да, – согласился Джеймс и замолчал. Для него король Ракан был не более чем ожившей легендой. Рокслеи шли за Окделлами, верили им, но это доверие не распространялось на рожденного в Агарисе сюзерена.

– Его Величество знает, что делает, – Дик покосился на торчащего слишком близко Придда. – Так ты приедешь?

– Не сегодня. После Совета я еду встречать новое Высокопреосвященство. Не сказал бы, что я в восторге.

Ответить Дикон не успел. Высокая золотистая фигура четырежды ударила жезлом и провозгласила:

– Его Величество Альдо Первый, Милостью Создателя король талигойский, скоро призовет вас. Готовьтесь!

Вообще-то следовало говорить «волею Истинных Богов владыка и повелитель Золотых земель», но это потом, когда власть Раканов будет столь же прочной, как право на нее, а сейчас придется лицемерить, заигрывая то с Церковью, то с соседями...

Двери бывшей Гвардейской распахнулись, вошли шестнадцать воинов в кирасах со Зверем, застыли вдоль стен. Новые гимнеты¹³ сменили Личную королевскую охрану после покушения на Его Величество. Теперь Ричард был даже благодарен мерзавцу Давенпорту. Если бы не он, Альдо до сих пор ходил бы без охраны.

Новый удар жезла. Одинокий, резкий, как выстрел в ночи. Так встречают капитанов гимнетов¹⁴. Они обойдут Гербовый зал и вернутся за государем, чтоб провести его в Зал Совета. Первый встанет на ступени трона, место второго у двери, в которую без приказа никто не войдет и из которой никто не выйдет. Это традиция, и это необходимость, ведь будущее Талигойи держится на одном-единственном столпе, имя которому Альдо Ракан.

Два офицера с обнаженными клинками в руках прошли в шаг от Дика. Юноша был накоротке с обоими: с виконтом Мевеном их познакомил эр Август, а Дэвид Рокслей виконт Ройсли и вовсе был вассалом Окделлов. На верность Мевена и Ройсли можно положиться, но по силам ли вчерашним тенъентам защитить государя не только от кинжала, но и от яда? Капитаны гимнетов исчезли и тотчас появились. Вместе с Альдо.

– Наши верные вассалы, – четко произнес сюзерен, – мы желаем говорить с вами в Зале Высокого Совета.

4

По гальтарскому этикету за анаксом следуют главы Домов в окружении кровных

¹³ Гимнеты – в гальтарские времена легковооруженные воины, охранявшие анакса и эпиархов.

¹⁴ Капитанами гимнетов могли быть только эории, но не главы Домов и не старшие в Высоком роду.

вассалов – один спереди, двое с боков, еще один прикрывает спину. В Золотой империи за государем входили Повелители Стихий и лишь потом – кровные вассалы, но шествие всегда возглавлял Хозяин текущего Круга. Сейчас первыми были Окделлы, хоть их время и кончалось.

Жезл распорядителя возвестил начало движения. Дик торопливо кивнул Рокслею. Задержка вышла совсем крохотной, но Валентину хватило и этого. Повелитель Волн четким военным шагом пересек зал, оказавшись между Ричардом и Альдо. Прямая серая спина маячила перед глазами, отделяя юношу от сюзерена. Окажись на этом месте Иноходец, Дикон бы не возражал. Эпинэ при всех своих странностях сделал для победы очень много, и потом, он был дружен с Альдо много лет, но Валентин?! Со Спрута станется повторить раз удавшийся трюк и на коронации. Альдо предпочитает общество тех, кто разделил его изгнание и его триумф, но откуда это знать простолюдинам? Для них все просто: кто ближе к королю, тот ему и лучший друг.

Возмущенный юноша чудом не зацепился за еще один испещренный странными завитками порог, это отрезвило. Ричард быстро и незаметно огляделся – в Зале Высокого Совета он не бывал никогда. При Олларах здесь была Парадная приемная, но Ворон избегал парадных выходов, а личных приглашений от узурпатора герцог Окделл не получал.

Придд резко остановился и застыл, вынуждая замереть и Дика. За спиной Спрут носил морисский кинжал, на вид такой же, как у Ворона, но не с сапфирами, а с аметистами. Игра лиловых огней затягивала, и Ричард не заметил, как Альдо Ракан и неотступно следующий за ним капитан гимнетов миновали четыре ведущие к трону ступени. Раскатистый звон вырвал юношу из аметистового сна. Сюзерен сидел в строгом белом кресле, а ударивший в гонг Мевен стоял рядом, готовый в любой миг прикрыть государя собой.

Валентин неторопливо двинулся к тронному возвышению. Все верно, члены Высокого Совета садятся без разрешения. Это право было даровано истинными богами, подтверждено анаксами и забыто королями.

Спрут картинно опустил в кресло по правую руку от сюзерена и застыл, словно копье проглотил. Над головой Повелителя поблескивала серебряная Волна. Четыре дома, четыре символа, четыре стихии. Они равны между собой, и они не смеют враждовать. Не смеют!

Ричард неторопливо поднялся на четыре ступени и занял предназначенное ему кресло. Скалам, как хозяевам Круга, принадлежало крайнее место слева. Окделлы должны начинать, а Эпинэ заканчивать. Пусть сегодня первым шел Придд, это не повторится, по крайней мере до Излома Эпох. А что будет через год, когда начнется эпоха Ветра? Повелителей должно быть Четверо, иначе ничего не выйдет. Или выйдет? Ракан может заменить любого, но во что это ему обойдется?

Его Величество что-то вполголоса втолковывал Мевену, вслушиваться было неприлично, а любоваться на Придда юноша не собирался. Иноходец, чье место было напротив, куда-то запропастился. Рокслей и Тристрам сидели внизу на скамье Скал. Джеймс явно держался подальше от соседа, благо место позволяло – Карлион еще не прибыл из своих владений, а Берхаймы были в Агарисе. Дому Скал еще повезло, у других нет и этого. Проклятые Оллары уничтожили все, до чего дотянулись.

Ричард поправил шпагу и принялся разглядывать плафон. Обойщики успели сменить обивку стен, но художники работают годами. К счастью, гальтарские мотивы вошли в моду сразу после Двадцатилетней войны. Именно тогда Альбрехт Рихтер потряс Талигойю «Триумфом Манлия», а его ученик Сайлас Хэрт получил заказ на роспись семи дворцовых залов. Ричард разглядывал голоногих древних всадников в гребенчатых шлемах и вспоминал походы Лорио Борраски и победы Лакония.

Любопытно, где сейчас картина, стоившая жизни Джастину Придду? Ричард не отказался б ее выкупить и повесить на лестнице. Спруту это пошло бы на пользу. Есть люди, которым следует напоминать о том, что на их одеждах есть пятна, иначе они становятся невыносимыми. Но кого все-таки изобразил Хэрт? Дикон по праву гордился своими знаниями по древней истории, но узнать двоих воинов, конь о конь врубившихся в толпу

одетых в медвежьи шкуры варваров, юноша не мог – шлемы и красные плащи превращали неведомых гальтарцев в близнецов.

Четыре ровных удара в дверь. Так стучат лишь свои.

– Первый маршал Талигойи Робер Эпинэ к своему государю, – голос Дэвида Ройсли звучит ровно и спокойно.

– Мы ждем! – кивает сюзерен. Альдо без перчаток, и огонь свечей играет с королевскими кольцами. Карас, сапфир, аметист, рубин, россыпь мелких бриллиантов. У каждого камня своя душа и свой нрав, они любят, дружат, враждуют, ненавидят, совсем как люди. Рубин никогда не сойдется с изумрудом, бирюза оттолкнет сердолик, но сильнее всех алмазы и ройи.

– Первый маршал Талигойи здесь! – Дэвид делает шаг в сторону. Гимнеты распахивают дверь, давая дорогу Роберу, за спиной которого не кровные вассалы и даже не Карваль, а Удо Борн. Почему? Борны славятся благородством, но они – потомки младшей ветви Гонтов и должны ждать в Гербовом зале вместе с Налем...

Робер коротко преклонил колено перед Альдо, то ли извиняясь за опоздание, то ли докладывая об исполнении приказа. Сюзерен махнул рукой, синей искрой вспыхнул сапфир. Какой у него неприятный блеск! Иноходец прошел к своему креслу, Удо остался стоять, склонив голову и положив руку на эфес шпаги. Раздался звон часов. Один, Два, Три, Четыре!

– Когда мараговец взял Кабитэлу, в Высоком Совете было тринадцать человек. – Альдо Ракан поочередно обвел глазами своих вассалов. – Прошло четыреста лет, и нас по-прежнему тринадцать. Тринадцать, потому что мы, Альдо Ракан, подтверждаем, что именно Борны являются единственными и законными наследниками Генриха Гонта. Агарисская ветвь неправомерна, ибо берет начало от дальних родичей, воспользовавшихся чужим несчастьем.

Удо, сын Олафа, брат Карла и Рихарда! Займи свое законное место на скамье Волн. Мы повелеваем тебе и твоему потомству впредь именоваться графами Гонтами и дарим тебе земли от Кольца Эрнани до Южного Ноймара. Твой брат Конрад предпочел покой и безопасность, да будет так. Конрад Борн и его потомство останутся графами Борн со всеми привилегиями, за исключением прав на имя и владения Гонтов.

Щека Удо дернулась. До гибели Рихарда этого не было. Свежеиспеченный граф Гонт растерянно взглянул на протянутую ему руку, темно-серые глаза блеснули. Слезы или нечто большее?

– Моя жизнь принадлежит моему королю и моему королевству, – губы Удо коснулись кольца с аметистом, кольца Волн. Борн не слышал о древних Силах, для него Альдо был королем, а Талигойя – королевством, но Гонт имеет право знать все.

– Так и будет, – улыбнулся сюзерен, придав ритуальным словам неожиданную теплоту, – так и будет! Займи свое место, граф Гонт.

Удо отошел. Жаль, что он вассал Приддов, а Берхаймы служат Скалам, но ничего не поделаешь. Альдо задумался, откинув назад красивую голову. Тикал маятник, трещали свечи, воины с плафона продолжали свою затянувшуюся на века битву. Они не видели, не слышали и не понимали того, что происходит внизу. Будь Ричард Окделл поэтом, настоящим поэтом, а не рифмоплетом вроде Барботты, он бы написал о гальтарских воителях, услышавших в Рассветных Садах голос нового анакса. Древние повелители могли быть спокойны за оставленную ими землю и ее молодого вождя.

– Старый закон прост, – поднял руку Альдо Ракан, – в Высокий Совет попадают по праву рождения. Король волен в жизни и свободе подданных, но даже он не может лишить их того, что они обретают по праву крови.

Алва, Савиньяки, Дораки, фок Варзов предали свою честь и свою кровь, но они есть, и пока они есть, в Высоком Совете остается тринадцать человек.

По обычаю, глава Великого Дома говорит за отсутствующих вассалов. Ричард Окделл! Тебе принадлежат Слова графа Карлиона и графа Берхайма, пока те не придут ко двору. Валентин Придд, граф фок Варзов предал короля и Талигойю, и я забираю у него его Слово и

вручаю твоей чести.

Робер Эпинэ, в доме Молнии – два предателя. Савиньяк и Дорак. Их Слова отходят к тебе, как и Слово отсутствующего графа Ариго, которого мы надеемся увидеть в этих стенах...

Сюзерен говорил всем, но Дику казалось, что слова государя предназначены только ему. И еще Вечности.

5

Если днем метаться по городу, а ночами читать бумаги, через неделю будешь засыпать хоть за столом, хоть в церкви, хоть на Высоком Совете. Лишь бы тебя не дергали.

Робер Эпинэ с силой сжал резные конские головы, но они были слишком гладкими, чтобы впиться в ладони, а сон затягивал, как болото. Вассалы на своих скамьях, стражники у дверей, колонны, статуи, фрески сливались в дрожащие пятна и отъезжали куда-то вдаль. И еще, как назло, было тепло и тихо. Ровный голос Альдо не мог тягаться с сонным маревом, из которого выныривали то физиономия Карваля, то пороховые мельницы, то стены Багерлее, над которыми кружило воронье. Ветер нес пожухлые листья, старый клен скрипел, жаловался, просил снять с него веревки, он не может уснуть, пока рядом бродит повешенный. А повешенный не уйдет, потому что у него нет имени. Значит, весны не будет, она больше не придет в Олларию, ее просто не впустят...

Рука Эпинэ соскользнула с подлокотника, герцог вздрогнул и поднял голову, неподъемную, как у мертвого коня. Спать было нельзя, не спать было невозможно. Иноходец с силой прикусил губу, потом щеку, солоноватый вкус во рту вернул Первого маршала на Высокий Совет. Альдо все еще говорил. Ноздри сюзерена раздувались, глаза блестели – он не хотел спать, он хотел царствовать.

– Мы вернем Золотой Анаксии ее величие, – объявил Альдо Ракан украшенной коронами двери, – мы пройдем от Седого моря до Померанцевого.

От Седого до Померанцевого? Зачем?! На юге Талиг и так выходит к морю, но нам не до тонкостей землеописания, нам нужно все и сразу. «Золотая Анаксия» корячится в столице и полутора графствах, а сюзерен сдирает шкуры с неубитых волков и натягивает их на зайцев.

Робер Эпинэ дорого бы дал, чтоб не слышать, что несет Альдо, но затыкать уши на Высоком Совете – это слишком. Даже для Первого маршала.

– Нам не нужны огрызки с марагонского стола! – вещал человек, ни единого дня не живший за собственный счет. – Мы отказываемся от всех побед Олларов. Вернее, от подлостей, которые узурпаторы и их последыши называют победами. Нам не нужна варазийская зараза, бергерские камни, марагонские зыбуны! Все, что лежит за пределами Талигойи Раканов, может отправляться к кошкам. До поры до времени! Мы начнем с того, чем закончил Эрнани Одиннадцатый, и придем к тому, чем владел Эридани Великий!

Лэ́йе Астрэпэ, что он плетет?! Это не упрямство, не сумасшествие, а нечто большее. С такой рожей только вирши девицам читать, но не царствовать и не воевать.

– Мы есть закон, – возвестил потомок Раканов, – и мы есть власть! Мы и наши кровные вассалы. Остальные – лишь слуги анаксии. Мы напоминаем Повелителю Скал, что он владыка Полуночи и Рассвета и отвечает перед нами за земли, лежащие к северу от Раканы.

Ракана?! Это еще что такое?

– Вы удивлены? – Альдо довольно усмехнулся. – Вы думали, я верну своей столице имя, которое у нее отобрал марагонский бастард? Нет! Мы не желаем возвращать времена угасания. Кабитэла – это имя поражения, а нам нужно имя победы, залог силы, успеха, могущества. Столица – сердце империи, сердце подвластного нам Зверя, и залогом этого да будет ее имя. Ракана – главный город Золотой Анаксии! Ракана – столица Золотых земель! Ракана – центр мира и мироздания! Лэ́вон, лэ́вайе, эорианэ!

Непонимающие взгляды Придда, Борна, Рокслея, счастливое лицо Дикона,

неуверенный писк Тристрама.

– Лэвон лэвайе эорианэ! – Бедные гвардейцы не понимают, что орут, для них это просто странно звучащие слова. Такие же дурацкие и непривычные, как их новое название.

– Лэвон лэвайе анаксэ Альдо! – Виконт Мевен с трудом сдерживает смех, для него происходящее забава, надолго ли?

– Лэвон лэвайе анаксэ Альдо! – Дикон выхватил шпагу, его примеру следуют Рокслей и Тристрам...

– Лэвон лэвайе... – А вот Придду все равно, что повторять – молитву или языческие здравицы. Удо Борн, то есть Удо Гонт, и вовсе не знает, чего от него хотят. И слов нужных не знает, не научили еще.

– Лэвон лэвайе, – требовательный взгляд сюзерена, старые, забытые тысячелетия назад слова, старое, вытасченное из Заката безумие. Может, это все-таки сон? Сон, в котором нужно кричать.

– Лэйе Аstrapэ! – Золотые листья-искры, грохот копыт, крики ястребов, пронзительное ржание. – Лэйе абвение лаэтарэ!

Древние слова, новые места, вечная глупость, а сюзерен опять говорит. Теперь о могилах.

– Мы воздадим должное и чести и предательству. – Альдо ненадолго замолчал. – В Старом Парке будет храм, мы перенесем туда останки короля Эрнани. Рядом со своим сюзереном обретут пристанище его защитники Алан Окделл и Эктор Придд. Повелитель Скал, Повелитель Волн, вы слышите меня?

– Мой король! – Ричард с горящими глазами срывается с места. – Мой король!

– Да, Ваше Величество, – наклоняет голову Придд.

– Что до узурпатора и его прихвостней, – несется дальше Альдо, – то они не должны осквернять собой землю Раканы. Перед нашей коронацией бастард и его приспешники будут вывезены за пределы столицы и сожжены, а пепел развеян над марагонским трактом.

«Приспешники бастарда»... А что ждет маршала Эпинэ, защищавшего Талиг Франциска от наемников королевы Бланш? Шарль Эпинэ выбрал то, что следовало. В отличие от Анри-Гийома... Дед связался с Алисой и погубил семью. Внук связался с Раканом и губит Талиг. Чем он лучше Поля Пеллота, повешенного Рене Эпинэ? Намерениями, да кому они нужны, эти намерения?!

– Мы сказали, – возвестил Альдо, поднимаясь с места и кладя руку на эфес, – а вы выслушали. Завтра в полдень ждем вас в зале Зверя, где мы будем принимать иноземных послов и оказавших нам услуги ординаров.

Напоследок напомним о главном. Ординары за свои заслуги могут получать награды, чины, должности, но они останутся ординарами, а эории – эориями. Мы – спасение Талигойи, ее будущее, ее слава и сила! Идите и готовьтесь к войнам, нет, не к войне, к победам! Лэвон лэвайе!

К победам? К сыру в мышеловке, но кричать придется, не влезать же в перепалку с Альдо при солдатах, как их ни обзывай! Дикон в восторге, Мевену смешно, Рокслей и Борн, который нынче Гонт, ничего не понимают, Тристрам и не поймет, а вот Спрут... Как бы он не понял слишком много.

Глава 5

Вараста

399 года К.С. 18-й день Осенних Волн

Холодная капля сорвалась с набухшей шляпы прямо на нос. Виконт Валме тихонько ругнулся и за какими-то кошками послал коня к самой воде, туда, где отнюдь не речные

волны со склочным шипением лизали то ли очень крупный песок, то ли очень мелкий гравий. Исхлестанная ливнем Рассанна выглядела отвратительно. Дальний плоский берег сливался с неопрятным небом, превращая реку в грязно-желтое море. Дождь тоже казался желтым и злым, хотя с чего ему злиться, он же дождь, вода, которой вздумалось литься на тебя сверху... Раздался кошачий визг – над головой проплыла чернохвостая речная чайка. Валме проводил птицу злобным взглядом и выругался уже в полный голос.

– Ты чего? – Чарльз Давенпорт присоединился к Марселю, пытаясь понять, с чего бы того понесло к реке.

– Ничего, – буркнул Марсель, – не терплю речниц. Летучие ызарги!

– Голуби хуже, – утешил Чарльз, – зря мы съехали с тракта, на этой крошке только подковы терять.

– Да знаю я! – начал Валме и тут же мысленно закатил себе оплеуху. – Прости, я сегодня не с той ноги встал. Поехали?

– Поехали, – пробормотал Чарльз, не отрывая взгляда от мутной реки. Давенпорт разговорчивостью вообще не отличался, а сегодня и вовсе изображал из себя рыбу, благо воды хватало.

– Ты давно был в Тронко? – не отставал Марсель, которому расхотелось молчать.

– Вообще не был, – Чарльз все еще смотрел в воду. – Я же из Надора. До Лаик дальше Придды не забирался.

– А я из Эпинэ, – обрадовал спутника Марсель, – но все дороги ведут в Олларию, вот я там и болтался.

– И я болтался, – выдавил из себя Давенпорт. Горло у него болит, что ли? – Сначала – в оруженосцах, потом – в гарнизоне. После Октавианской ночки просился в Торку, а меня загнали в Личную охрану... Леворукий, убил я Генри или нет?

– Выбирай, что нравится, – посоветовал Валме, – и хватит страдать!

– Рокслею место в Закате, – и без того сжатые губы Давенпорта превратились в сухую щель, – и не только ему. С Джеймсом и Дэвидом мы прилаживались, но это – дело прошлое.

«Дело прошлое»... А что настоящее? Взбаламученная река и взъерошенный спутник. Теньент, пристреливший маршала. Или не пристреливший. Какая прелесть, как сказал бы Алва.

Вот так всегда, начнешь с желания выпить и прихвастнуть шикарным знакомством, а кончишь войной, которую не прекратишь, пока жив. Даже если того, кто тебя в нее втянул, уже нет.

– Я никак понять не могу, – Давенпорт в упор глядел на Марселя, – кто меня во дворец засунул? Роклеи или Савиньяк?

– А тебе как приятнее? – Валме стянул с мокрой головы мокрую же шляпу, хорошенько стряхнул и снова нахлобучил.

– Предпочел бы Роклеев. Лучше подвести их, чем Лионеля или Ворона, хотя его мне раз восемь убить хотелось.

– Даже так? – брови Марселя подскочили вверх, и в глаз тут же попала вода. Мерзость! – Ты в своих желаниях не одинок.

– Представь себе, – подтвердил Давенпорт, понукая коня, – очень хотелось...

2

– Что происходит в городе? – Первый маршал Талига смотрит на встречающего его теньента. Черный конь зло прижимает уши и долбит копытом плиты двора. Смуглые солдаты в беретах молчат и ждут. Чего?

– В городе волнения, – объясняет теньент Давенпорт. Он командует ночным караулом и знает, что творится в столице, то есть ему кажется, что знает. – Они охватили Нижний город...

– Тогда почему вы в казармах?

Почему? Чарльз не знает ответа, но он слышал, как Джордж Ансел спорил с Мореном, а потом прошел к коменданту. Через десять минут полковник вернулся и скучным голосом отчитал сержанта за дурно вычищенные мушкеты. Ворота закрыли, солдат погнали на плац. Гарнизон Олларии под несмолкающие колокольные вопли отрабатывал парадные повороты. До одури, до полного оупения.

Из-за стены тянуло дымом, орали взбудораженные птицы, по синему небу ползли черные полосы. Кто-то колотил в ворота, громко и отчаянно. Колотил и кричал, а они маршировали. Потом трубачи заиграли отбой, настало время ужина, и они отправились ужинать... Килеан-ур-Ломбах аккуратно резал ножом жареное мясо и говорил о диспуте в Нохе и о новых мушкетах, Морен отвечал, Ансел хмуро слушал, что делал он сам, Чарльз не помнил. Может, даже ел...

«Почему вы в казармах?» Бесстрастное лицо, ровный голос, белые парадные перья, а перчатки черные, походные. Чарльз Давенпорт первый раз видит Кэналлийского Ворона так близко. На Первом маршале Талига парадный, с иголки, мундир и белый плащ, из-за атласного плеча таращится встрепанный мальчишка в кирасе. Кирасы и на сопровождавших Ворона кэналлийцах, но сам герцог не унился до забот о собственной шкуре.

– Господин комендант не счел нужным. – Килеан-ур-Ломбах – снулая рыбина, дурак, зануда, очень может быть, что подлец, но он старший. Старший, раздери его кошки! Что останется от армии, если наплевать на приказы? А что останется от совести, если выполнять все, что велят?

– Где он? – Небо за спиной Алвы отливает багровым, муторно и тревожно пахнет гарью.

– В своих апартаментах. – Господин комендант просил его не беспокоить, но говорить об этом нельзя. Это правда, но и правда бывает доносом.

– Прекрасно. – Равнодушный взгляд, ровный голос, и кто только сказал, что у южан все написано на лице? – Поднимайте людей, тенъент. Приказ Первого маршала. Идемте, Ричард, поговорим с господином комендантом Олларии.

Ричард? Конечно же! Ворон взял в оруженосцы сына Эгмонта Окделла, а тот пошел. Год назад Дэвид Рокслей от этой новости чуть с моста не свалился, теперь все привыкли.

Сын мятежника растерянно вертит головой. Откуда ему знать, где комендантские апартаменты? Чарльз хочет показать, но герцог отмахивается от помощи, как от уличной собачонки.

– Я знаю дорогу, тенъент. – Белые перья и черные, походные перчатки, безупречная вежливость. Крик или пощечина не унижают, унижает пренебрежение. Кто он такой, чтоб судить о других, судить и выносить приговоры?! Корнет Окделл тоже задирает голову и крутит носом. Куда ворон, туда и воробей.

– Через полчаса гарнизон должен быть готов, – велит Ворон. – Одежда – праздничная, кирасы и шлемы – боевые.

Хлопает дверь, это выскочили полковники. Оба! Кто им сказал? Караул вот он, здесь!

– Полковник Ансел, полковник Морен, прошу за мной, – Первому маршалу Талига не до младших офицеров, начальству тем более. Они уходят вчетвером, надо полагать, к Килеану.

Если б не Ансел с Мореном, Чарльз не удержался бы, ответил, и гори все закатным пламенем, но время упущено. Для слов, не для выстрела.

Давенпорт видит прямую спину маршала, захоти кто всадить в Ворона пулю, это труда не составит. Тенъент трогает пистолет и думает – нет, не о том, чтоб выстрелить, а о том, что не следует поворачиваться спиной к тем, кого оскорбляешь...

– Утро, сударь, – голос Валме возвращает в дождь и дорогу. Все уже случилось и все еще случится. – Просыпайтесь, сейчас будет шадди.

– Простите, задумался. – Они с Марселем давно на «ты», но память не только будит

прошлое, но и топчет настоящее.

– Думать вредно, – хмыкает недавний щеголь, придерживая коня, – здешние обитатели это, без сомнения, понимают и тратят время на более полезные вещи. Например, на беседы с мокрыми путниками.

– Закатные твари, ты о чем? – Чарльз никогда не был силен в светских беседах, а Марсель упорно изъяснялся, как салонный балбес.

– О том, что за теми ивами собралось премилое общество военного образца, – виконт Валме неторопливо расправил складки плаща, – а поскольку в здешних краях Раканов не наблюдается, остается предположить, что мы у цели.

3

– День добрый, господа, – усатый кэналлиец откинул капюшон и приложил руку к начищенной каске, – сержант Пахарильо, Вторая Южная Армия, полк рэя Бадилю. Кто вы и куда едете?

– Капитан Валме, – представился Марсель, с явным одобрением разглядывая обветренную физиономию, – офицер для особых поручений при особе Первого маршала Талига Рокэ Алвы. С устным поручением к генералу Дьегаррону и Его Преосвященству Бонифацию. Мой спутник – теньент Чарльз Давенпорт. Вот наша подорожная.

Сержант честно подержал перед носом протянутые Валме бумаги, вернул владельцу и улыбнулся, обдав путников мощным чесночным духом.

– А мы вас третий день ждем. Хоть сейчас в седло.

– Ждете? – переспросил Марсель, убирая изготовленную им же подорожную в кожаный футляр. – Нас?

– Ну, кого собрано пошлет, – пояснил Пахарильо. – Только вы, правду сказать, всех обставили. Вас с севера ждали, а вы с юга заявили.

– Есть такое, – Валме многозначительно улыбнулся, как всегда, когда ничего не понимал. – И все бы ничего, да вымокли, как мыши...

– А просушиться не желаете? – Пахарильо полез за пазуху. – Если не побрезгуете.

– Шутите, сержант, – развеселился Валме, принимая фляжку, – кто ж касерой брезгует? Разве что гайифцы, ну так они и девиц не жалуют. Так, говорите, третий день? Тогда надо спешить. Вы с нами?

– Вас капрал Азулес проводит, – кэналлиец привстал в стременах и заорал: – Бласко, веде ай¹⁵. А нам тут еще два дня крутиться, пока подменят. Мало ли кого принесет, а в Тронко кому попало делать нечего.

– А мы когда доберемся? – только оторвавшись от фляжки и передав ее Чарльзу, Марсель понял, как хочет выпить и увидеть наконец Дьегаррона.

– К вечеру, – обрадовал Пахарильо. – Только коней бы вам сменить. Езжайте на наших запасных, а ваших мы приведем.

– Не наши они, – Марсель погладил мокрую лоснящуюся шею, – сменные, на своих бы мы еще Леворукий знает где болтались, а у вас что слышать?

– Тихо было, – свел брови кэналлиец, – потом про дурь в Эпинэ слушок пошел. Губернатор тамошний солдат требовал, только не наше дело – чужой навоз разгребать. Бонифаций, епископ наш, так гонцу ихнему и влил. Дескать, сам обгадился, сам и прибирай. Но дороги мы перекрыли, мало ли... Так и жили, пока от собрано курьер не прискакал. Манрик-младший армию угробил, а мятежники обнаглели и на столицу рот разинули. Тут уж не до шуток, зима не зима, а драться придется. Бласко, давай сюда Бронку с Карбоном, проводишь рэев в Тронко.

¹⁵ Иди сюда (кэналл.).

Снова чужие лошади, не поймешь, какие по счету, но дорога кончается. Еще немного, и они будут у Дьегаррона. В последний раз Чарльз видел кэналлийского маркиза в Гельбе. Энтони Давенпорт командовал пешими мушкетерами, Хорхе Дьегаррон – конными стрелками.

Худой быстрый кэналлиец не терпел намеков и доносов, служить с ним было одно удовольствие. Тогда еще корнет Давенпорт дорого бы дал за то, чтоб остаться в Придде, но отец не счел возможным служить в одной армии с сыном. Пришлось возвращаться в столицу...

– Чарльз, – Валме придержал доставшегося ему рыжего Бронку, – кажется, мы никого не удивим, зато ты наконец узнаешь, что с Рокслеем.

– Они готовы выступить, – теньент глянул на ехавшего впереди капрала, – я иду с ними.

– И куда? – Марсель задрал голову к небу. – Я себя обманываю или облака стали пожиже?

Облака оставались прежними, и дождь никуда не делся, просто все гораздо лучше, чем казалось. Алва в Талиге и действует, так что Рокслеи с Раканами скоро будут завидовать Эгмонту, тот хотя бы удостоился дуэли.

– Вы становитесь все мечтательней, – Валме укоризненно покачал головой. – Что ж, попробую завести светскую беседу с капралом Бласко.

– Я задумался, – честно признался Чарльз. – Мой отец служил с Дьегарроном, я хотел определиться к нему, не вышло.

– Теперь выйдет, – жизнерадостно заверил Валме, – теперь у нас все выйдет.

– Ну а ты? – Давенпорт в упор взглянул на улыбающегося приятеля. – Ты куда?

– Как сказал бы милейший Пахарильо, к собрано, – наследник Валмонов церемонным жестом приподнял умученную дождями шляпу. – Я офицер для особых поручений при персоне Первого маршала, и ему от меня не отделаться.

Неунывающий виконт дал шпоры Бронке, жеребчик взвизгнул и прыгнул вперед, Давенпорт пожал плечами. «Собрано»... Всюду у них собрано, Монсеньор, маршал... Вот и он бросился не к отцу, не к старшему Савиньяку, а к Алве. Нет, обида и злость никуда не исчезли, просто стало не до них.

Накрытый по всем правилам стол, разлитое вино, круглые, удивленные глаза Фердинанда, женские вопли, торжествующие лица, такие знакомые....

– Сложите оружие, – шепчет тень короля. – Ваша присяга никому не нужна, как и ваша честь.

– Уберите шпагу и уходите, – приказывает маршал Рокслей, выигравший сражение с верившим ему сюзереном.

Подчиниться? Уйти? Остаться с победителями, друзьями, покровителями?

Теньент не может послушаться. Теньент ничего не решает, да и решать уже нечего. Фердинанду конец, столица в руках Рокслеев. Все решено без тебя, ты ни в чем не виноват, ты ничего не изменишь...

– Именем Талига! – Чарльз спустил курок, почти не целясь, промахнуться было столь же невозможно, как и не стрелять.

Он вышел из своих казарм вопреки всем приказам мира, иначе было нельзя. Разве что застрелиться самому, но это было бы трусостью.

– Гуэн ва? – окликнул веселый голос. – Елес Бласко?

– Ектой, – откликнулся Азулес, – сон тос офисьялес. Хенераль?

– Экта айки, – из-за угла показался здоровенный нос, к которому было приделано достойное его тело. – Дор каворэ! Эктэра ун ворко

Обладатель носа исчез. Капрал завернул коня вправо.

– Генерал у себя, – пояснил он, – это близко.

5

Хорхе Дьегаррона Марсель в лицо не знал. Генерал был не из тех, кто торчит в столицах, а Валме до недавнего времени принадлежал к столь нелюбимому войсками племени придворных шаркунов. Тем не менее маркиз указал на обитые рыжим атласом кресла.

– Прошу... Полагаю, вы голодны. – Выглядел кэналлиец неважно, говорили, он так до конца и не оправился от раны.

– Мы обедали, – заверил Марсель. Давенпорт молчал, надо полагать, сочинял рапорт о переводе в Южную армию.

– Значит, будете ужинать, – постановил генерал, – и я с вами, с утра ничего не ел. Виконт Валме, я третьего дня получил письмо от вашего батюшки, он о вашем приезде не упоминал.

– А он о нем и не знал, – признался Марсель, – я и сам-то не знал. Все случайно вышло. Рокэ уехал, я за ним, неподалеку от Шевр-Нуар налетел на Давенпорта, он ехал из Олларики. Мы обменялись новостями и свернули к вам.

– И правильно сделали. – Маркиз Дьегаррон откинулся на спинку кресла. Валме когда-то слышал, сколько ему лет, но как назло забыл. – Я слушаю.

– Чарльз, – встрял Марсель, – похоже, ваши новости важнее моих.

– Благодарю, сударь. – Давенпорт встал и вылез на середину комнаты. С этими военными не соскучишься. – Правильно ли я понял, что вы ждете приказа Первого маршала?

– Жду, – кивнул курчавой головой Дьегаррон, – этот приказ у вас, не так ли?

– У меня нет никакого приказа, – отчеканил тенъент, отчаянно напоминая Герарда, – я покинул столицу вместе с полковником Анселом, когда Роксlei захватили короля.

– Что вы сказали? – генерал вскочил и болезненно сморщился. Бедняга! С больной головой и узнать такую пакость. – Постойте!

Дьегаррон распахнул дверь.

– Лиопес, – голос маркиза звучал почти весело, – разыщите епископа, да поживее!

– А губернатора? – спросили из-за двери.

– Успеется. Придет Бонифаций, накрывайте на четверых. – Кэналлиец вернулся к рабочему столу, но не сел, а как-то странно, одними плечами, прислонился к стене. – Подождем святого отца, он у нас умный. Ты когда выехал?

– Пятнадцатого Ветров, – начал Чарльз, его лицо стало жестким, – то есть шестнадцатого. Пятнадцатого я убил маршала Рокслея и пробрался к полковнику Анселу. Когда начался мятеж, он заперся в казармах с резервным полком из Дорака и третью гарнизона. Я рассказал о захвате Фердинанда и предательстве Морена и Рокслеев. Отбивать город и штурмовать дворец с нашими силами было бессмысленно. Ансел принял решение уйти в Ноймаринен. Мы выступили ранним утром, нас не задерживали, по крайней мере, до Корты. Оттуда я повернул на юг.

– И встретил виконта, – внимательные черные глаза уставились на Марселя. – Что ж, сударь, теперь ваш черед, расскажите про свои похождения. О фельпской кампании я в общих чертах осведомлен.

– Тогда не буду повторяться. – За какими-то кошками Валме тоже вскочил, вот уж с кем поведешься. – Маршал Алва получил приказ оставить армию на Эмиля Савиньяка и переехать в Урготеллу. Мы переехали.

16 – Кто идет? Это ты, Бласко? – Я. С офицерами. Где генерал?

– Здесь. Пожалуйста, подождите немного (*кэналл.*) .

– Кто «мы»?

– Сам герцог, его порученец, ваш покорный слуга и кэналлийская охрана. Да, с нами были еще фельпцы.

– А это что еще за птицы? – маркиз прищелкнул пальцами и смутился. Иногда он казался пожилым человеком, иногда чуть ли не мальчишкой, только виски были седыми. Славный человек, жаль, расхворался не ко времени.

– Сын адмирала Джильди, он капитан галеры и наш друг. Рокэ... Маршал Алва откупил на три года «Влюбленную акулу» у Фельпа.

– Что дальше?

– Дальше? – вздохнул Валме. – Дальше мы сидели, как куры в мешке, потому что письма, которые не крал Манрик, крал Фома. Мы не получали ничего, кроме королевских приказов, Алву это бесило... Мы понимали, что в Талиге что-то не так, и готовились к войне с Бордоном.

– Только с Бордоном? – Рокэ Дьегаррону родич или нет? Наверняка какой-нибудь троюродный кузен, но по виду не скажешь. – О Гайифе речь не шла?

– Маршал говорил, – припомнил виконт, – дожи – это закуска.

– Так и есть, – кивнул генерал, – «дельфины» – дорога к «павлину». Что было потом?

Потом были отравленные лилии, маэстро Гроссфихтенбаум с его скрипками, принцессы, дождь и последний вечер, когда и слепой бы сообразил... Валме прокашлялся, лилии и принцессы маркиза не интересовали, а последняя песня... Про нее не расскажешь даже кэналлийцу.

– Двенадцатого Осенних Ветров Алва что-то узнал... – И делал вид, что все в порядке, мерзавец. – Он исчез утром вместе с галерой Джильди, даже кэналлийцев бросил.

– И вы?

– Я поехал в Талиг. – Из Тронко все его эскапады казались смешным и нелепыми, каковыми и являлись. Виконт Валме бросается на помощь кэналлийскому Ворону! Изумительный сюжет...

– Понятно, – нарочито равнодушным голосом сказал Дьегаррон. – Дороги в это время года оставляют желать много лучшего.

– В этом мире многое оставляет желать лучшего, – заявил Марсель, понимая, что совершает очередную глупость. – Генерал, мы просим нас использовать соответственно нашим способностям и умению.

– Погодите, виконт, – махнул рукой кэналлийец, – что делать со способностями Валмонов, лучше всех знают Валмоны. Карло, ты давно видел отца?

– Весной в Давенпорте.

– Поедешь к нему, но не сразу, а через Надор. Армии Талига должны стать единым целым. – Генерал потянулся было к чернильнице, но передумал. – Ничего нет глупей приказа, написанного до ужина. Капитан, Алва вам этого не говорил?

– Нет, – передернул вдруг замерзшими плечами Марсель, – он говорил, что армия войны всегда бьет армию мира...

За стеной что-то хлопнуло, потом еще раз, уже ближе. Валме оглянулся и узрел внушительного оллариянского епископа с богатым наперсным знаком, но в тяжелых стоптанных сапогах. У святого отца всего было много, но особенно – бровей и чрева.

– Хляби небесные разверзлись, – возвестил клирик, – «и не смогла принять земля в лоно свое всю воду, и вышли из берегов реки...», а все потому, что низверглась на землю вода, а воды много не выпьешь.

Дьегаррон молча подошел к бюро и вытащил оттуда бутыль и четыре стакана. Бонифаций, а бровеносец мог быть только им, хитро глянул на кэналлийца и повернулся к Марселю:

– Сказано: добродетель жены проступает в лицах детей ее, а стезя воинская есть удел храбрых и сильных духом. Вижу я, наследник Валмонов сменил багрец и парчу на доспехи, а золото – на сталь.

– Самому странно, – пробормотал виконт, оторопело глядя на святого отца, – вышло так.

– Нет пути, аще не от Создателя, – поднял толстый палец пастырь, – но выбор стези жизненной, равно как и выбор супруги, есть дело благое и непринужденное. Ты не перекачиполе, а человек, и не ветер тебя катит, а сам идешь. Потому и говорю, молодец. Что привез? Когда «павлина» щипать будем?

– До «павлина» далеко, – Дьегаррон плеснул в кубки какого-то подозрительного пойла, похожего и не похожего на касеру, запахло полынью, – и до Олларии тоже. Опоздали мы, и Росио тоже опоздал.

Глава 6 Ракана (б. Оллария) 399 года К.С. 20-й день Осенних Волн

1

Розовые зимние лилии пахли парфюмерной лавкой и осыпали неосторожных липкой красно-коричневой пылью. Мерзкие цветы и утро мерзкое! Луиза Арамона с ненавистью ткнула воняющий духами веник в пузатую нухутскую вазу и, держа ее на вытянутых руках, чтоб не щеголять пятнистым носом, предстала перед утонувшей в креслах королевы, которую велено было называть «госпожой Оллар».

Катарина не возражала. С приходом Ракана кошка сочла за благо превратиться в полудохлого ангела – если она не лежала в обмороке, то молилась или тряслась в лихорадке, Луиза никак не могла решить, поддельной или нет. Выглядела Катарина – краше в гроб кладут, но капитаншу не радовало даже это.

– Откуда они? – пролепетала королева, глядя на устрашающий букет.

– Из оранжерей Рокслеев. – Графский братец влюблен в тебя, как весенний заяц, и ты это прекрасно знаешь. И лилии эти знаешь, потому что Придд присылает хризантемы, а Окделл – цикламены и фуксии. Ослы!

– Я... Я благодарна. – Ее бывшее Величество соизволило коснуться пальчиком розового, как подштанники Манриков, лепестка, вздохнуть и прикрыть глазки. Приставленная к хворому агнцу Одетта Мэтьюс колыхнула ватной грудью и прогавкала:

– Какая роскошь!

– О да, – шепнула Катарина, – но мне ближе лесные и полевые цветы... От запаха лилий мне становится дурно. Милая Луиза, вас не затруднит их вынести?

Милую Луизу не затруднило. Какой бы Катарина ни была, от лилий ей и впрямь становилось худо. Можно лгать словами, глазами, губами, но зеленеть по собственному почину еще никто не выучился. Госпожа Арамона торопливо выволокла из спальни проклятуший букет, немного подумала, отправилась в небольшую комнату, превращенную в подобие приемной, и водрузила ношу на камин. Будь ее воля, женщина б шмякнула вазу с вонючками об пол, а еще лучше – об башку влюбленного капитана Личной тараканьей охраны или как его там, но приходилось брать пример с Катарини и сидеть тихо.

– Госпожа Арамона, – Луиза вздрогнула не хуже дражайшей Катарини и столь же торопливо обернулась. Одетта Мэтьюс прижала палец к губам и прикрыла дверь, – госпожа Арамона, меня волнует здоровье Ее... госпожи Оллар. Она ничего не ест!

Не ест – и Леворукий с ней! Меньше, чем об аппетите Катарини Ариго, Луиза думала только о собственном. Нет, она понимала, что их с Селиной жизни зависят от того, насколько удачно немоющее создание в гостиной заморочит голову нынешним хозяевам Олларии, но понимать – одно, а жалеть – другое.

Капитанша пару раз усиленно вздохнула.

– У госпожи такое слабое здоровье! Она всегда ела, как птичка.

Может, у кошки и вправду не было аппетита, но вернее всего несчастная боялась растолстеть. В страдания коровы никто не поверит, хотя коровы страдают не меньше, чем бабочки.

– Вы не знаете, – Одетта была собакой добродушной и изо всех сил опекала доверенную ей овцу, – такие приступы бывали и раньше?

Кто ж ее знает? Такой бледной Катари не была даже в Багерлее, но тогда дура еще не загнала в петлю человека, без которого умирала. И лучше б умерла! Если б не жена, Фердинанд был бы в Придде, а Рокэ – на свободе. Милой Катари не хотелось в тюрьму к Манрикам, и она удержала мужа в столице...

– В последние месяцы на долю госпожи Катарини выпало слишком много испытаний, – с достоинством произнесла Луиза, – ее разлучили с детьми, она перенесла заточение.

Как же, думает эта кукушка о детях! Ждите! Только о себе. Ну, может, еще о Рокэ, только что теперь думать? Свое дело она сделала!

– О да, – качнула щеками Одетта, – как я ее понимаю. Я и сама...

«Я и сама...» Луиза уже забыла, сколько раз слышала эту фразу. У Одетты была дочь, которую взял в жены родич Рокслеев. Теперь «малютка Джинни» была в деликатном положении, о чем мать трещала с утра до вечера. Немногочисленная свита бывшей королевы билась от Одетты в конвульсиях, но Луиза слушала безропотно. Хорошие отношения с надсмотрщиками еще никому не помешали, к тому же, пока Мэтьюс гудела об утренних рвотах, можно было думать о своем.

Будь здесь Аглая Кредон и догадайся она, что в голове у дочери, Луиза бы в очередной раз узнала, что она – вылитая мармалюка. К счастью, матери в Оллари не было. Папенька уволок любовницу и младших внуков прочь из города, так что за Жюля и Амалию капитанша не беспокоилась. Граф Креденьи был не из тех, кто попадает в ловушки и считает суаны. С Герардом тоже было все в порядке. Матери, даже самые мармалючные, всегда знают, что с их детьми. Когда семилетняя Селина по дурости Арнольда едва не утонула, Луиза это почувствовала. И когда Жюль сломал руку, а Герард провалился в колодец – тоже. Нет, Жюлю, Амалии и Герарду не грозит ничего, а Селина на глазах. Старое крыло дворца, куда поместили «госпожу Оллар», было одним из самых безопасных мест в загаженной Оллари. И самых тихих, потому что Катарина Ариго не желала никого видеть, Ракан не хотел видеть жену Оллара, а влюбленный Рокслей прятал свое сокровище от соперников.

– Вы, как мать, меня понимаете, – гудела озабоченная Одетта, – хотя нет, вам это только предстоит. По-настоящему осознаешь, что такое материнство, лишь когда твоя собственная дочь носит дитя. Но, раз уж мы с вами заговорились, давайте пройдем в буфетную. Дэвид прислал засахаренные груши, совершенно роскошные! Они все равно пропадут, у ее вел... у госпожи Оллар нет аппетита. Кстати, лекарь сказал моей дочери, что с ее телосложением...

Вот бы убить мать и дочь вместе с нерожденным младенцем и податься в выходцы! Луиза с пониманием закивала головой:

– Доктор прав, много сладкого вредно, особенно если носишь мальчика.

– Вы думаете? – Одетта ухватила Луизу под руку. – Ну идемте же! Уверяю вас, нашего отсутствия не заметят.

– С удовольствием, если честно, я обожаю сладкое.

Придется жрать груши в сиропе и хрюкать, а Рокэ в Багерлее. Один! Герцог не из тех, кто тянет за собой в Закат других. Он не взял с собой никого... Никого! Герард цел и в безопасности, а синеглазый кэналлиец – в лапах возомнившего себя королем ублюдка. Святая Октавия, ну почему он это сделал?! Фердинанд – хороший человек, но ТАКОЙ жертвы не стоит. Если бы бывшего короля казнили, Луиза б ревела, не просыхая, ночи напролет, но сейчас капитанша собственноручно бы придушила глупого толстяка, из-за которого Алва полез в пасть к Зверю.

Кабинет Его Величества находился во власти обойщиков, и Альдо ждал своего маршала в зале Высокого Совета. Робер бы выбрал для работы комнату попроще, но он править миром не собирался. Гимнеты стукнули об пол зверского вида алебардами, и Первый маршал Талигойи ввалился в пристанище мудрости. Сюзерен сидел на троне, уткнувшись в документы, на полу у ног Его Величества возвышались две бумажные кучи. Альдо небрежно бросил то, что читал, в левую и потянулся.

– Иди сюда, а то кричать придется.

– А ты комнаты поменьше не нашел, – Эпинэ с сомнением оглядел бумажные горы, – и чтоб со столом?

– Не подумал, – признался Альдо, – а скакать туда-сюда непочтенно, короли не скажут.

– Короли думают, – не выдержал Иноходец, плюхаясь в ближайшее кресло, оказавшееся синим. Что ж, вот и повод для безнадежного разговора.

– Кажется, я становлюсь наследником Вороны. Сначала – конь, теперь – кресло...

– Было б неплохо, если б ты и меч нашел, – живо откликнулся Его Величество. – Закатные твари, корона у меня, жезл у Эсператора, а меч у этого негодяя!

– Альдо... – Главное – равнодушие, ты не хочешь влезать в это дело, но ты не можешь не предложить другу свои услуги. – Хочешь, я поговорю с Вороном? Пусть отдаст меч, а мы...

– Нет! – свел брови Альдо.

– Вот как? – легкая обида и недоумение. Еще бы, хотел помочь, а нарвался на грубость. – Ты мне не доверяешь?

– Я не желаю, чтоб мой маршал метался между долгом и ложной благодарностью, – отрезал сюзерен. – Я дал Ворону время на раздумье. До коронации. Дальше пусть пеняет на себя!

– Так ты с ним говорил?

– Говорил. – Альдо явно не рвался передать подробности, но складка между бровями говорила сама за себя. – Редкостный наглец! Он еще не понимает своего положения.

Алва не понимает? Как бы не так! Это ты ничего не понял, ничему не научился и не видишь, что скоро предстоит выбирать между шкурой и короной. В Эпинэ еще можно было отступить, это не поздно и сейчас, но Альдо вцепился во власть, как бракованная гончая в зайца. Трясет и не замечает, что вокруг – волки. Робер залихватски махнул рукой:

– Ну и пошел он к кошкам. Ты мне лучше скажи, кардинала Талигойского кто встречает?

– А ты откуда знаешь? – подозрительно сощурился Альдо.

– Я Первый маршал или нет? – из последних сил зевнул Иноходец. – Мне доложили о курьерах Эсператора.

– Никола?

– Он – комендант Олла... Тьфу ты, Раканы. Но что в письме, он не знает.

– Надеюсь. – Альдо откинулся на спинку кресла и лукаво подмигнул. – Но тебе я скажу. К нам едет Левий из ордена Милосердия. Как видишь, обошлось без «истинников», а ты боялся.

– Боялся, – признался Робер, – и сейчас боюсь: так просто они нас не оставят.

– Сколько раз тебе говорить, это мы их оставим, когда будет нужно. – Альдо изловчился и перепрыгнул через разложенные бумаги. – Но сейчас без клириков не обойтись. Мне нужно благословение, и мне нужен жезл, и он будет!

– Не думаешь ли ты, – Робер тоже поднялся, на синем бархате завивался серебряный смерч, предвещая ненастье, – что Эсператор расстанется с подарком Эрнани Святого?

– Расстанется, – заверил Альдо Ракан, – когда у меня будут меч и корона. Вот тогда можешь есть цивильников с потрохами, я слова тебе не скажу.

– Я – Иноходец, а не ызарг, – копившаяся с утра злость вырвалась наружу, оскалилась и

зашипела, – падалью не питаюсь.

– А падаль есть, – засмеялся Альдо, – и ее надо есть, чтоб не воняла, значит, без падальщиков не обойтись. Ладно, я тебя не за этим звал. Пора нанести визит твоей кухне, а то бедняжку совсем забросили.

– Ты собрался к Катарине? – Других кузин у него нет, по крайней мере законных. – Зачем?

– Именно, – подтвердил Его Величество. – За сию особу ходатайствует герцог Окделл, а мог бы и ты.

Сюзерен поправил перевязь и подмигнул. Он был собой доволен, как, впрочем, и всегда.

3

Луиза остервенело пилила проклятые фрукты, не забывая манерно отставлять мизинец и охать и ахать в подходящих, с ее точки зрения, местах. Груши были приготовлены по всем правилам кондитерского искусства, только вот госпожа Арамона с детства не терпела сладкого.

– Жаль, что госпожа Оллар не принимает посетителей. – Луиза героически проглотила кусок засахаренного кошмара. – И не может поблагодарить господина капитана за заботу. Он такой достойный молодой человек! У него сейчас, наверное, много дел?

– Ужасно много, – подтвердила Одетта и подналегла на серебряный фруктовый ножик. Груша лопнула, плюнув в обидчицу медовым соком. Луиза выхватила платочек и протянула заляпанной дуре.

– Скорей сотрите! А пятна на платье мы сейчас засыплем солью!

– Благодарю, – пропыхтела сластена, вытирая рожу, – вы так любезны.

– Ах, что вы! – пропела Луиза. – Я виновата перед вами. Я отвлекла вас разговорами о ваших родичах, но поймите и меня, вы – особа, приближенная к трону, а я так любопытна...

Приближенная к трону особа благожелательно улыбнулась и вновь взялась за фрукт. Если б только она поменьше болтала о своей брюхатой дочери и побольше о политике.

– Да, мой зять ничего не скрывает от моей дочери, – половина груши исчезла в мягкой пасти, – и это меня волнует. Ей в ее положении не стоит знать о некоторых вещах...

А госпоже Арамоне в ее положении знать о них просто необходимо! Значит, будем жевать сладкое и кивать. Кивать, жевать и спрашивать.

– Госпожа Мэтьюс, вы меня пугаете! Что-то случилось?

– К счастью, нет, но Джеймсу Рокслею придется выехать встречать нового кардинала. Это очень опасно.

– Опасно? – квакнула Луиза, слегка открыв рот. – Вы говорите, опасно?!

– На дорогах очень тяжелое положение, – госпожа Мэтьюс, без сомнения, повторяла слова зятя, – в Оллarii – трудности с продовольствием, а эти негодные трактирщики и торговцы прячут припасы. Вы не поверите, но за хлебом теперь приходится отправлять солдат.

И почему это она не поверит? Очень даже поверит. Какой дурак повезет товар, если его все равно отберут?

– Благодарю, – будущая бабушка протянула Луизе липкую, пропахшую корицей тряпку, – вы меня так выручили.

– Но бунта не будет? – Луиза двумя пальцами взяла испакощенный платок и нечаянно уронила под стол. – Какое счастье, что мы под защитой гвардии! И как замечательно, что гвардией командует Джеймс Рокслей. Ему так идет новый мундир. Он ведь настоящий красавец! Наверное, он скоро женится?

– Видите ли, – закатила глаза Одетта, – тут есть некоторые сложности. Надеюсь, я могу быть с вами откровенна?

Луиза всем своим видом изобразила, что тайна уйдет с ней в могилу, но услышать о

затруднениях семейства Рокслеев не удалось. В прихожей раздался шум, госпожа Мэтьюс всплеснула руками и бросилась к двери, Луиза потрусилась следом. Они успели увидеть, как красивый кавалер в белом и золотом отвешивает изысканный поклон сжавшейся в комочек Катарине Ариго.

– Сударыня, мне следовало сделать это раньше, но у меня слишком много дел. Вы мне простите, если я обойдусь без церемоний и представлю себя сам. Я – Альдо Ракан.

Этот?! Глаза Луизы впились в новоявленного короля. Он и впрямь был хорош. Стройный, высокий, светлые волосы, голубые глаза, на подбородке – ямочка. От таких ангелочков женщины млеют, но Луиза Арамона была стервой и не терпела сладкого в любом виде.

4

Молодая хрупкая женщина съежилась в огромном вызолоченном кресле. На кожаных подушках поместились бы три Катарини, но она была одна. Совсем одна. Напуганная, ничего не понимающая, больная. Лицо неподвижно, руки теребят янтарные четки. Золотистые, как глаза Мэллит, камни дрожат в длинных пальцах...

Робер стоял за спиной Альдо и смотрел на двоюродную сестру, сам не понимая, узнает ее или нет. Он не раз видел Катарини сначала девочкой, потом – девушкой, но запомнились лишь алые фамильные платья и светлые, как у матери-северянки, волосы. Косы у бывшей королевы остались прежними, слишком тяжелыми для тоненькой шеи. Платье кухни теперь было черным, а вот лицо Робер забыл насмерть, хотя по всем законам отвечать за эту женщину теперь ему. Если, разумеется, не объявится ее блудный братец, но это вряд ли.

Сбоку что-то зашуршало, наверное, слуги. Бывшая королева вздрогнула, словно очнувшись, бросила четки, торопливо соскочила с кресла.

– Я... Я приветствую... я счастлива видеть потомка Эрнани Святого...

Янтарь соскользнул с гладко выделанной кожи и беззвучно упал на ковер. Альдо галантно поднял четки и протянул собеседнице:

– Успокойтесь, сударыня, вы и ваши дамы в полной безопасности.

Королева моргнула и робко коснулась солнечных бусин. Несчастное существо! Кто же ее так запугал? Уж точно не Фердинанд. Сильвестр? Манрики? Покойные братья? Или все сразу. Жозина говорила: мать Катарини тоже была не из храбрых.

Альдо взял вцепившуюся в камешки женщину под локоть и подвел к креслу у окна. К счастью, не столь огромному.

– Умоляю, сядьте. – Эпинэ не мог видеть лица сюзерена, но с женщинами Альдо обращался более умело, чем с лошадьми. Его не боялись и ему верили, иногда слишком.

Бывшая королева вымученно улыбнулась и почти упала на парчовые подушки. Альдо самолично подвинул стул и устроился напротив собеседницы.

– Сударыня, я понимаю, вы привыкли к другому положению, но ваш супруг никогда не был законным королем этой страны.

– Я знаю... Но его называли королем, а меня – королевой, только... Только... – Женщина в кресле замолчала, разглядывая обручальный браслет на тонком запястье. – Я была никем... Даже больше, чем никем. Не оправдавшей надежд заложницей, помехой на дороге мужчин, узницей... Нет, Ваше Величество, в моем положении ничего не изменилось. Я ничего не потеряла и ничего не обрела.

– О нет, – мягко поправил Альдо, – вы обрели свободу. Вас выдали замуж насильно, вы и Фердинанд Оллар принадлежите к разным церквям. Этого достаточно, чтобы новый кардинал объявил ваш брак недействительным и вернул вам родовое имя.

– Ваше Величество, – Катарина подняла глаза на гостя, словно прося извинить ее, – я благодарю вас за вашу доброту, но я не могу ею воспользоваться.

– Почему? – Альдо выглядел удивленным. – Вы молоды, хороши собой, вас ждет счастье.

– Ваше Величество, – в голосе женщины слышались тоска и непреклонность, – я согласилась выйти замуж за Фердинанда Оллара и прожить с ним до конца дней своих, когда он был королем. Да, я сделала это по просьбе родных, но добровольно. Меня никто не принуждал. Я дала клятву, и я ее исполню. В мире один Создатель, а девушка лишь единожды может отдать свою невинность... Я перед Создателем и своей совестью – жена Фердинанда Оллара и должна разделить его судьбу, какой бы та ни была.

А Дикон на этот раз прав, Катари и впрямь жемчужина! Не любить мужа, но не оставить его в беде! На такое пойдет не всякая, хотя благородство Катари может спасти ей жизнь, когда вернутся Оллары. А они вернутся.

– Ваши чувства и ваши слова делают честь вам и вашему дому, – наклонил голову Альдо. – Судьба Фердинанда Оллара еще не решена, мы вернемся к нашему разговору позже.

– Это ничего не изменит. – Катарина поднялась, вынудив к тому же царственного гостя. – Я не хочу, чтобы про меня говорили: эта женщина отдала себя королю и отреклась от узника. Если я оставалась с мужем, когда он был на троне, как я могу уйти сейчас? Это... Это бесчестно!

Сюзерен улыбнулся, и Робер понял – ему пришла в голову мысль, от которой он в восторге.

– Сударыня, – Альдо Ракан поцеловал тонкую руку, – вы – истинная талигойская зория, но я – ваш король. Я не позволю вам губить свою жизнь, но вы слишком слабы и взволнованны. Умоляю, сядьте.

Она не спорила. Не потому что сдалась, а потому что все равно сделает по-своему. Через страх, нежелание, отвращение, но сделает. Потому что считает нужным. У некоторых женщин чувство долга превышает всего. Такова Катари, а у Мэллит превышает всего любовь... И та и другая достойны счастья, но есть ли оно в этом мире?

– Эрза, – Альдо тоже уселся, он в отличие от Катари разговор законченным не считал, – ваш супруг – враг Талигойи, но вы ни в чем не виноваты. По закону вы должны перейти под покровительство вашего ближайшего родича. Я надеюсь, граф Ариго скоро будет с нами.

Граф Ариго не приехал в столицу, даже когда получил титул. Кузен всю жизнь проболтался в Торке и, говорят, стал настоящим бергером. Вряд ли стоит ждать его сейчас.

– Жермон... – взгляд Катарины затуманился. – Я писала ему, но мои письма не доходили... Окружение моего... моего супруга оторвало меня от всех, кого я любила.

– Забудьте об этом, – потребовал Альдо. – Раз и навсегда. К тому же одного родственника я вам привел. Если я не ошибаюсь, мой Первый маршал – ваш кузен, и он здесь.

5

Что говорить, он не знал. И Катарина не знала. Эпинэ смотрел в голубые глаза двоюродной сестры, о которой не вспоминал десять лет. Беспамятный подонок! Хорошо, Альдо по просьбе жмущегося за дверью Дикона отправился к бывшей королеве с визитом, ему самому бы это и в голову не пришло. Повелитель Молний барахтался в воображаемом одиночестве, а рядом был человек, женщина, отчаянно нуждавшаяся в помощи и слишком гордая, чтоб напоминать о себе.

– Ну что, родственничек, – хохотнул Альдо, – речи лишился?

Лишился. Сначала совести, а потом речи. Он думал о ком угодно: о южанах, Альдо, Рокэ, повешенном мальчишке, о Моро, наконец, – но не о кузине. И ведь он не один такой! Удо тоже приходится Катарине братом, только троюродным. И тоже забыл. Несчастную девочку бросили в змеиное кубло и там оставили. За ненадобностью.

– Катарина, – слова застревали в горле, – что я могу для вас сделать?

– Ничего, – в голубых глазах появились и исчезли слезы, – у меня все есть... Не беспокойтесь обо мне... Хорошо, что вы пришли... Я хочу тебе сказать. Я все знаю... И про

эра Гийома, и про твою матушку... Мне так жаль!

Ей жаль! Вместо того чтобы дать ему пощечину, она плачет о его матери. Робер поднес к губам сухую горячую ручку:

– Катари, я тебя совсем не знал.

– Откуда? – она героически улыбнулась. – Я не была дома со... со свадьбы, а ты?

– Я после Лаик первый раз в Оллари!

– В Ракане, Робер, – добродушно поправил сюзерен. – Ничего, теперь наговоритесь. Эрза, если кузен будет к вам невнимателен, я посажу его в Багерлее как государственного преступника.

– Нет! Только не Багерлее! – Катарина вскочила, тяжелая прическа не выдержала, на худенькие плечи обрушился пепельный водопад. – Простите! Я... Я просто испугалась. Так глупо...

– Это вы простите, – в голосе Альдо звучало весьма несвойственное ему раскаяние, – я неудачно пошутил. Робер – мой лучший друг, мы никогда не сделаем друг другу ничего плохого. Однако, сударыня, если б не моя бестактность, я бы лишился возможности рассмотреть лучшие волосы моего королевства.

– Ваше Величество, – Катари вскинула руки, словно защищаясь, – не говорите так.

– Сударыня, – сюзерен часто прятал смущение то под бравадой, то под игривостью, но откуда знать об этом Катари? – Я – король Талигойи, и я говорю все, что считаю нужным. У вас воистину чудесные волосы.

– Ваше Величество, – сказал, что они друзья, пусть терпит, – на правах опекуна прошу вас не смущать мою кузину. Она слишком мало нас знает и может неправильно понять.

– Увы, – Альдо от души хлопнул Робера по плечу. – Но скоро она узнает нас лучше. Эрза, я всю жизнь мечтал встретить женщину, в которой добродетель уживается с красотой, и наконец встретил.

Пустой комплимент. Был бы пустым, если б не оскорблял Мэллит, о которой этот вертопрах и думать забыл. Только бы Катарина не приняла все за чистую монету, она и так несчастна.

– Ваше Величество, – пробормотала кузина, – я... Я счастлива видеть вас... И Робера, но я не ждала гостей. Если вы позволите... Я хотела бы привести себя в надлежащий вид.

– Разумеется, – сюзерен встал и поклонился, – в вашем распоряжении будет столько слуг, сколько понадобится. Я надеюсь видеть вас на коронации.

– Ваше Величество, – она снова подняла голову, как тогда, когда отказалась оставить Фердинанда, – я прошу меня освободить от этой чести. Супруга не должна бывать при дворе, когда супруг в Багерлее.

– Как вам будет угодно, – в голосе Альдо раздражение мешалось с восхищением, – но портных и образцы тканей я вам все-таки пришлю.

– Вы очень добры, мне ничего не нужно.

– И после этого кто-то утверждает, что ангелов не бывает?! Что ж, эрза, мы подчиняемся и уходим, но ненадолго. – Альдо честно поднялся, но до двери не дошел. Лоб сюзерена прорезали две морщинки. О чем-то вспомнил, и, видимо, о чем-то не очень приятном.

– Эрза, я знаю, среди ваших дам есть девица Окделл.

– Айрис – моя подруга, – глаза королевы внезапно стали молящими, – я ей стольким обязана. Она меня поддерживала... Она и вдова капитана Лаик с дочерью. Если б не они, я бы... не выжила.

– Я рад, что молодая герцогиня достойна отца и брата, – с явной неохотой заверил Альдо. – Ричард писал ей, но не получал ответа. Он полагает, Айрис опасается разлуки с вами.

– Ваше Величество, – личико Катаринины посерело. – Мне... Мне дурно. Разрешите мне... Робер все-таки опередил Альдо, подхватив падающую женщину.

Сюзерен громко требовал лекаря и ругал служанок. Первыми вбежали две дуэньи –

толстая и худая, затем в дверях мелькнуло испуганное девичье личико. Костлявая дама с роскошными светлыми косами втиснулась меж Робером и сюзереном и потребовала:

– Ей нужно лечь. Немедленно.

Эпинэ покорно опустил свою ношу на огромную постель. Катарина была без сознания. Хлопнул дверь, пришел врач. Белокурая дуэнья сделала реверанс:

– Сударь, есть вещи, которые женщины скрывают даже от королей. Прошу вас удалиться.

Глава 7 Ракана (б. Оллария) 399 года К.С. 20-й день Осенних Волн

1

Сколько можно посылать цветы и записки, когда нужно прийти самому и сказать о своей любви. Громко и открыто! Пусть все знают, что Ричард Окделл любит Катарину Ариго и защищает ее своей честью, своим клинком и своим именем! Катари восхищалась отцом, но счастлива будет с сыном. Они сочетаются браком в Олларии, а потом он увезет жену в Надор, но не сразу. Замок надо перестроить, только сначала придется уговорить мать переехать во вдовью крепость.

Катарина слишком мягка и уступчива, ей нельзя жить под одной крышей со свекровью, да и сестрам пора выйти из-под материнской опеки. Этой зимой в столице опасно, но на следующий год все войдет в свою колею, и невесты из Дома Скал займут подобающее им место. Конечно, лучшей партией для них стал бы Валентин Придд, но породниться со Спрутами?! Робер старше Айрис на тринадцать лет, но это можно было бы пережить, если бы не вконец испортившийся характер. Альдо считает, что Иноходца загубили старые поражения. Он не верит в победу и в свои силы. Говорить с ним все труднее, но руку Катары придется просить или у ее брата, или у Робера, только это случится не раньше, чем Ее Величество избавится от Фердинанда.

Жирного узурпатора, все еще считавшегося мужем Катары, отправили в Багерлее, хотя вернее было бы отправить его в Закат. Каким бы ничтожным ни был Оллар, он – повод для мятежа. Пусть сейчас «навозники» притихли, не следует обольщаться, весной они заявят о себе. За свободу Талигойи придется драться, и до окончательной победы доживут не все.

В дальнем конце галереи раздались голоса и топот, глухо стукнули древки алебард, хлопнули двери – сменился караул. О чем можно говорить столько времени? Юноша не знал, что и думать: Альдо не собирался задерживаться у Катары, только заверить ее в своем покровительстве и разрешить девице Окделл переселиться к брату. Это должно было занять несколько минут, но часы отбивали четверть за четвертью, а король не появлялся. Теперь Ричард ругал себя за то, что не пошел с Альдо, но первая после разлуки встреча не для чужих глаз. Своих дам королева может отослать, а заупрямившихся, буде такие отыщутся, герцог Окделл сумеет призвать к порядку, но короля выйти не попросишь. Знай Альдо правду, он бы не стал мешать, но фамильная сдержанность помешала Дикону открыться даже другу и сюзерену.

В Алатской галерее, соединявшей дворец с Охотничьим флигелем, где разместили Катары, было два десятка забранных витражами окон. Дикон третий раз кряду принимался пересчитывать разноцветные стеклышки, но всякий раз сбивался и начинал заново, а время шло, и к мыслям о Катары подленько приплетались другие, мелкие и нелепые. О горячем вине, куске хлеба с мясом и хоть какой-нибудь скамейке.

Увы, галерея не предназначалась для ожидания, в ней не было мебели – только картины и охотничьи трофеи, хорошо хоть обошлось без кабаньих голов. Злые языки могут извратить все, в том числе и герб, а злых языков в Олларии хватает даже сейчас. Намарал же кто-то на

воротах: «Свинья в вороньих перьях». Надпись смыли, осадок остался.

Ричард вздохнул, привалился к стене, стараясь, чтобы вес приходился на спину, и опять принялся считать стекла. Он так и считал, пока в дальнюю дверь не ввалился наглец в лиловой ливрее с корзиной хризантем. Ричард никогда не любил эти разлапистые, пахнущие дымом цветы, но сегодня они казались особенно нелепыми. Хотя чего ждать от Спрутов? Даже хорошо, что Валентин ничего не понимает в цветах.

Лакей Приддов проволоком свою корзину мимо Дика, то ли не разглядев его сквозь топорщившиеся цветы, то ли не пожелав разглядеть. Связываться со слугой не хотелось, и Ричард побрел от картины к картине, изображая, что полностью поглощен алатскими забавами. То ли на юге зверье было крупней, чем в Надоре, то ли художник перестарался, но оскалившиеся черные и бурые чудища не уступали размерами лошадям, на которых они вопреки здравому смыслу бросались. От нечего делать юноша принялся считать гончих и обнаружил одну лишнюю ногу, втиснувшуюся между еловым пнем и здоровенным охотником в распахнутой на груди шубе. Юноша хмыкнул над просчетом давным-давно умершего мазила. Пятая собачья лапа была забавным казусом, а вот его собственные ноги дошли до предела. Топтаться на одном месте трудней, чем идти, особенно когда на тебе парадная обувь. Ничего не скажешь, выглядит она красиво, но высокие изогнутые каблукки превращают черные с золотом сапоги в орудие пытки.

Из апартаментов Катари вышла толстая дура в сборчатом платье, приняла корзину, глупо хихикнула и исчезла. Спрут тоже уполз, останавливать его Ричард не стал – нельзя опускаться до расспросов, как бы ни хотелось узнать, кто эта толстуха и почему вышла именно она.

Юноша мужественно добрался до конца галереи, за скрещенными алебардами Полуденных гимнетов виднелись лестничная площадка и уголок Голубиной гостиной с диванами, креслами и придворными. Еще нарвешься на кого-нибудь, от кого не отцепиться, и вообще, он слишком долго ждал, чтобы уйти. Хорошо Повелитель Скал, не может часок постоять! Ричард Окделл решительно направился к окну, выходящему в один из «висячих» садилов, разбитых прямо на крышах.

Золото витражей не могло скрыть низких серых туч, растрепанной сухой травы, пустых ящиков. Летом тут, без сомнения, было прелестно, но сейчас южные растения и клетки с птицами вынесли, фонтанчики иссякли, и только статуям осень была нипочем. Обнаженные юноши и девушки явно не желали спасать свою душу, изнуряя плоть. Интересно, потребует новый кардинал убрать «гальтарскую бесовщину» или закроет на нее глаза? Хорошо, что Левий из ордена Милосердия, он наверняка знал Оноре.

Только б Его Высокопреосвященство не разделит судьбу епископа, ведь на дорогах полно предателей и просто грабителей. Джеймс выехал навстречу кардиналу, но не слишком ли поздно? Нужно было сделать это самому еще неделю назад. В дороге люди сходятся быстро, он бы рассказал Левию о Катарине Ариго, а так Его Высокопреосвященство утонет в политике и коронационных торжествах, до него не доберешься.

– На красоток любишься?

От неожиданности Дикон вздрогнул. Так всегда бывает, когда ждешь слишком сильно.

– Ваше Величество!

Альдо казался довольным, а Робер откровенно расстроенным. Что-то случилось? Альдо сжал плечо Окделла.

– Ты был прав, Дикон, Катарина Оллар – удивительная женщина. Будь она хоть на четверть столь же красива, как благородна, я б не устоял.

Да что он понимает в красоте?! Ракан – умница, благороднейший человек, истинный вождь, но в женщинах не разбирается. Ему подавай смазливых алаток и алые розы, разве он оценит прелесть фиалки или гиацинта?!

– Я могу навестить Ка... мою сестру? Я хочу взять ее к себе.

– Почему бы и нет? – Альдо как-то поскущел. – Мы твою сестрицу не видели, но Катарина знает, что я не намерен лишать ее общества девицы Окделл.

– Можно я пройду к... к сестре прямо сейчас?
– Дикон, – сюзерен нарочито вздохнул, – ты – Повелитель Скал и опекун всех женщин своего рода. Тебе не нужно никакого разрешения, чтоб забрать Айрис.

2

Слава Создателю и Катари, сахарный красотун и его хмурый приятель убрались к кошкам. И неважно, с чего Катари взбрело в голову грохнуться в обморок, главное, она свалилась вовремя. Луиза поправила подушку, на которую опиралась позеленевшая королева, и доложила:

– Герцог Придд прислал хризантемы.

– Пусть госпожа Одетта поблагодарит герцога, – проблеяла Катарина и судорожно сглотнула. Подозрение, что обморок был самым что ни на есть настоящим, усилилось. Вот так и бывает – врешь, врешь да и наведешь на себя порчу! Болезни липнут к притворщикам, как мухи к дохлятине, простолюдинки это знают, а дворянки корчат из себя страдалец, пока не доиграются.

– Ваше Величество, – Луиза почитала за благо наедине величать Катарину прежним титулом, – Альдо Ракан весьма учтив, он разрешит пригласить лекаря.

– Нет! – прошептала Катари, но шепот весьма походил на крик. – я... Я им не верю!

Может, она и права. Жалует Альдо, не пожалует какой-нибудь генерал или посол. И вообще Леворукий знает, чего доктора суют в свои тинктуры! Уж если в святую воду яд подсыпали, лекарство тем более отравят и не чихнут, а Катарина Ариго нужна Луизе живой. Пока хитрохвостая кошка при сливках и подушках, они с девочками в безопасности. Госпожа Арамона укоризненно покачала головой.

– Как угодно моей королеве, но плоды кошачьей розы я вам заварю. Сама.

– Спасибо, – улыбнулось бывшее величество, – кошачья роза – то, что нужно... И еще крупноцвет...

А рвотное-то зачем? Неужели и вправду травят, но чем? Все едят и пьют одно и то же, да и отравителей вокруг не видать. Не Одетта же!

– Хорошо, Ваше Величество.

– Мы будем пить его все вместе...

Или рехнулась, или что-то подозревает, а чутье у ведьмы лисье. Что ж, от крупноцвета еще никто не сдох, а зеленую морду она как-нибудь переживет. Да и Селине сейчас красота не нужна, не те времена.

– Как прикажет Ваше Величество.

– Милая Луиза, – Катарина укоризненно покачала головой, – как я могу приказывать? Я прошу...

Просит она... Мать тоже «просила», особенно при господине графе, но попробовал бы кто-то не сорваться по просьбе госпожи Аглаи с места, он жалел бы об этом месяц! Талигу повезло, что девица Кредон не вышла замуж за короля, хотя будь маменька помоложе, лучшей пары Ракану не найти.

Госпожа Арамона со злостью отпихнула кресло, на котором только что сидел мальчик-розанчик, и принялась за цветы. Когда в спальню ввалилась Одетта, капитанша держала в руках жбан с хризантемами, вполне годящийся для убийства.

– В приемной герцог Окделл, – глазки будущей бабушки вращались, словно у влюбленного рака. – С разрешения Его Величества.

– Милая Одетта, – Катарина завозилась среди своих подушек и вновь схватилась рукой за горло, – милая Одетта... Я нездорова, попросите герцога прийти завтра.

Толстуха вышла. Катарина откинулась назад и прикрыла глаза. Луиза расценила это как желание остаться одной и выскочила из комнаты. Любопытство сгубило кучу баб и кошек, не говоря о мужиках, но, пока не наступит конец света, носы в замочных скважинах не иссякнут.

Госпожа Арамона давно облюбовала дверцу, которой пользовались истопники, зажигавшие камин, выходящую в нишу, отделенную от приемной тяжелым бархатным занавесом. Луиза с детства примечала то, что могло сгодиться, и вот оно сгодилось.

О том, что Окделл вернулся вместе с Раканом, Луиза знала. Попробовала бы она не знать, если брат Айрис заваливал Катарину мелкотравчатой дрянью, но поглядеть на бывшего оруженосца Ворона не получалось. Катари не желала никого принимать, а из апартаментов выпускали только Одетту. Надо полагать, после тараканьего визита что-то изменилось, и хорошо... Луиза извелась и от неизвестности, и от безделья, не считая же делом вышивание осточертевших розочек и возню с цветами.

3

Толстая дама в платье с оборками звалась госпожой Мэтьюс и находилась в родстве с Рокслеями. Это было странно – Рокслеи славились худобой и узкими лицами, отец шутил, что его вассалы портят Скалам всю породу и им место в Доме Молнии. Доживи герцог Эгмонт до сегодняшнего дня, он был бы счастлив и за Талигойю, и за сына, но, будь жив отец, что бы было с Катари?! Смогла бы она преодолеть девичью влюбленность или так бы и страдала всю жизнь о женатом Повелителе, который никогда не запятнает себя изменой? Даже любя.

– Монсеньор, – Одетта Мэтьюс колыхнула юбками, что, видимо, означало реверанс, – госпожа Оллар нездорова, но, если она завтра будет чувствовать себя лучше, она вас примет. Завтра?! Еще один день без Катари! А если она и завтра не сможет? Или не захочет?

– Что с Ее... с вашей госпожой?

– Она дурно спала ночь.

И только? Нет, здоровье ни при чем! Катари больно показываться тем, кто знал ее раньше. Она всегда думала о других, о Создателе, но не о себе, и ее столько раз предавали. Юноша едва удержался от того, чтоб схватить родственницу Джеймса за топорщащиеся оборки.

– У меня очень важные известия, – это было ложью или не было? – Я должен ее увидеть.

– Мне очень жаль, – пропыхтела дуэнья, – это невозможно. Госпожа Оллар проводит время в молитвах, она не принимает даже врача.

В молитвах? Она и раньше молилась день и ночь, не за себя – за братьев, за Талигойю и за... Окделлов. И вот теперь ее молитвы услышаны, но сама Катари чувствует себя одинокой и незащищенной. Если ее не остановить, она уйдет в один из вновь открытых монастырей. Уж не об этом ли она столько времени говорила с Альдо?! Нужно что-то делать, и немедленно, иначе будет поздно!

Толстуха сделала еще один реверанс, прощальный. И Ричард решился:

– Сударыня, королева больна, я понимаю, а моя сестра?

– Ваша сестра? – дама выглядела озадаченной. – Что ваша сестра?

– Айрис, Айрис Окделл здорова?

– О да, – кругленькие, темные глазки растерянно заморгали, – герцогиня Айрис здорова.

– Я должен ее видеть. Приказ короля!

– Монсеньор, – пропела дуэнья, – я сейчас же ее приглашу.

Оборчатая туша с неожиданной прытью метнулась к двери, всколыхнулись бархатные занавески, запахло пылью.

Ричард пригладил волосы и поправил шпагу. Айрис... Сестренка, плакавшая над мертвой лошадию. Девочка, у которой достало мужества последовать за опальной королевой в Багерлее. Айри всегда была смелой и преданной, она должна быть счастлива! Пусть она выросла в нищете, сейчас у нее будет все, и только самое лучшее. Она так жалела о Бьянко, надо купить ей такого же! Или нет, белый линарец будет напоминать о старых

неприятностях, а вот серый в яблоках... Серый конь для сероглазой девушки – как раз то, что нужно! И неважно, что среди линарцев эта масть встречается редко, для сестры Повелителя Скал торговцы в лепешку расшибутся. Так же, как и для супруги. Вот Катари и впрямь пристало ездить на белоснежной длинногровой кобылице.

В особняке Штанцлеров Ричард видел картину, изображающую свадьбу Лорио. Юная Беатриса так походила на Катари! Те же нежность, чистота и мужество. Герцог Окделл закажет для своей королевы такие же подвески, только не из серебра Боррасок, а из золота Окделлов. И достойного невесты коня тоже найдет. Белые мориски – неопиcуемая редкость, но у Катари в день свадьбы будет именно белая мориска с вплетенными в гриву фрезиями и колокольчиками.

– Монсеньор, герцогиня Айрис Окделл счастлива видеть своего отважного брата.

Айрис влетела, словно за ней кто-то гнался. Щеки сестренки разругались, глаза блестели. Наль прав, она в самом деле стала славенькой! Как же давно они не виделись! Но изгнанник вернулся с победой. Ричард бросился навстречу, готовясь подхватить девушку на руки, но Айри увернулась. Дикон не успел ничего понять, а сестра с воплем «ызарг поганый!» с маху ударила его по щеке.

4

Ричард обалдело тряс головой, а раскрасневшаяся Айрис налетала на братца, словно разъяренная воробиха. И не просто налетала.

– Свинья! – Звуки пощечин были громкими и нелепыми, словно повар отбивал мясо. – Свинья из вонючей лужи! Трус! Предатель! Тварь болотная!

Герцогиня колотила герцога по лицу, а дуэнья ее не останавливала. Понимала, что надо, но стояла и наслаждалась. Пусть хоть один «победитель» получит по заслугам не когда-нибудь «потом», а сейчас.

– Гадина! – худые пальцы вцепились в светлые вихры. – Ты мне не брат! – В двери мелькнула и пропала физиономия Одетты с открытым ртом. – Я тебя убью, убью, убью! – Град ударов, неловких, нелепых, но сильных и злых, очень злых. – Отправляйся в Закат! – Подсвечник с камина отправился в голову Ричарду, белые свечи падают вниз весенними сосульками, катятся по полу...

– Ты хуже «навозника»! – Айрис по-лошадиному топает ногой и вздергивает подбородок. – Ты сам навоз... Чтоб ты сдох! Кукушонок! Клещ собачий!

Если братец – полный ызарг, неприятностей не оберешься, а нет – подерутся и помирятся. Айри давно пора было сорвать злость, и лучше на родиче, чем на раканыше.

– Свинья кошачья! Изменник... Жаба бородавчатая! Клялся, да?! Клялся?!!

Сбоку громко охнули, нелепо и глупо защebetала морискилла. Дура-птица! Луиза наконец взяла себя в руки. Бить морды – дело благое, но делать это надо с умом. Капитанша опрометью выскочила в коридорчик и помчалась к законной, добропорядочной двери. В проеме, отставив сборчатый зад, торчала Одетта, Луиза отпихнула тещу родича Рокслеев и ворвалась в приемную. Герцог Окделл удерживал разъяренную сестру за руки, на щеке Повелителя Скал алели свежие царапины. Айрис вырывалась неумело, по-жеребьячи отчаянно, не прекращая ругаться.

Девушка то замолкала, словно проваливаясь в невидимый ухаб, то выкрикивала новые оскорбления. Морискилла щebetала, слуги и стражники подслушивали, даже не особо скрываясь.

– Тварь... Какая же ты погань, Дикон. – Если она будет так орать, то начнет задыхаться. Святая Октавия, она уже дышит, как утопленница. – Ты его каблука не стоишь! Урод неблагодарный... Я убью тебя, слышишь. И Ракана-таракана твоего убью... Задушую...

Тараканов не душить надо, а травить, но поди объясни это разбушевавшейся дурехе, даже если она кругом права.

– Айрис, Ричард! – Сейчас братца с сестрицей новым криком не остановишь, нужно

говорить спокойно. Раздельно и спокойно. – Успокойтесь, как вы себя ведете?

– Я его убью! – Айри не слышала, не желала слышать, в ее глазах не было слез, только ненависть. – Ты не будешь жить, слышишь, ты?! Не будешь! И как тебя такого земля носит?! И твоего поганца белобрысого.

– Айрис! – Вопль брата мало чем отличался от визга сестры. – Как ты смеешь оскорблять...

– А как ты жить смеешь, паскуда?! – выпалила Айрис. – И почему тебя только в Варасте ызарги не сожрали!

– Заткнись! – Лицо Повелителя Скал пошло такими же пятнами, как у сестры.

– Гадина! – взвыла Айрис, изворачиваясь даже не кошкой, а змеей. Зубы герцогини впились в удерживавшие ее руку, пальцы Ричарда разжались, девушка вырвалась и немедленно вцепилась обеими руками в ненавистное лицо. Одна рука соскользнула и ухватилась за герцогскую цепь, вторая рвала лицо, ухо, волосы.

– Закатная тварь! – так мычат очумевшие быки и одураченные мужья. Арамона тоже так орал, когда не знал, что делать. И Ричард не знает!

Повелитель Скал рванулся, с кухонным лязгом лопнула герцогская цепь, юноша пошатнулся, девушка отлетела к стенке и зашипела. Луиза, сцепив зубы, кинулась к камину, ухватила рокслеевский веник вместе с вазой и швырнула между сыном святого Эгмонта и его же доченькой. Грохнуло, как из хорошей пушки. Ваза разлетелась вдребезги, выплеснувшая вода окатила дерущихся, мерзко и сладко запахло лилиями. Ричард Окделл раздавил каблуком жирно хрустнувший стебель, и наступила тишина, прерываемая судорожным дыханием и тиканьем часов.

– Айрис, – всплывшая в гостиную Катарина Ариго была бледно-зеленой, как раздавленные бутоны, – вы мне нужны, но сначала вам следует поправить прическу. Герцог Окделл, я буду рада видеть вас завтра. Госпожа Арамона, могу я вас попросить проводить герцога?

– Разумеется, Ваше Величество, – скучным голосом произнесла Луиза. – Монсеньор, прошу вас.

Бывший оруженосец герцога Алвы уставился на нее, как на выходца. Повелитель Скал был мокр, как мышь, оторванный воротник открывал шею с тщательно замазанным юношеским прыщом и оставленной лопнувшей цепью багровой полосой. Еще восемь вспухших полос украшали щеки, а левое ухо стремительно приобретало свекольный оттенок. Для юной девы Айрис проявила незаурядную сноровку.

– Герцог, – промурлыкала бывшая королева, – если вы не сможете нанести мне визит завтра, приходите в любое удобное для вас время. Я буду ждать.

Окделл очнулся. Зыркнул на стоящую среди осколков сестру, попытался поклониться, поскользнулся на некстати подвернувшейся свече. Катарина этого не заметила, как не замечала ни луж на полу, ни расцарапанного лица.

– Сударь, – напомнила о себе госпожа Арамона, – разрешите вас проводить.

Ричард шумно выдохнул и побрел к двери вслед за Луизой. Что творилось сзади, капитанша не видела, но там что-то звякнуло. Хриплый крик «Убирайся к кошкам!» слился с каким-то свистом, золотая змеюка смачно хлестанула Ричарда Окделла по спине, свалилась вниз и оказалась все той же герцогской цепью. Повелитель Скал поднял изувеченную регалию, его лицо перекосило то ли от ярости, то ли от боли. Госпожа Арамона ловко подняла занавес, за которым скрывалась пресловутая дверца, и самочинно взяла Окделла за локоть.

– Монсеньор, сюда.

Молодой человек тупо оглянулся и остался стоять. Пришлось его подтолкнуть. Повелитель Скал являл собой весьма жалкое зрелище, но Луиза была далека от сочувствия. Капитанша с наслаждением оторвала б кабаненку уцелевшее ухо, но не выпускать же из апартаментов Катаринины мокрого исцарапанного герцога, будь он четырежды свиньей. Придется сушить, штопать и запудривать...

Леворукий бы побрал эту дрянь! Устроить такое! При Катари! И что только на дуру накатило?!

– Здесь ступенька, сударь, – предупредила белобрысая страхолюдина, которую он откуда-то знал. Она все видела. И сборчатая толстуха видела, и стражники, и Леворукий знает сколько слуг и служанок, но на слуг герцог Окделл мог не оглядываться. На слуг, но не на Катари.

Предстать перед своей королевой с расцарапанным свихнувшейся кошкой лицом! Эту тварь мало убить, но что сделано, то сделано.

– Монсеньор, думаю, будет лучше, если я зашью ваш воротник и обработаю ваше лицо квасцами. Такие царапины иногда гноятся.

Еще бы, когти у Айрис наверняка ядовитые, как у закатной твари, а уж язык!

– Монсеньор, вы согласны? Тогда лучше снять камзол. Я его просушу, пока буду заниматься воротником, но сначала – лицо.

– А потом? – язык сам спросил, Ричард о «потом» не думал.

– Потом я запудрю ваши щеки. Уверю вас, ничего не будет видно.

Зато будет слышно, слуги обязательно проболтаются, и не только слуги. Айрис визжала, как резаная. Скоро весь дворец узнает, что Айрис Окделл назвала своего брата предателем. Его, готового умереть за дело Раканов и Талигойю?!

– Выпейте, – рука в черном рукаве протянула Ричарду стакан, – это вас успокоит.

– Что это? – переспросил юноша, недоверчиво разглядывая пахнувший чем-то противным отвар.

– Кошачий корень, – пояснила уродина, – он успокаивает.

Делать герцогу Окделлу нечего, кроме как пить всякую дрянь. Ричард брезгливо скривился, и щеки ответили острой болью.

– Я не стану это пить, – юноша решительно поставил стакан на столик.

– Как вам угодно, – женщина равнодушно пожала костлявыми плечами, – но учтите, будет больно.

Дик угрюмо кивнул. Эта боль не шла ни в какое сравнение с тем, что было, когда ему чистили рану на руке, но она унижала. Честные раны мужчину украшают, но такое!

Смоченный чем-то жгучим тампон из корпии коснулся щеки, но Ричард даже не вздрогнул, хотя казалось, что его сунули лицом в костер. Кто же эта вдова? А, кем бы ни была, главное, ей доверяет Катари.

– Монсеньор, теперь вам придется ждать, пока просохнут ваши вещи, а я с вашего разрешения займусь вашим воротником.

– Вы очень любезны. Надеюсь, я смогу отблагодарить вас за вашу помощь.

Час назад Дик бы добавил, что Повелители Скал не забывают оказанных им услуг, но выходка Айрис опозорила всех Окделлов. Святой Алан, сестрица безумна или больна, но разве это остановит сплетников? И что теперь прикажете с этой кошкой делать? Может, выдать ее за Наю? Но кузен при всей своей суетливости и невзрачности хороший человек. Не стоит привязывать его на всю жизнь к гадюке, хотя любовь зла. Что ж, если Реджинальд, зная все, попросит руки Айрис, он ее получит.

Глава 8

Вараста. Тронко

399 года К.С. 20-й день Осенних Волн

Спроси кто виконта Валме о разлуках год назад, Марсель бы с чистой совестью сказал, что, не будь расставаний, он бы повесился. В самом деле, что могло быть хуже родителей или любовниц, от которых нельзя сбежать, да и от приятелей рано или поздно устаешь. Валме знать не знал, что значит кудахтать от беспокойства и сморкаться, глядя в спину уходящим, за что и получил. Кошка-судьба подсунула неунывающему виконту Ворона с его дуэлями, войнами и кардиналами, и понеслось... Муцио, Дерра-Пьяве, Луиджи, маэстро Гроссфихтенбаум, дядюшка Шантэри, прекрасная Франческа, – все они откуда-то выскакивали, отгрызали кусок сердца и пропадали с глаз, но не из головы. И это не говоря об утреннем чуде, паре заплаканных принцесс и заварившем всю кашу герцоге, болтающемся Леворукий знает где.

Виконт потрепал по шее прижившегося у него Бронку и во всеуслышание заявил:

– Найду – убью!

– Марсель, – Чарльз Давенпорт в кожаном варастиийском плаще держал под уздцы белолобую Манчу, – кого ты хочешь убить?

– Тебя! – огрызнулся Валме. – Если утонешь, можешь не возвращаться.

– Не паясничай, – Чарльз был серьезней дворового кота, собравшегося лезть в кухонный ларь, – мы не можем знать, когда встретимся и встретимся ли. Я должен убить Джеймса Рокслея и полковника Морена. У тебя тоже есть долги. Кто? Я могу встретить этих людей?

– Можешь, если в зеркало посмотришься. – Ну нет у виконта Валме таких врагов, чтоб из-за них гнать коня через полстраны, а друзья, раздери их кошки, есть, и один как раз в поход собрался. – Ладно, поехали.

Ничего нет глупее проводов. И лицемернее. Хорошо, если есть дело, которое можно обсосать, а если нет? Остается нести всякую чушь о погоде и красотах.

– Адуаны уже ждут, – Чарльз оглянулся на приютивший их дом, – наверное.

Через полчаса Давенпорт уедет, исчезнет, утонет в мокрой степи. В Варасте провожают до последней рогатки, дальше – дурная примета. В Варасте не любят прощаний, их нигде не любят.

– Конечно, ждут. – Еще можно уехать вместе, только что делать Марселю Валме у Лионеля Савиньяка? – У Дьегаррона не забалуешь. Генерал – человек душевный, только вот злить его не надо.

Злить вообще никого не надо, даже Марсея Валме, пусть он и не кэналлиец.

– Мир вам, дети мои!

Епископ Варастийский и Саграннский восседал на могучем гнедом мерине и являл собой воистину великолепное зрелище. Особенно для пешего.

– Что смотрите, чада? – спросил Его Преосвященство и почесал мизинцем опаленный винным пламенем нос. – Покаяться хотите?

– Не совсем, – Марсель вскочил в седло, отрешаясь от дурных предчувствий и прочей чепухи. Хорошо, что появился Бонифаций, иначе б они с Чарльзом докатились до завещаний и прощальных приветов, а при епископе не попохоронствуешь. Было в Его Преосвященстве нечто древнее, мощное и веселое, запрещающее думать о смерти и прочей чепухе.

– Ты, сыне, обождешь, – Бонифаций прищурился и ловко перехватил поводья, – не сегодня расстаемся, а приятеля твоего я исповедую. На дорожку, а то непорядок.

– В самом деле, Чарльз, – поддержал Его Преосвященство Марсель, сдерживая Бронку, – облегчи душу, а я сзади поеду.

Теньент пожал плечами, отдавая себя на волю Создателя, судьбы и Бонифация. Радости и благолепия на лице приятеля не наблюдалось. Ничего, потерпит.

Марсель поправил шейный платок и потрусил за клириком и его жертвой, искренне сожалея, что не слышит епископских напутствий. Давенпорт от Бонифация с непривычки шаркался, а вот Марсель проникся к епископу неподдельной симпатией. Его Преосвященство при всей несхожести напоминал виконту собственного родителя. Варастийский епископ казался бражником и обжорой, годным лишь на то, чтоб долдонить

накрепко вбитые в голову церковные тексты, папенька тоже обожал дурачиться.

На первый взгляд граф Валмон был честным занудой, озабоченным собственным здоровьем и своими астрами, в которые Марсель в детстве запустил козу. О том, что стонущий домосед держит в узде не только собственные владения, но и все графство, сын и наследник узнал только после восстания Эгмонта.

Новым губернатором Эпинэ сделали Фернана Колиньяра, который и завалился в Валмон с визитом. Чего он хотел, Марселю не говорили, но гость стоически слушал хозяйские жалобы на бессонницу, несварение и грозящую ненаглядным астрам черную гниль, которая куда опасней гнили мучнистой. На одиннадцатый день губернатор сдался и уехал, получив в подарок настойку от чрезмерной потливости и завернутую во влажный мох рассадку, а мигом выздоровевший батюшка потребовал кэналийского и наследника.

– Марсель, – возвестил граф, кромсая холодную оленину, – запомни, что нет ничего хуже сановных дураков со связями. Я не про оболтусов вроде тебя, ты рано или поздно перебесишься, а про баранов, вообразивших себя морисками. Ездить на них нельзя, но их можно и нужно стричь. Будь добр, собери всю эту лекарскую ерунду и спрячь куда-нибудь. Видеть ее не могу!

Марсель честно рассовывал по ящикам заполонившие кабинет тинктуры и мази, а папенька смаковал «Дурную кровь», рассуждая о том, что милосердней было бы запустить в Старую Эпинэ саранчу.

– Одно хорошо, – возвестил папенька, отодвигая ополовиненное блюдо, – мы господина губернатора больше не увидим.

Отец как в воду смотрел – Фернан объезжал Валмон шестнадцатой дорогой, а дела графства решались в столице. Надо полагать, после разгрома королевской армии и бегства Сабве папенька приберет к рукам всю провинцию, а Бонифацию и прибирать нечего. Здешний губернатор годится только на то, чтоб есть яичницу, а Варастой заправляют епископ с Дьегарроном и адуанскими начальниками.

– Эй, чадо! – Бонифаций оборотил к Марселю свой лик. – Всему свое время. Время думам и время беседам. Подъезжай.

– Ваше Преосвященство, – не замедлил воспользоваться приглашением Валме, – прощен ли мой кровожадный друг?

Епископ насупил и пожевал губами.

– Истинно говорю, нет в деяниях Чарльза Давенпорта жажды крови, но лишь благочестие. Уповая на милосердие Создателя, не усомнюсь в смерти Генри Рокслея.

Вдове же сего гнусного маршала надлежит неустанно молить Создателя за руку сразившего мужа ее. Ибо, поразив изменщика в чрево, благочестивый тенъент облегчил участь его, – изрек Бонифаций, поворачиваясь к ошавевшему от исповеди Давенпорту. – Останься убиенный ызарг жив, сотворил бы он немало пакостей. Ты же, спровадив грешника в Закат, уберег душу его от новых грехов, и ждать Рокслею Возвращения, сидючи в зловонной трясине не по шею, а токмо по пояс. Все приятственней.

– То есть, – поддержал богословскую беседу Марсель, – против некоторых братьев во Ожидании можно злоумышлять?

– Не злоумышление сие, – нахмурился епископ, – но братская помощь. Прерывая жизнь грешных, ты обрываешь цепь непотребств, ими творимых, что угодно Создателю нашему и всем добрым людям. Если ты не убьешь врага твоего, он убьет тебя. А не тебя, так ближних твоих. И наступит в Талиге разорение и мерзость, возрыдают вдовы, заплачут сироты, и опечалится Создатель, когда вернется, и спросит сильных: как допустили сие? И сгинут в Преисподней те, кто не защитил дом свой, и край свой, и женщин своих. Уразумел?

– Уразумел, – совершенно искренне произнес Валме. – Чарльз, убивай своего Морена на здоровье.

Марсель умирать будет – дурака валять не перестанет. Чарльз дорого бы дал за умение болтать ни о чем. Когда говоришь, к тебе не лезут с расспросами и советами, пусть трижды благими. Когда говоришь, не думаешь Леворукий знает о чем.

– Спасибо, Валме, – постарался перехватить словесный мяч Давенпорт, – я сделаю это при первой возможности.

– Не ставят удовольствие впереди дела, – прогудел епископ, – как не ставят кисель впереди похлебки. От тебя не мести ждут, как бы сладка она ни была.

– Я помню. – О деле говорить проще, а Бонифаций, даром что ораторствует, как клирик, соображает, как маршал. – Я доложу Савиньяку обо всем, что видел в Оллarii и здесь, а затем через Бергмарк проеду в Ноймаринен и Гельбе. К концу зимы доберусь.

Смешно, но если б он не расстался с Анселом, то был бы уже в Ноймаринен и почти наверняка встретился бы с Алвой, которого искал. Если Ворона нет в Тронко и если он проезжал через Валмон, он может быть лишь на севере.

– Зимой в горах лавины, – напомнил Валме, – а это хуже, чем дриксы и гауна.

– Мне лавины не опасны, – откликнулся Чарльз, ловя мелькнувшую и ускользнувшую мысль, – я, в отличие от тебя, езжу молча.

– А я не гуляю по горам, – отпарировал Марсель. Жаль, что он остается. Даже странно, как быстро они стали друзьями. Братьев Рокслеев он знал с рождения, ну и что? Дружбы нет, остался долг даже не чести, а чего-то другого, начавшегося с желания схватить господина Килеана-ур-Ломбаха, приволочь на площадь Блаженного Хьюберта и убить на глазах уцелевших ювелиров. Не вышло, бывший комендант отправился в Закат без помощи тенъента Давенпорта, но он его все-таки пристрелил. Вместе с маршалом Рокслеем – дядей Джеймса и Дэвида, другом отца, покровителем, почти родичем...

– Не понимаю, – сам для себя неожиданно пробормотал Чарльз, – зачем...

– А может, тебе и не дано? – предположил Марсель. – Вот и не понимаешь.

– Не понимаю, что нашло на Рокслеев. Другие – кошки с ними, но они?

– Рокслеи недалеко ушли от Окделлов, – махнул рукой Валме. – Чего Эгмону не хватало? Герцог, генерал, а от свиньи на гербе никуда не денешься, даже если она кабан.

– Эгмонт был честным человеком, – начал Чарльз и вновь оказался в проклятой столовой рядом с пойманным врасплох королем. – Какое это имеет значение теперь?

– Беды сегодняшние прорастают из старых зерен, – подал голос Бонифаций, – а обиженные Создателем склонны обижаться на одаренных Им. Твердят обиженные о смирении, но видят в мечтах своих лишь унижение одаренных и себя в одеждах чужих, но свинья под седлом отвратна, а кровный конь и в хлеву стати не утратит.

Обиженные? Были ли Рокслеи обижены Фердинандом? Нет! А Создателем? Маршал Генри-старший с почетом ушел в отставку, едва не загубив кампанию 387 года. Генри-младший после конфуза дядюшки был оставлен в Оллarii. Фердинанд решил, что бездарным, но верным военным место в столице, – как же над этим смеялись! Генри Рокслей тоже смеялся, когда приезжал погостить в Давенпорт. Неужели он ненавидел уже тогда? Но к Эгмону он не примкнул.

В одном Чарльз не сомневался – с отцом маршал Генри ничего не обсуждал.

– Сударь, – прикрикнул Марсель, – вы опять уснули на самом интересном месте. Просыпайтесь, сейчас будем прощаться.

3

Две дюжины адуанов, двадцать шесть сменных коней. Неплохой эскорт, тем более ехать лишь до Цикотеры. Дальше придется плыть. Пробираться осенью через Ренкваху и внутренний Надор – дело гиблое, а Рассанна донесет, не заметит.

Бонифаций остановил коня и вытащил флягу.

– Благословим же плавающих и путешествующих, – возвестил Его Преосвященство, от души прикладываясь к источнику благодати, – ибо доброе дело требует благолепия и сил

душевных. Пей, виконт!

Марсель с готовностью принял благословение и едва не выронил из рук: на черненном серебре раскинул крылья знакомый ворон. Епископ заметил и усмехнулся:

– Дар сей от мужа благочестивого, голову свою за други своя и за землю свою не щадящего. Так выпьем же за него, где б его кошки ни носили!

– Попадись он мне, – брякнул Валме, заглывая обжигающую настойку: на вино епископ не разменивался. – Додумался: от собственных офицеров сбежать.

– Нехорошо это, – подтвердил епископ, – лишь дурная овца бросает агнцев в лесу среди волков рыкающих, ну да вы, чай, не агнцы! Сами кого хочешь заедите.

– Теньент Давенпорт, за тебя пьем, ибо нет за тобой грехов непростимых, а помыслы твои чисты и богоугодны. Отпускаю тебе грехи твои, воюй с миром.

– Воюй с миром, брат мой, – пробормотал и Марсель, от восторга поперхнувшись касерой. – Да пребудут с тобой... Леворукий, удачи тебе! И не теряйся!

– Это ты не теряйся, – Давенпорт припал к фляге с вороном, словно к святому причастию. – Спасибо, Ваше Высокопреосвященство. Марсель, я рад, что тебя встретил. Еще увидимся.

– Разумеется, – только б выжил, и пусть его Морены и Рокслеи живыми ходят. Ни одна погань не стоит жизни, ни единая! – Куда ж мы друг от друга денемся? Мы же теперь богоугодные. Правда, Ваше Преосвященство?

– Воистину, – кивнул Бонифаций, убирая флягу. – Токмо вы на Создателя уповайте, а пистолеты в промасленную кожу заворачивайте. Сыро nonче, а ольстры сии от наших дождей не дюже берегут.

Глава 9

Ракана (б. Оллария)

399 года К.С. 21-й день Осенних Волн

1

Любовь слепа, и лучшим доказательством тому был Наль. Кузен из кожи вон лез, чтоб оправдать Айрис, хотя какие могут быть оправдания! Свихнувшаяся от любви к убийце дура опозорила не только брата, но и отца, и герб, а Наль мямлил об испытаниях и болезнях. Он просто не желал видеть очевидного, и Дику стало грустно, что его никчемная сестрица так заморочила голову в общем-то неплохому, хоть и нелепому человеку. Ричард знал, что такое любовь, и очень уважал Эйвона, потому и терпел, сколько мог, но у каждого терпения имеется предел. Кузен опять завел волюнку о том, что Айрис видела в жизни мало хорошего, и Дик не выдержал.

– Ты говоришь, мало? – Ричард держался спокойно, но кузен дернулся и часто заморгал пороссячими глазками. И это наследник Окделлов?! – Можно подумать, мы с ней росли в разных семьях, а тебя и вовсе в лесу нашли! Но мы с тобой о семейной чести не забыли и не забудем.

– Ну, Дикон... Ты должен понять, она ведь такая юная...

– В старые годы женщины Высоких Домов в семнадцать лет имели двоих детей, – отрезал Ричард. – Айрис – моя сестра и дочь Эгмонта Окделла, а ведет себя хуже «навозницы».

Наль в ответ только вздохнул, крыть ему было нечем. Ричард похлопал родича по плечу:

– Ладно, хватит. Я не желаю знать Айрис. По крайней мере, пока она не одумается. Но если ты готов терпеть ее выходки, женись на ней. Я даю свое согласие.

– Ты... Я? – Наль отчаянно покраснел, толстые пальцы сжимались и разжимались. Эту привычку Лараков Ричард помнил с детства. Эйвон, когда волновался, делал так же. Дику

стало смешно, и зря – замазанные царапины не замедлили напомнить о себе унижительной болью.

– Именно ты, – огрызнулся Дикон. – Хочешь иметь в доме бешеную козу – женись. Только не говори потом, что тебя не предупреждали.

Кузен замолчал, уставившись на морисскую шпалеру, изображавшую охоту на черных львов. Шпалера была выдержана в золотых, черных и багряных тонах, и Ричард счел возможным ее оставить и даже перенес в кабинет вместо потрепанного алатского гобелена, на котором висело украденное Хуаном оружие. Реджинальд думал, Ричард глянул на часы в углу и дернул за шнурок, вызывая слугу. Кузен еще разок вздохнул и неуклюже поднялся.

– Дикон, я люблю Айрис. Давно люблю, но я не могу жениться на ней вопреки ее воле. Я понимаю, что я ей не пара.

– Глупости! – не выдержал Ричард. – Это она тебе не пара! Неужели ты думаешь, что ее кто-нибудь возьмет в жены? Если на ней не женишься ты, у нее одна дорога – в монастырь. У меня еще две сестры, я не могу рисковать их счастьем. По законам Чести Дейдри не выйти замуж раньше Айрис.

– Я знаю, – вздохнул Реджинальд, – но я не хотел бы...

Что именно не хотел кузен, Дик так и не узнал. Вошел камердинер, и Реджинальд умолк на полуслове. Дикон кивнул родичу:

– Договорим, когда вернусь.

– Ты куда-то едешь? – удивился Реджинальд, недвусмысленно уставясь на лицо Ричарда. – Но ведь ты... неважно выглядишь.

– Я не куртизанка, – огрызнулся Дикон, чувствуя, как и без того паршивое настроение становится еще гаже, – и у меня, как ты знаешь, существуют обязанности перед Его Величеством.

– Да, да, – закивал головой Реджинальд, – но мне казалось... тебе после вчерашнего... будет неприятно, если кто-нибудь спросит...

Неприятно будет, но прятаться – трусость. И глупость. Шила в мешке не утаишь, все и так знают, что на герцога Окделла набросилась собственная сестра. Катари назначила ему аудиенцию, если он не придет, над ним станут смеяться, и первым будет Придд. Единственный выход – появиться как ни в чем не бывало. В глаза говорят меньше, чем в спину, а для особо наглых есть шпага, лучшего ответа любителям пошутить еще не придумали.

2

Первым, кто попался Ричарду на глаза, был двоюродный дядюшка Ангерран, лишь вчера вернувшийся из Пуэна. Родич говорил о погоде, коронации и отобранных Дораками родовых владениях, но его глаза не отрывались от лица юноши. Если о случившемся известно Карлиону, значит, о вчерашней драке говорит весь город и надеяться на неведение Альдо глупо. Ракан не Оллар, он не царствует, а правит, но сегодня юноше хотелось, чтобы Альдо ничего не знал или чтоб у сюзерена оказалось слишком много дел, в которых утонули дворцовые сплетни.

– Так вы уверены, что Его Высокопреосвященство прибудет в срок? – беспокоился Карлион. – Ведь ему придется проезжать неблагополучными провинциями.

– Уверен, барон. Простите, меня ждут неотложные дела.

– А что моя дражайшая кузина, она уже приехала?

– Нет! – отрезал Ричард.

Скверное начало, а день будет еще более скверным, но он выдержит. Ричард вежливо и равнодушно раскланялся с любопытствующим родичем, вскинул голову и, слегка выставив вперед правое плечо, пошел сквозь пока еще немногочисленных придворных. Именно так ходил Ворон, когда не желал ни с кем разговаривать. Прием сработал и на этот раз, герцога Окделла не только не останавливали, но и ретиво убирались с его пути. Смеяться в лицо

Повелителю Скал не решился никто. Настроение понемногу выправлялось, но впереди было самое трудное – встреча с Катари.

В изгнании Ричард отдал бы десять лет жизни за мимолетнюю встречу со своей королевой, но кошка-судьба выпустила когти, и сегодня Дикон мечтал об отсрочке, а Алатская галерея и апартаменты Катари неотвратно приближались.

– Добрый день, герцог. – Уолтер Айнсмеллер приветливо улыбнулся, из-под черных усов сверкнули белоснежные зубы. – А я слышал, что вы больны.

– Вам солгали. – Дик с радостью бы врезал по красивой, ухоженной роже, но цивилизный комендант не сказал ничего оскорбительного, а придирается к улыбке глупо.

– Видимо, да, – протянул Айнсмеллер, – людям свойственно заблуждаться. Я рад, что вы здоровы, это воистину приятный сюрприз. Такой же, как сегодняшняя погода. Похоже, дожди мы пережили и впереди только солнце. Но вы, видимо, спешите?

Ричард кивнул, хотя торопиться ему было некуда. Более того, предложи красавец-комендант герцогу Окделлу объехать улицы, по которым пройдет коронационная процессия, Ричард бы с восторгом согласился, но Айнсмеллер ничего не предложил, и Дик пошел дальше, стараясь не разглядывать свое отражение в многочисленных зеркалах. Куафер сделал все, что мог, но набеленное лицо напоминало о ярмарочных арлекинах, и Дик приказал смыть с лица неудачный грим. Не вышло замазать полностью – пусть смотрят, герцог Окделл ничего не скрывает и ничего не стыдится.

«Если не можешь спрятать,ставляй напоказ», – сказала как-то Матильда. Речь шла о корсете, который вдовствующая принцесса приказала выкинуть, но сами слова Ричард запомнил.

В Малой приемной толкалась стража и придворные, в том числе и несколько знакомых. Ричард узнал Никола Карваля и отвернулся. Маленький капитан Дику никогда не нравился и к тому же напоминал сбежавшего Хуана. Не лицом, манерами. Тот же наглый, оценивающий взгляд и та же бесцеремонность. Юноша не сомневался, что Карваль и его «чесночники» ненадежны. Их держала в столице не преданность королю, а воля Робера Эпинэ, который мог вести себя и поумней, и подостойней. Иноходцу льстит, что его люди ставят своего герцога выше короля, но Повелители служат Раканам и Талигойе, а не себе. Робер должен внушить это своему мужичью, но не делает этого. Еще бы, столько лет был единственным близким другом Альдо, а теперь пришлось потесниться.

Мелькнуло очередное зеркало в вызолоченной раме, но Ричард и не подумал сбавить шаг. Быть исцарапанным собственной сестрой, и из-за кого? Из-за убийцы, зверя, способного разрубить человека пополам и рассмеяться! Сумасшедшая кошка, так опозорить дом Окделлов... Постыдилась бы! Хотя чего ждать от девицы, разъезжающей по стране с ротой солдат?

Последний поворот, Голубиная лестница. Через десять минут он увидит королеву. Что он ей скажет?

Говорить о главном, о своей любви, в таком виде невозможно. Что ж, ограничимся рассказами о войне и путешествиях. Жаль, он не осмотрел как следует Святой город, Катари было бы интересно услышать про резиденцию Эсперадора. Храм Семи Свечей, усыпальницы святых...

Впрочем, она и так все знает. По рассказам мэтра Шабли и по книгам Ворона. Можно вспомнить пару не самых известных легенд. Про Эсперадора Руция. Или про юность святого Адриана. Сейчас все забыли, что в юности он бежал с чужой женой на Марикьяру, которую тогда называли Фульгиат.

3

Высокая фигура на пороге Голубиной гостиной не показалась занятому своими мыслями Ричарду знакомой. Юноша равнодушно скользнул взглядом по приближающемуся человеку, и тот наклонил голову в вежливом приветствии равного равному. Придд! Этого

еще не хватало.

– Добрый день, герцог. – Повелитель Волн остановился, что Дика, мягко говоря, не обрадовало. – Если вы направляетесь к Ее Величеству, то вы напрасно теряете время. Королева выехала в аббатство.

– Благодарю вас, сударь. – Как удачно! Он пришел во дворец как ни в чем не бывало, но Катари нет. Альдо разрешил ей выезжать, и она сразу же бросилась в храм. Ей передадут, что приходил герцог Окделл, но не застал. Теперь нужно устроить какое-нибудь поручение у Альдо. Он мог бы догнать Рокслея или встретить Матильду. Через неделю царапины заживут, а о выходке Айрис забудут.

– Ее Величество вернется не раньше чем к вечеру, – скучным голосом сообщил Спрут. Назови Валентин Катари госпожой Оллар, Дикон бы с наслаждением его поправил, но Спрут сказал «Ее Величество». Оставалось или повторять его слова, или... встать на защиту дела Раканов.

– Фердинанд Оллар никогда не был королем, – отрезал Ричард.

– Вы дурно знаете Агарисские Протоколы, герцог, – Валентин держался словно на уроке в Лаик, и это было отвратительно. – Согласно им, Оллары, начиная с Октавия Первого, считаются законными правителями. Святой град не признал олларианскую церковь, но он признал династию.

– Признание было вырвано силой оружия. – Ричард изо всех сил старался сохранить спокойствие. То, что Придд чувствовал себя в апартаментах Катари как дома, бесило. Как же ей тяжело выносить общество этого болвана, и не только его! Неудивительно, что она почти не покидала спальню...

– Оружие – весомый аргумент. – Валентин поправил воротник. – Рамиро Второй был весьма убедителен, но протоколы конклава, пока они не отменены самим конклавом, имеют силу закона. К счастью для вас.

– Что вы имеете в виду? – он не должен выходить из себя, не должен поднимать голос на этого столичного шаркуна. Не время и уж тем более не место!

– Только то, что ваши предки, в отличие от моих, исправно служили Олларам. Неужели вы желаете, чтоб маршал Ричард, канцлер Джеральд, генерал Льюис и другие ваши родичи считались приспешниками узурпатора? Впрочем, вам виднее, чем руководствуются Повелители Скал, давая присягу.

– Вам этого не понять, – отрезал Дикон, осознавая и необходимость остановиться, и невозможность отступить.

– Весьма вероятно, – Валентин растянул губы в улыбке. – Мой отец и мой эр были единомышленниками. Теперь оба в Рассвете, а я делаю то же, что делали они. Я могу предать либо обоих, либо никого.

– На что вы намекаете? – Спрут решил, что Повелитель Скал не может бросить вызов Повелителю Волн? Он ошибается, хотя Альдо будет вне себя.

– Я не имею обыкновения намекать, – светлые глаза смотрели холодно и равнодушно, – просто я согласился с тем, что мне не понять, почему вы присягнули Алве. Впрочем, это меня не касается.

– Вас никогда ничего не касается, – сейчас Спрут его вызовет. Или он вызовет Спрута, и понесется, – за вас воюют и умирают другие.

Слово сказано, и он не отступится, тем более это правда. Алан погиб, а родичи Эктора выжили. Отец поднял восстание, Вальтер отсиделся. Даже в истории с Сузой-Музой Валентин выжидал...

– Прекрасные слова, – ровным голосом произнес Придд, – особенно в устах человека, за которого не только дрались на дуэли, но и платили.

– Хватит! – прикрикнул Дик и осекся, поймав удивленный взгляд какого-то престарелого хлыща. – Надеюсь, вы понимаете, что у нас не осталось выбора?

– Вполне, – поклонился Валентин Придд. – Надеюсь, что вы в отличие от вашей сестры понимаете неуместность дуэли во дворце. Предлагаю навестить Старый парк. Это не так

далеко, и там достаточно безлюдно. К тому же сегодня отменная погода.

Глава 10
Ракана (б. Оллария)
399 года К.С. 21-й день Осенних Волн

1

Больше всего Ричарду хотелось сбросить руку Валентина, но Спрут был прав – главы Великих Домов не должны выяснять отношения на глазах солдат. Они приехали прогуляться, не более того.

– Прошу вас, – Валентин Придд остановился у боковой калитки, пропуская Дика вперед. – Капрал, сегодня прохладно.

– Да, Монсеньор!

– Угостите своих друзей, когда сменитесь.

– Премного благодарим, Монсеньор. – Желтая монета перекочевала в грубую ладонь, лязгнула узорчатая решетка. Спрут швыряется золотом, как Ворон, только этого мало, решает не золото, а сталь. В Лаик Валентин считался неплохим бойцом, но пока Повелитель Волн протирал дворцовые паркетные полы, Повелитель Скал воевал. В том числе и за Приддов. Потомки Алана сражались, потомки Эктора интриговали и отсиживались по углам.

Синее небо, черные ветки, хрустящий гравий, солнечный, ясный холод. Какой чудесный день, он не может принести неудачу.

– Мы прошли достаточно, – Валентин Придд выпустил локоть Ричарда и отступил вбок. – Не стоит и далее скрывать наши чувства.

– Вы предлагаете покончить с делом здесь? – буркнул юноша, оглядывая пологий бурый склон, посреди которого торчал мраморный бык с человеческой головой.

– Если угодно, – сощурился Валентин, – но Верхний парк для наших целей несколько удобней.

– Что ж, сотня лишних шагов никому не повредит.

– Несомненно.

Разговор оборвался. Валентин быстро шагнул засыпанной смерзшейся листвой аллеей, Ричард держался вровень с противником. Куда они идут, юноша не знал, при Олларах в Старый парк пускали лишь избранных. Конечно, оруженосец Первого маршала Талига мог пройти и сюда, но зачем герцогу Окделлу могила узурпатора, приказавшего убить Алана Святого?

Дорога свернула, раздался плеск воды, среди голого кустарника мелькнул позеленевший камень, и Ричард понял, где они. У Драконьего источника, в который на счастье бросают монетки. За сотни лет в облицованном мрамором водоеме скопилось немало золота и серебра. Говорят, его нельзя трогать... У пруда аллея разветвлялась, Валентин выбрал левую, обсаженную облетевшими дикими розами, за которыми виднелись высоченные тополя, облепленные птичьими гнездами. Как в Лаик. Юноша засмотрелся на облитые солнцем стволы и едва удержался на ногах, поскользнувшись на чем-то мягком.

– Осторожней, сударь, – бывший однокорытник был сама любезность, за которую так и тянет дать пощечину. Ничего, скоро ты свою невозмутимость потеряешь!

– Благодарю, сударь. – Ричард глянул вниз. На дороге лежали голубиное крыло и несколько окровавленных перьев. Кошка?

– Смотрите под ноги, – посоветовал Валентин, – упасть перед боем – дурная примета. Впрочем, мы почти пришли.

– Вы неплохо знакомы с дворцовыми парками, – небрежно бросил Ричард, – увы, у меня не было возможности их изучить.

– У меня хорошая память, – пожал плечами Спрут, – очень хорошая. Иногда это

помогает.

– А иногда мешает? – не выдержал Дикон.

– Видимо, да, – в ровном голосе не было ни злости, ни вызова, лишь доводящая до исступления учтивость. – Глядя на ваше счастливое лицо, осознаешь всю прелесть забывчивости.

– И что же я, по-вашему, забыл?

– Вот как? – тонкая бровь слегка поднялась. – Выходит, вы забыли даже то, что забыли? Не рискну вам напоминать, в глубинах памяти водятся весьма опасные рыбы.

– Может, я и забыл, сколько в столичных парках статуй, – огрызнулся Ричард, – зато помню, как держать шпагу.

– Возможно, – Спрут почти улыбнулся, – но вот помните ли вы, кем вам приходится тот, кто вас этому обучил?

– К счастью, не тем, кем вашему покойному брату! – выпалил Дикон и осекся. Запальчивость в бою еще никому не помогала. Альдо проигрывает именно потому, что выходит из себя. Спрут не верит в свои силы, вот и выводит противника из равновесия. Не выйдет!

– Вас следовало бы пожалеть, – Валентин Придд тронул герцогскую цепь, – не будь вы столь глупы. До смерти или до первой крови?

– Как вам угодно, – чопорно произнес Ричард, – но иногда первая кровь оказывается последней.

– Я слышал о подобном, – кивнул Валентин, – а вы видели.

Опять намек! Не выйдет! Ричард Окделл не бросится на шпагу противника, он будет спокоен. Совершенно спокоен.

– Сударь, – ровным голосом подвел итог Дикон, – мы сошлись на том, что деремся здесь, в Верхнем парке, без свидетелей, пока можем и желаем продолжать бой.

– Оружие? – уточнил Придд. – Вам довольно шпаги или желаете еще и кинжал?

– Я не кэналлие, – огрызнулся Ричард.

– Разумеется, вы не кэналлие, – согласился Повелитель Волн, и Ричард понял, что не успокоится, пока не сгонит с длинной породистой физиономии эту проклятую невозмутимость и еще более проклятую вежливость.

2

Ричард коротко отсалютовал, постаравшись поймать клинком солнечный луч: поймал солнце – поймал удачу. Получилось! В ответ Валентин поднял свою шпагу, сверкнули украшавшие эфес аметисты. Что с мечом Раканов? При Вороне реликвии не оказалось...

– К вашим услугам.

– К вашим услугам.

Валентин атаковал первым, если это, конечно, атака. Дернуться вперед и тотчас закрыться... Это несерьезно! Не бой, а вранье, проверка... Ты хочешь знать, с кем дерешься? Сейчас узнаешь! «Повелителя Кошек»¹⁷ выкладывать не будем, хватит и девятки...

Дик сделал простой выпад, самый простой из всех возможных. Валентин отбил, и довольно уверенно. Ричард повторил, стараясь двигаться чуть быстрее. Клинок встретил клинок, и Придд отступил. Чуть-чуть, на полшага, и тут же контратаковал. Вернее, попытался. Дик без труда парировал резкий, но прямолинейный выпад. Понятно... Дриксенская школа! При Алисе она гремела, ну так то при Алисе! Без гайифских финтов нынче не выжить. Знает ли их Спрут? Может, и знает, только у Ричарда Окделла в запасе много чего.

Ричард сделал выпад, целясь в бок, Валентин шагнул назад. Опять! Дикон резко

¹⁷ Игральная карта. В большинстве азартных золотоземельских игр может заменить любую другую.

прочертил шпагой воздух. Нет, атаковать из такой позиции он не станет, для этого нужно быть Алвой, но Спрут этого не знает и отступит назад. Отступил! Что и требовалось доказать! Придд – трус, и даже не слишком быстрый, чуть что не по нему, шарахается... Что ж, герцог, не желаете ли прогуляться по аллее? Вот до той красавицы с ланью?

Дикон улыбнулся собственной затее и атаковал. Нет, он не убьет бывшего однокорытника, иначе беды не оберешься. Он его накажет. Пусть запомнит на всю жизнь, что значит задевать Окделла. Оставить ему шрам? Надо попробовать. На щеке, как у Морена! И пусть все спрашивают, откуда...

Ричард сдвинулся вправо, не выпуская из вида статую в конце аллеи. Прижать к ней противника и ранить. В руку, а потом в лицо. И опустить шпагу со словами: «Это уже не первая кровь, но еще не смерть...» Да, именно так. Ричард улыбнулся и двинулся вперед. Валентин сделал именно то, что от него требовалось, то есть отошел.

Нет, Придд сломался не сразу, он пытался огрызаться. У засыпанной листвою мраморной скамьи, возле ног обнимавшей лань девушки и там, где сходились пять дорожек, Спрут пытался остановиться и контратаковать. И какими же жалкими были эти попытки! Дик без труда раз за разом отбивал бесхитростные дриксенские выпады, и Валентин снова отступал. Туда, куда его гнали.

Еще бы! Вепри быстрее Спрутов. Лицом к лицу Окделла не взять, а спину он не подставит никому и никогда. Юноша гнал соперника по усыпанной золотистым гравием аллее. Сегодня его день, сегодня он покажет, что, выйдя из Лаик четвертым, он стал первым.

– Какой дивный парк, – улыбнулся Повелитель Скал, направляя Повелителя Волн на новую дорожку, розовую, – не правда ли, сударь?

Валентин не ответил, его лицо словно бы окаменело. Сын удался в отца: покойный Вальтер всю жизнь тянул время, не говорил ни «да», ни «нет», прятался за чужие спины. То за Эпинэ, то за Окделлов. Теперь прятаться не за кого, теперь они вдвоем, если не считать мраморных статуй и галдящего воронья.

– Вы не подскажите, что это за статуя сбоку от вас? Я так редко бываю в столице...

Противник молчал, и Дику стало весело, как не было весело уже давно. Жаль, их сейчас не видят сюзерен, Робер, Катари... И хорошо, что не видят, потому что они бы прекратили бой.

До девушки с ланью оставалось несколько шагов, но Ричард передумал. Он протащит Валентина через весь Верхний парк до самого выхода. Там есть мраморная ваза, лучше не придумать.

– Валентин, вам не говорили, что серое вам не к лицу? Особенно днем. Я бы посоветовал вам летом зеленое... А зимой – белое. Легче прятаться.

Не ответит, это ясно. И не надо. Пусть слушает и запоминает... Как вам, сударь, такой удар? А этот? А вот этот?

Ричард не раз слышал, что нужно слиться с клинком, но сумел это лишь сегодня. Непрерывно атакуя с разных сторон и на разных уровнях, герцог Окделл гнал герцога Придда по разноцветным аллеям, замыкая им же самим намеченный круг. Ричард шел вперед, Валентин отступал. А что ему оставалось делать, прекрати он пятиться, – и вот оно, поражение!

– Герцог, вам не приходило в голову поменять герб? Вам бы больше подошел рак.

– Вы дали обет непротивления или только обет молчания?

– Вы опять отступаете? Неужели я вам столь неприятен? Или вам неприятна моя шпага?

Двигаться спиной вперед опасно, не ровен час на что-нибудь наступишь или налетишь. И Валентин налетел. На ту самую вазу, которую выбрал Дик.

– Может быть, теперь вы соизволите вспомнить об оружии?

Быстрый удар, простой, как правда. Такой отразит кто угодно. Хоть капитан Рут, хоть герцог Придд. Клинок Валентина отбросил клинок Ричарда, что и требовалось... А теперь еще раз... Парируй выпад в грудь... Есть! Шпага Валентина пошла вверх, принимая

обманный удар.

«Направление, юноша, направление... Острие к ногам!.. кисть... Только кисть! Вы не дрова рубите!»

Только кисть... А уж если в руках придворные «зубочистки»... Герцог Окделл оттолкнулся от шпаги Валентина своим клинком, мягким движением перенаправив его острие вниз, в опрометчиво подставленное чужое бедро.

«А теперь – назад!.. Назад! Освободите клинок! Оружие в чужом теле не забывают... Если тело живое...»

Человеческая нога не простынка. Протыкая, рискуешь, иногда – сильно. Твое оружие «связано», ты открыт, а противник может и не растеряться. Валентин, конечно, трус, но все же... Ричард резко отдернул руку, шагнул назад и замер, пораженный собственной удачей. Все было кончено.

Жалко стукнула выпавшая из чужой руки шпага. Спрут покачнулся и неловко осел наземь, зажимая правой рукой пробитое бедро. Алая кровь на пальцах, на кружевах, на мраморной крошке, кровь, пролитая Ричардом Окделлом, а сам он невредим, он даже не устал.

3

Жаль, не удалось оставить на щеке морской твари росчерк. Очень жаль, но раненого или добивают, или перевязывают. Не раньше, чем он признает поражение, так пусть признает!

Ричард ждал, Валентин молчал, на бледном породистом лице застыло рыбье спокойствие, словно ничего не случилось. Если бы герцог Придд признал себя побежденным, потерял сознание, да хотя бы выругался, Дик бы ему помог, но этот тяжелый, зимний взгляд... Еще хуже, чем у Ворона.

Что ж, не хочет признавать очевидное – придется подтолкнуть. И не словами, которых, как назло, не находилось, а сталью. Дикон холодно улыбнулся и поднял шпагу, направляя острие в горло противника. Длинное лицо совсем закаменело, надо же, а казалось, дальше некуда. Рука Ричарда продолжала неторопливое движение, и герцог Придд дернулся, пытаясь то ли отползти, то ли откатнуться, помешала ваза, о которой Спрут позабыл.

Святой Алан, он не просто струхнул, он помешался от страха. Трус не понимает, что Окделл не позволит себе такой роскоши, как убийство Придда! Это не понравится Альдо, это расстроит Катари, и потом, древней крови и так меньше чем нужно. Дикон подвинул клинок еще на волос, еще шаг – и он коснется серого шелка:

– Сударь, успокойтесь. Я далек от того, чтоб лишить Талигойю столь достойной особы...

Окровавленная перчатка судорожно шарит по земле, во время падения шпага откатилась влево, но с перепугу Придд забыл даже это.

– Вы не там ищете, герцог. Надо взять левее, – пусть ищет и даже найдет, у него не будет времени повернуться, – левее, сударь!

Не верит или не понимает? Окровавленная рука натывается на мраморный постамент, ощупывает его. Вслепую. Светлые глаза вцепились в лицо Дика. Нет, это не столбняк, не страх, не безумие. Это злость. Что ж, Повелитель Скал принимает и этот вызов. Придд опустит глаза! Опустит и может идти на все четыре стороны, хотя куда ему с его ногой.

Скрюченные пальцы царапают мрамор, пора кончать! Он и так дал наглецу слишком много времени. Ричард вынул платок.

– Не стоит мешать старую кровь со свежей. – Нужно обтереть лезвие, отшвырнуть грязную тряпку, шагнуть вперед, приставить клинок к самому горлу и спросить. В последний раз. Приказы сюзерена превыше жизни, но не превыше чести. Он заставит Спрута опустить взгляд, заставит, или...

– Итак, вы окончательно решили покинуть сей бранный мир? – Дикон шагнул вперед,

глядя в светлые, злые глаза. – Ваше право, но вы не правы.

Шаг вперед, дикая гримаса на чужом лице, Спрут рывком подается вверх, справа что-то сверкает, резкая боль разрывает небо в клочья, мешает белые облака с черными ветками. Что-то издевательски звенит, и Валентин снова валится назад, на вазу. Губа закушена, на лбу бисеринки пота, пальцы левой руки вцепились в эфес... Левой?! Святой Алан! Немыслимо!

– Вы что-то уронили, герцог, – Спрут вновь опирается на постамент, – мне показалось, оружие.

Подлость! Чудовищная, богохульственная, но шпагу нужно поднять и покончить с этим балаганом. Клинок упал совсем рядом, почему он не отер эфес? Ричард наклонился за оружием, в глазах потемнело, и он едва устоял на ногах, тупо глядя, как на светлые камешки сначала капает, а потом хлещет кровь. На сей раз его собственная. Юноша растерянно тронул руку, еще не понимая, что произошло. Алая струя хлестала сквозь пропоротую замшу, а Верхний парк медленно кружился вместе с ненавистным белым лицом, только теперь на тонких губах была ухмылка.

– Вы напомнили мне о моем брате, – отчетливо произнес Валентин, – и о герцоге Алва. Теперь о них вам напомнил я.

«О них?» Дик не сразу сообразил, о чем речь. Боль нарастала, рука горела огнем, а Валентин улыбался. Улыбался, опираясь на дурацкую вазу, которая стала его сообщницей. Улыбался, стягивая и отбрасывая окровавленные перчатки, утирая лоб, перекладывая шпагу в правую руку. Ухмылка, бледность и кровавые пятна на одежде превращали Повелителя Волн в какого-то упыря.

Юноша сжал зубы и вновь наклонился. В какой-то жуткий миг показалось, что он сейчас рухнет на залитый алым гравий... Пронесло, но вот рука... Пальцы не желали смыкаться на рукояти, хоть умри. Взять в левую? Проклятье, чем он хуже Придда?! Только левой он еще не дрался, Ворону и в голову не пришло научить...

Ноги в порядке, можно повернуться и уйти, но это... это будет бегством и поражением, а винить некого. Он сам подставил себя под удар, сам! Одноногий никогда бы не достал победителя, не вытяни он руку. *«Вы напомнили мне о моем брате. И о Вороне...»* Своего оруженосца Алва обучил хуже, чем своего любовника, а тот передал науку Валентину... Но что же делать?

Ричард с ненавистью глянул на прижавшегося к камню противника. Валентин не мог оторваться от вазы, но в белесых глазах была решимость. Спрут не сдастся, пока не сдохнет от потери крови. Он упадет, должен упасть раньше, он ранен первым и серьезней. А если нет? Не хватало свалиться прямо здесь, хорошенькое будет зрелище. Доказывай потом, кто победил. Один ранен в руку, второй – в ногу, секундантов нет, значит, противники равны... Как же, равны! Он гонял Придда по аллеям, как зайца, и тот ничего не мог сделать, пока Дик ему не помог. И дернуло же подойти ближе чем нужно.

Ричард, борясь с тошнотой, посмотрел на рану: выглядела она ужасно, а Придд шпагу не положит. И кровь у него, кажется, пошла тише – одно слово, Спрут. Морских гадин хоть на куски режь, будут извиваться и жалить.

– Вам нужен врач, – угрюмо буркнул Ричард, – сейчас вы упадете.

– Только после вас, – Валентин расправил воротник, – но, боюсь, продолжить нам не удастся. Мне вас не догнать...

Мерзавец! Мерзавец, которого сейчас не взять! В голове шумело, ваза уже не кружилась, а отплясывала какой-то пьяный танец с кувырками и скачками. Что с рукой? Святой Алан, если не перевязать, еще останешься калекой, но Спрут боли Окделла не увидит. Никогда! Ричард слегка наклонил голову.

– Окделлы не бегают. Я пришлю вам врача. Когда вы сможете ходить, продолжим.

Повелитель Скал повернулся и пошел, стараясь идти ровно и уверенно, хотя ноги едва держали. Валентин прошипел: «Мы продолжим, когда вы сможете держать шпагу», но Дикон сделал вид, что не слышит. Не все ли равно, когда они встретятся, главное, вдвоем на этом свете им не жить...

Часть вторая «Les Amoureux»¹⁸

Неблагодарность остается неблагодарностью, даже и в том случае, когда благодетельствованный повинен в ней меньше, чем благодетель.

Франсуа де Ларошфуко

Глава 1 Ракана (б. Оллария) 399 года К.С. 21-й день Осенних Волн

1

Проклятая духота – горячая, вязкая, неподвижная. Придду называют севером, но лето здесь жарче, чем в продуваемой всеми ветрами Эпинэ. Правда, длится недолго – пару месяцев, и все!

Гельбе?! Что он здесь позабыл? Разве что молодость и спокойную совесть. Теньент Эпинэ твердо знал, где – свои, а где – чужие, маршал Эпинэ, если он, конечно, маршал, не знает ничего.

Приподнявшись на локтях, он выглянул из-за горячих камней и увидел радугу! Семицветная арка поднималась из-за Лауссхен и уходила куда-то в холмы.

Темно-серое, предгрозовое небо, ослепительный свет невидимого солнца, каменистые проплешины в полумертвой траве, на миг ставшие слепяще-белыми, запах пыли и отцветающего полевника, а над всем этим – колдовская арка... Радуга – это ворота в Рассвет. Или не в Рассвет, какое это имеет значение, ведь до них все равно не добежать.

...Всадник вырывается из-за низкой гряды и наметом мчится по притихшей равнине, топча пыльные лиловые плети. Какой карьер! Гривастый буланый зверь не бежит, а летит, лишь слегка касаясь копытами жаркой, дрожащей над землей дымки. Это не торский увалень, это полумориск, если не мориск! Откуда?

Буланый перескакивает иссохший ручей, замирает на краю извилистой трещины и вновь несется в лиловые от полевника холмы. Мимо одинокого дерева, мимо большого белого камня с черной отметиной, мимо холма, на котором они так ловко затаились.

– Повод! Выбери повод!!! – Альберт Ноймаринен, забыв, что они в засаде, вскакивает во весь свой фамильный рост, размахивает руками.

Всадник не слышит. Или не понимает. Или не желает понимать. Ошалелый от бега мориск рвется к радужным воротам. И к смерти, что караулит на гряде. Глупой, пошлой, ненужной!

– На себя! Слышишь, ты!

Когда он понял, что неизвестный гонится не за радугой, а за смертью? Когда тот не повернул головы на крик Альберта? Или чутье наездника подсказало, что это не

¹⁸ «Любовники» – высший аркан Таро. Указывает на неизбежность выбора меж двух взаимоисключающих вариантов. В сильной позиции это большая эмоциональная свобода, пренебрежение последствиями поступков, продиктованных чувствами. Карта также символизирует любовь и дружбу, может указывать на догадки и эмоциональные озарения. ПК – предупреждает о возможности неправильного решения, указывает на нереальность планов, невозможность брака, отрешение от своей «половинки». Это внутреннее раздвоение, конфликт с собой, неправильный выбор и (или) его последствия. Может означать отказ от выбора, что в перспективе приведет к усугублению ситуации.

сбесившийся конь несет растерявшегося седока, а рехнувшийся наездник гонит буланого на дриксенские пули. Дурак! Дурак и мерзавец!

– Ты куда?! – этот вопль предназначен уже ему, этот и все последующие, но с ним ничего не случится. Скорее всего...

– Стойте!

– Что ты делаешь?!

– Монсеньор!

Стук копыт, сумасшедшее солнце бьет в глаза, крики удаляются, тают в пыльном мареве. Пыль, какая же здесь пыль! А буланый хорош, и он впереди, слишком впереди. Времени на погоню нет: дриксенцы – не слепые. И не святые.

Вытянутая в сумасшедшем беге опененная шея, бьющая по ветру грива, черный мундир, алые перья на шляпе – парадные перья! Дурак, не все ли равно, в чем подыхать? Копыта колют белые камни, сбивают полевник, льнянку, отцветшие колокольчики. Еще пять минут, и он догонит, но этих минут у него нет – сейчас буланый перескочит еще одно русло, и всадник превратится в мишень. В отличную мишень... Стоит ли человек коня? Конь не ударит в спину, не возликует от чужой боли, не обманет... Закатные твари, зачем он это делает. Для кого?!

Самоубийца уходит вбок... Хоть в этом повезло, иначе пришлось бы самому... Готовится к прыжку, но прыжка не будет! Леворукий бы побрал гайифские пистолеты! Рука как неживая...

Буланый спотыкается, передние ноги подгибаются, бедняга ныряет мордой вниз, в пыльно-лиловые волны. Круп забрасывает влево. Закатные твари, горе-ездок оказался под конем! Если седельная лука приилась на живот, буланый погиб зря.

Дриксенцы как пить дать решили, что подбили перебежчика. Попробуют перехватить? Или стреляют? Радуга погасла... Альберт вывел своих, минут через пять здесь будет сотня ноймарцев, значит, «гуси» стреляют. То есть не сочтут нужным, и правильно: игра не стоит свеч.

Цветы и кровь... Сколько раз он это видел – алые брызги на лепестках – белых, желтых, синих? Только на маках крови не видно, на красных, степных маках, но они здесь не цветут.

Буланый мертв. Дурак в парадном мундире шевелится и стонет. Сел! Молодой, как и следовало ожидать, и лицо знакомое, даже слишком. Откуда он здесь? Гельбе – неподходящее место для столь важной персоны. Персоны должны сидеть в столицах и слушать умных людей.

Так, мы окончательно очнулись и ненавидим? Ну-ну, выжить – это еще не самое страшное. Иногда бывает и хуже.

– В следующий раз, граф, когда соберетесь кончать с жизнью, извольте доложить по всей форме. Я отправлю вас туда, где от вашей трусости будет польза.

Шорох, потом стук, словно по дереву. Откуда в Гельбе дерево? Оттуда же, откуда в Оллари дубовые головы. Лэйе Астрапэ, ему когда-нибудь приснится что-нибудь приличное?

– Господин маршал, к вам господин военный комендант.

– Хорошо.

Трубы на крышах светятся, значит, где-то есть солнце. Неужели Никола отыскал поставщиков, рискнувших связаться с благородными зорями, и если нашел, где взять золото? Не заплатить тем, кто рискнул, – к весне остаться без продовольствия, а сюзерен отдает долги разве что обойщикам и портным. Продать особняк? Сейчас в Оллари домов не покупают...

– Монсеньор! – военный комендант и генерал, в порядке исключения, светился заодно с печными трубами. – Я прошу принять меня по неотложному вопросу.

– И сколько хотят господа негоцианты за мясо и вино?

– Монсеньор, – Карваль смутился, невиданное зрелище, – ваше поручение по

пополнению запасов еще не выполнено, но до конца праздников мы протянем. Мы бы продержались и больше, но... Ракан хочет, чтоб в день коронации били винные фонтаны, а на перекрестках жарились мясные туши.

Этого еще не хватало, мало того что половину запасов придется выкинуть кошкам под хвост, так еще и пьянки на улицах. Альдо полагает, что пьяные подданные его возлюбят, а они полезут бить морды солдатам и цивильникам. Всего же похабней, что мысль о празднике подкинул сюзерену он.

– Фонтаны? Глупость какая. – Эпинэ уже привычным жестом прикрыл глаза, надо все-таки иногда высыпаться, иначе если не околеешь, то отупеешь. – Так что вы хотели мне сообщить?

– Герцог Окделл и герцог Придд дрались на дуэли в Старом парке, – отчеканил Никола. – Оба ранены, причина ссоры неизвестна.

Леворукий бы их побрал, нашли время!

– Серьезно ранены?

– Герцог Придд получил сквозную рану в бедро, потерял много крови, но ничего опасного. Если не будет заражения, скоро встанет. Герцог Окделл ранен в руку. Рана довольно неприятная, лечение будет долгим.

2

Еще вопрос, кто был отвратительней – худющий лекарь с масляными глазками или кузен Наль, раскудахтавшийся, как целый курятник. Больше всего Дик хотел закрыть глаза и не видеть ни первого, ни второго, но едва он попытался это сделать, кузен взвыл, что «Дикон потерял сознание», и принялся махать у его носа палеными перьями, чего Ричард не терпел с детства. Да и падать в обморок от раны, нанесенной Спрутом, юноша не собирался.

Что-то острое с силой вошло в тело, и Дик невольно вздрогнул.

– Монсеньор, – пропел лекарь, – умоляю вас, сохраняйте неподвижность, я должен зашить вашу рану.

– Да-да, Дикон, – захрюкал Наль, – нужно потерпеть, это совсем недолго. Давай, я тебя подержу.

– Нет! – рявкнул Дик и кивнул врачу: – Шейте, да побыстрее.

Лекарь улыбнулся, показав крупные белоснежные зубы. Волк! Волк в овечьей шкуре. Где только кузен такого откопал? Еще оставит без руки...

– Кто вы? – выдохнул Ричард. – Я вижу вас первый раз.

– Мэтр Хелльбах – опытный врач, – сунулся Реджинальд, – мы знакомы пятый год, если б не он...

Что было бы с кузеном, не встретиться ему мэтр Хелльбах, юноша уже не слушал. Он вообще ничего не слушал, потому что стало зверски больно, на глаза навернулись слезы, но кричать при лекаре и слугах неприлично. По крайней мере, если ты Повелитель Скал. Ричард прикусил губу, глядя в окно на золотящиеся крыши. Ну зачем он затеял эту игру в гляделки? К Приддам нельзя подходить близко, они слишком вероломны. Спрут справился с вепрем хитростью, а теперь будет врать, что ранил Окделла в честном поединке. И ему поверят, потому что свидетелей нет, а раны – вот они!

Зря он отказался от секундентов, нужно было взять с собой хотя бы Наля. Нет, этот тюфяк бросился бы всех мирить, а подумали бы, что струсил он, Ричард. Рассчитывать можно только на военных. Дэвид – капитан гимнетов, он был во дворце, надо было зайти к нему...

– Лэйе Астрапэ, что ты натворил?

Робер! Уже знает! От кого?

– Ерунда, – Дикон натянуто улыбнулся, – царапина, хоть и досадная!

– Царапина? – Иноходец быстро подошел к лекарю и стал столбом, следя за его руками.

– Сложная рана, Монсеньор, – злорадно объявил треклятый мэтр, – рассечены мышцы

предплечья, кровь покинула многие хранилища, начинается лихорадка. Я надеюсь остановить процесс, но я не могу ручаться...

– Делайте, что должны, – велел Эпинэ, – и никого не слушайте, а меньше всего пациента.

Зачем он пришел? Они давно не понимают друг друга, вернее, никогда не понимали. Робер был соратником отца, это правда, но он сломался, стал злым, дерганным и не всегда справедливым. Сюзерен его любит и таким, а вот у Ричарда Окделла не получается.

– Это твоя первая рана? – Ладонь Повелителя Молний легла на лоб Дика. – Похоже, у тебя и впрямь жар.

– Не первая, – вскинул голову Ричард, – но не последняя.

– Несомненно, – кивнул Иноходец, – особенно если не думать о защите.

– Я думал, – выпалил Ричард. – Я предложил ему сдаться. Я помню, что он тоже Повелитель и нужен Альдо...

– Но герцог Придд сдаваться не пожелал? – Иноходец кивнул врачу и сел в кресло у стола. – Это бывает. Тем более когда нет секундентов.

– Следующий раз они будут.

– Не уверен. – Робер прикрыл руками глаза, и юноше на мгновение показалось, что время повернуло вспять. Кабаньи головы на стенах, раненая рука, человек с длинными темными волосами, сполохи камина...

Герцог Эпинэ отнял ладони от лица, наваждение пропало, а боль осталась. Неужели с рукой так плохо? Ему вообще не везет с правой, сначала – крыса, потом – Придд. Его он тоже загнал в угол и не добил.

– Если мне отрежут правую руку, я буду драться левой, – твердо произнес Ричард. – Это вопрос чести. Надеюсь, ты понимаешь?

3

Что он должен понимать? Что герцог, юный осел, не уймется, пока не прикончит Придда, или наоборот? Чушь, но мальчишка, получивший пощечину на глазах возлюбленной, думать не способен. Не будь Валентина, Ричард набросился бы на кого-нибудь другого.

– Твоя рука заживет через месяц, но, пока ни у тебя, ни у герцога Придда нет наследников, вы драться не будете. С Валентином я переговорю. Не сомневаюсь, он согласится подождать.

– Трус!

– Судя по твоей руке, нет. Как он тебя достал?

–левой. – Дикон поморщился то ли от боли, то ли от воспоминаний. – Я прижал эту медузу к вазе... Такой большой, на постаменте. Он ничего не мог сделать, только пятился. Дриксенская школа, одно слово... Робер, я насадил его на шпагу, он сразу свалился. Этот Спрут не фехтовальщик, а пустое место, понимаешь, пустое!

– Я понимаю, что ты побеждал, – дурню нужно выкричаться, выпить какой-нибудь отравы и уснуть, – но нужно не побеждать, а победить. Итак, ты ранил Валентина в бедро, он упал, а ты?

– Я хотел, чтоб он признал поражение.

– Это я уже слышал. Что делал ты и что делал Придд?

– Лежал, – медленно произнес Дикон, – на боку, зажимал рану. Я велел ему сдаться, но он ничего не соображал. Шпага у него выпала, когда он свалился, Спрут начал ее искать. Ощупью, не там, где она была. Я посоветовал взять левее, Придд не ответил.

Знаем мы, как «советуют» победители, сам был таким же, пока жизнь хвост не выдрала.

– А потом ты пропустил удар? Как?

– Ты бы тоже пропустил! Он не мог до шпаги дотянуться, я же видел! Видел!

– Не мог, но дотянулся. – А лихорадка свое берет: уж больно румянец на скулах

паршивый.

– Это потому, что он ударил левой, его Ворон научил... То есть не его, а Джастина, только это одно и то же. Он ударил меня левой, понимаешь?! Повелитель Волн дерется левой...

– Дело не в руке, дело в выдержке. У Придда с ней все в порядке, а ты, похоже, не лучше Альдо. – Только до тебя что-то, может, и дойдет, а до сюзерена вряд ли. – Ты должен был заметить, что делает противник, и заметил бы, если б смотрел. И вообще, за какими кошками ты подошел так близко?

– Он весь побелел, а уж злости в глазах... Хуже, чем у Леворукого! Я приставил этой твари шпагу к горлу, – Дикон сам сверкнул глазами не хуже кошки, – ну, почти... хотел приставить, а он вскочил, ударил и свалился...

Вот, значит, как было. Придд сразу задумал использовать вазу как опору, потому и нашаривал пьедестал, а раскукарекавший Дикон не понял. Упивался собственной победоносностью, записал противника в трусы, но Спруты всегда умели владеть собой. В отличие от Эпинэ и, как выяснилось, от Окделлов.

– Ричард, – Робер потряс головой, разгоняя сонный туман, прошитый двойной гельбской радугой, – не стоит смотреть в глаза тем, кто сильнее. Особенно упавшим, это плохо кончается.

– Я сильнее Валентина, – выкрикнул Ричард, – я его гонял по парку, как овцу!

– Тем хуже! Не проиграть, когда победить невозможно, – это больше, чем победить.

– Что? – мальчишка подался вперед, вызвав у лекаря вопль ужаса. – Как ты сказал?!

– Никак, – сон цеплялся к глазам, как приддский полевник к платью, – но с Приддом тебе лучше не связываться.

– Есть вещи, которые не прощают!

– Есть. Что ты сказал Валентину?

– Правду, – вскинулся Ричард. – Это знают все.

«Все» значит «никто», но Дику сейчас нужен враг, которого он не просто ненавидит, но и презирает. Лэие Астрапэ, с какой ерунды начинается порой родовая вражда!

– Хорошо, оставим это. – Робер поднялся с кресла. – Но если вы продолжите драку, окажетесь в Багерлее. Оба. Обещаю это как Первый маршал Талигойи и друг Его Величества. Понял?

Ричард молчал, угрюмо глядя в пол. Зачем он повесил герб между кабаньих морд? Лучше бы снял их, а еще лучше – запер личные комнаты Ворона и перебрался в другие, благо места хватает.

– Робер, – начал Дикон, – неужели мы не можем отстаивать свою честь?

Перед кем и от кого? Назовем кошку кошкой, они все тут предатели и клятвопреступники.

– У нас сейчас одна честь на всех, – звучит глупо, но мальчишка другого не поймет, – и отстоять нам ее будет ох как трудно. Особенно когда за дело возьмутся Савиньяки с фок Варзов.

– Они должны понять, – выпалил Ричард. – Альдо – Ракан, он законный король. Савиньяки – хорошие люди, ты их не знаешь, а я знаю. Им надо написать...

– Я служил с Эмилем в Придде, – в Придде, о которой не вспоминал годами и которая сегодня приснилась. – Савиньяку с нами не по пути.

– Ты на него в обиде, что он не примкнул к восстанию, но его нужно простить, – уверенно произнес Повелитель Скал. – Все ошибаются. Шарль Эпинэ тоже предал... То есть перешел на сторону Франциска, но ты же теперь с нами!

Это бессмысленно. Дик свято верит в дело Раканов и в то, что Савиньяков надо «прощать», его не переубедишь. И Альдо не переубедишь, и Никола с Сэц-Арижем. Клемент с Дракко и те бы поняли, а эти – нет, воистину люди – самые упрямые и глухие твари во вселенной.

Повелитель Молний поправил перевязь и взялся за шляпу. Сверху скалились кабаны

морды, между ними мерцал герб Окделлов.

– Дикон, это не мое дело, – и в самом деле не его, – но на твоём месте я бы этих вепрей убрал.

– Я уберу, – кивнул юноша, – будут готовы портреты отца и Алана Святого, и уберу. Если снять сейчас, останутся пятна.

– Не сомневаюсь, – буркнул Иноходец. – Молоко и маковая настойка в этом доме найдутся?

– Молоко есть, – затряс щеками Реджинальд. Еще бы, чинуша наверняка завтракает молоком с хлебом, – а маковая настойка... Я спрошу у слуг.

– Если кэналлийцы не украли, есть, – огрызнулся Ричард, – но я ее пить не стану.

– Глупо, – Робер задумчиво тронул переносицу, – сам ты не уснешь.

– Со мной все в порядке, – выпалил Дик. – Я завтра встану.

– Только если выплещешься как следует.

– Нет, – упрямо повторил Ричард. – Пусть Валентин ее пьет, ему с его бедром так и так неделю валяться.

– Это ты сейчас так говоришь. – Робер поднялся. – Но мой тебе совет: выпей маковой настойки или, на худой конец, кошачьего корня и ложись. Я к тебе завтра зайду.

Юноша натянуто улыбнулся:

– Спасибо. Я буду рад.

4

Будет рад он, как же! Дику сейчас если кого и хочется видеть, то это Придда. Чтобы убить.

Из-за чего все-таки эти дурни сцепились? Хотя Ричарду после вчерашнего много не нужно. Странно было бы, если б он ни на кого не бросился. Другое дело, что Валентин не похож на бочку с порохом, чтоб втравить его в поединок, нужно постараться. И как следует.

– Монсеньор!

– Да, Реджинальд?

Станный все-таки у Дикона кузен, если не знать, что дворянин, никогда не скажешь.

– Монсеньор, прошу уделить мне несколько минут.

– Разумеется. – О чем им говорить? Зачем?

– Только, – толстяк замялся, – можно... Можно я вас провожу?

Не хочет говорить в доме? Почему? Дело в слугах? Очень даже может быть. Дик поторопился, взяв к себе прихвостней Люра, мальчишка слишком доверчив и когда-нибудь за это поплатится. Да, Иноходец, докатился ты, советуешь сыну Эгмонта не верить собственным соратникам.

– Я сейчас еду к Придду.

Реджинальд Ларак не переспросил, и Робер счел нужным пояснить:

– Первый маршал Талига... Талигойи должен посетить обоих участников дуэли и доложить Его Величеству, – а также понять, что такое Валентин Придд, но сначала узнаем, что такое Реджинальд Ларак. Ричард назначил его своим наследником, но у парня нет выбора.

– Ричард бывает очень несдержан, – толстый виконт громко вздохнул и покачал головой, – и он весьма болезненно воспринимает шутки.

Значит ли это, что Валентин мило пошутил? Спрут-шутник... Смешно само по себе.

– Я так и не понял причину ссоры.

– Дикон ничего не рассказывал, – зачастил родственничек, неужели решил, что Робер Эпинэ станет расспрашивать за спиной Дикона? Да и не знает этот тюфяк ничего. Эгмонт не делился своими бедами с домашними, Дикон такой же.

– Реджинальд, неужели вы думаете, что я стану выпытывать тайны вашего кузена?

– Нет, – лицо Ларака покрылось даже не девичьим, а бабьим румянцем, странное

зрелище, – нет, но... Я хотел поговорить о другом. О совсем другом. Я провожу вас до особняка Приддов.

А потом южанам придется тащить увальня назад, хотя время у них, пожалуй, будет. Разговор с Валентином может затянуться, если, разумеется, Спрут не вздумает изображать умирающего.

– Хорошо, едемте. Обратно вас проводят мои люди.

Реджинальд Ларак рассыпался в благодарностях, ему явно не хотелось разъезжать по городу в одиночку. Храбрецом виконта не назовешь, но он готов рискнуть. Ради чего? Робер украдкой глянул на пытешего рядом толстяка. Тюфяк тюфяком, если б не шпага и родовые цвета, сошел бы за лавочника, в лучшем случае за ликтора, но кто сказал, что лавочники – глупцы, а ликторы – простаки?

Услужливый слуга в черной с золотом ливрее распахнул дверь, и Робер увидел Дювье, держащего под уздцы Дракко. Полумориск приветливо фыркнул, Робер рассеянно погладил золотистую морду и вскочил в седло. Солдаты последовали примеру маршала, откровенно радуясь отъезду. Опять ссорились с северянами? Сколько можно!

– Жильбер! – молодой Сэц-Ариж, которому Карваль скрепя сердце доверил Монсеньора, тоже был хмур. Не отошел после казни?

– Да, Монсеньор.

– Подождем виконта Лара. Он едет с нами, потом вы проводите его назад и вернетесь за мной.

– Так точно, Монсеньор.

Эпинэ надвинул на глаза шляпу, расправил краги перчаток. Слуги распахнули ворота, в глаза ударила свежая позолота. Вепри Окделлов садовыми сонями вцепились в позеленевшие бронзовые лозы. Лэйе Астрапэ, как можно навешать в чужом доме своих гербов?! Хотя жил же Франциск во дворце Раканов, и ничего. Победитель на то и победитель, чтоб получить все... Или сломать шею.

Похожий на капрала конюх вывел гнедого жеребчика, весьма недурного. Реджинальд Ларак некрасиво, но и не безнадежно, залез в седло и устался на Робера. Иноходец поднял бровь и шевельнул поводьями. Звонко щелкнули створки ворот, и Эпинэ не удержался:

– Как вы себя чувствуете в новом доме, виконт?

Виконт вздохнул и насупился. Что ж, вздох тоже можно считать ответом. Кавалькада порысила через площадь. Звон подков казался гулким, словно ночью, наверное, от пустоты. Жители столицы предпочитают отсиживаться по своим норам и правильно делают. Эпинэ обернулся к Реджинальду:

– Мы одни, я вас слушаю.

– Монсеньор, – лицо Ларака стало отчаянным. – Монсеньор... Я говорю с вами, потому что моя хозяйка... Моя бывшая хозяйка и другие люди... Я служил в казначействе и жил у мещан... обеды мне приносили из трактира...

Очень трогательно, зато теперь наследник Окделлов нигде не служит и живет в особняке Ворона.

– Сударь, – блеющий толстяк на дорогой лошади выглядел тошнотворно, – я вас не понимаю.

Ларак что-то проглотил, видимо, не до конца, так как сглотнул еще раз.

– Сударь, я должен вам сказать... Альдо Ракан принес Талигу и Олларию неопишемые несчастья!

– Что вы имеете в виду? – Робер устался на собеседника так, словно видел его впервые. Услышать такое от сына благородного Эйвона?! Не от Дика, видевшего Варасту и Эпинэ, а от этого хомяка подвального? Реджинальд истолковал удивление Робера по-своему.

– Я все равно скажу, – выпалил разбушевавшийся толстяк, – а потом можете отдать меня Айнсмеллеру как предателя. То, что вы делаете, это, это...

Ритором кузен Дика был никудышным, слов ему не хватило, а может, он испугался собственной смелости. Робер вздохнул:

– Сударь, вы можете говорить совершенно свободно. Обещаю, ваши слова дальше меня не пойдут.

– Нет, – выпалил Ларак и окончательно побагровел, – вы должны сказать. Ваш долг – сказать Его Величеству...

Он говорит, но Альдо не слышит. Сюзерен живет в придуманной им Ракане и не желает знать Олларию.

– Реджинальд, – вот так смеешься над кем-нибудь, не принимаешь в расчет, а он порядочней и смелей тебя, – я говорил с Его Величеством, и я буду говорить еще и еще, но вы должны понимать...

А что он должен понимать? Что ошалевший от неожиданной удачи принц и свора негодяев переломали тысячам людей жизнь? К лету от Альдо останется не больше, чем от прошлогоднего снега, но повешенные не воскреснут. Даже если Айнсмеллера разорвать на куски.

– Я понимаю, – пробормотал Реджинальд, – то есть понимал... Я был в Надоре, когда пришли королевские войска, я все видел... Они были грубы, бесцеремонны, но все по закону. Один сержант и капрал... Они изнасиловали двух служанок... Их расстреляли... Был такой капитан. Вайспферт, бергер... Он сказал, что Надор – это Талиг, а они не вариты, чтоб мстить женщинам. И расстрелял.

Герцог, почему ваши войска ведут себя как чужие? Скажите королю или пустите меня к нему! Пусть меня посадят в Багерлее, но я все скажу!

– Ну, скажете, – не удержался Робер, – а дальше что?

– Он... – глазки Ларака стали почти большими. – Он знает?

Знает, но не понимает. Не от жестокости, от уверенности в своем праве и в своей будущей силе и славе.

– Сударь! – не отставал кузен Дикона. – Нужно что-то делать. Люди гибнут, вы... Вы понимаете, что скоро начнется голод, а потом бунт? Неужели вы станете вешать голодных?

– Реджинальд. – Почему он это понимает, а Дик – нет? Хотя Ларак старше лет на десять, он и Эгмонта помнит, и то, что было после. – Мы почти приехали. Вы во многом правы, мы еще об этом поговорим, а пока – молчите. Словами вы ничем не поможете, а дело для вас найдется. Обещаю.

– А что я могу? – толстяк выглядел удивленным, не испуганным, а именно удивленным. – Я – никто, бывший чиновник бывшего казначейства.

Глава 2

Ракана (б. Оллария)

399 года К.С. 21-й день Осенних Волн

1

Высокая глухая стена, деревья, помнящие чуть ли не маршала Эктора, массивные ворота с гербами, привратническая, больше похожая на донжон, и гербы, гербы, гербы...

Кем надо быть, чтоб поместить на щит морскую гадину? Или вначале это был не спрут, а нечто более приятное? Кто знает, как возникли символы Высоких Домов, но смысл в них наверняка был. Древние ничего не делали зря, это потом люди стали великими путаниками.

Сержант Дювье стукнул бронзовым кольцом в кованую створку. Привратник был на месте и, похоже, знал гостей в лицо, потому что без лишних вопросов загремел запорами. Не прошло и получаса, как узкая дверца распахнулась, явив миру здорового детину в лиловом и сером, за плечами которого маячило еще несколько вояк. И как только Вальтер Придд угодил в Закат при такой-то бдительности?

– Чем могу служить? – пробасил приворотный спрут.

– Герцог Эпинэ с поручением от Его Величества, – отрезал нахватавшийся дворцовой

премудрости Дювье, хотя никакого поручения не было.

Спрут поклонился, но с места не двинулся. Ворота открыли другие, такие же хмурые и почтительные. До сих пор оплакивают Вальтера или не умеют улыбаться?

– Сэц-Ариж, – Никола не одобрит, ну и пошел он к кошкам, – проводите виконта Лара и возвращайтесь.

Приказание Жильберу не понравилось, но возражать при чужих слугах он все-таки постеснялся. И на том спасибо.

– Здесь врагов нет, – друзей тем более, но Спруты гостя в своем доме не тронут. Не так воспитаны. – Вы меня поняли?

– Да, Монсеньор, – заверил борец за Великую Эпинэ. Южане развернули коней, окружая Ларака, скрипнули ворота. Робер не любил звуков задвигаемых запоров у себя за спиной, но оставлять ворота настежь в нынешней Олларии опрометчиво.

Повелитель Молний молча прыгнул с Дракко на почтенные квадратные плиты. В гнезде Приддов все было опрятным и старым, вернее, старинным. Представить на здешних воротах новенькие гербы? Да легче вообразить поющую каракатицу!

– Монсеньор ждет вас, – доложил пожилой слуга со шрамом через полщеки, – к сожалению, он не может спуститься.

– Я знаю, – бросил Робер и сделал шаг в полутьму. Грозно хлопнула чудовищная дверь, запахло траурными смолами. Спруты, как к ним ни относиться, были в этом доме на своем месте, а вот он – нет.

Мягкий, прижатый медными прутьями ковер глушил шаги, похоронная тишина пеленала не хуже савана, слуги со свечами напоминали о выходах. Неприятный дом, построенный неприятными людьми. И дело тоже неприятное.

– Сюда, Монсеньор.

Еще одна захлопнувшаяся дверь. Запах кипарисовой хвои, закатные отблески камина, полумрак и тишина.

– Добрый вечер, герцог. Рад вас видеть.

Не больше, чем я тебя, но вежливость обязывает, а положение – тем более.

– Добрый вечер, сударь. Как вы себя чувствуете?

– Благодарю вас, все в порядке. Присаживайтесь. Признаться, я не осведомлен о ваших вкусах. Какое вино вы предпочитаете?

– Красное. Я же южанин.

– Сейчас подадут, – рука с тяжелым кольцом-печаткой тянется к звонку. – Позвольте спросить, вы не голодны?

Его завтрак остался дома, обед съел Никола, но ужинать он будет не у Приддов. Если вообще будет.

– Благодарю вас. Только вина.

– Герхард, принесите красного и зажгите побольше свечей.

– Слушаюсь.

Резной дуб, лиловый бархат, потемневшая за века бронза, вельможи с холодными лицами, бесценное оружие, переплетенные в кожу книги и бледный молодой человек, с которым надо говорить и пить вино.

– Сегодня был неплохой день, – о чем бы говорили люди, если б не было погоды? – Правда, к вечеру похолодало.

– Конец осени, – согласился Повелитель Волн, – в этом году странно тепло, по крайней мере в Ракане.

Для Придда Оллария уже Ракана. И для Дикона тоже. Служить одному королю, верить в одно дело и скрестить шпаги? Глупо.

– Мне трудно судить, – осторожно произнес Робер, – я плохо знаю здешний климат.

О чем с ним говорить? Молнии и Волны никогда не искали общества друг друга, разве что Ирэна... Спросить о ней или не стоит?

– Я знаю, вы давно не были в Талигойе.

Он давно не был в Талиге, а в Талигойе не был никогда. И сейчас они оба в Талиге. Дворовые щенки, забравшиеся на кухню в отсутствие повара, но повар скоро вернется.

Валентин ждал, откинувшись на спинку кресла. Серый бархат, герцогская цепь на шее, тщательно расчесанные волосы. Если б не меховой плед на коленях, можно было бы предположить, что Повелитель Волн собрался ко двору.

– Валентин, вы кого-то ждете?

– Я предполагал, что Его Величество пожелает узнать, что случилось.

Логично, но Дику и в голову не пришло напяливать придворные тряпки. Придды всегда были помешаны на приличиях, Джастину это стоило жизни.

Язычки свечей слегка шевельнулись – вернулся Герхард с вином. Закатные твари, в этом доме слуги крадутся, как коты.

– Благодарю, – рука с отполированными ногтями указала на низкий столик, – поставьте и можете быть свободны.

На овальном подносе резвились хвостатые водяные астеры, кувшин и кубки были золотыми, с эмалью. Морские чудища глядели злыми аквамариновыми глазами, прохладно мерцал серый жемчуг. Гальтарская работа! Когда-то она стоила очень дорого, сейчас и вовсе не имеет цены.

– «Змеиная кровь», – негромко объявил Валентин, – или вы предпочитаете какую-нибудь другую?

Любую, лишь бы не человечесю, а в логове Спрута змеиная кровь вполне уместна. Робер Эпинэ постарался принять беспечный вид:

– Это хорошее вино.

– Да, особенно если удачный год. Вас не затруднит разлить?

– Разумеется.

Какой пустой разговор, но сын Вальтера неглуп. Откровенности от него не дождешься, это вам не Дикон. Придется спрашивать.

– Если я не ошибаюсь, вы с герцогом Окделлом учились в Лаик?

– Да, – Валентин поднял бокал, – странное совпадение. Двадцать один не зря считают несчастливым числом, нас было ровно столько, и вот двоих уже нет.

– Не все выпускники Лаик доживают до преклонных лет. Нас было тридцать два, сколько осталось – не знаю.

Сколько бы ни было, большинство – враги. Нет, не так, это Робер Эпинэ враг Сержу Валмону, Чезаре Тозачини, Губерту Лецке.

– Что поделать, нам выпало жить на Изломе. – Придд повернул кубок, зеленоватым морским льдом сверкнули гальбрийские аквамарины. – Четверо хотят крови, и мы ее льем.

Четверо или мы сами? Альдо не хочет крови, он ее просто не замечает, а Спрут замечает, но ему все равно.

– Герцог, поскольку ваш поединок затрагивает интересы Великих Домов и поскольку при нем не присутствовали секунданты, я вынужден спросить, что произошло.

– Господин маршал, – прозрачные глаза казались то ли льдом, то ли аквамаринами, – герцог Окделл расскажет все, что сочтет нужным. Я доверяю его красноречию и его памяти.

– У герцога Окделла лихорадка.

– Полагаю, у меня тоже. По крайней мере, все, предшествующее дуэли, из моей памяти выпало. Я помню лишь нашу встречу в апартаментах Ее Величества, а потом – Старый парк.

– И больше ничего?

– Ничего, сударь. Если герцог Окделл вспомнит и сочтет нужным повторить свои слова, он их повторит. Возможно, это вынудит меня возобновить поединок, как только представится возможность.

Спрут все помнит и ничего не скажет. Если и Дикон будет молчать, дело плохо. Потому что от такого молчания до смертельной вражды меньше шага, а Валентин Придд опасен. Дикон – мальчишка. Порывистый, влюбленный, доверчивый, без двойного дна, а что в голове у этого ледяного красавца? Что было в головах его отца, деда, прадеда? Придды

мало говорили и еще меньше делали, только ждали. Неужели дождались?

– Благодарю за вино. К сожалению, мои обязанности требуют моего присутствия в другом месте.

Здесь делать нечего, а сидеть в этом склепе то ли с выходцем, то ли со статуей, – и вовсе тошно. Зря он отпустил эскорт, но ждать нет сил.

– Вы направляетесь в свою резиденцию или в казармы?

– Во дворец.

– Я благодарен вам за визит, – бескровные губы раздвинулись в ничего не значащей улыбке, – но я знаю, что вы отпустили своих людей. Увы, Ракану, в отличие от Оллари, нельзя назвать спокойным местом. Вас проводят.

– Благодарю, – хлопнуть бы дверью и послать тебя с твоими каракатицами к кошкам, но нельзя. Потому что мы в одной упряжке и потому что ты прав – в одиночку по столице лучше не разъезжать. Особенно лучшему другу Его Величества.

2

– У Его Величества послы Гайифы и Каданы, – сообщил дежурный порученец и картинно поднял руку в допотопном приветствии. Если так пойдет и дальше, придется перейти на сандалии и хитоны.

Робер вяло отмахнулся от свежее испеченного «гальтарца» и отошел к окну. Внизу, в висячем садике, сменялся караул. Незнакомый офицер в новом мундире вышагивал впереди гимнетов, выглядевших как причуда портного. Мастера гнут спину днем и ночью, готовясь к коронации. Заплатят ли им или просто не убьют и не ограбят? И куда потом все это девать?

Офицер взмахнул шпагой. Охранявшие кадку с облетевшим деревом солдаты стукнули алебардами об пол, уступая место товарищам. Кадка была надежно защищена, и не только кадка. Дворец караулит чуть ли не тысяча вояк, а всего у Альдо тысяч двадцать высиженных Манриками кукушат, две тысячи южан и не поймешь сколько каракатиц. На то, чтоб держать горожан в узде, хватает, на то, чтоб остановить бунт, когда он начнется, – вряд ли, а о том, чтобы отбросить Савиньяка или бергеров, – и говорить не приходится.

В глубине приемной раздались стук церемониального жезла и вопль портерия¹⁹. Робер обернулся и узрел конхессера Маркоса Гамбрин. Полномочный посол Гайифской империи напоминал сморчок, но глазки у него были умными, хитрыми и недобрыми. Неприятные глазки, хотя откуда ему взять другие? При виде Робера «сморчок» изобразил любезнейшую из всех возможных улыбок. Пришлось подойти.

– Добрый вечер, советник. – Говорят, в Бирюзовых землях растут приторные грибы. Разумеется, ядовитые. – Как прошла аудиенция?

– Беседа с Его Высочеством несколько затянулась, – морщинистые губки вытянулись в трубочку и вновь втянулись, – но, маршал, надеюсь, вы понимаете, что наши встречи носят исключительно частный характер и никоим образом не должны рассматриваться как признание Его Величеством Дивинном Его Высочества Альдо королем Талига?

Робер хмуро глянул на источающего мед и перец гайифца и глядящего из-за «сморчка» белокурого каданца. Послов Гаунау и Дриксен на встрече не было. Не пожелали прийти, или так решил Гамбрин?

Каданец расценил взгляд Робера как приглашение к беседе.

– Король становится таковым, лишь приняв помазание на царство.

Как же его зовут? Вроде граф фок Шеенвальц, а может, так зовут второго советника посольства Гаунау? Ладно, обойдемся без имен. Эпинэ учтиво поклонился:

– Сударь, посланцы Его Святейшества уже в пути.

– Его Высочество признает долги и обязательства своих предков, но отказывается

¹⁹ Мажордом, дворецкий.

отвечать за содеянное узурпатором и его потомками, – заметил гайифец, – это весьма разумно.

Значит, Альдо, как и собирался, отказался от присоединенных Олларами земель. Земель, где стоят армии Савиньяка, фок Варзов, Дьегаррона. Роскошный подарок. Вот вам, господа, медвежья шкура, а теперь ступайте в лес и убейте медведя.

– Раканы всегда были рыцарями, – сообщил послам Иноходец.

– О да, – пропели дипломаты. Какой дуэт, хоть в мистерию вставляй. Если заклятые друзья проглотят приманку, талигойским полководцам придется выбирать между старыми врагами и мятежниками за спиной. Кого они выберут? И что успеет натворить «Первородный», если фок Варзов и Савиньяки начнут не с ызаргов, а с павлинов и «гусей»? Робер учтиво поклонился:

– Надеюсь в ближайшем будущем продолжить наш разговор, – те же слова он сказал Реджинальду. Смешно.

– Я буду счастлив, – заверил сладкий гриб, – тем более, я должен передать вам письмо от вашего друга.

Откуда у него друзья, да еще передающие привет через гайифских послов? Брови Робера поползли вверх прежде, чем он смог их остановить.

– Капитан артиллерии Ламброс, – подсказал гайифец.

Капитан? В Кагете он был всего лишь тенъентом... Робер не считал артиллерииста из Неванты своим другом, возможно, зря. В Агарис гайифец, по крайней мере, написал честно, да и с собой звал без всякой корысти.

– Я рад, что Ламброс получил повышение, – совершенно искренне сказал Робер.

– Более того, он готов прийти на помощь своему другу. У капитана Ламброса много влиятельных знакомых. Один из них, генерал Сартакис, готов весной встать под знамена Раканов.

Что и требовалось доказать. Паона будет осторожничать, что не помешает «вольному» генералу войти в Талиг, ведь он всего-навсего наемник, поддавшийся на уговоры капитана Ламброса, действовавшего по просьбе своих талигойских друзей.

– Когда я могу заехать за письмом?

– Я буду рад видеть вас в любое время.

Значит, придется заехать и рассказать Альдо. А тот вцепится в гайифских наемников. Разумеется, до тех пор, пока не овладеет силой Раканов.

– С вашего разрешения я навещу посольство завтра или послезавтра.

– Я буду ждать.

Выход должен быть, должен, должен! А если его нет? Смотреть на то, что творится, или бежать? Альдо не унять, Айнсмеллеров – тем более, значит, нужно их обыграть. Обыграть?! Нашли игрока.

Портерий грохнул своей дурацкой палкой и возвестил: «Его Величество желает видеть маршала Эпинэ!»

3

– Становишься все царственней, – шутки давались Роберу с трудом, но без них он рисковал превратиться либо в подхалима, либо в мятежника, – еще утром не стучали и не орали.

– Привыкнешь, – махнул рукой Альдо, – с тебя сотня южан покрасивей.

– Покрасивей?! – Иноходцу показалось, что он ослышался. – Мы что, теперь Гайифе будем дань красавцами платить?

– Брррррр, – затряс головой сюзерен, – ну у тебя и мысли!

– А что прикажешь думать? – Дурацкий день, дурацкий разговор, дурацкая жизнь! – В приемной я нарываюсь на гайифского посла, он приглашает меня в гости, захожу к тебе, ты требуешь сотню красавцев.

– «Павлины» обойдутся, – Альдо с видимым удовольствием поправил новую золотую цепь, – южане нужны мне. Я поделил гимнетов на четыре роты: черную, синюю, лиловую и алую, – и служить в них будут уроженцы Надора, Придды, Эпинэ, с ротой Ветра я еще не решил. Капитанов со временем тоже будет четверо.

– Насчет рот делай как знаешь. – Садиться или нет? С одной стороны, они друзья, с другой – великий король может не понять. – Но даже два капитана – это перебор. Личная королевская охрана не Зверь, с четырьмя головами она рехнется.

– Голова будет одна, – сюзерен плюхнулся в кресло, и Робер последовал его примеру, – моя! Дело капитанов рот – караулы и учения, а главными они будут по очереди от Излома до Излома. Зимой – черные, весной – синие и так далее.

– Неужели в Гальтаре так и было? – «Зимой – черные, весной – синие», а летних, скорее всего, просто не будет...

– Нет, – подмигнул будущий потрясатель вселенной, – но подправить никогда не поздно. Так что там с нашими дуэлянтами?

– Живы, хоть и потрепаны.

– Окделла учил непобедимый Рокэ, – с нажимом произнес Альдо, – и Окделл проиграл Придду. Что скажешь?

– Недоучиться опасней, чем вообще не учиться, – не забыть сказать о фонтанах с вином и перебоях с фуражом, – но победе Придда я не рад. Если, конечно, он победил.

– Те, кто их развозил по домам, в этом не сомневались. – Сюзерен поправил накрахмаленный воротник. – Я от этой лиловой ледышки тоже не в восторге, но хорошо, что с Дикона сбили спесь. Нужно быть осторожнее.

– Будем надеяться. – Его Величество считает чужих блох, но на себе не замечает ызаргов. – Это отрезвит обоих.

– На надежде далеко не уедешь! – Альдо потянул со стола украшенный Большой Печатью лист. – Накатал на досуге эдикт о запрете дуэлей между эориями. Твое дело довести его до сведения обоих болванов. Из-за чего они сцепились?

– Кошки с две они расскажут. – Выходит, он, пытаясь унять Дика, в ясновидцы угодил. – Ричарду хотелось кусаться, вот он и укусил.

– Тут укусишь, ну и сестрица! – Альдо в притворном ужасе схватился за голову. – Проглотит и не подавится. Ты, кстати, ужинал?

Он не ужинал и не хочет, а насчет Айрис Окделл сюзерен прав. Меньше, чем на собственном месте, Робер желал бы оказаться только на месте Дикона, а меньше, чем на месте Дикона, на месте Альдо.

– Смерть от голода мне не грозит, – Эпинэ вернул эдикт Его Величеству, – но если я сегодня не выплюсь, маршала у тебя завтра не будет.

– Ну так проваливай, а я чего-нибудь проглочу. Умираю с голода, господа послы и те аппетит не испортили, хоть и старались.

– Чего они хотят?

– В том-то и беда, что я хочу больше, чем они, – скривился сюзерен, – и гайифский сморчок все прекрасно понимает.

Можно было возразить, что Гайифе заваруха в Оллории нужна не меньше, чем Альдо, потому что воевать с Савиньяком и Фомой им не хочется, но Робер предпочел промолчать. Сюзерен и так самоуверен сверх меры, пусть хоть сморчков боится.

– Если Дриксен или хотя бы Кадана сейчас не двинутся вперед, – в глазах Альдо мелькнуло нечто похожее на досаду, – Лионель Савиньяк или этот старый пень Варзов бросятся на нас, а до меча не добратся.

– И поэтому ты тянешь в Талиг Матильду и Мэллит!

– Мэллит? – Альдо, казалось, не понял. – А на кой она тут сдалась? Куничка в своих енниолях и то не понимает. Надеюсь, у Матильды хватило ума оставить малышку в Сакаци.

Как бы не так! Матильда не бросает тех, кого подобрала, а Мэллит умрет, но доберется до своего «Первородного». Обе будут в Оллории одновременно с новым кардиналом, если не

раньше.

– Альдо, – а он, оказывается, стал записным вруном, – не лучше ли попросить Матильду навестить сестру? В Кадане она поможет больше, чем здесь.

– Вдовствующая принцесса должна присутствовать на коронации, – отрезал сюзерен, – а потом мы и в самом деле пошлем ее в Кадану.

– А Савиньяк будет ждать? Ты говорил, что настоящую присягу дашь в Гальтаре, туда Матильда успеет.

– До Гальтары сейчас не доберешься, а чем быстрее меня коронуют и чем быстрее я женюсь на урготке, тем лучше. Кстати, что будем делать с Окделлами?

– Судя по всему, – честно признал Робер, – Айрис Окделл за тебя замуж не хочет, а желание дамы – закон.

– Есть еще Мирабелла. Меня, знаешь ли, не тянет объясняться с вдовой Эгмонта. Говорят, она сушая мегера.

– Я ее не помню. – Эгмонт любил другую, скольких эта любовь сделала несчастными? Двоих, троих, целый замок? – Дику с матерью пришлось трудно.

– И с сестрицей тоже, – хохотнул Альдо. – Честное слово, я уже боюсь надорских женщин.

– Лучше б ты чего-нибудь другого испугался, – не выдержал Эпинэ. – Коронация будет все-таки в Нохе?

– Тебя это удивляет?

– У этого места не лучшая репутация.

– Что ты имеешь в виду? Дуэли или призрак?

– И то, и другое, и третье. Забыл «истинников»?

– Не забыл, – нахмурился сюзерен, – напротив, помню, и очень хорошо. Они хотели Ноху, но они ее не получают! Коронационный Храм не может принадлежать ни одному из орденов. А его настоятелем является кардинал.

– Вот уж не думал, что ты разбираешься в церковных тонкостях.

– Приходится. – Альдо был весьма доволен своей персоной. – Король, плюющий на мелочи, рискует отправиться в Закат.

А король, который плюет на подданных, рискует в десять раз больше.

– Карваль говорит, ты собрался напоить горожан? – Закатные твари, опять он схватился за несуществующий браслет! – Это неразумно.

– Дармовое вино – лучший путь к сердцу простолюдина, – возвестил будущий анакс Золотых земель. – Ты же сам требовал праздник, а теперь в кусты?

– Альдо! – Ну как объяснять кошке, что нужно ходить на двух ногах?! – Что у трезвого на уме, у пьяного на языке. Тебе нужно, чтоб на улицах швыряли камни в солдат и орали про Ракана-Таракана?

– Что ты сказал? – А вот тебе и августейшая ярость, господин Первый маршал, наслаждайся и мотай на ус. – Где ты такое слышал? Где, я тебя спрашиваю?!

– Мальчишка во время казни крикнул. – Что он несет?! Айнсмеллер же теперь угодит в защитники величества. – Альдо, если ты устроишь винные фонтаны, нам нечем будет поить гарнизон. Негоцианты в Олларию, прости, в Ракану не едут.

– Поедут, – рявкнул сюзерен, – а фонтаны будут. Я не собираюсь прятаться от горлопанов, но тебя это не касается. Ты – маршал, вот и исполняй свои обязанности, а за порядком Айнсмеллер проследит. Слышишь? Коронационные торжества тебя и Карваля не касаются, но если гарнизону будет нечего жрать, я с тебя спрошу! Чтоб в следующий раз не путал мне карты. Забыл, по чьей милости мы без денег остались?

– Лучше без денег, чем без совести, – огрызнулся Иноходец, – а жрать станет нечего, если в твою Ракану будет страшно сунуться.

– В нашу Ракану. – Альдо как ни в чем не бывало взял Робера под руку. – Прости, я не в духе. Крысы эти посольские кого хочешь доведут.

– Альдо, убери Айнсмеллера. – Что там сказано про глас одинокий, на горных

вершинах стенающий? – До коронации убери! Комендант должен быть один. Тебе нужно, чтоб Карваля любили, а остальных ненавидели? Люди Придда, кстати говоря, с цивильниками тоже на ножах.

– Вот и помири!

– Да проще на Моро проехать, – махнул рукой Робер, ощущая себя стучащимся в пустой дом.

– На Моро? – в глазах сюзерена мелькнула лукавинка. – Но ты же едешь!

– Только проминаю, иначе лошади конец.

– Поедешь, – хмыкнул сюзерен, – знаю я вас, лошадиников, не удержишься. А Айнсмеллера оставь в покое, он мне нужен таким, какой есть, и хватит об этом. Ты кузину навещаешь?

– Собираюсь. – Продолжать разговор об Айнсмеллере мы не желаем, а горожане уже бегают с жалобами к Карвалю. Разумеется, самые ручные. Дикие лезут на крыши с арбалетами.

Сюзерен зевнул и затянул потуже пояс:

– Будь Катарина помоложе и хотя б вполовину так хороша, как алатские крестьянки, я б на ней женился, что было бы неправильно. Но хоронить себя я дурочке не дам.

– Она не оставит Фердинанда.

– Это не значит, что Фердинанд не оставит ее, – утешил Альдо. – Так ты будешь ужинать?

– Нет, а то усну, чего доброго...

– Спать надо ночью, а не вечером, особенно если нет дамы. – Лицо Его Величества стало тоскливым. – Закатные твари, что мне делать с этой помолвкой?! Сказать, что Айрис вела себя неподобающе, так Мирабелла подсунет следующую дочку. Безупречную. И ведь не отвертись, а я должен жениться на урготской принцессе.

– А как же гальтарские традиции? Фома не зорий и никогда им не был.

– В гальтарские времена зорий мог жениться хоть на крестьянке. Супруга – это сосуд, а супруг – вино!

– Что-что? – не понял Эпинэ. – Это тебе гоганы сказали?

– Это древнее поучение, – наставительно произнес сюзерен, – говоря по-людски, жена может быть хоть крестьянкой, главное – муж. Робер, я должен избавиться от надорского браслета, но не могу же я открыто отказаться от пра-праправнучки святого и дочери мученика!

Глава 3

Тронко и Ракана (б. Оллария).

399 года К.С. 23-й день Осенних Волн

1

Чарльз добрался до Цикотеры быстро и благополучно, и это было единственным золотым в дырявом кармане. Не считая смилостивившейся погоды, но уж лучше ледяные дожди со снегом, чем некоторые новости. Тем более, виконт Валме окончательно махнул рукой на изысканность и моду. Кому это нужно в Варасте? Кому это вообще нужно? Есть только одна изысканность – делать вид, что все в порядке, как бы ни хотелось кусаться и выть.

Марсель бодро ответил на приветствие адуанского полковника, улыбнулся горожанке в подбитом степной лисицей плаще, помахал знакомому кавалеристу. Кавалерист перешел улицу, взял Валме под руку и предложил выпить, Марсель соврал, что занят, хотя был свободен, как четыреста подвальных кошек, – это Рокэ сидел в Багерлее.

Новость в голове не укладывалась, но исхудавший зерноторговец, привезенный

кэналлийским разездом, видел все своими глазами. Его рассказ мог быть лишь правдой, придумать такое нельзя!

Улица уперлась в берег – Рассанна еще не замерзла, только поверх воды плавало что-то похожее на застывшее сало. Отвратительно! Валме медленно побрел по тяжелому мокрому песку вдоль кромки заиндеветших водорослей, соображая, что же ему делать.

Обычно наследник Валмонов был в ладу с собой и с жизнью, но порой ему хотелось надавать себе самому по морде. Тогда Марсель забирался куда подальше, придумывая, как выкрутиться из передрыги и что объяснять дражайшему родителю. На сей раз отцовский гнев виконту никоим образом не грозил, ему вообще ничего не грозило. В отличие от Ворона, который за какими-то кошками полез в Олларию. А он тоже хорош, вместо того чтобы ехать куда ехал, потащился в Тронко. Ему, видите ли, показалось, что это дальновидно. Наслушался Фомы и дядюшки Шантэри и вообразил себя умником, а сам фазан фазаном! Перья пестрые, мозги – куриные, и когтей нет.

«Эве рэ гуэрдэ сона эдэрьенте... Чтоб струна звенела вечно!» Она и звенит, Леворукий бы ее побрал! «Эве рэ гуэрдэ...» Зерноторговец стоял у самого эшафота, и быть бы ему без головы, если б не Рокэ! Ему и еще дюжинам трем толстосумов, не считая Фердинанда.

Ракан потребовал за короля Алву и получил! Как в дурацкой сказке про короля, отдавшего за тыкву сердце. «Эве рэ гуэрдэ...» Вот ведь привязалось!

Он будил проспавшего Герарда, а Рокэ подъезжал к Валмону, говорил с отцом, писал письма. И позже, когда они с Чарльзом сидели в «Лунном зайце», петляли по Маллэ, спали, ели, покупали лошадей в Вайне, Алву еще можно было догнать...

Марсель перепрыгнул через выбеленную инеем корягу, походившую на посыпанного солью ызарга. Иней на берегах Рассанны, соль на берегу озер Гальбрэ... Фельп, Ургот, абордажи, мистерии, даже Франческа – как далеко все это ушло, стало зыбким, мелким, ненужным. Низкое белое солнце превращало засыпающую реку в серебряную дорогу, а западные дороги стали настоящим месивом. Дьегаррон говорит, марш на Олларию невозможен, но он будет искать выход. Он – генерал, ему положено, а вот что ударило в голову Алве? Нашел кого спасать!

Звон обреченного хрусталя, смех братьев Савиньяков, алатский бокал в руке Ворона. «Создатель. Храни Талиг и его короля. А если не он, то я».

Марсель зачем-то поднял пустую раковинку. Жившее в ней существо сдохло, а домик остался. В Тронко есть улица пуговичников. Детишки собирают ракушки, родители делают бельевые пуговицы, которые обожают мещане. Солнечный отблеск скользнул по нутру раковины, лунной зеленью блеснул перламутр.

Злая зеленая луна, четкий профиль на фоне разбитой стены, мертвые мушкетеры, завтрашний бой.

– Что мы тут делаем?

– Вы – не знаю, а я защищаю Талиг.

Талиг он защищает, видите ли! Закатные твари! Ракушка в руках виконта с хрустом распалась на две половинки, Марсель стряхнул налипшие песчинки и сунул перламутровые лепесточки в карман. На счастье и на память. Тронко – хороший город, он прекрасно обойдется без виконта Валме, ибо означенный виконт едет в Олларию.

Бездельникам и балбесам везет, а кто он, если не балбес и не бездельник?! А не повезет, и ладно. Следующего графа Валмона будут звать не Марсель, а Серж, беды-то!

2

– Вы человек слова, маршал, – конхессер Гамбрин нежно смотрел на Робера сквозь бокал с белым кэналлийским, – я надеялся, что вы выкроите час для нашей беседы, но не был уверен.

– К несчастью, у меня дел больше, чем времени, – подтвердил Робер, – но сейчас я в вашем распоряжении. Как я понимаю, речь пойдет о предложении господина Ламброса.

– Это пока терпит, – нахмурился сморчок, – но у меня есть удивительная новость. Надеюсь, вы понимаете, что мой долг представителя Его Величества Дивина требовал от меня немедленно сообщить в Паону об аресте Фердинанда Оллара.

– Разумеется, – согласился Робер, имевший о посольских обязанностях весьма смутное представление.

– В связи с важностью и секретностью сообщения, – Маркус Гамбрин скорбно вздохнул и пожевал губами, – я поручил доставить депешу моему доверенному секретарю, очень способному молодому человеку, и предоставил ему эскорт из числа охраняющих посольство солдат. Эта мера себя оправдала, хоть и в несколько неожиданном смысле. В одной из придорожных таверн мой помощник встретил человека, в котором узнал господина Давенпорта, и попытался его задержать. К сожалению, неудачно. Сей господин попытался повторить свой подвиг, но был убит на месте.

– Когда это было? – выдохнул Робер. Давенпорт, «напавший» на Альдо и гоганских наемников, убит, а сюзерен по уши в, мягко говоря, вранье. Талигойцев это не удивит, но вот достославные... Что предпримет Енниоль, когда догадается? Или не стоит загадывать? Придет фок Варзов или Ноймаринен, и гоганской мести можно будет не опасаться.

– Это было, – сощурился гайифец, – это было в двадцатый день Осенних Ветров. Мой помощник не счел нужным отписать мне немедленно, однако в его пользу говорит то, что он не мог знать о приписываемом Давенпорту нападении на Его Высочество.

Жаль! Безумно жаль теньента, не предавшего своего короля, но жалость ждет, а посол – нет. Что ему нужно? Гамбрин выбрал для расспроса того, кто много знает и плохо врет, и не ошибся. Эпинэ судорожно вздохнул – воздух в кабинете вдруг стал раскаленным, словно в печке.

– Герцог, – сладкая улыбочка и холодные глазки, но Клемент был еще гаже, – почему вы не пьете? Вам не нравится букет?

Можно вспомнить о срочном деле, встать и уйти, но это то же, что признаться. Гайифцы не успокоятся, пока не узнают правду, если уже не знают. А что потом? Соврать? Лэе Аstrapэ, что?! Он не Адгемар, не Штанцлер и даже не Альдо, а гайифец не глупей «истинников», разве что магией не балуется.

– Прекрасное вино, советник, – выпалил Робер, – если я не ошибаюсь, это урожай 385 года? Сорокалетние лозы?

– Вы – тонкий ценитель, – реденькие бровки поползли вверх, – я поражен.

А уж как он сам поражен: выстрелил в белый свет, попал в плод абехо. Чего только не бывает, но раз пошла карта, играй!

– Это был удачный год, – Робер пригубил вино, не чувствуя ни вкуса, ни аромата, – но вернемся к нашей беседе. Вы ошибаетесь, советник. Мне неприятно об этом говорить, но Давенпорту удалось ускользнуть от возмездия. В настоящее время он находится в Гельбе вместе со своим отцом, генералом Энтони.

– Я полагаю, вы ошибаетесь, – морщинистая головка качнулась на тоненькой шейке.

– У нас есть свои источники, – губы Робера сами сложились в наиприятнейшую улыбку, – поверьте, сведения точные. Не сомневаюсь, скоро вы получите те же сведения из Дриксен, ведь у вас есть там свои люди, не правда ли?

– Дриксен – союзная нам держава, – быстро сказал посол, – мой государь не видит смысла в том, чтоб засылать туда шпионов, это подорвало бы нашу дружбу.

– Меня восхищает союз Гайифы и Дриксен, – рука Робера слегка приподняла бокал. – Две великие державы ставят интересы друг друга превыше собственных. Казалось бы, человеческой натуре свойственно добиваться первенства любой ценой, но кесарь и император поднялись над суетой, явив истинно эсператистскую добродетель. Дриксен не помышляет о том, чтоб воспользоваться трудностями, возникшими у Его Величества Дивина, гм, на юге. Гайифа настолько доверяет кесарии, что не считает нужным следить за севером, полагаясь на слово союзников! Это восхитительно!

– Герцог, – господин посол закашлялся и спрятал лицо в обшитом золотыми кружевами

платке, – простите...

– Осторожней, сударь, – попросил Иноходец, ставя бокал на край стола. – Вам помочь?

– Нет... – Дипломат старательно утер лицо, несмотря на сильнейший приступ, слез в грибных глазках не случилось. – Благодарю... все в порядке.

Гамбрин старательно кашлял, а задыхался Робер. Жара, как в Кагете, и даже мундир не снимешь.

– Советник, – не выдержал Робер, – скажите, вам не душно?

– Гайифа – южная страна, – покаянно вздохнул Гамбрин, – а я уже немолод. Прошу прощения за причиненные вам неудобства. Обещаю в следующий раз принять в не столь натопленной комнате.

Не хочет продолжения разговора! Да здравствует наглость! Наглость и ложь в глаза, а духоту он переживет.

– Не стоит беспокоиться, – раздвинул губы Иноходец, – я военный и привык и к жаре, и к холоду. Поверьте, я не сомневаюсь, что застреленный вашими людьми путник походил на Давенпорта. Фамильное сходство – бич Золотых земель, ведь дамы равно дарят свою благосклонность и бравым генералам, и юным корнетам. В Талиге эти чувства к тому же пользуются взаимностью.

– Вы полагаете, – проямил гайифец, – мои люди встретили незаконнорожденного брата беглеца?

– Или дядюшку, – лицо Робера горело, по хребту струился пот, – или кузена. В противном случае придется предположить, что ваше доверенное лицо намеренно застрелило невинного человека и в придачу подданного ныне союзной вам державы, что могло бы подорвать нашу нарождающуюся дружбу.

– С вами трудно спорить, – медленно, чуть ли не нараспев, произнес Гамбрин. – Скажите, вы никогда не думали посетить Паону? Его величество Дивин был бы рад с вами побеседовать, он обожает парадоксы.

– Вы мне льстите. – Будь проклят этот камин, хоть бы окна открыли, что ли! – К тому же обстоятельства удерживают меня на берегах Данара. Остается надеяться, что Его Величество не будет разочарован теми моими соотечественниками, которые имеют возможность и желание посетить Гайифу.

– И кто же это? – подался вперед посол. – Возможно, им потребуются рекомендательные письма?

– Если вас это не затруднит...

Господина Гамбрина это никоим образом не затрудняло. Более того, господин Гамбрин был бы счастлив оказать герцогу Эпинэ такую услугу. Беда была в том, что Робер знать не знал, кто и за какими кошками собирался в Паону. Он совсем свихнулся от этой духоты и понес чушь, оказавшуюся спасительной, потому что прожженный дипломат в любой глупости углядит скрытый смысл, которого нет и быть не может.

– Мой друг, – возвысил голос гайифец, – признаюсь, я не ожидал встретить в вас столь тонкого собеседника. Более того, скажу, что после нашей с вами беседы успехи и победы Его Высочества Альдо кажутся мне более... закономерными.

Посол с чувством выполненного долга закрыл морщинистый ротик и со значением уставился на гостя. Нужно было отвечать, и каждое сказанное слово могло дойти или до Его Величества Дивина, или до... Его Величества Альдо.

– Сударь, – протянул Иноходец, – наш мир исполнен не только закономерностей, но и парадоксов и случайностей, которые, в свою очередь, оборачиваются закономерностями. Разве не была случайностью встреча вашего секретаря с человеком, обладавшим внешностью Давенпорта? И разве не является закономерным желание вашего молодого (он ведь молод?) друга задержать преступника? В свою очередь, это привело к кажущемуся парадоксу: Давенпорт убит на южном тракте, о чем сообщаете вы. Давенпорт жив и благополучно появляется в Придде, на чем настаиваю я. Из разрешения этого противоречия закономерно вытекает наше с вами, гм, понимание, еще более закономерно ведущее к

установлению понимания между нашими, без сомнения, великими державами. Вы со мной согласны?

В глазах посла Его Величества мелькнуло нечто весьма похожее на восхищение, но Робер мог думать лишь об одном. О том, что сейчас он выберется наружу из этой преисподней и вдохнет предзимнего холода.

– Я был счастлив видеть вас в своем доме, – расплылся в последней любезности хозяин. – Прошу вас засвидетельствовать мое восхищение Его Высочеству.

– Непременно, сударь.

Робер изысканно поклонился и, поигрывая перчатками, сбежал с крыльца. Он хотел одного – воды. Обычной воды, прозрачной, чистой, обжигающей холодом, хотел черпать ее горстями и пить, пить, пить до бесконечности!

– Монсеньор, – деловито осведомился Сэц-Ариж, – куда прикажете?

– В Старый парк, – выдохнул Иноходец. – Вы еще не бросали монетку в Драконий источник?

– Нет, Монсеньор, – Жильбер глядел растерянно, словно не узнавая своего сюзерена, – зачем?

– На счастье, юноша, – объяснил Робер, подставляя лицо свежему ветру. – Люди платят налоги королю, дают взятки судьям, а добрые эсператисты еще и Святому Престолу, но все короли и клирики мира не остановят выпущенную в вас пулю. Только удача, так неужели вам жаль для нее пары талов?

3

Бонифаций оглядел Валме из-под нависших бровей. От епископа вкусно пахло мясной подливой, и как же у него было тепло!

– Едешь? – Клирик был поразительно краток и совершенно трезв.

– Еду, – подкрутил усы Валме, – скучно тут у вас. Не люблю провинцию.

– Не ври, – Бонифаций хмуро снял с окна кувшин и водрузил на стол, – друзей ты бросать не любишь. Так что езжай. Сам бы с тобой поехал, но долги мои пред слабыми велики, и не превысят они долга моего пред сильным, как бы велик он ни был. Красное пьешь?

– Пью. – Марсель с готовностью принял здоровенную кружку. У Рассанны было зверски холодно, но виконт понял это, только ввалившись к Его Преосвященству. Ставить в известность об отъезде Дьегаррона не хотелось – чего доброго не пустит, а исчезнуть, никому не сказав, не выйдет. Начнут искать и найдут, с адуанов станется!

– Грудью закрывший друга угоден Создателю более возносящего молитвы. – Бонифаций отхлебнул вина и сморщился. – Не годится. Такое дело касеры требует. Потребно нам промыть мысли и успокоить сердца.

– Я не буду, – замотал головой Марсель, – некогда под столом валяться, ехать надо.

– Будешь! – громыхнул епископ. – И поедешь ты не сегодня, а с разъездами. Не хватало, чтоб ты в одиночку по Талигу шлялся! Конь у тебя хороший, оружие – тоже, нарвешься на мародеров, и конец. Сам сдохнешь и дела не сделаешь.

– Наливайте. – Он бы успел к казни, они б с Чарльзом успели, но их понесло в Тронко! – Но мне нужно послать письмо Фоме.

– Пиши, отвезут, – заверил Бонифаций, протягивая флягу, – что делать станешь?

– Не знаю, – отмахнулся Марсель, – как карта ляжет. Ваше здоровье, святой отец.

– Твоя удача!

Касера пахла полынью и дымом. Полынью, дымом и солью дышал ветер, когда они шли в Урготеллу. «Влюбленная акула» догоняла повисшую над горизонтом звезду, слева темнел берег, близкий и ненужный, а они говорили о войне. Алва никогда не проигрывал, никогда! Кто же мог подумать, что он сложит оружие?!

– Не понимаю, – виконт стукнул кулаком по столу и сам себе удивился, – ни кошки не

понимаю!

– Выпей, – велел Бонифаций. – Ты с маршалом с весны болтался, неужто не приметил ничего?

– Разве по нему поймешь, – махнул рукой Марсель и осекся.

– Так! – встрепенулся Бонифаций. – Воистину на дне кладезя камень драгоценный показался. Что ты вспомнил?

– Я не вспомнил, – пробормотал Марсель, – просто... Показалось.

– Не такой уж ты и пьяный, – назидательно произнес епископ, – чтоб казалось. А ну говори, чадо.

– Вечер, – не очень уверенно произнес Марсель, – вечер перед тем, как он ушел... Рокэ прислали гитару, принцесса Юлия прислала. И он на ней играл. Пел и играл... а раньше отказывался... Нас пятеро было: дядюшка Шантэри, Луиджи, Герард, я и Рокэ... Раздери меня закаты твари, если он уже не решился! Дал титул Герарду, велел ни на кого не оборачиваться. Песни эти... Как вспомню, мороз по коже, он прощался с нами, а мы не поняли... Ничего не поняли!

Виконт оперся локтями на стол, глядя в лицо епископу. Нос у Бонифация был красивым. Большим, красивым и в фиолетовых прожилках. Человеку с таким носом можно доверять. Валме потряс головой и прошептал:

– Знаете, что Рокэ про... про Фердинанда говорил? «Создатель, храни Талиг... а если не он, то я!» С ума он сошел, что ли!

– Безумие есть кара Божия, – буркнул Бонифаций. – Алва Богом отмеченный, но не убитый. Голова у него работает почище, чем у нас с тобой. Раз сделал, что сделал, значит, нужно было. А вот то, что не сказался никому, плохо. Ибо как искать кольцо, не зная, где его обронили, и как найти зверя, не зная, где он прошел?

Где он прошел, как раз известно. Где он прошел, остались трупы и сплетни, из которых лет через двадцать вылупится легенда. Рота таращащихся на казнь уродов превратится в армию, Фердинанд из хомяка станет орлом, даже Моро побелеет. Марсель хлебнул касеры, чуть не поперхнулся и тут же хлебнул еще.

Бонифаций шумно вздохнул, словно лошадь, и покачал седеющей головой.

– Багерлее – не Рассвет, сыне, как вошел, так и вышел. Был я там и вернулся, как святой Адриан из пещер Гальтарских.

– Вы? – возопил Валме сквозь полынную дымку. – В Багерлее? За что?!

– Ни за что, – нахмурился епископ, – а положи руку на сердце, за все. Полагал о себе много, распустились цветы тщеславия, и слетелись на них ядовитые осы, но не вызрели ягоды, а были срезаны серпом острым. Семь лет... А, что было, то было! Ныне низвергнувший меня во гробе каменном, а я за столом накрытым вкушаю из чаши жизненной...

– Ничего не понимаю, – признался виконт, шмыгнув носом. Бонифация было жалко. И Рокэ тоже, как бы тот ни огрызался. – За ваше здоровье... И вообще за вас... И за Алву! Нельзя, чтоб он... Семь лет – много!

– Кому гора каменная, а кому и песчинка малая. – Ручища епископа сграбастала плечо Марсея. – Нет семи лет у нас... Семь месяцев и тех не наскребем... Маршалу жизни осталось, пока у Раканыша под хвостом не загорится. Такие подышают, а все одно гадят, подышают и гадят! Закаты твари, сказал бы мне кто, что врага своего оплачу слезами кровавыми, а друга заживо похороню...

Марсель уже ничего не понимал. Кто был епископу врагом, кто – другом, кого он оплакивал, кого хоронил... Касера кончилась, пришлось взяться за вино. Пришла ночь, заглянула сквозь незадернутые занавеси, тронула лунными пальцами стаканы, скользнула по седым волосам плачущего епископа. Марсель решительно обнял Его Преосвященство.

– Все равно мы победим! – в этот миг виконту Рассанна была даже не по колено, по щиколотку. – Вот п-победим, и все... Надо только Рокэ из Багерлее вытащить... Но я его уговорю... Хотите, поклянусь?

Глава 4
Ракана (б. Оллария)
399 года К.С. 24-й день Осенних Волн

1

Альдо нужен маршал, а не интриган, но маршал сейчас бесполезен, а интриган может и выиграть. Если повезет. Эпинэ никогда не были сильны в политике, даже дед, но Робер получил немало уроков от Хогберда, Енниоля, Адгемара, Люра и, в конце концов, от Альдо. Теперь пришел его черед поставить цель выше дружбы, чести, совести и чужих жизней, потому что свою придется беречь. По крайней мере, до конца олларийской заварухи.

Робер сам не понимал, когда окончательно решился на предательство. Когда пил ледяную воду в Старом парке после визита в гайифское посольство? После очередного разговора с Альдо? Или все началось с заикающегося Реджинальда Ларака, который больше не мог смотреть на затопившую Олларию мерзость?

Первый маршал возрожденной Талигойи поправил шпагу и начал интриговать, для начала раскланявшись с озабоченным будущей коронацией Уолтером Айнсмеллером. Иноходец с наиприятнейшим лицом заверил черноокого палача в том, что полностью разделяет его тревоги, но помочь ему не может при всем желании, ибо такова воля короля.

Покончив с гражданским комендантом, Эпинэ сжал зубы и подхватил под руку Раймона Салигана, дневавшего и ночевавшего за карточным столом. Величайший неряха прежнего и нового дворов просиял и, как и следовало ожидать, предложил дорогому герцогу нанести визит Капуль-Гизайлям. Интриганы должны быть вхожи к куртизанкам, иначе какие же они интриганы!

Иноходец заметил, что слышал о баронессе от Ричарда Окделла, но юный герцог был весьма сдержан в своих рассказах. Салиган заржал и объяснил, что речь идет об очаровательной, хоть и безумно дорогой жене и безопасном, добродушном муже. Робер выразил желание незамедлительно познакомиться со столь примечательной четой. Салиган осклабился и небрежно смахнул с вишневого бархата перхотинки. Волосы маркиза последний раз вкушали воду и мыло чуть ли не при Франциске Великом, но их обладателя это не смущало. Робера тоже – лучше заношенный шейный платок, чем испакощенная совесть, впрочем, совести у Раймона Салигана тоже не наблюдалось. Никакой.

– Марианна – такая примечательная, – вдохновенно рассказывал великосветский неряха, – такая примечательная... Представляете, она приглянулась коменданту Олларии, и он попытался выиграть ее в карты у виконта Валме. Не уверен, что граф Килеан-ур-Ломбах играл честно, но он побеждал, а это главное. Вы согласны?

– Маршал не может считать иначе, – ухмыльнулся Робер. – И чем же закончилась баталия?

– Килеан уже стелил простыни, но вмешался герцог Алва и отыграл у бедного Килеана не только добычу, но и фамильный бриллиант. Вышел шикарный скандал, а Ворон выигрышем не воспользовался. То есть воспользовался, но наоборот. Прихватил не красотку, а Валме и увез на войну! Валме и война, вы можете такое представить? Но Марианна недолго тосковала, ей подарили карету с четверной запряжкой, и кто, как вы думаете?

– Обыгранный комендант, – предположил Эпинэ, все больше убеждаясь в необходимости визита.

– О нет! – Салиган расхохотался, обрызгав степенного старикашку с алисианской²⁰ бородкой, Робер успел отшатнуться, сказался опыт фехтовальщика. – Коменданта к этому

²⁰ Сторонники Алисы носили короткие бородки и волосы, едва прикрывающие уши.

времени уже насадили на вертел.

– Ах да, – извинился Робер, – я как-то упустил это из виду. Впрочем, мы с предпоследним графом Килеаном знакомы не были.

– И не будете, – маркиз заржал еще раз, – а линарцев Марианне преподнес граф Савиньяк. Увы, красавчику пришлось отправляться в Надор, и к баронессе зачастил граф Рокслей. Ныне опять-таки покойный, так что у вас есть шанс.

– Постойте, – Робер ухватил собеседника за засаленный рукав, – кажется, я вижу Удо Борна. Возьмем его с собой.

Удо нужно позвать, потому что после смерти брата он превратился в собственную тень. И еще потому, что первый визит к любовнице Лионеля должен быть случайным и всем известным. Спасибо неряхе Раймону за случайную подсказку. Нужно связаться с Лионелем Савиньяком. Марианна может знать, как связаться с позапрошлым любовником, а может и не знать.

– Граф Гонт, – Салиган ухватил Удо за плечо, тот рванулся, одновременно разворачиваясь лицом к шутнику.

– Робер... Прости, я все время забываю, что мы победили.

Победили, как же! С такими победами уснешь за столом, проснешься на кладбище.

– Забываешь? – Эпинэ взял друга под локоть. – А ты вспомни. Маркиз приглашает нас к барону Капуль-Гизайлю и его очаровательной жене. Пойдешь?

– Пойду, – неожиданно легко согласился Удо, – мне все равно...

2

Теперь Катарине достались апартаменты, в которых жили сестры Фердинанда, когда им доводилось приезжать в Олларию. Если так дальше пойдет, они весь дворец обживут. Ее бывшее величество восприняла известие о новом переезде так же, как о предыдущих, а именно никак. Зато Одетта Мэтьюс пришла в восторг и помчалась осматривать новое обиталище. Луизу все еще будущая бабушка уволокла с собой, и та пошла. Понять, где какие ниши и занавески, нужно заранее.

– Его Величество так добр, – квакала Одетта, переползая из комнаты в комнату, – так добр.

– О да, – соглашалась Луиза, готовая при первой же возможности отравить смазливую благодетеля. Или удавить. Или стукнуть подсвечником по башке. – Его Величество еще и удивительно красив.

– И смел, – подхватывала родственница Рокслеев, облизывая очередную банкетку или бюро, – настоящий рыцарь.

В конце концов Луиза не выдержала.

– Первый рыцарь Талигойи, – объявила она, шмыгнув носом. – Он напоминает мне о моем дорогом Арнольде. Конечно, Его Величество неизмеримо прекрасней... Как здоровье вашей дочери?

– У нее отекает лицо, – вздохнула госпожа Мэтьюс, – и терпнут руки.

– Горячая соленая вода, – велела капитанша, – пусть держит руки по локоть в горячей соленой воде, и ей станет легче.

– Госпожа Мэтьюс, – молоденькая камеристка запыхалась от усердия, – госпожа Мэтьюс, вас просит госпожа Оллар.

– Простите, дорогая, – хрюкнула Одетта, – я вернусь, и мы с вами выпьем шадди со сливками и сдобными булочками.

– Это будет прекрасно, – заверила госпожа Арамона выплывающий из ореховых дверей зад. От камеристок скоро не будет житья. От камеристок, визитеров, писем и прочей пакости. Любопытно, что думает королева, которую залетный красавчик из милости осчастливил комнатами ее же золовок?

Госпожа Арамона привычным жестом поправила смятый Одеттой занавес и, пользуясь

кромешной свободой, отправилась проверять новые владения. Апартаменты оказались просто отвратительными. Две расходящиеся из общей приемной анфилады совершенно не годились для подслушивания. Единственной сносной комнатой была спальня, к которой примыкали молельня и имевшая выход в служебный коридор туалетная, но толку от этого не было никакого. Катарина, хоть и помирает на ходу, вряд ли станет принимать коронованного паршивца в постели, а любовника у нее нет, по крайней мере сейчас. Луиза немного постояла у доходящего до пола окна, глядя в съежившийся от холода садик, но впасть в тоску не удалось. Порхавшие между статуй пичужки немедленно обнаружили чужое присутствие и принялись тюкать клювами в стекло, требуя подачек.

– Завтра, – пообещала женщина особо наглому воробью и отправилась восвояси.

В Алатской галерее госпожа Арамона налетела на Одетту и дурицу Феншо. Дамы были в мехах, а рядом с ними маялся молоденький офицеришка в маковых тряпках.

– Милая Луиза, – госпожа Мэтьюс поправила подбитый седоземельскими куницами плащ, шедший ей, как корона таракану, – мы едем выразить сочувствие госпожи Оллар графине Рокслей.

– Ее Величество, – подхватила Феншо, очередной раз забывшая о том, что Катарина не королева, – просит графиню вернуться ко двору.

Любопытно, зачем увядающему цветочку потребовалась свежеиспеченная вдовица, а ведь потребовалась. Луиза расплылась в улыбке, повергнувшей макового теньента в ужас.

– О, если это будет уместно, передайте графине Дженнифер и мои соболезнования. Я и сама недавно потеряла...

«Я и сама...» Если хочешь избавиться от собеседников, затяни эту песню, и готово! Графиня Феншо подхватила Одетту Мэтьюс и в сопровождении пламенеющего дурачка ринулась прочь. Луиза поправила шаль и вошла в провонявшую очередными лилиями приемную. У окна примостилась Селина с какой-то книжонкой.

– Мама? – В голубых глазищах намертво засели слезы. – Ты уже вернулась?

– Конечно, – затараторила Луиза, – ты не представляешь, какие славные у нас будут комнаты. Особенно ваша с Айрис, такая веселенькая, стены – розовые, с разводами, занавеси голубые, с птичками... Даже странно, ведь Карла Оллар – аббатиса, хоть и олларрианская, а любит все яркое...

Если кто за занавеской и прятался, уши у него немедленно завяли, хотя подслушивать сейчас некому. Слуги возятся в новых комнатах, Одетта с Феншо убрались, а девица Окделл не догадается.

– Где Айрис?

– У Ее Величества... Мы читали «Житие святого Адриана», но Ее Величество сказала, что я охрипла, и позвала Айрис, а мне велела выпить медовой воды.

– Ты выпила?

– Нет, я не хочу...

– Иди и немедленно выпей, ты и в самом деле хрипишь.

Убежала... С горлом у дочки все в порядке, а вот сердчишко болит. Луиза нюхнула лилии, нечаянно дернув занавеску: никого, вот и чудненько. Пойдем и послушаем «Житие святого Адриана» в исполнении дочери «святого Эгмонта».

3

Она успела вовремя. В том смысле, что ничего не пропустила, кроме истории Цезаря Марикьяре, которому до святости было еще куда как далеко. По крайней мере, на тех страницах, до которых добралась чтица.

«...узнав об этом, прославленный Борраска приказал отступить за реку Горус, – бубнила Айрис, – но вариты переправились выше по течению, их было много, и они были злы...»

Эту историю Луиза знала, причем с двух сторон. Маменька пичкала дочерей житиями,

а Герард не вылезал из военных книжек, благо поощрявший сына Арнольд тащил их из Лаик в преизрядном количестве.

Горусский поход четырех сотен храбрецов, которых вели будущий святой и его побратим, чьего имени в хрониках не оказалось, занимал Герарда чуть ли не месяц. Сын часами рассказывал, как четыре сотни тогдашних гвардейцев обогнали варваров-варитов и у Ферры заступили им дорогу, дав Лорио столь необходимое тому время. Они держались два дня, а на третью ночь подожгли вражеский лагерь и с боем вырвались из готового захлопнуться капкана. Цезарь и его приятель потеряли сто девятнадцать человек и спасли армию. Что было дальше, Луиза не уяснила, так как Герард, которого занимали бои, а не выяснения отношений, утонул в новой хронике. Вроде бы побратим будущего Адриана увел солдат, не спросив у Лорио, и вылетел из армии, а Цезарь его не оставил. Или дело было в чем-то другом?

Госпожа Арамона задумалась и прохлопала, как Айрис бросила читать и что-то спросила у Катарини. Что именно, зазевавшаяся дуэнья не расслышала, за что себя немедленно обругала, одновременно наострив уши.

Помирающая кошка потянулась и прикрыла ротик платочком.

– Герцог Алва, – промяукала страдальца, – и этот юноша... Давенпорт... Они были единственными, кто не предал моего супруга.

Что же спросила Айрис? И что сейчас будет?

– И вы, – выпалила честная дурища, таращась на недавнюю врагиню, – вы тоже не предали!

– Милая Айри, – простонала Катарина, – они сделали больше... Неизмеримо больше... Не хочу лгать, если бы я была на свободе и Его Высочество Ракан потребовал в обмен на жизнь Фердинанда меня, я бы не решилась. Нет... Не решилась бы...

– Но вы же его не любите! – утешила дочь Эгмонта. Семнадцать лет – они и есть семнадцать лет. Ради любви сожжешь город и пошлешь к кошкам весь мир и матушку, а не любишь, значит, и не должен ничего.

– Не люблю, – покорно согласилась королева, – но мой супруг был добр ко мне, и не только ко мне... Фердинанд поступил, как король, Айри. Глупый, неумелый, но король. Он не сбежал из своей столицы, а, как мог, попытался защитить ее и своих подданных. Я его понимаю.

Я понимаю Его Высочество Ракана, он хотел вернуть трон предков и вернул. Я понимаю своего кузена. Он поднял шпагу вместе с твоим отцом и не опустил до победы, но есть другие... Они брали все, что им давали, и продали. Их я не пойму никогда...

– Как мой брат! – прошипела девица Окделл. – Он тоже брал и жрал. И у короля, и у... герцога Алва.

– Айри, милая, – Катарина прикрыла глаза, сегодня она выглядела еще хуже, чем вчера, и это вызывало подозрения, – не равняй Ричарда с Рокслеями или Приддами. Ричард всецело предан делу Раканов и памяти отца, он не мог иначе.

– Ничему он не предан. – Глаза девушки сверкнули, а пальцы сами собой скрючились в поисках подходящей морды. – Он сам говорил, что Раканы никому не нужны, отец ошибался, а Монсеньор – хороший человек.

– Это правда, – кивнула королева, – герцог Алва – хороший человек, хоть и пытается это скрыть.

– Ваше Величество, – щеки Айри пошли багровыми пятнами, – Ваше Величество, вы его любите?

– Кого его? – хрипло переспросила Катарина Ариго.

– Монсен... герцога Алва?

– Не знаю, Айри, – тихо произнесла Катарина, – женщине трудно любить человека, который ее не любит. Вернее, не ненавидеть, ведь наша ненависть – это тоже любовь, только обиженная... Или страх за тех, кого любишь.

– Значит, вы его ненавидите? – серые глаза вцепились в голубые, но Катарина не

дрогнула.

– Ненавижу? За что? Если мужчина не любит женщину, дело не в нем, а в нелюбимой. Если ты не нужна, этого не исправишь.

Тут лисичка права, если тебя не любят, ничего не поделаешь. Ты можешь перетравить всех женщин и искупать любимого в касере. Переспать он с тобой, может, на безрыбье и переспит, но от такой «любви» лучше повеситься.

– Ваше Величество, – похоже, Айрис решила колотить в чужую дверь не только ногами, но и головой. – Вы поможете герцогу Алве?

– Как? – пролепетала Катарина Ариго. – Если б я могла, я бы постаралась... Но я не могу. И ты не можешь. Герцога может спасти лишь он сам. И, возможно, Лионель Савиньяк, только он далеко.

– Ну нельзя же, – Айрис отпихнула книгу, та свалилась на затканый белыми маками ковер, – нельзя же просто сидеть и все! Мы должны что-то сделать! Должны!

– Мы можем молиться, – покачала головой королева, – поверь, это немало.

– Нет, – Айрис Окделл явно не собиралась уповать на Создателя, – то есть... Вы молитесь, а я... Ну почему Дикон такая дрянь неблагодарная?!

– Ричард еще очень молод, – Катарина вздрогнула. – Дай мне шаль, пожалуйста.

Айрис Окделл с готовностью бросилась за расшитой тряпкой. Она умела только любить и ненавидеть. Не прошло и полугода, как Катарина добилась любви, а братец – ненависти.

– Вот, Ваше Величество, – девушка сунула благодетельнице белый комок, – только все не так. Я младше, и я никого не предаю. Никого и никогда!

– Ты другая. – Катарина сморщилась, как от боли, и вновь улыбнулась сухими губами. Белая шаль с лиловатыми гиацинтами шла ей поразительно. – Совсем как мой кузен Эпинэ. Он тоже никогда не предаст, даже тех, кого следовало.

– Герцог Эпинэ спутался с Раканом, – упрямо твякнула Айрис, – он тоже изменник.

– Айри, милая, – прошелестела королева, – не надо об этом кричать. Этим ты никому не поможешь и ничего не исправишь. И потом, что плохого сделал Альдо Ракан? Он честно воевал за корону, которая принадлежала его семье, а Робер ему помогал. Твой отец считал так же, иначе б он не восстал, неужели ты считаешь предателем и его?

– Я не все помню, – Айри нахмурилась. – Мне было десять лет, но отец был генералом, а генералы не должны предавать своего короля.

– Конечно, – улыбнулась королева, – но жизнь спутает любые нити. Эгмонт Окделл был лучшим из людей, которых я знала, добрым, благородным, честным...

– Отец был добрым, – согласилась дочь, – это правда. Но он был глупым, иначе он... Он никогда бы не женился на матушке.

– Девочка, – королева поплотней запахнулась в шаль, ее и в самом деле трясло, – девочка моя, только крестьяне женятся по любви, да и то не всегда. Мы любим одних, а жизнь проживаем с другими, с этим ничего не поделаешь, ничего...

По лицу Катарини текли самые настоящие слезки, Луиза невольно шмыгнула носом, оцупала собственную физиономию и поняла, что она ничем не лучше королевы. Вот ведь бред...

– Я выйду замуж за того, кого люблю, – отрезала Айрис, – или умру.

– Мне тоже так казалось, – пролепетала Катарина, комкая белую бахромку, – но пришлось... Ты же знаешь, мной заплатили за жизни тех, кого я любила. Правда, я не понимала до конца, на что иду.

– А я – понимаю, – выпалила Айрис. – Ричард – предатель, а его Ракан – никакой не король... Я так этому кукушонку и сказала. И еще скажу!

хозяйка превзошла самые смелые ожидания. Марианна Капуль-Гизайль походила бы на Матильду, стань Матильда пониже, помоложе и взгляни на мужчин не мориском, а ланью. Робер галантно поцеловал пахнущую розами и персиком ручку.

– Я счастлива принимать в своем доме герцога Эпинэ и графа Гонта. – Марианна улыбнулась алыми губами, в маленьких ушках качнулись топазы, золотистые, как глаза Мэллит.

– О, дорогой маршал, – невысокий человечек в желтом и коричневом широко раскинул руки, распространяя запах померанцев и чего-то еще, – мы не просто счастливы, мы безумно, невероятно, непередаваемо счастливы. Такой сюрприз, не правда ли, дорогая?

– Прекрасный сюрприз. – Дорогая во всех смыслах супруга нежно улыбнулась коротышке. – Господа, маркиз Салиган – наш старый знакомый, так что давайте без церемоний. Сейчас подадут вина и закуски, а вы нам расскажете новости. Вы не представляете, как я любопытна.

– Сударыня, – глухо произнес Удо, – мы живем не в самые приятные времена. Некоторые новости могут вас испугать.

– Господа, – красавица поправила золотистую хризантему в вырезе золотистого же платья, – я боюсь мышей, темноты и старости, но не новостей.

– Зато их боюсь я, – вмешался барон. – Доказано, что дурные новости угнетают пищеварение, я же полагаю, они портят еще и слух. Я не могу себе позволить узнавать о неприятном, это мешает обучать моих красавиц.

– Барон дрессирует морискилл, – пояснила баронесса, – и весьма преуспел в этом. После обеда он сыграет нам на флейте, а его питомицы споют.

– Я обязательно останусь, – внезапно заявил Удо. – Пение птиц – это то, что мне нужно. По крайней мере, нынешним вечером.

Оттаивает? Или хочет забыться? Робер и сам топил свои страхи и беды в объятиях Лауренсии. Пытался топить, а нашел еще одну – вечную вину перед бросившимся между ним и смертью прекрасным существом.

– В этом доме все еще подают кэналлийское? – осведомился Салиган. – Или вы перешли на более дружественные вина?

– Маркиз, – выпятил мясистую губу барон, – пусть политики и военные делят мир на сторонников Раканов и сторонников Олларов. Мы живем проще. Для нас главное – красота.

– И золото, – хмыкнул неряха.

– В том числе, – с достоинством согласился господин Капуль-Гизайль. – Во-первых, золото красиво само по себе, во-вторых, из него делаются изумительные вещи, в-третьих, оно не подвластно времени, а в-четвертых, дает человеку то, в чем он нуждается.

– Вы полагаете, что все покупается? – не выдержал Робер.

– Вы не так меня поняли, – качнул паричком воспитатель морискилл. – Мы – это драгоценные камни, но драгоценные камни нуждаются в шлифовке и достойной оправе, а для этого нужны средства.

– Некоторые камни лучше выглядят в серебре, – покачала головой Марианна, – а некоторым не поможет никакая оправка. Скорее, наоборот.

– Что вы имеете в виду? – Салиган попробовал завладеть веером красавицы, но непостижимым образом наткнулся на Борна.

– Госпожа баронесса, – заметил Удо, – видимо, намекала на то, что комья грязи не могут быть драгоценностями. Даже в оправе.

– Это правда? – строго спросил маркиз.

– Граф Гонт говорит загадками, – Капуль-Гизайль поправил хризантему на платье жены, – но, Раймон, вам и впрямь следовало бы сменить кружева и привести в порядок прическу.

– Так я и знал, – закатил глаза Салиган. – Что ж, если я стану королем, я вымою волосы. В день коронации. Клянусь честью.

– Умоляю, маркиз, – Марианна шлепнула неряху веером, – не делайте этого.

– Но почему?

– Потому что тогда все увидят, что вас уже ничего не спасет, – отрезала баронесса. – Ни мыло, ни меч, ни золото, ни корона не превратят петуха в...

– В ворона, – услужливо подсказал Салиган.

– Я имела в виду другую... птицу, – улыбнулась баронесса, – но вы правы, в ворона петух не превратится никоим образом.

– Петух этого не переживет. – Удо в который раз поцеловал розовые пальчики.

– Петух многое не переживет, – Марианна безмятежно взмахнула ресницами, – ибо по праву рождения его ждут нож и жаровня.

Просто шутка или нечто большее? Кто она, эта Марианна? Лауренсия тоже казалась куртизанкой.

– Моя супруга выросла вдали от Олларии, – улыбнулся барон, – она хорошо знает деревенскую жизнь. Детские впечатления, они такие яркие. Правда, дорогая?

– О да, – черные глаза казались двумя ночными омутами, и кто знает, что спало в этих глубинах. – Но не пора ли нам перейти в гостиную?

Марианна грациозно поднялась и оперлась на руку супруга. Она была выше барона с его париком почти на голову. Удо не отрывал взгляд от выступавших из золотой пены белых плеч, его глаза горели охотничьим огнем. Бедный Борн, он сегодня напьется и останется здесь. Вино и женщина заставят забыть рощу Святой Мартины до утра. С рассветом боль вернется, а от чувственного угара останется головная боль или грусть. И все-таки Робер был бы рад вернуть Лауренсию, кем бы та ни была, так, может, и Удо повезет с черноокой баронессой, и думать забывшей о Лионеле Савиньяке. Или не забывшей?

– Вы не разочарованы? – Раймон Салиган даже не счел нужным понизить голос.

– Как сказала бы наша обворожительная хозяйка, – улыбнулся Эпинэ, – о нет!

С Капуль-Гизайлями в самом деле следует познакомиться поближе. Даже если ниточки к Лионелю не существует, в этом доме можно встретить нужных людей. Или назначить встречу.

– Знаете, мой друг, госпожа баронесса действительно родилась в птичнике или что-то вроде того, – с каким-то удивлением пробормотал Салиган, – но как хороша! А вот мы с вами, хочешь не хочешь, женимся на каких-нибудь снулых породистых девицах. Нет, мой друг, совершенства в этом мире.

Что он сказал? Лэ́е Аstrapэ, что он сказал?!

– Герцог, – выпучил глаза грязнуля-маркиз, – что с вами? Вы увидели привидение или нашли клад?

– Вот именно, – подтвердил Робер Эпинэ. – Я ваш должник и обязательно приглашу вас на свадьбу. С любой головой.

Глава 5

Окрестности Барсины и Тронко

399 года К.С. 1-й день Осенних Молний

1

Матильда со злостью дернула повод, упитанный гнедой жеребец возмущенно всхрапнул и пошел тяжеловатым галопом, норовя расплескать побольше луж. Сзади ударили копыта – Ласло Надь не собирался отставать от своей гици. Чего доброго и впрямь влюбился, с него станется!

Вдовствующая принцесса усмехнулась и придержала гнедого. Как оказалось, вовремя. Если тебя так и так догонят, лучше засмеяться и осадить коня.

– Думал, убегу? – глупый разговор всегда лучше умных мыслей. Если они подлые.

– Ой нет, гица, – сверкнул зубами доезжачий. – Бочка слишком жирный, далеко не

ускачет.

– С таким грузом, – уточнила Матильда, – бочка к Бочке!

– Гица, – Ласло аж задохнулся от негодования, – как можно? Вы ж – золото чистое!

– Бочка с золотом, – огрызнулась Матильда, сдерживая смех, – все равно бочка.

Ласло промолчал. Очень красноречиво. Матильда Ракан выпрямилась в седле и похоронным шагом направилась к ползшему среди дохлых придорожников отряду. Сквозь тоненькую пленку глупой бабьей радости стремительно прорастали тревога и растерянность. Как унять Альдо и вытащить его из Талига?

Братец их выдаст по первому требованию, в лучшем случае выставит, но куда? Опять в Агарис, под хвост Эсперадору? Или в Гайифу? Одно другого хуже! Эх, попадись ей мармалюка, заманившая дурных жеребцов в болото, загрызла бы!

– Ваше Высочество, – прискакавший от Альдо барон Артур Гэвиот приподнял шляпу. – Мы почти прибыли. Недалеко от Барсины вас ждет карета и почетный эскорт.

Твою кавалерию, так она и знала! Через горы перевалили, в Талиг пробрались, теперь надевай, матушка, парик и юбку и лезь в ящик. Потому как вдовствующие принцессы верхом по королевствам не разъезжают. Тем более бабушки.

– А левретка ждет?

– Простите, Ваше Высочество, – забормотал баронишка, – что вы имеете в виду?

– Знатная дама должна путешествовать с левреткой, – отрезала Матильда, – а еще с жаровней, подушкой для коленопреклонений, духовником и дюжиной камеристок.

– Ваше Высочество, – простонал несчастный, – мы постараемся достать все необходимое, но, боюсь, собачку можно будет найти только в Барсине.

– Что ж, – с видом истинной агарисской страдальцы произнесла Матильда, – я готова ждать.

– Я поеду вперед и сделаю все, что можно, дабы облегчить дорогу, – хлопнул крыльями посланец дорогого внука. Вот и пусть скачет вперед и без жаровни не возвращается.

– Буду весьма признательна, – томно протянула Матильда, – и не забудьте про Эсперию и муфту из лебяжьего пуха.

– Ваше Высочество, – похоже, бедняга собрался на охоту за жаровней. – Мне хотелось бы знать, могу ли я отпустить проводников? Они не хотели бы показываться в городе.

Еще бы они хотели. Контрабандисты и есть контрабандисты, привезли товар – и назад.

– Заплатите, и пусть проваливаются, – повелела Матильда, спохватилась и проворковала: – Передайте сим достойным господам мою признательность.

– Ваше Высочество, не угодно ли вам при въезде в Барсину надеть маску? – со значением произнес Гэвиот, вознамерившийся укрыть корову в стоге сена.

– Не угодно. – Еще чего! Дурой она, конечно, всегда была, но ярмарочной обезьяной быть не собирается.

– Я вынужден настаивать, – закатил глазки барон. – Его Величество настаивал на тайне и скорости.

– Твою кавалерию, – прорычала вдовица, теряя остатки терпения, – кони от меня не шарахаются, а люди потерпят.

– Ваше Высочество! – настырный посланец аж побледнел, и поделом. – Как вы могли подумать, что я... Что я мог бы...

– Что вы могли? – любопытствовала Матильда, прикидывая, вытащить ей пистолет или это будет слишком. – Я не красавица, но своего лица не стыжусь.

– Речь идет о вашей безопасности.

– Моя безопасность осталась в Сакаци, – отрезала Матильда, – а здесь у вас опасность.

Они все в этой опасности по пояс, а к весне будут по уши, потому что талигойские маршалы, к гадалке не ходи, пошлют войну к кошкам и займутся родимыми мятежниками.

– Я доставлю вас в Ракану живой и невредимой или умру, – вздернул голову барончик, – я поклялся Честью.

В Ракану-то он, может, и доставит. А вот из Раканы ей удирать самой да еще и голохвостое величество на загорбке тащить.

– Я верю вам, молодой человек, – возвестила Матильда и вздернула подбородок, давая понять, что аудиенция окончена. Бочка переступил с ноги на ногу, коварно расплескав очередную лужу. Среди окативших несчастного брызг была и последняя капля. Чаша терпения Артура Гэвиота переполнилась, страдалец дал шпоры хорошенькому линарцу и исчез с глаз долой. Матильда благодарно похлопала Бочку по горбоносой башке. Бочка хрюкнул, давая понять, что спасибо не слопаешь.

– Лаци!

– Здесь, – весело откликнулся доезжачий.

– Дай касеры.

Ласло с готовностью извлек фляжку. Пускаясь в дорогу, Матильда намеревалась вести себя, как положено вдовствующей бабушке, но вдовствующие бабушки сидят по замкам и шипят на невесток, зятьев и внуков, а не разъезжают потайными тропами в обществе контрабандистов.

К вечеру принцесса Ракан решила, что пистолеты будут при ней, а возить флягу будет Лаци. Осенью без касеры монахи и те не ездят, а она не монахиня, что они с Ласло и выяснили на вторую ночь после отъезда. И неплохо выяснили, но в Талиге придется уняться. В Талиге она не сдуревшая на старости лет господарка, а бабушка новоявленного короля, которого следовало бы придушить вместе с его лучшим другом Робером Эпинэ. Не до смерти, но до просветления, потому что лучше быть господарями всю жизнь, чем королями до весны и до Возвращения Создателя – покойниками.

Становиться бабушкой покойника Матильда не желала, потому и сорвалась с места, получив письмо о великой победе. Не надо быть святым Танкредом, чтобы понять, куда вляпались застоявшиеся в конюшне дурни. Король из обормота хуже не придумаешь. Братец Альберт, тот хоть понимает, на каком он свете, Альдо – нет, а Робер идет у него на поводу. Вассал, твою кавалерию! Нет, чтоб за недоуздок да в денник!

Матильда от души глотнула и задумалась. Она с трудом представляла, как станет оттаскивать дорвавшегося до пирога внука, но если не она, то кто?! Не Мэллица же! Эта только ресницами хлопать горазда. Тоже немало, повисни Альдо на этих ресницах, но внучек хочет играть сабелькой, а не куколкой. И почему только Альдо удался в отцовскую породу? Можно было бы взять грех на душу и объявить осла бастардом. Вдовствующая принцесса отхлебнула еще разок и вернула пойло дружку.

– Поехали, а то вовсе застынем.

– Гица, – в глазах доезжачего плясали горячие искры, – вот так вот и застынете?

– В Алати было жарко, – с достоинством произнесла Матильда, – а в Талиге – холодно. Дело мое такое, вдове, – по ночам мерзнуть.

2

Тронко казался мирным и радушным, несмотря на перегораживавшие улицы рогатки и патрули на перекрестках. Закутанные в кожаные холтийские и войлочные бакранские плащи солдаты и адуаны сидели у прикрытых навесами костров, напоминая не о мушкетах и шпагах, а о жареном мясе и стаканчике вина. Конечно, попробуй кто без спросу прогуляться по городу, его б отловили у первой же рогатки, но чужие по Тронко не шлЯлись, и это обнадеживало. Потому что виконт Валме никогда в этой дыре не был и лезть в нее не собирался. Виконт Валме загулял в Урготе, до такой степени загулял, что сам стал урготом, но не до конца.

Для того чтоб окончательно сродниться с Фомой, следовало утрясти кое-какие формальности с батюшкой и любезным отечеством. То, что в любезном отечестве все встало дыбом, бездельника не волновало. Подумаешь, король поменялся. Беды-то! Одни жонглируют коронами, другие развлекаются войнами, ну а с Марсея Валме хватит карт,

мистерий и красоток. Особенно красоток, потому что без Марианны не обойтись.

Виконт хмыкнул и застегнул адуанскую куртку из рыжей замши. Сидела она неплохо, да и выглядела вполне достойно, всяко лучше подбитых ватой бордонских камзолов. Марсель затянул бахромчатый пояс, накрутил на палец позабывшую о щипцах русую прядь и покачал головой. Загостившийся в Урготе обормот и бездельник не должен походить на степного бродягу, значит, придется ловить портного, сапожника, белошвеек. Конечно, можно ограбить какого-нибудь хлыща или послать за одежкой в Валмон, но без куафера не обойтись, в столицу новоявленный ургот должен заявиться завитым и благоухающим по всем правилам моды. И еще нужно свести загар и нагулять хоть какие-нибудь щеки.

– Валме!

Дьегаррон собственной персоной. Ну и генералы нынче пошли, к капитанам без стука врываются.

– Сударь? – Марсель предпринял попытку отдать честь, но Дьегаррон только рукой махнул.

– Коннер и Бадильо готовы. Сейчас явится Его Высокопреосвященство, и можете ехать.

– Значит, поеду с благословением. – Странно было бы, если б Бонифаций не явился. Раз уж епископ Давенпорта провожал, такую толпу без благословения тем более не отпустит. – Благодарю вас за помощь, генерал. И за... За понимание.

– Виконт, – щека генерала слегка дернулась, – я вам желаю больше, чем удачи. И все-таки вынужден предупредить: вы очень рискуете.

– Пустое, – махнул рукой Валме, – обойдется.

Он, видите ли, рискует? Можно подумать, он на абордаж собрался. И что тогда говорить про Ворона, полезшего в Багерлее за короля, который и слова-то доброго не стоит!

Хорхе Дьегаррон потер пальцами висок; надо будет написать папеньке, пусть пришлет генералу сундук мазей и тинктур, может, какая-то подойдет.

– Вы хотя бы представляете, что будете делать? – кэналлиец казался озабоченным. Ох уж эти генералы, вечно им диспозицию подавай.

– Начну с урготского посольства – спасибо Фоме, я теперь его подданный. Потом навещу знакомых дам и портных. Вы не представляете, сколько знают портные...

– До урготского тракта вас проводят, – перебил генерал. – Пахарильо догонит Давенпорта по берегу и предупредит, так что о вашей встрече будет знать только Савиньяк.

Когда он еще узнает... Хуже, если их с Чарльзом приметили в Маллэ, ну да кто не рискует, умирает девственником.

– Генерал, кто же у вас гостил целую неделю, если это был не я? – на всякий случай уточнил виконт.

– Один из офицеров Ансела, но не думаю, что это дойдет до Оллари. Мы живем очень замкнуто, как вы заметили. – Дьегаррон резко обернулся. – Ваше Преосвященство, Клаус!

– И не токмо, – пророкотал Бонифаций, вплывая в комнату в сопровождении троих человек. Полковников Бадильо и Коннера, которым предстояло перерезать алатский и гайифский тракты, Марсель уже знал, третьего – худого, усатого парня – он видел впервые.

– Святой отец, вы с касерой или будем пить мою? – осведомился Дьегаррон.

– Я – как пчела медоносная и как корова тучная, – возвестил епископ, – но разумный не зарежет свиньи своей вперед соседской. Вестимо, если сосед благочестив, ибо благочестие велит делиться.

– Что ж, – кивнул Дьегаррон, – я готов проявить благочестие. Виконт Валме, представляю вам тенъента Шемантала. Он поступает в ваше полное распоряжение и обязан, да-да, Орельен, обязан исполнять любой ваш приказ. В вашем распоряжении также сто конных адуанов.

– Сто пятьдесят, – поправил Бонифаций.

– Сто пятьдесят, – подтвердил генерал, – и триста лошадей.

– Мне столько не съесть, – брякнул Марсель, – хватит и десятка.

– Не плети глупости, чадо. – Бонифаций нахмурился и почесал мизинцем необычно

бледный нос. – Дело твое богоугодное, но непростое. И в засаде сидеть придется, и праздных да чванливых трясти и расспрашивать. Вот люди и понадобятся. Кто драться будет, кто любопытствующих успокоит, кто праздношатающихся завернет, мост развалит, ложный след подпустит...

– Что ж, полтора так полтора, – вздохнул Марсель. – А может, мне пса прихватить? Мало ли... След там взять или постеречь кого?

Попросить парочку верховых козлов и мешок с ызаргами Валме не успел: полковник Коннер огрел жадного виконта по плечу и расхохотался:

– Забирай Котика, жабу его соловей, для тебя не жалко!

3

– Ваше Высочество, – барон Гэвиот сиял, блестел и светился, – в Барсине проездом из Агариса в Талиг находится Его Высокопреосвященство кардинал Талигойи Левий. Он просит Ваше Высочество пересесть к нему в карету.

А шустрый у нее внучек, не успел усесться на трон – уже завел кардинала. А может, это кардинал шустрый, вот и завел себе королька?

– Прекрасные новости, – изобразила требуемую радость принцесса, – я буду счастлива увидеть Его Высокопреосвященство.

– Но сначала... Ваше Высочество, в доме одного очень достойного человека вас ждут камеристки.

– Успокойтесь, барон, – заверила Матильда, – я не предстану перед духовной особой в мужском платье. Едемте к достойному человеку.

А она-то хотела устроить праздник всего последнего. Последний день в седле, последняя касера, последняя ночка с Лаци. А мымру с завивочными щипцами не желаете?

Матильда оглянулась на поскучевшего доезжачего:

– Ласло, Бочка на твоей совести.

– Слушаю, гица, – вот и все, было да сплыло. Ну, попадется ей этот Альдо, она с него и за кардинала спросит, и за карету с париком.

Матильда послала Бочку за бароновым линарцем. Гнедой, очередной раз выказав редкостную сообразительность, извернулся и цапнул солового красавчика. Линарец обиженно заржал и взбрыкнул. Гэвиот в седле удержался, но Матильда все равно была готова облобызать кусачее сокровище. К несчастью, рысак при всем своем трудолюбии не мог перелегать и перекусать всех, кого хотелось бы Ее Высочеству. Принцесса подавила вздох и желание хлебнуть касеры и полюбопытствовала, как кортежу кардинала удалось столь быстро достичь Барсины.

– О, – воспрянул духом Гэвиот, – Его Высокопреосвященство путешествует с надежным эскортом.

Упомянутый эскорт по надежности превосходил все мыслимое, изрядно напоминая небольшую армию. Матильда с трудом удержалась от вопроса, как все это великолепие продефилировало через пограничные посты. Сами скажут. Расхвастаются и скажут.

– Это здесь, – Артур указал на премиленький особнячок. В сгустившихся сумерках окна светились розовым. Если внутри пахнет фиалками, она кого-нибудь убьет!

Ее Высочество хмуро слезла с разыгравшегося Бочки и приступила к исполнению высочайших обязанностей, а именно – сдалась на милость четырех накрахмаленных коз. Через полчаса Матильда пришла к выводу, что это не козы, а сороки. Принцесса стояла, подняв руки, а вокруг нее сустились, утягивали, подкалывали, прихватывали, пришивали и трещали, трещали, трещали... О гайифской моде, неземной красоте Ее Высочества и еще более неземной мудрости и доблести Его Величества. Матильда тупо поворачивалась, когда ее вертели, и молчала, из последних сил глуша жажду убийства.

Не прошло и года, как вцепившиеся в принцессу мармалюки прекратили колотья и подтащили жертву к здоровенному зеркалу. К счастью, мутному. Матильда обреченно

глянула в темное стекло и увидела то, что и ожидала. Старую капусту, обшитую золотыми кружевами. Надо было сказать, что она в трауре, хотя гаже серого только розовое, а ее все-таки обрядили в пурпур. А вот камни хороши, не хуже тех, что прожрал супруг со своими соратниками. Любопытно, откуда сии рубины? Подарок, взятка или гарнитур пошлым образом украли?

Матильда угрюмо приняла из верноподданных лап ручное зеркало и обозрела себя сзади. Зад был внушительным, даже более внушительным, чем перед. Локоны парика скрывали шею, окончательно превращая свою носительницу в обросший черной волосней пень, а юбки и рукава лихо топорщились, живо напоминая о копне сена, в которой может укрыться пара влюбленных.

– Ваше Высочество, – проблеяла главная коза, – вы прекрасны!

– О да! – подхватили три другие. – Ваше Высочество просто созданы для пурпура... Эти камни... Лучшие куаферы Агарии... Бархат... ленты... узор... все будут потрясены...

А вот с этим не поспоришь. И сильнее всех потрясется Лаци. С коня парень снимал пусть не первой свежести, но красотку, а увидит пулярку в павлиньих перьях. Придется открывать на ночь окошко – она просто обязана показываться бедняге без этих тряпок.

– Ваше Высочество довольны? – в четырех парах гляделок читалось ожидание похвалы и морковки.

– Нет слов, – честно буркнула принцесса, выплывая в гостиную, где ее караулило еще одно потрясение. В лице Арчибальда Берхайма. Лучший друг Анэсти с хищным стоном сорвался с обтянутой абрикосовым атласом банкетки.

– Припадаю к стопам великолепной Матильды! Как я счастлив, что внук моего дорогого Анэсти вернул венец предков. Я никогда не сомневался в счастливой звезде нашего дорогого малыша...

Единственное, в чем не сомневался Берхайм, так это в том, что его обязаны кормить. И ведь кормили.

– Арчибальд! – «Есть в этом доме отравы или нет?» – Я думала, вы в Агарисе...

– Как я мог там остаться, когда наш Альдо так нуждается в помощи?!

Ты поможешь. Обглодать дюжину окороков и спереть то, что плохо лежит.

– Ваша помощь будет неоценимой, – качнула бруклями Матильда. – А что наши дорогие друзья? Кавендиш, Карлион, Хогберд...

– Барон Хогберд нездоров, он придет чуть позже. Кавендиш и Карлион с нами. И еще Беллами и Ванаг...

Отсутствие Хогберда означает одно – крыса не желает лезть на обреченный корабль. Что и требовалось доказать.

Матильда Ракан вырвала из рук лучшего друга покойного мужа обслонявленную руку:

– Я была рада вас повидать, но уже темнеет, а я должна успеть к Его Высокопреосвященству.

– О да, – закивал Берхайм, – Его Высокопреосвященство... Он просил предупредить о его визите. Левий – изумительнейший человек! Изумительнейший. Я его знаю не первый год и всегда рассказывал ему об Анэсти, Эрнани, малыше Альдо и, конечно же, о великолепной Матильде. Уверю вас, кардинал расположен всей душой к истинным талигойцам и делу Раканов. Левий неусыпно молился за нашу победу, и его молитвы были услышаны.

Может, и молился, но Хогберд остался в Агарисе, а чутью пегого борова Матильда доверяла.

– Я благодарна Его Высокопреосвященству, – заверила принцесса, – и буду счастлива принять благословение столь расположенного к моему дому пастыря.

– А я буду счастлив благословить женщину, которую Его Святейшество Адриан называл алатским бриллиантом.

Матильда оглянулась. В дверях стоял невысокий седой человек с эмалевым голубем на груди и приветливо улыбался.

Глава 6
Ракана (б. Оллария)
399 года К.С. 3-й день Осенних Молний

1

Робер Эпинэ поцеловал руку кузине. Катари едва заметно вздрогнула и улыбнулась.

– Как чудесно, что ты пришел.

Чудесно или нет, скоро станет ясно.

– Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо, – твердо произнесла бывшая королева, – очень хорошо.

А по виду не скажешь: бледненькая, под глазами круги, и рука горячая.

– Почему ты не хочешь лекаря?

– Потому что он мне не нужен. Я буду пить травяной отвар, а люди... Люди все равно будут умирать.

– Так вышло, – какую глупость он несет, – никто этого не хотел.

Так ли уж никто? Гоганы, покойный Люра, благоденствующий в Багерлее Штанцлер, Гайифа, Дриксен, Гаунау, Агарис, не говоря о сюзерене... Каждый собирает свои ягоды, а змеи достаются тем, кто просто хочет жить.

– Я никого не виню, – немедленно заверила Катари и наверняка солгала. – Просто мне страшно.

Робер накрыл рукой хрупкую горячую ладошку. Жизнерадостно ляпнуть, что все было, есть и будет в порядке, у Первого маршала Талигойи не получилось. Будь на месте Катаринны Матильда, он бы рассказал ей все и спросил совета, но впутывать двоюродную сестру в то, что он затеял, было бы безбожно.

– Катари, – Робер старался казаться веселым, – что ты думаешь об Айрис Окделл?

– Я люблю ее, – просто сказала бывшая кузина, – но она... Она слишком простодушна для этого мира.

– А ты? – попробовал пошутить Эпинэ. Катарина задумалась, теребя неизменные четки. Тонкие брови сошлись к переносице, словно женщина что-то вспоминала или, наоборот, гнала от себя какие-то мысли.

– Не знаю, – кузина тронула обручальный браслет и отдернула руку, словно ожегшись. – Я хотя бы научилась... молчать. Но я старше Айрис...

– Ты уверена? – Он становится пошляком, противно!

– У меня есть календарь и зеркало. – Катарина слегка оттянула воротник, словно он ее душил. – Почему ты заговорил об Айри? Ее хотят забрать? Оставьте девочку со мной, с братом и матерью ей будет трудно.

– Я знаю. – Лэйе Астрапэ, если б он мог довериться Катари, но она слишком слаба при всем своем мужестве. – Дело в другом. Ты знала, что Альдо Ракан должен жениться на одной из дочерей Эгмонта?

– Создатель! – Катарина бросила четки на колени. – Не может быть!

– О свадьбе договорились еще до восстания. Альдо не придавал этому значения, пока не получил письмо от герцогини Окделл.

– Что же теперь будет? – голос кузины звучал безнадежно. – Что же теперь будет?

– Катари, – Робер в упор взглянул на Катарину Ариго, – как вышло, что Айрис Окделл оказалась в Олларии и стала невестой Рокэ Алвы?

– Не знаю, – длинные ресницы прикрыли глаза. – Робер, я ничего не знаю. Меня уведомили, что у меня будет новая фрейлина, и все. Я решила, что это очередные шпионы, но на представлении поняла, что это дочь Эгмонта. Айри – одно лицо с отцом и братом. О том, что это сделал Алва, я узнала позже. Когда Леонард Манрик повел себя со мной... недостойно, вмешалась Айрис. Тогда она и сказала о помолвке.

– Значит, объявлено об этом не было?

– Нет, – Катари снова взялась за свой янтарь, – герцог Алва не любит церемоний, да и когда бы они успели.

– Робер, – золотистые зерна бессмысленно скользили по нити, – говорю тебе, как брату. Айрис Окделл никогда не согласится стать женой Альдо Ракана. Не надо доводить малышку до крайности, она и так... перевозбуждена.

– Кузина, у девушки нет выбора. Если она откажет Альдо, он женится на ее сестре, но младшая по законам Чести не может опередить старшую, значит, старшей одна дорога – в монастырь.

– В Талиге нет монастырей. – Катари широко распахнула глаза. Голубой взгляд напомнил о золотистом. – Видит Создатель, сегодня я этому рада.

– Будут, – утешил Эпинэ, – кардинал прибудет через несколько дней.

– Бедная Айри, – прошептала Катарина, – она не создана для монастырской жизни, она такая... земная.

– Я предложу ей другой выход. – Прости, Катари, но я лгу тебе и буду лгать дальше. – Быть герцогиней Эпинэ лучше, чем гнить в аббатстве.

– Ты хочешь жениться на Айри? – Не понимает, слышит, что сказал кузен, но не понимает. – На Айри?!

– Тебе это не нравится?

– Нет, – в тихом голосе была та же горькая непреклонность, что и во время разговора о Фердинанде. – Нельзя жениться на девушке, которую никогда не видел и которая...

– Какая любит другого? – договорил Робер.

– Да, – выдохнула кузина. – Ты не понимаешь. Лучше никто, чем тот, кто тебе противен, но ты с ним связана... На всю жизнь!

– Ты кого-то любила? – Зачем он спрашивает, кому это нужно теперь?

– Любила. – Катари схватила четки. – Но оказалась трусливым ничтожеством. И в придачу обуянным гордыней. Робер, я заслужила все, что со мной случилось, потому что хотела быть королевой. Хотела! Я думала, что забуду, и я бы забыла, если бы Фердинанд был таким, как... как один дворянин. Прости...

Кем он был, этот «один дворянин»? Лучше не спрашивать, будить чужую боль мерзко.

– Я тоже любил, – и буду любить, но лучше говорить о прошлом, меньше вопросов, – и тоже ничего не вышло. Жозина... Мать хотела, чтоб я женился. Я ей обещал.

– И ты решил просить руки первой встречной? – Катари грустно улыбнулась. – Как это по-рыцарски – предложить герцогскую корону девушке, которой грозит монастырь. Только Айрис не примет твой подарок. Даже если... Помоги мне встать.

Робер безропотно подал руку. Катари виновато улыбнулась, подошла к окну.

– Смотри, – бледное личико стало мечтательным, – у меня снова есть сад, он хорош даже сейчас... Весной здесь зацветут анемоны и вернутся ласточки. Здесь всегда было много ласточек...

– В Кагете их тоже много, – пробормотал Робер, вглядываясь в топорщащиеся можжевельниковые ветви, укрывшие ящики с растениями, – белых... И оранжевых роз.

– Они слишком роскошны, – покачала головой кузина. – Робер, я бы никогда не сказала тебе, но ты не оставил мне выбора. Айрис верит в любовь Алвы, но он проявил всего лишь учтивость. Девочка поссорилась с матерью и сбежала к брату, но его не было в столице. Алва выказал великодушие, для Айри этого было довольно.

– Тогда я тем более прошу твоего разрешения.

– Если я скажу «нет», ты все равно сделаешь по-своему.

Сделает, хоть и по другой причине. Рыцарь, как же! Рыцари не врут женщинам, их оружие – меч, а не интриги. И поэтому рыцари вымерли. Последними были Эгмонт и отец.

– Катари, если Айрис откажет, я уйду.

– Зачем же уходить? – кузина укоризненно покачала головой. – Когда закончишь со сватовством, возвращайся сюда. Мы слишком давно не виделись, чтобы я тебя так быстро

отпустила.

2

Катарина молилась, Одетта Мэтьюс чавкала в приемной, остальные дамы бывшей королевы, а ныне особы, находящейся под личным покровительством Альдо Ракана, разбрелись по столовой и двум гостиным. Сбежавшие и вернувшиеся косились на вновь приползших, графиня Феншо, прошедшая с госпожой Багерлее, обдавала и тех и других ледяным презрением, а девица Окделл торчала у окна – подбородок вверх, губы поджаты, так и жди какой-нибудь глупости. Упрямства в дочке Эгмонта было не меньше, чем в его же вдове, не к ночи будь помянута.

– Мама, – Селина тихонько опустилась на пуф рядом с пальцами, – мама, что будет с Айри?

– То есть? – не поняла Луиза и ткнула иглой в обрыдшее шитье.

– Графиня Феншо говорит, что Ричард теперь опекун Айри. А они поссорились, – прошептала дочка.

Поссорилась? Если это – ссора, то что тогда называется дракой? Луиза с силой вытащила золотистую нитку и зевнула:

– Молодые люди не любят признаваться, когда их бьют. – Катарина Айрис не выдаст, но не признаваться ж родимой дочери, что ты подслушиваешь. – Воротник Ричарду я зашила, щеки запудрила. Через несколько дней заживет, тогда и посмотрим, что будет.

– Айрис говорит, Ричард – клятвопреступник и негодяй, – вновь зашептала Селина, – а я думаю, он притворяется, чтобы спасти Монсеньора.

Если бы! Луиза видела, с какой рожей юный Окделл разгуливал по приемной в ожидании сначала Катарины, потом сестрицы. Так заговорщики не выглядят, особенно глупые, а вот молодые петухи – запросто. Госпожа Арамона сделала пару стежков и принялась копаться в корзине с шелками, выбирая подходящий цвет.

– Ричард Окделл еще слишком молод, – повторила Луиза слова Катарины Ариго, – и потом, не следует забывать, что он – сын Эгмонта Окделла.

Про то, что от бобра бобренок, от свиньи – поросенок, Луиза благоразумно умолчала. Подопечная герцогиня и так пускала искры, подливать в огонь масла капитанша не собиралась.

– Оруженосец, нарушивший присягу, никогда не станет рыцарем, – сообщила отягощенная дворянскими премудростями дочь.

– Айрис виднее, – согласилась Луиза, – я в этих мужских штуках не сильна. Тебе не кажется, что ты слишком долго ходишь с одной и той же прической?

– Мама, – Селина никогда ни на что не жаловалась, но сейчас в ее глазах был укор, – Монсеньор в тюрьме, а ты...

А она ничего не может сделать. Только прыгать возле Катарины и ждать в поле ветра, который рано или поздно подует.

– Герцогиня Окделл, – толстуха Мэтьюс возникла в дверях, приплясывая от любопытства, – пришел герцог Эпинэ и хочет вас видеть.

Айрис обернулась. Блеск в глазах и раздувающиеся ноздри ничего хорошего не предвещали, и Луиза принялась торопливо запихивать шитье в корзинку.

– Госпожа Арамона. – Одетта неправильно истолковала жест Луизы, ну, на то она и дура. – Герцог Эпинэ настаивает на разговоре наедине.

– Не бойтесь за меня, – выпалила Айрис, – я знаю, что ответить приспешнику узурпатора!

– Айрис, – графиня Феншо растерянно захлопала действительно очень длинными ресницами, – Айрис, что ты...

Утонувшая в своих выдумках дуреха не слышала. Раньше они с Селиной успели нарожать Ворону детей, теперь Айри собиралась то ли на костер, то ли в бой.

– Я была рада вашей дружбе, – на Одетту сестрица Ричарда не смотрела, – но теперь моя жизнь и моя смерть принадлежат моему нареченному. Я разделю его судьбу, какой бы та ни была. Селина, ты стала мне больше чем сестрой, будь счастлива. Госпожа Арамона, вы были ко мне добры. Молитесь за нас. Госпожа Феншо, прощайте. Ведите меня, я готова!

Святая Октавия, она же побывала в Багерлее, могла бы понять, что в тюрьму берут не гонимые, а расческу и чулки! И при чем здесь тюрьма? К гадалке не ходи, Эпинэ будет мирить злюку с братцем, недаром он столько у кузины просидел.

– Айрис, – Селина висела на шее у подруги, а на ее щеках висели слезы. – Я тебя никогда не забуду, никогда, ты такая...

– Селина, – Луиза взяла дочь за руку, – герцог Эпинэ – благородный человек, а не тюремщик.

– Благородные люди не служат мерзавцам и не нарушают клятв, – отрезала дочь наплевавшего на все присяги Эгмонта.

– Айрис, – Луиза ухватила будущую мученицу за плечо, – даже с мерзавцами нужно говорить в приличном виде.

Девушка злобно дернула головой, но позволила расправить воротник и перевязать ленты.

– У нее нож, – пробормотала Феншо, – заберите нож.

Нож действительно был, вернее, ножик. Для фруктов – серебряный, мягкий, таким не то что мужчину, морискилла не прирежешь. Айрис вряд ли соображала, что держит в руках. Она, когда волновалась, вечно что-то хватала.

– Нож не для прихвостней Альдо Ракана, – отчеканила Айрис Окделл. – Сталь для них слишком благородна.

А когти, надо полагать, в самый раз. Луиза просчитала до шестнадцати и твердо сказала:

– Айрис, прошу вас, положите нож.

Катари, случись ей бросать оружие, томно бы разжала пальчики и вздохнула. Девушка Окделл отшвырнула несчастный ножик к камину, от которого тот и отлетел с жалобным звоном.

– Прощайте, – воскликнула невеста Алвы и скрылась, на прощанье со всей силы саданув дверью.

Одетта и графиня Феншо молчали, прочие курицы и вовсе замерли. Селина подняла злополучный ножик и тихо положила на тарелку с фруктами. Так, словно он просто упал.

3

Сестра Ричарда не была уродиной, но Иноходцу никогда не нравились высокие угловатые женщины с резкими размашистыми движениями. А девушка Окделл, похоже, терпеть не могла кареглазых брюнетов.

Робер Эпинэ вежливо поклонился:

– Сударыня, я благодарю вас за то, что вы согласились принять меня.

Айрис зло сощурилась и по-жеребьячи дернула головой.

– К чему вежливость, господин Эпинэ. Сила на вашей стороне.

Ого. Сестрица хоть и отколотила брата, все еще жаждет крови.

– Вы заблуждаетесь, – пробормотал Эпинэ, чувствуя сильнейшее желание сбежать, – я никоим образом не намерен причинить вам вред.

– Не надо лишних слов, – собеседница задрала подбородок, – делайте свое дело.

Свое дело? Он его и делает.

– Сударыня, что вы имеете в виду?

– Не нужно лжи, – потребовала Айрис, хотя врать он еще и не начинал. Ясновидящая она, что ли?

– Герцогиня, – без сомнения, здесь подслушивают и подглядывают, – прошу вас оказать мне честь и пройтись со мной по саду.

– Я не намерена гулять с предателями и клятвопреступниками, – будь Айрис Окделл лошадью, она бы повернулась задом и принялась лягаться. И жаль, что она не лошадь, с лошадьми Иноходец Эпинэ разговаривать умел, с закусившими удила девицами – нет.

– Ваша покровительница обещала, что вы меня выслушаете. – Ничего такого Катари не обещала, более того, она честно предупредила, что толку не будет. – Я надеюсь, вы исполните ее пожелание.

– Герцогиня Окделл и будущая герцогиня Алва не нуждается ни в чем покровительстве. – Сейчас фыркнет или зубами клацнет. – Я выслушаю вас, но здесь.

– Ваша мантилья, Айрис, – светлокосая дуэнья, которую Робер уже видел, стояла на пороге с ворохом одежек в руках, – и ваш плащ. Сегодня солнечно, но прохладно.

– Благодарю вас, сударыня, – Эпинэ был готов расцеловать догадливой даме руки. – Герцогиня, позвольте.

Робер ухватил подбитый мехом плащ и водрузил на плечи Айрис. Та в очередной раз дернулась и прижала уши, но не укусила.

Негаданная помощница сунулась было с мантилей, но девица Окделл прикусила губу и прынула куда-то вбок, где обнаружился спуск в очередной садик, засыпанный ржавой листвой.

От мысли подать даме руку Робер предусмотрительно отказался. Сестра Дика кентером проскакала мимо пары замерзших статуй, обогнула кучу можжевельных веток, прикрывавших какие-то цветочки, и остановилась у молчащего фонтанчика, в чаше которого плавали кленовые листья.

– Я слушаю! Что вам угодно? – будь у Эгмонта столько решимости, он бы не проиграл. Или не восстал, как бы его ни тащили под уздцы.

Ему угодно прекратить навалившееся на всех безумие, а для этого нужна ты. Даже не ты, а твой Надор, но Катари не ошиблась. Айрис не откажется ни от Ворона, ни от войны, говорить с ней о выборе между аббатством и герцогством глупо. Остается одно.

– Сударыня, – одна радость, вранья будет меньше, – если кто-нибудь узнает о нашем разговоре, меня, самое малое, ждет Багерлее, но я вынужден быть с вами откровенным. Вы хотите спасти герцога Алва?

Потеряла дар речи? Может, не стоило так сразу? Рука Айрис Окделл рванулась к воротнику, губы побелели. Лэйе Астрапэ, она же больна, Дикон говорил. Этого еще не хватало!

– Айрис! Вам плохо?

– Сейчас, – она замерла, судорожно глотая холодный воздух, – сейчас... пройдет.

– Я не должен был выводить вас на холод.

– Должен! – ножка в домашней туфельке топнула о подмерзший гравий. – Я... я вам помогу. Мы устроим побег.

Из Багерлее? Воистину, у Окделлов все просто.

– Сударыня, вам правда лучше?

– Герцог, – вроде приступ миновал, и на том спасибо, – почему вы решили нам помочь?

«Нам»... Бедняжка, что с ней станет, когда она узнает правду? А ты представь, что будет с Мэллит, и поймешь! Иноходец нащупал шрам от исчезнувшего браслета:

– Сударыня, возможно, Ричард рассказывал вам про Сагранну. Рокэ Алва спас мне жизнь и вернул свободу.

– Я поняла. – Для нее это довод. Дочь Эгмонта всерьез полагает, что за добро платят добром, раньше Робер тоже так думал.

– Сударыня, вы долго жили очень замкнуто и многого не знаете. Поэтому я умоляю вас меня выслушать, не перебивая.

Айрис кивнула, из прически выбилась русая прядка, налетевший ветерок ухватил ее, как разыгравшийся котенок. Робер взял девушку под руку, та уже не брыкалась, и они побрели меж спящих деревьев и мраморных астрэ.

– Айрис, – злости в серых глазах больше не было, только надежда и доверие, – вы

понимаете, что дело Раканов безнадежно? К весне у Его Величества останется лишь один козырь – заложники, и прежде всего Рокэ Алва. Поверьте, сейчас его жизни ничего не угрожает. Альдо Ракан не станет сжигать единственный корабль.

Не стал бы, если б не вера в проклятую Силу, хотя и тут есть за что зацепиться. Рокэ, как ни крути, глава дома Ветра. Истинный глава, потому что Альбин был старшим сыном старика Лорио. Лишить можно наследства, но не крови.

– Весной Рокэ в Багерлее уже не будет, – выпалила Айрис, и Роберу отчего-то стало страшно.

– Сударыня, – если она не поймет сейчас, не поймет никогда, – герцог Алва сдался по доброй воле, связав свою участь с участью Фердинанда. Он не убежит.

– Алва – Человек Чести, он не станет клятвопреступником, как Ричард Окделл, – заявила сестра Дика, – поэтому сначала мы похитим Фердинанда.

Воистину имя безумию – женщина, но Айрис права. Беда в том, что вытащить бывшего короля из Багерлее трудней, чем Ворона. Захоти тот выбраться, он бы уже сделал это, но растерявшийся толстяк, не способный ни бежать, ни драться... С таким грузом на шее не побегаешь.

– Вы правы, я об этом не подумал. Я попробую узнать, что можно сделать для Фердинанда, но мне нужна ваша помощь.

– Я готова!

– Вам придется лгать, сударыня, лгать много и долго.

Серые, до невозможности честные глаза уставились прямо в душу. И почему это он решил, что Айрис некрасива?

– Я солгу, – твердо сказала дочь почти святого, – если надо, даже в церкви.

– Айрис, – как мерзко предавать людей, которые тебе верят и за тобой идут, даже если ты предаешь их всего лишь на словах, – нас сейчас только двое. Признаться, я рассчитывал на вашего брата, но...

– Дикон оказался негодяем, у меня больше нет брата.

Какая решительная особа, ну да какая есть!

– Не судите слишком строго, по крайней мере сейчас. Тем более вам придется помириться.

– С предателем?!

– Айрис, я предупредил, что придется лгать, и в первую очередь родичам. Потому что вдвоем мы ничего не сделаем. Нам нужны надежные люди, надежные и умелые, а таких в Олларии я не знаю. Я здесь чужой, вы – тоже. Мои южане ненавидят Олларов и герцога Алва.

Альдо и северян они ненавидят много больше, но лгать так лгать.

– Что же делать? – Озера отражают то тучи, то синеву, а в глазах надежда сменяется отчаянием. Мэллит, когда думает об Альдо, смотрит так же.

– Я должен послать за помощью, получить ее и дожидаться подходящего момента, причем так, чтобы Альдо Ракан и его сторонники ничего не заподозрили. Я не могу исчезнуть из города накануне коронации. Вернее, могу, но тогда мне перестанут доверять. Вы можете.

– Конечно. – Теперь она чуть в ладоши не хлопает, и что с ней, такой, делать?! – Вы дадите мне письмо, я переоденусь юношей...

Час от часу не легче. Одного такого «юношу» Матильда раскусила через десять минут, и это при том, что Мэллит была под надзором.

– Ваше отсутствие тотчас заметят, но дело не в этом, а в том, как тайно провести в город своих. Есть только один способ. Мы с вами объявляем о нашей помолвке.

– Нет! – Она рванулась, но Робер с силой прижал худенькую руку к своему боку.

– Потрудитесь дослушать до конца. Разумеется, если хотите спасти Алву и Оллара. Вы, как моя невеста, с почетным эскортом отправляетесь в Надор, откуда я, как водится у Людей Чести, должен вас забрать. Мы торопимся со свадьбой, и я выезжаю за вами сразу же после

коронации. Никто ничего не заподозрит.

– В Надоре Монсеньора ненавидят, – с горечью произнесла Айрис, – из-за отца.

– Правильно, но от Надора рукой подать до Лионеля Савиньяка. А он – именно тот человек, который нам нужен. Мы вернемся с эскортом в цветах Скал и Молнии, но на самом деле это будут солдаты Савиньяка. Только и это не все. Лионель не зря был капитаном Личной королевской охраны, он знает многое. В том числе и то, как попасть из дворца в Багерлее.

– И он дрался на дуэли из-за Селины! – Айрис снова сияла. – Когда мы объявим о нашей помолвке? Сегодня?

– Да, только постарайтесь смотреть помрачней. Вы приняли мое предложение только для того, чтобы избежать монастыря.

– Хорошо, – Айрис на мгновение задумалась. – А мне очень нужно мириться с Ричардом? Я буду стараться... Но я... Я не могу видеть этого кукушонка!

– Моя кузина... То есть Катарина Оллар просила вас не разлучать. Ты останешься до отъезда при ней, только постарайся выглядеть позлей и понесчастней.

– Несчастней? – Айрис лукаво улыбнулась, став очень хорошенькой. – Уныние – это грех, но я буду вспоминать Дикона и злиться.

Глава 7

Хексберг и Ракана (б. Оллария) 399 года К.С. 3-й день Осенних Молний

1

Из туманной седины выросла гора. Неожиданная, одинокая, с плоской, словно срезанной вершиной, на которой лежало небо. Оно было чужим и холодным, но Луиджи Джильди сам выбрал и это небо, и эту гору. Возвращаться было не то чтоб некуда, просто это означало сдаться, поплыть по течению, превратиться в очередное ничтожество, между обедом и ужином сетующее на судьбу, жену и подагру, не дающих несчастному стать великим.

– Ну что, тенъент Варотти, – подмигнул Луиджи бывшему боцману, а ныне старшему офицеру верхней палубы, – вот мы и пришли.

– Пришли, – прогудел Уго Варотти, – и как славно! Словно мышь по сыру!

По сыру не по сыру, но море и в самом деле было добрым сверх всякой меры. «Влюбленная акула» не просто избежала осенних штормов, карауливших у Астраповых Врат наглецов и безумцев. Изменивший вековечной привычке «кэналлиец»²¹ домчал фельпцев до Хексберг за двадцать пять дней и стих только у скал Штернштайнен. Неудивительно, что вся команда, от старшего офицера до последнего гребца, свято верила в счастливую звезду Рокэ Алвы и в то, что судьба и удача велят идти за талигойским маршалом до Закатных врат и дальше. Ворон бросился на север? Отлично! «Акула», честно исполнив порученное, рванула за своим кумиром. И за войной.

– По носу – боевая галера! – весело проорал впередсмотрящий.

– Есть по носу – боевая галера, – повторил старший офицер Ленуцца, вглядываясь в вылетевшее из-за пологого мыса судно. – Рангони. Встречает!

Можно подумать, в здешних водах тьма-тьмуца галер! Севернее Марикияры моряки полагаются на ветер, но ветер изменчив. В глубине души Луиджи хотелось доказать, что, думая о галерах свысока, северяне совершают ошибку. После разгрома бордонов капитан Джильди молился на Неожиданность и Непредсказуемость, а что может быть неожиданней

²¹ Сильный южный ветер.

южных кораблей у северных берегов? Кораблей, не зависящих от ветров, способных проскользнуть в самую узкую щель и подойти чуть ли не к самому берегу. Жаль, щелей здесь почти нет, а ветра отличаются постоянством. И все равно, пренебрегать такими красавицами – грех!

Луиджи поднял трубу, ловя то исчезающую, то появляющуюся среди пологих волн хищную стройную тень. С мнением Рангони, что «Ворон» был лучшей в мире галерой, не мог согласиться лишь Дерра-Пьяве, полагавший таковой «Бравого ызарга». Джильди соперничество друзей искренне забавляло, ведь капитан прекрасно знал, что корабля лучше «Влюбленной акулы» нет и быть не может. Луиджи подмигнул Ленуцце и Варотти:

– А мы тащимся, как похмельные крабы, одна радость, что не боком! Уго, шевельни-ка этих бездельников.

Варотти расплылся в щербатой улыбке и исчез, Ленуцца слегка улыбнулся, старший офицер был бы на «вы» даже с трюмными крысами, но на его галере крыс не было.

Весело взвыли дудки, «Влюбленная акула» на мгновение замедлила ход, словно оступившись, вспенила серую воду и рванула навстречу новой судьбе и старым друзьям. Сумасшедший осенний переход из Алвасете в Хексберг был закончен.

– Сигнал! – проорал дозорный. – «Радость встречи!»

– Отвечай: «Ясно вижу», «Больных нет», «Радость встречи», «Готов к бою».

Сигнальные флаги взлетели кверху с беличьим проворством. Приветствуя земляков, радостно бухнула носовая пушка «Ворона». «Акула» ответила двумя выстрелами.

– Капитан, – зашептал вернувшийся Варотти, – дозорный говорит, Рангони в парадном камзоле.

Лицо Уго было несчастным. Ну еще бы! Бедняга не переживет, если у его капитана в хвосте будет меньше перьев, чем у Джузеппе. Джильди пожал плечами и побежал на корму. Рангони все равно, что он напялит, но зачем огорчать команду?

Сменить рубашку и шейный платок и влезть в белый с золотом камзол было делом пары минут. Луиджи не глядя нахлобучил парадную шляпу и выскочил из каюты. Галеры стремительно сближались. Джильди уже без всякой трубы видел расправлявшего крылья носового ворона, больше похожего на марикьярского найера. Над мачтой реял фельпский вымпел, но кормовой флаг был синим, кэналлийским. И эти туда же! Алва не предлагал откупленным галерам поднять его знамя, фельпцы сделали это сами. На счастье.

Облака над горой засеребрились – сквозь них рвалось плененное солнце. Остро пахло солью, водорослями и еще чем-то горьким, непонятным и оттого тревожным. В затылок дышал Варотти, на куршее толпились свободные от корабельных дел моряки и обалдевшие от безделья солдаты. Прав ли он, захватив в Фельпе абордажную команду? Ничего, хорошие рубаки еще никому не мешали!

Лопнула, расплзлась облачная кожа, перед носом «Акулы» легла аквамариновая шаль, взбалмошная орилла²² коснулась щеки, подхватила сигнальные флаги, окатила гостей жемчужными брызгами.

– Вот ведь, – удивился Варотти, утирая лицо.

– Спасибо, – зачем-то крикнул Луиджи расшалившемуся ветру.

Ветер не ответил, только брызнул в губы шалой солью, словно поцеловал. Небесная полынья исчезла, будто сроду не бывала, море тоже погасло, посерело, словно отлюбившая свое душа.

Уго помянул святого Андия и закатных тварей, ударил судовой колокол, предупреждая о встрече. Увенчанный пернатой ночью нос разминулсЯ с золотой акулой, утомленными веерами опали весла. Что ж, кто пришел, тому и прыгать. Не свалишься – принесешь хозяину одну удачу, а себе – две.

Джильди сощурился, прикидывая расстояние. Пора! Оторваться от пусть трижды

²² Так моряки Померанцевого моря называют береговой ветер.

родной палубы, на миг ощутить себя летучей рыбой, сжать протянутую другой рукой – это тоже счастье... Счастье, которое дарят волны и ветер, волны, и ветер, и свет...

– Приветствую лучшего капитана Фельпа, не считая Фоккио Джильди и меня, – Джузеппе Рангони со смешком хлопнул Луиджи по плечу. – Молодчина!

– Дерра-Пьяве тебя убьет. – Луиджи в свою очередь от души огрел земляка. – Не за себя, так за «Ызарга».

– Нет, это я убью Дерра-Пьяве, – отрезал Рангони. – Болтается Леворукий знает где.

– Знает Леворукий, знает и Алва, – утешил Джильди.

– Тогда говори, где Алва, или отправляйся к кошкам со своими советами. Закатные твари, а я-то думал, вы с Ланцо вместе заявитесь.

– Скажи спасибо, что меня видишь, – решил обидеться Джильди, – нас к здешним селедкам никто не гнал.

– Спасибо, – поклонился Джузеппе. Как странно выглядит Рангони в талигойском мундире! Но сменил флаг, меняй и камзол.

– Мы деремся или нет? – деловито осведомился капитан «Влюбленной акулы», косясь на плоскую вершину. – Признаться, я боялся опоздать к десерту.

– Война будет, – Рангони был на удивление краток, – даже больше, чем нужно. Где Ворон?

– Мы его в Гаре высадили. Куда собирался, не доложил. Как тут у вас? Что весело, я уже понял.

– Ждем, – соизволил объяснить приятель, – зимы, войны, известий. Ты вовремя явился, вечером – военный совет, сразу всех увидишь и все узнаешь.

– Кого «всех»? – Луиджи невольно задрал голову, разглядывая освещенную невидимым солнцем вершину. Золото и свинец. Красиво и... страшно. – Значит, это и есть Хексберг?

– На совете будут здешние офицеры и маршал фок Варзов, – сообщил Джузеппе, – и, уверяю тебя, он не выпить сюда приехал. Он вообще не пьет. После совета пойдем на Штернштайнен, представишься Альмейде, ты от него на четыре дня отстал.

– А гора? – напомнил Джильди, не в силах оторвать взгляда от хлынувшего сквозь прорыв в облаках сиянья, превратившего свинец в серебро.

– Местные говорят, там в полнолуние нечисть пляшет. И они вместе с ней. Я не видел пока, но почему б не глянуть.

– Спасибо, – отрезал Луиджи, – я не люблю нечисть.

2

Реджинальд Ларак казался удивленным. Еще бы, на ночь глядя тащиться незнамо куда в сопровождении двух десятков охранников. Лучше было б выждать до утра, но герцог Эпинэ – начинающий интриган, а у новичков с терпением плохо. Робер натянуто улыбнулся.

– Добрый вечер, Реджинальд. Извините за время и место, но мы собирались продолжить наш разговор.

– Я помню, – отважно произнес толстый человек, от которого теперь зависело все.

– Половина того, что я вам скажу, тайной не является. Я предложил руку и сердце Айрис Окделл, и она их приняла.

– Вы женитесь на Айрис? – пробормотал Реджинальд, превращаясь из репы в свеклу. – Как же...

– Нет, – Робер невольно улыбнулся, хотя ничего смешного, если не считать физиономии собеседника, не было, – я всего-навсего обручился. Его Величество намеревается вернуть гальтарские обычаи, если вы о них осведомлены.

– Ддда, – выдавил Реджинальд, словно сомневаясь в собственных словах, – знаю... Немного.

– Жених забирает невесту из ее дома, причем вручает ее не мать, а глава фамилии. Но

Ричард не может сопровождать сестру в Надор. По ряду причин, о которых вы знаете.

Ларак торопливо кивнул и проглотил нечто невидимое. У каждого свои привычки: Мишель проводил пальцем по усам, отец поправлял перевязь, сам он хватается то за несуществующий браслет, то за глаза, а Реджинальд глотает. Робер положил руку на пухлое плечо собеседника. Если он согласится, то может умереть. Если не согласится, его придется убить. Как гоганов...

– В случае если глава фамилии занят или болен, – Эпинэ старался говорить медленно и понятно, – его, с разрешения Его Величества, заменяет официальный наследник. То есть вы.

– Я должен отвезти Айрис в Надор? – поднял глаза толстяк. – К эрза Мирабелле?!

– Айрис поедет не одна, а с дуэньей и ее дочерью. Его Величество Альдо и... моя кузина Катарина напишут герцогине Окделл о своем расположении к Айрис.

– Хорошо, – Наль посмотрел Роберу в лицо, – я готов. Я... Я не дам эрза Мирабелле обижать Айрис.

Она сама не даст себя обижать. Ни матери, ни брату, ни Леворукому, а Рокэ ее все равно обидит. Рано или поздно.

– Реджинальд, то, что должны сделать вы, куда более опасно. Между помолвкой и свадьбой должно пройти не менее шестнадцати недель. За это время вы доберетесь до Лионеля Савиньяка и передадите ему письмо и кое-что на словах. Если вы и впрямь хотите спасти столицу.

Виконт Лар молчал, глядя даже не на Робера, а куда-то вбок. Молчал, жевал губами, сглатывал. И вместе с ним молчало, жевало и сглатывало будущее тысяч талигойцев. Если Ларак найдет Лионеля, если Лионель поверит и даст слово не преследовать мятежников и сохранить жизнь и свободу Мэллит, Матильде, Альдо, Ричарду и Удо, Эпинэ сдаст ему Олларию. Как когда-то Рамиро.

Молодой человек в цветах Скал кончил жевать и теперь пристально и грустно смотрел в глаза Иноходцу.

– Я постараюсь. Самое трудное – выехать из Надора в одиночку, но я что-нибудь придумаю. Вы знаете, где именно маршал Савиньяк?

– Нет, – Эпинэ почувствовал, как с его плеч падает ледяная гора, – но на севере не так много мест, подходящих для зимовки армии. Если маршал выдвигается к столице, нужно его перехватить.

– Я понимаю, – что ж, похоже, в отличие от сотен других «понимальщиков», кузен Дика отвечал за свои слова, но вот представлял ли, во что ввязывается?

– Реджинальд, вам придется путешествовать в одиночку, а времена сейчас сами видите какие. Вас могут захватить мародеры, вас могут не узнать или, наоборот, узнать слишком хорошо. Если письмо попадет не в те руки...

– Я отдам его только Лионелю, – Ларак опять немного пожевал, – я знаю, как его спрятать. В Надоре есть очень плохие лошади и очень старая сбруя, на них никто не позарится...

– До Надора вас и герцогиню Окделл проводит надежный эскорт. По крайней мере, от мародеров вас защитят.

– Если нас поймают люди Лионеля, мне просто не нужно будет их искать, – Реджинальд нерешительно улыбнулся собственной шутке. – Что я должен передать на словах?

Лионель допускал, что последний из Эпинэ не безнадёжен, иначе б не отправил мать к Жозине, но одно дело – вернуть на родину изгнанника, пошедшего на поводу у деда и отца, и совсем другое – пойти на переговоры с вожаком мятежа.

– Передайте маршалу, что Жозина, запомните: именно Жозина, со мной говорила, и я решил взглянуть на зимние дожди. И еще расскажите, что происходит в Олларии, вы это знаете лучше меня. Уговоритесь о встрече. Я приеду за невестой, как только получу письмо. Нам нужен тайный знак.

– Ничего нет проще, – Ларак сдвинул брови, они были светлыми, но густыми. – Если я

напишу: «Да благословит вас святой Алан» – значит, у меня пока ничего не вышло. А если... Если я помяну святого Оноре, значит, я все сделал.

– Договорились. Пусть будут святой Алан и святой Оноре.

– Монсеньор, – теперь Реджинальд Ларак был чиновником, которому старший по канцелярии дал поручение, – когда я смогу получить письмо?

– У вас до отъезда самое малое три дня, но гонец от Его Величества и от герцога Окделла отбудет в Надор, как только я переговорю с Его Величеством и Ричардом. Как он себя чувствует?

– У него небольшой жар, но доктор говорит, так и должно быть.

Еще бы! Рана паршивая, хотя нет худа без добра, за шпагу с располосованной рукой не схватишься. Дикон многому научился от Ворона, но Придд ему не по зубам. Эдакая скользкая bestия – проскочит меж пальцев и обожжет.

– Предупредите Ричарда о моем визите, но не о его причине.

– Конечно, Монсеньор. – Наль стремительно переходил от свекольного румянца к сметанной бледности. – Я могу спросить?.. Что знает Айрис Окделл?

– Только то, что я намерен помочь герцогу Алва. О вашем участии не знает никто. И не должен знать.

– Прошу простить мою навязчивость, – Реджинальд Ларак уставился на носки роскошных придворных сапог, – вы действительно решили связать свою судьбу с судьбой Айрис Окделл?

Лэйе Астрале, ну и слог! Так во время Двдцатилетней войны и то уже не изъяснялись.

– Не буду вас обманывать. Свадьба не состоится, Айрис об этом осведомлена.

– Благодарю, Монсеньор! Благодарю... Я найду способ встретиться с маршалом Лионелем, обязательно найду!

Что это с ним? Закатные твари, да то же, что и с тобой. Реджинальд влюблен, причем безнадежно. Похожая на жеребенка девушка забрала сердце родича и не заметила, потому что таких толстяков никогда не замечают. И не таких тоже. До встречи с Мэллит ты полагал себя чуть ли не неотразимым, но сердце женщины живет своими законами.

3

Стену украшали два портрета и картина. Кавалеристы в кирасах и шлемах наметом неслись через ржаное поле, сзади и сбоку горела какая-то деревня, а в дыму и синеве кружила неистово-черная птица войны.

– Это Кадела, – пояснил высокий темноволосый моряк, – последняя атака Арно Савиньяка. Разрешите представиться. Ротгер Вальдес. Вице-адмирал. Командую тем, чем не командует Альмейда.

– Капитан Джильди, – постарался скрыть удивление фельдец. – Луиджи Джильди.

– Пусть вас не удивляет мое имя, – похоже, Вальдес привык встречать подобные взгляды. – Меня тут называют Кэналлийцем, но это вранье. По отцу я – марикуляр, а марикуляр не могут пройти мимо светлых кос. Мой отец не был исключением, что и стало причиной моего рождения и моего имени. Не правда ли, Дитрих?

Названный Дитрихом высокий сероглазый блондин укоризненно покачал головой:

– Это моя троюродная тетушка Фредерика не смогла пройти мимо черноглазого кавалера. Зато ее младшая сестра отдала сердце известному вам генералу Вейзелю. Одна семья – и такие разные вкусы... Ну, а я, как вы поняли, Дитрих. Дитрих Лаузен. Капитан порта и кузен этого кэналлийца, которого дриксы с полным основанием прозвали Бешеным, но вы садитесь. Торчащие столбы мир не украшают.

Луиджи послушно сел, троюродные кузены налетели на долговязого сухаря, оказавшегося генерал-интендантом по имени фок Клеффис, и фельдец вернулся к картине. На полотне война казалась великолепной. Не хуже морских баталий, украшавших отцовский палаццо. Летящие кони, блеск, порыв, мощь, бессмертие... Художник не рисует

покалеченную девушку на окровавленных досках и затоптанного лошадьми раненого, художникам платят за красивые победы.

– Я рад приветствовать вас в Талиге, капитан Джильди. – Курт Вейзель от души пожал руку фельдцу и с достоинством опустился в кресло рядом. – Ваше появление – добрый знак.

– Я передал коменданту Алвасете, что иду в Хексберг.

– Рэй Эчеверрия прислал курьера, но моряки, как никто, зависят от капризов стихий.

– О, – махнул рукой Луиджи, – стихии на нашей стороне. Мы взяли за весла лишь вчера.

– Флоту Альмейды тоже повезло, – значительно произнес бергер, – если, конечно, это является везением.

Вейзель не верил в удачу, иначе б он не был Вейзелем. И уж тем более он не был бы самим собой, перестань он хмуриться и поджимать губы. Артиллерист всегда ждал худшего, кавалерист Савиньяк – лучшего, но Эмиль остался в Фельпе.

– Маршал Савиньяк передает вам привет, – соврал Луиджи, полагая, что хуже от этого никому не будет.

– Благодарю, – заверил бергер, – я высоко ценю способности Эмиля Савиньяка. А теперь разрешите назвать вам присутствующих офицеров. Тот, что пишет, – командующий гарнизоном Хексберг, генерал от инфантерии Пауль фок Таннер. Трое у окна...

– Мы уже знакомы, – улыбнулся фельдец, – адмирал Вальдес объяснил мне, почему его зовут Ротгер.

– Ему бы следовало объяснить вам положение, в котором мы находимся, – нахмурился артиллерист. – Легкомыслие Вальдеса до некоторой степени искупается его несомненным воинским талантом.

Зато серьезность Вейзеля остепенила бы сотню кэналлийцев, и все-таки Луиджи был рад его видеть.

– Вы уже где-то остановились? – бергер строго взглянул на Луиджи. – Если нет, будет логично, если вы присоединитесь ко мне и капитану Рангони. Мы живем в доме племянника моей жены. Это уже известный вам Ротгер Вальдес. Увы, он еще не обзавелся семьей.

Огромные часы, увенчанные резным остробашенным замком, пробили шесть раз. Вейзель нахмурился, но сказать ничего не успел. Раздались шаги, круглолицый адъютант распахнул дверь, и Луиджи увидел Вольфганга фок Варзов. Разумеется, он был совершенно не таким, как думалось. Знаменитый маршал ничем не напоминал ни Вейзеля, ни тем более Алву. Он и на военного-то походил лишь мундиром и перевязью. Пожилой, невысокий, плотный, полководец был бы уместен за семейным столом или в купеческой лавке, но не на поле боя.

Фок Варзов встал на пороге, оглядывая собравшихся; свободно сидящий мундир не мог скрыть маршальского чрева.

– Капитана Джильди все знают? – А вот голос у фок Варзов был самый что ни на есть военный, способный повергать в трепет и перекрывать рев орудий. Луиджи сам не понял, как вскочил. Маршал улыбнулся, явив миру крепкие лошадиные зубы.

– Теперь точно знают, так что потрудитесь сесть. Господа, сначала я предлагаю выслушать капитан-командора Фальце. Прошу вас.

– Я сегодня имел беседу с дриксенским контрабандистом. – Капитан-командор был глубоким стариком с веселыми голубыми глазами. – Этот достойный человек вне себя. Представьте себе, кесарь закрыл порты Метхенберг, Ротфогель и Киршенбаумен. Мало того, он конфисковал у почтенных негоциантов корабли, причем пустые. Несчастные владельцы обязаны вычищать трюмы и искать на берегу сараи под товар. Добрый Готфрид обещал возместить убытки. Когда-нибудь...

– Благодарю вас, – фок Варзов оперся руками на стол. – Ваше мнение, господа?

– Не возместит, – покачал головой фок Клеффис. – «Гусь» не корова, в себя – зерно, из себя – ммм, не мед!

– Ну отчего же, – протянул Ротгер, – есть способ убедить «гуся» расстаться и с пером, и

с пухом, и с мясом. Только эти способы не для голубков.

– Господа, – строго произнес Вейзель, – я не вижу повода для веселья. Совершенно очевидно, что противная сторона намерена осуществить нападение не только со стороны суши, но и со стороны моря, высадив десант, так как я не вижу, зачем бы еще кесарии понадобились торговые корабли. Высадка сделала бы наше положение весьма неблагоприятным, если б не своевременное возвращение флота, о чем в Эйрехте, насколько мне известно, не осведомлены.

– Именно, – живо откликнулся сын марикьяре и блондинки, – и это безусловный повод для веселья.

– Кто еще так думает? – Фок Варзов подтянул к себе бумажный лист и перо. – Вы, Таннер?

– Штурмовать Хексберг с моря весьма соблазнительно, – холодно произнес командующий гарнизоном. – Разумеется, в отсутствие флота, но Бруно слишком опытен, чтоб ограничиться одним ударом в одном месте.

– Если он разделит свои сухопутные силы, – потер бровь фок Клеффис, – отпадут последние сомнения.

– Господин интендант, – удивился Лаузен, – неужели они у вас еще имеются?

– Сомнения имеются всегда, – назидательно произнес фок Клеффис, – особенно у интендантов.

– Итак, – подвел итог фок Варзов, – мы сошлись на том, что Готфрид готовится что-то брать сразу с моря и с суши и это что-то скорее всего оставшийся без большей части флота Хексберг.

– Несчастный и беззащитный, – уточнил Вальдес, исторгнув из глаз Вейзеля очередную молнию.

– Да, – с нажимом повторил маршал, – несчастный и беззащитный, поэтому господин Альмейда в Хексберг не появится. Даже в цитадели, замешавшись среди наших фельпских гостей. Зато наши фельпские друзья в портовых тавернах начнут делиться воспоминаниями о том, как они в Фельпе гуляли с хексбергскими моряками. И как хотели бы следующей весной вместе с ними потрясти дожей, а приходится торчать на севере.

– Почтем за честь, – заверил Рангони. Луиджи молча поклонился. Зимовка в Хексберг обещала быть веселой.

– Благодарю, – маршал Запада был учтив, но его внешность мирной больше не казалась. – Кто-нибудь сомневается в том, что дриксенцев следует топить, не дожидаясь высадки?

Сомневающихся не нашлось. Только Ротгер Вальдес скосил южный глаз на Вейзеля и шепнул:

– Топить «гусей»... Это так волнующе, не правда ли, дядюшка?

Глава 8

Ракана (б. Оллария)

399 года К.С. 4-й день Осенних Молний

1

Стремительно темнело. Сквозь облетевшие ветви виднелось желтое небо, в котором с громкими воплями металось растревоженное воронье.

Закатные твари, куда делась эта проклятая ваза? Нужно было идти той же дорогой, что и в день дуэли, а его понесло напрямик. Вот он и заблудился самым нелепым образом.

Что он делает в Старом парке, Ричард не понимал, просто не мог усидеть дома. Наль куда-то запропастился, а люди Люра были слишком хорошо вышколены, чтоб останавливать господина. Выезжая, Ричард немало гордился этим обстоятельством, но сейчас был бы рад,

окажись Джереми понавязчивей. Юноша оглянулся, пытаясь понять, куда его занесло. Если б не птицы, был бы слышен плеск воды, а от каскада до выхода можно добраться с закрытыми глазами. Дикон с ненавистью поднял глаза на кружащуюся в закате стаю и почти побежал по пружинящему под ногами гравию. Если все время сворачивать направо, выйдешь к одной из главных аллей. Во всех лабиринтах нужно сворачивать направо, где он это слышал? В Лаик? В Агарисе?

Первый поворот вывел Ричарда к развилке, украшенной высоким обелиском, второй – к знакомой поляне, посреди которой белела статуя быка с человеческой головой. На могучих плечах равнодушно чистил перья горный ворон. В Олларии? Откуда?! Юноша ускорил шаг, опасливо косясь на огромную птицу. Та лениво махнула крылом, хрипло выкрикнула: «Фердинанд – рогоносец!», и Дикон сообразил, что перед ним ворон Ариго. Так вот где он прижился!

– Оллар – дурак! – надрывался оседлавший быка вешун. – Фердинанд – рогоносец!

Фердинанд был дураком и ничтожеством, но покойному Ги не следовало учить ворона таким словам. Ради женщины, которую отдали сначала Оллару, потом Алве. Увы, покойный граф думал лишь о себе. Сначала принудил Катари к ненавистному браку, потом принялся интриговать, а платит по счетам братьев сестра.

– Ворон – красавчик, – вопила черная птица, – Оллар – рогоносец!

Нельзя, чтобы это слышали! Альдо скоро откроет Старый парк, сюда сможет зайти любой, а вороны живут чудовищно долго. Ричард взялся за пистолет. Черная гадина лениво расправила крылья и тут же сложила, где-то заржала лошадь, между голых стволов промчался ветер.

Юноша спустил курок, грохнул выстрел, в сумраке вспышка показалась ослепительной. Тварь на плече человека-быка расхохоталась, взмыла вверх, сделав над головой юноши круг, и исчезла. Ричард завертел головой, пытаясь найти дорогу. Может, на выстрел придут охранники? Они же знают, что Повелитель Скал в парке. У входа стоят не южане, а барсинцы, у них славный капитан, на его скромность можно рассчитывать. Надо предложить им награду, пусть поймают или пристрелят ворона. Катари и так непросто пережить развод, не нужно напоминать ей еще и об Алве.

Колокол Святой Октавии отбил половину двенадцатого, птицы стихли, но разобрать, где плещет родник, Ричард по-прежнему не мог. Над парком поднялась стареющая луна, светлые блики заплесали по урготскому мрамору, казалось, быко-человек хмурит нависшие брови и что-то бормочет в кудрявую бороду.

Столбы холодного света, черные стволы, вцепившиеся в ветки звезды и тишина... Остаться на месте было глупо. Ричард пошел туда, откуда доносился колокольный звон, и сразу же услышал шаги. Увы, это была всего-навсего лошадь, к тому же хромая.

Кто ее пустил в Старый парк? Ах да! Альдо сносит усыпальницу узурпатора, наверное, кляча принадлежит каменщикам или мусорщикам. Отвязалась и разгуливает по парку. Она вряд ли укажет дорогу, и все равно, лучше лошадь, чем ворон. Ричард пошел на звук и почти сразу оказался где хотел. Он не ошибся и не заблудился, просто в сумерках все выглядит иначе, чем днем. Юноша ускорил шаг, место дуэли его не привлекало, но за вазой начиналась тропинка, ведущая к воротам.

Лошадь отстала, может, нашла еще живую траву? Показался вековой каштан, Дику почудилось, что меж узловатых корней сидит огромная собака, но это был всего-навсего камень. Большой, серый, недоверчивый. Он кого-то ждал, долго, очень долго...

Аллея уперлась в лестницу, пологие ступени замела жухлая листва. Сквозь сухой, навязчивый шорох проступил плеск воды – Дикон все-таки дошел до родника. Луна висела над самой головой, заливая старую террасу снятым молоком, к подножиям статуй жались черные тени. Словно кошки.

Юноша невольно залюбовался застывшим в танце крылатым созданием, неуловимо напоминавшим Катари, но исполненным счастья и радости. Какая красота, и как не похоже на украшавших дворцы и парки дев и воинов! Нужно заказать для Надора копию и поставить

на скальном выступе, что напротив главной башни. Наверняка мраморную танцовщицу привезли из Гальтары. В древности эориям являлись бессмертные красавицы, одаривая избранных своей любовью. Они и сейчас спускаются в брошенную столицу, но там пусто. Только камни помнят и о любви, и о ненависти, камни не забывают ничего.

Вновь послышался стук копыт, но Дикон не оглянулся, зачем? Утром рабочие поймают беглянку, а пока пусть гуляет в свое удовольствие. Налетевший ветер пах дымом, снегом и хвоей. Шум воды стал громче, замечались причудливые тени, жаловались на грядущие холода деревья, смеялись звезды, каменная девушка с кошачьей головой вскидывала гибкие руки в вечном танце, на белой шее алело ожерелье из рябины. Кто-то пошутил, но вышло красиво.

На растрескавшиеся плиты, медленно кружась, опустился одинокий лист, запах дыма стал острее и грубее. Ричард поднял голову – вокруг Луны мерцал радужный ореол, предвещая холод. Захотелось домой, и Дикон ускорил шаг.

Лунный свет лгал, ваза оказалась дальше, чем обещали глаза, и у нее было сразу две тени. Какие глупости, это темное пятно на светлом камне не тень, а их с Валентином кровь. А он что думал? Что стражники кинутся отмывать мрамор? Ничего, пойдут дожди, и кровь уйдет в землю вместе с горькой осенней водой.

Лошадиное ржание было неожиданным и чудовищно громким. Ричард едва успел отскочить, как мимо, высекая искры, пронесся темный силуэт. Моро?! Неужели Робер его отпустил? Или черный змей сбежал? Жеребец оскалил зубы и принялся долбить копытом камень. Вырвавшийся на свободу мориск-убийца – это страшно, а мориск-убийца, потерявший хозяина? Моро злобно фыркнул и двинулся вперед. Неужели знает? Ерунда, что может понимать лошадь?!

Ричард выхватил пистолет – умирать под копытами он не собирался. Вороной замер возле кровавой лужи, вытянув узкую морду. Черная статуя, затесавшаяся среди белых.

– Это не то животное, которого следует опасаться. По крайней мере, вам, – Валентин Придд в мундире тенъента вышел из-за проклятой вазы и поправил орденскую ленту на груди.

Моро резко обернулся, вбирая ноздрями чужой запах, и вдруг предательски ткнулся мордой в затянутое черным сукном плечо. Придд улыбался, положив на холку скакуна холеную руку. Он стал старше и веселей. Если б не улыбка, Ричард еще мог бы простить.

Юноша сам не понял, в кого целится – в мориска или в Спрута. Сухо щелкнул курок. И все.

– Осечка, – в лунном свете глаза Валентина отливали лиловым, как и глаза Моро, – но следующая глупость у вас может и получиться.

– Моей следующей глупостью будете вы, – отрезал Ричард, – света здесь довольно. В позицию!

– Молодой человек, – бросил Придд, – это место опасно, по крайней мере для вас.

– Прошлый раз оно оказалось опасным для вас.

– Прекратите, – поморщился Валентин, – и уходите, пока не поздно. Нам делить нечего.

– Трус!

– Сильно сказано, юноша, – рука в черной перчатке перехватила уздечку Моро, холодно блеснули сапфиры. – Благодарю за помощь, граф. Ричард, отправляйтесь домой.

– Я не уйду! – отрезал юноша, понимая, что он один против Валентина, сбежавшего Ворона и мориска. Робер предал сюзерена, как и Придд, но Алва не должен добраться до армии, иначе конец всему: Альдо, Талигойе, любви....

– Вам же хуже, – заметил Ворон, он был таким, как всегда: сильным, уверенным и насмешливым.

Ричард, сам не понимая, что делает, вновь нажал на курок. На этот раз подвел не пистолет, а рука: пуля врезалась в вазу, Ворон пожал плечами и, не глядя на бывшего оруженосца, вскочил на коня. Придд ухватился за руку маршала и пристроился за его

спиной. Моро издевательски заржал, взмахнул роскошным хвостом и тронулся неспешной рысью.

– В седло, Окделл! Мы их догоним!

Вылетевший из ночи всадник осадил скакуна рядом с Ричардом, под уздцы он держал Сону. Дик отшвырнул разряженный пистолет и вцепился в поводья.

– Скорей! – Ричард послушно пришпорил мориску, та рванула с места в карьер. Миг – и залитая луной площадка с лужей высохшей крови осталась позади. Ричард оглянулся, его спутник – Симон Люра – засмеялся и поправил алую перевязь. Сона вскинулась на дыбы, замолотила в воздухе копытами, одно из них было белым. Люра выругался, что-то рухнуло в жухлые листья, безголовый, однорукий обрубок поудобней перехватил поводья, остро запахло кровью...

2

– Монсеньор, что с вами? Монсеньор, проснитесь!

Какой отвратительный запах! Леворукий бы побрал лекаря с его настойками. Ричард с усилием приподнялся на локтях.

– Что случилось, Джереми? Который час?

– Три четверти двенадцатого. Позволю заметить, у Монсеньора сильный жар. Я разбужу лекаря.

– Разбуди!

Это был бред, самый обычный бред. Хорошо, что он видел всего-навсего Люра, могло быть и хуже. Ричард сел в постели, глядя прямо перед собой. Все-таки правильно он заменил кабаньи головы на портреты.

– Сударь! Ну зачем же вы сели? – вкатившийся в комнату врач был полусонным, но исполненным укоризны. – Вам надо лежать, иначе может начаться заражение.

– Я лежу, – буркнул Ричард. Спорить с лекарем не хотелось, валяться с лихорадкой тем более. Если Придд явится ко двору раньше, могут подумать, что победитель – он.

– Сейчас я приготовлю успокоительное питье, – заверил мэтр Хелльбах, – и вы уснете.

– Хорошо. – Спать хотелось без всякого питья, но вдруг опять приснится кошмар? – Признаться, я видел дурной сон.

Как все-таки святой Алан похож на отца! Одно лицо, разница лишь в доспехах и в оружии. Даже витраж за спиной один и тот же, старый надорский витраж с вепрями.

– Больше дурных снов не будет, – врач остервенело затряс стеклянную бутылку, – только покой. Вам нужен покой, герцог, и вы спокойно уснете. Все будет хорошо, хорошо и спокойно.

Лекарское бормотание успокаивало, Ричард откинулся на подушки, сонно разглядывая собаку, которую гладил святой Алан. Жаль, у него нет собаки. Когда у постели хозяина спит пес, это так уютно. Большой пес, похожий на волка, – это то, что нужно Повелителю Скал.

– Ваше питье, сударь.

Пахнет приятно! Медом, яблоками и чем-то еще. Гвоздика? Нет, у гвоздики запах грубее. Ричард потянулся к бокалу, ненароком задев раненую руку, резкая боль рассекла сонную одурь, в глаза прыгнули пестрые искры. Мэтр бросился на помощь, не рассчитал, питье пролилось на подушки. Багровые пятна на белом выглядели чудовищно.

– Оно красное? – Почему это так удивляет? Неприятно удивляет.

– Разумеется, – не понял врач, – ведь его основа – вино. Ваш слуга дал мне «Черную кровь». Изумительный букет.

«Черная кровь»... любимое вино Ворона, неудивительно, что им забиты все подвалы.

– Я предпочитаю белое. «Девичьи слезы».

– Прекрасный выбор, – одобрил врач, – но не сейчас. Тем, кто теряет много крови, следует пить красное. Это способствует восполнению кровопотерь и ускоряет выздоровление.

– Да, я слышал, – кивнул юноша, перебираясь к столу и принимая из рук лекаря вновь наполненный бокал. Джереми забыл задернуть занавеси, и в глаза Ричарду била золотая звезда, забравшаяся в созвездие Всадника. Юноша глядел в черное небо и смаковал целебное питье, ожидая, когда перестелят залитую постель.

– Монсеньор может ложиться.

– Благодарю.

– Я еще нужен Монсеньору?

– Идите.

Первым ушел врач, его ждала остывающая перина. Джереми задержался: снял нагар со свечей, пошевелил прогоревшие угли, пододвинул к постели жаровню. Люра умел подбирать людей... Какая страшная смерть, страшная, нелепая, несправедливая. Вмешательство Симона оказалось решающим, именно он и его армия вернули корону Раканам, но в столице говорят не об этом, а о «перевязи Люра»... Алва отнял у бедняги не только жизнь, но и подвиг.

– Монсеньору что-нибудь угодно?

– Поставь вино на стол и можешь идти.

– Как угодно Монсеньору.

Полночь. Завтра утром нужно быть на Совете Меча. Альдо увидит, что Повелитель Скал, в отличие от Повелителя Волн, здоров. Ричард отхлебнул «Черной крови», после настоящего на меду и травах напитка вино казалось кисловатым. Чтобы не щеголять кругами под глазами, следует выпастись, но лечь Дикон не спешил. Сны редко возвращаются, но вновь увидеть падающий под копыта Соны однорукий обрубок не хотелось.

– Ты становишься все серьезней, – голос был забытым, но знакомым. Ричард вздрогнул и открыл глаза. Надо же, он все-таки задремал.

– Между прочим, здравствуй. – Паоло с бокалом в руке развалился в кресле напротив. На кэналлийце было платье для верховой езды, в вырезе рубашки светила алым эспера. Странно, Дикон всегда считал товарища безбожником.

– Прости, задремал, – затряс головой Ричард. – Ты здесь? Как? Откуда?

– А где же мне быть? – удивился приятель. – Ночевать на улице – это слишком.

– Куда ты девался? – нужно выгадать время и понять, чего хочет Паоло. Когда-то они были друзьями, но родич Ворона – это родич Ворона. – Мы чего только о тебе не думали.

– Я был в Агарисе, – сообщил кэналлиец, – у нас с отцом Германом там дела. Много дел.

– Я рад, что ты зашел, – промямлил Ричард, сам не понимая, врет или нет. – Когда ты вернулся?

– Летом. – Паоло с любопытством оглядел кабинет, и Дику стало неуютно. Если приятель бывал здесь и раньше, то спросит про портреты. И про кабаньи головы. Конечно, воля Альдо – закон, но только не для кэналлийцев.

– Не знал, что ты эсператист. – Если не хочешь расспросов, спрашивай сам.

– А я эсператист? – удивился Паоло. – Никогда бы не подумал.

– Ну, ты же носишь эсперу...

– Это подарок, – смуглые пальцы коснулись алой звезды. – Ты ведь любишь подарки?

На что он намекает? На Сону? На особняк? На дружбу Альдо? Ссоры Ричард не хотел, но если Паоло – враг Раканов, она неизбежна.

– Прекрасное кольцо, – одобрил Паоло, отхлебнув вина. – Красные камни, золотая молния... тонкая работа. Предвещает победу. Только вот чью?

– Кольцо? – переспросил Ричард, глупейшим образом уставившись на свои руки. – Какое?

– Оно осталось у лекаря, – уточнил бывший однокорытник, – оно было ему нужно.

– Ты о чем? – Дик внимательно вгляделся в позабытое лицо, оно было спокойным, как у Придда.

– Смотри, – длиннопалая рука метнулась вверх, указывая на портреты. – Твой предок

тебя не понял. Он не любил отравителей.

Кольцо с молнией... Отравитель... Паоло знает все, но от кого? От Ворона или от Робера?

Нужно было что-то говорить, а потом скорее всего драться, но не левой же! Выгадывая время, юноша глянул на картины. С правого портрета глядела серая собака, Алана Святого на нем не было. Портрет отца тоже изменился: герцог Окделл стоял на груди выпиравших из багровой жижи трупов, в руке у Повелителя Скал был фамильный кинжал, нога в забрызганном сапоге упиралась в тело Робера Эпинэ.

– Что это?! – выдохнул Дик. – Кто это повесил?!

Ричард рванул звонок и не рассчитал силы. Оборванный шнурок упал на пол, Паоло его подхватил грациозным жестом танцора.

– Не следует бояться того, что уже произошло, но ты спрашивал, почему я не зашел раньше. Потому, что раньше ты был жив.

Что он сказал? Святой Алан, что он сказал?!

– Ты мертв, Дикон, как это ни печально. – Паоло поставил бокал на ручку кресла и прижал к глазам ладони. – Яд был в вине. В красном вине. Увы, ты, как и все северяне, не чувствуешь букета.

– Яд? – пробормотал Ричард. – Яд?

– Кахаэтис фалинхоэ, – уточнил отец Герман, кладя узкую руку на плечо Паоло. – Противоядие неизвестно, но у такой смерти есть свои преимущества. Вы, по крайней мере, не мучаетесь, просто не можете встать. Через полчаса вы потеряете сознание, так что советую распорядиться оставшимся временем как можно разумнее. Вам налить?

Ричард ничего не ответил. Олларианец наклонил кувшин, свет затравленно заметался по черно-красной струе. Отец Герман протянул юноше бокал, на плече священника топорщилась трехцветная кошка, ее глаза были прозрачными и зелеными, как незрелый крыжовник.

– Пей, Дикон, – сказала тварь и облизнулась, – это хорошая лоза. Четверо подарили нам радость, так радуйся...

Хорошая лоза... «Черная кровь»... Проклятый лекарь! Это сделал он... Лекаря привел Наль, которого он объявил своим наследником. Наль всегда ему завидовал, и еще он хочет Айрис. Они сговорились, сестра и кузен, и воспользовались первым удобным случаем.

– Я предупреждал вас, тан Окделл, – заметил священник, – вы не послушали. Что ж, ваш выбор и ваше право. Пейте, это все, что вам осталось.

3

«Пейте, это все, что вам осталось...» – руки двигались с трудом. Но Ричард все же отшвырнул проклятый бокал. Может, в нем и не было яда, даже наверняка не было, но вино было все тем же. «Черная кровь»... Как легко в ней растворить яд, белая крупинка тает и исчезает, словно ее и не было... Все, как было, только вместо жизни – смерть.

Алатский хрусталь разлетелся множеством жалящих искр, золотистый ковер набух темно-красным... Ричард отстраненно подумал, что теперь по этому ковру будут ходить Айрис и Наль, и проснулся. В своей постели. Живой... Рука болела, но терпимо, лунные блики ползали по стенам, играли на оружии, скользили по кабаньим мордам, которые он уберет завтра же. И плевать, что на обивке останутся пятна, он не может больше жить среди этих трофеев! Теперь Ричард не понимал, зачем приказал стелить себе в кабинете, можно подумать, в доме мало спален. Лучше всего перебраться прямо сейчас, но герцог, среди ночи меняющий кровати, уважения не вызывает. Придется дожидаться утра.

Юноша повернулся на бок, пытаясь устроиться поудобней, не задев при этом руку. Спать хотелось чудовищно, но где два кошмара, там и третий. Впрочем, во втором был свой смысл – в доме есть врач, и врач этот может приготовить успокоительное. Повелитель Скал сел, пытаясь нащупать огниво, но вместо этого задел какую-то склянку, та опрокинулась.

Ричард махнул рукой на огниво и зашарил рукой в поисках шнура от звонка. Теплая бархатистая змея отыскалась сразу же, герцог Окделл позвонил, прикидывая, что отвечать, если лекарь примется расспрашивать.

Врать врачам и исповедникам нельзя, но есть вещи, о которых не следует знать никому. Мэтр Шабли говорил, что сны есть отражения наших мыслей, чаяний и опасений, их лучше держать при себе. Ричард пригладил волосы и услышал шаги, тяжелые и медленные.

Слуги так не ходят, так в этом доме вообще никто не ходил. Ворон передвигался легко и стремительно, а по лестницам почти бегал, Хуан крался, как кот, и своих головорезов вышколил так же, а Савиньяки звенели шпорами и смеялись. Врач? Но мэтр Хелльбах был хоть и толстым, но суетливым, и потом, откуда дежурному лакею знать, что Монсеньору нужен медик?

Шаги приближались. Кто-то большой, уверенный в себе и своем праве, поднимался по лестнице. Кто?! И где Джереми, раздери его кошки?! В комнате полно оружия, но какой прок однорукому от алебард и незаряженных мушкетов, а сабли, шпаги и кинжалы вывез Хуан, но это не он! Вздумай работороговец вернуться, его бы никто не услышал. Ричард вновь затряс шнур, ненавидя себя и за свой страх, и за свою беспомощность. Если со звонком в порядке, сюда сбежится весь дом, а если нет? Нужно запереть дверь, но ключа нет. Единственное, что осталось, – это встать, взять с камина подсвечник, отступить за ширмы и ждать. Ночной гость один, если ударить в висок, с ним будет кончено.

Ричард торопливо вскочил, меховой ковер показался холодным и влажным. Ах да, он что-то разлил спросонья. Мокрая шерсть под ногами казалась отвратительной, пролитое снадобье пахло увядающими лилиями и еще чем-то, чем пахнет в подвалах и нежилых комнатах, в Надоре таких было много. Дик схватил подсвечник, он тоже был влажным. Святой Алан, да что ж такое?! А может, это очередной кошмар? Комнату с вечера отменно протопили, дом заперт, все в порядке, но он ранен, и у него жар, вот и снятся холод и чужие шаги. Сейчас он проснется, на этот раз окончательно, и больше не ляжет. Юноша с силой ущипнул себя за руку, прекрасно понимая, что это не поможет.

Испятнанный лунными пальцами мрак отступил перед вползшим в комнату светящимся маревом, словно ренквахские огни оторвались от породившей их трясины и пришли в дом человека, некогда нарушившего их покой. Вздохнули, словно жалуясь на дряхлость, и рассыпались трухой двери, и в проеме, уперев руки в бока, встал кто-то высокий и грузный. За спиной гостя клубилась тусклая зелень, и Дик мог видеть лишь силуэт, напоминавший отравившую конечности бочку. Бонифаций? Но варастиийский епископ не носит ни шляпы с пером, ни шпаги, и ему нечего делать в столице, хотя это же сон! Он не должен об этом забывать, и тогда он проснется. Он должен проснуться!

– Ха! – ночной гость шагнул вперед. – Унар Окделл, как вы приветствуете своего капитана?

Арамона?! Бред какой... А может, не бред, а глупая шутка. И ясно чья.

– Прекратите балаган! – рявкнул Ричард. – Сколько вам заплатил герцог Придд за это представление?!

– Ха! – вошедший топнул сапогом с белым отворотом. – Я служу Ей. Запомни это, унар Окделл. Ей, и никому иному.

Толстый капитан двинулся к камину, его шаги были странно вязкими, словно он шел по болоту.

– Ты не Арамона, – выдохнул Ричард в приближающуюся, знакомую до отвращения пасть и осекся, потому что раньше рожа Свина была багровой и от него несло вином, чесночными колбасками и потом. Теперь в воздухе висел запах вянувших лилий и сладкой гнили, а кожа капитана Лаик стала белой и рыхлой, словно творог.

– Ты – мой унар, – проникновенно сказал Свин, беря Ричарда за плечо. – Но я больше за тебя не отвечаю. Ты мне не нужен. Она тебя не ждет, у тебя есть свой хозяин. Она говорит, между вами кровь и клятва. Твоя клятва и твоя кровь...

– Ты – сон, – Ричард сам не знал, кричит он или шепчет, – сон, уходи... Пусть четыре

скалы защитят от... От...

– Скалы не простят клятвопреступника. – Арнольд Арамона выпустил Ричарда, и юноша, оскользаясь на гнилых досках, отступил к камину. – Ха! Я сказал, ты слышал. Но ты был дурным унаром. Ты не понял. И ты не запомнишь.

– Убирайся, «Создателю всего сущего, именем твоим и во имя твое...»

– Ха! – бледный толстяк неспешно повернулся и направился к стене между окнами. Зеленая муть мешалась с лунным дымом, обволакивая ставшего чудовищем пьяницу, у которого больше не было тени. Арамона шел медленно, вперевалку, чавкали в невидимом болоте ботфорты, медленно, словно морская трава, колыхались волосы и перо на шляпе, запах гнили и цветов становился невыносимым. Ричард дико закричал и бросился вон из превратившейся в склеп комнаты. Куда угодно, только подальше от жуткого запаха и расползающихся на глазах ковров. Забиться в дальний угол, спрятаться, пересидеть...

Подгнившая доска проломилась, Ричард ухватился за перила, забыв о ране. Дикая боль рванулась от запястья к плечу, Повелитель Скал не удержался на ногах и кубарем покатился по скользким, позеленевшим ступеням.

Глава 9 ХЕКСБЕРГ И РАКАНА (Б. ОЛЛАРИЯ) 399 года К.С. 5-й день Осенних Молний

1

Хексберг мало походил на Фельп, а Придда и Марагона – на Ургот, но война остается войной, а ожидание – ожиданием. Город кипел, но полной ясности не было. Дриксы могли в последний миг что-то заподозрить и оставить Хексберг в покое, занявшись делами сухопутными. Луиджи в стратегии разбирался не особо, но киркорелла и та бы смекнула, что положение лишенных резервов Придды и Южной Марагоны оставляет желать много лучшего. Того же мнения придерживался и Вейзель.

Артиллерист чуть ли не с наслаждением расписывал грядущие несчастья и ошибки, а Луиджи старательно слушал, проклиная зубодробительные названия, которые и выговоришь не сразу, не то что запомнишь. Больше делать все равно было нечего, только ждать и гадать, кому же выпадет встречать «гостей».

Брось Дриксен все свои силы против Хексберга, это облегчило бы положение армии фок Варзов в Придде, но городу и его защитникам в этом случае пришлось бы солоно, несмотря на Альмейду. Вейзель, во всяком случае, не сомневался, что дриксенский фельдмаршал нацелился на Хексберг.

– Бруно предпочтет одну полную победу здесь полупобеде в Гельбе, – вещал артиллерист. – Наступать, имея на фланге вражескую крепость и порт, куда весной может вернуться флот, неразумно.

– Бруно не человек, а жернов, – вмешался заглянувший выпить грога фок Таннер. – Фельдмаршал мелет медленно и только наверняка. Он нападет, только если будет уверен.

– Хексберг стоит риска, – не согласился Вейзель. – В случае удачи враг лишает нас помощи с моря, получает в свое распоряжение продовольственные, оружейные и торговые склады и вынуждает Альмейду вернуться если не на Марикияру, то в Сенью. Город станет опорой дальнейшего продвижения в глубь Придды, которое начнется весной. Мы будем зажаты между мятежными провинциями и дриксенцами, измотаны трудной зимовкой, лишены резервов...

– Дорогой супруг моей дражайшей тетушки, – восседавший у камина Вальдес снял кольцо с изумрудом и поднес к глазам, – вы упустили две мелочи. Хексберг *еще* не взят, а флот *уже* вернулся. Согласитесь, это несколько меняет тон нарисованной вами картины. К тому же нельзя забывать о столь великом уме, как Пфейхтайер...

– А кто это? – внес свою лепту в разговор Луиджи, после суетливого портового дня наслаждавшийся теплом, грогом и умной беседой.

– О, – закатил глаза Вальдес, – Пфейхтайер – замечательный человек. Он был дриксенским фельдмаршалом и написал величайший труд по стратегии и тактике. Все уважающие себя полководцы воюют по правилам Пфейхтайера, вследствие чего проигрывают полководцам, себя не уважающим, что вы и наблюдали в Фельпе.

– Вы не правы, Ротгер. – Курт Вейзель аккуратно отодвинул чертеж, над которым колдовал до прихода Таннера. – Работа Пфейхтайера упорядочила военную мысль и обобщила имеющийся опыт. Его ученики достигли серьезных успехов.

– Которые кончились, – подхватил Кэналлие, – когда сии просвещенные мужи напали на Рудольфа Ноймаринена. Зато теперь трактат Пфейхтайера заменяет целую армию шпионов. Мы знаем, что будут делать «гуси», нужно только их пересчитать и открыть книжку на нужной странице.

– Все равно численное и тактическое преимущество еще никто не отменял. – Вейзель собрал грифели и сложил в специальный футляр. – Разумеется, если Бруно в соответствии с рекомендациями Пфейхтайера и собранными его шпионами сведениями решит овладеть Хексберг ударом с моря при минимальной поддержке со стороны Хербстланд, наше положение улучшится, но что вы станете делать, если он двинет на нас все имеющиеся в его распоряжении войска? Или усомнится в отсутствии Альмейды и откажется от штурма ради наступления в Гельбе?

– Я, – Вальдес свел брови и выпятил вперед челюсть, – ничего делать не буду. Я есть простой солдат, и мой долг – ждать приказ от моих начальников.

– Ротгер, – прикрикнул артиллерист, – ваше шутовство переходит все границы!

– Еще не все, – вице-адмирал откинулся на спинку кресла и заложил руки за голову. – Совершенству предела нет.

– Господин Вейзель, – вернулся к подползающей войне фок Таннер, – вы только что утверждали, что Бруно всей мощью навалится на Хексберг.

– Это весьма вероятно, – с достоинством произнес артиллерист, – в противном случае маршал фок Варзов уже отбыл бы в Гельбе и, весьма вероятно, я вместе с ним.

– От Хексберг до Гельбе четыре дня кентером, – зевнул Вальдес. – Если Рудольф Ноймаринен будет пропадать, вы успеете его спасти.

– Это так, – согласился Вейзель, – но...

– В чем дело, Уго? – Луиджи кивнул Варотти, с которым расстался меньше часа назад. – Что-то на «Акуле»?

– Господин капитан, – лихо щелкнул каблуками тенъент, – капитан Рангони повез господина маршала в Шта... Штеш... Шт...

– В Штернштайнен? – без запинки произнес Луиджи и сам обалдел от своего достижения.

– Туда, – обрадовался Уго. – Срочно. Вас просят. И вашего хозяина. А еще господина Танерри и господина Везелли...

– Везелли! – восхитился Вальдес. – Роскошно! Дядюшка, с вашего разрешения, я теперь буду называть вас именно так.

– Твое легкомыслие, Ротгер, иногда становится неприличным, – припечатал бергер. – Мы ждем войны, пришло известие, столь важное, что маршал фок Варзов лично отправился к адмиралу Альмейде. Совершенно очевидно, что...

– Что ничего не очевидно, – подмигнул Кэналлие. – А раз так, ставлю четыре к одному, что Бруно таки перешел границу. Таннерри, принимаете?

– На один к двум согласен, – меланхолично откликнулся начальник гарнизона. – Два к одному на то, что гости идут к нам!

– Проиграетесь, – хмыкнул вице-адмирал. – С Хексберг, по высокому «гусиному» мнению, хватит и отобранных у купцов лоханок.

– Ну и проиграюсь, – махнул рукой Таннер. – Сначала я, потом – Бруно. Лучше так,

чем наоборот.

2

Реджинальд изрядно осунулся и был явно встревожен. Если виконт и дальше будет так глядеть, его в чем-нибудь обязательно заподозрят. Надо учиться врать. Если эту науку освоил Иноходец Эпинэ, Ларак и подавно сумеет. Робер церемонно поклонился бледному толстяку и нарочито громко произнес:

– Добрый день, виконт. Рад вас видеть, но я хотел бы переговорить с герцогом Окделлом.

– Ричард плохо себя чувствует, – засуетился Реджинальд, – он в постели, но вашему визиту он будет рад.

В постели?! Робер был готов поклясться, что дурень всю прыгает, доказывая всем и каждому, что ему досталось меньше, чем Придду.

– Неужели рана оказалась столь серьезной?

– Нет, – виконт выразительно глянул на стоящего столбом слугу в роскошной ливрее, – но кузен дурно спал ночь. Очень дурно. Но давайте поднимемся к нему.

– С удовольствием, – заверил Робер, расправляя манжеты. Алый с золотой оторочкой камзол был отвратительно, неприлично ярким, но Повелитель Молний должен просить руки сестры Повелителя Скал по всем правилам, какими бы дурацкими те ни были.

Наль церемонно пропустил гостя впереди себя. На лестнице возились обойщики и резчики, меняя синее на золотое. Хорошо, Айрис осталась у кухни, иначе бы не обошлось без скандала. На втором этаже Реджинальд свернул направо. Значит, Дикон перебрался из кабинета в другие комнаты, и правильно! Виконт Лар остановился у массивной двери с серебряными накладками, на которых сплетались причудливые ветви, и постучал.

– Кто здесь? – откликнувшийся голос был одновременно наглым и угодливым.

– Герцог Эпинэ хочет видеть герцога Окделла.

Что-то звякнуло, и перед Робером возникла рожа, памятная еще по затее с заложниками. Тогда рожа вилась вокруг Люра, а теперь переползла к Дику, а тот и рад.

– Спасибо, Джереми, – пропыхтел Реджинальд. И зря, потому что Джереми – лакей не по роду занятий, а по сути. Таких не благодарят, и уж тем более таким не верят. Впрочем, в Агарисе этот красавчик сошел бы за потомка какого-нибудь Кавендиша. Ну а Кавендиш вполне мог родиться лакеем, да он и родился.

– Прошу вас, сударь, – ливрейный мерзавец прямо-таки излучал почтительность. – Монсеньор ждет.

Монсеньор лежал на широком диване, и вид у него был абсолютно не дворцовый. К лихорадочному румянцу и перевязанной руке прибавилось изрядное количество синяков, отчетливо видных, несмотря на предусмотрительно задернутые шторы. Вот уж воистину не везет так не везет. Пощечина от Айрис, рана от Спрута, а теперь еще и синяки.

– Вижу, вас удивляет мой вид? – начал Ричард, изображая улыбку.

– Удивляет, – честно признал Робер, – но с каких это пор мы стали на «вы»? И, раз уж ты первым начал, что с тобой случилось?

– Ты не поверишь, – Ричард очень громко засмеялся, – я упал с лестницы. Болван-рабочий оставил инструменты, а фонарь погас. Я не заметил, поскользнулся... Пройти две войны и едва не сломать шею в собственном доме! Такая глупость!

– С лихорадкой надо лежать, а не по лестницам бегать, ты что, позвонить не мог?

– Шнур сгнил, – скривился Дикон. – Кэналлийцы удрали, дом стоял пустым, чего удивляться?

Значит, виноваты шнур и раззява с инструментами. Может, и так, только верится с трудом.

– Знаешь, я бы на твоём месте отлежался. По крайней мере, до приезда Матильды, потом тебе болеть никто не даст. Кстати, Придд раньше коронации вряд ли поднимется, – а

если и поднимется, Ричарду Окделлу знать об этом не обязательно, – у него жар не твоему чета.

– Да? – протянул Ричард. – Признаться, не удивлен, Спруту порядком досталось.

– Не без этого, – кивнул Иноходец. – Но тебе не следует забывать о защите и нужно учиться драться левой. На всякий случай.

– Я начну заниматься завтра же, – заверил юный петух, – наш разговор с Валентином не окончен.

– Окончен, по крайней мере до конца войны, – а еще лучше, если бы навсегда, но тут уж как повезет. – Его Величество подписал эдикт, запрещающий эориям истреблять эориев. Придется потерпеть.

– Закатные твари! – блеснул глазами Ричард. Хорошо, паршивец влюблен в сюзерена, иначе б не миновать бунта. И все равно им с Валентином лучше не встречаться.

– Что еще просил передать Его Величество? – чопорным голосом осведомился Дикон. Вот оно! Ну, Лэе Астрапэ, вперед.

– Еще Его Величество одобрил мое решение просить руки девицы Окделл и выразил надежду, что Повелитель Скал доверит свою сестру Повелителю Молний.

– Кого? – чопорность упорхнула испуганным воробьем. На Робера тарачился не умудренной жизнью дуэлянт, а обалдевший мальчишка. – Ты хочешь жениться на Дейдри?! Но ты ведь ее не знаешь.

– Младшая сестра не может выйти замуж раньше старшей. Я прошу руки Айрис.

– Айрис?! – на щеках Дика заиграл нехороший румянец. – Эта... Эта... кошка бешеная. Пусть отправляется в монастырь, ей там самое место!

– Значит, ты своего согласия не даешь?

– Нет! – Ричард перевел дух и пояснил: – Ты – мой друг, я хочу, чтоб ты был счастлив. Айрис – не та жена, которая нужна тебе. И не та жена, которая нужна Повелителю Молний.

– А моя кузина считает, что мы будем счастливы, – бросил в бой последний резерв Робер. – Собственно говоря, именно она посоветовала мне...

– Катари?! – подался вперед Ричард. – Не может быть!

– Ты мне не веришь? – Влюбленный не предстанет перед своей королевой с синяками, достойными побитого возчика, а значит, можно врать и дальше. – Что ж, на дуэль по причине эдикта и раны я вызвать тебя не могу, так что придется доказывать свою правоту другим способом. Спроси у кузины, она тебе расскажет, как Айрис Окделл защищала ее от Манриков и пошла за ней в Багерлее. Катарина в твоей сестре души не чает.

– Значит, – деревянным голосом произнес Ричард, – Ее Величество желает, чтоб этот брак состоялся?

– Да, – подтвердил Робер и совершенно искренне добавил: – Так же как и Его Величество, который весьма озабочен судьбой детей Эгмонта Окделла, хоть и отдает предпочтение сыну.

Ричард задумался, закусив губу и сведя брови. Именно так смотрел Эгмонт, узнав о ренквахском прорыве. Дику тоже нужно выбирать. Между обидой и любовью. Робер Эпинэ очень надеялся, что победит любовь. Дикон потер переносицу и улыбнулся:

– Я согласен. Передай Ее Величеству, что я благословляю этот брак...

3

– «Франциск Великий» приветствует на своем борту маршала Запада, – выхолощенная уставом фраза в устах Рамона Альмейды прозвучала неожиданно тепло. – Как я понял, вы получили известия от регента?

– Вы не ошиблись. – Вольфганг фок Варзов уселся справа от адмирала, водрузив выдавший виды бювар прямо на расстеленную карту. Горели лампы, тускло мерцало серебро, на стене рассекала вечную волну легендарная «Каммориста», а за бортом вздыхало Устричное море – набирал силу отлив.

Маршал Запада молчал, Альмейда тоже. В марижаре не было и следа смертельно опасной утонченности, которой поражал Алва. Победитель «Императрикс» был высоченным, плечистым и спокойным. Он не спрашивал, а ждал, положив четырехпалую руку на вишневый бархат.

– Господин адмирал, – глухо произнес Вольфганг фок Варзов, – я прошу вас на время отпустить ваших людей.

– Себастьян, Хулио, Филипп, – ровным голосом велел Альмейда, – прошу вас выйти. Берто, к тебе это тоже относится.

Два вице-адмирала, капитан-командор и тенъент поднялись, поклонились, вышли. Рванулись к потолку и исчезли четыре тени, скрипнули дверные петли.

– Господа, – начал маршал, – я должен незамедлительно отбыть во вверенную мне армию. Генерал Вейзель едет со мной. Причиной моего отъезда послужило письмо от герцога Ноймаринен. Новости, которые он сообщает, весьма неприятны.

Ротгер Вальдес уронил платок, поднял, ничего не сказав, сунул в карман. Смешливое лицо стало жестким и отрешенным.

Вот так и начинаются войны. С дурных известий и долгих разговоров.

– Дриксенцы взяли Агмарен? – не выдержал Вейзель. – В Кадане появилась армия Гаунау?

– Курт, вы в это сами не верите. – Фок Варзов передвинул циркуль, затем тронул песочницу. – Алва в Багерлее.

– Что? – лицо артиллериста окаменело. – Не может быть!

– Он ранен? – подался вперед Рангони. – Конечно же, он ранен!

– Предатели, – твердо сказал Альмейда. – Кто?

– Его не предали, – голос фок Варзов был ровным и мертвым. – Первый маршал Талига сдался сам. Если то, что он натворил, можно так назвать.

– Что он сделал? – спросил Ротгер. Он знал Алву хуже Вейзеля, хуже Альмейды, хуже фок Варзов, он мог спрашивать.

– Всего-навсего прорубился к эшафоту через полк мерзавцев и поймал Ракана на слове. Тот, как вы помните, объявил, что отпустит заложников и отменит казнь Фердинанда, если ему выдадут Первого маршала Талига.

– Закатные твари! – Вейзель грузно поднялся, возможно, в первый раз в жизни позабыв о субординации. – Он сошел с ума, он наконец-то сошел с ума!

– Нет, – хмуро бросил фок Варзов, – Рокэ Алва с ума не сошел. Он исполнил присягу. Первый маршал Талига должен спасти короля. Любой ценой.

– Но не такой же! – взревел Альмейда. – Без Фердинанда никто не сдохнет, а без Росио мы...

– Мы сделаем то, что приказано, – отрезал фок Варзов. – Я знаю герцога Алва. Будь другой выход, он бы его нашел.

– Что решил Рудольф? – Вейзель подался вперед, на черном мундирном сукне белела одинокая шерстинка. – Он ведь что-то решил?

– Регент, – маршал Запада вытащил из бювара сложенный листок и положил на него руку, – предлагает учесть открывшиеся обстоятельства и готовиться к отражению нападения на Хексберг и Марагону. Перевалы берет на себя Бергмарк. Генерал фок Таннер, с сего дня за Хексберг отвечает лично вы.

– Насколько я понимаю, – артиллерист все еще стоял, глядя на фок Варзов сверху вниз, – мы предъявляем Ракану ультиматум? Или он выдает нам герцога Алва, или наши пушки отправят его в Закат!

– Вы готовы стрелять по Олларию? – Вольфганг фок Варзов посмотрел артиллеристу прямо в лицо. – Я вас правильно понял?

– Подготовить позиции не значит выстрелить, – огрызнулся генерал. – Ракан должен понять, что мы разнесем его в клочья, кем бы он ни прикрывался... Возможно... Возможно, придется разрушить предместья.

– Кто еще так думает?

– Я, – поднял руку фок Таннер. – Поступок Алвы делает ему честь как подданному, но не как полководцу. Тем не менее мы не можем оставить все как есть. Алву нужно вернуть в армию. Любой ценой. Если получится, вместе с Фердинандом, нет – одного.

– Господин Вейзель, – маршал Запада все еще глядел на бергера. – Вы все равно стоите, вас не затруднит налить мне воды?

Артиллерист послушно взялся за кувшин, он двигался словно во сне. Для полного счастья не хватало только пегой кобылы и кошмарной девчонки, хотя кошмар – вот он... Алва не может проиграть. Алва сдается. Кому? Зачем?!

– Благодарю вас, – фок Варзов принял серебряный стакан, отпил, поставил, развернул сложенное письмо. – Капитан Джильди, вас не затруднит зачитать это вслух?

Четкие, без единой помарки строки, простая, короткая подпись, печать с летящим вороном. Против ветра или против судьбы?

«Я, Первый маршал Талига Рокэ, герцог Алва, на время своего вынужденного отсутствия передаю все находящиеся в моем подчинении силы маршалу Запада Вольфгангу, графу фок Варзов, каковой отныне и до моего возвращения будет исполнять мои обязанности и обладать всеми моими полномочиями, за исключением решения судьбы захваченных врагами Талига заложников и пленных, кем бы они ни являлись и какую бы ценность ни представляли.

Любые переговоры о выдаче заложников и пленных в ответ на те или иные уступки с нашей стороны являются государственной изменой и караются смертью через расстрел...»

– Он уже все решил, когда это писал! – Альмейда грохнул по столу кулаком. – Решил, Леворукий бы его побрал! А сам?! Что сам натворил?!

– Сдался, – напомнил фок Таннер.

– Спасая заложников! – прогремел марижаре. – Ему можно, а нам нет?! Господин Варзов, сожгите эту придурь и идите на Олларию. «Гусями» займемся мы с Таннером!

– Алва никогда не выполнял приказы, – на лбу Вейзеля выступила испарина, – никогда! И был прав! Вольфганг, Дриксен подождет!

– Не «подождет», а ждет, когда мы очистим им дорогу, – фок Варзов бережно убрал письмо в бювар. – Вейзель, вы знаете Марагону не хуже меня. Братъ ее со стороны Дриксен непросто, но взять ее из Старой Придды удалось только Алонсо.

– Смог Алонсо, сможет и Рокэ, – бросил Таннер. – Я согласен с Вейзелем и адмиралом, мы раздавим Ракана и вернемся. «Гуси» свое получат.

– Несомненно, – Варзов ударил ладонями о стол и поднялся. – Капитан Джильди, капитан Рангони, я прошу вас оказать помощь остающимся в Хексберг.

– Разумеется, – кивнул Джузеппе, – все, что в наших силах.

– «Влюбленная акула» в вашем распоряжении, – каждый должен делать то, что может. От капитана Джильди больше проку, чем от кавалериста Луиджи, как бы ни хотелось рвануть к Олларии.

– Господа, – Вейзель походил на только что вынутого из петли, – надеюсь, вы понимаете, что неудача в Хексберг сбавит спеси и Ракану, и Бруно. Вольфганг, вы можете обрисовать остающимся общий план кампании?

– Армия покинет Гельбе и отойдет к Доннервальд, – Варзов ткнул пером в карту, – откуда скрытно свернет на Лоттенбург, где и встанет, пока арьергард, или, если угодно, авангард, будет двигаться к Аконе.

– Кто командует арьергардом, – деловито спросил Альмейда, – и сколько у него людей?

– Жермон Ариго, – рука маршала изобразила пару стрелок, – у него пять тысяч ноймаров и «фульгаты».

– Отборная легкая кавалерия, – пояснил поймавший взгляд Луиджи Таннер. – Но этого мало. При всем моем уважении к генералу Ариго, он с такими силами штурмовать столицу не сможет...

– А он ее штурмовать и не будет, – бросил маршал Запада. – Как только Бруно перейдет

Хербсте в ее среднем течении, арьергард развернется и двинется в Дерринг, где получит новые указания.

– Вы не можете так поступить. – Курт Вейзель казался растерянным – чудовищное зрелище. – Не можете!

– Это приказ, генерал Вейзель, – напомнил маршал, – мой, регента и Алвы. И он будет исполнен, неважно, согласны вы или нет. Маркиз Альмейда, ваше слово. Вы остаетесь на службе Талига?²³

– Остаюсь. – Альмейда прикрыл глаза и откинулся на спинку кресла, за его спиной сулила удачу неподвижная «Каммориста».

«Каммориста», «Императрикс», тенъент Рубен Аррохадо... Смог бы Луиджи Джильди оставить Муцио в урготской тюрьме и заняться бордонами? Смог бы адмирал Муцио бросить Луиджи Джильди?

Фок Варзов склонился над картой, Вейзель и Таннер последовали его примеру. Вот и все. Никто никуда не пойдет, и решил это не регент, не Варзов, а Ворон. В ту самую ночь, когда заговорил о гранатовых рощах и зеленой алвасетской воде.

– Вольфганг, – нарушил тишину Вейзель. – Если бы у вас был сын, вы бы поступили иначе.

– У меня нет сына, – маршал Запада посмотрел в глаза артиллеристу. – У меня нет *другого* сына. Господа, если у вас имеются вопросы ко мне или генералу Вейзелю, мы постараемся на них ответить. Нет – разрешите откланяться, я намерен девятого быть в Гельбе.

Часть третья **«La Justice»²⁴**

Громкое имя не возвеличивает, а лишь унижает того, кто не умеет носить его с честью.

Франсуа де Ларошфуко

Глава 1 **Ракана (б. Оллария)** **399 года К.С. 5-й день Осенних Молний**

1

Айрис вихрем пронеслась мимо дуэньи, ухватила подбитый выдрой плащ, шелковые

²³ Марикьяре являются вассалами Кэналлоа и подчиняются приказам соберано (герцога Кэналлоа), а не королю Талига. В случае невозможности получить приказ от соберано кэналийцы и марикьяре принимают самостоятельные решения. Обязать их исполнять чьи бы то ни было приказы нельзя.

²⁴ «Правосудие» – высший аркан Таро. Символизирует развитие, поиск свободы и независимости, объективность, тяготение к порядку, указывает на необходимость тщательной оценки всех сторон дела для принятия правильного решения. «Правосудие» – это бумаги, договоры, правовая деятельность. Карта напоминает о том, что при каждом действии следует предвидеть противодействие, и указывает на необходимость соблюдения баланса и непредвзятости, чтобы смягчить столкновение или же его избежать. В некоторых случаях может означать предстоящий суд (это также может быть конкурс или соревнование). ПК – символ несправедливого суда, предвзятости в оценках, осуждения по ложному обвинению, нестыковок, дисгармонии. Вам будут преподаны неприятные уроки, нужно смириться с неизбежностью. Карта обещает озлобленность, обидчивость, столкновение с несправедливостью, судебные тяжбы; может указывать на неустойчивость характера, некомпетентность, обиду, предвзятость, неадекватность самовыражения.

туфли и ларец с зеркалом и грохнула на козетку рядом с ворохом платьев, которые разбирала Луиза. Помогла. Госпожа Арамона невозмутимо уложила в сундук нижнее атласное платье, которое неминуемо должно было повергнуть вдовствующую герцогиню Окделл в ужас, и повернулась к воспитаннице.

– Айрис, у нас не так много времени на сборы. Виконт Лар с эскортом прибудет в полдень, а вы еще не причесаны.

– Меня причешет Селина, – успокоила будущая Повелительница Молний, – она быстро.

– Селине тоже нужно время, – отрезала Луиза, – у вас, Айрис, слишком много волос, и волос непослушных.

– Может, просто заплести, – девушка с сомнением дернула выбившуюся прядку, – в косу? Когда я ехала сюда, я сама заплетала.

Еще бы, ведь притащивший тебя в столицу Гокс был сержантом, а не куафером.

– В пути и в самом деле можно носить простые прически, но сейчас вам предстоит попрощаться сначала с Ее Величеством, а потом с женихом. – Луиза вытащила из кучи возмутительно синее платье с черной отделкой и решительно отложила в сторону, – так что никаких кос. Пусть Селина сделает «Морскую раковину» с рубиновыми шпильками. Это несложно, а выглядит отлично.

– Хорошо, – девица весело улыбнулась и вылетела из комнаты. Госпожа Арамона наклонилась, подняла с пола одинокую туфельку, поставила рядом с сундуком и задумалась. Айри что-то затевала, это было очевидно, но что?

Не будь милое создание по уши влюблено в Алву, Луиза б ничуть не удивилась ни принятому предложению, ни сияющим глазам. Робер Эпинэ был хорош. Прямо скажем, слишком хорош для девицы Окделл, однако взял да и попросил ее руки. И получил, что самое странное!

Собиравшаяся то ли в Багерлее, то ли вовсе на эшафот мученица как по волшебству превратилась в светящуюся радостью невесту. Что случилось, не знала даже Селина. Дочь ходила как в воду опущенная – страдала, что подруга изменила синеглазому герцогу ради кареглазого. Луиза подозревала, что дело обстоит как раз наоборот и Айрис в голову пришло нечто несусветное, что поможет ей освободить Алву, победить всех врагов и еще разок отколошматить братца. Если так, ухо придется держать остро и первым делом понять, почему Айрис рвется в Надор. Уж не потому ли, что от Надора недалеко до Каданы, а на каданской границе стоит Лионель Савиньяк, о котором вспоминала Катарина?

Конечно, белокурый маршал все знает или вот-вот узнает и без девицы Окделл. Очень может быть, что «невеста герцога Эпинэ» до Надора не доедет, а угодит в объятия знакомого сержанта. Тогда... Тогда Луиза Арамона отправит девчонок в Бергмарк, а сама увяжется за армией. Хоть маркитанткой, хоть пешком, но в Олларию! Чтобы своими глазами увидеть, как нынешних победителей топят в Данаре. И ухватить бравого Гокса за рукав, если топить станут не тех.

Была и третья причина, которую вдове капитана Лаик предстояло таскать за пазухой до Заката. Луиза Арамона никогда никому ничего не скажет, но увидеть Рокэ Алву живым и здоровым она должна. Или дотащить потомство до счастья и с чувством выполненного долга сдохнуть на могиле кэналлийца.

Капитанша с грохотом захлопнула последний сундук, вызвала слуг, велела отнести в карету и занялась собой. В том смысле, что припудрила лицо и поправила волосы. Она успела вовремя: в дверях зашуршало, и Одетта Мэтьюс объявила, что «госпожа Оллар ждет герцогиню Окделл и ее дам».

– Герцогиня сейчас будет. – Неужели это в последний раз? Бледная мордочка Катарини, хризантемы и лилии в нухутских вазах, замерзшие статуи под окнами? Вот уж точно, что во дворцах не радуются и даже не живут, а цепляются за колючки, чтоб в омут не затянуло.

Госпожа Мэтьюс, шумно дыша, вывалилась вон. Луиза тронула присланную Альдо

шпалеру с танцующими розовыми птицами, наверняка вынесенную из дома какого-нибудь Манрика, и отправилась за подопечной. Селина не подвела. Головку Айрис украшало вполне пристойное сооружение, рубиновые звездочки сияли там, где надо, якобы «забытый» одинокий русский локон был не длиннее и не короче, чем следовало. Зато собственные кудри дочь затащила так, словно собиралась то ли купаться, то ли в аббатство.

– Молодец, Селина, – о нелепой прическе и прочих глупостях она скажет позже, – очень хорошо. Айрис, теперь ты видишь, что тебе следует носить именно «Раковину»?

– Вижу, – девица Окделл вскочила. – Все готово? Мы едем?

– Сначала идем, – не выдержала Луиза. – Айрис, вы слишком откровенно выражаете свою радость.

– Я люблю Робера, – вздернула подбородок счастливая невеста, – а он любит меня. С первого взгляда. Наши семьи всегда сражались за великую Талигойю и дело Раканов. Мы должны быть вместе.

– Несомненно, – Луиза расправила пунцовые ленты на платье наследницы святого Алана, – но слишком резкая смена настроения у молодой девушки – признак дурных манер.

– Правда? Я не подумала, – Айри честно опустила глаза, но уголки губ предательски торчали вверх. Она была возбуждена и довольна. В отличие от госпожи Оллар.

Бывшее Величество полулежало в кресле. Разумеется, спиной к окну. Катарина так и не сняла черный олларианский траур, превращавший мать пока еще троих детей в вечернюю темнокрылую бабочку, хрупкую и изысканную. Руки с тонкими пальцами перебирают четки, рукава подколоты, на тонком запястье виден обручальный браслет. Госпожа Оллар могла шестнадцать раз избавиться и от браслета, и от Фердинанда, но не избавилась. Почему?

– Айрис, сядь. – Катарина указала на обитый розовым шелком пуф, которого Луиза еще не видела. Айрис присела, напомнив готового немедленно вспорхнуть дятла. Королева оставила четки и сложила руки на коленях. Окруженные серыми тенями глаза, алебастровая кожа, пепельные завитки на высоком лбу... «Паонская башня» – сложная прическа, очень сложная, особенно для свергнутой, больной и несчастной.

– Айри, дорогая, – супруга Фердинанда Оллара улыбалась, а казалось, что плачет, – надеюсь, ты будешь счастлива с моим кузеном, а он с тобой. Если кто-то заслуживает счастья в этом мире, то это вы с Робером, но я хочу просить тебя о другом. Пожалей свою мать. Пойми и пожалей.

Айри молчала, только брови сдвинула. Слишком густые и широкие. Сейчас не до них, но выщипывать лишние волоски рано или поздно придется.

– Дитя мое, ты меня слышишь? – Катарина раздвинула губы в мученическом оскале, прижала к губам платок, сладко и настырно запахло гиацинтами. Какова лисичка! Оставить мужа на верную смерть в столице и хранить ему верность – это надо суметь!

Бледная лапка коснулась пепельных волос.

– Даже если матушка будет к тебе несправедлива, если твое сердце восстанет против ее слов, не давай обиде воли. Герцогиня Мирабелла так долго страдала... Когда человеку больно, он часто причиняет боль другим, но его вины в этом нет.

А вот и есть! Мы сами свои беды и делаем, и почему за моими курами должен убирать другой? Ах, Мирабелла несчастна, а другие счастливы? Та же Дженнифер Рокслей или сама Катарина, раздери ее кошки. Только одни кидаются на людей, а другие плачут и молятся или молчат и улыбаются. Мало ли у кого мужа убили, с кем не бывает, а вот дети, бегущие из дому, – это приговор.

– Ваше Величество, я не буду перечить маменьке, – выдавила из себя Айрис. – Это – грех, а я Чту и Ожидаю.

Святая Октавия, и когда только врать научилась? Или ее научили, но кто? Не Эпинэ же.

– Теперь я спокойна. – Катарина откинулась на подушки, бледная рука потянулась к наглухо застегнутому воротнику. – Мне будет не хватать тебя. И вас, госпожа Арамона. И Селины. Я была бы счастлива, останься вы со мной, но в Надоре вы нужнее.

Нужнее для чего? Хватать за шиворот Айрис или, наоборот, не хватать? А если все

затягла Катарина? Заморочила голову Айрис, уломала кузена, но зачем? В прежних комнатах умная дуэнья знала бы все, а в этом загоне остается шить, есть и глазами хлопать.

Катарина Ариго оттянула белое кружево у шейки:

– Госпожа Арамона, Селина! Подойдите, прошу вас.

Луиза ухватила дочь под локоть и подвела к бывшей королеве. Бывшей? Ха, у Катарии все шансы вернуть себе и мужа, и корону, и любовника. И пусть ее, только б обошлось с ними со всеми. С Алвой, с Фердинандом, даже с дурой Мэтьюс, которую не за что убивать и у которой вот-вот родится внук Рокслей.

– Селина, – страдалница взяла с орехового столика шкатулку, – это... Возьми, как память о... о девочке из Эпинэ, которая мечтала о любви и тихом счастье. Я так их и не надела, мне пришлось носить другие драгоценности. Совсем другие.

Госпожа Арамона, я благодарю вас за... за все. И я надеюсь на вас. Вы поможете Айрис?

Понимай как хочешь, но кто, кроме Катарии, мог объездить Айрис? И потом, если звать кого на помощь, так старшего Савиньяка. У красивого графа армия, он знает столицу, как никто, но даже Лионелю нужны союзники во дворце, а дохлый гиацинт – помощник хоть куда. У кошки птичку выпросит, а у собаки – кошку.

– Герцогиня Окделл может на меня рассчитывать, – твердо сказала Луиза, принимая из ледяных ручонек еще один футляр. Гайифский, с секретом. В футляре лежало ожерелье, которое шло Луизе не больше, чем ручке от метлы, но изумруды можно продать, а в шкатулку спрятать письмо, которое никто не прочтет. Кроме королевы.

– Госпожа Оллар, – Одетта Мэтьюс все сильнее напоминала белую мышь, удивленную и очень раскормленную, – прибыли Его Величество и герцог Эпинэ. Они просят разрешения войти.

2

– Прикрывший сюзерена своим телом уходит в Рассвет, – Альдо хлопнул Иноходца по плечу, – и это относится не только к войне, но и к женитьбе.

– Судя по моей нареченной, – пошутил свежее испеченный жених, – в семье Окделлов одно от другого мало отличается.

– Значит, все в порядке. – Сюзерен отдернул портьеру, впустив в гостиную холодное солнце. – Пожалуй, я изменю свой герб. Зверь останется, но он будет помещен в скрещенье солнечных лучей.

Его Величество готовился осчастливить весь мир. Не сейчас, но после того, как обретет силу Раканов. Робер столкнулся с сияющим голубым взглядом и отвел глаза. Альдо истолковал это по-своему.

– Робер, тебе бы пора уж и привыкнуть к успехам. Забудь все эти Ренквахи и Сагранны, не было этого. Не было, и все! О... – Сюзерен вздернул бровь. – Хочешь, я тебя экстерриором сделаю? А что? Маршал-экстерриор – это звучит! Раз уж ты спас меня от Мирабеллы с дочками и поверг в прах гайифского посла, то и самого Леворукого обыграешь.

– Маршалов-экстерриоров не бывает, – поддержал разговор Иноходец. Странное дело, доверившись Айрис и Реджинальду, он почти успокоился: дело было сделано, оставалось ждать вестей от Савиньяка, не давать Айнсмеллеру особо разгуляться и время от времени захаживать к Капуль-Гизайлям. Дескать, перед свадьбой не грех и пошалить.

– Будут, – хмыкнул сюзерен, барабанив пальцами по стеклу. – Тебе придется навестить посла Фомы. Он болеет.

– Ну и на здоровье, – посочувствовал незнакомому урготу Иноходец, – поправится – поговорим.

– Нет, пожалуй, ты все-таки маршал, – выпятил губу повелитель Золотых земель, – просветления у тебя бывают, не спорю, но ты слишком много думаешь о фураже и фок Варзов.

– Зато ты о них совсем не думаешь. – «Экстерриор, как же... Экстерриоры мутят чужую воду, а не свою». – Ты все еще собираешься купать горожан в вине?

– Ну и жадиной же ты, – Альдо повернулся спиной к замерзшему садику, – ладно, твоя взяла. Угощать своих подданных я буду, но не в день коронации, а на следующее утро. И не по всему городу, а там, где за ними можно приглядеть. Будет что не так, виновным головы оторву. Доволен?

– О да, Ваше Величество, – рывкнул Эпинэ нарочито капральским голосом, рассмешив сюзерена и даже себя. – Ты что-то говорил об Урготе.

– Я намерен просить руки одной из дочерей Фомы, – лицо Альдо вновь стало серьезным и сосредоточенным, – и начинать переговоры нужно немедленно, потому что меч Раканов у Фомы.

– Закатные твари! – ругнулся Иноходец, в очередной раз позабывший о проклятой железяке. – Откуда ты знаешь?

– Больше ему быть негде. Неужели ты не понимаешь?

– Нет, объясни.

– Алва явился на мистерию в честь дня рождения Елены Урготской в костюме зорья и с мечом Раканов, – сюзерен был от себя и своей догадливости в полном восторге. – Когда Ворона взяли, реликвии при нем не было, значит, он оставил меч в надежном месте. Где? В Кэналлоа и прочие бергмарки он не заезжал, а Фома – его союзник. Значит, меч в Урготелле. Воспользоваться им Алва не может, он не Ракан, но и выпускать из рук такое сокровище не станет.

Теперь ты понял, что сделал, вытащив меня из надорской петли? Дочь Фомы принесет нам не только золото, но и меч, а жезл у меня будет не далее как через четыре дня.

– Юнний согласился расстаться с подарком Эрнани Святого?! – Робер едва не свалился. – Не может быть!

– Может, – лицо Альдо стало мечтательным, – то есть не совсем расстаться. Жезл передан кардиналу Талигойи на время, но останется в Ракане навсегда, только это тайна.

– Разумеется, – подтвердил Иноходец. – Мы уже обманули гоганов, теперь собираемся обокрасть Эсперадора. Благородно, ничего не скажешь.

– Вернуть свое – не значит украсть. – Альдо поправил шпагу. – Будем надеяться, дамы готовы нас принять. Жаль, твоя кузина никак не поправится.

– Лекарь думает, это последствие потрясений. – Сестру нужно вытащить из Оллари, но куда? – Катарине нужны покой, прогулки, укрепляющие отвары.

– Прогулки зимой? – фыркнул Альдо. – Женщине, которая все время мерзнет?! Лекарей с их советами нужно вешать.

– Скажи Айнсмеллеру, – не выдержал Робер, – он будет в восторге.

– Всему свое время, – Альдо значительно подмигнул. – Жених, поправь манжеты.

Робер повиновался – манжеты и впрямь смялись. Стукнули алебардами полуденные гимнеты в лиловом, запахло цветами, куда-то метнулись толстая дама и две девицы – тощая и рыжая. Альдо стремительно миновал затканную азалиями приемную и самолично толкнул белым сапогом полуприкрытую ореховую дверь.

3

– Сударыня, как вы себя чувствуете? – Короленыш вырядился в белое с золотом, а рубашка и перья на шляпе были алыми. На радость Дому Молний, надо полагать.

– Благодарю, Ваше Величество, – пролепетала Катарина Ариго, – со мной все хорошо.

– Но вы очень бледны, – Альдо галантно взял повисшую тряпочкой лапку и поднес к губам, – очень.

– Ваше Величество, – покачала головой госпожа Оллар, – кузен подтвердит, я всегда была бледной, а румяниться в моем положении неприлично.

И еще румяна мешают изображать умирающую козу. Румяных мужчины волокут в

постель, бледным целуют руки. Такова жизнь: на лебедей любуются, кур едят, а те, кто этого не понимает, – дуры.

Принц отпустил безвольную ручку и уселся напротив Катарины, герцог Эпинэ остался стоять. Разряженный красотун походил на жениха куда больше своего темноглазого спутника, у которого явно что-то болело. Если не пузо, то душа.

– Сударыня, – Ракан поправил роскошную золотую цепь, – я был бы счастлив видеть вас чаще, но государственные дела отнимают слишком много времени. Герцог Эпинэ подтвердит, что Талигойя требовательней самой настойчивой возлюбленной.

– Короли не принадлежат себе, – согласилась супруга Фердинанда, – так было и так будет.

– Вы испили из этой чаши, сударыня, – короленьш закатил голубенькие глазки, – и вы меня понимаете, но даже короли имеют право на радости. Я счастлив, что мой друг и ваш кузен избрал своей спутницей Айрис Окделл. Союз внука великого Гийома и дочери Эгмонта воистину предвещает победу. Узурпатор и его прихвостни лишили Айрис отца, и я пришел сказать, что заменю его во время свадебной церемонии.

– Милая Айрис, – Катарина коснулась застывшей на своем пуфе фигурки в пунцовом, – ты слышишь? Его Величество оказывает тебе высокую честь.

Герцогиня Окделл, как и положено знатной девице, вскочила и сделала вполне сносный реверанс. Сомнений больше не было, девчонка увязла в заговоре, иначе б она не преминула вцепиться в смазливую, наглую рожу. Смешно, но из пяти торчащих в комнате баб от красавчика Ракана без ума только дура Мэтьюс. Остальным он и через порог не нужен. Альдо, причеши его хореk, милостиво взирал на невесту.

– Благодарю, Ваше Величество! – выпалила Айри, таращась на впившуюся в бирюзовый цветок малиновую носатую птицу. – Я счастлива.

Ракан разулыбался, показав белоснежные зубы, и махнул лапой. Словно собаку подозвал. Айри подбежала, не отрывая горящего взора от птичко-цветочной шпалеры. Белощтаный красотун протянул невесте руку, которую полагалось поцеловать. Айрис Окделл преклонила колени.

4

Девочка выдержала. Не закричала, не ударила, не схватилась за кинжал, просто судорожно вздохнула и коснулась губами чужих пальцев. Его Величество милостиво поцеловал невесту друга в лоб. Айри вздрогнула, и в глазах Альдо мелькнуло что-то виноватое. Сюзерен никогда не любил обижать женщин, потому и врал.

– Сударыня, – Его Величество помог коленопреклоненной девушке подняться, и та даже не выдернула руку, – я с нетерпением жду дня, когда вы соедините свою жизнь с жизнью герцога Эпинэ.

А вот это – правда, простая и чистая, как яичная скорлупа. В час, когда Альдо Ракан подведет Айрис Окделл к жениху, он навеки избавится от браслета с вепрем²⁵. Разгадает ли эту игру Мирабелла и что сделает, если разгадает? Робер никогда не видел супругу Эгмонта, но слышал о ней много, в том числе и от самого герцога. Урожденная баронесса Карлион была всей душой предана делу Раканов и Дому Скал. Правда, в существование у Мирабеллы этой самой души знавшие вдову Дуглас и Удо не верили.

Тихо вздохнула Катарина; светлокосая дуэнья, выручившая Робера в день помолвки, подала госпоже флакон с нюхательной солью. Айрис молчала. Теперь она смотрела не в стену, а в пол, но Альдо к подобному привык.

– Вас ждет дальний путь, дитя мое, – сюзерен не без удовольствия чмокнул девушку в лоб. – Не печальтесь и берегите себя. Для жениха.

²⁵ Церковь приравнивает браки между посаженным отцом невесты и ее сестрами к кровосмешению.

– Благодарю, Ваше Величество, – отчетливо произнесла Айрис. Знала ли она, что во младенчестве была помолвлена с Альдо Раканом?

– Робер, – сверкнул зубами Его Величество, – я думаю, мы можем немного отойти от этикета. Повелитель Скал все еще болен, не будет большого греха, если невесту посадит на лошадь не брат, а жених.

– Кто бы за нами ни следил, – отшутился Робер, – надеюсь, он нас не выдаст.

Альдо хмыкнул. Просто так или за Первым маршалом Талигойи наблюдает какой-нибудь Айнсmeler? Ну и пусть его! В чем, в чем, а в сватовстве герцога Эпинэ заговора не почует даже Штанцлер.

Жених галантно поклонился и подал невесте руку, за которую та с готовностью и уцепилась. Девушка Окделл рада видеть суженого, что и требовалось доказать. Робер тихонько сжал горячие пальчики. Совершенно искренне. Она была бойцом, эта девочка, и она знала толк в дружбе. Как и Катарина, но кузина была слабой и напуганной, а Айри рвалась в бой.

– Любезная сестра, – Робер попытался поймать взгляд Катаринины, но та разглядывала свои руки, – прошу вашего разрешения проводить Айрис до Горного тракта.

– Конечно, брат, – женщина подняла голову, она была бледна, как полотно. Другая исправила б это с помощью румян и кроличьей лапки, но в жизни Катаринины Оллар не было места ни притворству, ни надежде, ни любви. – Я представляю тебе Селину, подругу Айрис. И ее матушку, госпожу Арамону. Они сопровождают Айрис в Надор.

Госпожа Арамона? Родственница пучеглазого ментора из Лаик? Как она оказалась при Катарине?

– Я рад, сударыня, что вы согласились нам помочь, – только сейчас Робер понял, как боится за поверившую ему девушку. – Вам предстоит трудная дорога.

– Айрис – бывалая путешественница, – улыбнулась Катарина, – а милая Луиза уже сопровождала ее от Надора до Оллари.

– С вами отправятся сто двадцать всадников и капитан Левфож. Он был вторым тененьтом гарнизона Эпинэ.

– Зачем нам охрана? – быстро переспросила Айри. – Сейчас каждый воин на счету, а нам ничего не угрожает.

– Мы – мужчины, сударыня, – Альдо строго взглянул на девушку в красном, – а долг мужчин – защитить своих женщин. Не беспокойтесь о нас, мы обречены на победу.

Айрис шумно вздохнула и опустила глаза. Вошел Дэвид Рокслей, протянул Альдо роскошный плащ. Сюзерен самолично закутал плечи Айрис, но она стерпела и это. Робер торопливо стиснул локоть невесты.

– Ваше Величество, кузина, разрешите вас покинуть. Нам предстоит долгий путь.

– И счастливое возвращение, – пообещал сюзерен. Он был рад и счастлив, что все обошлось, по крайней мере для него. Что ж, от женитьбы уйти можно, а ты попробуй уйти от судьбы.

5

Герцог Эпинэ посадил невесту в седло. Смирная серая лошадка махнула серебристым хвостом и изящно переступила ногами в белых чулочках. Жених ловко вскочил на золотисто-рыжего коня, в седле он был чудо как хорош. Не в седле – тоже.

– Госпожа Арамона, разрешите помочь вам и госпоже Селине? – Реджинальд Ларак красой не блистал, и Луизе немедленно стало его жаль.

– Моя дочь благодарит вас, – торопливо произнесла капитанша, и толстый сын тощего отца торжественно подал руку вцепившейся в кэналлийскую шкатулочку Селине.

Внешности дочери страдания и волнения ущерба определенно не нанесли. Заметь Селину какой-нибудь благородный рыцарь, он бы незамедлительно пал к ногам прекрасной девы, но благородные рыцари по Талигу не разъезжали, а то, что разъезжало, предпочитало

не к ногам падать, а юбки задирать. Неудивительно, что госпожа Арамона была несказанно рада обществу южан и Реджинальда Ларака.

– А теперь вы, сударыня, – Ларак не делал различий между красотой и безобразием, – прошу вас.

– О, виконт, – выдохнула Луиза, забираясь в карету, – вы так добры...

Где сейчас теньентик, возивший ее по городу перед захватом Фердинанда? Ушел на север, погиб или где-то здесь? Славный мальчик, жаль, если с ним что-то случилось...

– Вам удобно?

– О да!

Капитанша невозмутимо расправила юбки, стараясь не смотреть на забившуюся в угол дочь. Виконт в карету не полез, а взгромоздился на коня, такого же печального, как граф Эйвон.

Что-то пропела труба, хлопнула украшенная молниями дверца, отрезая Луизу от очередного прошлого. Первым тронул коня парень в красном. Надо полагать, тот самый Левфож, за ним потянулась дюжина солдат. Айрис, прикусив губу, оглянулась... Неужели не знает, что это дурная примета? Что-то сказал Эпинэ, и жених с невестой конь о конь выехали со двора. Реджинальд, болтая локтями, потрусил следом, затем настал черед кареты.

Громоздкая колымага с достоинством миновала сначала одни ворота, потом другие. Копыта застучали по мосту, блеснула темная вода – можно сказать, уехали! Дочь Аглаи Кредон опустила занавески, отрезая себя от пронизанного холодом города. Осень, год и Круг доживали последний месяц, впереди ждали полумертвый Надор, Зимний Излом и неизвестность.

Луиза со злостью дернула тесемки, вытаскивая проклятое вышивание. Мерзость, а успокаивает. Это ж надо, сорок с лишним лет просидев в курятнике, на старости лет угодить на псарню. А все этот короленыш, причеши его хорек. И Фердинанд... Вольно дурню было ызаргов слушать, вот и имеет! Вместе со всем Талигом.

Карету тряхнуло, клубок зеленого шелка свалился на пол, подкатился к ногам дочери, но Селина не заметила. Огромные глаза смотрели в затянутую простеганным атласом стенку. Что она там видит? Выходцев? Королеву? Алву?

– Селина, – Луиза постаралась вообразить себя маменькой, бранящей прислугу, – подними нитки.

Дочка вздрогнула, но клубок подняла.

– Вот, – прохладный изумрудный шарик скользнул в ладонь, кусочек лета среди осени. – Мама, ты опять шьешь?

– Вышиваю, – уточнила Луиза, – и тебе советую. Дорога длинная, а в окна лучше не смотреть.

– Мама, – прошептала дочка, – мама...

– Ну, что случилось? – Капитанша поправила шпильки и широко зевнула. – Что-то забыла?

– Мама, – простонала Селина, – как она могла?

– Кто, – не поняла мать, – и что?

– Айри... Она предала Монсеньора. Как ее брат...

– Не говори ерунды, – прикрикнула Луиза, – Айри – твоя подруга, ты ее не первый день знаешь. Может она предать?

– Я думала, что нет.

– Вот и дальше так думай, – отрезала госпожа Арамона. – Не считай других хуже себя.

– Но она согласилась... Приняла браслет.

– Тебе нравится Робер? – голосом не матери, но мармалюки спросила капитанша. – Ты завидуешь Айрис?

– Ой, – выдохнула Селина, – ты же знаешь, я... Я люблю другого.

Нечего сказать, удивила. Смешные они, эти девицы, что герцогини, что тесемочницы. В собственную любовь верят, даже если она – дождевой пузырь, а в чужую – только если о

ней кудахчут во все горло.

– Любишь другого? – переспросила Луиза. – Ну так выйди из кареты, залезь на колокольню и закричи, что любишь герцога Алва. А я послушаю.

Дочь испуганно сморгнула длинными ресницами. Ничего не поняла. И правильно, потому что мать несет чушь.

– Селина, – решительно произнесла госпожа Арамона, – нам в Надоре будет невесело, но Айрис придется хуже всех. Она больна, она в ссоре с матерью и братом. Ты – ее подруга, так не добивай ее. И не заставляй оправдываться. Захочет – сама все расскажет. Нет – значит, так надо.

Селина кивнула. На тоненькой шейке белел жемчуг, тот самый, в котором ее представили ко двору. Память о Кончите.

В Надоре дочери дуэньи лучше драгоценности не носить, даже те, что подарила Катарина. В Надоре придется стать серыми и пыльными. Ей и стараться не нужно, но молодость и красоту под линючими тряпками не спрячешь. Луиза отложила мешок с шитьем и пересела к Селине. Карету тряхнуло, и капитанша едва не свалилась на дочь. Та хотела что-то сказать, но промолчала. Кучер заорал то ли на лошадей, то ли просто так, громко и настойчиво забил колокол, запахло дымом.

– Что-то случилось, – выдохнула дочка, – мама, что-то случилось.

Кто бы сомневался! Луиза зевнула и отдернула занавеску: они ехали мимо пустого аббатства, за кирпичными стенами мотали ветвями облетевшие деревья и поднимался сизый дым.

– Все хорошо, – капитанша притянула к себе Селину, – это просто костры... Осенние костры. Мы в Кошоне тоже жгли листья. Помнишь?

– Помню. – Какие глаза, таких даже у маменьки в лучшие годы не было. – Мама, мы не должны ехать в Надор. Айрис не должна! Пусть она останется.

– Она не останется, – покачала головой вдова капитана Лаик, – и не остановится.

Глава 2 Хексберг и Гельбе 399 года К.С. 6-й день Осенних Молний

1

– Капитан, – простонал Уго Варотти, – ну когда они припрутся наконец?

Уго хотел драться, драться хотели все. И захотели б еще сильнее, узнай они про Алву, но Альмейда велел молчать, и они молчали. Даже Вальдес.

– Когда придут, говоришь? – Луиджи слизнул с губ соль. – Надо полагать, скоро.

Они считали и пересчитывали. Вместе с Рангони, Вальдесом, Лаузенном, пытаясь забраться в чужие головы, складывая всем известное с тем, что доносили лазутчики, а письмо талигойского регента – с бродившими по побережью слухами. По всему выходило, ждать недолго.

– А если струсят? – нахмурился Уго. – Мы шеи моем-моем²⁶, скоро дырки будут, а «гуси» дрыхнуть завалятся.

– Не завалятся. – Отец говорит: хочешь увериться в том, что прав, убеди другого. – Готфрид, может, и подождал бы до весны, но у него племянник есть.

– Стоящий племянник-то? – живо заинтересовался Варотти, обожавший умные разговоры едва ли не больше драки. – Или чучело?

– Тут с какой стороны посмотреть. – Луиджи не выдержал и фыркнул. – Вальдес

²⁶ Морское суеверие. Перед боем нужно обязательно вымыть шею и повязать чистый шейный платок.

говорит, Фридрих нравится сразу дамам, «павлинам» и горячим генералам.

– Ой, – присвистнул Уго, – он что, из этих, недоштанных?

Какое слово! Вальдес будет в восторге, и не только он. Воистину надо каждый вечер говорить с Варотти, и тогда от тебя отцепятся сны, в которых ты подсыпашь Ворону сонного зелья, «теряешь» якорь, путаешь север с югом, увозя кэналлийца на Марикуяру, в Алвасете, к морискам, наконец... Ты не понял песни, не схватил Алву за руку, и он сделал то, что сделал. Что ж, время вспять не повернешь, значит, забудь и войой.

– Со штанами у принца Фридриха все в порядке, – ровным голосом объяснил Джильди, – а вот с головой не очень. Он хочет воевать, то есть не воевать, а красоваться.

– Понятно, – кивнул соратничек, – промеж ног – мужик, а башкой – баба бабой. Знаем таких! Последний суан из мужа вытряхнут, да не на дело, а на цацки да тряпки. В доме шарам-барам, зато юбка новая и ухажеров стая. Я вам вот что скажу, баб и дураков надо в строгости держать.

– Пожалуй, – согласился Луиджи, наслышанный о семейной жизни брата Уго. – Только не у всех получается.

– А нечего тряпкой быть, – возмутился Варотти. – Вот с Монсеньором не забалуешь! На всех управу сыщет, хоть на дуксов, хоть на дожих.

– Если бы... – Уго не знает, ему легко говорить. – Будь так, как ты говоришь, в Талиге бы порядок был, а мы бы с тобой сидели в Урготе и ждали весны.

– Порядка нет, – проявил недюжинный политический ум Уго, – потому что Монсеньор уехал. Известно: кот из дому, мыши в пляс.

– Именно что в пляс, – задумчиво произнес Луиджи, – а на дудочке Его Высочество Дивин играет, и дудочка эта золотая.

– Дивин хоть и недоштанный, а не дурак, – одобрил гайифского императора бывший фельпский боцман. – Нет, уж лучше короли всякие, чем дуксы. Вот вернемся, нужно им под задницы коленом дать и короля себе устроить. Да хоть папашу вашего...

– Уго, – Луиджи чуть не свалился, тем паче налетевший ветер походя подбросил «Акулу» вверх, обмотал вымпел вокруг мачты и стих, словно его не было.

– Вот ведь, – Варотти отряхнулся, словно выдра, – одно слово, ведьмы! Хотя тутошние говорят, пользы от них прорва, а дурни эти сами не знают, куда лезут.

– Нам же лучше, – торопливо согласился Джильди, не желавший возвращаться к разговору о фельпских королях, хотя Дуксию и впрямь пора разгонять. Гадость она, эта Дуксия, даже Варотти понятно.

– Если ведьма с тобой спляшет, – объявил Варотти, – нипочем не утонешь, только разборчивые они – страсть. А короля нам все одно нужно. Король, он в один карман гребет, и карман этот все знают, а дуксы по углам растащат, днем с огнем не сыщешь... Лучше коня в конюшне кормить, чем крысей в погребе, с коня хоть польза есть!

– Боцман! – заорал Луиджи, напрочь позабыв, что месяц назад произвел обормота в офицеры. – Ты, кажется, о чем-то спрашивал?

– Так точно, капитан, – виновато хрюкнул Уго. – Токмо дуксов все одно гнать нужно. Сначала – «гусей», а как вернемся – уродов этих.

– Ты вернись сначала, – Луиджи сам не знал, злиться ему, смеяться или задуматься. – Полагаешь, с дриксенцами так легко управиться? Это тебе не дожиха, киркореллами не проймешь.

– Монсеньор что-нибудь придумает, – не терпящим возражений тоном объявил Варотти, – зря он, что ли, уехал. Пауканов не пауканов, но свое «гуси» огребут. Эх, вот бы еще Фридрих этот Горффри... Год... Гад Фрида скинул и надурил! Нам бы проще было!

– Вот, значит, как? – поддел радетеля за единовластие капитан. – А себе на шею такого Фридриха не хочешь? Дукс – он что? Как выбрали, так и выгнали, а от короля так просто не избавишься.

– Эт... почему? – Варотти красноречиво шевельнул волосатыми пальцами. – Удавить, и вся недолга! Или пристрелить, если воевать придется... Дескать, осечка вышла. Капитан, Гад

Фрид этот не передумает? Мало ли что племянник хочет, а он раз – и в кусты!

– Не выйдет, – успокоил разволновавшегося теньента Луиджи. – Кесарь не для того войска набирал, чтобы взять и распустить.

– И правильно, – одобрил бывший не только политиком, но и большим стратегом Варотти. – Есть армия – будет и война.

2

Жермон Ариго поднес к глазам трубу, разглядывая серые безлесные холмы. Мэтр Капотта нагло врал, что они приходились дном какому-то древнему морю. Чушь! Жаль, обчитавшийся замшелых академиков и еще более замшелых поэтов матушкин любимец никогда не бывал в этой сушилке.

Гельбе на море походила, как ызарг на краба. Это местечко было прямо-таки создано для маневров и генеральных сражений, другое дело, что Западная армия такой роскоши по нынешним временам позволить себе не могла.

Ариго вздохнул по шестидесятитысячной армии, новым пушкам и прочему несбыточному счастью. Когда Эгмонт сдуру попытался выудить из лужи луну и утонул, кесарь затосковал. Понять его было можно: подросший племянничек усиленно махал крыльями и рвался в бой, а Гайифа спала и видела ослабить вернейших союзников при помощи злейших врагов.

Злейшие враги, однако, радовать Паону не хотели. Алисино засилье и сменившие его северные войны довели талигойскую казну до полного оскудения. Дриксен тоже была сыта дракой по горло. Проэмперадор Севера как-то довел до сведения Его Величества Готфрида, что принц Фридрих не прочь стать кесарем, а «павлины» его в этом желании поощряют. Кесарь скушал свою яичницу²⁷, почесал затылок, объявил о воспоследовавшем из-за высоких налогов упадке ремесел и торговли, после чего распустил добрую треть армии. Первыми без своих полков остались приятели Фридриха и гайифского посла. Племянник пробовал спорить, ничего не добился и был выставлен в Гаунау.

Избавившийся от докучливого родича кесарь объявил о снижении налогов и таможенных пошлин, оставив на границе столько войск, сколько нужно для обороны, и ни ротой больше. Рудольф и Сильвестр удовлетворенно вздохнули и ответили тем же. Равновесие на границе сохранилось, но теперь оно обходилось обеим сторонам гораздо дешевле. Паону это весьма тревожило. Дивин попробовал нажать, Готфрид не поддался.

Союзнички принялись выяснять отношения, а Талиг – зализывать раны, и ведь почти зализал! «Почти», вот уж гадостное словечко. Такое же, как «бы». Я его почти победил, но... Я бы его победил, если бы...

Ариго медленно, борясь с подступившей на ровном месте обидой, убрал трубу в футляр. Ничего не изменилось – те же холмы и то же небо, разве что колокольня стала синеватой и нечеткой, как расплывшаяся подпись.

– Прошу меня простить, что я прерываю ваши размышления. – Барон Райнштайнер, привезший в Гельбе два регентских приказа, тайный и еще более тайный, с готовностью согласился объехать возможные позиции. – Мне кажется, что у нас возникнут трудности с дриксенскими лазутчиками.

– Увы, – подтвердил опасения бергера Ариго. – Давно хотел вас спросить, вам не кажется, что Гельбе напоминает Эпинэ?

– Если говорить о ландшафте, то да, – согласился Ойген, – но мы не должны допустить, чтобы события в Придде приняли столь же неприятный оборот.

– Для того чтобы этого не случилось, – Жермон подставил лицо холодному, но все равно замечательному солнцу, – достаточно не пускать сюда Манрика и Колиньера.

²⁷ Яичница с ветчиной и жареным хлебом считается национальным дриксенским блюдом.

– Герцог Ноймаринен не намерен вспоминать об этих господах до окончания войны, – совершенно серьезно заверил Райнштайнер, – но я имел в виду размер неприятностей, а не их причину.

– Давенпорт предлагает подбросить Бруно приказ об отступлении. – Если ты не согласен с другом, это не значит, что прав именно ты, и не дает тебе права скрывать чужое мнение. – Он предлагает втянуть «гусей» в перестрелку и выгнать к ним «обезумевшего» коня с мертвым курьером.

– Только что убитый серьезно отличается от убитого несколько часов назад, – задумчиво произнес барон, и Жермон едва его не обнял. – Кроме того, фальшивые курьеры и перебежчики – слишком старая хитрость. А как считаете вы?

– Мне кажется, не нужно недооценивать чужих лазутчиков. – Жермон лениво шевельнул поводьями, и гнедой двинулся дальше, от одного холма к другому такому же. – Бруно не из тех, кто подбирает все, что валяется на дороге, перехваченный приказ его насторожит.

– У нас говорят, – глаза барона были одного цвета с зимним небом, но, скажи ему кто-нибудь об этом, Ойген Райнштайнер не понял бы, о чем речь, – ты сказал. Я поверил. Ты повторил. Я усомнился. Ты сказал еще раз. Я понял, что ты лжешь. Я бы посоветовал отступать к Хербсте, соблюдая все необходимые меры предосторожности, но назначить в один из отрядов прикрытия наиболее глупого из имеющихся в армии офицеров. Остальное сделает чужой ум.

– Нам нужен Ластерхавт-увер-Никш-младший, – предложил Жермон, – он давно мечтает отличиться.

– Достойный выбор, – кивнул Ойген, не первый год знавший «Дубового Хорста». – Думаю, это разрешит все наши трудности.

– Даже Хорст на что-то да полезен, – заключил Ариго. – Что ж, ему и карты в руки.

...Увести из-под носа у противника армию так, чтоб он ничего не заподозрил, трудно, хоть и возможно. Жермон не исключал, что им с Давенпортом и Анселом это бы удалось, но регент ждал от своих генералов другого. Западная армия должна была сняться с места и форсированным маршем двинуться к Аконе, оставив в Гельбе заслоны, призванные скрыть уход. Маневр предписывалось исполнить стремительно и тихо, но не настолько, чтоб столь выдающееся событие прошло мимо Бруно.

Господин фельдмаршал никогда не был дураком; в то, что талигойцы за одну ночь превратились в перепуганных кур, он бы не поверил. Другое дело – скрытный бросок на захваченную мятежниками столицу. Сам Бруно, случись что с его коронованным племянником, поступил бы именно так, а люди, за редким исключением, судят по себе.

– Ойген, – Жермон натянул поводья, – я не хочу уходить из Гельбе. Особенно теперь.

– Порядочность требует, чтобы мы сохранили для Талига то, что отобрал у Дриксен герцог Алва, – кивнул Райнштайнер, – это так. Это наш долг перед ним, но у нас нет резервов. Мы можем дать приграничное сражение на хороших позициях и отбить наступление Бруно, но что мы будем делать весной?

Герцог Ноймаринен желает сохранить армию и преподать урок дриksam, но для этого следует оставить Гельбе в тот срок, который будет достоверен. Это кажется правильным. Нет?

Достоверен... Достоверным для Бруно станет рывок фок Варзов на выручку к Алве. Когда о бойне под эшафотом узнали в Эйнрехте? Числа двадцать третьего – двадцать четвертого... Допустим, пару дней «гуси» падали в обморок, приходили в себя, пели и плясали. Потом – приказ о наступлении. Готфрид, если хочет остаться кесарем, не может его не отдать, а Бруно – не исполнить.

До адмиралов высочайшее дозволение выйти в море доберется дня за два, до Гельбе – через пять, то есть не сегодня-завтра. Выступит «гусь» не раньше, чем через два-три дня.

– Вы очень задумались, Герман. – Ойген Райнштайнер – диво-дивное – улыбался. – А от задумчивости можно простудиться. Нам следует проследовать в вашу ставку и найти

вина.

– Вы замерзли? – не поверил своим ушам превращенный в Германа Жермон.

– Ни в коем случае, – слегка поклонился барон, – но вы меня называли по имени, и я также испытываю определенное желание перейти на «ты». Нам просто необходимо выпить на брудершафт.

3

Все осталось прежним, и все стало другим. Так всегда бывает, когда кто-то уходит в никуда. Даже если горят свечи, шелестят бумаги, звенят стаканы, оставшимся – темно, холодно и пусто. Это чувствуется каждым словом, каждым вздохом, каждым глотком...

– Господа. – Альмейда возвышался над дубовым, застеленным вишневым бархатом столом, за спиной адмирала стремилась в вечность «Каммориста» и качалась, подпирая потолок гигантская тень. – Западный флот Дриксен ждет должного ветра. Конрайо!²⁸

– Конрайо! – Если с Альмейдой что-нибудь случится, флот поведет Антонио Бреве.

– Конрайо! – Себастьян Берлинга тоже был на «Каммористе», а сейчас командует авангардом. Он не просто хочет боя, он его ждет так, что Варотти и не снилось.

– Конрайо! – Вице-адмирал Хулио Салина спокоен и холоден, как сжатая пружина. Его «Марикьяра» уступает только «Франциску Великому».

– Конрайо! – Если б Филипп Аларкон не командовал «Франциском», он бы водил авангард или арьергард.

– Конрайо! – Ротгер Вальдес будет смеяться даже в Закате.

– Дождались? – Фок Таннер смотрит перед собой. – Что ж, давно пора!

– Дождались, да не совсем, – на губах Вальдеса порхала всегдашняя улыбочка. – Это тебе на твоих каменюках все равно, когда яйца колотить, а бедным дриksam при таком волнении порты нижних палуб позаливает. И как им по твоим бастиянам бить прикажешь?

– Ну так скажи, когда шван²⁹ с галопа на рысь перейдет, – буркнул Лаузен.

– Дня через четыре, – в темных глазах блеснули голубые хищные искры, – не раньше, но и вряд ли позже.

– Кальдмеер тянуть не станет. – Капитан флагмана был чистокровным марикьяре и при этом солнечным блондином. – Он снимется с якоря при первой же возможности.

– Шестнадцать кошек ему в помощь, – пожелал Вальдес. – Давненько я не встречал господина адмирала цур зее³⁰.

– Четыре года, – уточнил Альмейда; покалеченная рука играла золотым адмиральским кинжалом. – Господа, объявляю Конхо Дэрайо³¹ открытым. Эномбрэдастрапэ!³²

У моря свои законы, древние и неодолимые, как оно само: встали все, даже добрые оллариянцы господин генерал-интендант и Пауль фок Таннер. Луиджи и Рангони тоже

²⁸ Марикьярский боевой клич, дословно «С Молнией!».

²⁹ Сезонный береговой ветер.

³⁰ Командующий одним из дриксенских флотов.

³¹ «Конхо Дэрайо» – традиция марикьярских и морисских моряков. Предшествующий сражению военный совет, на котором присутствуют только адмиралы и их ближайшие помощники. Совет протекает в строгом порядке (описание сил противника – Конрока, описание собственных сил – Конвьенте, предполагаемые действия противника – Кононда, план собственных действий – Конрайо) и заканчивается ритуальными действиями, определяющими поведение во время и после сражения.

³² Марикьярское и кэналлийское приветствие – призыв высших сил, употребляемое в особо торжественных случаях.

вскочили, да и как бы могло быть иначе?

– Конрока! – адмирал остался стоять, остальные сели. – Слово о дриксах. Первое и последнее.

– Конрока, – подхватил Антонио Бреве; о врагах говорит второй адмирал, так повелось от века. – В Метхенберг стоят шесть десятков линеалов³³ трех старших рангов, не считая малых судов. Куда они собрались, никто не скрывает. Заправляют всем наши старые знакомые: Олаф Кальдмеер, Готлиб Доннер, Густав Цвайер, Отто Бюнц. В помощь Кальдмееру из Эйрехта прислан Вернер фок Бермессер.

– Вернер?! – присвистнул Вальдес. – Тогда, Бреве, вы ошиблись. Его прислали не Кальдмееру в помощь, а мне на радость.

– Ледяной Олаф с тобой бы согласился, – второй адмирал хрустнул пальцами, у отца была такая же привычка. – Будь его воля, он бы запер гостя до конца кампании в канатном ящике. Вместе с генералом Хохвенде.

– Высадкой командует эта скотина? – осведомился фок Таннер. – Вернусь в Хексберг, поставлю святому Адриану четыре свечки.

– «Эта скотина», – Альмейда бросил кинжал на карту, – гостит на флагмане, а с солдатами находится генерал Грубер. Они с Олафом будут воевать, а Хохвенде с Бермессером – принимать парад.

– Кошачий, – уточнил Берлинга, – на том свете. Сколько у них солдат?

– Метхенбергские контрабандисты говорят, тысяч пятнадцать, – сообщил Бреве, – а я думаю, около двенадцати. Загнали на реквизированные у негоциантов флейты и галеоны, числом около сорока. Вроде бы кораблей собрали меньше, чем нужно. Если так, часть солдат разместят на судах арьергарда. Конрока!

– Конрока, – подтвердил Альмейда, и Бреве сел. – Последнее слово о нас. Конвьенте!

– Конвьенте! – сощурился Вальдес. – Я стою в Хексберг, об этом знают все. Держу флаг на «Астэре», именуемом в Дриксен «Закатной тварью». Не считая мелочи, в моем распоряжении двенадцать линеалов, «гуси» их знают, вы – тем более.

– Гарнизон Хексберг насчитывает пять тысяч шестьсот восемьдесят два человека. – Таннер дрался на берегу, он мог не повторять морскую ересь. – Вверенный мне город с моря прикрыт фортами Святого Франциска и Святого Фабиана, а также бастионами Ротванд, Нахтигаль, Хербстевинд, торговый порт – фортами Хексданце и Альтерпферд. Часть стен перестраивается, поднять на них пушки не представляется возможным. Это тоже знают все.

– Конвьенте! – громыхнул адмирал. – Я восьмой день стою у Штернштайнен. Держу флаг на «Франциске Великом». В моем распоряжении семьдесят два вымпела³⁴. Кононда.

Кононда. Игра за врага. Что станет делать неведомый в Померанцевом море адмирал, которого здесь называют Ледяным Олафом?

– Начнем с главного, – прищелкнул пальцами Салина. – Кальдмеер нас не ждет.

– Его дело – высадить солдат и сохранить корабли для новых прогулок. – Фок Таннер расстегнул верхний крючок, и Луиджи понял, что в каюте и в самом деле жарко. – Лично я бы выбрал для высадки торговый порт. Удобно и к цели близко.

– Если мне позволено говорить, – поднял руку Рангони, и Альмейда кивнул большой головой, – Фельп не Хексберг, а Хексберг не Фельп, я это понимаю, но бордоны действовали разумно. Они втянули нас в драку на подступах к бухте и в то же время высадились там, где им не могли повредить городские пушки. Возможно, дриксенцы думают так же. Тогда они высадутся южнее военной гавани. Между болотами и бастионом.

³³ Линейный корабль.

³⁴ Вымпел – узкий (10 – 15 см), очень длинный (до 10 м) флаг. Поднимается на грот-мачте военного корабля (кроме флагманского) в начале кампании и не спускается до ее окончания. Служит для отличия военного корабля от торгового судна. Говоря о количестве вымпелов, моряки говорят о количестве военных судов.

– В Шмутце? – переспросил Бреве. – Неудобно. Мелко, пески нехорошие.

– Зато безопасно, – встрял Вальдес, – если до берега добраться. Вы обо мне тоже не забывайте. Кальдмеер, тот помнит, а Вернер – тем более.

– О тебе, пожалуй, забудешь, – скривился Таннер. – Конечно, против шестидесяти Олафа двадцать твоих не вытянут, но крови ты им попортить можешь. Думаю, Ледяной даст тебе возможность сбежать, и только если ты начнешь кусаться...

– Начну, – заверил Кэналлие, – иначе какой же я буду я?

– Тогда тебя начнут топить безо всякой жалости, – предрек Аларкон, – особенно если в авангарде пойдет твой друг Вернер.

– Буду счастлив его повидать. – Ротгер облизнулся совершенно по-кошачьи. – Мы так странно расстались...

– Я бы вошел в залив тремя колоннами. – Салина без всякой жалости оборвал воспоминания Вальдеса. – Искренне желаю, чтоб первую вел Вернер Бермессер.

– А уж как я желаю, – зевнул Кэналлие. – Вернер воистину прекрасен.

– Вице-адмирал, – Альмейда и не подумал повысить голос. – Кононда! О ваших пристрастиях позже. Таннер прав, Кальдмееру нужна не мясорубка, а победа. Если не удастся запереть Вальдеса в бухте, он попробует оттеснить его в сторону до конца высадки.

– Запереть *меня*? – возмутился родич Вейзеля. – Не успеет!

– Не успеет, – согласился Бреве, – но попытается обязательно. Авангард рванет к входу в военную гавань с приказом не дать хексбергской эскадре ни выстроиться под защитой береговых батарей, ни напасть на «купцов». Чтобы вывести тебя из игры, хватит полутора десятков линейалов. Основные силы подтянутся позже и примутся долбить форты у торгового порта.

– И добывать меня. – Ротгер сложил руки на груди, зеленой звездой вспыхнул торский изумруд. – Я намерен дожидаться сих господ и изобразить прорыв.

– Ледяной будет счастлив от тебя отделаться, – буркнул фок Таннер.

– Не он один, – Вальдес поймал гранью камня огонек свечи и улыбнулся, – но я не доставлю этого удовольствия ни «гусям», ни мокрому «петухам».

– Кстати о «петухах», – Аларкон потянулся к щипцам для нагара, – вернее, о лоханках, в которых они сидят. Я бы не стал сбрасывать торгашей со счетов. Конечно, двадцать-тридцать пушек на борту – это не семьдесят, и с маневренностью у них хуже нашего, но негоцианты дурным морякам свое добро не доверят.

– Золотые слова, – встрепенулся доселе клевавший носом фок Клеффис. – Пусть меня устрицы сгрызут, если торговцы не станут беречь свои корабли больше чужих солдат.

– Тебя не сгрызут устрицы, – пообещал Вальдес, – а я выйду из гавани и выстрою линию в устье.

– Тогда, – капитан-командор Аларкон слегка поклонился Рангони, – произойдет то, о чем говорит наш друг, – дриksы высадутся к югу от города.

– Не все, – хлопнул ладонью по карте Альмейда. – Кальдмеер не глупей меня, а я бы треть «купцов» послал в Шмутце, а остальных придержал. Пока первые выгружаются, усиленный авангард добьет Ротгера и откроет дорогу в торговый порт. Ну, а цитадель можно оставить на потом.

– Как это печально, – Вальдес поднес к глазам кончик шейного платка, – меня все-таки добьют. Друзья мои, вспомните ли вы вице-адмирала, сложившего голову за свое достаточно-таки неразумное отечество, или лишь дамские слезы оросят мою могилу?

– Какая могила? – хмыкнул Дитрих. – Окстись. Ты же утонешь, так что над тобой разве что ведьма залетная всплакнет.

– Ну, хоть ведьма, – согласился Ротгер. – Все не супруга.

– Вальдес, фок Лаузен, – Альмейда даже не повысил голос, но смех из глаз приятелей стерло словно мокрой тряпкой, – шутить будете в бою. Конройо!

Злобно свистнул рассеченный воздух, в дубовую обшивку чуть не по самую рукоять впился адмиральский кинжал. Нож в стене своего дома, всаженный собственной рукой...

Знак кровной мести, общий для кэналлицев, марикьяре, морисков. Пощады не будет – кровников в плен не берут.

– Ротгер, – отчеканил Альмейда, – ты успеешь вывести свою эскадру и покажешь себя во всей красе. Шмутце или устье Хербсте – решишь по ходу дела, но мне нужно, чтоб овчарки отделились от овец. Как – твое дело. Лезь на рожон, оскорбляй, подставляй борта...

– Сделаю, – Вальдес был на удивление краток. – Конройо, альмиранте³⁵!

– Капитан Джильди, капитан Рангони. Как только шван приутихнет, спрячетесь в протоках Энтенизель, Вальдес вам покажет, где. Я должен появиться вовремя, но разведчики Кальдмеера увидят, если кто-то из наших дозорных свернет на юг. Зато галеру без паруса среди островов они вряд ли разглядят.

– Мы в вашем распоряжении, – подтвердил Рангони и, секунду промедлив, добавил: – Конройо!

– Конройо, – повторил и Луиджи, разглядывая торчащий из стены кинжал. Конройо, Ворон, что бы с тобой ни было. Ты привык решать за других, но другие могут и не согласиться.

Альмейда коротко кивнул:

– Благодарю. У наших фельпских друзей будет прекрасный повод вспомнить о доме. Господа из Дриксен пляшут под дудку Гайифы? Очень хорошо. Господа из Дриксен решили, что мы на Марикьяре, собрано в Багерлее и они хозяева? Еще лучше! Господа из Дриксен берут пример с господ из Бордона? Совсем замечательно! Вместо Хексберг они получают второй Фельп и закатных кошек.

Глава 3

Ракана (б.Оллария)

399 года К.С. 9-й день Осенних Молний

1

Робер уселся спиной к окну, за которым новые гимнеты готовились к коронационному маршу, и устался на восьмирукий канделябр, отчаянно пытаясь поумнеть или хотя бы разодрать слипающиеся глаза. Нельзя складывать все яйца в одну корзину. Нельзя отправить Реджинальда к Савиньяку и тупо ждать известий, нужно готовиться.

Олларию, тьфу ты, Ракану, надо захватить так, чтобы мятеж не перешел в смуту и чтобы не навредить Альдо с Матильдой, которых придется тайком тащить через полыхающую страну. Да легче огонь в телеге с сеном спрятать! Сюзерен захочет драться до конца и угробит себя и всех. Выход один – опоить, как драгун в Эпинэ, но для этого нужно достать подходящую отраву, а Повелители Молний, что б ни болтал Штанцлер, с зельями дела не имели никогда...

Сквозь двойные рамы пробивались залихватские марши и отрывки команд. Ничего умного в голову не приходило. Закатные твари, завтра притащатся портной и сапожник, как будто для успешного царствования нет ничего важнее каблуков и лент через плечо. Робер прикрыл глаза руками, эту его привычку уже заметили, ну и ладно.

– Монсеньор, – почему, когда не выспался, даже шепот кажется криком? – Монсеньор, вы просили вас напомнить.

– Я помню.

Забудешь такое, как же! Альдо в очередном ритуальном припадке решил, что Его Высокопреосвященство у ворот Роз должен встретить глава Высокого Совета, каковым являлся Хозяин Круга. Увы, лицо Повелителя Скал не позволяло ему являть себя народу.

³⁵ Адмирал (марикьярск.) .

Робер полагал, что ничего не случится, если в отсутствие Окделла кардиналом займутся его вассалы, но сюзерен уперся. Повелителя Скал заменит его будущий зять, и никто другой.

Будущий зять безнадежно зевнул и набросил на плечи первомаршальский плащ, благо тот был уже готов. Генерал Карваль, бесившийся от одного вида новых мундиров, щелкнул каблуками и шагнул в сторону. Ну разумеется! Первым выходит маршал, величественным шагом минует галереи, спускается по лестницам, садится на верного коня, немедленно встающего на дыбы. Батальное полотно, да и только! И без того нелучшее настроение при виде коронационных тряпок и угодливых рож злобно фыркнуло и наподдало задом.

Одна радость – кардинал из ордена Милосердия, о котором ничего плохого не скажешь. И все же Робер предпочел бы иметь дело с адептами Славы. Как-никак, святой Адриан приходился Эпинэ родственником.

– Монсеньор, какой прекрасный день. – Красавчик Айнсмеллер успел вырядиться в белое, с его-то привычками! Ублюдку надо в бордовое замотаться, чтоб кровящи видно не было. И маску кожаную напялить.

– День прекрасный, – произнес Эпинэ тоном, за который уважающий себя дворянин вызвал бы на дуэль, но Айнсмеллер лишь улыбнулся. Под темными усиками сверкнули безупречные зубы. Цивильный комендант Олларики был спокоен и удовлетворен, и Робер решил не спрашивать, как он провел утро.

– Барон Кракл предлагает устроить празднество для черни в Доре, – не отставал вешатель, – Его Величество нашел мысль превратить тюремные дворы в место гуляний весьма удачной. Дора станет символом перемен, к тому же там просто поддержать порядок.

– Дора так Дора, – откликнулся Робер, одновременно пытаясь не нагрубить и поймать ускользающую мысль, – но я бы не выкатывал горожанам слишком много вина.

– Мы ограничимся одним фонтаном, – согласился Айнсмеллер, – для мужчин. Женщины, дети и старики получают подарки от Его Величества.

– Не возражаешь? – К мундиру Удо была приколотая оранжевая хризантема, а под глазами лежали синие круги. Граф Гонт явно провел бессонную ночь, ну и слава Создателю.

– Возражаю? – пожал плечами Робер. – С чего бы? Но я бы выбрал дело повеселее.

– А может, мне покаяться захотелось? – предположил брат Рихарда. – Во грехах.

– Если во грехах, – согласился Эпинэ, – то конечно...

Появился Мевен, доложил, что гимнеты готовы. Робер кивнул, Мевен отъехал, фыркнул и переступил с ноги на ногу Дракко, в окнах второго этажа мелькнула высокая фигура: Альдо проверил, все ли в порядке, и тут же отошел.

Запела труба, морискиллой разлилась флейта, грохнули барабаны. Эскорт Его Высокопреосвященства Левия тронулся с места строевой рысью по четыре всадника в ряд. Милосердие в окружении мушкетеров... Милосердие, благословляющее палачей... Можно ли сильней оскорбить Создателя?

– Вы сегодня задумчивы, герцог, – заметил Айнсмеллер. Легкий ветерок играл белыми перьями, солнце дробилось на алмазном аграфе, хорошо под перчаткой колец не видно. Зрелища сверкавших на комендантских лапах рубинов Робер бы не вынес.

– Да, – огрызнулся Эпинэ, – я задумчив. Уверю вас, мне есть о чем подумать.

– Но надо ли? – тихо, словно самому себе, сказал Удо. – Чем меньше думаешь, тем легче.

2

Талиг был именно Талигом, а не конфетной Талигойей. И радости от пришествия Раканов он не испытывал. Матильда смотрела на страну, которой собирался править внук, а видела закипающий котел. Не пройдет и пары месяцев, как нынешние победители угодят пряником в суп. Со всеми потрохами. Матильда передернула плечами, словно ей стало холодно, и поймала сочувственный взгляд Его Высокопреосвященства.

– Замерзли? – клирик умело пододвинул к ногам спутницы походную жаровню. –

Конечно, есть и другой способ. Порой к нему прибегают даже князья церкви.

Адриан точно прибегал. То, что Эсператор пьет, знали только самые близкие. Такие, как Матильда Алати и епископ Левий. Вдовствующая принцесса подавила желание спросить у Его Высокопреосвященства, нет ли у него касеры. Ее собственная фляга осталась на попечении Лаци, равно как и Бочка, с которым Матильда была не в силах расстаться.

– Улыбаетесь? – заметил Левий. – Это хорошо. Сильные люди должны улыбаться, на этом держится мир. Сила сильных и слабость слабых – два крыла, которые несут Кэртиану. Если слабые обретут силу, а сильные впадут в слабость и недеяние, наступит конец всему. Смейтесь, принцесса! И держите порох сухим.

Твою кавалерию, что он несет? Даже Адриан с ней так не говорил, а ведь они были знакомы столько, сколько не живут. Целая жизнь и восемь дней в дороге... Матильда поправила фальшивый локон и в упор спросила:

– Ваше Высокопреосвященство, что вам нужно?

– Только одно, – пожал плечами клирик, – чтобы Великолепная Матильда осталась Великолепной Матильдой. Тогда у нас будет шанс остановить повозку над оврагом. Не поддавайтесь никому. Вы – старшая в роду, что бы ни вообразил ваш внук.

Такой совет мог дать только друг Адриана. Или сам Адриан, который был смел во всем, кроме одного. Ну за какими кошками он за все время их дружбы не дал воли ни языку, ни рукам? Ждал, что она придет первой? И она бы пришла, если б до нее дошло, но проклятый клирик слишком ловко скрывал свои чувства.

Вот и доскрывался до полного celibата. Стал Эсператором и умер, как дурак, а она осталась одна. Какая глупость – жить в одном городе со своей любовью, а спать с другими, а ведь достаточно было прийти и сказать: «Не уйду...»

– Все думаете, – рука Левия коснулась плеча Матильды, – а нас, между прочим, встречают. И я даже знаю кто.

Матильда тоже знала. Вернее, узнала, едва вылезла из кареты. Робер! Живой и здоровый. В алом с золотом камзоле и белом плаще.

Рядом с Иноходцем хмурился Удо Борн и сладко улыбался яркогубый черноусый херувимчик. Удивительно мерзкий!

– Герцог Эпинэ? – Левий безошибочно повернулся к Иноходцу. – Подойдите. Я хочу благословить вас.

3

Матильда! Лэе Астратэ, Матильда! Здесь... Уже...

Дракко чего-то испугался и шарахнулся в сторону. Робер натянул повод, с трудом удерживая полумориска, и вздрогнул от пронзившей запястье боли.

– Герцог Эпинэ? – невысокий, седой как лунь клирик приветливо смотрел на Повелителя Молний. – Подойдите. Я хочу благословить вас.

Серые одежды, эмалевый голубь на шее... Новый кардинал Талигойи, призванный вернуть страну в лоно Церкви.

– Робер! – Удо перехватил уздечку захрапавшего Дракко. – Его Высокопреосвященство ждет.

– Да, да...

Эпинэ торопливо соскочил наземь, Левий невозмутимо ждал. Чуть полноватый, с ясными голубыми глазами и твердым подбородком, он ничем не походил на Клемента и его подручных, и у Робера отлегло от сердца.

Смотреть на кардинала сверху вниз было неудобно, и Эпинэ торопливо преклонил колени:

– Ваше Высокопреосвященство!

– Давно ли ты исповедовался, сын мой? – взгляд клирика был пристальным и спокойным.

– В прошлом году. – Гоганы, Лауренсия, Осенняя Охота... Между Повелителем Молний и Спасением лежит бездна, которую не перейти, но душу можно и не спасать. – Мою исповедь принял магнус Истины Клемент. Он отпустил мне грехи.

– Магнус Клемент не щадил себя в поисках Истины, – медленно произнес Левий, – это пагубно сказалось на его рассудке. Что ж, герцог, раз у вас нет своего духовника, я сам приму вашу исповедь и дам вам отпущение, как только вы будете готовы. А сейчас будь благословен во имя Создавшего все сущее! Живи и действуй к вящей славе Его. Орстон!³⁶

– Мэратон!³⁷ – Робер коснулся губами перстня со львом. От рук Его Высокопреосвященства пахло сладковатым церковным дымом и шадди. Святому Престолу нужна эсператистская Талигойя, а Повелителю Молний – живой Талиг, кто-то да проиграет.

– Ваше Высокопреосвященство. – Уолтер Айнсмеллер стоял на коленях рядом с Робером. Цивильный комендант Оллари не мог упустить шанс получить благословение из рук кардинала, если не первым, то вторым.

– Кто ты, сын мой? – голос Левия был мягким и безмятежным. – Назови имя свое.

– Уолтер Айнсмеллер, – громко произнес палач и убийца.

– Я слышал о тебе, – медленно произнес кардинал. – Встань, барон Айнсмеллер, и отойди. Создатель милосерден, ему претят жестокость и злоба.

– Я – верный слуга Раканов, – уголок красного рта судорожно дернулся, и Робер придвинулся к кардиналу. Так, на всякий случай.

– Все мы – слуги Создателя и дети Его, – голубые глаза сверкнули сталью, – и владыки на тронах, и нищие в канавах. Изгони из сердца своего зверя жестокости – и получишь благословение, а сейчас ступай. От тебя пахнет кровью, невинной кровью...

– Отойдите, сударь. – Удо немислимым образом оказался рядом с Айнсмеллером. Цивильный комендант зыркнул на кардинала, но отошел. Левий даже не глянул в его сторону.

– Я сожалею, герцог, – негромко произнес Его Высокопреосвященство, – но я не мог пойти против воли Создателя, заповедававшего нам Милосердие и Любовь. Его Высочеству следует опираться на иных людей.

– Чту и Ожидаю, – пробормотал Робер, не представляя, что делать и говорить. Кардинал знал про Айнсмеллера и не одобрял его, что и показал всей Оллари. Владелец вожделенного жезла, может, и милосерден, но не кроток, Альдо с ним еще намахается.

– Герцог Эпинэ, – лицо клирика вновь было безмятежным, – я могу рассчитывать на вашу помощь?

– Ваше Высокопреосвященство...

– Насколько мне известно, Фердинанд Оллар, его супруга, Рокэ Алва и Август Штанцлер находятся в Багерлее?

– Катарии... на Оллар живет во дворце. Она свободна. – Лэйе Астрада, кого привезла сюда Матильда? Принцесса дружила с покойным Эсперадором, не в этом ли дело?

– Что ж, – кивнул Его Высокопреосвященство, – тогда я навещу Катарину завтра, а сейчас мы попросим ваших людей позаботиться о Ее Высочестве, а сами направимся в Багерлее.

– Ваше Высокопреосвященство, Его Высочество ждет вас. – Кардинала нужно предупредить, пусть знает, что поход в Багерлее означает схватку с Альдо. – Он не поймет, если вы направитесь в иное место.

– Альдо Ракан осведомлен об условиях, на которых Его Святейшество готов благословить его царствование. – Белая рука коснулась орденового знака, словно эфеса. – Мне вручены тысячи тысяч душ человеческих, и я должен испить чашу недоверия.

³⁶ Да будет так! (*гальтарск.*)

³⁷ Так и будет! (*гальтарск.*)

Я войду в Багерлее и поговорю с низложенным королем и тем, кто выкупил его жизнь ценой своей, но вам, герцог, сопровождать меня не обязательно. Вы служите своему повелителю, я же – смиренный слуга Создателя. Его воля для меня превыше воли земных владык.

– Все мы – слуги Создателя, – повторил Эпинэ слова кардинала. – Удо... граф Гонт, доверяю вам Ее Высочество. Ваше Высокопреосвященство, я в вашем распоряжении.

Глава 4

Ракана (б. Оллария)

399 года К.С. 9-й день Осенних Молний

1

Комендант Багерлее был бароном и генералом. Генералом он стал по воле Фердинанда, а баронство получил за «победу» над злосчастным королем. Морен весьма дорожил новым титулом, и попасть во вверенный ему замок без личного рескрипта Его Величества было невозможно. Удо за какими-то кошками попытался, ссылаясь на старое знакомство, добраться до Штанцлера, но потерпел сокрушительную неудачу. Эпинэ же мысль прогуляться по Багерлее с недавних пор отбросил. Авантюра с Савиньяком требовала строжайшей тайны и высочайшего доверия, а Иноходец твердо решил довести интригу до конца. Все попытки дорваться до Алвы были оставлены, и Робер мимо Багерлее даже не ездил, но не спорить же с кардиналом?

Первый маршал Талигойи осадил коня рядом с похожей на бастион привратнижкой и властно постучал. В окошечке немедленно возникла рыбоглазая физиономия.

– Его Высокопреосвященство кардинал Талигойи, – отчеканил Эпинэ, – желает видеть коменданта Багерлее.

Рыбы глаза заморгали, после чего исчезли. Ненадолго. Открылась калитка, и на дорогу выкатился похожий на дыню тенъент, после чего дверца захлопнулась.

– Монсеньор, – дыня щелкнула каблуками и от усердия позеленела, превратившись в кабачок, – за господином комендантом послано.

– Открывайте ворота, – распорядился Эпинэ.

– Монсеньор, – залепетал кабачок, – господин комендант... Господин комендант только сам лично... Только сам лично господин комендант...

– Я подожду коменданта в привратнижке. – Левий вышел из кареты и направился к дверце. Робер торопливо соскочил с Дракко и бросился за клириком, уже взявшимся за тяжелое бронзовое кольцо.

– Ваше Высокопреосвященство, – казалось, кабачок сейчас скончается на месте от ужаса, – господин комендант!.. Только лично...

– Сын мой, – голос Левия был исполнен истинного милосердия, – нет греха страшней, чем нарушить волю Создателя в угоду воле мирского владыки, но я отпущу тебе твои прегрешения. В привратнижке.

– Сержант, – выдавил несчастный тенъент, – открывай... Я приказываю.

Украшенная драконьими мордами калитка покаянно взвизгнула и отворилась. Кардинал осенил себя знаком и исчез в темном провале. Герцог Эпинэ вошел следом. Ничего не случилось: гром не грянул, они с Его Высокопреосвященством не провалились в заваленный костями подвал. Страшный Багерлее начинался с просторной, хоть и темноватой комнаты, посреди которой топталась пятерка солдат в кирасах.

Левий огляделся и невозмутимо прошествовал в угол, где мирно стояли стол и два кресла.

– Садитесь, герцог, – кардинал подал пример, опустившись на кожаные подушки. – Вижу, вы удивлены моей настойчивостью? Дело в том, что я принял подвиг в ордене Славы,

это потом сердце мое преисполнилось Милосердия к ближним.

– Вы знали Его Святейшество Адриана? – Робер спросил прежде, чем подумал, но Его Высокопреосвященство и не подумал одернуть настырного маршала.

– Адриан был моим наставником. Именно он... ммм, посоветовал мне перейти в другой орден. Сперва речь шла об ордене Истины, но я не соответствовал, ммм, нужным требованиям. Кроме роста, разумеется.

Левий ушел из ордена Славы по просьбе Адриана? Уж не затем ли, чтоб приглядывать за Клементом и иже с ним? Надо поговорить с Матильдой и об Адриане, и об агарисской грызне, и о кардинале. Они вместе ехали, а принцесса всегда разбиралась в людях.

– Хотите о чем-то спросить? – Левий поправил своего голубя. – Спрашивайте, время есть.

– Я плохо осведомлен о делах Церкви, – Иноходец поднял глаза и столкнулся с открытым, даже веселым взглядом, – хоть и прожил несколько лет в Агарисе.

– Человек не может объять необъятное, герцог, – клирик снова тронул наперсный знак, видимо, это было привычкой, – но что-то знать вы просто обязаны. Хотя бы о ваших родственниках, стоявших у истоков Церкви. Житие Адриана, вернее Чезаре Марикьяре, весьма поучительно. Особенно первые списки. Неужели Повелители Молний все позабыли?

– Кажется, где-то старые записи были, – перед глазами Робера встали сумрачные, забитые книгами и рукописями комнаты, – но я читал меньше, чем следовало, а потом стало не до чтения.

– Жаль, – сощурился Левий, – но я готов при случае рассказать вам о блистательном Чезаре, до последнего отрицавшем очевидное.

– Адриан что-то отрицал? – вопрос прозвучал глупо, но Повелитель Молний не обязан говорить, как съентифик.

– Не Адриан, Чезаре. Он был другом Ринальди Ракана и, когда узнал о том, что тот натворил, не поверил. Марикьяре бросился искать доказательства невиновности Ринальди. На земле не нашел и спустился в подземелья. Что он там видел, не знает никто, но из катакомб вышел уже Адриан. Некоторые, впрочем, полагают, что Чезаре поделился увиденным со своим единокровным братом, от которого и пошли Эпинэ.

– Если это так, – пробормотал Робер, – я ничего не знаю. Может быть, дед...

– Герцог Гийом уже никому ничего не расскажет, – вздохнул Его Высокопреосвященство, – он был гордым человеком и зажег большой огонь. Погасить его будет трудно.

Кардинал приехал сюда гасить огонь? Лэйэ Астрапе, если это так, крови в Оллари не будет. Или будет еще больше. Если кардинал, вместо того чтоб вести подкоп, примется бить в ворота тараном. Он приехал с Матильдой и к внуку Матильды, но что знает вдовствующая принцесса о теперешнем Альдо?!

– Ваше Высокопреосвященство, – начал Робер, – я должен вам сказать...

– Ваше Высокопреосвященство, – барон Морен стоял в дверях, выпитив сразу и грудь и грациный нос, – я счастлив приветствовать вас в Багерлее!

Левий неспешно и величаво развернулся к коменданту. Словно многопушечный корабль. Казалось странным, что этот человек умеет подмигивать, улыбаться, шутить.

– Господин генерал, – голос бывшего адепта Славы тоже изменился, – я желаю видеть Фердинанда Оллара, Августа Штанцлера и Рокэ Алву.

Надо отдать Морену должное, на ногах он устоял. Более того, он вообще устоял. Комендант чопорно поклонился:

– С радостью, Ваше Высокопреосвященство, но мне нужно дозволение Его Величества Альдо Первого.

– Его Величество Альдо еще не существует, – поправил кардинал. – Молодой Ракан станет таковым лишь после миропомазания. А с разрешением Его Высочества вы можете ознакомиться. Герцог Эпинэ, – Левий протянул Роберу простой футляр серой кожи, – откройте, прочитайте и передайте господину коменданту.

«...сим подтверждаю, что Его Высокопреосвященство кардинал талигойский и бергмаркский Левий обладает правом посещать замок Багерлее в любое время и беседовать без свидетелей с любым узником, офицером, солдатом либо же служителем. Он также может приводить с собой священников либо же иных лиц по своему усмотрению. Альдо Ракан».

Воистину в ордене Славы присягали не только мечу, но и перу! Кардинал подождал, пока Морен переживет послание, и протянул руку. Комендант с окаменевшим лицом вернул приказ.

– С кем из узников Ваше Высокопреосвященство желает говорить первым?

Кардинал убрал документ обратно в футляр и неспешно поднялся.

– С герцогом Алва.

2

Где они шли, о чем кардинал говорил с комендантом, сколько времени заняла дорога, была Багерлее огромной или, наоборот, маленькой?

Робер куда-то сворачивал вместе со всеми, когда его спрашивали, отвечал «да» или «нет», лихорадочно соображая, как передать Ворону, что герцог Эпинэ предал Альдо Ракана и послал за Савиньяком. Еще утром самым трудным казалось попасть в замок. Он попал, а что дальше?

Рокэ спросит про Моро, он ответит, а потом? Они не должны беседовать как друзья, а как должны? Что говорят, придя в тюрьму к врагу, который тебя не убил, не выдал, а отпустил? К врагу, не предавшему ни своего короля, ни своей клятвы? Как дать понять, что ты не просто готов отдать долг, а переходишь под другие знамена?

Служитель зазвенел запорами и замками, дверь, толщиной равная крепостным воротам, неохотно распахнулась, и в лицо продрогшему в бесконечных переходах Роберу ударила почти кагетская жара. Левий сморщился и обернулся к Морену:

– Слишком душно.

– Внизу пекарня, – равнодушно сообщил комендант, и Роберу захотелось его убить.

Комната, в которую они вошли, была самой обычной, разве что в ней не было окон. Свет фонарей причудливо плясал по голым сухим стенам, выхватывая то угол стола, то деревянную скамью, то старое бюро. Ворона в комнате не было, зато в стене темнели две узкие арки. Сержант поставил фонарь на стол, четверо стражников встали у дверей. Эпинэ видел лицо Морена, оно было злым и растерянным: комендант явно не знал, что ему делать. Левий досадливо махнул рукой, и генерал с готовностью сел на отчаянно заскрипевшую скамью.

– Герцог Алва, – негромко произнес Его Высокопреосвященство. – Я – Левий, кардинал талигойский и бергмаркский. Я прибыл из Агариса, и мне нужно с вами поговорить. Вы здесь?

– Кардинал? – переспросил хриловатый сонный голос. – Выходит, я не в Закате, а в Рассвете? Как неожиданно...

– Рокэ Алва, – обозначил свое присутствие Морен, – вы в Багерлее, и с вами желает говорить Его Высокопреосвященство.

– Полковник, – заверил невидимый Алва, – когда вы окажетесь в Рассвете, вас, без сомнения, назначат гласом Создателя.

Щека Морена дернулась. Левий без лишних слов поднял фонарь и двинулся на голос. Комендант дернулся следом.

– Оставайтесь здесь. – Несмотря на жару, глаза клирика были ледяными. Названный полковником генерал примерз к полу. Любоваться на образовавшуюся статую Эпинэ не стал.

В спальне, если это была спальня, было еще жарче, чем в прихожей. И темней. Желтый свет выхватил угол кровати, прислоненную к стене гитару, одинокий стул, на который кардинал и опустился. Иноходец, утерев испарину, стал за плечом Его

Высокопреосвященства. Глаза постепенно привыкали к полутьме, и Робер разглядел узника в светлой рубаше, цвета которой было не разобрать. Алва сидел на кровати, поджав под себя одну ногу и вытянув другую. Распахнутый ворот, припухшие губы и рассыпавшиеся по плечам волосы молодили маршала, превращая его чуть ли не в юношу.

– Здесь же дышать невозможно, – Левий поднял руку, ослабляя воротник. – Вас сегодня же переведут в другое место!

– Кэналлийцу не может быть жарко, – пожал плечами Ворон. – К тому же не стоит доставлять хлопот нашему полковнику. Он только вчера подобрал мне эти покои.

– Вчера? – Левий хотел спросить что-то еще, но из первой комнаты донеслось:

– Рокэ Алва лжет. Он находится в этом помещении восьмой день.

– Да? – удивился узник. – А мне казалось, господин Ракан в последний раз навещал меня вчера. Как быстро летит время.

– Герцог, – руки кардинала привычно коснулись тускло блеснувшего голубя, – здесь не по себе даже мне, хотя я только что вошел и волен уйти. Не сомневаюсь, Его Высочество не имеет к этому издевательствам никакого отношения. Я буду настаивать на замене коменданта Багерлее.

– Не сто́ит, – покачал головой Ворон, – из тех, кого я не успел убить, Морен, без сомнения, лучший.

– В таком случае поговорим о вас. Я могу чем-нибудь облегчить вашу участь?

– Не думаю, чтоб в этом была нужда, – улыбнулся Алва, – тем более, моя участь от вас никоим образом не зависит.

– Вы так полагаете? – осведомился кардинал.

– Я в этом уверен, – подтвердил Алва. Лэйе Астрапэ, он тут восьмой день. Восьмой!

– Тем не менее, – бесстрастно произнес Его Высокопреосвященство, – я должен спросить, кто ваш духовник и нуждается ли вы в его помощи?

– Насколько я помню, духовника у меня нет, – Алва снова улыбнулся, – но, если вы настаиваете, я готов принять отпущение грехов у моего короля как у главы моей же церкви.

– Герцог Алва, – Левий нехорошо сощурился, – я могу попросить вас встать?

– Зачем? – удивился Ворон. – Вы не дама и не король, а я не эсператист.

– Мне кажется, на вас цепи.

– А, – тряхнул головой Алва, – какие пустяки. Не обращайтесь внимания.

– Хорошо, не вставайте. – Кардинал поднялся с возмущенно скрипнувшего сиденья и подошел к кровати: – Герцог Эпинэ, одолжите мне кинжал.

Робер вытащил клинок Мильжи, подал Левию. Снимать цепи кинжалом? Смешно! Такое могло прийти в голову разве что священнику. Или Айрис Окделл.

3

Левий нагнулся над Вороном, изучая кандалы, способные удержать быка. Герцог, склонив голову к плечу, наблюдал за кардиналом с вежливым равнодушием. Вблизи Алва юным уже не казался. Осунувшийся, под глазами – круги, губы темные, на скулах – румянец. Слишком яркий для здорового. И ему не жарко в этом аду! Лихорадка? Робер огляделся в поисках воды или, еще лучше, вина и сразу же увидел внушительный хрустальный кувшин. К счастью, полный.

– Рокэ, хотите воды? – закаты твари, он не должен называть Ворона по имени. Здесь не должен!

– Герцог Эпинэ, – поморщился Алва, – не припомню, чтоб мы пили на брудершафт.

– Прошу прощения, – с благодарностью извинился Робер, – так вам налить? Я, по крайней мере, хочу пить.

– Тогда попросите полковника, – посоветовал Ворон. – Эта вода соленая, она тут для красоты. Пресной сегодня еще не приносили.

– Хорошо, – Робер понял, что задыхается, – сейчас попрошу.

Морен с удивлением уставился на Первого маршала Талигойи, с бергерской методичностью расставлявшего на столе кувшин и кубки.

– Господин комендант, – вот так и делают глупости, бесполезные, ненужные, гробящие себя и других, – потрудитесь разлить воду.

– Монсеньор, – вздернул подбородок Морен, – я прошу объяснений.

– Вот они, – Робер вытащил пистолет, положил на край стола. Ненависть была холодной и тяжелой, как промерзший валун. – Наливайте. До краев!

Морен вздрогнул, но кувшин наклонил. Полилась вода. Блестящая струя, издевательски булькая, наполняла один за другим роскошные, впору королю, кубки. Алатский хрусталь, темнота, жара, соль... Руки Морена дрожали. И хорошо. Очень хорошо, просто превосходно!

Иноходец Эпинэ смотрел на коменданта Багерлее, но видел Штанцлера. Бледного, с перекошенным лицом и бегающими, затравленными глазками. *И этот человек тянет лапы к душам и коронам? Какими бы страшными ни были изначальные твари, нас сожрут не они, а ызарги!*

– Пейте, эр Август. Уверяю вас, вы никогда не пили такого вина!

Почему он столько тянул? Ведь ясно же было... Убивать нужно вовремя, а он опоздал. Лет на пять, если не больше...

– Монсеньор! Что вы делаете?! Ваше Высокопреосвященство!

Штанцлер исчез. От наведенного дула, прикрываясь рукой, пятился полковник Морен. *Какая же мразь! Но карте место. Выьет – пусть проваливает, хоть в Закат, хоть в Паону!*

– Пейте, – велел Робер, – до дна.

Морен быстро поднял крайний кубок, немного воды выплеснулось на стол. Кардинал не появлялся. Не слышит? Вряд ли.

– Пейте, – повторил герцог Эпинэ, и генерал глотнул. Гладко выбритое лицо сморщилось, стянулось к острому носу, превратившись в какую-то морду. Комендант Багерлее пил, заливая негодной водой опозоренный мундир, а Первый маршал великой Талигойи смотрел, не в силах разжать впившиеся в пистолет пальцы. Морен опустошил кубок, на усах и шее блестели капли, глаза налились кровью.

– Берите второй, – Иноходец кивнул на стол, – берите и пейте.

– Нет, – голос Морена стал хриплым. От страха или от соли? – Монсеньор... уверяю вас... Я выполнял приказ Его Величества...

– Альдо велел тебе держать Ворона в этой печке и поить солью? – рявкнул Робер, забыв, что сюзерена по имени не называют. – Это он тебе приказал?

– Его Вели... Он, когда здесь был четвертый раз... Приказал объяснить маршалу, что его время ушло.

– А ты решил объяснить, что пришло время негодяев? – Лэйе Аstrapэ, все придумал усердный подлец, Альдо ничего не знает! Ни про пекарню, ни про воду, которую нельзя пить... Конечно, не знает! Сюзерен заигрался, потерял голову, но он сумасброд, а не живодер.

– Вы больше не будете распоряжаться в Багерлее. – Левий все-таки появился. В проеме арки Его Высокопреосвященство сошел бы за эсператистскую икону, не будь у него на лице выражения, весьма далекого и от кротости, и от милосердия.

– Я подчиняюсь лично Его Величеству. – В присутствии кардинала не убивают, мерзавец это понимает и оживает на глазах. Какая же падаль! И ведь таких у Альдо большинство.

– Его Высочество Альдо Ракан – верный сын церкви, – отрезал Левий, – он прислушается к словам служителей Создателя. Прикажете подать вина, воды и свечей и немедленно снять цепи. Герцог Эпинэ, вас не затруднит остаться здесь, пока я выберу для герцога Алва пристойное помещение?

Хлопнула дверь, загремели многочисленные засовы. Это на полчаса, от силы на час, он сам решил остаться, и все же... Смерть в бою лучше тюрьмы, так что братьям, можно сказать, повезло. Робер подхватил второй фонарь и вернулся к Алве. Ворон по-прежнему сидел на кровати, полуприкрыв глаза.

– Герцог... – В первой комнате четыре стражника. Что они услышат, что поймут?

– Эпинэ? – осведомился Алва, не поворачивая головы. – Вас что-то интересует?

Интересует. За какими кошками ты вернулся в Талиг и сложил оружие? Ради короля и заложников? Но о казни объявили за двенадцать дней, только-только до Урготеллы добраться. Нет, Ворон, ты полез в петлю по другой причине. Сделал ли ты, что хотел, или не смог?

– Моро здоров, – сообщил Повелитель Молний, хотя его никто не спрашивал, – но скучает. Я его проминаю каждый день.

– Спасибо, – хрипло поблагодарил Алва. Лэйе Аstrapэ, о чем с ним говорить? И как? Хоть бы воды скорей принесли, уроды!

– Вы играете? – Робер указал на гитару у стены.

– О нет, – отмахнулся Алва, – господин полковник был столь любезен, что прислал мне портрет своего нового господина.

Эпинэ зачем-то встал и коснулся инструмента. На злосчастной гитаре не было струн.

– Удивительное сходство, не правда ли? – звякнули цепи, Алва все же соизволил повернуться лицом к собеседнику. На рукаве рубахи что-то темнело. Кровь?

– Что у вас с рукой? – С рукой, с жизнью, с душой? Закатные твари, да не молчи же ты! Оскорбляй, издевайся, проклинай, только не молчи!

– Ничего особенного, – светским тоном произнес Ворон, – господин Левий пытался снять цепи, пролилась кровь. С клириками это случается.

– Вы несправедливы к Его Высокопреосвященству, он хочет вам помочь. – Это чистая правда, но попробуй объясни угодившему в капкан волку, что у него есть друзья!

– Возможно, я несколько пристрастен, – согласился Алва и снова замолчал. Робер рванул ворот рубашки, не соображая, кто из них двоих задыхается от черной, глухой жары. Сварливо треснуло пересохшее дерево, в дальней комнате несколько раз кряду чихнул солдат. Ворон шевельнулся, то ли попытался откинуть со лба волосы, то ли вздрогнул. Лэйе Аstrapэ, как сказать ему, что он больше не один?

– Я собираюсь жениться, – выпалил Робер, – на Айрис Окделл. Она уже отбыла в Надор. После Зимнего Излома я еду за ней. Возможно, дела задержат меня... на севере, но потом мы вернемся в столицу.

– Вы – смелый человек, – скужающим голосом объявил Ворон, – я бы на вашем месте сбежал.

Алва вскинул скованные руки, причудливым образом сложив пальцы. В круге света возник рогатый олень. Черная тень рванулась вверх, словно в прыжке. Алва вновь сложил пальцы, на стене тряхнула гривой конская голова. Конь... Олень... Снова конь. Эпинэ – Савиньяк – Эпинэ...

– Есть дамы, от которых лучше держаться подальше, – хохотнул Рокэ и закашлялся. – Простите, герцог. Столичный климат южанам не подходит.

– Монсеньор! – в проеме возникла неуклюжая фигура. – Комендант цепи прислали снять...

– Так снимай!

Кузнец завозился с зубилом, и Робер зачем-то отвернулся. В висках стучало, волосы слиплись и лезли в глаза. Сколько б он выдержал в этой жаровне, не рехнувшись и не разбив себе голову о стену? Три дня? Пять? Или дотянул бы до восьми?

– Вы видите с Окделлом? – осведомился Алва сквозь стук зубила. – Я слышал, этот достойный юноша вернулся, вас не затруднит ему кое-что передать?

– Нет, сударь, – в тон Рокэ откликнулся Эпинэ. – Три дня назад Ричард Окделл дрался с Валентином Приддом.

– Дрался? – в хриплом голосе прорезалось любопытство. – И кто победил?

– Оба ранены. Ричард – в руку, Придд – в бедро. Мы фехтовали с Диком, он неплохой боец. – Лэйе Астрэпэ, о какой ерунде они говорят, хотя почему «они»? Говорит, то есть пытается говорить, только один.

– Неплохой? Что ж, приятно слышать. – На красивом лице не было ни интереса, ни хотя бы злости, только вежливое внимание хозяина, обреченного слушать скучного гостя. – Видимо, те же слова стоит адресовать и молодому Придду.

– Насколько я понял, Ричард побеждал. Он ранил соперника, но тот сумел отыграться.

Дикон зарвался. Он слишком легко теряет голову, хотя кто бы говорил.... А вот Валентин – ледяная бестия. С раной в бедро не побегаешь, все решил один удар. Неожиданный, необычный... Поднять отлетевшую шпагу левой, «проклятой» рукой и сделать выпад. Снизу вверх, со всей силы. Очень просто, если знаешь, как.

Закатные твари, и кто только их, таких, учит. Хорошо, дурак умчался из Оллари, а не затеял дюжину дуэлей. И ведь за неделю не переучишь, хотя...

– Сударь, вы убиты, выйдите из круга! Следующий!

– погоди, Альберт. Он только ранен. В ногу.

– Ну, как знаешь...

– Тянитесь к шпаге, граф. Не вставать! Вы ранены, и серьезно... Тянитесь к ней левой... Да, я сказал «левой», выкиньте из головы еще и эту глупость... Смотрите мне в глаза и тянитесь! В глаза, я сказал! Свяжите меня взглядом. Дотянулись? А теперь – выпад! Ну! Сильней! Резче! Это ваша жизнь, сударь! Она вам еще пригодится...

– Готово, Монсеньор, – кузнец ловил воздух ртом, словно рыба.

– Убирайся к кошкам и напхни про воду!

– Слушаюсь, – сутуловатая тень на мгновение загородила Алву и исчезла.

– Герцог, – Ворон прикрыл ладонями глаза, такой знакомый жест, – будьте сдержанней, особенно при слугах.

– Я не железный, – огрызнулся Эпинэ, – в отличие от вас.

Человек на кровати откинул со лба прилипшую прядь:

– Кстати о железе, не забудьте свой кинжал.

Что-то свистнуло, бирисский клинок чуть ли не на треть вошел в разохшуюся деревянную розу. Первый маршал Талига в очередной раз не убил Первого маршала Талигойи. Робер с трудом выдернул подарок Мильжи и сунул в ножны, гадая, узнал ли Ворон кинжал, который сам же и вернул пленнику, или нет.

– Благодарю, сударь.

– Не стоит...

Духота становилась невыносимой, рубашка липла к спине, камзол и вовсе превратился в орудие пытки, но снять его в присутствии Алвы Иноходец отчего-то не мог. Стукнули запоры, и Эпинэ выскочил навстречу стражнику, принесшему вино, воду и свечи.

– Вам вина или воды?

– Смотря какое вино. – Рокэ, наконец, соизволил подняться и подошел к столу. – Кагетское, на первый взгляд сносное... Вам налить?

– Налейте.

Белые ласточки среди оранжевых роз, сладкое вино, сладкие слова... Неужели это Робер Эпинэ сидел у бьющего из золотой раковины фонтана, а седой казар предлагал ему руку дочери и советовал держаться подальше от старых тайн?

– Адгемар Кагетский был мудр, – Рокэ Алва задумчиво вертел в руке бокал, – он никому не верил. Особенно союзникам. Жаль, ему не повезло.

– Жаль?!

– Он и впрямь мог сделать из Кагеты что-то пристойное. – Ворон пригубил вино. Робер бы на его месте уже выпил полкувшина вина, а воду вылил на голову.

– Слишком сладко, – кэналлиец поставил бокал, темные губы искажила усмешка. – Уж лучше вода.

– Не могу не согласиться. – Неужели нельзя просто напиться? Зачем мучить себя, какой в этом смысл?

– Вам жарко? – Руки Ворона вновь сплелись в оленью голову. – Снимите мундир, станет легче, а дам здесь нет и не предвидится. А жаль. Как вы думаете, если я попрошу Левия об услуге подобного рода, он упадет в обморок?

– Вряд ли. – Робер торопливо осушил кубок и налил еще. – Он начинал в ордене Славы, когда магнусом там был Адриан.

Алва пожал плечами. До покойного Эсперадора ему дела не было, а до чего было? Робер взгляделся в неподвижное заострившееся лицо. Ворон медленно пил воду, смакуя каждый глоток, а пятно на рубашке из алого становилось бурым.

– Монсеньор, – незнакомый тенъент вынырнул из тьмы закатной тварью, – все готово. Герцога Алву переводят в комендантское крыло. Его Высокопреосвященство просит передать, что исповедует господина Штанцлера, но придет, если герцог Алва нуждается в утешении и совете.

– Он не нуждается, – заверил Ворон, в очередной раз прикрывая глаза. – Что ж, Эпинэ, прощайте. Был рад вас повидать, но четвертая встреча нам вряд ли понадобится.

– Вы хотели что-то передать герцогу Окделлу, – напомнил Робер.

– Ах да. – Рокэ Алва потянулся. – Это, конечно, ерунда, но в некоторых семьях подобным вещам отчего-то придают большое значение. Передайте Повелителю Скал, что я считаю его обучение законченным. Он достоин стать одним из талигойских рыцарей. Я подтверждаю сие пред землей и небесами. Юный Окделл свободен от клятвы оруженосца и с сего мгновенья не несет никаких обязательств передо мной.

Глава 5

Гельбе и Ракана (б. Оллария)

399 года К.С. 9-й день Осенних Молний

1

Жермон Ариго отломил изрядный кусок подсыхающей лепешки, отправил в рот и запил вином. Генерал не отличался утонченностью и изысканностью, в том смысле что собственные беды и мировая скорбь не лишали его ни сна, ни аппетита. Даже лишенный наследства и сосланный, Жермон все равно ел, как конь, и спал, как сурок, вот и теперь нависшая над головой война и свалившаяся на фок Варзов потеря, хоть и драли душу, не мешали с нетерпением ждать обеда, тем паче ничего другого графу и не оставалось. Прибывший ночью маршал Запада со своей всегдашней дотошностью выяснил, что творилось во время его отсутствия, и заперся с бароном Райнштайнером. Ни Ариго, ни Ансела, ни Давенпорта остаться не попросили, и каждый занялся своим делом. Энтони с Анселом отправились догонять отступающие части, а Жермон объехал опустевшие лагеря и отправился обедать, а вернее, ждать приказа.

«Гуси» сутились уже третий день, надо полагать, получили высочайший рескрипт, предписывающий вернуть Гельбе, а еще лучше, и Южную Марагону.

Жермон дождался лепешку и уткнулся в карту. Между Лауссхен, которую он оставит при первом же серьезном натиске, и Хербсте не было ничего, кроме низких холмов, кое-где прорезанных оврагами и пересыхающими к осени речками. Гельбе была отменным буфером между враждующими державами и еще более отменным местом для сражения в стиле незабвенного Пфейхтайера. Ариго взял синий грифель и, как мог, изобразил гуся в корзинке, на которой написал «30».

В тридцать тысяч оценивалась «старая» дриксенская армия, оставленная в Лёйне после

неудач 97 года, стоивших Фридриху фельдмаршальского жезла, а Его Величеству Готфриду – Гельбского плоскогорья. Правду сказать, Жермон предпочел бы видеть «Неистового принца» впереди войска и сейчас, но, увы, неугомонный Фридрих застрял в Гаунау, а против фок Варзов двинули Бруно. Старый бык шестнадцать раз проверит и один раз шагнет, несмотря на очевидное преимущество.

Рудольф писал, что в дополнение к имевшимся семи тысячам конницы в Лейне перебросили еще тысячи четыре. Подошла и пехота, хоть и не так много, как могло бы быть, не разинь «гуси» клюв на Хексберг. Лазутчики Ансела подтверждали прибытие резервов. После мятежа в Оллари дриксенцы перестали играть в прятки, и все равно, последней каплей стало известие об Алве...

– Мой генерал, – расторопный капрал с черными усами и рыжими бровями умудрился не просто войти с подносом, но и дверь за собой прикрыть, – ваш обед!

– Спасибо, Франц. – Жермон поднял крышку, ловя ноздрями запах варенной с чесноком курицы. – Истребляете?

– Приходится, – брови Фрица страдальчески опустились, – не оставлять же!

– Тогда устройте пирушку по всем правилам, – распорядился генерал. – Бруно сегодня-завтра еще точно провозится, чтоб к этому времени по Лауссхен только мыши бегали!

– Будет исполнено, – рывкнул служака и замолк, с собачьим ожиданием глядя на начальника. Ариго хмыкнул и прямо под синим гусаком нарисовал предписание интенданту: выкатить к вечернему ужину «достаточное количество молодого вина». Окрыленный капрал умчался ловить уцелевших кур, а Жермон взялся за горячее варево, но проглотил лишь пару ложек. На сей раз генеральское уединение нарушил Ойген.

Бергер был хмур, подтянут и держал на руке зимний плащ.

– Едете? – Жермон отложил ложку и поднялся. Они с Райнштайнером третий день были на «ты», но Ариго то и дело об этом забывал. В отличие от Ойгена.

– Отбываю в резиденцию регента, – пояснил барон, аккуратно кладя плащ на сундук, – хочу попрощаться и пожелать тебе успеха в исполнении задуманного маневра.

– А пообедать не хочешь? – Жермон вытряхнул на стол пирожки, освобождая миску. – Рудольф терпеть не может, когда голодают без особых на то причин.

– С удовольствием пообедаю в твоём обществе, – бергер сноровисто снял с ближайшего стула всякую всячину. Он ничего не сказал, но Жермон мысленно поклялся на новой квартире использовать стулья исключительно для сидения.

– Собираешься вернуться, – Ариго по-братски разделил золотистый бульон, – или останешься при герцоге?

– Если не последует иных приказаний, – барон взялся за пирожок, – я рассчитываю через некоторое время встретить вас в окрестностях Доннервальд.

– Был бы рад, – совершенно искренне произнес Ариго, – но для начала нужно убедить Бруно как в нашем уходе, так и в том, что мы идем на Олларию. Кстати, будь моя воля, это было бы вторым из того, что я бы сделал. После боя в Гельбе.

– Это делает честь твоему сердцу, но не твоему уму, – объявил Райнштайнер, налегая на пирожки, – а наш обед делает честь повару и интенданту.

– Скажи спасибо дриksam, – посоветовал Жермон. – Все, что не удастся вывезти и сожрать, придется сжечь. Эта курица – лишь первая из жертв новой войны и последняя из отпущенных нам радостей.

– Ты пишешь стихи? – уточнил бергер. – Если да, не надо их читать, пока мы едим. Я не люблю поэзию с детства.

– Меня пугает наше единодушие, – хмыкнул Жермон, разрывая невольную жертву Его Величества Готфрида напополам.

– А меня пугает положение в центре страны. – Ойген Райнштайнер шуток по-прежнему не понимал и понимать не собирался. – Я совершенно не нахожу причины, вынудившей Первого маршала Талига сдаться. И еще меньше могу объяснить, что побудило его покинуть Урготеллу. Я могу представить, чем руководствуется Дриксен, поэтому здесь я спокоен, но я

не в состоянии понять, как человек со столь безупречной репутацией, как герцог Алва, совершает противоречащий здравому смыслу поступок. Я сказал что-то смешное?

– Прости, – смешливость не то свойство, которым следует злоупотреблять при дружбе с бергерами, – меня поразило, что ты назвал Алву человеком с безупречной репутацией.

– Но это так, – в голубых глазах не было ни тени смеха. – Первый маршал Талига не проиграл ни одной военной кампании и не принял ни одного решения, впоследствии себя не оправдавшего. То, что он делает, всегда разумно, достаточно вспомнить летнюю кампанию 387 года.

– Ты говоришь об убийстве Карлиона? – на всякий случай уточнил Жермон.

– Разумеется, – подтвердил бергер. – Положение требовало немедленного вмешательства, Грегори Карлион этому препятствовал, его следовало устранить. Передай мне соль, пожалуйста...

2

– Прошу доложить Его Величеству, – скучным голосом произнес Робер, – что прибыл герцог Эпинэ.

– Его Величество занят, у Его Величества Ее Высочество, – обрадовал черный гимнет. Кажется, он был из отряда Рокслеев, а может, и нет. «Нет, гимнет, сонет...» И почему он не пишет стихов?

– В таком случае доложите Его Величеству, что Его Высокопреосвященство Левий, приняв исповедь у Августа Штанцлера и Фердинанда Оллара, проследовал в Ноху в свою резиденцию. Герцог Алва, будучи убежденным олларианцем, от исповеди отказался. Его Высокопреосвященство просил передать, что готов принять Его Величество вечером.

Вообще-то Левий считал сюзерена высочеством, и Роберу было отнюдь не очевидно, что агарисец, полюбовавшись на Багерлее, захочет видеть Альдо Ракана королем. Новый кардинал не был святым, как злосчастный Оноре, но еще меньше он был комнатной собачонкой. Кардинал носил эмалевого голубя, но зубы у него были львиными³⁸.

– Мое почтение, герцог. – Дэвид Рокслей в кирасе со Зверем сошел бы за участника мистерии, если б не злость в покрасневших глазах. – Я хотел бы с вами поговорить о гражданском коменданте.

– Вряд ли вы скажете мне что-то новое, – и то, чего я не говорил Альдо, – зато я могу вас порадовать. Его Высокопреосвященство Левий отказался благословить Айнсмеллера.

– Я уже слышал, – капитан гимнетов невесело улыбнулся. – Если так пойдет и дальше, я стану эсператистом. А что Вешатель?

– Был неприятно удивлен, – заверил Робер приободрившегося Дэвида. – Надеюсь, это только начало, кардинал кажется человеком настойчивым.

– Создатель ему в помощь, – с чувством пожелал Дэвид, поправляя нагрудник, – Если б он нас еще и от этого чудища избавил. А что? Тварь-то по всем статьям богомерзкая, неужели святой отец ее терпеть станет?

Стук алебард об пол возвестил о том, что сюзерен прервал беседу с Матильдой. Рокслей молодцевато вытянулся, нагло сверкнула обруганная кираса. Эпинэ за какими-то кошками пригладил волосы и поправил шпагу.

– Маршал, – лицо Альдо горело, – идем в малый кабинет, ты мне нужен. Капитан, я никого не принимаю. И проводите... Пусть Мэнселл проводит Ее Высочество в ее апартаменты.

Его Величество от души грохнул дверь, размахисто повернул ключ, подошел к окну, рванул занавеси, но не рассчитал сил. Два кольца разлетелись, и белая парча провисла. Это помогло – сюзерен с недоумением воззрелся на дело рук своих, потом рассмеялся.

³⁸ Намек на символ ордена Славы, в котором начинал Левий, – льва со свечой.

– Садись! Ну и разозлился же я.

– Я тоже, – пошел в атаку Иноходец. – Если ты не повесишь Морена, это сделаю я.

– А что он натворил? – Альдо плюхнулся в кресло и вытянул ноги. – Ничего нет хуже встречи с родичами, раньше я этого не понимал.

– Это ты о Матильде? – не поверил собственным ушам Иноходец.

– О Матильде, только давай о ней потом, я еще кусаюсь. Так что там с Мореном?

– Что ты ему приказал?

– Ничего, – Альдо с удивлением воззрился на Робера, – ничего такого...

– Ничего? – подался вперед Робер. – Ты точно помнишь?!

– Признаться, меня твой Алва вывел из себя, – сюзерен нахмурился. – Поднимать руку на человека без оружия я не обучен, и он этим воспользовался. Это не Ворон, а гадюка какая-то! Да уж, удружил ты мне с ним. Убить – нельзя, терпеть еще больше нельзя. Короче, пришел я в себя только на лошади.

– А Морен?

– Да не знаю я! Может, я что-то в сердцах и брякнул... У меня руки чесались эту гадину ухмыляющуюся на месте прикончить. Я пытался с ним говорить по-хорошему, четыре раза пытался, да легче с аспидом поладить, чем с этим... А что Морен натворил?

– Запер Алву в какой-то жаровне над поварней. Без окон. Я за час там едва не сдох, а он восемь дней просидел. Тьма крошечная, воды – кубок в сутки, зато соленой – пять кувшинов, куда ни глянешь – кувшин. Алатский!

– И что? – сощурился Альдо. – Помогло?

– То есть? – осекся Робер. – Что ты имеешь в виду?

– Твой друг стал повежливей?

– Рокэ Алва мне не друг, – Робер услышал свой голос и понял, что рычит, – и никогда не был, но он – человек. И мы – люди. Или уже нет?

– Да успокойся ты, – посоветовал Альдо, – я ничего этого не знал. Что Морен говорит?

– На тебя ссылается. Дескать, ты ему велел объяснить герцогу Алве, что его время кончилось.

– Дурак, – припечатал сюзерен, – услужливый дурак, хоть и с выдумкой. А если б я велел повесить эту скотину вверх ногами или утопить?! Говорю же, зол был! И ты б на моем месте разозлился. А что соизволил сказать наш герцог кардиналу?

– Он не был расположен к разговорам.

– Вот как? – в голосе Альдо послышалось разочарование. – Выходит, жарка по-мореновски принесла плоды?

– Не думаю. – Перед глазами в который раз встали темные губы, заострившееся лицо, красные пятна на скулах. Издали – молодость, вблизи – ужас. – Просто Левий был с ним вежлив.

– Лучше б он был вежлив со мной, – огрызнулся Альдо. – А я-то радовался, что кардинал из Милосердных...

– Он начинал в ордене Славы, – с нехорошей радостью сообщил Робер, – у Адриана. Расспроси-ка ты про Его Высокопреосвященство Матильду.

– Одно к одному, – сюзерен досадливо сморщился. – Ей все кажется, что я на деревянных лошадках скачу. Закатные твари, Матильда не желает видеть, что я вырос, потому что моя зрелость для нее – старость! Я – король Талигойи, она всего-навсего – алатка, поймавшая Ракана. Робер, она так и осталась алаткой. И останется. В Сакаци Матильда на месте, но там нет места для меня... Для нас с тобой!

А где оно, это место, где Роберу Эпинэ не захочется выть? Разве что в Закате...

– Ты несправедлив к Матильде. – Иноходец старался говорить небрежно и спокойно. – И потом, ты же сам ее позвал.

– Именно что сам, а теперь думаю, не зря ли. Помощи не дождешься, а вот в мои дела она лезть будет. Уже лезет. Я уж не говорю, что моя дражайшая бабушка приволокла с собой любовника.

– Ну, это ее дело.

– Не ее! – Альдо и вправду был зол, пожалуй, злее Робер его еще не видел. – Принцесса из дома Раканов не может путаться с доезжачим!

– Дай ему титул, – пошутил Робер, – и дело с концом.

– Дворянскими титулами не разбрасываются, – лицо сюзерена словно окаменело. – Ординаров я плодить не намерен, а эорием можно только родиться. Не купить, не заслужить, не добыть в чужой постели, а родиться. На этом Раканы держались тысячелетия. Эрнани колченогий, которого ославили святым, дал титул сначала своему мазиле, потом другим плебейам – и все! Не прошло и восьмисот лет, как от империи одни огрызки остались.

– Ты сам сделал Люра Килеаном-ур-Ломбахом, – напомнил Эпинэ, – а Килеаны – эории.

– А вот за Люра, – подмигнул сюзерен, – я готов благодарить твоего дружка. Килеан – моя ошибка во всех отношениях, но такого не повторится.

– Еще немного, – не выдержал Иноходец, – и я поверю, что Алва – мой друг.

– Ладно тебе, – примирительно буркнул Альдо, – кого и куснешь, если не друга? Если б ты не пришел, я б от этой бабьей дури лопнул...

Что же такого сказала Матильда? Назвала их теми, кем они на самом деле и являются? Похоже на то...

– Альдо... – С Матильдой он сам поговорит, а сюзерена нужно побыстрее посадить на любимого конька. Для успокоения. – А как ты собираешься отличать эориев от неэориев?

– Способы распознать древнюю кровь есть, – проглотил приманку будущий анакс. – В Гальтаре была площадка, куда могли подняться только эории. Закатные твари, иногда мне кажется, что ты оказал мне дурную услугу. Начни мы с Гальтары, все вышло бы проще.

Да не оказывал он никому никаких услуг! Просто свалился в реку, и его поволокло по камням, и сейчас волочет. Алва, тот и в Багерлее умудряется спорить с ветром, а вот Эпинэ... Робер погладил разнывшееся запястье:

– Ваше появление в Эпинэ было полной неожиданностью. Я не собирался штурмовать Олларию.

– Ракану, – поправил Ракан, – не Олларию, а Ракану. Неужели так трудно запомнить? Робер, я знаю, ты действовал так, как считал лучше. Твоя беда, что ты не веришь в победу. Для Повелителя Молний это просто неприлично.

– Мое дело – предвещать победу³⁹, – верноподданнически скаламбурил Робер, задыхаясь от отвращения к самому себе, – а побеждать придется тебе.

– Договорились. – К Альдо окончательно вернулась его обычная жизнерадостность. – А Морена и в самом деле нужно гнать. Пусть проваливает в Барсину начальником гарнизона. Додумался! На меня ссылаться, да еще при крысе этой агарисской...

3

Жермон, как и другие северяне, нет-нет да и называл фок Варзов стариком, но в первый раз это слово обрело смысл. Выглядел маршал ужасно, что не помешало ему аккуратно развернуть свою любимую карту и разложить разноцветные грифели.

– Идите, Давенпорт, – Вольфганг называл подчиненных на «вы», а друзей на «ты». Сейчас перед Жермоном был командующий, – и, благословясь, начинайте. Я к вам присоединюсь, как только отдам распоряжения генералу Ариго.

– Будет исполнено, – граф Энтони подхватил выдавший виды плащ, верность которому хранил уже лет восемь. – Удачи, Жермон!

– Убирайся к кошкам, – Ариго от души потрянул протянутую руку. Давенпорт до сих пор не знал, что с его сыном, но не подавал виду. Одни делают свое дело с кинжалом в

³⁹ Намек на девиз Эпинэ «Предвещает победу».

спине, другие падают в обморок, наступив на гвоздь. Такова жизнь.

– Мы будем тебя ждать! – Генерал от инфантерии Энтони Давенпорт набросил на плечи свою реликвию и исчез, стало до отвращения тихо. Маршал Запада любовался на карту, командующий арьергардом делал вид, что его здесь нет.

– Когда? – буркнул маршал, не поднимая головы, но Жермон понял:

– Не раньше, чем послезавтра, не позже, чем через три дня.

– Согласен. – Вольфганг оттолкнул грифель, тот покатился по карте и остановился, наткнувшись на сгиб. – Ваши действия?

– Приму бой, – повторенье – мать ученья и бабушка порядка, – буду держаться, словно я и есть армия.

– Два дня, – буркнул Варзов, – на третью ночь отойдете по всем правилам искусства – мне нужен образцовый арьергард. Сожжете все, что горит, от Бруно оторветесь на один переход – и держитесь этой дистанции. Вы не знаете, что Бруно знает об отступлении и о том, что вы одни.

– Не знаю, – подтвердил Ариго. – Я прикрываю армию и готов лечь костями, но сохранить ваш уход в секрете.

– Ты мне нужен живым, мерзавец! – неожиданно рявкнул маршал. – Понял?! Живым!

– Слушаюсь, – Жермон вытянулся в струнку как усерднейший из капралов. Вольфганг сказал только то, что сказал, но Ариго знал старика не первый год. Давенпорт рассчитывает на лучшее, фок Варзов ждет худшего и скорей всего дождется.

– Не паясничай, – отечное лицо исказила улыбка, от которой Ариго едва не взвыл, – ты меня знаешь, я знаю тебя. Будем воевать.

– Уже воюем, – если б Вольфганг пил, ему б следовало налить, – и мы, и Хексберг, а может, и Савиньяк.

– Нет, – Вольфганг уже почти походил на себя, и на том спасибо. – Второй раз за осень гаунау не рискнут, даже с Фридрихом, Лионель свободен.

Свободен и может идти на Олларию, только знает ли он об этом? И когда он доберется, даже если выступит? Выступит, победит, свернет голову непонятному Ракану и вполне понятным Рокслеям. Одна беда, повешенные мерзавцы всего лишь повешенные мерзавцы. Пеллота изловили и вздернули, но те, кого он предал, не воскресли...

– В Хексберг перевес на нашей стороне, – брякнул Жермон то, что фок Варзов знал лучше его, – «гуси» приплывут в ловушку.

– Марикьяре сделают все, что возможно, – согласился маршал, утыкаясь в карту. Обычно в таких случаях Жермон незаметно уходил, но на этот раз ноги прилипли к пестренькому коврику.

Фок Варзов поставил пару значков и потер лоб:

– У меня, знаешь ли, был непростой выбор. Рудольф просил взять в оруженосцы Рокэ Алвасете, твой отец – подождать Ги.

– Ги? – Жермон непонимающе уставился на маршала. – Отец за него просил?

– Я получил письмо от Пьера, – фок Варзов тонул в прошлом, как и любой другой, – он просил сделать Ги толковым военным и достойным дворянином. Я согласился, мы все сочувствовали маршалу Ариго.

– Я понимаю, – вот так возьмешь и убедишься, что до конца ничего не заживает, – старший сын оказался мерзавцем, нужно было помочь младшему.

– Я хотел, – Вольфганг фок Варзов на волос передвинул грифель, – но меня вызвали в Олларию к Первому маршалу. Ноймаринен хотел, чтоб я взял маркиза Алвасете. Я сказал про Ги и свое обещание, Рудольф ничего не ответил, но на следующий день привел меня в Лаик. На последние бои. Разумеется, унары о нашем присутствии не знали ничего... Я увидел Рокэ и согласился: парню была нужна узда. Знаешь, что говорят в Бергмарк про звезды?

– Что они загораются сами и падают тоже сами. Если звезда упадет на землю, она ее сожжет, поэтому ангелы прибывают их к небу гвоздями...

– Рудольф решил, что это мне по силам, – маршал Запада вновь усмехнулся, и, право

слово, лучше б он этого не делал, – только гвозди не выдержали. Алваро никого не щадил, и меньше всех – своих сыновей, но такого не потребовал бы даже он...

Такое вообще нельзя требовать. Взять и отдать себя в руки хуже чем просто врагов. Кем надо быть, чтоб решиться на такое? Разве что святым, но Первый маршал Талига святостью не страдал.

– Сударь, что вы сказали моему отцу? – О чем угодно, только не об Алве, иначе старик расплчется. Плачущий Вольфганг – это почти конец света. А сдающийся Ворон? – Ведь вы что-то сказали?

– Ему написал Рудольф, – фок Варзов медленно свернул карту. – Объяснил, что не может забрать у Алваро последнего сына. После Карлоса он не сумеет быть строгим, а без этого не обойтись – маркизу Алвасете нужны твердая рука и военный опыт. Ноймаринен обещал взять Ги к себе, но Пьер ответил, что его наследнику место в армии, а не в столице... Граф Энтраг стал оруженосцем Мориса Эпинэ, не сказал бы, что это пошло ему на пользу...

– Ему ничего бы на пользу не пошло. Он предал бы вас точно так же, как предал Эпинэ.

– У него бы такой возможности не было, – фок Варзов с каким-то удивлением оглядел бывшее обиталище Давенпорта. – Ги Ариго в армии было не место, но Эпинэ с Савиньяком думали не о деле, а об умершем друге. Обложили его наследника ватой и вырастили перчаточного маршала. С плюмажем.

Глава 6 Ракана (б. Оллария) 399 года К.С. 11-й день Осенних Молний

1

В талигойском мундире Лаци был хорош, не хуже, чем в доломане со шнурами. Не то что она в придворных платьях, сожри их мошь вместе с париками. Ее Высочество Матильда Ракан подмигнула любовнику и уселась на бархатный пуф, заложив ногу за ногу. Покойный муженек ненавидел, когда она так делала, и тогда еще не вдовствующая принцесса завела манеру ссориться именно в этой позе. Сегодня же она решилась на ссору. То, что Альдо затеял, не было подлостью только потому, что являлось чудовищной глупостью. И пошлостью. Это агаров хлебом не корми, дай кости туда-сюда потаскать, но на то они и агары.

– Гица, – Лаци с нескрываемым интересом смотрел на одетую в охотничье платье принцессу, – что, так и не пойдете?

– Не пойду, – отрезала вдовица, – дурней надо учить, а по-хорошему балбес не понимает, совсем с цепи сорвался. Еще бы, всю жизнь в приживалах ходил, а тут трон, придворные, солдаты – и все твое! До поры до времени.

– Ой, гица, – присвистнул доезжачий, – шуму будет!

– А и будет, – Матильда подмигнула любовнику. – А ну, наливай! Да не патоки этой, а тюрегвизе! Есть же у тебя?

– Как не быть, гица. – Какой же он все-таки красавец, и ведь влюбился по уши в старую подушку. А раз влюбился, значит, подушка еще ничего!

В дверь то ли постучали, то ли заскреблись. Твою кавалерию, начинается.

– Прошу!

Придворная коза в зеленом атласе уставилась на Высочество со стопкой, как на рогатую кобылу.

– Ну, – Матильда опрокинула стопку, – что в лесу сдохло?

– Ваше Высочество, – проблеяла коза. – Его Величество напоминает, что карета будет подана через час.

– Я не еду, – отрезала Матильда. Можно было добавить, что в могилах только ведьмы и

ызарги роются, но внук есть внук, а холуи есть холуи. Скажешь «копыто», дворец к вечеру про корову заговорит, а город к утру – про стадо.

– Я... Я должна это доложить? – в гляделках гофмейстерины, или как там ее, трепыхался неподдельный ужас, пупырчатый и зеленый.

– Именно, и немедленно. – Ее Высочество сунула милому пустую стопку. – Еще!

Коза стала похожа на курицу, сейчас яйцо снесет. Матильда тряхнула отросшими волосами, которые неплохо было бы подчеркнуть.

– Идите и доложите!

Гофмейстерина исчезла, вдовствующая принцесса залпом проглотила тюрегвизе и рывкнула:

– А ты чего ждешь?! Твою кавалерию, пей!

Лаци выпил, вытер усы и сказал, как через костер прыгнул:

– Возвращаться нам надо, а здесь уж как Охотнички рассудят.

– Хочешь – проваливай, – вскинулась Матильда, – не держу, сам увязался.

– Без гици не вернусь, – сузил глаза любовничек, – но и голову под крыло прятать не стану, не гусак. Молодой гици только себя слышит. Вот и горланит, что пьяный на перевале. Завалит – сам виноват.

– Сам не сам, а другого внука у меня нет, – твою кавалерию, сама ж растила! – Поцеловал бы, что ли...

Доезжачий повиновался. С удовольствием. Тюрегвизе растопила смерзшуюся в комок душу, а губы Ласло довершили дело. Эх, сейчас бы дверь на ключ, а день – в ночь! Ее Высочество умело вывернулась из крепких объятий:

– Иди, погуляй, Бочку проведай. Мне при тебе ругаться несподручно.

Лаци без лишних слов вышел. Обернулся на пороге, блеснул окаянными глазами и был таков. Нет, гицу свою он не бросит, а гица не бросит Альдо, что бы паршивец ни натворил.

Принцесса налила третью стопку, но пить не стала – хватит. Остальное после драки, благо без нее не обойтись. И хорошо, иначе она или лопнет, или кого-нибудь пристрелит. Хоть бы и того черноусого упыренка, что крутится возле Альдо. И еще косого болтуна, как, бишь, его?

Ее Высочество вытащила заветные, даренные шадом пистолеты и принялась чистить. Просто так, для удовольствия.

Проще всего было послушать Лаци, хлопнуть дверью и убраться в Сакаци к Клементу под хвост. И она б убралась, дури Альдо не на пороховом складе.

2

Синяки почти сошли, но рука все еще болела. Это было неприятно, но терпимо, и Дикон, вопреки стенаниям теперь уже двух врачей, сел в седло. Пусть видят, что герцог Окделл здоров и готов служить своему сюзерену. Альдо трижды присылал справляться о здоровье Повелителя Скал, а в последней своей записке намекнул, что будет огорчен отсутствием потомка Алана в Старом парке, но Ричард не пропустил бы такое событие и без писем.

Справедливость к живым начинается со справедливости к мертвым. Узурпатору и объявленной святой блуднице не место в храме, построенном на месте древнего святилища. Подлежат забвению и их имена. Оллари нет, есть Ракана, а святая Октавия была и есть лишь одна – легендарная агарская отшельница. Придет время, эсператистских святых забудут так же, как олларианских, и в Кэртиану вернется истинная вера, но сперва нужно выкорчевать память о Франциске. Слишком многие видят в узурпаторе великого короля, спасшего распадающееся государство. Это было бы правдой, захвати Оллар Гайифу или Дриксен, но он поднял руку на потомков богов!

Показалась Фабианова площадь, Ричард придержал линарца, оглядывая заполненное пляшущим мокрым снегом пространство между бывшим особняком Колинъяров и церковью

Святого Фабиана. Храм будет перестроен и в третий день Осенних Молний вновь освящен именем святого Алана. Туда из Ренквахи перенесут прах отца, а сам святой Алан вместе с маршалом Эктором обретут последний приют в Старом парке.

Последнее обстоятельство вызывало у Дика целую бурю чувств. Умом юноша понимал, что отдавший жизнь за короля и Талигойю Эктор не виноват в том, что его потомки выродились в трусоватых подлецов, но стоять рядом с Валентином во время церемонии?! Юноша подозревал, что Альдо таким образом пытается примирить Повелителей Скал и Волн, и он, опять же, был прав, но как же это коробило.

Ричард смахнул с плеч и полей шляпы навязчивый снег и свернул с Медвежьей на Октавианскую. Был пусть и хмурый, но день, рядом гарцевал Эндрю Нокс, а на душе лежал даже не камень, а кусок льда. Юноша прекрасно понимал, что всему виной вылившаяся в ночной кошмар лихорадка и расстроенное воображение, но Старый парк по мере приближения казался все неприятней. Молчание сделалось невыносимым, и Дик не выдержал:

– Капитан Нокс!

Капитан Личной охраны Повелителя Скал ловко осадил своего гнедого:

– Монсеньор?

– Будете ждать меня у Родниковых ворот. Можете по очереди отпускать людей греться.

– Благодарю, Монсеньор.

Шнур для звонка просто подгнил, потому что в доме долго не топили. И перила сломались сами, могут же они сломаться, а комната выстыть. Не закрыли трубу, на улице сыро и холодно, вот за ночь и выстыло, а бокал и бутылку он сам разбил и позабыл. Лихорадка плохо действует на память, это всем известно.

– Капитан, что вы думаете о... о моей резиденции?

– Это прекрасный дом, – Нокс казался удивленным, и Дику стало стыдно за свои страхи, – и очень удобно расположенный. Из него можно незаметно уйти, и его удобно защищать.

– Вы говорите так, словно нам предстоит осада, – не стоит пережевывать дурные сны, и тогда они не вернутся.

– Монсеньор, я военный. И я отвечаю за вашу жизнь.

У Нокса не болит голова о всякой ерунде. Капитан видит опасность там, где она есть, и не верит в глупые сказки. Так и надо. Чего бояться в собственном доме под охраной таких молодцов? И уж тем более не стоит бояться заросшего деревьями клочка земли.

– Я в вас не сомневаюсь, капитан, – когда все кончится, он убьет Придда именно в Старом парке назло всем снам, – в вас и в ваших людях.

– Благодарю Монсеньора.

За двухэтажным особнячком показались облепленные ометой и мокрым снегом деревья, святая Октавия отзвонила половину третьего. Как во сне!

– Рысью, – зачем-то велел Ричард, отворачиваясь от серых тополей.

Кавалькада сменила аллюр, сразу стало легче дышать. Где-то взвыла собака, ей ответили еще две или три, снова ударил колокол. Прекрасно, Хозяин Круга появится не раньше и не позже, чем следует, хотя можно было б и подзадержаться. Немного, минут на десять.

На углу с Родниковой замерли в строю конные гимнеты. Огромные неряшливые снежинки таяли на лошадиных крупах, недовольные кони переступали с ноги на ногу и пытались мотать головами.

Повелитель Скал ответил на приветствие тенъента и направил Караса вдоль облепленной снегом ограды. Старый парк, как и все вокруг, был мокрым, серым, продрогшим. Ничего загадочного и тем более страшного в облетевших деревьях не было и быть не могло. У Родниковых ворот Дикон догнал Удо, Дугласа и Джеймса. Валентина видно не было. И неудивительно – Спрут слишком любит себя, чтобы раньше времени сесть в седло.

– Добрый день, господа, – Ричард в который раз попытался избавиться от облепившего плащ снега, – кажется, зима все-таки пришла.

– Здравствуй, – откликнулся Удо. – Ты это называешь зимой? Я бы еще понял Робера, но ты же из Надора.

– Да, у нас снег уже лежит, – подтвердил Дикон. – И будет лежать до Весенних Волн.

– Ваша сестра доберется до Надора к Зимнему Излому или встретит Новый год в дороге? – полюбопытствовал подоспевший барон Нарди, которого Дик как раз собирался расспросить о нохском побоище. Что это, вежливость или наоборот?

– Если ничего не случится, – пожал плечами Ричард. – Не люблю мокрый снег, уж лучше дождь.

– Дождь честнее, – кивнул Удо, – но после леса Святой Мартины я предпочитаю солнце.

– А я предпочитаю воевать с живыми, а не с мертвыми, – внезапно бросил Темплтон, – это тоже честнее.

– Тебе жаль узурпатора? – поднял бровь Рокслей.

– Я не одобряю месть тем, кто не может ответить, – буркнул Дуглас. – К тому же в старых могилах может гнездиться зараза.

– Дикон, как твоя рука? – быстро спросил Удо, вклиниваясь между Джеймсом и Темплтоном.

– Почти зажила, – Ричард пошевелил пальцами. – С завтрашнего дня думаю начать тренировки.

– Придд, как мне кажется, тоже здоров, – заметил Рокслей, глядя в глубь аллеи.

Валентин ехал на сером мориске с подрезанным хвостом, сбруя и чепрак тоже были серебристыми. В снежных хлопьях казалось, что конь Повелителя Волн не оседлан. Нарди натянул поводья, вынуждая других последовать его примеру. Спрут пустил серого в легкий галоп, может, рана и давала себя чувствовать, но на посадке Валентина это не отразилось.

– Добрый день, господа, – Придд улыбался одними губами, умело сдерживая пляшущую лошадь, – ужасная погода. Еще немного, и нас заметет.

– Скоро наша прогулка закончится, – обнадежил Рокслей. – Валентин, Его Величество просил напомнить вам и Ричарду, что вы спускаетесь в склеп сразу же за рабочими. Как прямые потомки Алана Окделла и Эктора Придда.

3

Внук разделся в белое с золотом. По такой-то погоде! Плащ, перья, цепи, шпоры, только гребешка не хватает, и хоть сейчас на забор – кукарекать.

– Мне сказали, ты отказываешься ехать? – Его Величество сдерживалось, как и положено величеству и внуку, но явно из последних сил.

– Не отказываюсь, – поправила Матильда, – а не еду. И тебе не советую. Отмени эту дурь, пока не поздно.

– Я же просил тебя не пить с утра и держать своего... капитана охраны подальше от спальни.

– А я просила тебя думать собственной башкой, а не мармалючьей задницей, – отпаривала Ее Высочество. – Что ты с Лорио-Строителем⁴⁰ учудил?

– Талигойю спасли талигойцы, – огрызнулся внук, – а не Вороны.

Много б они наспасали, не приди на помощь Диего Алва. Соберано вышвырнул агаров

⁴⁰ Лорио Пятый (Лорио-Строитель), правил в 307—329 К.М., при нем Талигойя пережила последний подъем, хотя правление Лорио началось тревожно. В 308 году в страну вторглась армия Уэрты, кампания складывалась для Талигойи неудачно, но подход соберано Диего Алвы переломил ситуацию. В 308 году К.С в Кабитэле был поставлен конный памятник Лорио Ракану, на котором король, ободряя свои войска, указывает в сторону Кэналлоа, откуда должна прийти помощь.

за Каделу, чем привел в полное восхищение весь Алат. Про «Черного Дьердя», разрубившего пополам поганого Максимилиана, в Алати до сих пор поют.

– А теперь ее, видимо, спасут Волки? – Матильда нежно улыбнулась.

– Ты о чем? – насторожился внучек. Еще бы, он никогда не увлекался землеописанием. В отличие от Эрнани.

– О том, что теперь по твоей милости Лорио указывает на Ноймаринен. Рудольфу это, без сомнения, польстит.

– Закатные твари! – Альдо плюхнулся в кресло. – Почему ты раньше не сказала?!

– А ты спрашивал? – Матильда скрестила руки на груди. – Зато теперь говорю: оставь покойников в покое, не позорься.

– Все уже решено, – губы Альдо побелели, они всегда белели, когда он злился. – В моей столице олларской дохлятины не место. За зиму вонь выветрится, а на Весенний Излом я перенесу туда Эктора и Алана.

– А им бы понравилось по чужим постелям лазить? – не выдержала вдовица. – Ты еще к ним Алису с Пеллотом притащи. Дурить так дурить.

– Пеллот не зорий, а Алиса думала о себе, а не о Талигойе.

То есть не о том, как выкатить из агарисского погреба бочку с тухлыми Раканами и водрузить на трон. Только Раканы уже давным-давно не Талигойя.

– Альдо, – очень спокойно произнесла Матильда, – ты тоже думаешь только о себе. И отвратительно думаешь, потому что весной от нас останется мокрое место.

– Не бойся, – физиономия внука сделалась лукавой, – ничего не бойся!

– Даже так? – хрюкнула Ее Высочество. – Нет, я понимаю, что дурней кошки берегут...

– Не кошки, а кровь. Я – Ракан, Матильда. Последний Ракан, и я в Зимний Излом надену корону. Ту самую, привезенную из Гальтары. Жезл Раканов тоже здесь. Меч у Фомы, но я его добуду.

Шутит? Твою кавалерию, если бы! Его Величество серьезен, как утопленник.

– Матильда, – внук, как в добрые старые времена, соскользнул с кресла и уселся на полу, глядя на бабушку снизу вверх. Как же ее умиляли голубые глазенки и светлые волосики, а деточка выросла...

– Матильда, уверяю тебя, и у меня, и у Робера достаточно доказательств! Сила Раканов – не сказка, она существует. Кэртиана на моей стороне. Олларами был отпущен один круг, они его съели и подавились, пришло мое время, то есть наше... Не бойся, я удержу корону. Конечно, полную силу я обрету только в Гальтаре, но Зверь мне пока и не нужен. Ты думаешь, все случайно вышло? Выехали поохотиться, а оказались на троне?

– Что не случайно, Клементу ясно. – Сила, как же! Хотя гайифское золото тоже сила, и еще какая. – Дивин купил десяток генералов, а тебя, как того курчонка, в чужой суп бросили. Думаешь, Хогберд нечаянно заболел? Как же!

– Да не злись ты, – Альдо сжал ее руки. – Хогберд дальше своего корыта не видит, ну и прекрасно! Не нужен он нам. погоди, скоро мы всех ызаргов разгоним, а Паоне с Агарисом объясним, что в Золотых землях один хозяин. И это не они, а Талигойя.

– Роскошно, – одобрила Матильда, – только я пока что ни одного чуда не видела.

– Ты не понимаешь, – вскинулся внучек. – Сила вмешивается, только если я не могу справиться сам.

– Вот-вот, – закивала Матильда, – прилетит орел ростом с корову и выдернет тебя из задницы.

Какой дурак, какой потрясающий дурак! Зверь Раканов ему понадобился! Да тебе с ызаргами твоими и то не управиться, проглотят и не поморщатся.

– Ты смеешься, – Альдо поднялся и поправил камзол, он ничего не соображал и не желал соображать, – а мне о моем первородстве сказали те, кто действительно знает. И не что-нибудь, а моя кровь излечила Робера. Моя кровь и тот самый старый гроб, который ты хотела выкинуть и за которым к тебе вор залез. А Роберу помогли Осенние Всадники и привели туда, где начиналось восстание. Этого тебе мало? Что скажешь?

– Только одно, – рывкнула вконец озверевшая Матильда. – Твоего деда нужно было пристрелить до твоего рождения.

Глава 7
Ракана (б. Оллария)
399 года К.С. 11-й день Осенних Молний

1

Альдо задерживался, Левия тоже не было видно. Его Высокопреосвященство пытается вправить Его Величеству мозги? Хотя с кардинала станется просто не прийти, как не пришел он, когда сносили Фабианову колонну и памятники Франциску и Карлу Второму.

– Монсеньор, – распоряжавшийся церемонией Айнсмеллер был взволнован, – вы не знаете, где Его Величество, Ее Высочество и Его Высокопреосвященство? Все готово, и потом, этот ужасный снег.

Снег и впрямь валил, как из распоротой перины. Крупные рыхлые хлопья были, как и положено, белыми, но грязь под ногами оставалась черной. Прямо не снег, а благие намерения, при соприкосновении с жизнью растекающиеся грязными лужами. Робер глянул на толпящихся у входа в храм пока еще Святой Октавии придворных, то и дело сбивающих с плеч и шляп мокрые, тающие подушки. Зрелище было жалким и нелепым.

– Герцог Окделл здесь?

– Да, он вместе с герцогом Приддом, графом Рокслеем, графом Гонтом и еще некоторыми дворянами.

Вот балбес, ведь врач же сказал, что лихорадка может вернуться. Робер повернулся к Айнсмеллеру.

– Открывайте храм, подождем Его Величество внутри, а то снег нас и вправду в Закат загонит.

Кажется, цивилизный комендант первый раз в жизни пришел в восторг от приказа Первого маршала. Во всяком случае, он торопливо поклонился и исчез.

Робер нахлобучил шляпу на самый нос и отправился на поиски Ричарда. Юноша стоически дрожал в обществе Удо и Дугласа, а чуть в стороне Валентин Придд с каменной физиономией слушал молодого Рокслея. Собственно говоря, Джеймсу было под тридцать, но к тому, что он наследовал своему дядюшке, еще не привыкли, вот и называли новоявленного графа молодым.

Иноходец подхватил Ричарда за руку:

– Герцог Окделл, уделите мне пару минут.

– Разумеется, – губы у мальчишки были синими, а нос – красным. Будет чудом, если лихорадка не вернется. – Вы получили известия от вашей невесты?

«Ваша невеста», словно речь не об Айри, а о девице Придд. Ну и норов!

– Нет, из Надора пока писем нет. Дикон, я был в Багерлее вместе с Его Высокопреосвященством и видел Алву. Он просил передать, что считает твое обучение законченным и освобождает тебя от клятвы.

– Меня уже освободил мой сюзерен, – если б не капли на носу и на щеке, ответ прозвучал бы гордо. – Ракан может освободить своего вассала от любой присяги.

– Может, – только не всех подобное освобождение освобождает, – в глазах людей. Но даже Абвении не в силах отменить клятву Древней крови.

– Ты о чем? – юноша зябко передернул плечами.

О чем-то древнем и непонятном, что нельзя объяснить, а можно лишь чувствовать. И еще о том, что другие могут простить. Или забыть. Или не узнать, а то и поздравить с победой, только ты сам себя не простишь, не забудешь и не поздравишь.

– Ни о чем, – неопределенно махнул рукой Робер. – Как бы то ни было, ты теперь

свободен, с чем я тебя и поздравляю.

– Робер, – не очень уверенно произнес Ричард, – а как там, в Багерлее?

А как в Закате? Желаете услышать правду? О гитаре без струн, жаре, от которой мутится в голове, темноте, раскаленных стенах, соленой воде?

– Ничего особенного, – пожал плечами Иноходец, – башни, стены, коридоры. Немного похоже на Лаик. А что ты хочешь узнать?

– Ты видел эра Августа?

Эра Августа! Не эра Рокэ... Но услышишь ты именно о нем!

– Нет, – в висках у Эпинэ уже привычно застучало, – с графом Штанцлером говорил Его Высокопреосвященство, а я в это время был с Алвой. Хочешь знать подробности?

– Зачем? – Ричард поправил перчатку. – Главное ты мне рассказал.

– Да, – сощурился Иноходец, – главное я тебе рассказал, но неглавное я тебе тоже расскажу. Это полезно.

– Монсеньор, – Айнсмеллер! Надо полагать, открыл дверь.

– Да, комендант? – Робер в очередной раз поправил несчастную шляпу, заставляя себя перевести дух. До возвращения Наля он не должен выходить из себя, возмущаться, спорить, доказывать.

– Помещение открыто, – Айнсмеллер понизил голос, – но возникли некоторые трудности с герцогом Приддом. Он не желает принимать участие в церемонии.

– Возможно, ему тяжело спускаться по лестнице? – предположил Эпинэ.

– Отнюдь нет, – Айнсмеллер поджал красные губы. – Герцог Придд не отказывается присутствовать при вскрытии усыпальницы, но он не желает, чтобы прах маршала Эктора был перенесен в Старый парк.

– Вот как? – переспросил Эпинэ, собираясь с мыслями. – И почему же?

– Герцог Придд объясняет свое нежелание тем...

– Позвольте мне объяснить свое нежелание самому. – Валентин Придд непостижимым образом умудрялся выглядеть не таким мокрым, как остальные. Видимо, дело было в серебристом плаще, на котором проклятый снег был почти не заметен. Любопытно, бывают ли снежные спруты?

– Герцог, – Робер старался говорить вежливо и спокойно, но не успевшая выплеснуться злость рвалась наружу, – не думаю, что вам нужно что-либо объяснять мне. Подождите Его Величество.

– Его Величеству я повторю то же самое, – голос у Валентина тоже был каким-то... снежным. – Я благодарен за почести, которые Талигойя готова воздать моему предку, но все Повелители Волн лежат в фамильной усыпальнице. Мне не кажется правильным тревожить прах маршала Эктора и разлучать его с родными. Кроме того, я не считаю правильным занимать чужой дом или чужую могилу, тем более если это могила врага.

– Герцог Эпинэ, – громко произнес Ричард Окделл, – барон Айнсмеллер, я прошу вас запомнить эти слова, а то герцог Придд, не ровен час, их забудет.

– В самом деле, господа, – Валентин все-таки смахнул с плеча налипшие снежинки, – запомните, что сказал герцог Окделл. Не то чтоб я жаловался на свою память, я даже помню, кому присягал в день святого Фабиана, но так будет надежнее.

– Без сомнения. – Лэйе Аstrapэ, сегодня только ссоры не хватало. – А заодно я вам напомню про королевский эдикт о запрете дуэлей, но сейчас пора расстаться с этим проклятым бураном. Вы как хотите, а я намерен ждать Его Величество под крышей.

2

В храме было холодно, чуть ли не холоднее, чем на улице. Сквозь залепленные снегом витражи пробивался тусклый свет, слишком тусклый, чтобы разглядеть внутреннее убранство. Бьющее в окна солнце или множество свечей разогнали бы сумрак, но Леворукий не позаботился о первом, а Айнсмеллер – о втором.

Промокшая толпа топталась среди колонн сначала молча, затем кто-то что-то сказал, кто-то ответил, кто-то засмеялся. Здание наполнилось нестройным придворным гулом. Рядом с Диконом по-прежнему были Удо и Дуглас. Валентин куда-то исчез вместе с Рокслеем, и хорошо, потому что видеть длинную застывшую физиономию и не иметь возможности швырнуть в нее перчатку было невыносимо.

Герцог Придд, видите ли, не желает тревожить покой предка. Как же! Просто ненависть к сопернику оказалась сильнее и справедливости, и уважения к погибшему Эктору.

– Удо, – Ричард сжал локоть друга, – после войны я его убью.

– Если оно будет для нас, это «после войны», – встрял Дуглас. – И потом, я скорее соглашусь со Спрутом, чем с Альдо. Тревожить мертвых не дело, да и воевать нужно не с памятниками и именами...

– Золотые земли принадлежат Раканам, – отрезал Ричард, в который раз сожалея, что связан клятвой. Удо, Дуглас, Робер переживают, сомневаются, не верят, потому что не знают всей правды. Альдо держит свои планы в тайне, это правильно, дальновидно, но жестоко.

– Пока Раканам принадлежит только Кольцо Эрнани, – граф Гонт устало вздохнул, – да и то не целиком. Наше счастье, что Варзов и Савиньяки предпочли старых врагов, если, конечно, предпочли.

Удо до сих пор не оправится от потери брата, да и Дуглас после битвы у леса Святой Мартины ходит сам не свой. Ричарду безумно хотелось успокоить друзей, но для этого пришлось бы нарушить клятву.

– Мы победим, – это все, что он может сказать, – обязательно победим.

Дуглас пожал плечами, Удо улыбнулся, но как-то невесело. Принесли факелы. Рыжее пламя заплясало по белому мрамору, сумрак съежился, прижимаясь к куполу и высоким окнам, и вместе с ним растаял галдеж, ведь истинная красота лишает дара речи.

Юноша смотрел и не мог насмотреться на два ряда белых колонн, разделенных легкой серебристой решеткой. Еще одна решетка, повыше и помощней, делила храм на две неравные части. Желтый живой свет играл в стеклах витражей, оживляя причудливо сплетенные растения, ласкал коленопреклоненные статуи, дробился в хрустале светильников.

Волшебство не убили даже полустгнившие-полузасохшие лилии, свисавшие из мраморных ваз. Мертвые цветы были единственным, что напоминало о смерти. И о победе.

Снести этот храм, как Фабианову колонну, было бы кошунством. Нельзя поднимать руку на чудо. И нельзя, чтобы среди почти Рассветной красоты покоилось зло.

– Жаль, – прошептал Темплтон, глядя в глаза светящейся тоненькой девушке с длинной косой, – как жаль...

– Это стекло, – пояснил кто-то сведущий, стоящий рядом, – а за ним зеркало.

Стекло... Наша жизнь – тоже стекло, так просто разбить. Ричард смотрел на застенчивую девушку в синем платье и видел не блудливую лицемерку, а Катари. Именно такой была дочь графа Ариго до погубившей ее свадьбы. Художник вряд ли знал правду о жене Франциска, потому что кистью солгать невозможно. Мастер и не солгал, просто, изображая умершую, он рисовал еще не родившуюся. Уж не эта ли икона вдохновила неизвестного вывесочника из «Талигойской звезды»? Очень может быть, хотя как бы мазила попал в закрытую от всех церковь?

– Прошу простить мою задержку, – голос Альдо ворвался в золотистый сон, возвращая Ричарда в набитую людьми зиму, – пришли важные известия из Дриксен. Видимо, сегодня или завтра войска кесаря вступят в южную Марагону.

– Замечательная новость, – с чувством произнес прибывший из Агариса Арчибальд Берхайм, – просто замечательная.

– Марагона по праву принадлежит Дриксен, – добавил Энтони Кракл.

– Осталось объяснить это марагонцам, – хмыкнул Темплтон, – я уж не говорю про бергеров.

– Тише, Дуглас, – шикнул Удо, – Кракла вы можете причесать и попозже.

– Господа, – поднял руку сюзерен, – нам предстоит не самые приятные полчаса, но это святилище, помнящее первых императоров Талигойи, должно быть очищено от скверны. Костям узурпатора и блудницы здесь не место. В день Весеннего Излома под этими сводами упокоится Алан Окделл. Алан Святой, эорий, отомстивший за своего владыку.

Повелители Скал всегда были верны Раканам. Другие предавали, колебались, отступали, но верность Окделлов была надежна, как сами скалы. Ричард, герцог Окделл, подойди ко мне!

...Это было как во сне: горящие факелы, взволнованные лица, тяжесть шпаги на боку. Ричард Окделл шел к своему сюзерену, и рядом с ним незримо шли его отец, дед, прадед. Здесь, в древнем храме, замыкался Круг, уходили в прошлое поражения, рассыпались прахом обиды. Повелитель Скал преклонил колено перед своим королем, но Альдо Ракан рывком поднял юношу и крепко обнял:

– Да свершится высшая справедливость. Мы не мстим, мы воздаем по заслугам. Да пребудет в смерти и посмертии с каждым то, что он заслужил. Так и будет!

– Так и будет, – повторили губы Ричарда, – так и будет...

3

Присланные Айнсмеллером рабочие ломали решетку. Кувалды вразнобой били по стонущему железу, разбивая вплетенные в побеги дикого винограда буквы «О» и «Ф», а Повелителю Молний сквозь плачущий звон слышался неровный конский цокот.

Широкоплечий здоровяк с размаху ударил по бронзовому перекрестью и не рассчитал. Кувалда прошла сквозь почти невесомую паутинку и врезалась в алтарные ворота. Хлынул разноцветный стеклянный дождь, разлетевшиеся брызги-осколки впились в лицо, руки, шею разрушителя, и он с воем свалился на мгновенно покрасневший пол, сбив мраморную вазу. Отвратительно запахло гнилой водой и еще чем-то сладковатым и тошнотворным, зеленая жижа растекалась, мешалась с кровью и иссохшими лепестками, подступала к самым ногам.

Робер отшатнулся, медлительный цокот стал отчетливей, алый, прозрачный лепесток полоснул по руке незадачливого гимнета, еще один, бледно-розовый, впился в щеку барону Краклу, только что отпустившему изящнейшую шутку на предмет святости Октавии. Стонущего барона увели под руки, рабочего пришлось уносить, кровь из располосованной шеи била фонтаном, заливая не успевших отскочить зориев и ординаров. Кто-то тихо ахнул. Робер покосился на Альдо: сюзерен стоял, сжав губы и глядя прямо перед собой, словно ничего не случилось. Так вышло, что они с Айнсмеллером оглянулись одновременно, лицо красавца-вешателя было вдохновенным, словно у менестреля или художника, тонкие ноздри раздувались, глаза блестели.

– Ваше Величество, – цивилинный комендант часто и неровно дышал, – прикажете продолжать?

– Продолжайте!

Треснул витой штырь, погнутая плоская корона отвалилась от виноградной плети и со звоном упала по ту сторону изувеченной ограды. Из правой створки выбили вензель, левая оказалась крепче. Рабочие старались, как могли, бронзовые ветви гнулись, принимали еще более причудливые очертания, но не ломались. Сладковатый гнилостный запах становился все сильнее. Странно, ведь опрокинули лишь одну вазу.

Дуглас Темплтон зажал рот рукой и начал проталкиваться к выходу, его примеру последовал старик-кавалерист. Свет факелов больше не казался золотым, багровые отблески сплетались с ядовитой трясинной зеленью, кровь на полу смешалась с талой водой.

– Прошу отойти назад, – провозгласил Айнсмеллер, но остался стоять, где стоял. Так же, как Альдо, Ричард, Придд. Рабочие навалились на изувеченную решетку, кованые, зияющие дырами створки отпрянули в обвивающий стены полумрак.

Первым в алтарную часть шагнул Айнсмеллер, постоял у разбитых врат, махнул рукой.

Шестеро здоровяков с веревками и ломами устремились к белой, выступающей над полом плите. Камень ответил железу глухим рычанием – внизу, под плитой, была пустота. Что-то треснуло, словно фыркнула невидимая лошадь. Ломы долбили стонущий мрамор с упорством вцепившихся в алатского вепря гончаков. Лэйе Астрапэ, когда все это кончится?!

Белый камень сопротивлялся отчаянно, Айнсмеллер дважды менял каменщиков. Альдо начал переступать с ноги на ногу, устал. Это послужило сигналом. Замершая толпа принялась осторожно разминать плечи, поправлять шляпы, плащи, перчатки. Левий с Матильдой – молодцы, что не приехали, или Альдо их не звал? С принцессы случилось бы заорать на внука и Айнсмеллера и потребовать остановить разгром.

Рабочим наконец удалось долбить дыры, достаточные для того, чтоб поддеть плиту ломом. Медленно, очень медленно алвасетский мрамор покидал насиженное место. Наконец плита стала дыбом и с грохотом обрушилась на алтарные врата, дробя остатки стекла и сминая серебро и бронзу. Открылся прямоугольный провал, в который уходила белая лестница.

Альдо поправил шпагу:

– Герцог Окделл, герцог Эпинэ, за мной.

Странное дело, но Робер ступил на засыпанные каменным крошевом ступени почти с радостью. Его тянуло вниз, в глубину, подальше от залитой зеленой гнилью церкви. Впереди с факелами в руках шли четверо черных гимнетов, за ними – Альдо и Ричард, впрочем, Иноходец позабыл о сюзерене, едва глянув на стену, где, придерживая тонкой, унизированной браслетами рукой синюю тунику, спускалась молодая женщина с иссиня-черными волосами.

Она шла чуть впереди, так что не было видно лица, только белая гибкая шея и поднятые вверх волосы. Фигура раз за разом повторялась, одинаковая и вместе с тем разная, словно десятки раз замершая на ходу. Женщина была босой, на одних фресках можно было рассмотреть узкую ступню, на других она нащупывала следующую ступеньку, а под ногами у нее были лилии, ворох белых лилий, на которых проступала кровь.

– Потрясающе, – прошептал идущий сзади Удо, и Робер споткнулся от неожиданности. Выходит, черноволосую путницу видит не только он?

Это не морок, не бред, а фреска, созданная руками и сердцем смертного...

4

Лестница кончилась дверью, открывшейся от первого же толчка. Факелы гимнетов высветили прямоугольный, облицованный белым мрамором зал, круглый каменный колодец посредине и две гробницы у стен. Его и Ее. Молодая женщина словно бы спала, подложив одну руку под голову, а другую свесив с узкого ложа. В ногах королевы сидел человек в короне на коротко стриженных волосах и смотрел на спящую жену. Вторая гробница была совсем простой.

Сквозняк играл огненными языками, пляска света и тени оживляла причудливые настенные барельефы. Казалось, плачущие среди тростников змеехвостые девы шевелятся.

– Какая егесь, – прошептал незнакомый Ричарду вельможа, отчего-то одетый в цвета Карлионов, – отвгательно...

– Главное, неудобно, – не очень уверенно откликнулся барон Нарди. – У женщины должны быть ноги.

– Это найери, – услышав голос Придда, Ричард вздрогнул, – дочери Волн и Полудня. Этим скульптурам не меньше тысячи лет.

– Я же говорил, что это егесь, – обрадовался незнакомец. – Эспегатизм положил конец этой непгистости, но бастагд впал в мегзость идолопоклонства...

– В прибрежных деревнях люди все еще слышат плач найери, – задумчиво произнес Удо, – в нем нет зла...

Борн сам не понимает, насколько он прав. Древние силы не зло, а величайшее благо, они хранили Талигойю тысячелетиями. Эрнани предал древних богов – и великая империя

погибла.

– Гаф, – картавый сделал попытку взять Удо под руку, – не будьте суевегным, как какой-нибудь беггег.

– Помолчите, Карлион, – прикрикнул Альдо. – Айнсмеллер, здесь понадобятся рычаги.

– Ваше Величество, сейчас будут. За ними уже послано.

– Хорошо.

Карлион? Сюзерен ошибся, Ричард прекрасно знал барона Карлиона, приходящегося юноше двоюродным дядей, а вот картавого нахала видел впервые. Откуда он?

– Герцог Окделл, вы мне нужны.

Ричард бросился к Альдо, стоящему над гробницей узурпатора. На мраморе было высечено одно-единственное слово: «Франциск». И все. Ни герба, ни девиза, ни хотя бы фамилии.

– Это больше, чем наглость, – глаза сюзерена сузились, – но меньше, чем величие. Ломайте.

То ли рабочие правильно взялись за дело, то ли надгробие было легче верхней плиты, но потребовалось всего несколько минут, и крышка с грохотом свалилась на мраморный пол, обнажив полуистлевшее знамя, на котором лежали меч и шлем. Альдо приподнял бровь, и Айнсмеллер отбросил старое железо и сорвал олларскую тряпку, покрывавшую простой темный гроб.

– Открывайте.

Несколько ударов – и казавшаяся незыблемой крышка распалась на несколько обломков. Альдо, железной хваткой стиснув плечо Дика, подался вперед. Юноша потянулся за сюзереном и перевел дух одновременно с облегчением и разочарованием. От марагонца остался лишь прикрытый блеклыми тряпками костяк. Ричард видел золотую цепь, какие-то пряжки, остатки волос, и все... Нет, не все, под правой рукой сквозь бурую, жирную пыль что-то блестело.

– Он в самом деле был ранен в лицо, – Альдо указал на череп. Ричард пригляделся и увидел на челюсти какие-то борозды и наросты.

– Ваше Величество, – Айнсмеллер смотрел на замеченный Диком предмет, – шкатулка!

– Действительно, – согласился сюзерен. – Любопытно, с чем узурпатор не мог расстаться даже после смерти?

Цивильный комендант потянулся к вещице, но Дикон его опередил, выхватив из-под мертвой руки нечто, оказавшееся плоским лаковым футляром. Лишившаяся опоры кисть с пыльным шорохом отвалилась от костяка.

– Благодарю, герцог, – улыбнулся Альдо, – сохраните эту вещицу, ею мы займемся позже.

5

То, что некогда было Франциском, бросили в грубый холщовый мешок. Туда же отправились шлем, меч и расползшееся под руками Айнсмеллера знамя. Эории и ординары великой Талигойи толпились вокруг опустевшей гробницы, норовя то ли заглянуть внутрь, то ли попасться на глаза Альдо. Перед глазами Робера маячила спина Кавендиша, пытавшегося отеснить Берхайма, а сбоку картавил и хихикал Карлион и хмурил брови Ванаг. Ызарги доползли до Оллари и занялись любимым делом, а именно пожиранием трупов.

Эпинэ отвернулся: если б не Айрис, Наль и Ворон, он бы не выдержал, ушел вслед за Дугласом, который может позволить себе хлопнуть дверью. Хорошо быть свободным от всего и от всех, но от полной свободы до смерти меньше шага.

Что-то громко сказал и первым захохотал над собственной шуткой Ванаг, и Робер торопливо отвернулся к колодцу. Первый маршал Талигойи подозвал гимнета, и тот опустил факел вниз. Маслянисто блеснула темная вода, а потом Роберу рядом с собственным

отражением почудилось чужое лицо, обрамленное черными локонами. Иноходец вскинул голову и едва не закричал – со свода в колодец смотрела ТА САМАЯ женщина.

Если фрески на лестнице восхищали своей тонкостью и соразмерностью, то эта казалась живой, и как же она походила на герцога Алва, только в широко распахнутых синих глазах не было ни злости, ни вызова. Только обреченность.

– Гегцог Эпинэ, – стоило спастись от чудовищ и промчаться лунной дорогой, чтобы вновь услышать Карлиона, – где же вы?

У женщины на потолке те же темные, обметанные болью губы, что и у Ворона. Неужели и эта фреска видна всем?

– Эпинэ, вы нам нужны. – Альдо! Надо идти и смотреть. Лэйе Астратэ, есть вещи, которые нельзя вынести, но не вынести нельзя еще больше. Иноходец поправил перевязь и улынулся.

– Вы заметили, какой тут колодец? Я даже растерялся.

– Надо будет взглянуть, – кивнул Альдо. – Айнсмеллер, я жду!

...Кипарисовый гроб Октавии был отделан пластинами слоновой кости, которые украшали тончайшие гравировки. На крышке чудом уцелел букет иссохших лилий. Нет, не уцелел, прозрачные лепестки посерели, съежились, рассыпавшись серебристой пылью, но морисский кипарис пережил века и был по-прежнему крепок. Рабочие подняли тяжелую крышку с трудом. Взметнулся клуб благовонной пыли; пряный, горький аромат кружил голову, заставляя отступать. Кто-то задыхался, кто-то оглушительно кашлял, сбоку от Робера раздался шум – Арчибальд Берхайд потерял сознание и рухнул прямо на каменный пол.

Гибкие лозы оплетают невысокую стену. Перистые бархатистые листья, багряные, словно старое вино, соцветия. Жара наполнена звоном цикад и дальним ржаньем. Вечером нужно ждать бури, но сейчас тихо, слишком тихо.

– Ты спрашивал, – смеется Тэргеллах, – вот она. Жизнь после смерти, смерть после жизни.

– Красота не может быть смертью, – будь что будет, он тронет дрожащие лепестки, – они слишком похожи на алые рои, чтоб быть цветами.

– Пока они живы, они безопасны, – рука мориска касается цветочной грозди, – они защищают свою жизнь своей же смертью...

– Уходите! – услышал собственный голос Робер. – Это понсонья... Ею нельзя долго дышать.

Откуда он это знает? Неважно, главное, знает.

– Это яд? – взвизгивает кто-то, кажется, Ванаг. – Яд?

– Яд, – подтверждает Спрут. – Мориски пользуются цветами понсоньи при бальзамировании. Запах держится несколько дней.

– Выходите, – бросает сюзерен. – Быстрее!

– Мой король, – конечно же, это Ричард, – я не уйду раньше вас.

– Уйдешь, – глаза Альдо побелели, – это приказ!

Первым на лестнице оказался Кавендиш, кто был вторым, Робер не заметил. Голова кружилась, волосы трепал горький ветер, били в землю рогатые молнии, и неся, неся к черной башне золотой осенний жеребец.

– Робер! – Альдо? Чего ему надо? – Идем, все уже наверху.

– Как скажешь, – кивнул Робер, поднимая глаза. Синеглазая путница исчезла. На потолке проступали темные пятна, напоминавшие грубо намалеванную пегую лошадь.

– Закатные твари. – Сюзерен обо что-то споткнулся и отбросил помеху с дороги. Глухо звякнуло, Робер зачем-то оглянулся. На потускневшем мраморе валялась ржавая подкова.

Глава 8

Хексберг и Моннуар

399 года К.С. 11-й день Осенних Молний

– Жить можно только в море, – объявил Ротгер Вальдес и поправил шляпу. – Воистину моим полупредкам есть за что ненавидеть дриков.

Вдоволь нарыскавшаяся по заливу «Астэра» возвращалась в Хексберг. За кормой бушевал закат. Солнце наполовину ушло за горизонт, зато оставшаяся половина разрослась чуть ли не вдвое. Тревожный багряный свет превращал колышущуюся воду то ли в вино, то ли в кровь.

– *«помянешь ли брата на заре кровавой...»* – неожиданно пробормотал Луиджи, не в силах оторваться от раскаленного горизонта.

– Есть такая песня, – кивнул Вальдес. – Будь я в большей степени мари́кьяре, а еще лучше – кэналлийцем, я бы ее пел. Если б у меня был слух.

На закате нельзя загадывать о будущем, на закате нельзя никому верить, в закат нельзя смотреть. Раньше это казалось Луиджи глупостью, но умирающее солнце заливает душу кровью...

– Ротгер, – уходящий в море алый диск одновременно тянул и отталкивал, – почему на талигойском флоте столько мари́кьяре?

– Они рождаются моряками, причем драчливыми, – сообщил вице-адмирал, – куда еще их девать? Да и дрикс среди мари́кьяре все равно что корова в табуне. Не затесаться! Приходится издали глядеть. Ты не представляешь, сколько здесь рыбаков и торговцев осенью крутилось. Один аж в военную гавань с дыркой в борту заполз. Кэцхен⁴¹ его, видите ли, трепанула, морду гусиную... Много чести!

– Значит, мои офицеры по кабакам не зря болтаются, – попытался улыбнуться Джильди. – Варотти – тот уже сам поверил, что видел Альмейду на Мари́кьяре.

– Вот и молодец, – одобрил Вальдес, его лицо стало вдохновенным. – Ты только представь. Вот негоциант, добрый, славный человек, возвращается в Метхенберг, целует жену и двух румяных детишек, мальчика и девочку. Возможно, даже близнецов... Он надевает новые башмаки, преклоняет колени перед Создателем и отправляется к господину адмиралу цур зее. А возможно, к господину вице-адмиралу Бермессеру или господину генералу Хохвенде. Доброго негоцианта проводят в кабинет, и он, волнуясь, пересказывает слова своего фельпского собутыльника. Альмейда зимует на Мари́кьяре, в Хексберг только Бешеный, то есть я, но эскадра будет драться.

Гарнизон будет драться. Горожане и те будут драться. Мы понимаем, как тяжело нам придется, но мы не отдадим родной земли, то есть воды, даже если придется в нее лечь. Пусть нас мало, но мы не отступим!

Наш добрый негоциант слышал все своими ушами и видел своими глазами. Как ты думаешь, после такого дри́ксы станут лазить по кустам в поисках собаки или сразу шмыгнут в курятник?

– Шмыгнут, – решил Луиджи и спросил то, что давно собирался: – Хоть ты мне скажи, как «гусей» правильно называть, дри́ксы или дри́ксенцы?

– Для талигойцев они дри́ксенцы, то бишь подданные кесаря, – если Вальдес и удивился вопросу, то вида не показал, – а для бергеров и иже с ними – дри́ксы. Это больше, чем вражда... Куда там эсператистам и оллариянцам!

– Почему? – солнце все еще не желало заходить. Наоборот, оно словно бы приподнялось и стало еще больше. – Что они не поделили?

– Был бы здесь мой родственник Вейзель или, того страшнее, моя тетушка, – Вальдес сделал большие глаза, и фельпец не выдержал, хихикнул, – ты бы погиб под обрушенными

⁴¹ Кэцхен – хексбергское название неожиданного, короткого шквала, возникающего в окрестностях хексбергского залива. Чаще всего кэцхен возникают в полнолуние, наибольшей силы достигают вблизи Весеннего Излома. Местное суеверие связывает кэцхен с якобы обитающими на горе Хексберг ведьмами.

на твою голову «гусиными» прегрешениями. Бергеры не забывают ничего. Это у южан месть на клинке: смыл и забыл, у северян она – в костях. Не вытащишь.

– Расскажешь? – Это не первый закат, который он видит и не последний, почему же так тошно?

– Ну, держись. – Пусть болтает о чем угодно, потому что нет ничего страшней молчания и красно-черной бездны. – Да будет тебе известно, что дриксы, гаунау и бергеры в Золотых землях – чужаки. Обитали они раньше за Полночным морем, вариты – в Седых землях, агмы – на острове Агмарен. Вариты и агмы были родичами, но не очень ладили.

Мой дорогой дядюшка Вейзель меня укусит, несмотря на всю свою кротость, только сдается мне, что островитяне портили кровь варитам не хуже, чем марикьярские корсары обитателям побережья. Увы, агмам не повезло. На остров навалились льды, пришлось уходить на юг.

Бедняги решили перебраться к варитам, но налетать, грабить и убегать совсем не то, что прийти и поселиться. Их не пустили и изрядно потрепали. Агмы двинулись дальше, через море, которое тоже оказалось не в духе. До Золотых земель добралась едва ли половина тех, кто бежал от варитов, и едва ли четверть ушедших с Агмарена. Злиться на стихии в те времена было неприлично, винить в своих бедах себя – неприятно. Вот агмы и решили, что во всем виноваты вариты, которых и проклинали по всем правилам демонопочитания.

– Предки дриксенцев и гаунау приняли эсператизм, а бергеры остались язычниками, – припомнил Луиджи полузабытые уроки, – если я ничего не путаю.

– Они могли принять что угодно, – вздохнул Вальдес, – ненавидеть друг друга им Зверь и тот не помешает.

Солнце стало еще краснее, к нему по остекленевшему морю тянулась винная тропа... Только кэналлиец мог глядеть в *такое* небо с улыбкой.

– Странно, что агмы не остались на побережье. – Луиджи принуждал себя спрашивать, но заставлял ли себя Ротгер отвечать?

– Они хотели. – Черно-красные волны медленно вздымались, начинался прилив. – Агмы бросили якорь в нынешнем Флавионе. Грабить там было некого, пришлось заняться охотой и, страшно подумать, земледелием, но травку они кушали недолго. В Седых Землях снова похолодало, и теперь за море потянулись уже вариты. При виде обретенных родичей агмы воспряли, перековали плуги на мечи, и началось...

Ротгер махнул рукой и засмеялся. Через несколько дней он выйдет с двумя десятками кораблей против шестидесяти.

– А что было дальше? – на закате не говорят о своей войне, своей любви, своих детях.

– Сначала побеждали агмы, но вариты все прибывали. Будущим бергерам пришлось отступить, сперва в нынешнюю Восточную Дриксен, а потом в Торку, где и засели. Лет через сто они совсем отреклись от моря, что лишь укрепило их любовь к родичам.

– Но корабль на гербе у них остался.

– Корабль еще не самое худшее, – в глазах Вальдеса плясали рыжие отблески, словно вице-адмирал глядел в огонь. – Бергеры чудовищно добродетельны. Взять хотя бы моего дядюшку. Представляешь, он ни разу, повторяю, ни разу не изменил тетушке. По крайней мере, он так полагает.

– То есть? – не понял Луиджи, пытаясь не думать о красном солнце, которое, казалось, раздумало садиться.

– Ну, – сощурился Кэналлиец, – бывают обстоятельства, в которых добродетель, сама о том не подозревая, попадает в лапки к пороку...

– Ротгер, – не выдержал Луиджи, – тебе не кажется, что солнце стало выше?

– Что? – Вальдес обернулся на красное пятно. – Точно, пляшет! Здесь это случается, особенно перед войной...

Пока адуаны разбирали вьюки, ставили палатки, отгоняли лошадей, стемнело, лишь на юго-западе дрожало малиновое зарево, над которым сквозь вечернюю синеву начинали проступать звезды. Пока лишь самые яркие.

Ночь обещала быть ясной и холодной, последняя ночь их отряда. Завтра Коннер свернет к гайифскому тракту, через два дня предстоит разлука с Бадилю. Полковник перережет алатскую дорогу, если, разумеется, этого не сделала каделская армия. В последнее верилось с трудом. Господин генерал от инфантерии Заль по собственному почину даже штаны не менял. Так, по крайней мере, утверждал Дьегаррон, и Марсель Валме не имел никаких оснований усомниться в его словах.

Виконт пару раз нагнулся назад, разминая затекшую спину, и погладил вынырнувшего из сумерек Котика. Волкодав зевнул во всю крокодилью пасть, развалился у ног виконта и часто задышал. Вечер был не из теплых, но в такой шубе можно и на земле поваляться.

– Надо же, – Орельен Шеманталь поудобней перехватил какую-то сумку, – Котик ради вас кашеваров и тех бросил.

Виконт скромно улыбнулся и потрепал пса за обрубленным ухом. Вполне вероятно, блохастым, но в последнее время Валме стал терпим ко многим несообразностям. А ко многим – нетерпим.

– Что значит какая-то каша в сравнении с дружбой, – возмутился Марсель, – особенно несварившаяся.

– Вот-вот, – младший брат адуанского генерала был не дурак поболтать. – Только вы, сударь, все одно слово песье знаете.

Собаки Марселя и впрямь любили, даже левретка Марианны, обожавшая хватать за ляжки поклонников хозяйки. Собачьей причуде Валме и был обязан своим успехом у прелестной баронессы. Предыдущий покровитель Марианны во время визита в спальню красавицы пострадал от зубок Эвро и потребовал изгнания злодейки. Баронесса горестно вздохнула и изгнала любовника. В тот же вечер Марселя навестил господин Капуль-Гизайль и передал приглашение, каковое было немедленно принято. Позже Марианна говорила, что милая Эвро не пощадила зубок ради счастья госпожи.

– Я не знаю собачьего слова, – с достоинством произнес Валме, – просто я обаятелен и галантен.

Шеманталь прыснул и исчез. Надо полагать, побежал делиться. За семь дней пути адуаны возлюбили салонные разговоры, но иной любовью, нежели благородные дамы. Стоило Марселю произнести нечто куртуазное, раздавалось счастливое ржанье, а новенькое словцо передавалось из уст в уста. Валме, как мог, радовал новых приятелей, но запас утонченностей таял не по дням, а по часам.

– Эй, – заорали от костров, – поспевает!

Котик насторожился и вскочил с громким, растерянным лаем, перешедшим в вой. Алая полоса рванула вверх, разворачиваясь, словно багровое знамя, и уперлась в слизнувшую звезды облачную грядку.

– Вот она! – выкрикнул Шеманталь. – Вот!

Самозабвенно взвыл Лово, налетевший с востока ветер взбудоражил мертвую траву, понесся дальше, туда, где на багровом бархате чернела зубчатая башня, над вершиной которой висел алый диск.

– Жабу их соловей, – полковник Коннер ухватил за ошейник своего волкодава. – Третий раз! Может, хватит...

– Она все-таки есть, – пробормотал Валме, разглядывая выросшую в холмах сказку, над которой кружилось воронье.

– А то, – откликнулся Коннер, – нет, ну третий же раз!

– Придержи Котика, – Марсель пихнул скулящую псину Шеманталю, – я сейчас!

За ногу зацепилась какая-то петля, глупая зверюга вырвалась и побежала следом, запахло горелым. Если это мираж, труба ничего не изменит, а если нет? Труба, на удивление,

оказалась в первой же сумке. Марсель припал к окуляру и едва не завопил. Башня стала ближе, она не дрожала, не расплывалась, а на верхней площадке меж потрепанных непогодой зубцов кто-то стоял. Валме видел четкий, стройный силуэт, без сомнения, мужской.

Человек – хозяин? узник? страж? – поднес руку ко лбу, вглядываясь вдаль. Что можно разглядеть в закатном пламени? Небо прочертили длинные крылья, хищная птица опустилась на каменный зубец и замерла. Незнакомец тряхнул головой и отступил в глубь площадки, слился с темнотой...

– Валме, – Бадильо вынул из рук Марселя трубу. – Позвольте мне!

– Прошу вас, – вежливо ответил язык виконта, – тем более она ваша.

Башня вновь стала далеким черным столбом с резной верхушкой. Если ее можно разглядеть, то до нее можно доскакать, только есть ли у нее дверь? Добраться до цели и не смочь войти – что может быть обидней?

– Не к добру это, – сказал кто-то грубый и встревоженный, – как есть не к добру!

– Ой, матушки, красота-то какая!

– Не бойсь, продеремся.

– А куда деваться-то...

Черная стая над башней бестолково заметалась, прошивая небо корявыми стежками. Алый диск задрожал, побежали неистовые сполохи. Багряное, оранжевое, желтое... Обезумевшим изумрудом вспыхнула незнакомая звезда, вздрогнула, покатила вниз. Небо расцвело чистой весенней зеленью и погасло, лишь взметнулся вверх рыже-красный фонтан, опал, растекся по горизонту... Башня исчезла, остались ночь и ветер.

– Полковник, – покаянно вздохнул Марсель, – прошу меня простить. Я залез в ваши выюки.

– Ерунда, – отмахнулся Бадильо. – Вы видели наверху человека?

– Видел, – кивнул Марсель. Красный пояс сужался, таял, а над ним лучился одинокий Фульгат... Какой же он сегодня яркий!

3

Солнце наконец зашло. Там, где оно исчезло, клубилось остывающее облачко. Сумерки из алых становились лиловыми, только у входа в залив, разделяя небо и море, тянулась красная полоса. На ее фоне чернели силуэты сторожевых фрегатов.

– Ты, наверное, счел меня суеверным, – негромко произнес Луиджи, – но я едва не рехнулся, пока оно не село.

– Нет, – не согласился Вальдес, – ты рехнулся. Ни один человек в здравом уме не станет слушать про варитов и агмов, если он, конечно, не бергер. Но день и вправду был дурной.

– Ты о чем? – Красное небо больше не держало за глотку, можно было думать, слышать, слушать.

– Я родился в Хексберг, – Вальдес посторонился, давая дорогу матросу с фонарем, – да еще на Весенний Излом. Здешние ведьмы меня любят, а я их... Они хорошие девочки, наши ведьмы, если их баловать, но сегодня им было плохо.

– Теперь сошел с ума ты? – предположил фельпец. Проснувшийся ветер наполнял паруса «Астэры», берега и горизонт исчезли, остались только звезды и прибрежные огни.

– Я здоров, – с достоинством произнес Ротгер. – При случае спроси моего друга Вернера или моего дядюшку Вейзеля, они подтвердят. Просто я все время забываю, что ты из добродетельного Фельпа, где никогда ничего не происходит.

Горящие галеры, мертвая девушка на черных досках, плачущая красавица на белом коне, шербатое, хихикающее чудовище, люди, вообразившие себя крысами...

– Да, – согласился Луиджи Джильди, – в Фельпе ничего не происходит. Так что случилось с вашими ведьмами?

– Ты смотрел в закат, а надо было смотреть на Хексберг.
– Ее же не было видно, – припомнил Луиджи.
– Именно. Когда вершина в тумане и в заливе стихает ветер, ведьмы плачут. А плачут они редко. Только к нашей войне это не относится. Я бы советовал вам с Рангони утром прогуляться. Дорогу ты теперь знаешь.
– Думаешь, уже завтра?
– Не завтра, нет. – Вальдес вскинул голову, словно принохиваясь. – Завтра шван не утихнет, и послезавтра тоже... Но вам нужно привыкнуть к Энтенизель, а Энтенизель к вам.

Глава 9

Ракана (б. Оллария)

399 года К.С. 12-й день Осенних Молний

1

Ричард Окделл неотрывно смотрел на гайифскую шкатулку, больше трех веков пролежавшую под рукой мертвого узурпатора, и не верил своим глазам. Кто бы ни был расписавший ее художник, он видел тот же призрак, что и Ричард. Высокие травы гнулись под порывами стихшего сотни лет назад ветра, рвался к красному круглому солнцу черный, зубчатый столб, а над ним кружили птицы, злые и тревожные, как сам закат.

Тайна блуждающей башни вряд ли будет разгадана, а что скрывает шкатулка Франциска... или не Франциска? Юноша провел указательным пальцем по багровой лаковой поверхности. Чьи руки ее держали? Жалкого Октавия, вешателя Рамиро? Или ее спрятал кто-то третий, решивший, что склеп узурпатора – надежный тайник? На кого он рассчитывал? На Раканов, что рано или поздно сметут с талигойского стола олларскую грязь? Или неизвестный талигоец собирался вернуться за своим сокровищем, но не смог?

Дикон положил вещицу на стол и глянул в окно. Там была темнота и мокрый, тяжелый снег. Большие, чуть ли не с ноготь снежинки таяли, едва коснувшись стекла. Альдо задерживался, и Ричард вновь устроился в кресле. Вспомнилось, как он сидел и смотрел на другую шкатулку, гадая, что же внутри. Там оказался отцовский кинжал. Рука юноши сама вытащила из ножен клейменный вепрем клинок. Матушка говорила, именно он прервал жизнь Рамиро-Предателя, но отец в это не верил, а Ворон обмолвился, что вебрь – всего лишь клеймо. Дик убрал кинжал, вновь глянул на закатную шкатулку и, вспомнив, как гайифские мастера защищали секреты заказчиков, похолодел от ужаса.

Ящичек почти наверняка отравлен, Альдо не должен его открывать! Но попробуй объясни это сюзерену, который не боится никого и ничего.

Мысль вызвать слугу или солдата юноша отверг сразу. Если в шкатулке хранится что-то действительно важное, о его существовании не должен знать никто. Оставалось одно – рискнуть самому. Ричард бережно взял изящную коробочку, оглядел со всех сторон, сердце бешено забилося, но смерть герцога Окделла не такое бедствие, как гибель последнего Ракана, и потом, все еще может обойтись. Если не открывать замок, а поддеть кинжалом крепящие крышку петли.

На всякий случай Дикон обмакнул перо в чернила и торопливо написал: *«Ваше Величество! Гайифские футляры часто бывают отравлены. Талигойя не может рисковать вами, поэтому я открою шкатулку сам. Если я буду мертв, это значит, что в ней был яд.»*

Верный вам Ричард Окделл.

Создатель, храни Альдо Ракана!»

Больше ждать было нечего, Альдо мог войти в любое мгновение. Войти и сделать по-своему. Ричард взял отцовский клинок и просунул острие туда, где крышка крепилась к футляру. Петли были сделаны на совесть, но устоять против натиска Повелителя Скал не

смогли. Крышка отлетела с удивленным звоном, и в тот же миг из замка вылетела тоненькая бурая игла. В шкатулке и впрямь спала смерть, но Ричард Окделл ее обманул.

Дикон обернул руку плащом, ухватил опасную вещицу и вытряхнул содержимое. На холтийский ковер вывалились два украшенных печатями документа. На одном красовался Победитель Дракона, на другом расправляло крылья странное создание с конской головой на змеиной шее. Завещание Эрнани все-таки существовало!

2

«Я, Эрнани из рода Раканов, король талигойский, готовясь предстать перед Первым судом, сим завещанием объявляю свою последнюю волю.

Исполнителями оной воли назначаю герцога кэналлийского Рамиро Алва и Повелителя Молний герцога Эпинэ. Оба они осведомлены о том, что им завещано свершить, и поклялись исполнить завещанное. Я же принимаю на себя всю ответственность и все грехи, кои свершат мои душеприказчики, исполняя мои распоряжения.

Внешние враги и внутренние недуги подточили Талигойю, и время ее истекло. Принц Эркюль слишком мал, чтобы провести умирающее королевство через Излом. Я не вижу в нем качеств, которые позволили бы ему возродить Талигойю и защитить ее от посягательств подстрекаемых Агарисом Гайифы, Уэрты и северных королевств.

Посему я, Эрнани Одиннадцатый Ракан, перед лицом Создателя и близкой смерти по доброй воле отрекаюсь от талигойской короны за себя, принца Эркюля и его потомство. Я назначаю герцога Алва местоблюстителем трона и вручаю ему свою корону с тем, чтобы он отдал ее Франциску Оллару. Если же Рамиро сочтет, что означенный Франциск не принес Талигойе мира и процветания, я повелеваю Рамиро кэналлийскому свергнуть его и принять корону самому. В знак права Рамиро моим именем сместить недостойного правителя я завещаю ему меч Раканов и повелеваю и молю не вкладывать его в ножны, пока моей земле грозит опасность. Если же герцог Алва погибнет, обязанности местоблюстителя перейдут к герцогу Эпинэ.

Я давно и тяжело болен, моя жизнь лишь отягчит смену династий, но мой дух слаб, и я не могу убить себя сталью, а принять смерть от яда недостойно мужчины и короля. Я прошу герцога Эпинэ о последней услуге, кою друг и верный вассал может оказать умирающему сюзерену. В моей исповеди, которую я вручу герцогу Эпинэ для передачи епископу Кабитэлскому Ариану, я каюсь в грехе самоубийства и принимаю его тяжесть на свою душу.

Я прошу герцога Эпинэ, герцога Алва и Преосвященного Ариана держать подлинные обстоятельства моей смерти в тайне, дабы не легли они тяжким грузом на плечи принца Эркюля, королевы Блани и всех, кто любил меня.

Герцог Придд силой и хитростью принудил своего короля вручить ему регентство, что является величайшим преступлением против короны и Создателя и карается смертью. Я завещаю герцогу Алва или же герцогу Эпинэ покарать преступника, но оградить от позора его семейство.

Во всем же остальном полагаюсь на честь, силу и разум моих душеприказчиков.

Создатель, храни Талигойю и ее нового короля.

Эрнани Ракан.

2 день Осеннего Ветра 399 года первого круга Молний».

Ричард перечитал завещание четырежды и лишь после этого положил бумагу на стол. За окном по-прежнему шел снег и мерзли часовые, а мир перевернулся. Потому что не было ни предательства, ни убийства. Эрнани Ракан сам, своими руками отдал корону Франциску Оллару.

Святой Алан, выходит, Альдо не король? Ведь Эрнани отрекся не только за себя, но и за сына, и за его наследников. И все из-за Придда! Если б не предательство Эктора, король

не утратил бы последнего мужества. Вот кто истинный виновник! Маршал, поднявший руку на своего сюзерена. Эпинэ с Алвой просто выполнили приказ Эрнани. А герцог Окделл? За кого он погиб?! За уставшего жить труса, у которого не хватило мужества даже на последний удар.

Сюзерен был прав, когда говорил об одном Эрнани, но он не знал, что и второй его предок был слаб и болен не только и не столько телом. Пусть кэналлиец не предал короля, а выполнил его приказ, это ничего не меняет. Измена все равно была, как и подвиг. Измена Придда и подвиг тех, кто спасал Талигойю вопреки воле обезумевшего сюзерена. Спасал и погиб.

Чтобы хоть как-то прийти в себя, юноша взялся за второй документ. Он был совсем коротким.

«Я, Франциск Оллар, милостью и волей святого Адриана король Талига, объявляю свою последнюю волю.

Я полон любви к своему единственному сыну Октавию, но сердце короля принадлежит его стране. Октавий вырос достойным и добрым человеком, но он не способен принять на себя бремя власти. Я, как глава церкви и как король, называю имя своего наследника.

Это герцог Рамиро Алва-младший, сын моей возлюбленной супруги Октавии и моего незабвенного друга Рамиро Алва, отдавшего жизнь за короля и Талиг.

Я не сомневаюсь в любви Рамиро к своему единоутробному брату и с легкостью доверяю ему заботу об Октавии и его потомстве.

Подписано Франциск.

Восьмой день месяца Сапфира 21 года круга Скал.

3

– Дикон, – рука Альдо легла на плечо Ричарда, – чем ты тут занят?

– Вот, – Ричард молча указал сюзерену на стол с письмами. Сил говорить у него не было.

Как назло, Альдо первой схватил записку самого Дика, которую растерявшийся от свалившихся на него откровений юноша забыл разорвать. Альдо присвистнул, сорвал с шеи золотую с опалами цепь и надел на Ричарда.

– Это орден Найери. Я собирался объявить о его учреждении в день коронации, но ты меня поторопил.

– Ваше Ве...

– Альдо, – перебил Ракан. – Орден Найери – орден тех, для кого жизнь сюзерена дороже собственной. Кавалеры Найери получают привилегию называть своего короля по имени. Везде и всюду. Ты это заслужил.

– Я... – Ричарду показалось, что нужно что-то объяснить. – Альдо, оттуда и вправду выскочила иголка...

– Слава истинным богам, с тобой ничего не случилось, – сюзерен нахмурился, – ты мне нужен живым и здоровым, понял?! Так что следующий раз шкатулки будут открывать те, кто доказывает свою преданность в приемной, а не на поле боя. Хоть какой-то толк от них будет. А ну, покажись!

Ричард с готовностью вскочил. Он был горд наградой и немного стеснялся. Если б не завещание, это было бы счастьем.

– Отлично, – одобрил Альдо Ракан, – ювелир и впрямь мастер своего дела. Представляешь, я шел и думал, за какие заслуги и кому вручать эту красоту, а тут – ты со своим ядом! Это судьба. Бери перо, будем устав сочинять. Пиши: *«Мы, Альдо Ракан, сегодня, в одиннадцатый день месяца Осенних...»* тьфу ты, пока я с Матильдой ругался, сегодня уже завтра стало. Значит, *«...в двенадцатый день Осенних Молний»*...

– Альдо, – нерешительно произнес Ричард, понимая, что сейчас прогонит чужую радость и покой, – Альдо, здесь завещания... Узурпатор и Эрнани, оказывается... Ну, то есть

узурпатор никакой не узурпатор!

– А ну, дай, – лицо Альдо посуровело, – посмотрим, что мой предок намудрил.

Альдо читал, Ричард ждал, заставив себя отвернуться. Как страшно узнать, что запертое в Багерлее жирное ничтожество на самом деле – законный король, а ты всего лишь потомок добровольно отрекшегося калеки... Что же теперь будет? Отыграть назад невозможно! Пусть Оллары были законными королями, это не умаляет крови, пролитой за свободу и Честь.

– Робер не должен об этом знать, – Альдо с ненавистью бросил на стол исписанные листы, – и уж тем более об этом не должен знать Левий. Ты меня понял?

Дикон кивнул. Ну почему хорошие мысли вечно опаздывают? Нужно было сжечь проклятые бумаги. Обе!

Альдо Ракан двумя пальцами взял последнюю волю Оллара и швырнул в камин.

– Не нужно превращать Рокэ Алву в короля, – лицо Ракана стало жестким, – пусть и в глазах оллариианского отребья.

– А, – Ричард замялся, подбирая слова, – второе... Оно ведь еще хуже.

– Хуже, – подтвердил сюзерен, – но любой яд может обернуться противоядием. Разрубленный Змей, какая же подлость!

– Ты о чем? – спросил Дик, понимая, что Альдо нужно выговориться. Не таскать же всю ярость и всю боль в себе.

– Не о чем, а о ком, – ноздри Ракана раздувались, – об этой мокрице, зверски убиенном невинном Эрнани! Ненавижу это имя. Оно погубило анаксию, оно погубило королевство! А все только и делают, что причитают. Ах, святой, ах, злодейски зарезанный... Закатные твари, предателем был не Рамиро, а мой свихнувшийся предок!

Эктор был тысячу раз прав, отстранив его от власти, жаль, не довел дела до конца. Короля, который губит свою страну, следует убить. Вместе с подручными.

Ну, допустим, от кэналлийского шада ничего другого ждать и не приходилось, но Повелитель Молний! Пойти на поводу у ничтожества... Впрочем, Эпинэ есть Эпинэ. В бою хороши, но когда нужно думать, толку от них, как от Иноходцев. Четвероногих.

Резко, но справедливо. Шарль поддался на уговоры, а его потомки шли по его следам, пока Гийома не взяла под уздцы Алиса. Своей головы у Эпинэ не было и нет, хотя воевать они и вправду умеют.

– Дикон, – окликнул Альдо, – я на тебя рассчитываю. Запомни, в шкатулке оказалось ожерелье Октавии или что-то в этом роде. Я подыщу что-нибудь подходящее, мы его пожертвуем на бедных, а этой подлости ты не видел. Ты меня понял?

– Конечно!

– Молчать – наш долг. Перед святым Аланом, Гонтом, теми, кого перевешал Рамиро. Перед твоим отцом, наконец. Другое дело, что только Леворукий знает, сколько удастся продержаться это в тайне.

– Я никому не скажу, – даже если будут пытаться, рвать на части, сжигать заживо.

– В тебе я не сомневаюсь, – махнул рукой Альдо, – я другого боюсь. Этот мерзавец написал еще и исповедь, а Шарль Эпинэ передал ее Ариану. Ну а то, что знал Ариан, знал и Франциск, и его «навозники».

– Ваше Величество, – от волнения Ричард забыл и об ордене Найери, и о дарованных ему привилегиях, – а может, никакой исповеди нет?

– Мы перешли на «ты», – устало напомнил сюзерен. – Ты хочешь знать, почему я уверен, что исповедь была?

– Почему?

– Потому что Эркюля не короновали, а Оллары до Сильвестра не пытались уничтожить Раканов. Теперь понял?

– Нет, – признался Дик, которому хотелось схватить проклятую бумагу и сунуть в камин вместе с ядовитой коробкой.

– Если бы Эсператор помазал Эркюля Ракана на царство, Франциск обнарудовал бы

завещание, а Шарль Эпинэ и Ариан подтвердили бы, что оно подлинное. Эркюль и Бланш были бы опозорены и оказались на помойке, потеряв даже то небольшое, что у них оставалось.

– А почему Франциск этого не сделал?

– Потому, что бастард был умен. Есть оружие, которое можно пустить в ход только раз. Лучше дать врагу понять, что оно у тебя, и сохранить его на будущее. Были у Франциска и другие резоны. Обнародовать завещание Эрнани означало поставить Алву выше Олларов.

– Но узурпатор и так все завещал Рамиро.

– Умирая. К тому же тот завещанием не воспользовался, значит, Франциск сумел найти управу и на Воронов. И... Дикон, надеюсь, ты понимаешь, что после этого оставить Рокэ Алву в живых нельзя?

– Потому что он король?

– Нет. И да. По законам Ушедших, воля смертных ничего не решает. Я – король, потому что в моих жилах течет кровь Раканов, а не потому, что кто-то когда-то что-то завещал. Точно так же ты останешься Повелителем Скал, что бы с тобой ни было и где бы ты ни очутился. Придет время, и за нас скажет наша сила, но пока мы еще не в Золотой Анаксии. Нужно считаться и с Агарисом, и с Золотым Договором, поэтому, когда всплывет исповедь Эрнани, а она всплывет, Алва должен быть в Закате. Ты понял?

– Да. – Святой Алан, ну почему Ворон не погиб, прорываясь к эшафоту? Так было бы легче всем.

– Робер проявил то ли благородство, то ли трусость, – казалось, сюзерен читает мысли Ричарда, – но что не сделано, то не сделано, а теперь на наши головы свалился кардинал, который видел Алву в Багерлее. Я не могу запретить Левию навещать узника.

– Но как же...

– Убийство пленника плохо пахнет. – Сюзерен взял в руки закатную шкатулку, посмотрел, поставил на стол. – Если Алва умрет в Багерлее, это объявят убийством. Даже если он прыгнет с башни или подхватит лихорадку.

Дикон, у нас один выход. Суд. Суд эориев, как при Эрнани Святом. Против этого не возразит даже кардинал. Хвала Ушедшим, Ворон натворил столько, что его можно казнить четыре раза, и это будет справедливо.

Часть четвертая «L'Etoile»⁴²

Высшая доблесть и непреодолимая трусость – это крайности, которые встречаются очень редко. Между ними на обширном пространстве располагаются всевозможные оттенки храбрости, такие же разные, как человеческие характеры.

Франсуа де Ларошфуко

Глава 1 Энтенизель

399 года К.С. 15-й день Осенних Молний

⁴² «Звезда» – высший аркан Таро. Символизирует возрождение и обновление, внутренний свет, надежду, спасение, беспечность. Означает прилив творческих сил, вдохновение, неожиданную помощь, новую любовь. Это оптимизм, осуществимые и осуществленные планы, открытие новых горизонтов, исцеление, глубокие и истинные чувства, плодотворные идеи, благие мысли. ПК означает упрямство, неуступчивость, ожесточенность, утраченные шансы, неверие в свои силы, лень, равнодушие, самоуверенность. Предупреждает о возможной духовной слепоте, не позволяющей заметить и использовать открывающиеся возможности.

Золотой тал взмыл вверх осенним листком и упал на серый песок. Берто Салина наклонился над лежащей монетой и возгласил:

– Дракон!

– В этот раз догонять тебе, – Рангони хлопнул Луиджи по плечу, – если, конечно, они рискнут сегодня.

– Не сегодня, так завтра, – утешил увязавшийся за Луиджи на берег Марио Ниччи, – а не завтра, так когда-нибудь.

– Твой друг Вальдес предложил бы пари, – капитан «Черного ворона» поплотней запахнул черный же плащ. – Не вижу, почему б нам не взять с него пример. Десять талов – на сегодня.

– Двадцать – на завтра, – Луиджи повернулся на каблуке, выдавливая в мокром песке ромашку. – Лучше я выкину двадцать монет, чем буду торчать на этих дюнах.

– Принято, – Марио разнял руки капитанов и поежился. – Кошачья погода!

– Ты несправедлив, – укорил абордажника Джильди, – сегодня тише, чем вчера, и море спокойней. На месте «гусей» я б решился. Берто, что скажешь, затишье надолго?

– Рэй Вальдес говорит, дня на три, – откликнулся порученец Альмейды, приставленный к фельпцам в качестве знатока дриксенских кораблей и марикулярских сигналов. – Потом опять задует, ходить будет можно, стрелять – нет. До штормов далеко еще.

– Кавиоты⁴³ рыбачат, – Джузеппе проводил глазами сварливо вопящую птицу, – значит, крепчать не собирается. И чего думают? Погодка для высадки вполне подходящая.

– Это ты господину адмиралу цур зее скажи, – посоветовал Луиджи. – Любопытно, как его Уго обзовет? Вейзель – Везелли, а Кальдмеер?

– Кальдмеер – это что, – хмыкнул Рангони, – вот Бе-ме-кто-то-там и впрямь красиво.

– Бермессер, – поправил Берто. – Если б флотом командовал он, «гуси» б уже тут были. Вальдес теперь жалеет, что снял эту поганку с должности, но что сделано, то сделано.

– Бе-ме был талигойцем? – удивился Луиджи, вглядываясь в горизонт. Все было безнадежно серым: унылые волны, тяжелое, злое небо, дальний берег; только на востоке, где пряталась безумная гора, дрожало жемчужное пятно, готовое взорваться потоками света.

– Бермессер – «гусь», – хмыкнул Салина, – и очень породистый. Личный друг принца Фридриха. Его взамен Кальдмеера поставили, так он решил в «Императрикс» сыграть.

– Судя по всему – предположил Рангони, – Вальдес сыграл в «Каммористу».

– И еще как! – Берто был немного огорчен догадливостью гостя. – Пришлось дриksam делать вид, что адмирал Вернер немного сошел с ума, и отправлять его лечиться, хотя лучше б адмиралом Устричного моря остался он.

– Всегда хорошо, когда вражеский адмирал – дурак, – согласился Рангони, – а еще лучше – дура. Джильди не даст соврать, была у нас такая...

– Сам расскажешь. – Смеяться над «Морской пантерой» Луиджи не хотел, обрывать Джузеппе было глупо. Читать в душах приятель не обучен, откуда ему знать про Поликсену?

Джильди махнул шутникам рукой и поднялся на гребень дюны к дозорным. Якобы стихший шван только и ждал, когда кто-то высунется из укрытия. Фельпец едва поймал возмнившую себя чайкой шляпу и ухватил за локоть посиневшего наблюдателя:

– Что там?

– «Аглая», – хрипло откликнулся моряк, не отрываясь от окуляра. – Вернулась...

– Дай, – Луиджи протянул руку. – Ступай, глотни чего-нибудь, и назад!

– Слушаюсь, – счастливый дозорный опрометью бросился вниз, зашуршал осыпающийся песок. Скал возле Хексберг не было, только дюны, кривые сосны и какие-то серые кустики, словно окутанные дымом, а дальше от моря – болота.

⁴³ Морские рыбацкие птицы, напоминающие небольших пеликанов.

Неприятное место, странно, что здесь вырос город, впрочем, окрестности Фельпа не краше. Они с Рангони привыкли к Веньянейре, а тот же Вальдес – к туманам Энтенизель и серой Хербсте, хотя весной в солнечный день здесь, наверное, не так уж и плохо...

Ветер свистнул прямо в ухо, напоминая о деле; Луиджи устыдился и поднял трубу. «Аглаю» и «Змея» он увидел сразу, корветы, как и следовало ожидать, болтались у входа в залив. Мористее сторожили еще три судна, но Луиджи разглядел только «Кэцхен», чей пост был в паре хорн от внутренней линии дозора. «Прощальный поцелуй» и «Удача» сторожили дальше к северу и западу, затерявшись в мглистой бесконечности. Они вернутся либо к ночи, либо заметив привередливого врага.

Неужели Кальдмеер опять развернется у своего берега и отправится восвояси? Позавчера они едва не взвыли, когда фрегаты дриксенцев, помаячив на горизонте, исчезли, словно их и не бывало. Альмейда, похоже, от пресловутого адмирала ничего другого не ждал, но остальные были вне себя, и больше всех причитали Варотти и Берто.

Бывший боцман жаждал крови и славы. Другие кричали тише, но думали так же. Луиджи исключением не был – если лиса лезет в курятник, а попадает на псарню, жалеть ее не приходится, даже если от нее останется только хвост. Это справедливо, только как забыть заострившееся личико, сбившиеся волосы, кровавую кашу вместо ног?! Поликсена была бордонским офицером, врагом, принесшим в Фельп войну и беду. Луиджи это помнил, но не принимал, не мог принять!

Чтоб хоть немного отвлечься, фельпец привычно глянул на «Акулу». Красавица покачивалась на ленивой воде, дожидаясь своего часа. Без парусов при такой погоде она станет чуть ли не невидимкой. Вряд ли дриksы среди множества протоков и островков разглядят верхушку мачты...

– Леворукий! – выдохнул второй дозорный, и тут же шван услужливо бросил в лицо звук выстрела, почти слившегося со вторым и третьим. Луиджи торопливо перевел трубу – море было пустынным, только «Змей», не меняя курса, медленно шел на север.

Фельпец замер, слушая ветер. Если дальние дозоры не обозначались, дриksы болтаются поблизости, но это их право. Хотят – селедок гоняют, хотят – паруса проветривают. Прогулка вдоль берега – это еще не война, а Альмейда может сбросить маску только раз.

Зашуршало, под сапогами противно скрипнул мокрый песок, послышалось учащенное дыхание.

– Явились? – запыхавшийся Рангони выхватил трубу. – Где?

– Не видно пока... – начал Луиджи. – Стой!

«Кэцхен», повторяя сигнал своего собрата из дальнего дозора, выпустила несколько дымных шариков.

– Шлюпку! – рывкнул Рангони, но глаза и тут опередили уши: помощник Джузеппе ринулся по склону вниз, обгоняя идущий с моря звук. Луиджи глянул на берег: матросы деловито сталкивали шлюпку на воду и разбирали весла.

– Вот так всегда, – подмигнул приятель, – драконам – летать, решкам – дрыхнуть...

– Ты долети сначала, – не слишком ловко отругнулся Луиджи и поправился: – Как «гусей» делить будем? Тебе мясо или перья?

– Сочтемся. – Рангони в мыслях уже отплывал. – Леворукий, где же эти дозорные лоханки?

– Где-то да есть, – по спине бежали горячие мурашки, лицо тоже горело, словно шван чудесным образом обернулся кэналлийцем.

Проклятая «Кэцхен» словно уснула, «Змей» с «Аглаей» тоже замерли. Над самой головой с кошачьим воплем пронеслась голубая северная чайка. Глупая тварь могла слетать и все увидеть, но в ее мозгах хватало места только для рыбы. Луиджи бы топнул ногой о слежавшийся песок и завопил, но капитанам беситься не пристало.

– Передумал, – чуть ли не взвыл Ниччи, – опять передумал, мерзавец!

– Успокойся, – прикрикнул Рангони, – еще ничего не ясно.

Вечность и не думала проходить, зато вернулась чайка, и не одна: летучие разбойницы

гнали отяжелевшую от улова кавиоту. Незадачливая охотница не выдержала, выплюнула добычу и с визгливым тьяканьем бросилась на ближайшую обидчицу. Полетели перья. Пара самых дошлых чаек рванулась к рассыпавшейся на песку рыбешке, и тут «Кэцхен» начала одеваться парусами. Снова грохнули пушки. Один раз... Два... Четыре... Восемь! И снова... Два раза по восемь. Больше сомнений нет, идут, но куда?!

– Все! – Рангони стиснул плечо Луиджи и помчался к приплясывающей, словно от нетерпения, шлюпке. – Догоняй мою птицу! Ну пусть только попробуют повернуть, убью!

2

Слегка накреньясь подветренным бортом, «Ноордкроне»⁴⁴ шла в галфвинд, в снастях весело посвистывал шван, суля скорую битву, о том же кричали синие чайки и рокотало море.

– Погода играет нам на руку, – лейтенант флота Его Величества Йозев Канмахер, а для близких просто Зепп, мечтательно улыбнулся. – Сухопутчики разве что ноги замочат.

– Ты забыл про Вальдеса, – граф фок Фельсенбург, он же лучший друг Руппи, укоризненно покачал головой. – Бешеный не отступится, на то он и Бешеный.

– Признаться, мне его жаль, – совершенно честно сказал Канмахер. – Пятнадцать против шестидесяти, – тут Ледяной и тот ничего не сделает.

– Если б Олаф не сплавил Вернера в арьергард, – Руперт нехорошо усмехнулся, – жалеть бы пришлось его. Вальдес понимает, что его ждет. Думаешь, мы позавчера зря фрошерских⁴⁵ дозорных переполошили и ушли? Это было предупреждение, Зепп. Последнее предупреждение адмирала.

Вальдес мог отправиться хоть в Фариан⁴⁶, хоть на Марикьяру, но этот сумасшедший решил драться. Уверяю тебя, он непростая добыча даже для Доннера. Нам придется пить не только за победу, но и за упокой, а потом ублюдок Фридрих будет вопить, что его распрекрасный Вернер с двадцатью линеалами взял бы Хексберг без потерь.

– Пусть кричат, – разрешил Зепп, любуясь на украшавшую нос «Пламени небесного» щитоносную деву. – Все знают, кто чего стоит.

– Добавь, на флоте, – поджал губу фок Фельсенбург, – в Эйрехте повторяют за тем, кто громче орет... Постой!

На носу громко ударил сигнальный колокол, что-то прокричал впередсмотрящий.

– От вице-адмирала Доннера. По курсу дозорные корабли, – передали по шканцам⁴⁷, – на всех парусах уходят к порту.

– По курсу дозорные корабли, господин боцман, – проорали совсем близко.

– От вице-адмирала Доннера...

– Бегу, – лучший друг хлопнул Йозева по плечу и бросился к трапу. Фок Фельсенбург был достаточно знатен, чтоб стать адъютантом адмирала, и достаточно толков, чтоб не терпящий высокородных обалдуев Олаф его не выгнал.

Зепп невольно усмехнулся. Подумать только, внук боцмана и родич кесаря – друзья не разлей вода. Руппи не только не кичился своей знатностью, но и, как мог, ее скрывал, не уставая повторять, что фельдмаршалов и адмиралов делает не кровь, а воля и опыт. Йозев с

⁴⁴ Ноордкроне – одно из имен оставленного под натиском льдов легендарного государства варитов.

⁴⁵ «Лягушатники» – презрительная кличка талигойцев. Сродни штольцфрозигер (счастливый победитель лягушек), фрозигер (победитель лягушек), намек на герб Талига.

⁴⁶ Порт в графстве Фукиано (между Улаппом и Кэналлоа).

⁴⁷ Часть верхней палубы от грот– до бизань-мачты.

другом был более чем согласен, намереваясь встретить старость самое малое во главе одного из флотов Его Величества. В конце концов, великий Кальдмеер тоже не герцог, а сын оружейника из Эзелхарда.

– Сегодня! – крикнул вылетевший из каюты адмирала Руппи и, ловко придерживая шпагу, помчался на ют.

Зепп торопливо поправил воротник и мысленно обругал себя последними словами. После перевода на «Ноордкроне» он поклялся бросить «обираться» и почти бросил, но волнение взяло свое. Первый настоящий бой – это не шуточки. Руппи фенрихом участвовал в линейной баталии, но для Зеппа сегодняшняя битва станет первой, и опыт стычек с каданскими контрабандистами здесь не помощник.

Лейтенант боялся чего-то не понять, спутать, сделать не так, в глубине души мечтая услышать от Кальдмеера его знаменитое «хорошо, очень хорошо». Увы, в будущей баталии артиллеристу верхней палубы вряд ли представится случай отличиться. Бешеный достанется авангарду, а кордебаталия займется фортами. Это работа для тяжелых пушек нижних палуб. Лейтенант цур зее⁴⁸ Ойленбах дважды предлагал Йозеву перейти на вторую палубу командиром батареи, но лейтенант медлил. Он слишком любил открытый горизонт и долгие разговоры с Руппи под скрип рей, вот и остался не у дел.

– Сейчас выйдет, – улыбающийся Руперт присоединился к приятелю. – Похоже, фрошеров он и ждал.

Зепп понимающе кивнул головой. Кальдмеер не устал повторять, что каждый должен делать лишь то, что за него никто не сделает, а стоят над душой у подчиненных только дураки и бездельники. Имен последних адмирал не называл – их и так все знали.

– Значит, это будет сегодня, – Зепп старался говорить небрежно, но голос предательски звенел, а рот еще более предательски улыбался.

– Сегодня, – подтвердил Фельсенбург. – У тебя есть новый платок?

– У меня целая дюжина, – не понял Йозев, – тебе нужно?

– Не мне, тебе, – расхохотался Руппи. – На «Ноордкроне» в бой надевают только ни разу не надеванные. Ничего, возьмешь у меня.

Горнисты в иссиня-черных мундирах с белой оторочкой и парадных белых шарфах весело протрубили «Общий сбор» и «Господ офицеров на шканцы». Первым, на ходу дожевывая и вытирая румяные губы, прибежал корабельный лекарь, за ним явилась неразлучная четверка палубных офицеров, следом вышагивал, словно цапля, Амадеус фок Хохвенде.

Матросы притащили походный корабельный алтарь и тяжелый серебряный сосуд со святой водой. Капеллан в парадном облачении с алым эмалевым львом на достойной боцмана груди озабоченно завертел головой, выискивая Полуденную сторону⁴⁹, – ему показали.

Отец Александер пришел на «Ноордкроне» одновременно с Йозевом, а до этого служил полковым священником в Северной Марагоне. Адепт ордена Славы повидал немало стычек и два больших сражения, но на море был новичком. Поэтому, а еще потому, что клирик напоминал деда, лейтенант испытывал к нему какую-то нежность.

Последним на шканцы вышел адмирал, в посеребренной кирасе поверх иссиня-черного мундира и в украшенном орлиными перьями шлеме. Лишь увидев Ледяного Олафа одетым по форме, чего тот, по словам Руппи, терпеть не мог, Йозев понял, что до сражения остается всего несколько часов. Сегодня Западный флот Его Величества сделает то, что не удалось лучшим полководцам кесарии. Хексберг, крепость, костью торчащая в горле кесарии со времен Фридриха Железного, будет взята, и они с Рупертом это увидят! Если б великий

⁴⁸ Лейтенант цур зее (премьер-лейтенант). Офицерская должность.

⁴⁹ Эсператистские алтари ориентированы на юг, Полдень, откуда должен вернуться Создатель.

король, сказавший накануне штурма, что победа не должна быть слишком легкой, об этом узнал, обрадовался бы он или попенял позабывшим его наказы потомкам?

Горны протрубили «К молитве», ударил судовой колокол. Ледяной Олаф снял шлем, обнажив русую с сильной проседью голову, негромко сказал:

– Благословение, капеллан!

Зепп замер, глядя на флаг с белым лебедем, неимоверно синий на фоне серых низких туч. От сознания причастности к будущей победе стало немного не по себе.

– Да благословит святой Адриан наш труд и наш подвиг, – низким бархатным голосом произнес отец Александер, и, словно отвечая ему, ветер с новой силой наполнил паруса.

Большой корабельный колокол зазвонил чисто и звонко, донося до Создателя верность и веру детей Его. С шумом хлопнул и заполоскался адмиральский брейд-вымпел⁵⁰, еще одна добрая примета! На юте, на шканцах, на шкафуте, баке, пушечных палубах моряки опускались на колени, складывали руки на груди, прикрывали глаза. Кто-то шептал молитвы вслух, кто-то про себя, кто-то просто раскрывал свою душу Всевидающему и Всепонимающему, прося победы для Дриксен и милости для себя и своих друзей.

3

«Прощальный поцелуй» и «Удача» проступили из впившихся в море облаков одновременно. Корветы дальнего дозора спешили к заливу, время от времени тревожа плоские берега сигнальными выстрелами. В Фельпе начиналось похоже. Ворвавшаяся в порт «Голубка», спешный выход в море, сражение, в исходе которого никто не сомневался. Сейчас тоже не сомневаются, потому что шестьдесят кораблей раздавят двадцать, а девяносто – шестьдесят.

– Не вернись Альмейда, – процедил Марио, – в Хексберг было бы весело. Отойди, ты не стеклянный.

– Взаимно, – буркнул Луиджи, делая шаг в сторону. После ухода Рангони их осталось трое.

– Мои ребята застоялись, – Ниччи явно был склонен поболтать. – Шутка ли – с самого Фельпа травку кушаем.

– Перейди на линеал, – предложил Луиджи, – может, там повезет. Пойми, я понятия не имею, куда меня погонят.

«Прощальный поцелуй» пальнул из всех пушек и прибавил парусов, «Удача» сдала к берегу, пройдя совсем близко от затаившейся галеры. Шван трепал сигнальные флаги. Синее и белое, лебедь на волне – цвета кесарии Дриксен.

– А на линеале нам дело найдется? – Марио задумчиво почесал выскобленный к возможному бою подбородок. – Сил нет на артиллерийские задницы любоваться.

– Не любуйся, – Джильди пожал плечами, вглядываясь в нечто, прорезающееся на северо-западе. – Идут, или я совсем глаза потерял.

– Ты в порядке, – успокоил Марио. – Это они. С адмиралом поговоришь?

– Поговорю, – то ли облака, то ли тени медленно, но верно распадалась на квадраты и треугольники, оборачиваясь вздутыми ветром парусами, которых становилось все больше. Впереди, то и дело загораясь надвигающуюся колонну, рыскали фрегаты-разведчики. Старые знакомые! Позавчера они уже были здесь. Покрасовались и ушли, а сегодня? Вид линеалов внушал надежду, вряд ли Кальдмеер станет гонять туда-сюда эдакие громадины.

– Ну, прыгнет он наконец, – разволновался Ниччи, – или опять состорожничает?

– Ледяной Олаф не верит в легкие победы, – обрадовал Берто Салина, – он все по

⁵⁰ Брейд-вымпел – разновидность вымпела, означающая присутствие на судне высокого должностного лица или же августейшей особы. В особо торжественных случаях вместо брейд-вымпелов поднимались личные штандарты. Кроме того, брейд-вымпел (в отличие от обычного, «капитанского» вымпела) является признаком флагманского судна.

четыре раза проверяет.

– Четыре?! – присвистнул абордажник. – Ну и ну! Это нам еще неделю по песку плясать?

– Не думаю, – протянул Луиджи, вглядываясь в зарастающую парусами даль. – Фрегаты идут в залив. Они явно идут в залив, а не топчутся у входа...

– Точно! – топнул ногой Марио. – Идут!

Разведчики забирались все глубже, и шли они уверенно, чтобы не сказать нагло. Лиса все-таки прельстилась курятиной!

– Авангард, – объявил Берто, тыкая трубой в северный берег, – заворачивает! Все! Попались!

Вальдес не подвел, с облюбованного им островка подползающий авангард был виден лучше, чем откуда бы то ни было. Головной линейал уверенно миновал незримую черту, разделявшую Талиг и Дриксен, и двинулся дальше, словно игла, тянущая за собой толстую сверкающую нить. Корабли шли красивой колонной, четко держа курс и интервалы. Они забирали дальше и дальше от илистого северного берега.

Шестнадцать силуэтов становились все четче, стало заметно, что третий корабль крупней и второго, и четвертого.

– Вице-адмирал? – предположил Луиджи, вглядываясь в покрытые парусами мачты.

– Слишком близко к голове, – замотал головой Берто, – дриксенские адмиралы зарываются в середину колонны, даже лучшие. Это или Риммерхайм, или Бюнц... Должен же Ледяной кого-то к Бермессеру приставить!

– Это если ваш Бе-ме в авангарде, – Ниччи с отвращением посмотрел на свои сапоги. – И как песок, тем более мокрый, пролезает?

– А где ж ему быть? – пожал плечами Салина. – Он спит и видит с Вальдесом сцепиться, а Кальдмеер спит и видит от него отделаться.

– Ты о песке? – не выдержал Луиджи. Берто расхохотался. Головной корабль плавно разворачивался, забирая к середине залива. Как мило с его стороны!

– Если Бе-ме не третий, то он восьмой, – постановил Марио, – побольше соседей, и место подходящее.

– Семидесятипушечник, – подтвердил тенъент Салина, – как раз такой, как Бермессеров «Голлу...», «Горлу...» «Глаубшт...», словом, «Верная звезда».

– И много у них таких? – любопытствовал Ниччи, неделю назад узнавший, что фрегат – это не корвет.

– Я их на талиг, хорошо?

– Еще бы, – одобрил Луиджи, которому дриксенские слова напоминали смешанное с проклятьями мычание, – у меня от этих «бшт» и «рцв» уши вянут.

– «Король-лебедь», – принялся вспоминать Салина, – «Святая Урфрида», «Гнев Господень», «Зиглинда», «Кесарь Хлодвиг», «Слава варитов»...

Линейалы один за другим обходили северные мели, выбирались на середину залива и брали курс на Хексберг, а горизонт выпускал на волю все новые и новые корабли. Построенные в боевую кильватерную колонну гости приближались медленно, но неотвратно. Они почти поравнялись с узкой отмелью, у которой утром маячил «Змей». Пара часов, и Вальдес вступит в бой. Можно тысячу раз знать, что придет помощь, драться все равно придется всерьез.

– Кордебаталия пошла, – поделился очередной радостью Берто, – скоро купцы поползут.

Пора было уходить, они увидели довольно, а кордебаталию как следует все равно не разглядеть. Слишком далеко, а серый цвет съедает другие краски. С грехом пополам можно прикинуть ранг корабля и количество пушек, а время уходит, течет не хуже, чем сухой песок промеж пальцев.

– Хватит, – решил Джильди. – Больше здесь ловить нечего.

– Сударь, – прошипел отчаянным голосом Берто, – мы же еще негоциантов не видели.

– Они сзади, – утешил тенъента Луиджи. – Если Кальдмеер и в самом деле не дурак, купцы отстают не меньше чем на хорну. Все, собирайся, а то твой альмиранте, чего доброго, решит, что тревога ложная.

Глава 2

Надор и Ракана (б. Оллария)

399 года К.С. 15-й день Осенних Молний

1

Луиза никогда не забиралась севернее Олларии и, как оказалось, ничего не потеряла, кроме холода и поздней осени. Госпожа Арамона куталась сразу в два меховых плаща и все равно мерзла, хотя Айрис настойчиво придвигала к дуэнье дорожную жаровню. Сама воспитанница от холода не страдала, вернее, страдала, но не от холода. Чем ближе был Надор, тем меньше оставалось в Айри радости, а Селина и вовсе сжалась в комок в углу кареты, глядя на проплывающие за окном черно-белые холмы. Молчал и Реджинальд.

Молчал и смотрел на кухню так, что требовалось быть Айрис Окделл, чтобы не понять – виконт Ларак влюблен, причем без надежды. Молодые усиленно страдали, и Луизе приходилось трещать за троих, заодно вытаскивая из Айри и Реджинальда сведения о Надоре.

Госпожа Арамона готовилась к встрече с вдовствующей герцогиней, как генерал к военной кампании. В первый раз сие сравнение пришло Луизе в голову, когда Реджинальд спросил Селину про Герарда. Дочка что-то ответила, а Луиза словно воочию увидела сына, читавшего трактат какого-то Пфейхтайера о рекогносцировке на местности, и расхохоталась в голос, поняв, чем занималась все эти дни. Теперь про себя капитанша называла Надор не иначе, как ставкой Мирабеллы, а сама намеревалась заняться отвлекающими маневрами. Луиза уже вызубрила имена и привычки привратников, кормилиц, камердинеров и конюхов, не говоря о капитане гарнизона, мажордоме, поваре и старшей камеристке, но этого было мало.

Дуэнья отодвинула занавеску кареты, за окном в сером холодном мареве виднелся противного вида лес, частые худосочные деревья сплетались в сплошную беспросветную стену. Госпожа Арамона немного посозерцала мелькающую тоску и окликнула нахохлившегося Ларака:

– Господин виконт, как называется эта местность?

– Росный лес, сударыня. – Реджинальд был вежлив и безотказен, на таких возили, возят и будут возить воду. Луиза Арамона не собиралась быть исключением.

– Я всегда думала, что Надор расположен в горах, – сообщила капитанша, никогда о Надоре не думавшая. В отличие от Алвасете.

– Горы дальше, – откликнулась Айри, – только они не очень высокие. Не такие, как Сагранна.

Можно подумать, ты бывала в Сагранне, хотя с какой стороны посмотреть. Можно не вылезать за порог и исходить вдоль и поперек полмира. Мысленно. Луиза так и делала, таскаясь в мечтах за своим герцогом по всему Талигу.

– Этот лес навевает тоску, – женщина томно вздохнула. – Удивительно грустное место.

– Только зимой, – колыхнул отнюдь не юношеским пузом Ларак. – Весной здесь чудесно. Особенно когда расцветают примулы.

– Мне кажется, здесь сыро, – перла вперед капитанша, – и много насекомых и змей.

– Да, здесь встречаются гадюки, – Реджинальд выглядел так, словно это он развел ползучую пакость, – и комары, но от них есть средство. Если натереться настойкой из листьев ветропляски, они почти не кусают.

– Если ею часто мазаться, – вмешалась Айрис, – ну... У Ричарда и Дейдри все хорошо, а

мы с Эдит задыхаемся.

– Эдит больна? – всплеснула руками Луиза. – Бедное дитя! Когда вы будете жить в Эпинэ, обязательно возьмите сестру к себе. Там такой здоровый климат.

– В Эпинэ? – не поняла Айри. Ну еще бы, наша заговорщица если и собирается замуж, то никак не за жениха.

– Когда кончится война, – уточнила Луиза, – вы же с супругом не станете проводить все время в столице, особенно когда... ваш брак, ммм, принесет плоды.

– Да, конечно, – встрепенулась забывчивая невеста, – мы с Робером уедем в его владения, и я возьму туда Эдит. Робер меня любит, он позволит. Я и Дейдри возьму, и Дейзи. Это моя молочная сестра, она будет рассказывать сказки моим детям.

Вот и славно. Если с Айрис заговорят об Эпинэ, она больше не собьется, а вот виконт... Несчастный влюбленный, особенно такой, как Реджинальд, услышав подобные откровения, должен перемениться в лице, а он и в ус не дует. Неужели в заговоре с кузиной? Вряд ли, просто все понял. Толстяк не обязан быть дураком, да и Манрик в казначействе ослов не держал. Ну да кошки с ним, с влюбленным кузенком, он предан до мозга костей, а вот слуги... Если Айрис примется бегать по замку и целоваться с кормилицами, к вечеру от тайны и хвостика не уцелеет.

– Айрис, позвольте вам дать один совет, – нудным голосом произнесла Луиза, ковыряясь в корзинке с нитками. – Вы не просто возвращаетесь в отчий дом, вы возвращаетесь невестой Повелителя Молний и Первого маршала Талигойи. Я бы посоветовала вам воздержаться от фамильярностей со слугами. Берите пример с вашей достойной матушки и ведите себя как знатная дама.

– Госпожа Арамона права, – внезапно брякнул Наль, – тебе и в самом деле... То есть ты слишком откровенна...

Луиза выдернула из корзинки первый попавшийся клубок, оказавшийся бледно-сиреневым, и глянула на Ларака. Бедняга был красен, как мешок вареных раков. Несчастный, ему бы в какую-нибудь коровушку влюбиться, хотя чего в чужих постелях клопов искать, в своей бы копнулась. Виконт возмечтал о герцогине, делов-то? Мещанка, втрескавшаяся в кэналлийского собрано, лучше, что ли?

Айрис пожевала губами, по привычке оттянув воротник. Девочка была серьезна, как дайта в лесу, сейчас стойку сделает.

– Наль, – ресницы ей нужно красить, ресницы и брови, – я тебе очень благодарна... За все. Ты такой хороший друг, такой... Я обидела тебя тогда, с Бьянко... Но я... Мне было очень плохо.

– Я понимаю, – благородный влюбленный не догадался хотя бы сжать ручку предмета обожания, а ведь такой повод!

Святая Октавия, она только виконтов не учила за герцогинями ухлестывать, да и все равно толку не будет! А вот младшая Дрюс-Карлион Налю бы подошла, а он ей. Если никого не повесят, нужно будет извернуться и их свести.

– Наль, – ресницы Айрис дрожали, губки, впрочем, тоже. – Как хорошо, что ты со мной поехал.

И вправду хорошо, хотя кто его знает, что у этого Реджинальда в голове. К жениху он не ревнует, но это не значит, что он не ревнует вообще.

– Надор ведь уже близко? – Луиза вдернула сиреневую нитку в иголку и теперь думала, что с ней делать.

– Близко, – кивнула Айрис, – вот переедем Лебединку, и сразу будет поворот в холмы.

– Когда мы доедем до развилки, – Реджинальд снова покраснел, – я... Я послал солдата вперед, к отцу. Мы подождем его в гостинице, очень хорошей... Очень. «Надорский герб», даже Савиньяки там останавливались. Отец приедет вечером. Будет лучше, если о... о приезде Айрис тетушку предупредит он.

– Святой Алан! – На расшитую крылатыми уродами скатерть шлепнулось нечто большое, малиновое, мокрое. Матильда не сразу сообразила, что это перчатка. Богато изукрашенная, шестипалая, огромная, впору памятнику. На малиновой замше золотился герб – свинья на блюде в обрамлении сосновых ветвей. Вокруг краги шла какая-то надпись. Робер подцепил истекающее соусом страшилище вилкой и подтянул поближе.

«Владельцем сей перчатки, – прочел вслух Повелитель Молний, – является благородный и свободный Суза-Муза-Лаперуза граф Медуза из Путеллы».

– Откуда взялась эта дрянь, – внучек с отвращением глянул на выуженный из жаркого подарочек, – и при чем тут медуза?

– Такую перчатку, или весьма похожую, я и герцог Окделл видели в Лаик, – вступил в разговор герцог Придд. – Это был розыгрыш, зашедший, впрочем, весьма далеко.

– Что за розыгрыш? – Робер перевернул малиновую уродину, тыльная сторона была пуста.

– Некто подобным образом объявил войну капитану Лаик, человеку весьма злобному и недалекому, – сообщил Придд. – Любопытно, что та перчатка тоже была с левой руки. И была точно так же обнаружена во время обеда. Если не ошибаюсь, она плавала в бульоне...

– А теперь ее сунули в мясо, – перебил Альдо, – и я хочу знать, кто.

– Кто-то из слуг, – предположил Дэвид Рокслей, – на кухне или по дороге в столовую. Нужно узнать, вдруг кто-то служил в Лаик.

– Это маловероятно, – за что Матильда не терпела Придда, так это за то, что сам Леворукий не знал, что у него на уме. Издали Спрут напоминал Анэсти, что вызывало у вдовствующей принцессы рвоту, вблизи они рознились, как лед и желе, вдобавок к старости протухшее.

– За стол сели все одновременно, – в голосе Робера сквозило раздражение, – значит, перчатку положили раньше.

– Весьма вероятно, герцог, – Валентин Придд тонко улыбнулся, – но слуги Лаик не производили впечатления шутников, а проказы Сузы-Музы были откровенно школярскими. И я бы не сказал, что умными. Впрочем, капитан Арамона иного отношения не заслуживал. Не правда ли, герцог Окделл?

Ричард не ответил, только подбородок вздернул. Матильда и раньше слыхала о распетушившихся Повелителях, но во всей красе увидела обоих лишь сегодня. Недопески смотрели друг на друга волками, особенно Дикон. Эх, юность, юность... То твякает, то скулит, то хвост ловит!

Остывающее жаркое грустно пахло майораном и базиликом. Оно хотело, чтоб его съели.

– Ну его к кошкам, этого капитана. – Робер прикрыл глаза руками, провел ими к вискам. Бедняга, он когда-нибудь спит? – Нужно узнать, где и как сунули в соусник эту дрянь. Мог оказаться во дворце кто-то из бывших унаров? Герцог Придд и герцог Окделл не в счет, они были с нами.

– Не готов ответить. – Рокслей с ненавистью глянул на шестипалого уродца. – Это какая-то бессмыслица...

– Господа капитаны гимнетов, – внучек хлопнул рукой по столу, тоненько и трусливо звякнули бокалы, – это ваше дело – следить за тем, чтоб в королевские блюда не попадало ничего лишнего. Сегодня подложили перчатку, завтра это будет яд!

– Ваше Величество, – виконт Мевен поднялся из-за стола. – Будут приняты все меры. Мы просим разрешения немедленно заняться поисками.

– Для того чтобы исполнять свои обязанности, разрешения не требуется, – объявил Альдо. И где только набрался, паршивец? – Отправляйтесь.

Мевен с Рокслеем выскочили за дверь ошпаренными кроликами. Ноздри короля талигойского раздувались, Робер перебирал бахрому скатерти, Дикон то краснел, то бледнел...

– Твою кавалерию, – не выдержала Матильда, – мы обедаем или нет? Кто бы ни подсунул эту дрянь, она не ядовитая, а без сметанного соуса еще никто не околел.

– Забыла про Мупу? – от внука несло царственностью, как от кобеля псиной. – А вот я помню. Я права не имею забывать. И ты не имеешь, потому что наша жизнь – это жизнь Талигойи.

Взять бы что поухватистей, и по башке! Его жизнь – жизнь Талигойи... Да кому она нужна, твоя жизнь, кроме дуры бабки, дуры девки да Окделла с Эпинэ.

– Тебе голова, только чтоб корону нацепить, нужна? – рывкнула вдовица. – Стал бы отравитель перчатками расшвыриваться. Дикон, этот Суза-Муза кого-то насмерть затравил?

– Судары.... Ва... ше Высочество, – начал Дикон, – в Лаик было... Капитан Арамона...

– Ты так и осталась алаткой, – перебил мялящего Ричарда внук, – и ничего не понимаешь. Талигойя стоит на крови Раканов. Этот Медуза своим шутовством пытается уравнять короля с олларским прихвостнем.

– Лучше быть алаткой, – отрезала вдовица, – чем дурой. А будешь с памятниками бодаться и могилы разрывать, еще и не так огребешь! Не хочешь, чтоб тебя с Парамоном равняли, не парамонь!

Альдо отшвырнул салфетку. Неудачно – угодил в бокал, тот опрокинулся, покатился по столу, свалился на мозаичный пол, разлетелся вдребезги. Его Величество вскочило и вылетело из комнаты, саданув тяжелой дверью. Король, твою кавалерию! Матильда рывком пододвинула к себе блюдо с какими-то загибалами. Напрочь остывшими. Сама виновата, нужно было остаться у Левия, а не бежать, задравши хвост, исполнять семейный долг. И сыта была бы, и в дурь очередную не влезла.

– Ричард, герцог Придд, – торопливо произнес Робер, – у вас есть какие-то предположения насчет шутника?

– Имя Сузы-Музы оспаривали шестеро, – пояснил Повелитель Волн, – но все они, насколько мне известно, находятся за пределами столицы. За исключением Ричарда Окделла.

Зря она одернула Альдо при этой твари подколотной! Дику только полезно увидеть сюзерена без перьев, Робер – свой, а Спрут чем меньше видит, тем лучше.

– Я могу предположить, кто был Сузой-Музой, – Ричард зыркнул на однокорытника, как жена на любовницу, – и этот кто-то не торопился объявиться.

– Сузой-Музой может оказаться кто угодно, – герцог Придд двумя пальцами взял злосчастную перчатку и аккуратно положил на блюдо, – кроме Эстебана Колиньяра, разумеется. Герцог Окделл, что случилось с теми уликами, которые нашли в вашей комнате? Вам их вернули?

3

Все вышло предельно глупо, потому что граф Ларак заявился раньше, чем его ждали. Докладывать о гостях в гостинице было не принято, и мерзнувшая Луиза предстала перед графом в накинутом на черное дорожное платье плаще Айрис. Несчастный застыл в дверях, созерцая дуэнью в герцогских одеждах. Такой худой и бледный отец и такой круглый, краснолицый сын. Бывает же!

Айрис при виде дядюшки пронзительно захохотала и тут же закашлялась, вцепившись во вскочившую Селину.

– Добрый день, Айрис. Добрый день, сударыня, – граф Ларак подмел пол престарелой шляпой, которой уже ничто не могло повредить. – Я счастлив приветствовать вас в Надоре. Вы не слишком утомлены дорогой?

Утомлена. Как гусыня, которую сунули в корзинку и везут на ярмарку. Дорогу как-нибудь переживет, а дальше на воде мечом писано. Капитанша, стараясь не думать об алой тряпке с гербом Эпинэ и растрепанных волосах, присела в реверансе.

– Благодарю вас, сударь, вы, без сомнения, уже знаете, что...

– Я выхожу замуж за Робера Эпинэ, дядя, – Айрис выставила вперед браслет, словно

рапиру. – Мы любим друг друга. Робер – Первый маршал Талигойи, а к алтарю меня отведет Альдо Ракан. Он будет великим королем.

– Дорогая, – голос Эйвона задрожал, неужели он еще и плачет по любому поводу? Совсем как причетник из Кошоне, что шмыгал носом над раздавленными улитками и скисшим молоком, – я так рад за тебя. Брак по любви, что может быть прекрасней, но все так неожиданно. Твоя матушка поражена.

– Я выйду замуж за Робера, – нараспев произнесла Айри. Унимает кашель, и это в первый же день, а что дальше будет?!

– Разумеется, выйдешь, – простонал граф Ларак, – это достойная партия, очень достойная, но пойми. Твоя матушка...

– Злится, что я сбежала, – dokonчила невеста Повелителя Молний. – Она сама виновата. Я не бабкина шаль, куда бросишь, там и будет валяться. Я и Дейдри с Эдит увезу в Эпинэ, увезу и выдам замуж за графов Савиньяк! Они будут моими вассалами, и они еще не женаты.

– Это было бы прекрасно, – с чувством произнес граф Ларак и тотчас поправился: – Я имею в виду, если ты найдешь сестрам достойных женихов, но, девочка моя, я просил бы тебя не огорчать матушку. У нее слабое здоровье.

– Это у меня слабое здоровье, – отрезала юная нахалка, – и у Эдит, а матушка здорова, только ей не нравится быть здоровой. Ей вообще жить не нравится.

– Айрис, – ну и разговорчик, у бедняги Эйвона, не ровен час, сердце прихватит, – дорогая, я думаю, вам следует пойти переодеться. Селина вам поможет. Кстати, граф, разрешите представить вам мою дочь.

– И мою подругу, – Айрис схватила Селину за руку и подтащила к родичу. – Она вместе со мной и Луизой сидела в Багерлее. Манрики отправили туда Катарину Ариго, а мы остались с ней.

– Ее Величество, то есть госпожа Оллар, писала об этом, так же как и его Величество Альдо, – граф еще разок поклонился. – Ваше мужество, сударыня, равно вашей красоте. Вы – достойная дочь вашей прекрасной матушки.

Издевается? Нет, Лараки на такое не способны. Впрочем, рядом с Мирабеллой и стекляшка бриллиантом покажется, значит, нужно извальяться в пыли, и чем скорее, тем лучше. Луиза осторожно освободилась от чужого плаща, намереваясь бросить его на стул.

– Сударыня, позвольте помочь, – рука в облезлом рукаве перехватила мягкую ткань. – Я так надеялся увидеть вас снова, и вот вы в Надоре. Это огромная радость для нас.

А вот сударыня бы предпочла, чтоб нынешняя встреча была первой. Мирабелла вряд ли забыла визит в особняк Алвы и оказанный ей прием. Любопытно, что скажет вдовица Окделла, узнав, что теперь в доме Ворона заправляет ее сынок: проклянет или потребует пересчитать тарелки и выслать ей опись?

– Благодарю вас, сударь. Боюсь, наше знакомство произошло при весьма странных обстоятельствах.

– Ее Величество, – бедняга забыл, что Катарина сейчас не королева, – во время аудиенции объяснила, что вы выполняли ее распоряжение. Мирабелла... То есть герцогиня Окделл благодарна вам за то, что вы предупредили скандал.

Ай да Катарина, выручила! Неважно, что у мягкой киски свои делишки, главное – Луиза Арамона въедет в Надор не как прислужница Алвы, а как доверенное лицо Катарина Ариго. Хорошая позиция, просто отличная.

Глава 3

Устричное море

399 года К.С. 15-й день Осенних Молний

– Весла-ать! Весла сушить! Весла-ать! Весла сушить! Весла-ать...

Удары литавр, ритмичное уханье барабана, отрывистые команды. «Влюбленная акула», как могла, спорила со шваном, северным морем, временем. Где-то за пределами сшившего серую воду со свинцовыми облаками горизонта готовится к бою, а может, уже и дерется Вальдес. Где-то ворочаются в незащищенном заливе чужие, полные вековой враждой корабли. Где-то под всеми парусами спешат на подмогу мари́кьяре, а внутри заточившего галеру заколдованного круга только небо, вода и нетерпение.

– Вижу, – крик дозорного, долгожданный и все равно неожиданный в этом сером плену, – паруса справа по носу!!! Вижу!

Луиджи бросился на бак, на ходу поднося к глазам подзорную трубу. Это было как во сне, когда раз за разом перед тобой проходит одно и то же. Вроде бы просыпаешься, открываешь глаза, и перед ними все тот же кошмар или, наоборот, радость.

Снова серые жемчужины отрывались от горизонта, катились по колышущемуся серому шелку, росли, меняли очертания, разрывая больше не безнадежный горизонт.

Барабан забил чаще, Луиджи ничего не приказывал, так решил палубный тенъент. Или Ленуцца. Или сама «Влюбленная акула». Галера рвалась навстречу эскадре, как гончая к охотничьей кавалькаде. К трем кавалькадам!

Мари́кьяре шли тремя большими колоннами, серебристая полумгла неохотно выпускала из объятий мачты, реи, темные носовые фигуры. Корветы, фрегаты, линеалы кренились под напором ветра, рассекали тяжелую темную воду, вырастая на глазах.

Первым расправлял крылья молодой воин с ястребиной головой, в спину «Крылатому» дышал чудовищный конь, а мористей вытягивалась бесконечной цепью кордебаталия, за которой угадывался аръергард.

– «Зимняя молния!» – завопил Берто, узнавая головной корабль. – Берлинга! И «Алвасете»...

– А не «Прекрасная Рамона»? – подбежавший Марио успел одеться для боя.

– «Алвасете», – тенъент вспомнил, что нужно быть степенным. – «Рамона» в кордебаталии, а третий – «Ноймар».

Берто называл имена без колебаний, Он знал всех, угадывал по носовым фигурам и оснастке, только для Луиджи это были просто корабли. Красивые, серокрылые звери, вышедшие на охоту. Хищные, уверенные в своих силах, они шли по следу себе подобных.

– Альмейда! – узнал Ниччи. – Первый в кордебаталии.

– А где ж ему быть? – засмеялся Луиджи. Вообще-то место флагмана в середине колонны или хотя бы в конце первой десятки, но у мари́кьяре свои правила.

Корабли пошли медленней, на вантах засуетились крохотные фигурки. Не прошло и десяти минут, как эскадра сложила крылья. Огромные линеалы тяжело покачивались среди холодных волн, по стенам ползли сигнальные флаги – Альмейда созывал своих адмиралов.

Ветер развеивал гюйсы, вымпелы, кормовые флаги⁵¹. Белые – авангард, черные – кордебаталия, желтые – аръергард.

– Шлюпку на воду!

– Есть шлюпку на воду!

Рыцарь черного дерева был уже совсем рядом. Над головой поднявшего забрало короля реяло его знамя, серебристые отсветы плясали по суровому лицу, казалось, Франциск сосредоточенно морщит брови.

⁵¹ В 319 году К.С. парусный флот Талига был поделен на эскадры: кордебаталию (центр, или главные силы), авангард и аръергард. Тогда же были введены кормовые флаги для кораблей этих трех подразделений, представлявшие собой белое, черное или желтое полотнище, в левой верхней части которого в белом прямоугольнике помещался Победитель Дракона Олларов. Кормовые флаги – флаги, поднимавшиеся на корме, на шлагштоке или на гафеле и служившие для опознавания национальной принадлежности судна. На носу корабля (на конце бушприта) поднимался гюйс, флаг меньшего, чем кормовой, размера. Кроме того, гюйсы поднимались на флагштоках крепостей и мачтах береговых батарей.

Луиджи прыгнул в шлюпку, следом соскочили Берто и Варотти. Как же без него!

– Весла на воду!

За румпель Джильди взялся сам, он больше не мог только смотреть. Матросы гребли быстро, слаженно, с короткими передышками. После тяжелых галерных бревен шлюпочные весла казались игрушками. «Франциск» стремительно приближался, превращался в закрывавшую горизонт стену. Пушечные порты нижних палуб были наглухо задраены, чтоб не добралась шалая волна. Перед боем их откроют, и в темные дыры зло и весело глянут изголодавшиеся орудия.

– Баста! – скомандовал Джильди. Весла дружно поднялись, завизжали блоки, кто-то весело ругнулся, кто-то в ответ хохотнул, вниз поплыл штормовой трап.

2

«Кунигунда» взяла на три румба влево. Рулевой, подчиняясь приказу, крутанул штурвал, повторяя маневр. Шван ударился о паруса, с новой силой натянув отсыревшую ткань, «Ноордкроне» пошла быстрее, сзади верной тенью скользнул «Пламень небесный». Если б не случайность, «Огонек» стал бы судьбой Зеппа, но капитан флагмана не смог пройти мимо лейтенанта, как две капли воды похожего на боцмана с «Зиглинды», на которой началась его служба. Шаутбенахт фок Шнееталь заговорил с лейтенантом и понял, что не ошибся. Боцман Канмахер приходился Зеппу дедом.

– Йозев Канмахер-младший принесет мне удачу, – объявил Адольф фок Шнееталь, и его ходатайство было удовлетворено. Это сухопутчики плюют на приметы и не слушают судьбу, а море глупости не терпит и еще меньше терпит лодырей и хвастунов. Путь вверх крут и долог, особенно для боцманского внука. Можно сколько угодно мечтать о том, как ты спасаешь адмирала или сбиваешь вражеский кейзер-флаг⁵², но мечты мечтами, а служба – службой. Адмиралом просто так не станешь.

Недовольно бухнул большой колокол, мелкой, раскатистой дробью отозвались барабаны. «Вторая готовность!»

– Можно подумать, нас ждет форменное сражение, – хмыкнул Зепп, давая дорогу матросам-водолеям, окатывавшим и без того сырую палубу водой.

Кожанные переборки офицерских кают были скручены и подняты кверху еще утром, матросские койки убраны в сетки и заперты в кубрике, над шканцами и баком натянуты плетенные из линей сетки. Когда «Ноордкроне» вступит в бой, они удержат обломки мачт и рей, если таковые будут.

– Порядок есть порядок, – скорчил кислую рожу присоединившийся к приятелю Руппи. – Хотя ты прав, все неприятности достанутся Доннеру. Как и вся слава. Лучшее, на что можем надеяться мы, это обстрел фортов у торгового порта.

– Если к вечернему приливу управимся, – не преминул заметить Йозев, – сложностей с высадкой не будет.

– Есть еще второе место, – напомнил Руперт, – южнее военной гавани. А что до сложностей... Нас ждут, Зепп.

Тоже мне новость! Тайну может сохранить моряк, но не купец, а талигойские шпионы хлеб даром не едят. «Случайно прибитый шваном» к талигойскому берегу каданский негодник своими ушами слышал, как в торговом порту болтали о реквизированных кораблях.

– Если фрошеры будут настолько любезны, что утопят Хохвенде в луже, – пообещал Зепп, – обязуюсь поставить свечку святому Эберхарду и купить пленным бочку вина.

– Не ты один, – подхватил шутку Руппи, – фрошеры утонут в вине. Идет, легок на помине!

⁵² Флаг главнокомандующего флотом, поднимаемый на носу корабля.

Голенастый генерал в роскошном плаще промаршировал на ют. Обветренная физиономия фок Шнееталя скривилась, но Хохвенде это не смутило. Он продолжал что-то объяснять, размахивая перед капитанским носом затянутой в белую перчатку клешней.

– Ну почему я не фрошер, – простонал Руперт, – под коленки и за борт!

– А ему не пора к своим? – Зепп кивнул на север, там, где, выстроившись в две нестройные колонны, ползли невидимые с «Ноордкроне» купцы. – И почему бы нам не сбросить с хвоста это украшение? В бою от этих куриц сплошная маета, пускай подождут у бережка.

– Ледяной не оставит их без присмотра, – скривился фок Фельсенбург. – Он должен убедиться, что Вальдесу до них не добраться. Представляешь, что натворит волк в таком курятнике?

3

Альмейда стоял, широко расставив ноги, неподвижностью и внушительностью напоминая носовую фигуру. Надеть шлем или хотя бы шляпу мари́кьяре не удосужился. Занятый своим пистолетом Бреве едва ли доставал верховному адмиралу до плеча. Второй адмирал был хмур и собран, а Филипп Аларкон улыбался, чуть ли не мечтательно глядя вдаль.

– Приветствую вас на борту «Франциска», капитан Джильди, – первым, как и положено, заговорил капитан флага. – Волны и ветер да будут к вам добры.

– Благодарю. – Мари́кьяре не так далека от Фельпа, но об обычаях и приветствиях островитян Луиджи знал не так уж много. – Они вошли в залив.

– Хорошая новость. – Альмейда по-прежнему напоминал статую, но статую, вздумавшую заговорить. – Что вы еще видели?

– В авангарде шестнадцать линеалов, – говоря по чести, отвечать следовало Берто, но тенъент за какими-то кошками изображал субординацию, – не самых крупных. От шестидесяти пушек до сорока шести. Два семидесятипушечника. Третий и восьмой. Тенъент Салина считает, что восьмой – это может быть Вернер.

– Это было бы слишком хорошо. – Бреве убрал пистолет и вытер руку об отнюдь не адмиральскую куртку. – Сколько их всего?

– Около шестидесяти вымпелов. – Может, Берто был прав и стоило задержаться и сосчитать поточнее? – Идут решительно, прямо к порту. Купцов мы дожидаться не стали.

– Если они вошли в залив, значит, купцы с ними, – заметил Салина, – иначе затея лишается смысла. Без солдат Хексберг не взять. Значит, они есть.

– Есть ли, нет ли, – пожал плечами Берлинга, – но Вальдес уже дерется.

– Вряд ли, – сощурился Аларкон, – наш друг подрос раньше, чем Кальдмеер вышел к фортам. Все только начинается.

– Пожалуй, – наклонил голову Салина, – но это не повод для задержки. Альмиранте, прошу разрешения отбыть на «Мари́кьяру».

– Сейчас отбудешь. – Альмейда вытащил флягу, отхлебнул, сунул Салине. – За удачу! Эномбрэдастрапэ!

– Эномбрэдастрапэ! – улыбку командующего арьергардом доброй не назвала бы и собственная мать. – За удачу. Пусть плачут не наши жены!

– Мы вернемся, – пообещал Берлинга, – они – нет! Эномбрэдастрапэ!

– С нами море и с нами ветер. – Филипп Аларкон высоко поднял руку с флягой, прорвавшее облака солнце блеснуло на серебре, выхватив витиеватую надпись «Каммориста, 383». – За удачу! Твое слово, капитан!

– За победу, – сказал Луиджи и едва не подавился чем-то чудовищно крепким. – Эномбрэдастрапэ!

4

«Вижу противника», – передал Доннер. Уже! Они с Руппи ждали этого мгновенья целый день, и все равно все случилось неожиданно, словно под ногами разверзлась пропасть, одновременно ледяная и пылающая.

– Гром и молния! – от хваленного спокойствия Руппи остались одни осколки. – Вот так и начнешь жалеть, что ты не в авангарде!

Большой судовой колокол ударил четырежды. Барабаны забили «Поход во славу кесаря», горнисты, подтянув животы, замерли, ожидая приказа. Сейчас Олаф Кальдмеер махнет бело-синим платком и горны запоют «Победа Дриксен угодна Создателю».

– Господина лейтенанта фок Фельсенбург к господину адмиралу, – прокричали совсем рядом, – срочно.

– Прости, Зепп, – Руппи стиснул плечо приятеля, – зовет. Если что, удачи тебе.

– И тебе тоже, – начал Йозев, но Руперт уже умчался на ют. Зепп подошел к самому борту и уставился в море. Скоро раздастся «Офицерам и матросам занять свои места!», лейтенант Канмахер в очередной раз проверит свои пушки – и все! Другие будут драться, а ему придется смотреть, если только Шнееталь не захочет усилить расчеты нижних палуб за счет верхней.

Ударил колокол сигнальщиков. Очередная новость «От Доннера. Главные силы противника, двадцать один вымпел». Бешеный вышел навстречу со всем, что смог собрать. Доннеру наверняка понадобится помощь, иначе к вечернему приливу просто не успеть. Пусть линеалов у фрошера двенадцать, а остальное – мелочь: фрегаты и корветы, но пушки стоят и на них, нельзя забывать и о брандерах.

– Лейтенант Канмахер, – премьер-лейтенант Ойленбах в новом, с иголки, мундире довольно улыбался, – у нас с вами сегодня будет неплохой день.

– Да, господин премьер-лейтенант, – оттарабанил Зепп. Ойленбах был отличным артиллеристом, добрым человеком и справедливым начальником, под началом которого служить было бы одно удовольствие.

– Признайтесь, Канмахер, – потребовал Ойленбах, – сегодня вы жалеете о том, что не служите на второй палубе.

– Это так, – признался Зепп, – я сейчас думал о том, что орудийные расчеты тяжелых пушек стоит усилить.

– Вы – хороший артиллерист, Йозев, – кивнул премьер-лейтенант, – я говорю это вам сегодня, перед боем. Молодые люди лучше сражаются, если они уверены в своих силах. Не так ли, молодой офицер?

– Да, господин премьер-лейтенант! – Зепп с трудом сдержал счастливую улыбку: Ойленбах не имел обыкновения хвалить зря.

– Нам скоро будет пора идти к нашим пушкам. – На шканцах мелькнул желтый лекарский кафтан, и артиллерист заторопился к своему приятелю. – Но я говорил с капитаном. Если мне потребуются люди, вы поступите в мое распоряжение. Вы рады?

– Я счастлив поступить в ваше распоряжение, – щелкнул каблуками Йозев, и это действительно было так. Он не подведет добряка Ойленбаха, Шнеетала, Кальдмеера, кесаря.

– Что ж, до встречи.

Артиллерист исчез, Руппи не возвращался, снова отзвонили сигнальщики, по стенам поползли флаги – оранжевые и красные. «Всем убавить парусов», – велел флагман, – «Каравану лечь в дрейф». «Арьергарду охранять караван».

«Ноордкроне» быстро и легко освобождалась от лишних парусов, замедляя бег. Кому-то из кордебаталии повезет принять участие в бою, не в тупой стрельбе по каменным стенам, а в настоящей морской баталии. Линия против линии, корабль против корабля, хотя, если повезет, Вальдеса можно взять и «в два огня».

– Проклятье, – по всем признакам Руппи был близок к убийству. – Ты представляешь, что мне приказано! Я должен проводить эту свинью собачью к купцам и оставаться с ним, пока не будет сигнала «К высадке».

– Ох ты, – огорчился Зепп, – что же это?
– Олаф боится, что этот гроссе потекс запутается в сигналах, – шепнул приятель, – и все изгадит. Вообще-то это правильно, но почему именно я?!

Глава 4

Дорак и Ракана (б. Оллария)

399 года К.С. 15-й день Осенних Молний

1

Марсель Валме был искренне рад встрече с графом Тристрамом. Граф был далеко не столь счастлив, но проявил понимание и без возражений проследовал в гостиницу «Крылатый баран». Не стали буяннить и две дюжины вояк в странного вида мундирах, с готовностью отдавшие оружие брату генерала Шеманталя. Это, без сомнения, характеризовало их с лучшей стороны. Или не их, а Орельена с его адуанами, поймавшими курьера, который мог помериться ушами с самим дуксом Андреатти.

Обладатель выдающихся органов слуха стремился к Фоме. В его сумке, помимо всякой ерунды, обнаружилось письмо, уведомлявшее урготского герцога о скором приезде полномочного посла Талигойи графа Джона-Люка Тристрама. Такую персону было грех пропустить, и ее не пропустили.

Марсель два дня подряд вставал с петухами, глотал отвратительный шадди и болтался в обществе Шеманталя под сенью мокрых деревьев, поджидая бывшего секунданта Ги Ариго. Жертвы оказались не напрасны – господин посол был встречен со всеми возможными почестями, хотя это его отнюдь не порадовало. В Нохе, во всяком случае, Джон-Люк волновался заметно меньше.

– Вы часто вспоминаете ваших покойных друзей? – полюбопытствовал Валме, заворачивая коня в гостеприимно распахнутые адуанами ворота.

– С тех пор произошло слишком много событий, – промямлил гость. Он по-прежнему не рвался обнажать шпагу за ту сторону, на которой родился. Это было разумно. И противно. Тристрам вместо дядюшки Шантэри! Фу...

Виконт вытащил часы. Как он и думал, приближалось время обеда. Марсель с сомнением посмотрел на несостоявшегося посла. Даже если Тристрама придется повесить, это никоим образом не является поводом его не кормить.

– В «Баране» вполне сносная кухня, – Валме кивнул адуану, и тот услужливо взял посольского коня под уздцы. – Кэналлийского не обещаю, но вина Савиньяка тоже неплохи.

– Откуда вы взяли? – Тристрам явно не принадлежал к числу поклонников местных сортов винограда. – Я полагал, вы в Фельпе или Валмоне.

– К сожалению, не могу ответить вам любезностью на любезность, – признался Марсель, устраиваясь за чистеньким столом, – ибо на ваш счет до недавнего времени не полагал ничего. Тем не менее мы превесело проведем время. Вы мне расскажете, что происходит в Олларии, а я вам поведаю о бордонских красотках и бегających башнях.

– У меня частное дело в Урготе, – Джон-Люк Тристрам угрюмо покосился на расположившегося у дверей адуана. Адуан чесал за ухом Котика. Котик улыбался. Милое животное, и так любит пряники.

– Прелестная группа, – заметил наследник Валмонов, – я подумываю о том, чтоб завести парочку варастийских волкодавов. Они очень понятливы и неприхотливы. Возвращаясь же к нашему разговору, вынужден заметить, что частных дел у полномочных послов не бывает. Ваше – не исключение. Кстати, не просветите меня на предмет странного создания на вашем плече?

– Это Зверь Раканов, – Джон-Люк на глазах становился все более и более хмурым, – герб Его Величества Альдо Ракана.

– Оно, в смысле величество, рискует стать посмешищем, – предупредил Марсель. – Свиноголовые существа редко вызывают уважение, а с крыльями и щупальцами тем более.

– Этому символу несколько тысячелетий, – вяло обиделся Тристрам.

– Ну и что? – не понял Марсель. – Птице-рыбо-дева тоже не молоденькая и все равно дура. С возрастом, мой друг, никто не хорошеет. Вы что-то хотите сказать?

– Я еду в Ургот по приказу признанного Церковью и многими державами короля. Вы меня задерживаете, принуждаете свернуть. По какому праву?

– Зачем оно вам, это право? – зевнул Валме. – У меня в десять раз больше людей, чем у вас, вот и все. Хозяин!..

– Виконт, – на лице Тристрама проступили красные пятна, которые ему удивительно не шли, – вас никогда не волновало ничего, кроме вашей персоны, моды и дамских прелестей, так...

– А теперь волнует. – Марсель повернулся к подбежавшему трактирщику. – Любезный, подайте сырный суп-пюре и тушеного зайца с черносливом. Вино то же, что вчера.

– Слушаюсь, сударь, – бараний заправила опрометью бросился на кухню. Он был неплохим поваром и славным человеком. Куда более приятным, чем сидящий рядом с Марселем.

– Господин капитан, – Орельен Шеманталь с маху опустил за стол, – мы открыли шкатулку с письмами. Вот они.

– Замечательно, – Марсель глянул на облепленные печатями бумаги. Верительные грамоты он опознал сразу же, кроме них было еще два послания. Фома читал письма к Ворону, а капитан Валме читает письма к Фоме. Как справедлив этот мир.

– Виконт, – начал Тристрам, – я должен вам заявить со всей определенностью...

– Я вас внимательно слушаю, – заверил Марсель, поддевая хлебным ножом печать с четырехглавым чудищем, но собеседник отчего-то замолчал. Марсель немного подождал и развернул письмо. Почерк был довольно красивым.

«Возлюбленный брат наш, Фома», – начало было многообещающим. Принц со Зверем набивался в родственники к герцогу с золотом. Валме поправил воротник и изготовился читать дальше.

– Сударь, – возопил несостоявшийся посол, – что вы себе позволяете?! Меня ждет Его Величество герцог Урготский.

– Не переживайте, – Марсель отправил в рот парочку оливок, хотя есть, говоря по правде, хотелось не слишком. – Его Величество Фома предоставил мне определенные полномочия, так что, вскрывая письма, я не совершаю ничего предосудительного.

– И все же я требую объяснений, – шпаги у Тристрама больше не было, иначе он вел бы себя тише. Виконт подмигнул Орельену:

– Займите нашего гостя, пока я ознакомлюсь с корреспонденцией. Граф, этот молодой человек знает множество занимательных историй про одного весьма примечательного вора. Они вам понравятся.

Джон-Люк набрал воздуха, готовясь к достойному ответу. Воистину дипломата из него не выйдет, дипломаты отвечают сразу. Марсель подхватил добычу и перебрался вместе с ней и оливками поближе к камину. Его не то чтоб знобило, но рядом с огнем он всегда чувствовал себя уютней.

«Наши державы самим Создателем предназначены для того, чтоб главенствовать в Золотых землях», – писал самозванный братец Фомы. – *Было бы уместным скрепить наш союз браком. Мы наслышаны о прелести и уме урготских принцесс, и мы просим брата нашего Фому...»*

Каков он, этот Ракан, которому все равно, на ком из сестер жениться? Он ни разу не видел ни Юлию с ее гаданиями и баронами, ни Елену, улыбающуюся, когда любая другая превратилась бы в фонтан слез. Елена и дорвавшийся до власти подонок! Да за одно это Альдо надо утопить к зубаньей бабушке, как выражается незабвенный Дерра-Пьяве.

«В знак того, что наше предложение принято, мы просим вернуть Талигойе древнюю

реликвию, находящуюся на хранении у Вашего величества, – требовал жених. – Исполнение нашей просьбы мы расценим как...»

Дальше шла обычная дипломатическая мура. Второе письмо и вовсе предназначалось принцессам. Эдакое кукареканье, пересыпанное сахаром и миндальной крошкой. Засевший в Олларии петух явно воображал себя пупом земли. Это было бы смешно, если б не Алва, положивший шпагу перед одним ничтожеством, спасая другое. Марсель с трудом подавил желание швырнуть раканью писанину в камин.

Образцы монаршего почерка и печатей могли пригодиться, как и верный вассал Повелителей Скал. Начесать шерсти можно даже с паршивой овцы, если знать, с какой стороны заходить. К столу Валме вернулся одновременно с притащившим первый поднос трактирщиком.

– Сударь... – Марсель зачерпнул из супницы, распробовал и кивнул трактирщику. – Очень недурно, рекомендую... Я прочитал ваши письма и вынужден вас огорчить. В Урготе вам делать нечего. Граф Шантэри прекрасно справляется с обязанностями посла, а дочери Фомы никогда не свяжут свою судьбу с человеком, на гербе которого изображены свиные головы. И это не говоря о том, что, называя себя братом урготского герцога и при этом добиваясь руки его дочерей, Альдо Ракан является или лжецом, или же извращенцем.

– Я не узнаю вас, Валме, – на физиономии Тристрама застыло выражение человека, уснувшего в постели любовницы, а проснувшегося на одной подушке с бабушкой жены.

– Не узнаете? – Марсель отправил в рот еще одну ложку сырного супа. – Это доказывает лишь вашу ненаблюдательность. Оставим эту тему. После ужина господин Шеманталь препроводит вас и ваших солдат в Тронко. Или до ближайшего дерева.

– Что? – Тристрам оттолкнул миску со злополучным супом. – Что вы сказали?

– Только то, что у вас, как и у любого на грешной земле, есть выбор. Либо вы говорите, что за реликвии ищет Ракан, мне. Либо сообщаете это закатным кошкам. Они, как известно, еще любопытней обычных.

– Меч Раканов, – выдавил из себя Тристрам. – Фердинанд отдал его Ворону.

Вот оно что! Клинок с лиловым камнем, осенние лилии, скрипки маэстро Гроссфихтенбаума, кричащие о неизбежности... За какими кошками Алве понадобились реквизиты? Деньги девать некуда было?!

Марсель Валме вытащил пистолет и аккуратно положил рядом с собой.

– Граф Тристрам, надеюсь, вы будете столь любезны, что после обеда расскажете мне о господине Ракане и его приятелях все, что знаете или хотя бы слышали. Хозяин, нам понадобится отдельная комната и шадди.

2

Разумеется, слуги ничего не знали, не видели и не слышали. Никого, хотя бы отдаленно похожего на обитателя Лаик, ни Ричард, ни Валентин не опознали. Все караулы стояли на месте, гимнеты клялись, что видели только слуг и придворных, хотя Суза-Муза не подоряжался ходить в малиновых штанах и звенеть бубенцами.

– В конце концов, это становится глупым, – выразил общее мнение Дэвид Рокслей. – Не знаю, чего добивался этот мерзавец, но дураками он нас уже выставил.

– Формальный вызов... – виконт Мевен с отвращением глянул на люк, через который из кухонь в буфетную поднимали кушанья, – только кому? Его Величеству, кому-то из нас или же всем?

– Герцог Окделл как-то вызывал семерых, – Робер подмигнул нахохлившемуся Дикону, – а нас, если исключить Ее Высочество, шестеро. Граф не столь уж и смел.

– Я не видел дуэли одного и семи, – Мевен слегка поклонился Ричарду, – но бой четверых и одного четверых не украсил.

– Семерной дуэли не видел вообще никто, – вмешался разглядывавший натюрморты с дичью Придд, – потому что ее не было. Был бой семерых против двоих.

– Герцог Придд! – и кто только придумал, что Скалы спокойней Молний?
– Герцог Окделл? – на губах Придда играла любезная улыбка. – Вы хотели сказать, что если один равен четверым, то бой двоих и семи становится боем пяти и семи, что уже не требует особого мужества?

Робер как-то успел оказаться на пути Дикона и подхватить его под руку.

– Рокслей, Мевен, – вот только оскорблений действием нам тут для полного счастья не хватало, то-то Медуза возрадуется, – слуги ничего не видели, но что-то могли заметить гимнеты. Герцог Придд, я могу вас попросить описать караульным ваших однокорытников? Возможно, кто-то из них был здесь.

– Да, Монсеньор. – Рокслей все понял и понял правильно. – Герцог Придд, мы будем вам весьма признательны...

– Разумеется, я пойду с вами и выполню свой долг, – поклонился Придд. – Герцог Эпинэ, я всегда к вашим услугам. Герцог Окделл, я ошибался. Меня подвела память. Это был бой не двоих, а полутора.

Дикон дернулся, но Робер с силой сжал локоть оскорбленного эория.

– Герцог Окделл, я хотел бы, чтоб вы оказали такую же услугу Карвалю и мне!

Мевен с Рокслеем взяли Придда в клещи, Спрут не сопротивлялся, зачем? Если Дикон не выдержит и нарушит эдикт, виноват будет он и только он. Валентин окажется оскорбленной стороной, ведь он не произнес ничего предосудительного. Повелитель Волн просто рассуждал о поединках.

– Это он, – бросился в бой Дикон, едва только закрылась дверь, – Спрут! Граф Медуза... Он ведь в Лаик графом был.

– Дикон, это не может быть Придд. Мы все время были друг у друга на глазах. Начиная с совета Великих Домов. Блюда подняли из кухни и принесли в столовую. Подложить перчатку мог разве что тот, кто снял крышку, но для этого нужно иметь руки фокусника.

– Ты, – Дикон аж задохнулся, дурачок, какой же он дурачок, – ты поверил этой твари?!

– Успокойся, – прикрикнул Иноходец, – и подумай. Ты этого не делал, у других не было даже такой возможности. Среди нас Сузы-Музы нет, если, конечно, он действует один.

– Робер, – мальчишка продолжал бушевать, – кроме Придда некому. Из Лаик здесь только он и я.

– Это не обязательно унар или слуга. – Эпинэ разжал пальцы, но занял стратегическую позицию между Повелителем Скал и дверью.

– Тогда кто?! – Окделл выглядел совершенно ошарашенным. Он не должен встречаться с Приддом, искренности с подколотностью не по пути.

– Да кто угодно! – пожал плечами Иноходец. – Ты кому-то рассказывал эту историю?

– Рассказывал, – сдвинул брови Дикон, – в Надоре, в Сакаци и еще в гостинице, после войны...

– Кому, если не секрет?

– Савиньякам, – Дикон запнулся, но все же сказал: – И герцогу Алва.

– О них можно забыть, – беспечно махнул рукой Робер, – если только они не поведали о несчастьях Арамоны еще кому-то. Двадцать человек на разные голоса пересказывают один и тот же анекдот, чего удивляться, что кто-то решил сыграть в Сузу-Музу. Отличный способ отвести от себя подозрения, а заодно лишний раз сравить тебя с Приддом. Ты – Повелитель Скал, тебе возглавлять коронационную процессию, Дикон, поэтому ты должен быть на ногах и не в Багерлее.

– В Багерлее?! – понятно, юный олух и думать забыл о предупреждениях.

– Если ты нарушишь эдикт, Альдо будет обязан тебя наказать. – Если Дика не проймет этот довод, его не проймет ничто. – Подумай, в какое положение ты поставишь короля.

– Да, – Дикон виновато улыбнулся, – я понимаю. Спасибо, что ты меня остановил.

Пронесло! Но Придд идет на ссору. Осознанно, хладнокровно, расчетливо. Его нужно унять, но как? Откровенный разговор не поможет, Спрут вывернется...

– ...немыслимо, – Мевен начал свою тираду еще за дверью. – Это совершенно

немыслимо!

Отправленная к гимнетам троица ввалилась в буфетную, прихватив с собой Жуайеза Нарди, недавно назначенного гимнет-тенъентом.

– Вот, – Рокслей сунул в руки Робера какой-то том. – Ты только полюбуйся!

Эпинэ полюбовался. Это была «Караульная книга», в которой под записью Нарди о приеме дежурства размашистым, но изящным почерком было начертано:

«15 день О.М. 399 К.С. Два часа пополудни. Проверил состояние караулов и выучку именуемых гимнетами глухарей и остался весьма доволен и тем и другим. Суза-Муза». Далее следовала лихая роспись, заверенная личной печатью с уже знакомым Роберу гербом.

Злокозненный «граф Медуза», пробравшись во дворец, своей неуловимости не утратил. Равно как и наглости.

– Не понимаю, – взвыл Рокслей, – в гимнетской толчется уйма народу, его не могли не заметить.

– Арамона тоже не понимал, – утешил вассала дома Скал Повелитель Волн.

3

Джон-Люк Тристрам понуро поплелся к выходу. На пути несостоявшегося посла мирно лежал Котик. Посол остановился. Котик перевернулся на пузо, поднял голову и показал зубы. Тристрам прирос к полу, Марсель отхлебнул шадди.

– Прошу меня простить, я совсем забыл... Котик пускает через порог лишь достойных доверия. Эй, кто-нибудь!

– Тут! – Орельен Шеманталь, что-то на ходу дожевывая, вырос на пороге. – Забрать?

– Да, мы закончили. Граф вел себя вполне разумно, но, боюсь, он впадает в меланхолию. Попробуйте развлечь его байками про вашего вора. Кстати, настоятельно рекомендую вам их записывать. Дидерих безнадежно устарел...

– Я рассказал все, что вы хотели, – проблеял Тристрам, убедительно доказав, что ему самое место в «Баране».

– Возможно, мне захочется чего-нибудь еще. – Если в Олларии остались только тристрымы, придется пить средство от несварения. – Орельен, держите его под рукой. Если вздумает удирать, бейте по ногам.

– Понял. – Шеманталь вывел позеленевшего «гостя» и прикрыл дверь. Котик зевнул и перебрался к столу.

– Хорошо мы его напугали, – виконт Валме потрепал лохматую башку и был немедленно обслюнявлен. Марсель пихнул собаку под кресло, допил шадди и принялся за подсчеты.

Отловленный господин Тристрам ехал быстро, если б так пошло и дальше, он бы за неделю добрался до Урготеллы. Вряд ли Фома возрыдал бы на груди нового посла, но «брат Альдо» старого пройдоху не знает. Брат Альдо полагает, что брат Фома все бросит и падет в раскрытые объятия вместе с дочерьми. Так... Отведем на падение два дня, а на обратную дорогу – двенадцать-тринадцать.

– В четырнадцатый день Зимних Скал, – объявил Валме храпящему Котику, – его свиноголовое величество вымоет уши и сядет у окошка ждать ответа. И оно его получит.

Дрыхнувший Котик и ухом не повел. Любопытно, что будет, если представить его с Эвро. Дети левретки и варастьского волкодава, удайся они ростом в папеньку, а норовом в маменьку, будут чудищами почище пресловутого Зверя. Бросать Котика было жаль, но уважающий себя хлыщ такого пса не заведет. И с прямыми патлами разъезжать не будет.

Репутация – великая вещь! В Тронко он въехал на имени Ворона и папенькиных заслугах, в раканьей Олларии придется запрягать старые грешки, благо их хватало. Валме снял куртку, потом стащил рубаху и подошел к зеркалу. Паршивому – что еще ожидать от гостиницы, но виконту хватило и такого.

Увиденное наполнило душу сразу и радостью, и досадой. До отъезда в Фельп Марсель

вел затяжную войну с фамильным животом, то отступая под его напором, то отгоняя ненавистное пузо на исходные позиции. Теперь брюхо было побеждено, но его отсутствие выдавало виконта с головой. Любой, знавший наследника Валмонов, поймет, что оный наследник болтался где угодно, но не в сытой Урготелле. Придется носить под рубахой стеганый жилет, который еще нужно найти. Мужчин это обманет, а дам? Менять привычки нельзя, значит, возникнут обстоятельства, в которых он будет вынужден предстать перед дамами без рубахи. Марианне еще можно что-то соврать, но графиня Рокслей? А не нанести вдове визит вежливости неприлично, тем более что Дженнифер должна многое знать.

Кстати, он же должен привезти из Ургота презенты! Марсель тихонько взвыл, заставив Котика вскочить, после чего засел за письма.

«Дражайший отец! К моему глубочайшему сожалению, я не могу встретить с Вами Зимний Излом, как намеревался. Ненастье вынудило меня поехать в обход, о чем я глубоко сожалею. Тем не менее я прочитал ваше последнее письмо и был весьма огорчен, что разминутся с навестившим Валмон другом...»

Обычно сыновние послания давались виконту с трудом, но на сей раз перо порхало по бумаге, как бабочка над азалией. Папенька чуял вранье и недомолвки нутром, сейчас это пришлось как нельзя кстати. Не то чтоб Марсель опасался, что Шеманталь не доберется до Валмона и потеряет по дороге господина Тристрама, но береженого и судьба бережет, а родителя такое письмо позабавит. Виконт подмигнул самозабвенно чесавшемуся Котику и начертал: *«Я посылаю вам к праздникам совершенно изумительную собаку. Не сомневаюсь, она станет вашей любимицей после того, как вы выведете насекомых и отучите ее разрывать клумбы. Доставивший животное курьер поведает вам его историю, очень поучительную. Вкратце она такова. Я обрел Графа (увы, некоторые сукины дети получают неподобающие им клички, как то: Маршал, Посол, Герцог, Принц) на Урготском тракте. Пес показался мне забавным, и я его перехватил.*

Последний владелец предназначил Графа в подарок герцогу Фоме и его дочерям, но я, проведя значительное время при дворе Его Величества и зная Их Высочества, счел, что подобный презент вызовет больше недоразумений, чем радости. Их Высочества предпочитают певчих птиц, а Ее Высочество Елена к тому же не переносит собачью шерсть. В довершение всего Его Величество Фома несколько мнителен, а в Олларии, как я слышал, обнаружена болезн ь, передающаяся через собак.

Разумеется, я напишу Его Величеству Фоме и Ее Высочеству Елене о допущенной мной вольности, но не сомневаюсь, что мои действия будут поняты правильно. Пользуясь случаем, прошу вас выслать в Урготеллу рассаду ваших новых астр, о чем просит наш дорогой Шантэри. Увы, состояние здоровья препятствует его возвращению. Чтобы хоть как-то его утешить, я оставил ему своего куафера, портного, камердинера и почти все свои вещи, в том числе ларцы для писем и маникюрных наборов. Поскольку дела настоятельно призывают меня в Олларию, прошу прислать мне взамен оставшихся в Урготелле слуг кого-нибудь из достойных доверия валмонцев.

Я буду ждать их в гостинице «Крылатый баран», о расположении которой вам сообщит мой курьер. У меня не столь уж много времени, я намерен добраться до столицы не позднее пятнадцатого дня Зимних Скал.

Остаюсь любящий и преданный ваш сын Марсель виконт Валме.

Прошу вас поцеловать руку маменьке и обнять за меня моих братьев.

Писано в 15-й день Осенних Молний в присутствии талигойского посла при урготском дворе».

Почтительный сын с удовольствием перечитал написанное, потянулся, зевнул не хуже волкодава и вновь взялся за перо. Оставалось написать Фоме и принцессе Елене...

Глава 5

Хексбергский залив
399 года К.С. 15-й день Осенних Молний

1

– Господин адмирал, от Доннера: «Вальдес обходит с наветра», – все еще не веря своему счастью, доложил Йозев.

– Хочет пройти нас справа и выиграть ветер, – проворчал под нос Кальдмеер. – Только дурак поверил бы, что Бешеный станет отсиживаться под прикрытием батарей и ждать, пока его разделают, как сидячую утку.

Фок Шнееталь не ответил ничего, Зепп – тем более. Юноша чувствовал себя свиньей, но свиньей самой счастливой в мире. Еще бы, ведь он заменил Руппи, вынужденного возиться с сухопутным генералом.

Нет, Йозев ничего для этого не делал, просто Шнееталь вызвал его на ют и рассказал адмиралу про деда и про то, что старший артиллерист весьма доволен лейтенантом Канмахером. Ледяной неожиданно тепло улыбнулся. «Что ж, – сказал он. – Вряд ли на верхней палубе сегодня будет большая нужда в офицерах-артиллеристах, а старина Ойленбах как-нибудь обойдется». Судьба Зеппа была решена. До возвращения Руппи.

– От Доннера, – вновь передали по шканцам. – Вальдес уклоняется к югу.

– Господин адмирал, – начал Зепп.

– Я слышал, – командующий слегка пожевал губами. – Он идет туда, где намечена вторая высадка. Умница! Что ж, мы можем не бояться слишком легкой победы. Йозев, передать Доннеру: «Авангарду перехватить и атаковать противника». Трем первым кораблям кордебаталии: «Присоединиться к авангарду». Передать арьергарду: «Каравану ждать приказа». Ну, а мы займемся фортами.

На шканцах было свободно и тихо: офицеры, канониры, палубные матросы ждали на своих местах, а у Зеппа, как назло, из головы вылетело имя второго корабля кордебаталии. Первым идет «Западный ветер», третьим – «Счастливый случай», а вторым?!

Четверо сигнальщиков при виде адъютантской повязки⁵³ вскочили и вытянулись в струнку.

– Приказ адмирала, – выпалил Зепп, – Доннеру. Флагман приказывает остановить Бешеного. Флагман передает авангарду три головных корабля кордебаталии. Купцам ждать.

– «Приказ адмирала командующему авангардом, – повторил второй лейтенант Блаухан. – Флагман приказывает перехватить и атаковать противника. Флагман передает в авангард «Западный ветер», «Солнечное сияние» и «Счастливый случай». Каравану ждать сигнала флагмана». Все!

Конечно же «Солнечное сияние», и как он мог забыть!

– Все верно, господин второй лейтенант. Благодарю.

Какой же молодец Блаухан! Хотя на «Ноордкроне» дураков просто не может быть. А теперь – назад, к адмиралу.

Зепп мчался назад, то и дело задирая голову – полюбоваться на ползущие вверх стеньговые флаги. Флаги, поднятые по переданному им приказу. Расшалившийся ветер весело трепал разноцветные полотнища, словно радовался, что три корабля сейчас прибавят парусов и начнут нагонять авангард.

– Спасибо, Канмахер, – буркнул адмирал, разглядывая в трубу устье Хербсте. Желтые речные воды мешались с серыми морскими; невысокие мутные волны наплзали на блеклый песок. Берег казался близким и беззащитным, но отмели и подступавшие к самым дюнам

⁵³ Лейтенант-адъютанты носили на правой руке особые повязки. Лейтенант-адъютант адмирала – белую с синей окантовкой.

болота стерегли его не хуже фортов.

Ровные скучные дали были такими одинаковыми, что казалось, «Ноордкроне» стоит на месте, а вместе с кораблем остановилось и время. О жизни, о движении, о будущем напоминали только плеск волн, поскрипывание снастей да нетерпеливый стук сердца. Зепп, стараясь не переминаясь с ноги на ногу, стоял у борта, ожидая приказа, но Кальдмеер ничего не приказывал, а Вальдес все не объявлялся.

Лейтенант успел возненавидеть высохшие тростники и горбатые, не желающие кончаться дюны, когда налетевший справа ветер принес отдаленный гром. Пушки! Судя по звуку, Доннер и Вальдес «приветствовали» друг друга с дальней дистанции.

– Адольф, – голос адмирала был скучным, словно он готовился не к сражению, а к приборке, – что вы скажете о ветре? Он меняется, не правда ли?

– Меняется? – шаутбенахт поднял голову, словно приносиваясь. – Мне так не кажется, впрочем, в Хексберг ветра вечно гуляют.

– Я знаю, куда мы пришли, – хмуро бросил Кальдмеер, продолжая вглядываться в унылые берега. Шнееталь отлучился, потом вернулся, пушечный рев становился все громче, показались форты. Кальдмеер опустил трубу.

– Господин капитан, – адмирал недоволен, но чем? – через полчаса открываем огонь. Приготовьтесь.

«Мы готовы, – едва не закричал Йозев, – мы очень хорошо готовы. И сейчас мы это покажем...»

2

На потемневшее серебро легли грязно-желтые полосы. Энтенизель. Те самые островки, меж которых утром пряталась «Акула». Пришли! То есть почти пришли. С палубы «Франциска» можно было разглядеть лишь море, дюны да Хитрый мыс, с которым поравнялся первый корабль авангарда.

Альмейда давно перестроил флот в боевую линию, но адмиралы по-прежнему вели свои эскадры сами, вопреки всем дриксенским и гайифским правилам. Как там звали бедолагу с жуткой фамилией, который написал книгу по стратегии? Пфейхтайер? Кажется, так...

Фельпец до боли вглядывался в горизонт, на мачтах «Рамиро Отважного» сигналов еще не подняли, дальше было не разглядеть, и Луиджи опустил трубу. Если ждать слишком сильно, время замрет, нужно отвлечься, отвернуться, подумать о другом, хотя бы о том, как стремительно «Франциск» из коня становится львом.

Восемь десятков недобрых бронзовых зверей потягивались и ворочались, предвкушая охоту, а покончившие со ствольными пробками артиллеристы высвобождали и расправляли тали. Банники и пыжевники уже лежали справа от пушек, и теперь здоровенные парни в кожаных безрукавках таскали ломы, гандшпуги, ворочали корзины с пороховыми картузами, ядрами, картечью, метались между пушками, развешивая плетенки с пыжами.

Берлинга, ловко обогнув мыс, лег на новый курс. Скоро дриксенцы увидят врага, по их расчетам находящегося за тысячи хорн.

– Это будет неприятно, – пробормотал фельпец, не отрывая взгляда от мачт авангарда.

– Что вы имеете в виду, капитан? – Филипп Аларкон ждал сигнальных флагов не меньше Луиджи, что не мешало мари́кьяре слушать и слышать.

– Дриксенцы будут поражены, – пояснил Джильди, – неприятно.

– Без сомнения, – подтвердил капитан-командор. – Кесарь сегодня выплюнет больше, чем проглотил, намного больше.

Аларкон говорил о гайифском золоте, купившем войну и измену. Сколько выложил Дивин? Сколько стоит дриксенский флот? Всяко дороже, а уверенность в себе цены и вовсе не имеет. После сегодняшнего провала «лебеди» взлетят не скоро.

– Хороший ветер, – на правах старого приятеля шепнул Альберто, – полчаса, и мы в

заливе. Они увидят нас, мы – их, вот и посмотрим, кому – вино, кому – вода!

– Ты еще сомневаешься? – улыбнулся Луиджи. – Вот уж не думал!

– Мы правы, – глаза марикьяре нехорошо блеснули, – морские боги с нами. «Гуси» заплатят и за хозяев, и за союзников.

Пальцы настырно тянулись к подзорной трубе, но фельпец заставил себя смотреть, как палубные матросы ставят меж орудий бочки с водой. Фитили еще не горят, а ненависть уже тлеет, еще немного, пламя вырвется наружу и бросится на дриксенские корабли. Сегодняшний день надолго запомнят и в Кесарии, и в Талиге. Жаль, в схватке парусных флотов галерам делать нечего, но вот купцы, про которых столько сказано... Почему б не заняться ими? Разумеется, не сейчас, а ближе к концу схватки, когда они с Рангони будут не нужны.

Мысль о том, что их помощь больше не понадобится, Луиджи постарался отогнать подальше. Встречая Альмейду, Джильди боялся не увидеть боя вообще. Их могли запросто сплавить в Штернштайнен, но адмирал решил, что во время боя сигнальные флаги не вполне надежны, и оставил «Акулу» себе, а «Ворона» – Берлинге. Будь здесь Дерра-Пьяве, торчать бы ему при Салине, но коротышка нынче плещется в теплых водах; удачи ему, где б он ни был. Удачи ему, и всем им, а в первую очередь – Вальдесу. Только б уцелел, а там пусть болтает, что хочет!

Капитан не утерпел, глянул на плывущие мимо борта болота: подгоняемая попутным ветром, эскадра шла быстрее искавших ее утром галер, вынужденных с этим ветром спорить, но одно дело – спешить на помощь, и совсем другое – сдерживать Кальдмеера с его оравой.

– От Берлинги! – выкрикнул Берто. В отличие от Луиджи, марикьяре не играл с судьбой в поддавки, а словно бы слился с подзорной трубой. – Альмиранте! Противник прямо по курсу.

Капитан Джильди перевел дух и с чувством выполненного долга припал к окуляру. На мачтах исчезавшего за мысом «Победителя дракона» лихо трепыхались два флага – синий и белый, а вверх ползли еще шесть: «Противник в дрейфе».

– Купцы, – Аларкон с силой сложил трубу. – Ждут, когда им дорогу расчистят.

Конечно, купцы. Дриксенский адмирал не ляжет в дрейф на полпути к цели, а вот оставить у входа в залив негоциантов, чтоб под ногами не путались, – запросто.

– Вальдес еще трепыхается, – капитан «Франциска» изо всех сил старался скрыть облегчение, – собака бешеная!

– Передать назад: «Прибавить парусов, – коротко бросил Альмейда, – следовать прежним курсом».

– Паруса ставить! – Аларкон вдруг мучительно напомнил Муцио: то же обманчивое спокойствие, в которое верят лишь чужие. – Все по местам!

Резкий свист дудок, хриплые, возбужденные голоса, шарканье, короткие, злые смешки.

– Марсовые – к вантам! По марсам и салингам!

Люди взлетают по натянутым струнам вантин, только голые ступни мелькают. Времени терять нельзя. Берлинга видит дриксов, значит, и они видят его. Или, если совсем уж разоспались, вот-вот увидят. Пока передадут на флагман, пока там поймут что к чему, пока развернутся... Бедные негоцианты!

– По реям!

Стремительные тени расползаются по марсам и брам-реям, слегка придерживаясь за «выстрелы»⁵⁴. Серое небо, серые паруса, серые куртки матросов... Внизу – доски палубы и ледяные волны, сырой ветер играет с хрупкими фигурками, жизнь от смерти отделяет лишь тонкое, мокрое бревно, но марикьяре держатся так, словно за спиной у них крылья.

– Отдавай, пошел шкот! С марсов и салингов долой!

Паруса поставлены, все целы. Пришпоренный шваном «Франциск» бросается вперед, а

⁵⁴ Перекладины поверх реев.

за флагманом, чуть промедлив, рвется «Звезда Талига». Закатные твари, какой дурак сказал, что под парусами ходят бездельники?

– Отлично! – рука Альмейды в алой с молнией перчатке ложится на эфес, за спиной первого адмирала нет кинжала, он остался в стене каюты. До победы или до смерти! – К бою быть готовым!

– К бою быть готовым! – повторяет Аларкон. – Ждать приказа. Фитили приготовить!

У орудий офицеры торопливо повторили канонирам:

– Ждать приказа. Фитили приготовить!

Суэта шквалом пронеслась по кораблю и схлынула, уступив место злomu, готовому взорваться бурей покою. По опустевшим палубам прошли пожарные матросы, скатывая водой и без того сырое дерево, громко и зло завопила пронесшаяся над самым кораблем фрагатта. Офицер-артиллерист проводил птицу взглядом и сложил на счастье четыре пальца. Люди молчат, вслушиваясь во все еще далекую канонаду. Скрипят снасти, веселится, заигрывает с волнами шван, да поднимается на горизонте странная гора, давшая имя городу и заливу.

– «Меня видят!»! – передал флагами Берлинга. – «Иду в бой».

– Теперь скоро, – Филипп Аларкон улыбнулся раскрасневшемуся Берто, – теперь уже скоро.

Тайна перестала быть тайной. Что чувствуют дриксы, заведя чужие паруса? Ненависть? Страх? Отчаяние? Или жажда боя?

– Капитан Аларкон! – бросает Альмейда. – Поднять штандарты! Пусть видят, кто идет, и зачем! Эномбрэдастрапэ!

– Эномбрэдастрапэ! – Аларкон махнул рукой флагманским музыкантам. – Эномбрэдасоберано!

Это не было ни талигойским гимном, ни молитвой. Из барабанного рокота и медного звона свивалось нечто дикое, неистовое, древнее и беспощадное, как гроза, шквал или смерч. Варварская музыка заставляла колотиться сердце, в висках стучала кровь, перед глазами в бешеном хороводе неслись крылатые огненные призраки, а по фалам ползли вверх два флага. Синий штандарт дома Алва и второе полотнище, алое, расколотое золотой марикулярской⁵⁵ молнией.

В залив входил отнюдь не флот Его Величества короля Талига.

3

Юхан Ключктер, известный от Ардоры до Ноордшванце как Добряк Юхан, раздраженно расхаживал по корме «Хитрого селезня». Впереди вовсю палили и не думали прекращать, как шкипер и предсказывал. Фрошеры были отнюдь не теми лопухами, над которыми смеялись сухопьятые дурни, по чьей милости полетел коту под хвост осенний фрахт и подвис весенний. Ключктер был коренным дриком, чем и гордился, но на сей раз затея Его Величества Готфрида вызывала, мягко говоря, раздражение.

Вдали опять грохнуло: кто-то вовсю бил из тяжелых пушек. Шкипер зевнул и с чувством, с толком, с расстановкой объяснил мате, что он думает о придурках, которые отбирают у добрых людей корабли и прутся на Излом глядя в такое поганое место, как Хексберг. Случившегося рядом племянника, разинувшего рот от дядюшкиных загибов, Юхан ловко прихватил за ухо, протасил вдоль борта и отправил пополнить флягу. Откуда-то вылез премьер-интендант, поставленный следить за реквизированным «Селезнем», и, пошатываясь, направился к борту. Очухался, морда зеленая!

⁵⁵ Флаг Марикуляр (райо) представляет собой алое полотнище, расколотое золотой молнией. После объединения Марикуляр с Кэналлоа, в свою очередь вошедшей в состав Талига, райо за пределами острова поднимался лишь в исключительных случаях, когда требовалось подчеркнуть, что марикуляр действуют не как подданные Талига, а по своим обычаям и законам.

Этого долговязого вяленого ублюдка селедки и краба Добряк ненавидел всеми фибрами души. Не понимающий ни уха ни рыла в морском деле болван начал с того, что спутал бак с ютом, поналепил на трюмные люки дурацких печатей и, наконец, обливал нагло занятую шкиперскую каюту. Салака тухлая! Клюгкатер был добрым эсператистом и не желал ближним зла, он просто хотел, чтоб крабье отродье поскользнулось на собственной блевотине и разбило свою пустую башку.

– Шкипер, – белесые гляделки уставились на Юхана, – вы готовы к высадке?

– Я-то готов, – рыкнул Юхан, – а вот ваш адмирал – нет, и кошки знают, когда будет.

– Вы сомневаетесь в мужестве моряков Его Величества? – отсутствие качки явно настроило недоноска на верноподданнический лад. – Это весьма предосудительно, шкипер, весьма...

– Я НЕ сомневаюсь, что Бешеный кровушки вам еще попьет, – процедил Клюгкатер, которого чужие делишки занимали лишь в той степени, в какой вредили или помогали его собственным. – Хорошо, если к вечернему приливу успеем, а как – нет?

– Войска Его Величества через два часа будут на берегу, – объявил тупица, – а тот, кто в это не верит, – трус и предатель.

– Я не верю, – лейтенант Лёффер, с десятком солдат охранявший груз и уroda-интенданта, был человеком приличным, не то, что начальник. – Через два часа еще будет отлив, а в отлив только утки высаживаются. Доброго ветра, шкипер.

– И тебе ветра доброго, – откликнулся Добряк. – Пришли послушать, как стреляют?

– Ваша фляга, дядюшка, – дурак племянник радостно протягивал драгоценный напиток, попробуй теперь не угости.

– Весьма кстати, – одобрила интендантская морда, – но я пью только из своего стакана, который мою лично. Юнга...

– Питер! – Тебе нужен твой стакан? Вот сам за ним и иди! – Бери трубу и дуй на шканцы. Мы ждем сигнала к высадке, смотри не пропусти.

Питер, сверкнув лунообразной физиономией, умчался. Следом уполз и поганный интендант, на прощанье одарив шкипера злобным взглядом.

– Зря вы так, – Лёффер с готовностью отхлебнул можжевелевой настойки и вернул украшенное грудастыми рыбихвостками сокровище хозяину, – этот человек злопамятен и имеет связи.

– Я тоже злопамятен, – отрезал Добряк, – он обливал мою берлогу, и я не желаю его больше видеть. Если военные сделают свою работу быстро, я разгрузюсь и уйду в Ардору. Там можно спокойно жить и не ждать, что тебе изгадят фрахт.

– Пусть все пройдет гладко, – пожелал лейтенант, – а пока мы можем только ждать. Ваше здоровье!

– После вашего! – Если Хексберг возьмут, нужда в чужих лоханках отпадет, по крайней мере до весны, а там ищи рыбу в море. Но если дело затянется? Если заставят возить порох и жранье для осадной армии? М-да, это будут сплошные убытки, что б там любимый кесарь ни обещал.

– Дядюшка! – завопил Питер, тыча трубой в сторону моря. – Идите сюда! Тут такое!..

– Что там у тебя? Кит, что ли?

– Скорей! Ой-ей-ей!

Юхан пожал плечами и с достоинством двинулся на зов. Если весь шум из-за выеденного яйца, второму уху паршивца несдобровать. А это еще что такое?! На соседнем судне, «Могучем битюге» молодого Браунбарда, засуетились и забежали, где-то рядом грохнула пушка, а сбоку на горизонте обозначилось нечто, чего там быть вовсе не должно. Клюгкатер поднес ладонь ко лбу – так и есть, корабли!

В два прыжка шкипер подскочил к Питеру и выхватил трубу. Защити Создатель, линейалы! Паруса до самого горизонта, и прут прямо на его любимую посудину. Своим взяться неоткуда, свои собачатся с Бешеным, значит, чужие! Тот самый Альмейда, который, по словам этих олухов, развлекается на юге. Как же, всю жизнь мечтал!

Флагов было не разглядеть, но флаги нужны тем, у кого на плечах не голова, а задница. От шкиперского рева «Селезень» едва не взлетел. Марсовые вострепанными котами метнулись вверх по вантам, доставаться фрошерам не хотелось никому. Матросы торопливо отвязывали марсель и вязали рифы, мало чем уступая, если уступая, синезадым тупарям⁵⁶!

Корабль лихорадочно одевался парусами, а Юхан столь же лихорадочно соображал, куда податься. Развернуться и рвануть в открытое море? Увы, зоркий глаз капитана разглядел мористее приближающейся колонны что-то очень похожее на паруса...

Так и есть, фрошеры! Ну и что, что мельче главных, с «Селезней» и фрегата хватит. Эх, вот бы прорваться всем скопом, да куда там! Соседи слева и справа бестолково разворачивались, явно собираясь нырнуть под хвост Кальдмееру, а единственную пристойную щель загородил задницей болван Браунбард.

Мало того, на мачте «Серебряной Розы» какая-то дубина подняла сигнал «Следовать за мной». Хотя почему это «какая-то»? Грубер это! Господина генерала блюющих в трюмах солдат Добряк видел лишь дважды, но этого хватило. Такому расстрелять – что малую нужду справить. Нет, господа селедки, приказы надо выполнять, особенно если над твоей душой стоят дурни с мушкетами. Шкипер смачно сплюнул за борт и рывкнул рулевому:

– Хватит дрыхнуть, лево руля!

4

Драка шла уже на траверсе «Ноордкроне». Бешеный оправдывал свое прозвище; окажись на месте Доннера Бермессер с его кружевным шарфом и деревянной головой, линия авангарда могла быть если не прорвана, то смята. Фрошер лез вперед, норовя подойти на пистолетный выстрел, а то и сцепиться на бордаж. Доннер умело лавировал, сохраняя дистанцию, несмотря на «гуляющий» ветер и близость берега.

– Что же, – фок Шнееталь смотрел на сцепившиеся эскадры с какой-то смесью досады и восхищения, – там высадка пока отменяется. Жаль, Вальдес ходит под «Фрошзигером»⁵⁷. Я б не отказался сменять его на Вернера.

– Такая сделка даже гоганам не по силам. – Ледяной Олаф погладил шрам на щеке, Руппи говорил об этой привычке. – Но вы правы, к приливу Доннер может и не управиться, а «в два огня» его не поставить. Мели. Что ж, сосредоточимся на фортах, высадим Грубера и займемся Бешеным. Йозев!

– Мой адмирал!

– Что бы вы решили с талигойцами?

– Они хотят сближения, – выдохнул Зепп, – пусть они его получают.

– Вот она, молодая честность. – Создатель, и как человека с такой улыбкой называли Ледяным? – Но что хорошо в двадцать, в сорок нелепо.

– Фридриху тридцать восемь, – напомнил Шнееталь, – хотя это мало что меняет. Мы не станем их подпускать, не так ли?

– Когда кончится высадка, я предложу Бешеному уйти. Это лучше, чем покалечить десяток линеалов и потерять несколько сотен отличных моряков, а дешевле он нам не обойдется. Скорее, дороже.

– Вальдес флаг не спустит.

– Я не столь глуп, чтоб просить льва сбрить гриву, – пожал плечами адмирал, – а Бешеный не столь глуп, чтоб защищать разбитые яйца. Пока есть за что драться, он станет драться, но потом уйдет, и я готов пожелать ему удачи. На юге.

– Вам будет сложно объяснить свое решение в Эйрехте, – фок Шнееталь казался

⁵⁶ Презрительная кличка военных моряков, носящих иссиня-черные мундиры.

⁵⁷ «Победитель лягушек» – презрительное название талигойского флага.

встревоженным. – Вернер представит все или как ошибку, или как предательство.

– Его Величество знает меня и знает Фридриха, – адмирал снова тронул шрам. – Он выберет ту правду, которая ему ближе. И хватит об этом, мы еще не победили. До устья не больше пары хорн, будем надеяться, ветер не сменится. Через пятнадцать минут меняем курс, через сорок – открываем огонь. Лейтенант!

Но Зепп уже сорвался с места, он и раньше знал, что Ледяной, как и Шнееталь, не жалуют каблучных щелкунов. Это с бермессерами нужно ждать, когда тебя отпустят, а Олаф любит, когда думают головой, а не уставом.

– Осторожней, Йозев, – улыбнулся Блаухан, – вы рискуете сбить лбом мачту, и как я, скажите на милость, стану поднимать свои флаги? Что там у вас?

– «Через пятнадцать минут – поворот, через сорок – огонь по фортам».

– Чудесно, – одобрил второй лейтенант, – это ведь ваше первое сражение?

– Да. Были еще каданцы, но это несерьезно.

– Зря вы так, – не согласился Блаухан, – убивать волков сложнее, чем рубить деревья. Тех хотя бы знаешь где найти.

– «Сигнал от адмирала Бермессера, – завопил сверху дозорный. – Противник с юго-запада. Четыре хорны».

Какой еще противник? Откуда?! Кто-то из капитанов Вальдеса оказался в море и прорывается к своим? Но почему «противник», а не «корабль»? Их там что, много?

– Вернер совсем обалдел, – развеял недоумение Блаухан, – спутал либо фрегат с флотом, либо, что верней всего, команду, а на «Звезде» не забалуешь. Лучше адмиральскую дурь передать, чем прослыть умней начальства, но я вас задерживаю...

– Мне правда надо бежать, – смутился Йозев. – Спасибо, господин второй лейтенант!

– Ну так бегите, – засмеялся сигнальщик, – но в Хексберг мы с вами выпьем. За победу и за адмирала.

Они выпьют обязательно. Настоящего, хорошего вина. Может быть, даже кэналлийского. Должно же в Талиге быть кэналлийское. У него есть немного денег, осталось из наградных, нужно пригласить Руппи и Блаухана. И господина Ойленбаха, если он не откажется...

– Что передает арьергард? – Лицо командующего ничего не выражало.

– «Противник на юго-западе. В четырех хорнах», – послушно повторил Зепп.

– Бред, – капитан «Ноордкроне» от возмущения топнул ногой в потрепанном иссиня-черном сапоге. – Хотя чего ждать от больного здоровья?

– Надеюсь, что бред, – все тем же ровным голосом откликнулся Олаф, – но беда имеет обыкновение приходить оттуда, где ты оставил дурака. В следующий раз я оставлю Вернера при себе, а после боя напьюсь.

– У Вальдеса двадцать один вымпел, – брови шаутбенахта сошлись в сплошную рыжую черту, – именно столько, сколько доносили «ардорцы». Больше ему взять неоткуда, «Микаэла», «Пфейфер» и «Голдфиш» облазили каждую дырку.

– Верно, – подтвердил Ледяной Олаф, и Йозеву отчего-то стало неудобно, – они не видели никого, кроме дозорных, не снизошедших до рыбаков и торговцев. Йозев, приказ по эскадре: «Ждать приказа. Быть готовым к повороту...» Ты хочешь что-то сказать?

– Ты шарахаешься от тени, – капитан и адмирал перешли на «ты». В присутствии подчиненного.

– Тени сами по себе не появляются. – отрезал Олаф. – Йозев, ноги в руки...

– Отто Бюнц передает, – выскочивший на бак сигнальщик напоминал выхваченного из воды ерша. – «До полусотни вымпелов, в боевой линии, курс восток-северо-восток».

– Этого не может быть, но оно есть, – как не походила эта улыбка адмирала на недавнюю. – Бюнц не Вернер. Это не тень, Адольф. Это Альмейда.

– Но как...

– Неважно как! – адмирал отошел к борту, отвернулся. Йозев видел прямую спину, коротко стриженные волосы, шпагу в видавших виды ножнах. Адмирал смотрел на свои

корабли, а лейтенант на адмирала, за которого был готов немедленно умереть. Не за кесаря, не ради славы и орденов, как ему мечталось еще утром, а вот ради этого высокого худого человека с разными улыбками.

Кальдмеер странно дернул головой, словно ответил кому-то невидимому, и повернулся.

– Приказ по всей линии – поворот «Все вдруг». Команду над арьергардом принимает шаутбенахт Бюнц, он же ведет колонну. Курс на караван. Всех не занятых при маневре офицеров – ко мне!

– Мой адмирал, – растерялся «ерш». – Команду над арьергардом принимает...

– Шаутбенахт Бюнц, – с нажимом повторил Ледяной Олаф.

– Есть, господин адмирал, – сигнальщик опрометью бросился вниз, только спина мелькнула.

Флаги резво побежали по фалам, не прошло и пары минут, и, словно пытаясь их догнать, под несмолкающие боцманские свистки бросились вверх марсовые. «Ноордкроне» сначала неохотно, а потом все уверенней разворачивалась вправо, остальные отставали. Немного, но достаточно, чтобы притихшая было гордость подняла голову. Если идти в бой, то на флагмане, под брейд-вымпелом Ледяного Олафа.

Пусть не будет ни штурма, ни высадки, Хексберг подождет. Положение, в котором они оказались, не из лучших, но силы равны, а Кальдмеер – лучший из живущих адмиралов. Но как же паршиво, что ближе всех к фрошерам оказался Вернер.

Разворот был окончен. Щитоносная коронованная дева уже указывала мечом на нового противника, а «Кунигунда» еще пыталась вернуться в линию. Ну сколько можно возиться?

– Господин адмирал, – старший офицер попробовал доложить по всей форме, но Кальдмеер лишь рукой махнул.

– Без докладов, – взгляд адмирала был прикован к мачтам, – подождем известий.

Офицеры, давно одетые для боя, один за другим взбегали на ют, отдавали честь, становились в строй. Серьезные лица, иссиня-черные мундиры, серебряное шитье, белые перчатки... Цвета флота Дриксен, цвета зимнего моря в шторм. «Сквозь шторм и снег!» – начертал на морском штандарте Людвиг Гордый, и это не пустые слова. Они выиграют этот бой, обязательно выиграют.

Вернулся фок Шнееталь, прибежал судовой лекарь, заметался вдоль борта, увидел священника, подошел к нему. Отец Александер тронул орденский знак, его лицо было спокойным и уверенным.

– «Бюнц докладывает, – лицо Блаухана было серым, как матросская куртка, – у противника около семидесяти вымпелов без легких кораблей».

– Проклятье, – рука Кальдмеера метнулась к шраму, – он привел их всех!

Семьдесят! А Доннер связан по рукам и ногам. Знал ли Бешеный про Альмейду? Если знал, оторваться от него будет непросто...

– Господа, – а вот теперь голос адмирала и впрямь стал ледяным, голос и глаза, – очевидно, что наше предприятие провалилось. Теперь наш долг – спасти тех, за кого мы в ответе перед кесарем, Создателем и своей совестью. Блаухан, передайте Доннеру: «По возможности выйти из боя и следовать за нами». Всем: «Защищать караван». Купцам: «Держаться вместе и уходить в море». Возвращайтесь на свои места, и храни вас Создатель. Горнисты, «Дриксен верит своим морякам».

Пели горны, скрипели снасти, быстро стучали сапоги, бешено колотилось сердце, не от страха, от ожидания!

– Такие дела, Адольф, – неожиданно тихо сказал Кальдмеер, глядя на бьющегося на ветру лебедя, и подтянул узел на шейном платке, словно душу застегнул. – Выходи из линии и ставь все паруса. Я не могу во время боя болтаться в хвосте. До схождения больше получаса, мы успеем выйти хотя бы в середину.

Глава 6 Хексбергский залив

– Что все это значит? – сварливо осведомился фок Хохвенде, уставив длинный палец в сторону разворачивающегося флота.

Что все это значило, Руппи не понимал, но признаваться в этом долговязому зануде, по милости которого приходится болтаться в хвосте, лейтенант не мог.

– Флот произвел маневр, именуемый «Поворот все вдруг», – деревянным адъютантским голосом отгарабанил Руперт, – после чего начал движение в крутой бейдевинд.

Прием сработал. Хохвенде был из тех, кому проще наложить в штаны, чем признаться, что они чего-то не понимают. Генерал Грубер вряд ли скажет «спасибо» за такой подарочек, но во время высадки командующий должен находиться с солдатами, даже если его дело – носить шляпу и зажимать нос платочком.

– Благодарю вас, граф, – Амадеус расправил блестящий кожаный плащ и ласково улыбнулся, давая понять, что говорит не с младшим офицером, а с добрым знакомым. – Я рад, что меня сопровождаете именно вы. На Западном флоте не столь много достойных. Что поделать, рыба портится с головы.

Будь на месте Руперта Зепп, он бы или онемел, или вспылит, но граф Хохвенде никогда не заговорил бы с плебеем. Другое дело – будущий герцог фок Фельсенбург, он не просто «свой», он нужен Его Высочеству Фридриху и его сторонникам. Руперт учтивейшим образом наклонил голову:

– Сударь, господина адмирала Кальдмеера весьма ценит моя бабушка. Она полагает, что, служа под его началом, я приобрету необходимый опыт, – что-то случилось, что-то, вынудившее Ледяного изменить планы, что?

– Когда я буду в Эйрехте, – Хохвенде и думать забыл о маневре, его стихией была не война, а интриги, – я непременно засвидетельствую свое почтение герцогине Штарквинд и передам, что она может гордиться своим внуком.

– Мой генерал, – произнес Руппи с приличествующим случаю придыханием, – я глубоко вам признателен.

– Пустое, – великодушие захлестывало Амадеуса, как волна гичку, – благородные люди должны оказывать друг другу услуги. Не правда ли, мой молодой друг?

– О да, – согласился вышеупомянутый друг истинно эйрехтским тоном, что извергло из столичного рта новую порцию смешанной с духами патоки. – Я счастлив быть полезен вашему превосходительству.

– Ваши услуги неоценимы, – пропел Хохвенде. – Скажите, вы не хотели бы перейти к моему другу Вернеру, о, простите, к адмиралу фок Бермессеру?

Руперт не поперхнулся только благодаря фамильному самообладанию, помноженному на столичную закалку. Родичи усиленно растили из него канцлера, никак не ниже. Флотский чин и несколько орденов, по мнению отца и бабки, должны были помочь блестящей карьере Руперта фок Фельсенбурга. Ни герцог, ни грозная дама и помыслить не могли, что милый Руппи твердо решил стать адмиралом Западного флота, если, разумеется, таковым не станет Зепп.

– Ваше предложение чрезвычайно лестно для меня, – заверил фок Фельсенбург, проклиная себя за то, что не прихватил зрительную трубу, – но у моря свои законы. Если я покину адмирала ради вице-адмирала, скажут, что я не справился со своими обязанностями.

– Убедительно, – еще бы, таких, как ты, только шкурные доводы и проймут, – но почему вы решили, что вам придется переходить к вице-адмиралу? Уверяю вас, этот поход многое изменит.

Жаль, Ледяной не бросил Вернера против Бешеного. Ах, как жаль! Паркетная скотина

слишком быстро оправилась после конфуза и взялась за старое. С помощью Фридриха и гайфских денег, вестимо.

– У нас на флоте, – с нажимом произнес Руппи, – считается дурной приметой загадывать дальше окончания кампании. На траверсе «Весенняя птица». Прикажете узнать причину маневра?

Вернер спит и видит сквитаться с Бешеным, ему плевать, сколько кораблей фрошеры утянут на дно. Да нет, не плевать, для Вернера с Амадеусом чем хуже, тем лучше.

– Узнайте, – махнул белоснежной перчаткой Хохвенде. – Хотя, если б было что-то требующее моего присутствия, нас бы вернули.

Создатель, а вдруг Кальдмеер договорился с Вальдесом, и тот согласен уйти, но требует отвести эскадру из залива? Тогда происходящее если чего и требует, то отсутствия прихвостней Фридриха, а он тоже хорош, полез, куда не звали. Было ж сказано: отвезти генерала Хохвенде к его подчиненным, вот и надо было везти, а не языком молоть.

Конец терзаниям положила сигнальная пушка. На носу «Весенней птицы» взмыл малиновый сигнал – немедленно подойти к борту. Похоже, генерал и в самом деле кому-то понадобился.

– Мой генерал, – прокричали с корабля, – высадки не будет. В залив входят фрошеры, предстоит бой. Капитан просит подняться на борт...

Фрошеры? Откуда?! Вальдес сзади со всеми кораблями, Альмейда частью в Фельпе, частью на Марикияре, или там не все? Сколько же судов вернулось? Пять, десять? Всяко не больше двадцати, но негоциантам хватит и этого.

– Осторожней, – предупредили с «Птицы», – спускаем штормтрап.

– Не нужно, – взвизгнул фок Хохвенде. – Я требую доставить меня к вице-адмиралу Бермессеру. Я должен обсудить с ним создавшееся положение.

И убраться если не в середину линии, то хотя бы в хвост свежеиспеченного авангарда. Ну и Леворукий с тобой.

– Слушаюсь, господин генерал, – верноподданнически рывкнул Руппи, – но я, в свою очередь, буду вынужден вернуться к адмиралу и доложить о вашем решении.

– Разумеется, – повеселевший заяц милостиво хлопнул лейтенанта по плечу. Руппи чуть не стошнило.

2

– Квальдэто цэра! – Альмейда так сверкнул глазами на Аларкона, словно это Филипп посоветовал дриксенцам развернуть корабли. – Они прячут купцов за свою линию!

– Бери круче к северу и прибавь парусов, – на скулах капитана «Франциска» заходили охотничьи желваки. – Ветер за нас, подрежем им курс, куда они из залива денутся?

– Не годится, – адмирал уже справился с собой, только ноздри раздувались, как у рвущегося с привязи коня. – Кальдмеер не овца: запрешь – пойдет на прорыв, потащит за собой «купцов» с солдатами и превратит бой в свалку с абордажем.

– Ну и что? – удивился Филипп. – Для чего мы подняли «Райос», если не для драки?

– Я не меняю альбатросов на «гусей», даже один к сорока, – руки в алых перчатках стиснули зрительную трубу, словно чью-то шею. – Мне не улыбается брать на абордаж лоханки, битком набитые солдатами, и я им не позволю брать на абордаж нас.

Они хотят драться в линии? Очень хорошо! Мы не станем марать руки о наемных убийц, лезущих в оставшийся без мужчин дом. Берто! Передай Берлинге: «Два румба вправо». Всем: «По сигналу – сомкнуть колонну»⁵⁸.

Берто умчался, Луиджи проводил глазами скользящие к облакам флаги и подавил вздох. Если б не сапоги, мундир и боязнь показаться пьяной каракатицей, фельпек влез бы к

⁵⁸ Стандартные интервалы между кораблями – около 600 бье.

наблюдателям и видел хотя б сигналы Берлинги.

– Они развернулись, – выпалил запыхавшийся Берто, – линию выравнивают.

Об исполнении приказа тенъент доложить не озаботился. Адмирал Кимароза впал бы от подобного разгильдяйства в неистовство, но старый мешок, как и многое другое, остался в прежней жизни, разлетевшейся серым, осенним пеплом, а что осталось? Дорога в никуда из ниоткуда да засевшая в сердце потеря?

Ледяной фонтан с поразительной точностью угодил меж волосами и воротом рубашки, заставив Луиджи вздрогнуть и затрясти головой. Холодная струйка непоэтично побежала вдоль позвоночника, вытесняя высокие думы мечтами о полотенце.

– Вот ведь зараза, – с чувством произнес фельпец. Ничуть не устыдившийся ветер в ответ ударил по вантам, как по струнам, лихо плеснул в корму, царапнул ни в чем не повинный залив и помчался к берегу, волоча растрепанные облака.

– От Берлинги, – проорали с марсов. – «Бой стихает».

– Кто-то выходит из боя, – пробормотал Аларкон, ослабляя алый шейный платок. – То ли Вальдес слабеет, то ли «гуси» потеряли к мерзавцу интерес.

– Зато Ротгер интереса не потеряет, – заговорщицки прошипел Берто, – у них любовь до гроба.

– Хорошо бы, – тоже шепотом откликнулся Луиджи, – его корабли лишними уж точно не будут.

Альмейда сощурился, разглядывая пластавшиеся в серебряной выси флаги. Глухо рокотало море, влажно блестела готовая к бою палуба, ждали своего часа люди и пушки. Альмейда повернулся к Филиппу.

– Всей эскадре, – голос адмирала был злым и веселым, – сократить интервалы вдвое!

3

«Ноордкроне» успела добраться лишь до середины колонны, дальше рисковать было глупо, это понимал даже Зепп. Фрошеры приближались слишком быстро, а ветер вовсе ошалел. Дувший с юго-юго-востока, он то и дело принимался скакать угорелой кошкой. Пока с этими бесчинствами удавалось справляться, но ведь бой еще не начался.

– Хватит, – с явной досадой велел адмирал, – становимся в строй. «Святому Эберхарду», «Отважному воину» освободить место флагману.

На линеалах подняли ответные сигналы, забил сигнальный колокол, матросы бросились к вантам.

– Ну вот, – почти с удовольствием произнес фок Шнееталь, – нам сейчас только кэцхен не хватало.

– Мы знали, куда шли, – в голосе Кальдмеера послышалась сталь. – К повороту готовиться!

Налетевший с берега еще не шквал, но уже не просто ветер, не затронув «Ноордкроне», рванул паруса «Эберхарда», «бродячая волна»⁵⁹ хлестанула в борт, разбилась фонтанами брызг, корабль обиженно дернулся, но серые фигурки на мачтах продолжали делать свою работу. Линеалы послушно расступились, освобождая место флагману. «Воин» – быстрее, на «Эберхарде» вышла какая-то заминка.

– К повороту! – велел Шнееталь, следя за движениями «Эберхарда». – Кабан неуклюжий! Шкоты передних парусов! Руль под ветер!

«Ноордкроне» с готовностью развернулась, красиво встав на пенный след «Воина». Шаутбенахт довольно улыбнулся:

– Пусть подходят, мы в порядке.

– Они тоже, – улыбнулся одними губами адмирал. – Хорошо идут, не придерешься!

⁵⁹ «Бродячая волна» – волна, возникающая в результате необычной комбинации ветра и волн.

Фрошеров было видно даже без трубы. Чужие паруса разрывали горизонт, огромные корабли слегка кренились под ровным ветром, это было красиво. Создатель, как же это было красиво!

Ледяной Олаф упер трубу в колено и насупился:

– Странно, что они продолжают идти встречным курсом, да еще на таком удалении. С тысячи бье хорошо не прицелишься. Если так пойдет и дальше, мы разойдемся, толком не потрепав друг друга. А что потом?

– Развернутся и пойдут в погоню? – предположил Шнееталь. – Захоти Альмейда перекрыть нам выход, он бы это уже сделал.

– Если они собрались вытеснить нас из залива, – тихо произнес Ледяной Олаф, – я скажу «спасибо» и уйду.

– Ты представляешь, какой визг поднимет Вернер? – сморщился фок Шнееталь. – Ты упустил победу, бежал с поля боя, в то время как он...

– О да, – хохотнул адмирал, – Фридрих дорого бы дал за то, чтоб я красиво сложил свою непородистую голову, но я не доставлю ему такой радости, слишком много за мной чужих голов. А вот с тех, кто клялся всеми святыми, что Альмейда на юге, шкуру содрать и впрямь стоит.

– Господин адмирал, прошу разрешения говорить, – старший палубный офицер Гюнтер Кляйнпауль блеснул мундирными пуговицами. – Линия выровнена. Отец Александер просит разрешения подняться на ют.

– Передайте мою благодарность команде и соседям и скажите отцу Александеру, что я его жду. А вы наденьте плащ и не снимайте, пока не станет жарко. Победа стоит жизни и здоровья, парадный устав – нет.

Кляйнпауль, стуча сапогами, сбежал вниз, справа по борту море прочертила пенная полоса, помчалась в сторону крепости. Это и есть кэцхен?

– Ты только посмотри на их интервалы, – вернулся к прерванному разговору адмирал. – Я бы так не рисковал.

– Да, идут тесно, – пожал плечами фок Шнееталь. – Толку-то при встречных курсах.

– И все же, Адольф, я хотел бы понять, что задумал этот южанин?

– Ты же решил, что он гонит нас от Хексберг. Для фрошеров война сейчас излишняя роскошь.

– Для нас тоже. Что ж, будем надеяться, они позволят нам обменяться поклонами и разойтись...

– Господин адмирал, – отец Александер сменил парадное облачение на простую сутану, алый лев тревожно мерцал на сером сукне. – Сын мой, Создатель в великой справедливости своей посылает нам достойный бой. Нет славы тем, кто вчетвером нападет на одного. Нас меньше, но корабли наши крепки, а сердца еще крепче. Будь же благословен во имя Создавшего все сущее! Живи и действуй к вящей славе Его. Орстон!

– Мэратон! – склонил голову адмирал. – Прошу вас пройти по всему кораблю. На пушечных палубах вы нужней, чем здесь.

– Конечно, – священник казался удивленным, – место мое с теми, кто служит Создателю и Дриксен.

– Это не фрошеры! – завопил впередсмотрящий, разом позабыв об уставе и субординации. – Не фрошеры!

– Что? – подался вперед адмирал, выхватывая трубу.

– Неопознанные флаги, – надрывался наблюдатель, – они несут два гюйса, синий с черным и алый, цельный⁶⁰...

Под цельными флагами ходят лишь мориски и корабли Его Святейшества, но шады не

⁶⁰ Имеется в виду равномерно окрашенное полотнище в отличие от общепринятой традиции помещать в левый верхний угол государственный символ.

держат корабельного флота, а у Его Святейшества серые штандарты и всего шестнадцать вымпелов...

Адмирал опустил трубу:

– Если я что-то понимаю, синий – это штандарт Кэналлоа, он же штандарт Алвы, хотя меня сейчас больше занимают алые флаги.

Алва?! Зепп едва не выкрикнул это имя вслух. Как это понимать?! О том, что проклятый Ворон наконец попал в клетку, говорилось в зачитанном перед отплытием Высочайшем Приказе.

Неужели Его Величество лгал? Нет, кесаря обманули, чтобы вынудить вступить в войну. Пленение Ворона – такая же ложь, как и ушедший на Марикьяру флот.

Адмирал протянул Шнееталю трубу:

– Взгляните, капитан, это весьма поучительное зрелище. Хотел бы я знать, кто платил лазутчикам, видевшим Альмейду на юге.

– Им платил Дивин, – буркнул капитан. – Ничего не понимаю! Что это за тряпки?

– Вряд ли в Устричном море их видели, – рука адмирала погладила искаленную щеку. – Это марикьярские флаги, кажется, они означают кровную месть.

– Олаф, – пробормотал Шнееталь, – я ничего не понимаю. Разве у нас с ними есть какие-то личные счета?

– Не знаю, Адольф, – Ледяной Олаф устало потер висок. – У меня вроде бы нет, но не стоит забивать себе голову гаданием. Просто примем к сведению, что в плен они нас брать не будут. Ничего не поделаешь!

Адмирал неторопливо повернулся спиной к вражескому флоту.

– Отец Александер, идите к людям. Сейчас ваши молитвы нужны, как никогда. Господин Кляйнпауль, доведите до сведения эскадры, что штандарт Алвы – это еще не сам Алва. К тому же на корабле он не более чем пассажир, а на землю мы вряд ли сойдем. Наше дело в море, и на море нам есть что сказать. Поднять сигналы: «К бою иметь полную готовность. С помощью Создателя мужественно исполним свой долг».

– Господин адмирал, – Кляйнпауль нерешительно глянул на адмирала, – может быть, собрать господ офицеров?

– Все уже сказано, – отрезал Ледяной Олаф. – Мы присягали не щадя жизни служить Создателю и кесарю и спасать прежде себя тех, кто нам доверился. Угрозы марикьяре ничего не меняют.

Медленно-медленно Гюнтер Кляйнпауль отдал честь, повернулся, достиг трапа, исчез, за ним, так же медленно и текуче, спустился священник, плеснуло серое одеяние, на мачту, плавно колыхаясь, словно волосы в воде, поднялись сигнальные флаги. Где-то далеко низко и протяжно завывала труба, ей ответила другая, заглушенная тяжелым, прерывистым рокотом.

– Боевая тревога!

Тягучие раскаты сжались в барабанную дробь и короткие трели горнов. Все было на самом деле: равнодушное море, приближающийся враг, суесящиеся на мачтах и палубах люди и лейтенант Канмахер, замерший на юте «Ноордкроне» в шаге от своего адмирала.

– Спокойно, Йозев, – внезапно прикрикнул адмирал, – спокойно!

– Я... я не боюсь, – может, выкрикнул, а может, прошептал Зепп, – с нами Создатель и... вы!

Глава 7

Хексбергский залив

399 года К.С. 15-й день Осенних Молний

– Капитан Джильди, – негромко окликнул Альмейда, – приготовьтесь. Мне нужно, чтоб

приказ дошел в точности, а полагаться на флаги в дыму не приходится... Да и «гусям» раньше времени нечего знать, что их ждет. Филипп, пусть Берлинга сдаст вправо еще на один румб!

– Понял, – крикнул откуда-то Аларкон. Капитан линеала перед боем обходит корабль от нижних палуб до носовых орудий, а потом не покидает шканцев до конца сражения. На галерах все проще и быстрее, а тут, пока начнется, поседеешь.

Первой подправила курс «Зимняя молния», подавая пример другим. Серебряные паруса развернулись к ветру, кровавым росчерком полоснул кормовой флаг, и тотчас начала разворачиваться «Алвасете». Корабли авангарда один за другим ловили пенную струну. «Ноймар», «Память Каделы», «Манлий», «Святая Октавия», «Агмарен», «Верный друг», «Рамиро»... Теперь дело за кордебаталией.

Резко и чисто забил колокол, шван подхватывал звон, нес к авангарду и дальше, туда, где плясали на волнах дриксенские паруса.

Поворачиваются реи, недовольно скрипят мачты. «Франциск», на ходу сбрасывая ставшие лишними паруса, встал в кильватер идущего впереди «Рамиро», боцманские дудки смолкают – готово! Оседлав гематитовые волны, флагман движется навстречу врагу, он готов к бою, но пушки молчат: стрелять пока не в кого.

Альмейда вновь изобразил из себя изваяние, Аларкон еще не вернулся. Рядом грызет удила Альберто. Альмейда был немногим старше, когда вместе с Алвой угнал «Каммористу». Теперь огонь ушел под землю, но тем страшней, если он проснется...

– Кэцхен! – рука Альберто указывает на юг. – Три!

Полосы-стрелы возникают из ниоткуда, мчатся к сближающимся эскадрам, будоража и без того недоброе море. Тем, кто окажется у них на пути, несдобровать. Топить большие корабли кэцхен не под силу, иначе б Хексберг не стал портом, но разорвать паруса, спутать снасти, окатить ледяной водой, сбить с курса шквал может.

Подъем, крен на правый борт, спуск, крен на левый, и вновь подъем...

Арьергард закончил поворот, теперь обе колонны идут навстречу друг другу параллельными курсами.

– Двадцатая хорны, – бормочет Берто.

– К бою, – бросает Альмейда. – Открыть порты!

Если кэцхен вернутся, нижние палубы захлестнет, но кэцхен бояться – в Хексберг не ходить...

– Порты второй палубы открыты! – доносится со шканцев.

– Выдвигай!

Пенная черта скользит меж колоннами, пляшут волны, ветер срывает с них пенные гребни. Не причинив никому вреда, кэцхен уходят в глубь залива. Пусть они обойдут Вальдеса стороной.

– Порты открыты, – докладывают с нижней палубы, – пушки выдвинуты...

2

Колонны продолжали сходиться, но теперь корабли шли медленно, почти ползли. Верхние паруса были убраны, реи закреплены цепными боргами. Артиллеристская прислуга закончила таскать картузы с порохом и ядра и всю мочила швабры – тушить искры и притирать рассыпанный порох. Хорошо, что палуба не просто мокрая, все: дерево, такелаж, парусина – отсырело насквозь.

– Зажечь фитили, – приказал Шнееталь. Капитан успел сменить шейный платок на парадный, снежно-белый.

– Фитили горят!

– Авангард доносит: «Противник вышел на параллельный курс. Сбрасывает паруса».

– Хорошо...

Хорошо, что авангард ведет Бюнц, и хорошо, что он получил повышение. Кесарь

утвердит представление Ледяного, не может не утвердить! Зепп знал капитана «Весенней птицы», коренастого, светловолосого, похожего на торгового шкипера. Руппи говорил, Бюнц давным-давно стал бы шаутбенахтом, не будь он столь откровенен в своей ненависти к принцу Фридриху, особенно если выпьет.

– Пушки верхней палубы к бою готовы...

– Вторая палуба. Лейтенант цур зее Ойленбах готов открыть огонь.

– Докторская команда готова.

– Третья палуба. Лейтенант цур зее Гаульман готов открыть огонь...

– Палубная команда готова.

Готовы... готовы... готовы... Голова Зеппа шла кругом, он тонул в докладах, рапортах, приказах, со всех сторон сыпавшихся на ют. Руппи, тот бы догадался, что нужно адмиралу, а Зепп мог только исполнять приказы, но приказов не было. Ледяной Олаф просто стоял спиной к борту, широко расставив ноги и сцепив руки за спиной. Всем распоряжался фок Шнееталь, а адмирал молча смотрел то ли на пляшущий на мачте брейд-вымпел, то ли на низкое, серое небо, в котором не было даже чаек.

– От Бюнца, – прокричали с марсов. – Авангард ведет Берлинга. Бюнц готов открыть огонь.

Адмирал кивнул, давая понять, что расслышал. Он стоял на качающейся палубе, все так же глядя вверх. Неужели все так плохо? Ледяной Олаф найдет выход, он его всегда находил! По спине пробежал противный холодок, лучше б они уже стреляли. Честное слово, лучше бы они стреляли! Йозев понял, что еще немного – и он сделает что-то трусливое и глупое. Он не может и дальше стоять с пустыми руками... Дед говорил, что в пустую голову лезет всякая дрянь, значит, голову надо занять.

Йозев уставился на ту же мачту, что и адмирал, пытаясь представить себе свой боевой пост у пушек левого борта: рассыпанный по бурому настилу песок, в ведрах дрожит вода, тлеют фитили, скрипят тали, досматривают последний сон орудия. Канониры и матросы ждут приказа выдвинуть пушки. В который раз проверяя, все ли в порядке, проходит премьер-лейтенант. Он в парадном мундире, на шее вышитый одной из дочерей шарф...

– От Доннера. Арьергард ведет бой, оторваться от противника не представляется возможным.

Олаф Кальдмеер еще раз кивнул, словно сам задал себе вопрос и сам ответил.

– Бюнцу, – голос адмирала едва не утонул в нарастающем свисте ветра. – Флагман приказывает действовать по обстоятельствам.

3

До головного дриксенского линеала оставалось полхорны, не больше. Утром этот двухпалубник шел последним, теперь арьергард стал авангардом. Луиджи покосился на Альмейду: альмиранте стоял плечом к плечу с Аларконом. «Франциск» был готов к бою, настолько готов, что единственным делом стало ожидание.

– Это должен быть Бюнц, – решил Берто. – Он у дриксов вроде Вальдеса, а корабль – «Весенняя птица», у него на носу ласточка.

– Мило, – одобрил Луиджи, – но не осенью.

Кто первым приветствовал гостей, «Молния» или «Алвасете», фельпек не разобрал, но у самого носа «Птички», если это была она, вскинулся короткий толстый фонтан. Белый дымный шар, медленно расплываясь, поплыл наперерез дриксенцам.

– Сейчас ответит, – молодой Салина аж приплясывал, – он всегда здороваётся.

– Далековато, – усомнился Луиджи.

– Все равно ответит. Кстати, у этой птички зубы больше, чем у волка, а на голове венки.

– А почему бы и нет? – расхохотался, к собственному удивлению, Луиджи. – Если бывают влюбленные акулы, могут быть и кусачие птички.

– Могут, – сверкнул зубами Берто. – Ну, что я говорил?

Борт «Птички» от носа до кормы вспух белесыми клубочками, ветер отбросил их назад вместе со звуком, корабль скрылся в бледной пелене. Куда делись ядра, видели разве что с первых кораблей Берлинги, не замедлившего обменять залп на залп. Или это в бой вступил «Манлий»?

Линеалы втягивались в перестрелку, как змеи в нору, ветер гнал дымное марево на дриков и дальше. Длинная бродячая волна приподняла «Птичку», ее марсели на мгновение заполоскали, нос рыскнул в сторону, но быстро выправился, зато идущая следом трехпалубная громадина вывалилась из линии.

Берто перевесился через борт.

– Вот корова! – припечатал он. – Эх, были б мы поближе...

«Птичка», прикрывая незадачливого товарища, дала полный бортовой, «Память Каделы» и «Манлий» ответили. Теперь ядрами обменивалось до десятка головных кораблей, дымные облака становились все гуще, издалека казалось, что линеалы вот-вот сойдутся борт к борту.

– Смотри-ка, – присвистнул Аларкон, – у них Вернер, оказывается, в арьергарде болтался.

– Именно что болтался, – сбросивший лет пятнадцать альмиранте подбросил и поймал пистолет. – Колонну ведет Бюнц, а Вернер при сем присутствует. Кальдмеер есть Кальдмеер. Другой бы на его месте избавился от этого подарочка при помощи Ротгера...

– Олаф слишком серьезно относится к присяге, – сморщил нос Аларкон, – а Вернер спит и видит обзавестись брейд-вымпелом, но с такими адмиралами море станет лужей.

– Разум подсказывает отпустить господина Вернера к кесарю, – протянул Альмейда, – а господина Кальдмеера – к Создателю.

Брови первого адмирала Талига сошлись в черную черту, покалеченная рука привычно легла на эфес. Ветер теперь дул с юго-запада, завывал в такелаже, гнал дым в сторону дриков.

Корабли Берлинги дохнули дымом, свист швана и морской гул растворились в орудийном реве. Бой шел совсем рядом, еще несколько минут, и «Франциск» получит первую цель, в свою очередь став мишенью для «Птички». Луиджи поискал глазами пресловутого Вернера. На шестом от головы светло-коричневом трехпалубнике трепыхался вице-адмиральный флаг.

– Капитан Джильди! – правый рукав и щека Альмейды были мокрыми. – Вам придется нас покинуть.

– Адмирал, – подался вперед фельпец, – мы готовы.

– Отправляйтесь к Салине, – красная четырехпалая рука смахнула с лица прозрачные капли, – передайте ему, что караван ждет. Пускай подрежет курс авангарда, поставит головных в два огня и собьет в кучу. После этого может возвращаться к торговцам. Если какой-нибудь «гусак» вздумает отправиться в хлев, не трогать.

– Я правильно понял? – на всякий случай переспросил Луиджи. – Если дриksы решат уйти...

– Не дриksы, – уточнил Аларкон, – а Вернер Бермессер. Он мечтает об адмиральской перевязи, а не о Рассветных Садах, остальные будут защищать караван до конца.

– Живой Бермессер полезнее мертвого, – ухмыльнулся Альмейда, – особенно если он таки наследует Кальдмееру. Пускай проваливается...

Глава 8

Хексбергский залив

399 года К.С. 15-й день Осенних Молний

Свистнуло, и тотчас сверху обрушилась издыхающая змея, хлестанула по доскам, сползла за борт. Над головой что-то затрепыхалось. Зепп глянул вверх – прямо над ним извивался какой-то огрызок.

– Боцман, – велел фок Шнееталь в рупор, – заменить фал.

Белый платок в руках адмирала метнулся испуганным голубем, громко и требовательно закричал горн. Флагман содрогнулся и зарычал; шканцы, мачты, противник, вселенная исчезли в кисло пахнущем дыму.

– Отлично, – прокричал в свой рупор фок Шнееталь. – Молодцы!

Справа и сзади рывкнуло, смерть пронеслась над головой, никого не задев, только за кормой взметнулся к небу белый фонтан. В редющем дыму заметалась орудийная прислуга, впереди в белых клубках рисовались круто поднятый бушприт и призрачные паруса. Ветер бросил в лицо чужой дым, под ногами загрохотало – артиллеристы двигали пушки.

Фрошер вновьдохнул дымом, раздался и стих уже знакомый вой, на сетку рухнуло с десяток обломков, бежавший по шканцам матрос остановился и затряс головой. Серая роба стремительно набухла алым. Боцман ухватил раненого за плечо, куда-то поволок.

Вновь мелькнул белый платок, «Ноордкроне» дала полный бортовой в ползущего мимо врага.

– Заряжай, – проорали на баке. Он бы тоже мог стоять у пушек, торопить канониров, ждать сигнала. Мог, но тогда бы рядом с Ледяным Олафом стоял Руппи... Создатель, где он?! Друга отправили в арьергард, оказалось, навстречу беде. Только бы Бюнц успел их завернуть!

Над головой хлопнул и заполоскался грот, сбесившийся ветер наподдал в правый борт, «Ноордкроне» накренилась, нос предательски развернулся, разрывая линию.

– Ветер крепчает и заходит, – выкрикнул Шнееталь. Кэцхен!

– Вижу.

Свист боцманской дудки слился с визгом вцепившейся в корабль кэцхен. Это был не первый шквал в жизни Зеппа, но впервые пришлось встречать его на юте. Что-то прокричал Шнееталь, голос капитана утонул в шуме и треске. Огромный линеал наподдал кормой, словно взбрыкнувшая лошадь, Йозева бросило вперед; чтобы удержаться на ногах, лейтенант, вытянув руки, побежал по мокрым, скользким доскам. «Ноордкроне» вильнула и накренилась, Йозева повело вбок и швырнуло прямо на грудь адмиралу.

Ледяной покачнулся, но устоял, умудрившись удержать навалившегося на него лейтенанта. На корму налетела «бродячая волна», разлетелась вдребезги, окатила ледяным дождем.

– Спокойно, – велел Кальдмеер, отстраняя от себя Зеппа, – это просто кэцхен.

2

После «Франциска» «Акула» казалась маленькой и хрупкой, волны, с палубы линеала выглядевшие не столь уж и высокими, превратились в обсидиановые холмы. Галера то взмывала вверх, то катилась по иссиня-черному склону вниз. Джильди глянул за борт: ледяная вода была там, где ей и положено, это он слишком долго глазел с чужого юта.

Нос «Акулы» взгромоздился на очередную волну, на мгновение замер и ринулся вниз. Луиджи поправил шляпу и вновь поднял трубу. Впереди виднелись замыкающие корабли кордебаталии. Берто наверняка бы назвал их по именам, но Луиджи в Штернштайнен был всего лишь гостем.

Фельпец проводил глазами очередной линеал. На кормовой доске сплетали руки крылатые создания, босые ноги касались то ли гребней волн, то ли языков пламени. Корабль танцевал с морем и ветром, и вместе с ним неслись в причудливой пляске полулюди-полуптицы...

– По носу – «Марикьяра»! – прокричал Варотти, для вящей убедительности тыкая

пальцем в брейд-вымпел.

– Поднять сигнал, – крикнул Луиджи, – «Приказ флагмана».

– Шлюпку? – подался вперед Варотти.

Луиджи глянул на водяные горбы и покачал головой:

– Сойдемся борт к борту.

«Марикьяра» уже готовилась принимать гостей, на салингах трепыхалось: «Ясно вижу», «Заходи с подветренной стороны».

Линеал с крылатыми существами уже прошел, уступив место замыкавшему кордебаталию «Алонсо». Теперь нужно прорезать строй за кормой «Марикьяры» и оказаться у нее с подветренной стороны. Для начала прикинем, сколько пройдет флагман арьергарда, пока «Акула» развернется... Ветер больше не бесится, и на том спасибо.

– Руль право. Теперь прямо руль! Так... А теперь вперед.

Загребные налегли на весла, галера бросилась между линеалами.

– Еще раз право руль! Прямо руль! Подходим!

С «Марикьяры» уже спустили люльку, это было куда лучше штормтрапа. Луиджи бросил Марио шпагу и шляпу, изловчился, прыгнул, и наверху налегли на тали.

Над бортом нависла ухмыляющаяся физиономия. Луиджи не выдержал, улыбнулся в ответ и ловко соскочил на палубу.

– Теньент Рамирес, – представился хозяин. – «Марикьяра» приветствует гостя.

– Капитан Джильди. С приказом альмиранте.

– Вас проводят.

«Альмиранте», «кэцхен», «Квальдэто цэра»... На каком языке он заговорит к концу войны? Если доживет, разумеется.

Палуба была алой. Алое и золотое – цвета марикьяре и морисков, хотя, кажется, шады заменили золото сталью.

– Рэй Салина ждет!

Гибкая фигура в синем и черном у борта. Длинные, схваченные на затылке волосы. Не может быть, откуда?!

– Я слушаю, капитан. – Хулио Салина смахивает с плаща пенные брызги. Он не похож на Ворона, совсем не похож! – Что с вами?

– Простите, я привык видеть вас в мундире.

– Я – родич собрано. – Если Альмейда – прячущая огонь гора, то Салина – готовая ударить молния. – Что я должен сделать?

– Подрезать им нос, поставить головных в два огня и сбить в кучу. После этого заняться караваном. Если Бер... Вернер захочет уйти, отпустить.

– Он захочет, – сощурился Хулио Салина. Теперь он напоминал Рокэ и вблизи. – И он уйдет. Оставайтесь с нами, капитан. Ручаюсь, вам понравится.

– Я не могу бросить «Акулу». – У марикьяре – свои долги, у него – свои. – Мои люди хотят драться, и мы будем драться.

– Линеалы вам не по зубам, – в глазах вице-адмирала была та же злая веселость, что и у Берто, – но среди торговых лоханок наверняка сыщется что-то съедобное. Постарайтесь не угодить под дурное ядро и не стойте на пути у кэцхен. Удачи! Эномбрэдастрапэ!

3

Кэцхен разжала когти в тот миг, когда «Ноордкроне» круто обрасопила реи. Шквал уносился в сторону устья, стягиваясь в седую, стремительную полосу. Сквозь скрип дерева, хлопанье парусины и рев ветра проступили человеческие голоса, сжавшийся горизонт отодвинулся, и Зепп вновь увидел бурый росчерк берега. Очередная бродячая волна разбилась о корму, помчалась вдогонку за породившей ее кэцхен, «Ноордкроне» накренилась и тотчас выпрямилась. Над головой с воем пронеслись ядра, врезались в и без того кипящее море. Фрошеры, о которых Зепп почти забыл во время шквала, опомнились

первыми.

– Всем! – крикнул в рупор адмирал. – Передайте всем. Ровнять линию. Продолжать огонь!

Зепп обернулся. Им с «Воином» удалось удержаться, но «Эберхарда» здорово снесло к северу, а «Герхард Славный», наоборот, выскочил чуть ли не на фрошерские пушки.

– «Спуск по ветру. Поворот все вдруг», – вполголоса прочитал фок Шнееталь чужие сигналы, – «спуск по ветру и поворот все вдруг»...

– Именно, – кивнул Кальдмеер, – я б на его месте сделал то же. Огонь! Полный бортовой, пока они поворачивают!

Линию из полусотни кораблей быстро не перестроить, но Альмейда на ветре, ему проще, его дело – повернуть, остальное доделает шван... Дым позволял разглядеть лишь восьмерых фрошеров, все они поворачивали налево, но казалось – поворачивает лишь один, а остальные не более чем его отражения в мутном зеркальном коридоре.

– Вы знаете, что лучшая дистанция для линейного боя – пистолетный выстрел? – Кальдмеер смотрел на Йозева. – Знаете или нет?

– Так точно, – выпалил Зепп зазубренную премудрость, – пистолетный выстрел – идеальное расстояние для бортового залпа.

– Но не сейчас и не для нас, – адмирал протер окуляр полый плаща. – Когда станете капитаном, почаще вспоминайте, что правила срабатывают не всегда.

Чужие линеалы приближались, продолжая разворот. Еще несколько минут – и они станут носом, попадут под продольный огонь, другого такого случая не будет. Коронованный черный рыцарь надменно глянул Зеппу в лицо, за его спиной вздымались мачты, – пора! Почему «Ноордкроне» молчит? Неужели еще не зарядили?! Леворукий, сколько можно возиться!

– Полный бортовой!

Полетели обломки, над головой черного короля заполоскал разорванный парус, закачались и посыпались с мачты серые человечки.

– Все ядра попали! – завопили с марсов. – Все!

Но поворот продолжался, рука фрошерского короля тянулась к горлу залива, он уже не смотрел на Зеппа. Скоро они снова станут бортом, только ближе, гораздо ближе...

– Живее заряжайте... Живее, раздери вас закатные твари!

Орудийная прислуга втаскивала пушки, заряжала, открывала порты, подносила пальники. Сколько они возятся, шесть минут или шесть месяцев?! Наконец-то! «Ноордкроне» затрясло от собственных выстрелов.

– Бе... ер... дит... ..вер, – проорали с марсов сквозь подутихший ветер и орудийный гул, – ерал... венде! ...чал ...елку.

– Скоты, – рыкнул фок Шнееталь, разобравший явно больше Йозева, – какие скоты!

– Забудь, – отмахнулся адмирал, взглядываясь в окутанных дымом фрошеров, – без них проще.

– Здесь – да, – с какой-то тоской откликнулся капитан, – но прав тот, кто первым вернется в Эйрехт.

– Я согласен положить шпагу, – улыбнулся Ледяной Олаф, – вместе с головой. Но пока все не так уж и плохо, может, сохраним и головы, и шпаги.

Снова ударили пушки, и Зепп с трудом удержался на ногах. Носились подноски пороха с картузами, тут и там мелькала лысая голова судового врача. К счастью, работы у него пока было немного.

– ...думаешь? – в показавшемся почти тишиной свисте ветра проступил голос шаутбенахта. – Но почему бы тогда...

– Не поднять паруса? – усмехнулся Ледяной Олаф. – Да, мы можем выйти из боя и догнать Вернера. Если бросим караван на съедение. Ты представляешь, сколько их уцелеет? Нет, Адольф, на такое я не пойду. Не могу пойти. Привел их сюда я, и они начнут умирать только после меня.

– Как знаешь, – махнул рукой Шнееталь, – но мне будет жаль, если мы сдохнем, а Бермессер с Хохвенде – нет!

– На все воля Создателя, – адмирал резко обернулся. – А вы хороший слушатель, лейтенант.

– Простите. – Да что с ним сегодня такое! Толку никакого, свалился прямо на адмирала, да еще и подслушивает. Что подумает Ледяной, что скажут Ойленбах и Руппи? – Я... Я не хотел!

– Если б я тебе не верил, я б молчал.

Ветер отогнал дым, словно для того, чтоб было лучше видно готового к стрельбе развернувшегося фрошера. Зепп успел разглядеть на чужом полуюте мощную фигуру в алом, стоящие рядом едва ли достигали ей до плеча. На великане не было ни доспехов, ни хотя бы плаща.

Ледяной выхватил шпагу, салютуя противнику, и Зепп все понял, но на всякий случай взглянул на мачты. Ветер яростно трепал брейд-вымпел: Рамон Альмейда выбрал в противники Олафа Кальдмеера, и он был один, хотя на «Эберхарда» и «Отважного» навалилось сразу по двое.

– Это в самом деле кровная месть, Адольф, – адмирал натянуто улыбнулся. – Передать на все корабли: флагман желает видеть дружные залпы, а не разнобой.

Новая волна дыма скрыла вражеский флагман, и тут же закричал, разламываясь напополам, гота-рей, обломки закачались на остатках такелажа. Если они рухнут на палубу...

Ледяной Олаф поднял голову, разглядывая нависшую беду, фрошер продолжал стрелять побатарейно, но адмирал смотрел только на злополучные обломки, а Зепп – на адмирала, прикидывая, как половчей сбить его с ног, если не выдержат тросы.

Глухо ухали пушки, свистели ядра, свои и чужие, что-то лопалось, трещало, трепыхалось, падало, дым ел глаза, разлетающиеся щепки так и норовили впиться в лицо, шею, руки.

– Право руля! – Ледяной распоряжался словно на ученьях, только на сей раз предстояло утереть нос не соседним кораблям, а смерти. – Два румба!

Рулевые навалились изо всех сил, нос «Ноордкроне» пошел вбок, паруса заполоскали, снижая нагрузку на такелаж. Матросы уже взбирались на злополучную мачту. Может, им удастся закрепить обломки, а если нет?

– Не прекращать огонь, – отвернулся от покалеченной мачты адмирал, – полный бортовой!

Глава 9

Хексберг

399 года К.С. 15-й день Осенних Молний

1

Реи «Марикьяры» повернулись, ловя ровный, сильный ветер. Корабли арьергарда один за другим четко и красиво ложились на новый курс, отсекая противника от моря и грозя отрезать от купцов. Головной дриксенцев опасность понял, громыхнули погонные орудия, свинцовая вода проросла серебряными кустами, но «Марикьяра» продолжала идти наперерез чужой линии

– Ну, сейчас он им задаст! – Варотти сжал кулаки и топнул ногой.

– Он-то задаст, – затащил свою песню Марио Ниччи, успевший нацепить «счастливый» нагрудник, – а вот когда возьмемся за дело мы?

– Возьмемся! – утешил абордажника верный Уго. – Вот сейчас и возьмемся! Правда, капитан?

Корабли основных сил продолжали неторопливо и неотвратно двигаться навстречу друг другу; глухо рычали пушки, клубы дыма зависали у бортов, растекались, плыли к берегу, закрывая мечущихся негоциантов. Линеалы выступали из порохового тумана, чтобы вновь в нем утонуть. Казалось, так было всегда и так всегда будет; потом на мачтах ближайшего к берегу фрегата, повторяя флагманский приказ, взмыли сигнальные флаги.

Не прошло и пары минут, и кордебаталия начала медленно разворачиваться по ветру в сторону вражеской линии. Линеалы Альмейды один за другим замолкали, зато дриксенцы, ловя момент, били всеми калибрами. Марикьяре поворачивали невероятно быстро и до невозможности медленно.

– Скорее, – стучал кулаками Уго, – ну скорее же! Крабы похмельные!

Луиджи со злостью глянул на приплясывающего тенъента, но сдержался. Время тянулось застывающей смолой, но линия уверенно обретала прежнюю четкость. Никто не сцепился снастями, не выпал из строя, а ведь линеалы шли куда тесней, чем обычно.

Альберто не хвастал, пожалуй, он даже преуменьшил выучку своих марикьяре, или это Луиджи по привычке делил моряцкие рассказы на четыре? Зря. Альмейда, сыграв с ветром в поддавки, не просто развернулся, он сократил расстояние между линиями чуть ли не вдвое. Зрелище почти идеального маневра под огнем противника завораживало. Разумеется, издали.

– Доброй удачи! – Ленуцца сложил на счастье четыре пальца. – Нам предстоит красивое зрелище.

– С ызаргами не хуже было! – обиделся Уго и честно добавил: – Но и линеалы тоже ничего!

– Можно и так сказать, – улыбнулся старший офицер, – особенно в умелых руках. Признаться, я думал, что молодой Салина преувеличивает достоинства своих земляков.

– Я тоже, – рассеянно подтвердил Джильди, наблюдая за сражением. Теперь «Алонсо» шел вровень с «Пташкой», а впереди ее поджидали замыкающие Салины. Альмейда все рассчитал верно.

– Ведьма! – заорал Варотти, тыкая пальцем в промежуток меж линеалами. – Возвращается...

Пенная дорога среди дымчатых волн, серебро на раух-топазе, дым незримого огня... Сталкиваются, закручиваются взбаламученные волны, свиваются в седое копьё, пущенное невидимой рукой, кэцхен сжимается, словно перед прыжком, и сворачивает. К дриksam! Прорезает безупречный строй не хуже линеала. Головной корабль принимается рыскать, еще один теряет место в колонне. Трехпалубная громадина заваливается набок, идущий следом торопливо убавляет парусов, но кэцхен он не нужен. Ветряная лапа мимоходом бьет по снастям и боком, разъяренной кошкой, скачет дальше, к сбившимся в кучу купцам.

– Браво! – не выдерживает Луиджи. – Браво, кэцхен!

Дриксенцы лихорадочно выправляют строй, серые фигурки мечутся по вантам, кажется, у головного лопнул парус. Не повезло...

– У, ведьмы, – облизывает губы Варотти. Язык бывшего боцмана произнести слово «кэцхен» не в состоянии.

– Эти дамы не из тех, с кем тянет познакомиться поближе, – бормочет Ленуцца вслед убегающему шквалу. – Если что, я на гребной палубе, а потом на баке.

– Хорошо, – серебро вновь сменяет свинец, непонятная радость улетает вслед за кэцхен, скрывается в накрывшем залив дыму. Исчезли не только берега, но и ползущие к выходу из залива колонны. «Марикьяра» уже растворилась в белесой мгле, скрывшись за строем дриксенцев. Можно было разглядеть разве что «Пташку», сцепившуюся с последними кораблями Салины. Те не замедлили приветствовать противника продольным огнем, и тут же с другой стороны строя грянули залпы. Марикьяре таки поставили противника «в два огня»!

– Не хотел бы я сейчас оказаться на месте дриксенцев, – сообщил Джильди морю, ветру и Варотти с Ниччи, – ни за какие деньги.

– Еще бы, – хохотнул Уго, – зачем деньги на дне? Крабихам цацки покупать? Только,

капитан, мы-то как? Люди воюют, а мы так и будем глаза продавать? Стемнеет же...

– Часа три у нас есть, – откликнулся Ниччи, выбивая пальцами дробь по нагруднику, – но поразмяться не мешает.

– С линеалами? – в упор спросил вернувшийся Ленуцца. Варотти с Ниччи дружно пожали плечами, старший офицер взялся за трубу. – Что тут у вас?

– Марикьяре бьют, – откликнулся Луиджи, – дриксы отбиваются, и, я бы сказал, неплохо.

Бюнц, если фельпец правильно запомнил чужое имя, головы и впрямь не терял, несмотря на тяжелое положение. Отстреливаясь обоими бортами, он умело лавировал, выискивая проход в плавучей, плюющей чугоном стене. Прибавь дриксенцы парусов и возьми к северу, они бы вырвались, но «Пташка» думала не о своих перышках, а о сбившихся в кучу купцах.

Клубок из дыма и кораблей катался по свинцовому блюдцу, отплевываясь ядрами и обломками. Шедший за «Пташкой» линеал не рассчитал скорость и влетел в кипящее выстрелами месиво. Матросы кинулись убирать паруса, замыкающий Салины, кажется, это был «Соберано», саданул продольным. Одна из мачт пошатнулась и, как была, с парусами и реями, исчезла в дымном облаке, а сзади подпирали яростно перестреливающиеся колонны.

– Скоро они там? – простонал Варотти. – А то мы тут протухнем...

– Предлагаете пощекотать? – сощурился старший офицер. – Почему бы и нет?

– Голодными не уйдем, не бойтесь, – счел за благо вмешаться Луиджи. – Стойте!

Из-за смешавшегося строя показался светло-коричневый трехпалубный красавец и воровато двинул в сторону купцов, обходя сражающийся на два фронта авангард по широкой дуге. Один мерзавец в дриксенской эскадре все-таки сыскался.

– Это кто? – чуть ли не с нежностью выдохнул Уго, перевешиваясь через фальшборт. – Хорош, скотина!

– Прохвост один, – отчего-то Луиджи отчаянно захотелось, чтобы трус до Эйрехта не добрался. Это несправедливо, когда негодяи выживают, а потом плюют на могилы тех, кто прикрыл им спину.

– Что за прохвост? – деловито осведомился Марио Ниччи, не испытывавший никакой склонности к философским обобщениям.

– Прохвост гусиный, – Луиджи нахмурился, пытаясь вспомнить имя дриксенского интригана, но в голове вертелось сакраментальное «Бе-ме». – Адмирал. Альмейда велел его отпустить, если удирать надумает.

– Есть такие, – согласился Ленуцца, – с ними никаких врагов не нужно, сами всё утопят. Один Кимароза чего стоит.

– Точно, – завел свою песню Уго, – а кто его нам на шею посадил? Дуксы! Вот и я говорю...

Варотти вещал, Ниччи скулил, а ветер нес пороховой дым на дриксенцев. Залпы становились все злей. Бюнц ловко ворочался в дыму, не забывая огрызаться и не теряя надежды прорвать заслон. Это ему почти удалось, но тут белевший даже сквозь дым фок на глазах пошел полосами и исчез. «Пташка» споткнулась, словно провалившаяся в кроличью нору лошадь, на потерявший ход корабль обрушились новые ядра.

Джилди следил за все усиливающейся перестрелкой и вполуха слушал бывшего боцмана, вспоминая то кинжал в стенке каюты, то гитарный бой, то синие и алые флаги. «Эномбрэдастрапэ...» Откуда пришло это слово? Что оно значило раньше, что значит для марикьяре сейчас?

– Рангони! – крикнул Ниччи в ухо зазевавшемуся Луиджи. – Справа!

«Черный ворон» выскочил из-за линии, как паукан из норы. Он явно намеревался прошмыгнуть перед носом сцепившихся кораблей. На корме развивалось кэналлийское знамя. Ворон на «Вороне»...

– Молодчага! – рев Варотти наверняка слышали если не купцы, то Салина. – Капитан, что ж выходит? Рангони дерется, а мы что, у дукса поросенка съели?!

– В самом деле, Луиджи, – Марио бил копытом не хуже Уго, – давай с ним. Две галеры – это уже эскадра!

С ним? А почему бы и нет! Сколько, в самом деле, можно смотреть, как другие умирают? Ты пришел на войну, капитан Джильди? Ты поклялся в верности человеку, который об этом не просил и который этого не хотел, так изволь платить по счетам. Луиджи Джильди отвернулся от драки гигантов, в которой ему не было места, и проорал:

– К бою! Вперед, а то еще придется Рангони догонять!

Приказ утонул в победном свисте боцманских дудок, рыке Варотти, довольном смехе гребцов. Ожидание кончилось, «Влюбленная акула» шла в бой.

2

Дымное облако окутало «Ноордкроне», оно больше не пахло. Фрошеры перезаряжали пушки, над головой клалася искалеченный рей.

– Все зависит от нашей твердости, – адмирал на мгновение оторвался от трубы. – Адольф, пройди по палубам. Люди должны понять: нужно выдержать до темноты, дать уйти купцам, а дальше как повезет. Главное – выдержать сейчас!

Ядро угодило в казенную часть пушки, ядро пробило фальшборт, ядро задело бизань-мачту, ядро разметало картузы с порохом у левого борта, но верхней палубе доставалось меньше других. Альмейда раз за разом бил по корпусу, по пушечным портам второй и третьей палуб.

– Я обойду корабль, – капитан поправил шейный платок и, слегка придерживая шпагу, пошел по качающейся палубе, словно по столичному плацу. Сейчас он спустится к Ойленбаху, или сначала в самый низ? Надо пойти с ним и остаться там, где не хватает людей. Артиллерийские офицеры нужны, а адъютант адмиралу – нет. Может, Ледяной Олаф просто забыл, кого взял? Не видит Руппи, вот и делает все сам?

– Йозев, – попросил адмирал, – раздобудь мне воды, хоть какой-нибудь...

Зепп помчался со всех ног, прежде чем понял, что бежит не туда. Вряд ли буфетчик Густав сторожит свои кастрюли. Юноша развернулся и, перепрыгивая через обломки, кинулся к палубной бочке. Как ни странно, она уцелела вместе с прикованным к ней медным ковшиком. Йозев завертел головой в поисках какой-нибудь посуды. Сколько раз он собирался заказать себе именную флягу, такую, как у Руппи, но деньги уходили то на книги, то на свадебный подарок сестре.

Знакомое рычанье перешло в свист, два тащивших запасной парус матроса свалились у пробитого фальшборта, один был убит наповал, другой бился в конвульсиях: принесшее смерть ядро врезалось в пушечный лафет. Откуда-то выбежал отец Александер, бросился к раненому. Серое облачение было в крови, в крови было все: парус, палуба, засыпанные щепками обломки.

Палуба накрылась, черный чугунный шар покатился вниз, налетел на неподвижную ногу, изменил направление, поспешил к мачте. Что-то тускло блеснуло. Офицерская каска. Годится! Зепп схватил добычу, она была цела и даже не в крови, теперь зачерпнуть воды и не расплескать, хоть бы вокруг рушились мачты и мир вместе с ними. Вода дрожала, норовя выплеснуться, сбоку что-то треснуло. Сетка – не выдержала свалившихся на нее обломков и оборвалась... Йозев нес эту воду день, год, вечность, нес, а вокруг рычало, выло, обдавало то холодом, то жаром. Где бы ни был Руппи, ему легче, если только он жив.

– Спасибо, – поблагодарил адмирал, – я не догадался дать тебе флягу...

Подбежал старший офицер, рука на перевязи, шпага куда-то делась. Он что-то докладывает Ледяному, что-то нехорошее. Фок Шнееталя на баке нет, где он?!

– Убрать паруса! – каска с водой снова в руках Зеппа. Адмирал успел напиться или вода расплескалась? Порыв ветра едва не сбивает с ног... Кэцхен, снова! Ну сколько можно?!

Шквал срывает дым, словно старую занавеску, сквозь облачную дыру бьют солнечные лучи, белые и острые, как осколки древесины. На «Святом Эберхарде» грязной простыней

треплется фок-стаксель. Лопнул фок-шкот? Этого еще не хватало!

Новый порыв, если это можно назвать порывом: ветер с каждым разом крепчает и не думает слабеть; невысокие, пока невысокие, волны бегут во все стороны, сталкиваются, рассыпаются серебряной пеной. Волны и ветер, волны и солнце, волны, и ветер, и смерть...

Черная водяная лошадь встает на дыбы, бьет пенными копытами в борт, вторая изгибает шею, прыгает на палубу, «Ноордкроне» кренится, сквозь вой ветра слышится шум водопада, рулевые повисают на штурвале, не давая увалиться под ветер. Надсадно скрипят пушечные тали, устоять на вздыбившейся палубе невозможно, руки сами цепляются за какие-то тросы, палуба уходит из-под ног.

– «Эбби» отваливается! – кричит с кормы офицер. Кэцхен швыряет в лицо пороховую гарь и уносится, волоча за собой смерть и солнце.

– Два румба влево, – хрипит в рупор фок Шнееталь; когда он вернулся? – Живее!

Новый залп, фрошеры времени зря не теряют. Неужели кэцхен их обошла? Летят щепки, сетка срывается, валится на палубу, прямо на пушки, из люков выскакивают подноски картузов. Офицера не видно, Зепп бросается к пушке, из-за лафета, шатаясь, поднимается палубный лейтенант, его правая щека – один большой кровоподтек.

– Все в погядке, – лейтенант сплевывает за борт кровь и зубы, – мы пгодогжаем бой, а вот «Эбби», похоже, нет...

3

Предназначенное линеалу ядро со свистом пронеслось над кормой несостоявшейся жертвы, ударились о темную волну, срикошетило и, наконец, пошло ко дну, не долетев до одинокого вельбота.

– Господин лейтенант, – загребной с заячьей губой поднял голову, – прикажете к борту гресть?

– Прежний курс, – не допускающим возражений голосом объявил Руперт, провожая взглядом еще две воюющие смерти, – на «Ноордкроне».

Гребцы без лишних слов навалились на весла, забирая подальше от тонущей в пороховом дыму линии.

Это было упрямство. Семейное упрямство Фельсенбургов, которое каждое предыдущее поколение пыталось выкорчевать в последующем, но в случае успеха покончило б самоубийством. Потому что покладистый Фельсенбург хуже дойного волка, если б таковые водились.

Руппи сидел почти вровень с взбаламученной водой, сжимая добытую у Вернера зрительную трубу. Господин вице-адмирал фок Бермессер и господин генерал фок Хохвенде доблестно покинули поле боя, и, что самое печальное, их никто не утопил. Фрошерам было не до улепетывающего линеала, хоть бы и адмиральского...

– Господин лейтенант, – сверкнул зеленым глазом Рыжий Зюсс, – зря вы с ними не сбегли. Они ж такого наплетут, и про фрошеров, и про Ледяно... Прошу простить, про господина адмирала.

– Наплетут, – кивнул Руппи, – а мы расплетем. Вернемся и расплетем.

Одинокий глаз моргнул и погас. Зюсс окривел, когда игравший в талигойских пиратов Бермессер нарвался на Вальдеса. Тогда Рыжий и возненавидел, нет, не Бешеного, а заведшего их в ловушку спесивого болвана. Как кривой боцман оказался на «Ноордкроне», Руперт не знал, наверное, его взял Шнееталь. Адольф подбирал команду по одним ему ведомым правилам, и команда эта была готова сдохнуть за своего капитана и адмирала. Руперт фок Фельсенбург не был исключением.

– Навались... Шире греби... Навались...

На черной, дышащей холодом воде плясали обломки, бочонки, ящики, перевернутая гичка, потом в темном провале показалось бледное, спокойное лицо, на шее болтался офицерский знак. Для артиллериста с «Марии-Фредерики» сражение кончилось.

– Лейтенант, – пропел фок Хохвенде, – я настоятельно предлагаю вам остаться. Под мою ответственность и ответственность нашего дорогого вице-адмирала. В конце концов, он может вам приказать.

– Никоим образом, – здесь следовало щелкнуть каблуками, и Руперт щелкнул. – Отменить приказ адмирала может лишь лицо вышестоящее, коим вы никоим образом не являетесь. Я вынужден откланяться.

– Что я могу для вас сделать? – влез в разговор Вернер фок Бермессер.

– Одолжите мне подзорную трубу и передайте моей бабушке, что я намерен и впредь следовать ее советам.

– С величайшим удовольствием, – какая смесь заискивания и уверенности, какая изумительно подлая смесь. – Могу я узнать, какой именно совет герцогини Штарквинд вы имеете в виду?

– Она настоятельно рекомендовала мне не пятнать фамильную честь, пожимая недостойные руки. Прошу меня простить, меня ждет адмирал.

Он прыгнул в вельбот, не глядя, как был, со шпагой и в шляпе. Злость не подвела, матросам не пришлось выуживать адъютанта адмирала из воды на глазах изовравшихся интриганов, и все же для Олафа было бы лучше, если б Руперт фок Фельсенбург добрался до бабушки раньше, чем Бермессер до кесаря.

– Навались... Левая пошла...

Который может быть час? Далеко за полдень, а верней – часа три-четыре. Они должны продержаться, а ночью стрельба потеряет смысл. Ночью ветер станет попутным, может стать, хотя сегодня ветры положительно сошли с ума...

– Шварцготвурм!⁶¹ – выругался Зюсс. – Опять! Заворачивай!

Именно что опять. Кэцхен! Третья или четвертая. Проклятые шквалы разрывали строй, дико завывая в снастях, вытаскивали корабли из линии, так и норовили столкнуть соседей, но если для линеала кэцхен была неприятностью, шлюпке она несла верную смерть.

Вельбот вспугнутой кошкой шарахнулся от сверкающей полосы. Матросы гребли как бешеные, а Руппи мог лишь не мешать. И еще смотреть. Он никогда не видел кэцхен так близко, и как же она была хороша! Тяжелая, мерно вздымающаяся вода словно замирала, обращаясь в обсидиановое зеркало, а потом бросалась ввысь, целуя убегающий ветер. Кэцхен словно ножом рассекала облачную кошму, серебристый весенний свет обнимался с белой пеной, бриллиантовой россыпью рассыпались брызги, казалось, над осенним морем летит солнечная вуаль, а в плеске волн чудится звон хрустальных колокольчиков, дальних, манящих, недостижимых...

– Пронесло, – выдохнул Рыжий, – не иначе святой Адриан уберег.

– Вернемся, – откликнулся Заячья Губа, – все наградные на храм отдам. Как есть, все!

– Смотри, не забудь...

– Крабья теща, ну и чесанули же мы!

– Тут чесанешь!

Руппи огляделся: не так уж они и чесанули. Когда налетела кэцхен, они были возле «Фридриха Железного», теперь их прикрывало «Морское сердце», изрядно потрепанное шквалом и фрошерами. Судно медленно выправлялось, в трубу было видно, как в море летят обломки снастей. Гулко ухнули пушки. Увы, чужие, при таком крене канониры «Сердца» были бессильны...

– Выправляется, – не очень уверенно произнес загребной.

– Разумеется, выправляется, – начал Руппи и замолчал, потому что увидел вывалившийся из линии корабль. Потерявший бизань-мачту и почти все паруса, он беспомощно дрейфовал по ветру, все больше удаляясь от строя и оставляя корму идущего впереди неприкрытой. И этим идущим впереди был флагман!

⁶¹ Дриксенское ругательство.

Фальшборт был пробит в нескольких местах, на грот-мачте снесло почти все, что там оставалось, сама мачта угрожающе качалась, волны то и дело захлестывали порты нижней палубы, но пушки все равно били. А что еще оставалось?

«Святой Эберхард» отвалился, в линии зияла дыра, в которую и бросились оба противника «Эбби». Дальний пошел наперерез «Гордости Эйнрехта», ближний, прибавив парусов, догонял «Ноордкроне». Йозев Канмахер не успел стать адмиралом, но намерения фрошера он разгадал. Линеал с котообразной тварью на носу собирался зайти с кормы и расстрелять беззащитную мишень в упор. Зепп, как замороженный, смотрел на оскалившуюся зубастую башку, позабыв обо всем на свете. Даже о «Франциске», а ударил именно он.

Треск ломающейся древесины, щелканье рвущихся снастей, водопад обломков...

– Фок-мачта!

– Фок-стенгя сломалась!

– Руль не слушается!

– Огонь!

Нижняя палуба замешкалась, верхняя рывкнула огнем вразнобой, но батареи второй палубы били ровно и спокойно, с той частотой, с какой позволяли орудия. Значит, Ойленбах жив и ведет бой.

– Ну, Адольф, что там с мачтой?

– Ванты держат... Все рухнуло за правый борт, мы почти на якоре, Олаф.

– Рубите!

– Рубим, – фок Шнееталь схватился за рупор. – Цельтесь выше! – шаутбенахт не говорил, а хрипел. – Бей по мачтам!

Кто-то не услышал или не понял, добрая половина орудий бухнула быстро, но бесполезно, у остальных прислуга замешкалась, вытаскивая клинья и меняя прицел. Чугунный град прошелся по парусам и мачтам «Франциска»; разломился на части, рухнул вниз грот-марса-рей, превратились в лохмотья паруса фок-мачты.

– Заряжай!

– Быстрее!

Канониры Ойленбаха делали невозможное, быстрее заряжать не смог бы никто, но строй фрошеров был плотнее, а артиллеристы не уступали дриксенским, по крайней мере флагманские.

С громким хлопком лопнул грот-стенгя-бакштаг, что-то отскочило от последней, чудом уцелевшей сетки, шлепнулось о палубу, и снова свист, треск, непонятное, стонущее рычание. Кто может так кричать – человек или корабль?

«Франциск» бил побатарейно, не позволяя ни передохнуть, ни толком исправить повреждения, а рядом прижимала уши «Закатная кошка». До нее осталось не больше сотни бье, а стреноженная тянущимися за ней обломками «Ноордкроне» не могла как следует маневрировать. Трехпалубная наглая гадина не замедлила воспользоваться своим преимуществом. Издевательски медленно развернувшись, она поползла вдоль кормы «Ноордкроне», разряжая одну за другой пушки левого борта.

Удар, палуба куда-то уходит, нога скользит, подвернувшаяся под руку веревка рвется, навстречу несется что-то черно-бело-красное. Черная копоть, белые доски, алая кровь... Это – палуба, а он упал. Нужно встать и что-то наконец делать...

Йозев приподнялся на руках, прямо над ним просвистел ураган чугуна, разбивая, дробя и калеча. «Франциск»... присоединился к твари, но Йозев Канмахер все равно встанет, он не червяк, он офицер Его Величества, он лейтенант с «Ноордкроне»...

На шканцах отец Александер и двое моряков вытаскивают из-под груды обломков бьющегося артиллериста. Бедняга судорожно дергается и замирает. Священник, осенив тело

знаком, спешит на шкафут, там тоже люди: мертвые, умирающие, просто раненые.

Зепп отчаянно шмыгнул носом и поднялся, во рту стало солоно от крови. Ничего, бывает хуже. И будет.

Неприятель с кормы куда-то исчез, а Ледяной Олаф был жив! Он стоял на руле, широко расставив ноги, парадный шлем куда-то делся, лицо измазано гарью.

Ветер растрепал волосы, отогнал дымовой саван, и Зепп увидел «Закатную тварь». Она никуда не делась, это на «Эберхарде» кое-как поставили паруса и бросились на помощь флагману. Из последних сил. Фрошеру пришлось оставить их в покое, только надолго ли?

– Ты цел? – фок Шнееталь, тоже живой.

– Господин шаутбенахт...

– Мы набираем воду, – корабельный плотник щурит красные, заплывающие слезами глаза, – очень быстро. Два бье в трюме. Мы залатали дыру у канатного ящика, но где-то еще одна... Мне нужны люди у помп и в трюмах.

– Иду, – прохрипел фок Шнееталь, хватая Йозева за плечо, – оставляю... батарею левого борта на вас.

Капитан «Ноордкроне», отбросив рупор, кинулся вниз. Зепп оглянулся. Палуба казалась вымершей. Большая часть орудий уцелела, но людей у них почти не осталось. *«Оставляю батарею на вас ...»* Это Йозев понял. Все стало на свои места. Он – артиллерист верхней палубы, и он будет стрелять, пока есть порох и цела хотя бы одна пушка.

– К орудиям! – заорал Зепп, хватаясь за теплый, тяжелый ствол. Кому он кричит? Мертвым, раненым, самому себе?

Он не понял, откуда они появились. Спрыгнули сверху, вылезли из люка, прибежали со шканцев, поднялись с окровавленной палубы, как и он несколькими минутами раньше.

– Баньте, – рывкнул Йозев в капитанский рупор, чувствуя, что его подхватило и понесло, – как положено! А то руки поотрывает!

Прибежали подносчики пороха с картузами. Кто их прислал? Шнееталь? Ойленбах?

Пушки заряжали быстро и при этом чудовищно медленно, а «Франциск» приближался молча и равнодушно, сокращая дистанцию до пистолетного выстрела.

– Готовься! – у него не было ни платка, ни шпаги, пришлось содрать с шеи превратившийся в жгут шарф. – Фитили...

Альмейда выстрелил первым. Тяжелые пушки промолчали, ударили батареи второй и верхних палуб, картечный залп прямо-таки вымел шканцы и шкафут «Ноордкроне». Как Зепп выжил, он не понял. Двоих канониров разорвало в куски, подносчик упал с оторванной рукой. То есть сначала упала рука, она лежала на красных досках, словно желая их процарапать.

Зепп отвернулся, схватившись за горло. Обломки и тела, тела и обломки. Отец Александр, придавленный грот-реем, груда тел у обломка мачты, мертвый боцман, вцепившийся в свою дудку. Стоны, ругань, треск дерева... Где адмирал? Где фок Шнееталь? Ойленбах? Блаухан?

«Я оставляю батарею на вас ...»

Качнувшись, Йозев Канмахер оперся спиной о лафет орудия. Заряженного, они успели зарядить. Точно успели, это он помнил. Лафет и ствол – в крови, но пушка готова, а враг – вот он!

Йозев выпрямился, проверил запальную трубку, она была в полном порядке. Он должен попасть, и он попадет! С такого расстояния попадет кто угодно. Зепп схватил пальник, поднес к трубке. Орудие грохнуло и дернулось назад, Йозев видел, как ядро врезается в борт «Франциска», как летят обломки. Попал! Слава святому Адриану, попал!!! Это было счастьем, победой, полетом, вспышкой ослепительного света! А потом «Франциск» ответил...

Глава 10

Хексбергский залив

Строя не было, была безобразная толпа. Бестолково хлопали паруса, вымпелы только что не оббивались вокруг древков, волны дикими козами скакали меж ополоумевших кораблей. Кто-то успел выскочить чуть ли не в открытое море, кто-то сцепился с соседом снастями, кто-то крутился, как уж на сковородке, пытаясь избежать столкновения сразу с несколькими собратьями.

– Вот бараны, – возмутился Варотти, – одно слово, купцы. А туда же...

– Может, они и не виноваты, – вступился Ниччи, указывая рукой на расходящиеся веером серебряные полосы, игриво скользившие к дальнему мысу.

– Точно, – согласился справедливый Уго, – они, ведьмы то есть. Наигрались с вояками, теперь сюда добрались...

– Да, – пальцы Ниччи продолжали выбивать дробь по нагруднику, – неудачный сегодня у «гусей» денек выдался.

– А то! – подтвердил бывший боцман. – А Салина молодец. Отменно лупит!

Салина именно лупил и именно отменно. Окутанные дымами линеалы, стреляя с обоих бортов, неспешно прорезали мечущееся стадо. Луиджи показалось, что он слышит крики с разбиваемых кораблей, но это просто расходилось воображение. Они с Рангони были слишком далеко, да и ветер сносил звуки к берегу, мешая их с дымом. До «Акулы» с «Вороном» доносился разве что пушечный гул. Орудия били так часто, что разобрать отдельные выстрелы было просто невозможно.

Оставшиеся сзади колонны тоже стреляли, продолжая ползти в открытое море, ловить там было нечего, и Луиджи вновь уставился на север. Прямо перед глазами тонуло трехмачтовое судно, палуба была уже вровень с водой. Серые фигурки пытались спустить шлюпки, синие толкались и мешали. Из общей свалки выбрался фрегат охранения, лег в дрейф рядом с тонущим, это заметил линеал с крылатым конем на носу, немного повернул и дал залп. На фрегате лопнувшими струнами замечались снасти, полетели вниз обломки рей, но матросы продолжали спускать шлюпки. Марикьяре приблизился и саданул еще раз. Зрелище было не из приятных...

– Но там-то! Там-то! – топнул ногой Уго, тыча трубой в горло залива. – Они же разбегаются, заразы!

Луиджи с готовностью перевел взгляд к югу. Десятка два кораблей поодиночке и небольшими группами тянулись прочь из проклятого залива, и среди них было несколько подходящих.

– Мористей, – велел Джильди, – ищем тех, у кого артиллерия поплоче.

Галера Рангони, словно услышав, развернулась и, вспенивая воду, рванулась за зеленым купцом.

– За ним! – крикнул Луиджи.

На «Вороне» взмыли сигнальные флажки. Джузеппе предлагал совместную охоту!

Зеленый впереди улепетывал под всеми оставшимися парусами, но галеры были быстрее.

– У, задница, – проревел в восторге Варотти, – прямо как у дожихи.

– По ней и врежем, – весело выкрикнул Луиджи, – заходи с кормы. Лотти тут?

– Тут! – заорал канонир, до невозможности похожий на увидевшую кровь гончую.

– Треножить! – велел Луиджи. – Потом подберем. Передай Рангони: «Заходим с кормы. Двойной носовой в шесть стволов».

– Рангони, – прочитал подошедший Ленуцца. – «Двойной носовой. Готов, ждет».

Они зашли с кормы вдвоем. Зеленый шлепал вспугнутой лягушкой по водяной тарелке. Отчего-то стало смешно, галера взлетела на волну, словно на гору, соленые брызги

коснулись губ, что-то тихонько звякнуло. Словно колокольчик.

– Хорош, – крикнул Лотти.

На корме «Ворона» Рангони поднял руку со шпагой, Луиджи тряхнул волосами, отгоняя непонятный смех, обнажил клинок. Галеры шли голова в голову. Джузеппе кивнул, Луиджи ответил, шпаги полоснули воздух, рывкнули пушки. Кто разбил руль? Наверняка Лотти, но ничего не докажешь. Зеленый, потеряв управление, жалко затрепыхался, ну и Леворукий с ним. Ветер дразнил, пел, тащил за собой, к выходу из залива. Зачем останавливаться? Зачем тратить время на подбитого купца? Что с него взять? Вперед! За другими, их еще столько осталось! Гнать добычу – это так весело, это почти танец, почти песня, почти полет...

2

– Господин шаутбенахт, – как стыдно быть в целом, не прорванном, не прожженном мундире, пусть даже и мокрым, – лейтенант Фельсенбург прибыл.

– Руппи, – прохрипел Шнееталь, – откуда ты? Где этот... Хохвенде?

– Или на дне, или на пути в Метхенберг! – Где адмирал? Надо спросить, но как же страшно. – Генерал фок Хохвенде, узнав о возвращении Альмейды...

– Ты сумасшедший, – какими белыми становятся глаза, когда лицо черное от копоти, – зачем ты вернулся?

Ответить не дал пушечный залп, капитан с силой швырнул Руппи на изуродованную палубу, свалился рядом. Визжащий черный ветер пронесся над головой, разнося палубные надстройки, разбивая шлюпки, кроша и без того превратившийся в решето фальшборт. Кислая пороховая вонь, запах гари и чего-то донельзя тошнотворного, и тут же свежий морской ветер. Ад, в который он полез по доброй воле. Шнееталь хочет знать, зачем...

– Я – адъютант адмирала, – заорал Руппи лежащей перед его носом вывернутой ногой в черном офицерском сапоге без каблука, – мое место с ним, а не с крысами...

Чугунный ветер стих, надолго ли? Над головой качались обрывки фала, зацепившегося за обломок мачты. Руппи глянул на Шнееталь, тот, морщась, поднимался, фок Фельсенбург вскочил, протянул шаутбенахту руку, за которую тот с благодарностью ухватился.

– Бери своих и идем. Быстро, пока они заряжают. Ойленбах, вы знаете, что делать... Всех, кого поднимете, – к орудиям левого борта... Матросов, канониров – всех! Только оставьте матросов у бизань-брасов.

– Слушаюсь, – артиллерист захромал по искореженным шканцам, подзывая рукой уцелевшего боцманмата. «Ноордкроне», всегда такую красивую и чистую, застилал вонючий дым, шканцы были завалены обломками, залиты кровью, у бортов лежали мертвецы, рядом, не глядя на них, канониры банили уцелевшие орудия, на все голоса скрипели и визжали пушечные тали, такелаж, блоки.

– Смотри под ноги, – прокашлял фок Шнееталь, и вовремя – внизу зияла дыра, сквозь которую виднелись доски второй палубы и брошенный банник.

Куда его ведут, Руппи не спрашивал, он знал, что сейчас увидит своего адмирала. Мертвого, иначе б Шнееталь сказал, что Ледяной жив. Вот так и понимаешь, что был с тобой рядом человек, про которого ты не знал главного: когда его не станет, из-под ног уйдет земля, но ты сожмешь зубы. И будешь жить так, словно он рядом, и неважно, что этой жизни осталось всего ничего. Чтобы зарядить пушку и выстрелить в упор, хватит.

Сзади вразнобой загавкали легкие пушки, внизу тяжело ухнула одна, тяжелая. «Ноордкроне» еще огрызалась, «Ноордкроне» еще была флагманом.

– Господин шаутбенахт, – очень спокойно сказал Руппи, – если это возможно, прошу определить меня в артиллерийскую команду под начало господина Ойленбаха или же моего друга Йозефа Канмахера.

– Лейтенант Канмахер погиб, – прошипел фок Шнееталь. – Будь у меня такой сын, я б им гордился...

Зепп тоже?!

– В таком случае я готов принять его батарею. – Руперт фок Фельсенбург больше не был адъютантом адмирала, но лейтенантом флота Его Величества он оставался. Он мог бы управиться с любой мачтой, рассчитать курс, но сейчас важнее были пушки.

– Вы – адъютант адмирала, – шаутбенахт переступил через переломанные доски, – и вы отвечаете за его жизнь.

– Что? – выкрикнул Руперт. – Олаф жив?!

– Ранен и оглушен, – фок Шнееталь глухо закашлялся и затряс головой. – Проклятое горло, как некстати... Руппи, постарайся дотащить его до берега. Будь он в сознании, он бы не позволил, но не было бы счастья, да несчастье помогло. Я послал вест Цвайеру, но дошла ли она... Короче, как старший морской начальник, приказываю тебе спасти адмирала. Любой ценой! Ты меня понял?

– Д-да!

– У тебя есть вельбот и гребцы, большего я тебе дать не могу...

– А вы? – зачем-то спросил Руппи.

– Мы остаемся, – прокашлял фок Шнееталь, – нужно дотянуть до темноты. Когда торговцы уйдут, уйдут все, кто сможет...

Очередной залп прекратил рвущий душу разговор. Если б грот-мачта не была сломана, она сломалась бы сейчас, парой бье ниже. Брызнули осколки древесины, смешались с картечью – вдогонку тяжелым пушкам фрошеры саданули из легких.

– Как он? – окликнул фок Шнееталь невысокого толстячка, в котором Руперт узнал корабельного буфетчика. Значит, врач погиб, и отец Александер, скорее всего, тоже...

– Ой, – лекарь поневоле был бледен, как козий сыр, – шаутбенахт... Кровь не унимается.

– Ты понимаешь в ранах? – рука Шнееталья вцепилась в плечо Руперта.

– Нет, – какой он все-таки бездельник. Ну что ему стоило прослушать курс медицины или хотя бы книжки посмотреть, так ведь нет. – Не понимаю, но Зюсс... Он делает перевязки.

– Как мы все, – скрипнул зубами капитан. – Здесь надо картечину вынимать. Берите его... Будете спускать, привяжите к носилкам. Руппи, он упал головой вперед, сверху свалился рей, но череп вроде цел.

Двое матросов подхватили носилки. Лицо адмирала было спокойным, как у спящего или мертвого, здоровая рука свесилась вниз.

Им повезло, фрошеры не стреляли. То ли перенацеливали пушки, то ли отдыхали, а может, решили, что «Ноордкроне» мертва.

– Ничего, – глядя прямо перед собой, прохрипел фок Шнееталь, – мы о себе напомним... Маневрировать мы толком не можем, но стрелять – вполне.

Да, стрелять из оставшихся пушек, пока фрошеры не разнесут тут все до конца. Этого не избежать, разве что бросить все к Леворукому и уползти к берегу. К дриксенскому берегу, на котором нет ничего, кроме болот.

– Я хотел бы быть с вами, – тихо сказал Руппи, глядя на исчезающие за бортом носилки, – я был бы с вами!

– Я знаю, – вздохнул шаутбенахт, – но ты нужен адмиралу, а адмирал нужен Дриксен.

– Господин шаутбенахт... Может, лучше подождать дотемна, а потом перебраться на «Воина»...

– Нам столько не продержаться, и потом, мы собираемся не умирать, а убивать, – пообещал капитан «Ноордкроне» и вдруг добавил: – Тебя не затруднит вернуть моей жене brasлет?

Не умирать, а убивать... Пока не убьют их. Руппи молча протянул руку, звонко щелкнул золотой обруч. Рука надежней кармана или сумки, хотя и ее могут оторвать.

– Готово, – прокричал снизу Рыжий Зюсс, – приняли.

– Прощайте, лейтенант, – в последний миг фок Шнееталь перешел на «вы». – Скажите в Эйрехте, что флагман продолжал бой до последней возможности. И еще, передайте... что

мы не найдем покоя, пока Вернер фок Бермессер не познакомится с топором.

– Я передам, – кивнул Руппи, – я все... я всем передам. Клянусь!

После этого оставалось лишь одно. Спуститься в шлюпку. Не оглядываясь. Молча. И лейтенант Фельсенбург спустился по черному от копоти канату. Рыжий Зюсс развернул вельбот, и Руппи пристроился на корме, едва не наступив на подзорную трубу.

– Толкать?

– Сейчас...

Пальцы коснулись холодного борта, прощаясь с «Ноордкроне». Этот бой не его, как бы ему ни хотелось встать рядом с Шнееталем, Ленцем, Гаульманом, Хауффом, Ойленбахом. Он – адъютант адмирала, и он его вытащит. И еще он добьется, чтобы Бермессеру с Хохвенде отрубили головы. За дезертирство. И за подлость.

Руперт фок Фельсенбург судорожно сглотнул и бросил сидевшему у румпеля Зюссу:

– Отваливай!

3

Третий облюбованный ими купец был даже больше зеленого. Громоздкий, неуклюжий и, как оказалось, умный. Увидев за спиной двух преследователей, он честно лег в дрейф и поднял серый флаг.

– Вот поганец, – не одобрил смиренного Марио Ниччи, – хоть бы для очистки совести стрельнул.

– Ему совесть велит спасать корабль, – заметил старший офицер, так и не расстегнувший мундира.

– Еще бы, – подхватил Уго, – расковыряем еще.

– От Рангони, – крикнул наблюдатель. – «Высаживаю десантную партию, веду в порт!»

– Ну вот, – нахмурился Варотти, – потащил курочку в норку!

– Нам больше достанется, – Луиджи засмеялся и хлопнул бывшего боцмана по плечу. Злая веселость не проходила, наоборот! Джильди хотелось нестись все дальше и дальше за прорвавшим облака солнечным лучом, бросавшим под нос галеры серебряную тропу.

– Ну и куда теперь? – Марио Ниччи в десятый раз оглядел клинок. – Опять по рулям бить станете? Может, делом наконец займемся?!

– Может, и займемся, – протянул Джильди, выискивая подходящую добычу. Сзади творилось что-то непонятное, корабли перемешались в какой-то гуляш с дымной подливкой. Пара линеалов, не обращая внимания на разбегающуюся мелочь, загоняла здорового негодяя, от которого их с самоубийственной отвагой пытались отвлечь фрегат и корвет. «Марикьяра» и «Мориск» ушли к входу в залив, наперерез подползающим колоннам, остальные корабли арьергарда продолжали гонять купцов, выбирая добычу покрупнее, среди белого порохового дыма в небо упирался угрюмый черный столб. Кого-то подожгли даже по такой сырости...

– Смотри, – Ниччи дернул Луиджи за рукав, – какой хорошенький!

– Серый?

– Он! – Марио сделал стойку не хуже охотничьего пса. – Ты глянь, на палубе чисто, никаких солдат. Мои ребята его мигом причешут.

– Уговорил, – подмигнул пострадавшемуся абордажнику Джильди. – Ленуцца, лево руля, курс на серого с уткой!

Весла с готовностью врезались в воду, за спиной топали и ржали абордажники, предвкушая долгожданную свалку, а впереди бежала, дразнилась солнечная полоса.

Нарастающий гром напомнил о том, что линеалы продолжают грызню. Дымное облако, оторвавшись от рычащих линий, накрыло галеру. Солнце подмигнуло и скрылось, но волны продолжали петь. До серого корабля оставалось совсем немного. Дым сгустился, ветер ударил в скулу, заверещали дудки, загребные налегли на весла, не давая «Акуле» развернуться.

– К Леворукому дым! – рывкнул Луиджи, вглядываясь в белесое марево. – Чаше гребли! Чаше!

Барабаны и литавры забили чаше, галера наподдала ходу и выскочила из слепой, кисло пахнувшей полосы. Перед самым носом небольшого, но отнюдь не торгового корабля.

Корвет. Дриксенский. Побитый, но вполне себе живой. Пушек штук десять по борту, одна радость – из такой позиции не постреляешь.

– Уго! – рывкнул Джильди, но бывший боцман сообразил чуть ли не быстрее капитана. Отборная брань перешла в яростный свист.

«Гуси» тоже не вчера вылупились. Двухмачтовик ловко разворачивался, спеша повернуться к наглой галере бортом. С такого расстояния не промажешь и не уйдешь. Значит, вперед, пока «гусь» не закончил маневр.

Счет шел на минуты. Кто быстрее – рвущиеся на пределе гребцы или мечущиеся по вантам матросы. Если дриксенцы успеют выстрелить, от «Акулы», конечно, что-то останется, но праздник кончится. И надолго.

Галера топталась на месте, а корвет крутился юлой, из-за носовой фигуры выплыло одно жерло, второе, третье. Черные дыры плюнули огнем и дымом, над головой злобно свистнуло, за кормой выросли белые кусты...

Успели! Успели, раздери всех закаты кошки! Стреляйте теперь, хоть устреляйтесь, морю от ваших ядер не холодно и не жарко!

– Проскочили, – орет Ниччи, выбивая по урготскому нагруднику лихую дробь, – ну, теперь все! Теперь он наш!!!

– Рангони на купца польстился, – роет палубу Уго, – а мы вояку взяли! Вояку!

Вот уже и борт, темно-синий, в фальшборте дыра, дальше еще одна...

– Разворачивай, – кричит Луиджи, – весла сушить, крючья, кошки готовить!

4

Полоумная галера выскочила из дымного облака и набросилась на корвет охраны, наплевав на «Хитрого Селезня», но Добряк Юхан и не думал обижаться. Напротив, невнимание фрошеров к его лоханке было добрым предзнаменованием. Судьба намекала, что ловить в хексбергской кастрюле больше нечего, надо убираться подобру-поздорову, благо начинало смеркаться, а дым поможет спрятать концы.

Шкипер от души приложился к изукрашенной рыбодавами фляжке, приглядел подходящее дымное облако и рывкнул рулевым:

– Руль к ветру! Помалу!!!

Нос «Селезня» послушно повернулся. Молодец, кораблик, ой молодец! Да чтоб такого славягу бросать под фрошерские пушки! Ни в жизнь!

– Руль на ветер!.. – Фрошеры, будь у них хоть по восемь зенок и четыре башки, поймут, что «Селезень» поворачивает, только когда заполощет фор-марсель. И пусть они хоть лопнут, у кораблика будет приличная фора. – Руль на борт! Живее, к крабьей теще захотели?!

«Хитрый селезень» послушно и весело приводился к ветру, он не хотел к крабьей теще, он хотел в гнездо.

– Контра-брас!... Руль на борт... Пошел боковые брасы!

Всем бы так вертеться! Лечь на другой галс, не потеряв ни минуты, не всякий вояка сможет! Добряк был готов облобызать свою лоханку и выплатить матросам по лишней монете, хотя хватит с них и двойной чарки. Но сегодня...

– Так держать, – гаркнул Юхан самым нежным образом, – нам – можжевельовку, дурням – воду...

Полдела было сделано, «Селезень» резво скользил к выходу из невезучего залива. Пушечные залпы, столбы дыма над горящими болванами, качающиеся на воде обломки уходили назад, оставалось решить, куда податься.

Бравый шкипер видел, как в начале боя улепетывал Бермессер, и за ним никто не гнался, но то в начале. Сейчас, господа селедки, фрошеры так просто не отцепятся. Рассветет – и в погоню, а пушек у них много, и пушки здоровые. Как начнут прочесывать море, так и проутюжат до самой Штейнхунд, и уж тут как повезет... Шкипер вытащил флягу, потряс под ухом, внутри призывно булькнуло, но Юхан всегда знал, когда нужно остановиться. Потому и выныривал из всех передряг, как деревянное яйцо. Добряк щелкнул грудастую рыбодеву по переходящему в хвост круглому пузу и изрек:

– А что мы забыли на севере, цыпочка ты моя?

Цыпочка гордо промолчала, Ключкатор сунул флягу в карман, чихнул и почесал нос. Если мы ничего не забыли на севере, почему бы нам не пойти на юг? Там фрошеры искать не станут, в Ардоре врагам Талига ловить нечего, но разве Добряк Юхан кому-нибудь враг? Он – мирный купец, его знает все побережье, и ардорская таможенная служба в том числе.

– Юнга, – гаркнул шкипер, – живо, крабий пашенок!

– Здесь юнга, – на военный манер завопил Питер.

– Передай рулевым: курс юго-юго-запад. Только тихо!

Племянник растворился в сумерках, почти сразу заскрипели реи. «Селезень», как и положено приличной утке, отбивал в теплые края. Пережить зиму. Добряк Юхан неторопливо прошелся по корме, весьма довольный своим судном и собой. Правильно он продавал тестю господина капитана над портом кэналийское по цене торского... Браунбард говорил, что он выбрасывает деньги, а где теперь этот Браунбард, господа селедки? С крабовой тещей пиво пьет! Нет, прикармливать нужных людей – это не убытки, убытки – это тащиться за ненужными!

– Судя по всему, мы оторвались, – лейтенант Леффер стоял сзади и улыбался. – Это не может не радовать.

– Оторвались, – Юхан еще раз чихнул, но на сей раз обошелся посредством платка. – Можете отправляться спать, дальше мое дело.

– Постойте, шкипер, – лейтенант глубоко вдохнул и зажмурился, – дайте отдышаться. Какая же гадость этот дым, тут хоть звезды видно. Кстати, если я в них что-то смыслю, мы идем на юг...

А он не дурак, этот Леффер, хотя это и раньше ясно было. Ну, была не была. Добряк Юхан извлек любимых «рыбодев» и протянул лейтенанту.

– Ветер свежий, грейтесь. – Взял, руки заняты, вот и славно, а сейчас выбирай – или денежки в карман, или нож в горло. – Я иду в Ардору. Я – человек мирный, мне моя лоханка дороже, чем кесарская задница. Да и до нее пока доберешься, четыре раза на дне окажешься.

– Давно хотел побывать в Ардоре, – ухмыльнулся Леффер, – а вот на дно меня как-то не тянет. И моих парней тоже, но Традуска – торговый порт, вас спросят, что вы везете.

– Товар на борту есть, – показал крепкие зубы Добряк Юхан. – Продовольствие, полотно, инструмент. Ну, инструмент мало кому нужен, а вот продовольствие...

– Осадной армии оно тоже не понадобится, – предположил Леффер, сворачивая голову фляжке, – за неимением осады. Как и полотно для палаток.

– Груз принадлежит короне, – вздохнул Ключкатор, – и в случае невооруженности подлежит возвращению на склады.

– Но ведь груз может погибнуть от морской воды и огня противника, – предположил Леффер, – о чем у вас будет бумага.

– А кто подпишет? – деловито осведомился Юхан, все еще не вынимая руку из-за пазухи.

– Разумеется, господин интендант, – зевнул Леффер, – ну а в случае, если морская болезнь или... внезапное помешательство помешает ему поставить подпись, это смогу сделать и я. Как старший по званию.

– А он свихнулся? Какая жалость, – посочувствовал Добряк, выпуская рукоять стилета. Лейтенант Леффер и впрямь оказался очень умным человеком.

– Мне так показалось, – офицер приложился к горлышку и протянул рыбодев

хозяину. – Сейчас он спит, возможно, к утру ему станет лучше, но я с трудом его удержал. Представьте, он вообразил себя святым Андием и уверен, что может ходить по воде, аки посуху.

– Вот ведь беда! – посочувствовал Юхан, принимая флягу. – Ладно, пусть дрыхнет. А утром или с нами в Ардору, или в Дриксен своим ходом... Неволить не станем.

5

Изувеченная посуда еле плелась и чуть ли не с удовольствием спустила флаг после первого же выстрела. Что с ней было делать, Луиджи не знал. Ниччи остался на захваченном корвете, Рангони не появлялся, расставаться с палубными матросами не хотелось.

Из холодной темноты высунулся увитый бронзовой гадиной бушприт. «Змей»! Приполз на выстрел, и как же кстати. Джильди с восторгом свалил заботы о трофее на талигойцев и объявил, что на сегодня хватит. Не спорил никто, даже Варотти.

Черный залив был покрыт белыми барашками, ветер мешал дым с облаками и гнал все это через выползшую луну. Судя по вспышкам у входа в залив, дриksы потеряли строй и теперь спасались кто как может, полагаясь не столько на пушки, сколько на темноту и паруса. Джильди протянул руку:

– Дайте кто-нибудь касеры.

Фляжка отыскалась сразу же, она была почти пуста, только на дне что-то робко плеснуло. Моряк последнее не допивает, Джильди сделал один глоток и вернул остатки владельцу. До Хексберг было не так уж и далеко, но из темноты мог выскочить удирающий линейал. Оказаться на пути раненого быка Луиджи не испытывал ни малейшего желания. Шестьдесят пушек против восьми – это неприятно... Капитан Джильди зевнул, поплотней закутался в измазанный плащ и объявил:

– Пойдем вдоль северного берега, там мельче. Закрепите пушки, канониры могут отдыхать. Гребцов менять каждые полчаса.

«Акула» послушно шевельнула веслами, устало, но довольно забил барабан.

– Весла-ать... Весла сушить... Весла-ать...

Вдалеке нет-нет да и сверкали зарницы, долетали отголоски залпов, а у Энтенизель стояла тишина. Те, кто смог, вырвались в море и растворились в темноте. Неудачники – на дне. Те, о ком судьба еще только размышляет, добираются до берега.

Тучи над заливом совсем разошлись, зато к северу небо закрывала черная пелена, сожравшая звезды. Ветер стих, но не уснул, а затаился, как зверь перед прыжком, навалившаяся ночь была тревожной и недоброй. Чем быстрее они доберутся до порта, тем лучше.

– На гребной, – крикнул Джильди, – быстрее!

Барабан забил чаще, «Акула» бойко заскользила по затаившемуся заливу. Вода была спокойной, но Луиджи казалось, что в глубине ворочается что-то огромное, древнее и недовольное.

– У Джованни коленка ноет, – объявил поднявшийся на бак Варотти, – шторм идет.

– Альмейда на ночь глядя в море не полезет, – выдал желаемое за действительное Джильди, – а «гусям» уж как повезет...

– Этим уже повезло, – кивнул Варотти на шарахнувшуюся от «Акулы» тень. – Из боя вышли, шлюпкой разжились, до берега рукой подать.

– Ну и пусть плывут, – разрешил Луиджи. – Если им больше нравится тонуть в болоте, я не возражаю. Постой-ка! Это не моряки!

– Точно, солдаты, – с видимым отвращением произнес бывший боцман, – десятка три.

– Вот-вот! И кесарь без них как-нибудь обойдется.

Варотти по старой привычке четырежды и один раз дунул в свисток. «Заряжать все орудия. Стрелять только третьему». «Акула» чихнула ядром, пламя высветило набитую людьми лодку, весла были послушно подняты: «гуси» в ледяную воду явно не хотели.

– Зажечь факелы, – велел Луиджи, – и не гасить. А то нас, чего доброго, свои же не узнают.

Вспыхнули факелы, и ночь стала еще темнее. Впереди галеры закачались на волнах дрожащие рыжие медузы.

– Где разместим пленных? – Гильермо Ленуцца с трудом скрывал раздражение. – На гребной мало места.

– Раненых, если есть, на гребную, – решил Джильди, – остальных – в трюм.

Галера медленно подошла к замершей шлюпке.

– Оружие за борт, – велел Ленуцца, – подниматься по одному...

Дриксенцы не возражали. Мокрые, замерзшие, они чуть ли не с радостью полезли в низкий трюм. Раненых среди них не оказалось. Щелкнули замки, снова забил барабан.

– Эти воевать уже не будут, – удовлетворенно произнес Варотти.

– Не будут, – подтвердил Луиджи, вспоминая вцепившихся в бочонки и доски бедолаг. Кто-то умирал от холода прямо в воде, кого-то вытаскивали свои или чужие. Когда они гнались за купцом с танцующими журавлями на корме, сбоку мелькнул обломок мачты, за который держались двое. Тогда было не до них, теперь вспомнилось...

Позже они выловили человек двадцать. Других. А что случилось с теми? Рядом разворачивался какой-то торговец, может, подобрали?

– Эй, – услышал собственный голос Луиджи, – глядеть по сторонам. Искать, спасать тонущих...

– Далеко больно, – зевнул Варотти, – досюда иначе чем на шлюпке не доберешься.

Плеск весел, уханье барабана, крупные белые звезды, скоро Излом, осень станет зимой, начнется новый год, первый год большой войны. Надо написать отцу про сражение, иначе обид не оберешься. Написать и нарисовать, кто где дрался.

– Справа по носу шлюпка, – закричали с носа, – большая...

– Куда совать-то будем? – проворчал Варотти, вглядываясь в усыпанную звездами тьму. – Закатные твари, и куда прут?!

Шлюпка, даже не шлюпка, а настоящий вельбот, полным ходом шла наперерез галере. Кто-то, став в полный рост, махал руками и кричал.

– Может, свои? – предположил Луиджи. – Мало ли...

– Точно, свои, – кивнул Уго, – только что они тут забыли?

– Поднимутся – узнаем.

«Влюбленная акула» закачалась на невысокой волне. Заканчивался прилив, на берегу завывала какая-то тварь. Волк? Собака? Выходец?

Плеск раздался уже у самого борта, глухо стукнуло дерево о дерево.

– А если «гуси»? – поменял свое мнение Варотти. – Нужны они нам?

– Мы им нужны, – вздохнул Луиджи. – Бросьте шторм-трап, не на абордаж же они нас брать собрались.

Первым через борт перебрался парень в мокром чужом мундире.

– Во имя Создателя, – выкрикнул он на талиг, шаря по чужим лицам отчаянным взглядом, – здесь есть врач?!

Глава 11

Надор

399 года К.С. 16-й день Осенних Молний

1

– Сударыня, – возвестил Эйвон Ларак, горяча́ давным-давно отрекшегося от плотских утех жеребца, – добро пожаловать в гнездо Окделлов!

– Благодарю вас, сударь, – соврала со всей возможной вежливостью Луиза, – я

счастлива увидеть дом святого Алана.

– Я покажу вам его комнаты, – пообещал Эйвон Ларак, – они в Гербовой башне, самой высокой из всех.

– Ах, – закатила глаза капитанша, – я попала в легенду!

Правильнее сказать, вляпалась. Торчащий на горе замок казался высокомерным, унылым и облезлым. Чистый утренний снег лишь подчеркивал сие плачевное обстоятельство, словно Мирабеллу замотали в белые кружева и осыпали бриллиантами.

Луиза вытянула шею и увидела исчезающий за сломанной ивой плащ с молнией и золотистый лошадиный хвост. Айри отказалась от опеки родичей, но такая наездница могла себе это позволить. Зато Селину пришлось посадить впереди себя офицерику из Эпинэ. Очень славному и даже родовитому, жаль, дочка не замечает горячих карих глаз. Очень недурных.

– Осторожно, – заволновался граф Ларак. – Надорские дороги могут показаться вам крутыми и узкими. Будет лучше, если я поведу вашу лошадь в поводу.

Справиться с одолженной в гостинице кобылкой Луиза была в состоянии, но почему бы не сделать человеку приятное?

– Вы так любезны, – протянула госпожа Арамона, к вящей радости своего печального кавалера, немедленно ухватившего ременный повод. Карету и эскорт пришлось оставить в трактире – дорога в легенду была недоступна столичным экипажам, а пристойной еды для полтора десятка солдат, по уверениям все того же Ларака, в Надоре не имелось. Теньент Левфож решил, что сопровождать будущую герцогиню Эпинэ отправятся десять человек во главе с ним самим, а остальные станут лагерем у «Надорского герба». Айрис со своей свитой рассталась спокойно, ее мысли были заняты другим, а вот дуэнье было любопытно, как господа южане будут добывать себе пропитание.

– Госпожа Арамона, я должен вам признаться, что беспокоюсь, – Ларак вздохнул, как простуженная лошадь. – Моя юная родственница стала еще более несдержанной. Будет печально, если встреча матери и дочери закончится ссорой.

Встреча сестры и брата закончилась дракой, но Луиза решила не пугать графа сверх необходимого.

– Девушки в ожидании свадьбы всегда волнуются, – капитанша многозначительно улыбнулась, – это естественно.

– Я рад за Айрис, – незамедлительно заверил Ларак. – Девочка нашла свою любовь, это так прекрасно. Я желаю ей счастья, но мы живем в очень тяжелое время. В очень тяжелое. Боюсь вас огорчить, но я не столь уверен в положении Его Величества, как Реджинальд.

Реджинальд уверен? Надо же! Во время пути Луиза присмотрелась к толстому виконту. На дурака кузен Айрис не походил, любовью к красотуну Альдо не пылал. Не хочет пугать родителя?

– Сударь, – улыбнулась капитанша, – давайте волноваться о том, что от нас зависит. Нам бы обоим хотелось, чтобы пребывание Айрис в Надоре не привело к сложностям, не правда ли?

– О да! – А у Ларака, оказывается, правильный нос. Любопытно, какой подбородок прячется под серенькой бородашкой. Если такой же, как у сына, граф, побрившись, из вороньего пугала превратится в побитого жизнью, но вполне приличного мужчину.

– Что нас ждет в Надоре? – поддержала беседу госпожа Арамона. – Вам удалось чего-нибудь добиться?

– Я мало преуспел в разговоре с кузиной Мирабеллой, – опечалился граф. – Она не простила ни дочь, ни сына, – когда дети не понимают родителей, это... Это...

– Это... прискорбно, – извлекла из памяти подходящее слово Луиза. – Но не напомнить ли герцогине о заповеданном нам милосердии?

– Я просил это сделать отца Маттео. – Несчастный дворянин и помыслить не мог, что был мысленно обрит, раздет и снова одет в приличный темно-серый камзол, возможно, даже с шитьем. – Он сделает все, что может, но моя кузина много страдала. Перенесенные

несчастья наложили на нее неизгладимый отпечаток...

Дались им эти страдания. В Олларии – Катари, здесь – Эйвон... Еще вопрос, что из чего вылупилось: норов надорской дуры из свалившихся на нее несчастий или несчастья из норова. Госпожа Арамона покачала головой:

– Боюсь, герцогиня Окделл своими бедами обязана не только судьбе, но и самой себе. На долю моей госпожи выпало не меньше мук, но она привлекает сердца, а не отталкивает. – Потому что не дура. Бедную киску пожалеют, брыкливую ослицу – нет.

– Ее Величество – ангел, – с чувством произнес граф, – но... Я надеюсь, это останется между нами. Беда моей кузины старше ее вдовства. Она была несчастлива в браке.

– Создатель! – Луиза поправила выбившуюся из-под капюшона прядку. – А был ли счастлив в браке Эгмонт Окделл?

– Кузен мертв, – Ларак завернул своего одра к кое-как расчищенному мосту, – и не мне его судить.

Если в переводе с благородного на человеческий это не означает, что почти святой Эгмонт грел чужие постели, то Луиза Арамона – красotka похлеще Марианны, а торчащие перед носом руины – алвасетский дворец. С фонтанами.

2

Из распахнутых ворот, над которыми зависла ржавая решетка, выскочило несколько бестолковых тощих псов. Видимо, это были надорские гончие. А может, борзые или даже волкодавы, но ни в коем случае не левретки. Левретки должны быть маленькими.

– Вы боитесь собак? – рука Эйвона все еще сжимала повод Луизиной кобылки.

– Нет, – улыбнулась капитанша, – я боюсь холода и иногда людей.

– Я распоряжусь, чтоб в ваших комнатах топили утром и вечером.

– Благодарю вас, – совершенно искренне произнесла капитанша, с сомнением глядя на выползавший из обглоданных временем труб чахлый дымок. – Я бы не хотела скончаться от простуды.

– Не шутите так, – разволновался Эйвон, – вы еще так молоды...

Луиза промолчала, хоть ее так и тянуло добавить: «и прекрасны».

Под несмолкающее твяканье кавалькада втянулась в облупленные ворота. Навстречу выскочила немногочисленная челядь, возглавляемая облезлым воякой в шляпе с достойным хозяина пером. Капитан Рут, надо полагать.

Люди приветливо улыбались, но главное крыльцо пустовало, а на заснеженных перилах с видом полноправной хозяйки восседала мрачная серая ворона. Госпожа Арамона с большим трудом подавила в себе желание сообщить птице, что почтительный сын шлет из столицы ей поклон и привет.

– Дейзи! – Айрис осадил коня у белых пушистых ступенек и спрыгнула вниз, ловко избегнув помощи кузена и спугнув ворону. Проорав что-то сварливое, божья птичка перебралась на стену. Айрис обняла круглолицую молодку, явно беременную. А кто-то обещал не фамиллярничать со слугами.

– Вы позволите? – Луиза могла бы слезть с лошади сама, но решила глянуть, как скажется на Лараке близость законной супруги. Не сказалась никак. Граф по-прежнему был старомодно галантен.

– Добро пожаловать в Надор, – изрек он, глядя на Луизу глазами сразу собачьими и ангельскими. – Этим стенам так не хватало истинной красоты.

Хорошо, что ее держали, иначе б она села прямо в присыпанный сажей снег. Истинная красота... Слышала бы маменька, вот смеху-то было бы!

– Это капитан Рут. – Айрис, блестя глазами, подтащила примеченного Луизой вояку к крыльцу. – Он отказывался учить меня драться на шпагах. А это – капитан Левфож. Он из Эпинэ и всему меня научит. Правда, Рауль?

– Если разрешит Монсеньор, – для Левфожа решение Айри брать уроки фехтования

явно было в новинку.

– Разрешит, – отрезала «невеста». – Робер мне все разрешит. А где Дейдри с Эдит?

– Ее милость велела открыть Гербовый зал, – капитан Рут явно предпочел бы провалиться сквозь землю. – Она там вместе с дочерьми, графиней Ларак и отцом Маттео.

– Вот как, – сдвинула бровки Айрис. – Госпожа Арамона, Селина, капитан Левфож, прошу прощения за состояние, в котором находится Надор. Всеми виной небрежение вдовствующей герцогини, но дрова и горячая вода найдутся и здесь. А нет, мы всегда можем вернуться в гостиницу.

– Кузина, – квакнул Наль, – госпожа Мирабелла не имела в виду ничего... То есть она открыла парадный зал, самый парадный...

– Реджинальд, – в каменном колодце голос Айрис казался громким и звонким, как зов боевой трубы, – позвольте мне опереться на вашу руку. Я хочу повидать сестер и отца Маттео. Капитан Левфож, прошу вас позаботиться о лошадях. Они могут заболеть, особенно если принадлежат мне.

– Прошу вас, кузина, – верный Реджинальд был готов сразиться за свою даму не только с какой-нибудь изначальной тварью, но и с родственницей.

Дейзи сдавленно ахнула, кто-то из слуг, судя по виду, конюх, сунулся что-то сказать, но Айрис, увлекая за собой кузена, уже рванула к крыльцу. Селина оглянулась на мать и побежала следом, капитан Левфож, выбирая между лошадьми и девицей, уверенно выбрал девицу. Может, у него со временем что-то и выйдет...

– Надеюсь, вы простите герцогине ее отсутствие. – Эйвон словно бы усох на глазах. – Ее неудовольствие никоим образом не направлено против вас.

– Я бы предпочла наоборот, – заверила Луиза, волоча несчастного в пещеру драконицы. – И что теперь будет?

– Боюсь даже представить, – шепнул Ларак, – но кузина Мирабелла всегда отчитывала детей и... и всех членов семьи в парадных комнатах.

Сколько сложностей! Аглая Кредон, чтоб поставить чад и домочадцев на место, использовала подручные средства и всегда добивалась успеха. Сила маменьки была в ее слабости, а слабость надорской дуры – в ее дурости.

– Граф, мы сделали все, теперь мы можем лишь положиться на милость Создателя. – Луиза оперлась на локоть Эйвона, разрываясь между долгом дуэньи и желанием насладиться в полной мере встречей надорских герцогинь. Это было ужасно, но любопытство стремительно брало верх.

3

В Гербовом зале было не то чтобы холодно, но зябко и затхло. Огонь в огромном, впору быка жарить, камине не горел, пахло гарью, сыростью и старыми куреньями. Разумеется, погребальными.

Закутанная в серое Мирабелла укором совести восседала во главе стола, длинного, как кладбищенская стена. Рука вдовицы покоилась на здоровенном, переплетенном в кожу томе, над головой перекрещивались закопченные балки, по стенам пузырились выгоревшие шпалеры. Слева от маменьки тыкали иголками в пальцы две девочки, одежда которых исторгла бы из груди Аглаи Кредон воркующий стон. Правый фланг занимали серый священник и круглая дама, для разнообразия влезшая в коричневое платье времен Алисы. Надо полагать, графиня Ларак.

– Эрэа Мирабелла, – голос Эйвона, нужно отдать ему справедливость, не дрогнул, – позвольте представить вам госпожу Арамона, ее дочь Селину и капитана Южной гвардии Левфожа, сопровождающих герцогиню Окделл.

– Надор благодарит вас, – соизволила произнести Мирабелла. Она была права, засев в Гербовом зале: копоть и мошь изумительно подходили к серой вуали. – Прошу вас сесть. Сейчас будет подан обед.

– Сюда, Айри, – худенькая девочка отложила пяльцы и неуклюже вскочила.

– Сядь, Эдит, – велела вдовствующая герцогиня, – гости Надора не могут занять место хозяев.

Эдит беспомощно оглянулась и плюхнулась назад, на скамью, столкнув на пол дурацкое шитье. Мирабелла поправила вуаль. Святая Октавия, она, наверное, и спит в таком же зале, зацепится ногами за балки, повиснет вниз головой и спит.

– Я найду, где сесть, – Айрис повернулась спиной к матери и бросилась вон. Луиза отступила к изъеденной шпалере, откуда открывалось изумительное зрелище.

Мирабелла Окделлская грозно взирала на непокорную дочь. Непокорная дочь в алом плаще, вскинув голову, маршировала мимо замерших родственников. Сварливо скрипели разошедшиеся половицы, в проломившихся сквозь мутные витражи столбах света с достоинством порчала помнящая еще святого Алана моль.

– Кузина, – выпалил Реджинальд, – кузина, не уходите... Эрза Мирабелла пошутила...

– Моя мать не умеет шутить, – Айрис остановилась у противоположного конца стола и потянула чудовищное деревянное кресло, без сомнения, жившее воспоминаниями о чреслах убиенных Алана Святого и Эгмонта. Реджинальд, решивший идти до конца, поспешил на помощь кузине. Гроб черного дерева негодующе заскрипел и сдался, Айрис плюхнулась на широченное сиденье и оперлась руками на стол. Мирабелла дернулась, словно ее укусил кто-то суставчатый и ядовитый.

– Это кресло главы Дома Скал, – разлепила губы вдова. – Ты заняла место Эгмонта Окделла!

Надо же, оказывается, у Мирабеллы имеются глаза, она даже пытается метать ими молнии.

Мать и дочь взирали друг на друга через стол разъяренными кошками.

– Это место Повелителя Скал, – прошипела Айрис, – а напротив место его супруги. Место вдовствующей герцогини по правую руку от хозяина, а сестер и братьев – по левую в порядке старшинства. Отец Маттео, вы объясняли нам именно так.

– Так было заведено, – пастырь возвел глаза к пятнистому потолку, то ли испрашивая совета у высших сил, то ли не желая смотреть в глаза своим духовным дочерям. – Но Ричард Окделл сейчас отсутствует...

– А его жена тем более, – перебила Айрис. – Я займу положенное мне место, но лишь после матушки. Или останусь здесь!

Голос дурочки прерывался: нечего ей делать в этом склепе, да еще в обществе маменьки!

– Ты мне не дочь, – Мирабелла вскочила, нетопыринными крыльями плеснула вдовья вуаль. – Ты не дочь великого Эгмонта! Ты – позор дома Окделлов...

Позор дома Окделлов расхохотался. Громко, глупо, жалко; расхохотался и закашлялся. Селина бросилась к подруге, но Айри лишь затрясла головой.

– Если я не дочь Эгмонта, – рука в алой перчатке рванула воротник, – скажите – чья! Кто мой отец, капитан Рут? Отец Маттео? Или какой-нибудь конюх, который травит по вашему приказу лошадей?

– Будь ты проклята, – выдохнула мать. – Ты и все, чего ты касаешься...

– Эрза... Эрза Мирабелла, – Реджинальд выкатился впереди отважной тыквой. – Вы не можете так говорить... Айрис была с королевой в Багерлее, она туда пошла сама. По доброй воле, а вас там не было.

– Замолчи, – Мирабелла даже не взвизгнула, она проскрежетала, как скребет нож по черепице. – Ничтожество! Отродье навозника!

Айрис стало совсем худо, она уже не отталкивала Селину и ничего не говорила, и Луиза бросилась в бой.

– Сударыня, – разевая рот, капитанша еще сама не знала, что скажет, но слова нашлись сами собой. – Я должна вам сообщить, что в Ракану прибывают графы Карлионы из Агариса. Они намерены оспорить право вашего семейства на родовое имя.

Подействовало! Не то чтобы мегера сообразила, о чем речь, но она шмякнулась о новость, как разогнавшаяся телега о забор. Ведро воды было бы еще лучше, но ведра тут нет...

– Я не сомневаюсь, – чопорно произнесла Луиза прямо в тускло-зеленые гляделки, – что Его Величество из любви к Роберу Эпинэ отвергнет эти притязания, потому что женой Повелителя Молний может быть лишь ровня. Конечно, Альдо Ракан знает агарисских Карлионов с детства, но победу ему принес все-таки Эпинэ.

Победу раканышу принесли подлость Манриков и их же глупость, но это мы оставим для другого раза.

– Эрза Мирабелла, – Эйвон Ларак вклинился между Луизой и кузиной, – Его Величество высоко ценит заслуги дома Окделлов... Вы же читали письмо. Он взял опеку над Айрис на себя. Его Величество не поймет...

– Создатель велит нам прощать, – подал голос и священник, – эрза Мирабелла...

– Матушка, – мяукнула Эдит, – матушка, Айрис плохо!

Луиза торопливо оглянулась. Селина тащила побелевшую подругу к дверям, впереди катился Наль. Леворукий бы побрал эту замшелую дуру! Луиза кинулась следом.

– ...памяти моего супруга, – донеслось у самого порога, – равно как и моей веры в Создателя всего сущего...

Луиза не выдержала, святая Октавия, да кто б такое выдержал!

– Его Величество Альдо скоро откроет монастыри, – бросила герцогине капитанша. – Скоро вы сможете навеки удалиться от мира, чтобы оплакивать своего супруга. Нет сомнений, Его Величество сделает для вдовы Эгмонта Окделла все возможное.

Может, Мирабелла что и ответила, но госпожа Арамона уже захлопнула чудовищную дверь.

Глава 12

Хексберг

399 года К.С. 16-й день Осенних Молний

1

Деревья за окном даже не шумели, а ревели, словно коровы на бойне. Не отставал и дождь, захлестывая дребезжащие окна ледяной водой. Гигантский ясень с двумя вершинами под ударами ветра мотался, словно юная березка. Можно было только молить всех святых за тех, кто сейчас в море, даже на целом судне. О полуразбитых, лишенных мачт кораблях Руппи пытался не думать, но не думать, когда нечего делать, очень трудно.

Лейтенант задернул портьеры, снял нагар со свечей и принялся сооружать карточный домик. Нельзя сказать, что Руперт фок Фельсенбург никогда не представлял себя в плену, представлял, и еще как. Главным образом когда читал «Хроники царствования Фридриха Железного». В мыслях юный граф вел себя то дерзко, то достойно, в жизни все произошло слишком глупо и стремительно. То есть это казалось глупым сейчас, а когда им с Зюссом померещилось, что адмирал умирает, Руппи бросился бы за помощью к самому Леворукому, не то что к вынырнувшей из темноты галере. Обошлось. Капитану, оказавшемуся фельпцем, удалось унять кровь, а рана на самом деле была не такой уж и опасной. Так сказал толстый громогласный врач, который не мог и представить, из чьего плеча вытащил кусок талигойского железа.

Лекарь наложил повязки и ушел. Капитан галеры что-то велел своим матросам, адмирала накрыли плащом и потащили по темной улице. Начинался дождь, Руппи, ничего не соображая, брел следом, зубы у него стучали, здоровенный фрошер сунул ему фляжку, он выпил, не почувствовав ни вкуса, ни запаха. Сколько они шли, Руперт тоже не понял. Была

какая-то дверь, потом лестница и быстрый, короткий разговор. Кого-то не оказалось дома, но носилки все равно внесли в большую темную дверь. Лейтенант хотел войти следом, его не пустили, а отвели в показавшуюся красной комнату и усадили возле камина.

Спине было жарко, но зубы продолжали выбивать дробь, и вообще его место было рядом с Олафом. Руперт, не называя имен, попытался это объяснить капитану, тот сказал, что за раненым присматривают, и ушел. Руппи остался один. Что делать, он не знал; по дому кто-то ходил, хлопали двери, скрипели ступени, разговаривали люди, трещал камин, по наружному подоконнику барабанил усиливающийся дождь. Все вместе сливалось в неразборчивый гул, похожий и не похожий на морской. Это шумели ели Фельсенбурга. Шумели и тянули черные лапы в сводчатое окно, а за ними багровело небо. Руппи сидел на подоконнике и торопил закат, а на коленях у него лежал, дожидаясь своего часа, атлас звездного неба.

– Вижу, у нас гости, – высокий черноглазый человек в матросской куртке поверх измызанной шелковой рубахи с усталым любопытством смотрел на Руперта. – Могу я узнать, с кем имею честь?

– Руперт фок Фельсенбург, – скрывать свое имя Руппи не считал нужным.

– Дайте мне стул, – возопил незнакомец, – дайте мне касеры, корпии, жженных перьев и четыре свечки. Луиджи, где ты разжился родичем Его Величества кесаря?

Давешний капитан, имя которого Руппи расслышал впервые, устало махнул рукой:

– Подобрали у Энтенизель. С ним был раненый, из-за которого они и сдались, и пятеро матросов.

– Маловато для такой персоны, – сообщил черноглазый. – И куда ты их девал?

– Раненый здесь, матросы на «Акуле» вместе с другими...

– Значит, в моем доме двое, – матросская куртка полетела в угол. – И на том спасибо. Кстати, разрешите представиться. Ротгер Вальдес.

Бешеный! Собственной персоной. Тот самый Вальдес, которого адмирал утром хотел отпустить...

Бешеный рухнул в кресло и принялся стягивать сапоги. Положение было глупее не придумаешь, и молчать было глупей, чем говорить.

– Господин адмирал, – отчеканил Руппи. – К чему я должен быть готов?

– К подушке, – Вальдес швырнул правый сапог вслед за курткой и принялся за левый, – по крайней мере, сегодня.

– Благодарю вас. – А теперь самое главное. – Могу я остаться с моим... с моим товарищем?

– Альмейда пленных брать не собирался, – адмирал справился со вторым сапогом и откинулся на спинку кресла, – значит, на сей счет нет никаких распоряжений. А когда нет никаких распоряжений, приходится действовать по своему усмотрению. Господин фок Фельсенбург, раз уж вы сдались из-за вашего раненого приятеля, можете возиться с ним, сколько душе угодно...

– Руппи? – голос адмирала был тихим, но осмысленным. – Руппи, это ты?

– Я! – Фельсенбург одним прыжком оказался у кровати. – Как вы?

– Определенно, жив, – серые глаза с удивлением шарили по полутемной комнате. – Где мы? Ничего не помню...

– Вас оглушило, – начал Руппи, – реем. И еще ранило в плечо, но рану уже зашили.

– Где мы? И чем все кончилось?

Другой бы велел говорить правду, но не Ледяной. Адмиралу бы и в голову не пришло, что его люди могут лгать. И ему не лгали, по крайней мере, те, у кого была совесть.

– Мы в Хексберг, – Руперт запнулся на отвратительном слове, – в плену.

– Я бы так и подумал, если б не алые флаги, – тихо сказал адмирал. – Значит, Альмейда себя переоценил. Что «Ноордкроне»?

– Когда мы уходили, Шнееталь собирал всех, кто был на ногах. Они не могли

удержаться в линии, но решили стрелять до конца.

– Зря. – Олаф приподнял голову и поморщился. – Больше ты ничего не знаешь?

– Шаутбенахт поручил мне позаботиться о вас. Вам был нужен врач...

– И ты предпочел сдаться? – усмехнулся одними губами адмирал. – Должен сказать тебе спасибо. Умирать из ложной гордости я бы не хотел.

– Вы... Вы правда так думаете? – выпалил Руппи, прежде чем понял, что сморозил. – Простите.

– Я правда так думаю, – подтвердил адмирал. – Вода тут есть? Дай, пожалуйста.

Вода была, было и вино, но Руппи налил воды. Ухаживать за ранеными ему еще не доводилось, но Кальдмеер сумел приподняться на здоровой руке, оставалось только придерживать кружку.

– Ветер? – Адмирал вновь откинулся на подушки. – Или у меня в голове шумит?

– Шторм.

– Я этого боялся... Ты мне так и не сказал, где мы. На тюрьму не похоже.

– Капитан галеры, который нас подобрал... Он – фельпец, но живет у Бешеного...

– Значит, Вальдес, – Кальдмеер привычно тронул шрам. – Он знает, кто я?

– Нет, но себя я назвал.

– Что ж, значит, представляюсь сам.

2

– Мы подошли почти на пистолетный выстрел, – глаза Берто блеснули. – «Франциск» все же флагман, на abordаж лезть неприлично, а вот нас взять пытались. То есть не пытались, просто кэцхен их прямо к нам потащила. А у нас, как назло, пушки на нижних палубах не заряжены. Канониры носятся, но не успевают, а дриksы – вот они.

Альмиранте как стоял, так и стоит, только попробовал, как шпага ходит, и тут «гусям» с кормы заходит «Черный лев». И в упор! Никогда не думал, что борт сразу разлетится. В сотне бье от нас тонуть начали, а тут и пушки зарядили. Мы и добавили. По носу! Дриксенская гордость только булькнуть успела...

– Готово, – Дитрих торжественно водрузил на стол чашу, из которой рвались голубые призрачные огни.

– Берто, – вполголоса окликнул Луиджи на мгновение замолкшего тенъента, – что это?

– Ведьмовка, – объяснил мариkьяре. – Ты посмотри, как пляшет!

– А ты пил? – Луиджи с сомнением глянул на плещущее пламя.

– Конечно, – заверил Салина.

– Капитан Джильди, – вышедший от Альмейды Берлинга с явным одобрением взглянул на чашу, – мне очень жаль, но вас ждет альмиранте.

– Иду. – Может, он что-то и потерял, может, даже многое, но ни малейшего желания глотать огонь Луиджи не испытывал.

– Альмиранте ждет, – объявил дежурный тенъент, распахивая дверь в уже знакомую комнату. Навстречу Луиджи скакал с поднятой шпагой Арно Савиньяк, горела деревня, топтали колосья длинногривые кони.

– Выспался? – Альмейда, накинув расстегнутый мундир на алую рубаху, что-то писал, сидя спиной к окну. – Садись. Говорят, ты полный трюм «гусей» приволок?

– Так вышло, – честно признался Луиджи. – Лодку с солдатами я не мог пропустить, а остальные просто тонули. Я понимаю, что нарушил приказ, но сражение почти закончилось.

– Капитан Джильди, – хмуро бросил Альмейда, – вы – фельпец на службе у герцога Алва и отвечаете только перед ним, если вообще отвечаете. Я не отдавал приказ вытаскивать из воды тех, кто заявился жечь Хексберг, но я и не запрещал. Вы решили тряхнуть милосердием, воля ваша.

Луиджи промолчал. У мариkьяре свои законы и свои войны. Талигойские мундиры до поры до времени прятали различия, но выходка Алвы сорвала маски. Даже те, что

срастаются с лицами.

– Ты хоть знаешь, кого приволок в Хексберг? – Альмейда отложил перо и вдел руки в рукава.

– Я забыл имя, – с облегчением признался Джильди. – Вальдес говорит, какой-то родич кесаря.

– Фок Фельсенбург, – напомнил адмирал. – Это хороший приз, но я не о нем, а о раненом, из-за которого он сдался.

– Я помню его плечо, а не лицо, кровь никак не хотела останавливаться, сам не знаю, как я ее унял.

– Наследник герцогов Фельсенбургов служил адъютантом адмирала, – пояснил адмирал, – и я не знаю никого другого, из-за кого мальчишка наплевал бы на фамильные фанаберии и бросился за помощью.

– Берто сделал бы для вас то же. – А Марсель и Герард, да и он сам – для Рокэ, ну а Рокэ уже сделал. Для короля, про которого никто не сказал доброго слова.

– Надеюсь, этого не потребуется. – Луиджи готов был поклясться, что марикьяре вспомнил о том же, о чем и он. И еще о «Каммористе». – Капитан Джильди, вам придется съездить в Ноймар. Говоря по чести, вас следовало отправить туда сразу же. Герцог Ноймаринен может понять то, что не понял ни я, ни вы, ни фок Варзов.

Значит, он правильно угадал. Луиджи Джильди коротко поклонился:

– Я могу выехать завтра же. – Интересно, вытащил адмирал свой кинжал или он все еще торчит в обшивке каюты, дожидаясь новой крови.

– До Излома из Хексберг не уедет ни один капитан, – марикьяре задвинул какой-то ящик, повернул ключ, – иначе ведьмы обидятся, а не ведьмы, так хексбергцы. Поедете после праздников. Надеюсь, к этому времени господин адмирал сможет сесть в карету. Будет справедливо, если к регенту его сопроводите вы.

– Хорошо, – согласился Луиджи, хотя его согласие было излишней роскошью.

– Тогда с делами покончено. – Альмейда тяжело поднялся из-за стола. – В такой шторм остается только спать и пить, благо есть за что.

В приемной ничего не изменилось, разве что рядом с первой чашей пылала вторая, а к толпящимся у стола офицерам прибавился Аларкон.

– Господа, – подмигнул альмиранте, – кто-нибудь нальет адмиралу с капитаном или вы уже все выпили?

3

Бешеный стоял на пороге и щурился, как кот. Он выглядел чище и старше, чем при первой встрече. Вчера Руппи забыл, что фрошеру хорошо за тридцать, сегодня об этом напомнили ввалившиеся глаза и складки у рта. Словно он ночь напролет работал. Или пил.

– Добрый день, господин вице-адмирал Талига. – Олаф Кальдмеер начал разговор, и Руппи понял, чем он закончится. – К сожалению, я не могу говорить с вами стоя.

– Сможете еще. – Ротгер Вальдес выдвинул стул и уселся, вытянув ноги в черных сапогах. – Должен вам заметить, что погода сегодня отвратная.

– Господин Вальдес, – говорить Олафу было трудно, но он не замолчит, пока не скажет все, что хочет, – я рад, что могу сам назвать свое имя. Я – Олаф Кальдмеер.

Бешеный присвистнул.

– А мне казалось, я вас так хорошо не узнал! Что ж, яйца разбиты, молоко пролито, и выбора больше нет. Мне это не нравится, я люблю свободу маневра.

– Я бы тоже предпочел другой исход, – натянуто улыбнулся Олаф, – уверяю вас.

– Нет уж, пусть все остается, как есть, – фрошер сверкнул зубами, может, его мать и была с севера, на сыне это не сказало. – Вам, адмирал, пить нельзя, а мне по такому случаю нельзя не пить. Господин фок Фельсенбург, вы разделите мой порок?

– Выпей, Руппи, – велел адмирал, пытаясь приподняться на здоровом локте. – Могу я

попросить вас рассказать о конце сражения?

– Всегда терпеть не мог рапорты, – Бешеный взялся за кувшин, – но рапорт вице-адмирала Вальдеса адмиралу Кальдмееру – совсем другое дело. Сейчас, с мыслями соберусь.

Это тоже было неправильно, как и все, что случилось в последние дни, когда удачи оборачивались ловушками. Попутный ветер, беззащитный город, любезный хозяин...

– Берите, сударь, – в руках Вальдеса были два полных стакана. – В этой комнате обычно ночует мой дядюшка Вейзель. Если тут витает его дух, вам должно сниться что-то скучное, но высоконравственное. За личную встречу, господин адмирал. И пусть после этого кто-нибудь скажет, что судьба не кошка!

– Благодарю, – Олаф Кальдмеер слегка улыбнулся. – Вальдес, вы до странности гостеприимны.

– О да, – махнул рукой фрошер, – у меня вечно кто-то гостит.

– Но вряд ли это вражеские адмиралы, – адмирал решил прояснить все сразу и до конца, Руппи был бы с ним согласен, будь Ледяной здоров. Но будь он здоров, его б здесь не было. – Я видел алые флаги, и я знаю, что они значат.

– Знаете? – восхитился Вальдес. – Какой же вы начитанный! Эх, говорил же мне дядюшка Везелли, что я несобранный, дурно образованный и разменивающийся на ерунду. Как же он прав!

– Вы хотите сказать, что красные флаги с молнией не означают кровную месть? – адмирал казался удивленным. – Но поведение адмирала Альмейды подтверждает мои слова, а не ваши.

– Мне известна только одна по-настоящему кровная вражда, – изрек Бешеный, – ваша с бергерцами. Или, если угодно, бергерцов с вами, но моей марикьярской половине она кажется такой утомительной.

– Я бы назвал это иначе, – будь Олаф здоров, он бы сейчас покачал головой, – Бергеры и гаунау живут только войной, от которой мы устали. До безумия. Если б талигойцы в свое время не заключили союз с Бергмарк, мы могли бы попытаться понять друг друга.

– Я слишком легкомыслен, чтобы тонуть в веках, – про Бешеного говорили, что он станет смеяться и в Закате, это походило на правду, – но, помнится, Манлий сошелся с агмами по расчету, а не по любви. Она пришла потом.

– Мы ушли от красных флагов, вице-адмирал, – адмиралу было что сказать о торском безумии, но Вальдес был наполовину бергером.

– Райос, – поднял палец Бешеный, – моя островная родня называет поразившие вас флаги именно так. Они означают, что с вами говорят по законам марикьяре, только и всего. Другое дело, что по этим законам вы и впрямь наши кровники.

– Но почему? – не понял Ледяной. – Мы воюем с Талигом не первый год, вы знаете это не хуже меня, и всегда эскадра Хексберг несла «Победителя Дракона». Что изменилось?

– Алва оказался в Багерлее, – пояснил Вальдес. – Мятежи в Оллари и в Эпинэ вылупились из «павлиньих» яиц, как и ваша эскапада. Этого достаточно.

– Не вижу связи, – пальцы адмирала коснулись шрама. – Впрочем, если это тайна, можете не говорить.

– Все просто, как фиалка, – развел руками Бешеный. – Покусившиеся на жизнь, свободу и честь собрано, как и их приспешники, становятся кровниками всех кэналлийцев и марикьяре. Пока собрано не спасен или не отомщен. Вдобавок наш альмиранте на редкость сентиментален и предан юношеской дружбе. Если б не ваш визит, он бы в алой маске уже мчался на выручку Ворону. Вы его лишили этого удовольствия, а вместе с ним и армию фок Варзов. Разумеется, Альмейда обиделся, но это не повод сегодня отправлять в Закат тех, кого туда не взяли вчера.

– Тогда, – глаза Олафа стали тревожными, – расскажите о сражении.

– Оно кончилось. – Вальдес сплел пальцы в замок и положил на них подбородок. – Стрельба прекратилась около полуночи. О тех, кто ушел в море, я не знаю ничего. Мы утопили с десятков торговцев, еще семь захвачено и с десятков стреножено. Если б не шторм,

их бы догнали.

Ваш друг Луиджи Джильди захватил корвет, кроме того, взяли пару фрегатов и шесть линейных, но два никуда не годятся. Доннер вырвался, несмотря на все мои усилия. Поверьте, я старался. «Святой Эберхард» сел на мель возле берега, «Кунигунда» и еще кто-то затонули, «Лебедь» взорвался на моих глазах. Похоже, кроют-камера.

– А «Звезда веры?» – глаза адмирала нехорошо сверкнули. – Ушла?

– Салина ее выпустил, – подтвердил Бешеный. – По распоряжению Альмейды. Война есть война, господа. Мы не могли себе позволить утопить такого союзника, как Бермессер, но что решило море, я не знаю. Слышите?

– Шторм...

– Мягко сказано. В порт вернулись даже дозорные. То, что вы слышите, только отголоски. Настоящая погода к северу от залива, но наш друг Вернер мог и проскочить. Судьба нижез свежую рыбку вперемешку с тухлой. Уцелели вы, значит, уцелел какой-нибудь Бермессер, а то и два.

– Значит, к северу, – адмирал думал не о сбежавшем мерзавце, а о покалеченных кораблях. Они уходили в открытое море, надеясь на спасение, но попали из огня да в полымя. – Что ж, помоги им Создатель.

– Я бы на него не рассчитывал, – осканился фрошер. – Вы выбрали неудачного покровителя для вашей затеи. У хексбергских ведьм перед Создателем имеется весьма существенное преимущество: они существуют на самом деле.

Ледяной не ответил. Это было трусостью, но посмотреть в лицо адмиралу Руперт не мог. Он глянул на стакан в своих руках и торопливо отпил. Не вино, что-то более крепкое. Стало жарко, ветер вновь прошелся по трубам, тоскливый, злобный вой сделал бы честь любому чудовищу.

– Рассказать вам про бой у города? – Бешеный снял с пальца перстень с зеленым камнем, подбросил и ловко поймал. – Признаться, увидев Доннера, я огорчился.

– Расскажите, – мысли адмирала бродили где-то далеко, и Вальдес это понял.

– Нет, – вице-адмирал расцепил руки и поднялся, – не стану. Доннер делал все, что мог, я тоже, потом подошел Альмейда. Вот и все, что следует знать потомкам.

В трубе злобно взвыло, буря бросилась на окно с новой силой, мигнули свечи, неистово задребезжали стекла.

– Вы знали, что придет помощь, или собирались умирать всерьез? – Олаф все же умудрился сесть, привалившись к подушкам, этого еще не хватало!

– Знал. – Бешеный отодвинул портьеру, тускло блеснуло окно, за ним бесновалось что-то невероятное. – Ну и умирать немного собирался. Так, на всякий случай.

– Вы и тем более герцог Алва, – Ледяной в упор смотрел на отвернувшегося собеседника, – на нашем месте поступили бы так же.

– Все, конец ясеню. – Ротгер Вальдес выпустил зеленый бархат и обернулся. – Так о чем мы говорили?

– О том, – резко произнес Кальдмеер, – что на нашем месте вы поступили бы так же, как и мы.

– Без сомнения, – подтвердил фрошер, улыбки на его лице больше не было. – Если считать этим местом свалившиеся на врага неприятности. Только Талиг последнюю тысячу лет почему-то только и делает, что отбивается. Может, дело в том, что у нас много земли и не так уж много людей, но мы всегда защищаемся, а на нас нападают. Чаще всего из-за угла. Вы, ваши гайифские хозяева, купленные ими шкурники...

Нет, адмирал, у нас разные места. Очень разные. Вы лезете в чужой дом, я вас не пускаю, и от того, что вы не запрете раненого в канатном ящике, ничего не меняется. Как и от того, что, не вернись Альмейда, я бы сдох под вашими пушками, но вы бы не прошли.

– Мне есть что ответить, – голос Кальдмеера звучал устало, – только это не имеет смысла. Мы друг друга не поймем. Я – дриксенец, а вы сразу – талигоец, бергер и марикуаре. Я – эсператист, вы – даже не знаю, кто...

– Кто я? – Бешеный склонил голову на плечо, почесал бровь и внезапно подмигнул Руппи. – Сложный вопрос. Моя бергерская половина осуждает марикулярскую горячность, половину марикулярскую удручает бергерское занудство, а для кэналлийца у меня нет ни слуха, ни голоса. Поэтому я талигоец. Господа, вам что-нибудь нужно?

– Лично мне ничего, – адмирал все же покачал головой, ввалившаяся щека дернулась, – но я хотел бы знать, кто еще в плену.

– Врете, – произнес Вальдес, взглядываясь в лицо пленника. – Вам нужен врач, и причем немедленно. Фок Фельсенбург, не давайте ему трести головой. Имена пленных я узнаю, но их не так уж и много. Сами понимаете – холодная вода, кровная месть...

Часть пятая

«Le Soleil»⁶²

Восхвалять государей за достоинства, которыми они не обладают, – значит безнаказанно наносить им оскорбление.

Франсуа де Ларошфуко

Глава 1

Ракана (б. Оллария)

399 года К.С. 24-й день Осенних Молний

1

Что случится сегодня. Сегодня! Через два часа! Альдо Ракан наденет корону предков, и неважно, что сломленный болезнью и предательством Придда Эрнани отрекся не только за себя, но и за сына. Завещание считается законным, только если завещатель находится в здравом уме и его воля свободна. Эрнани обезумел и был вне себя от того, что содеял его маршал. Найденное письмо – письмо безумца.

Ричард Окделл почти во всем был согласен со своим сюзереном, но не в том, что Спрут спасал Талигойю. Эктор, как и все Придды, думал только о себе, а король, король решил, что кэналлиец и марагонский бастард лучше забывшего честь и присягу маршала. Но неужели Эрнани убил Шарль Эпинэ, присягнувший Оллару и принявший из его рук маршальский жезл?! Или герцог не смог пролить кровь Раканов и это сделал Рамиро? Правды теперь не узнать, да и кому она нужна, эта правда! Прошлое есть прошлое, оно мертво, а жить нужно настоящим во имя будущего.

Только Ракан возродит и защитит великое государство. У древней крови свои законы и свои права, ей не указ ни придуманные людьми хартии, ни подменивший истинных богов вымышленный Создатель. Время Олларов истекло – Альдо Ракан призван Кэртианой на исходе Круга, остальное значения не имеет.

Сквозь проклеенные на зиму окна донесся праздничный перезвон —принарядившаяся Ракана приветствовала своего короля. Ричард Окделл улыбнулся и надел на плечи орденскую цепь. На багряном бархате таинственно замерцали опалы, светлые и прохладные,

⁶² Солнце» – высший аркан Таро. Символизирует истину, стремление к свету, доверие к себе и душевный мир, примирение со своей «теневой» стороной. Означает достижение чего-то важного; исполнение желаний, победу, триумф, прилив сил, уверенность, счастье, здоровье или же знак того, что удача не за горами, а все трудности будут успешно преодолены. ПК недоразумение, ложные представления об успехе, срыв планов. Это неудача, опасность, крушение надежд или, в лучшем случае, весьма сомнительный успех. Что-то сбывается, но не сразу, не в полной мере и совсем не так, как думалось. Также указывает на вспыльчивость, гнев, раздоры, проблемы со здоровьем, семейные неурядицы.

как утренние созвездия. Найери для непосвященных – одна из четырех блуждающих звезд, для знающих истину – спутница бога Волн. Ричард немного досадовал, что первым талигойским орденом стала Найери. Воистину миром правят случайности: у ювелира отыскивались прекрасные опалы, а посвященных богу Скал золотых топазов не хватило, карасы же Альдо счел недостаточно дорогими. Конечно, лучше всего для ордена Литто подошли бы черные ройи, но их не находили уже несколько тысячелетий.

Ричард Окделл глянул на часы, нужно было торопиться – церемония расписана по минутам. Кorteж Повелителя Скал должен прибыть к парадным воротам без десяти одиннадцать, не раньше и не позже. Юноша наскоро проверил шпагу и кинжал, стараясь не думать о потерянном кольце. Древний камень исчез, с этим следует смириться, хотя как чудесно было бы вручить выпавший из меча карас Альдо в день коронации. Ричард задумчиво тронул родовой перстень. Каждому – свое. Камень из меча не принадлежал герцогу Окделлу и покинул его, а отцовское кольцо вернулось. Значит, так нужно. Сожаление – удел слабых, сильные ничего не оплакивают и ни о чем не жалеют.

– Монсеньор, – Джереми, хоть и вырос в каком-то городишке на границе с Каданой, выглядел заправским надорцем, – кони оседланы, эскорт готов.

– Иду!

Юноша с наслаждением сбежал по устланной золотистыми коврами лестнице и выскочил на крыльцо. Самый короткий день в году был наполнен счастьем и солнцем, казалось, сама зима празднует победу Раканов. Ричард взлетел в седло, и его закружила и понесла невозможная, сияющая радость. Такого с герцогом Окделлом не было даже у Дарамы, когда он мчался наперерез вражеской коннице. Тот восторг был сродни касере, нынешняя радость звенела и плясала, словно ручей с целебной водой. Повелитель Скал любил весь мир от ушедших за горизонт звезд до последнего нищего и знал, что его тоже любят, а пакостная надпись на стене – не в счет! Мерзавцам не удастся испортить праздник, пусть хоть перевешаются!

Ричард ехал сквозь радостный перезвон, заставляя Караса переступать брошенные под ноги цветы. Бессмертников и золотых поздних астр было немного жаль, но цветы расцветают для того, чтоб их срезали.

В миг высшей красоты смерть настигает розы,
Но сколь счастливее их краткий, дивный век
Удела сорняков, погубленных морозом.

– Убийца! – воющий вопль вырвал Ричарда из сияющей сказки, швырнув на забитую людьми улицу. Еще не соображая, что случилось, юноша дернул поводья, Карас с диким ржаньем вскинулся на дыбы, кованные копыта нависли над бьющейся на мостовой старухой в черном.

– Убил моего сына, убей и меня! – вопила женщина, потрясая иссохшими кулачками. – Сукин сын! Предатель, душегуб! Лизоблюд раканий!

Выскачившие откуда-то цивильники ухватили ведьму под руки и уволокли. Старуха извивалась ызаргом, проклиная Дика, сюзерена, Айнсмеллера, весь мир.

– Монсеньор, – Нокс незаметно оказался рядом, – не стоит задерживаться, это не ваше дело.

– Едем. – Ричард пришпорил жеребца, конь заржал коротко и обиженно, на серые камни розовым снегом падали хлопья пены. Розовым от крови. Спасая сумасшедшую, он порвал лошади рот! Бедный Карас, но возвращаться поздно, и это дурная примета. Ничего, если не натягивать повод, а управляться ногами, до конца церемонии они продержатся, а потом Джереми приведет Сону. Ричард погладил линарца по лоснящейся шее, конь благодарно всхрапнул и шагнул вперед.

– Слава Повелителям Скал, – закричала пухлая горожанка, швыряя в воздух желтый чепец, – слава Окделлам!

- Да хранит вас святой Алан!
- И святая Женевьев!
- Слава королю!
- Сыну Эгмонта ура!
- Да здравствует Альдо!
- Долой Олларов!
- Слава Монсеньору!

Столько цветов, улыбок, добрых пожеланий... Почему добрые слова забываются, а проклятья впиваются в душу, словно репы? Герцог Окделл никогда не видел эту старуху и уж тем более не убивал ее сына. Он вообще убивал только на войне, но там нет сыновей и братьев, а только враги.

Если сын сумасшедшей поднял руку на Раканов, герцог Окделл в его гибели не виноват, и солдат, убивший изменника, тоже не виноват, но как объяснить это матери?

– Монсеньор, – совсем юная девушка в белой вышитой шали выбежала на середину мостовой, прижимая к груди охапку увитых черными и золотыми лентами физалисов. Ричард свесился с коня, подхватил букет, поцеловал зовущие алые губки и оглянулся на Нокса. Капитан уже развязывал кошелек. Девушка схватила монетку и, словно бельчонок, юркнула в толпу. Ричард, сколько мог, проследил за ней взглядом, жалея, что не спросил имени. Ей можно было послать шаль или бусы, помнится, в шкатулках на первом этаже остался неплохой жемчуг.

Юноша поудобней перехватил цветы и сжал колени. Карас согласно мотнул головой и ускорил шаг.

2

Пурпурные тряпки, песана золота на шее и морды. Надутые, наглые, жадные, знакомые и незнакомые, но одинаково мерзкие. Только и людей, что Робер, Лаци, Левий, ну и еще пять-шесть жеребят, но сегодня она ругаться с Альдо не станет. Во-первых, без толку, во-вторых, какой ни на есть, а праздник. Даже два, хотя Матильда предпочла бы один. Зимний Излом – это весело, очень весело, если ты дома и ни за кого не боишься.

Ее Высочество непреклонным жестом отодвинула огромный парик с буклями и локонами и натянула другой, поменьше. Голова к вечеру все одно зачесется, как у блохастой псины, но это полбеда. Беда ждет за дверью, в шкуре победы. Матильда с отвращением оглядела заполонившую зеркало каракатицу и плюхнулась в кресло. Недовольная камеристка убрала волосатое чудовище в ларец, проворчав о том, что парик делал лучший гайифский куафер, а тот, что надела Ее Высочество, годится для исповеди, но не для коронации.

– Помолчи, – рявкнула Матильда просто для того, чтобы рявкнуть. – Его Высокопреосвященство меня и без этого уродства исповедует.

Мармалюка сделала реверанс и выползла. Матильда торопливо выхватила фляжку с касерой, глотнула и сунула сокровище за пазуху, благо оборки позволяли спрятать на груди хоть Эсператию. В такой день с утра не выпить – к вечеру повеситься или кого-то прирезать.

Раздались шаги, и в гардеробную вошел, вернее, взошел Альдо. В чем только Матильда не видела внука, но сегодня он посрамил весь гайифский двор с его мистериями. Недоваренный анакс натянул на себя белую тунику, отравившую то ли по осеннему времени, то ли в поисках благопристойности рукава, отделанные, как и подол, золотыми пальметтами. Дополняли сие великолепие белые штаны, еще более белые сапоги, пять золотых цепей и кованый «гальтарский» пояс, на котором висела шпага.

– Камзолом обойтись не мог? – выпалила любящая бабушка будущему величеству.

– Империя начинается с мелочей, – внук и не думал обижаться или злиться. – Согласен, сейчас императорские одежды выглядят странно, но к ним привыкнут.

– Императоры ходили с голыми коленками, – буркнула не собиравшаяся ссориться

Матильда, – и вообще тебе империя нужна или мистерия?

– Империя, – расхохотался паршивец, обнимая бабу, – разумеется, империя. Хватит, не ворчи. Зимой по-гальтарски не походишь. Слушай, Матильда...

– Слушаю, – огрызнулась принцесса, – я только и делаю, что тебя слушаю.

– А признайся, ты хотела, чтоб я в доломан вырядился? И саблю нацепил?

– Да цепляй хоть холтийскую булаву, – хмыкнула вдовица, – лишь бы на петуха в павлиньих перьях не походил. Ну зачем тебе столько золота?

– Надо, – лицо внука стало серьезным. – Четыре цепи, четыре Великих Дома. И пятая, цепь Повелителя. Я не могу об этом говорить вслух. Пока не могу, но знаки власти надены уже сегодня. В день Зимнего Излома.

3

Раньше был Люра, теперь – Айнсмеллер, и еще вопрос, кто хуже. Глядя на гражданского коменданта Раканы, Робер Эпинэ был готов согласиться, что красота – подарок Леворукого. По крайней мере, такая. Черноокий палач был блистателен в белоснежном мундире с золотой лентой через плечо и в белоснежной же шляпе с завитыми перьями. Конь у него тоже был белым и потрясающе красивым, хоть и годился только для парадов и прогулок.

– Монсеньор, – сообщил вешатель, – в городе все в порядке. На пути следования Его Величества и глав домов выставлена стража, горожане одеты как полагается. Вы можете быть спокойны.

– Благодарю, – кивнул Робер, отгоняя сладостное видение алатской сабли, рассекающей господина гражданского коменданта вдоль перевязи. Алва в Багерлее, второго чуда не случится.

– Однако у меня есть определенные опасения, касающиеся так называемого графа Медузы, – взгляд вешателя затуманился. – Знаете ли вы, что маэстро Алессандри подменили ноты? Вместо марша «Триумф Альдо Ракана» он обнаружил список столь любимой чернью «Пляски на гробах».

– Это все?

– Не совсем. В кухнях нашли листок с печатью Сузы-Музы, на котором был записан рецепт очищающего напитка на основе нарианского листа⁶³. Господин Берхайм решил не рисковать, и все приготовленные заранее кушанья были уничтожены.

– Остается надеяться, что новых сюрпризов не будет. Сэц-Ариж, вам не кажется, что пора?

– Повелитель Молний прибывает вслед за Повелителем Волн, – напомнил капитан личной гвардии герцога Эпинэ. – Придд только что миновал Зимний проезд. Можем подождать еще минут десять.

А можем ехать похоронным шагом, это лучше, чем любоваться на Айнсмеллера среди спиленных каштанов. Робер потрогал украшенное браслетом Айрис запястье и сухо поклонился гражданскому коменданту:

– Что ж, барон, встретимся у входа в Ноху. Сэц-Ариж, едем.

...Тихая, словно выметенная незримой метлой улица вливалась в другую, заполненную народом. Под ноги всхрипнувшему Дракко шмякнулся веночек розовых иммортелей.

– Да здравствует Эпинэ! – надсадный вопль послужил сигналом. Принарядившиеся горожане громко радовались воцарению Ракана и приветствовали Повелителя Молний, Первого маршала Талигойи, внука великого Гийома и так далее. От венков и букетов разило мертвечиной, а взлетающие в воздух чепцы, шапки и шляпы казались нетопырями.

На углу Зимнего проезда и Оружейной на дорогу выбежала девица в белом и встала, выставив вперед охапку рыжих, похожих на фонарики цветов.

⁶³ Самое сильное из известных в Кэртиане слабительных.

– Жильбер, – бросил Робер, – возьмите этот... подарок. И заплатите.

– Да, Монсеньор, – откликнулся Сэц-Ариж. Робер дернул за узду, объезжая девицу с физалиями или как там назывались эти рыжики. Любопытно, что получают крикуны за свою любовь: деньги, хлеб, вино или просто спокойный сон?

В глаза бросилось несколько то ли студиозусов, то ли подмастерьев в разноцветных куртках. Высокий и рыжий вытащил из-за пазухи голубя и подбросил. Обалдевшая от свободы, холода и солнца птица едва не упала, но выправилась и затерялась среди крыш и ветвей.

– Да здравствует Эпинэ! – заорал парень. – Иноходец в свинячем стаде!

– Ура Югу! – подхватил второй.

– Юг, сними раканьи тряпки! Мы с тобой!

– Давить север! – завопил заводила, вскакивая на основу каменной ограды. – Долой Таракана!

Несколько дюжих цивильников, расталкивая толпу, бросились к бузотерам, но те, на прощанье еще разок проорав «Ура Эпинэ», куда-то юркнули и исчезли. Робер обернулся: на лице Жильбера Сэц-Арижа блуждала блаженная улыбка.

Глава 2

Ракана (б. Оллария)

399 года К.С. 24-й день Осенних Молний

1

Бочку на коронацию не допустили – рожей не вышел и не рожей тоже, что его и спасло. Жирный горбоносый жеребчик с маленькими хитрыми глазками блаженствовал в деннике, Матильда бы с радостью поменялась с ним местами, но принцессам сено хрумкать никто не даст. Ее Высочество оперлась о руку царственного внука и под грохот оркестра сползла с крыльца. Праздничек, чтоб его, начался.

Альдо галантно зашвырнул бабку на многоопытную белую кобылу. Скотина сияла от золота, попону украшали геральдические звери, на уздечках брякали подвески, а грива была подобрана какими-то прищепками. Уроды, их бы так причесали!

Матильда разобрала поводья, незаметно тронув скрывавшие фляжку оборки, и, вспомнив об этикете, буркнула:

– Благодарю.

– Матильда, – прошипел король талигойский, – злиться будешь вечером, а сейчас веди себя прилично.

– Прилично? – принцесса ткнула пальцем в изуродованную лошадь. – Вот с этим?

– В Гальтаре на конях с неубранными гривами ездили только плебеи, – отрезал внучек, – ты просто не привыкла.

– И не привыкну, – предупредила Матильда. – Учти, это первый и последний раз.

– Учел, – подмигнул Альдо и поправил сползший на одно ухо кедровый венок. Матильда с ненавистью глянула на подданных во главе с Берхаймом и промолчала. Альдо сдвинул брови и вскочил в седло.

– Вперед, Ваше Высочество! – виконт Мевен, которому в великий день доверили пасти вдовствующую кучу, взял кобылу под уздцы. Стоило всю жизнь ездить верхом, чтоб на старости лет превратиться в тряпичный тюк.

Грохнула пушка, возвещая о начале церемонии, с наскоро сооруженной галереи рванула вверх голубиная стая, трубы завывали что-то победное.

– Да здравствует дом Раканов, – надтреснутым тенором проорал церемониймейстер Берхайм, – Слава!

Музыканты заткнулись, давая дорогу человеческим глоткам, белая кобыла громко

заржала. Над таким только и можно, что ржать! Альдо вздыбил коня.

– Слава Талигойе! – возопил внук, цепляясь за поводья. – Слава тысячелетней Талигойе!

Матильда сцепила зубы и сосредоточилась на затылке капитана гимнетов. На галереях шипело и плевало здравицами ызаржье стадо, в небе кружили и гадили голуби, брякал подвесками линарец Его Величества внука. В Гальтаре повелителя на коронацию волок глава церкви, но просить о подобной услуге Левия не рискнул даже Альдо. А жаль, Матильда бы не отказалась услышать ответ кардинала.

– Слава Раканам! – надрывался Берхайм. – Слава великим Раканам!

– Да здравствует Альдо Пегвый!

– Альдо Великий!

– Виват Талигойе, виват Раканам!

– Слава, – подхватила готовая жрать камарилья. – Да здравствует!.. Великий день... Какое счастье...

Падальщики! Ызарги на конской туше! Толстые и тонкие, старые и молодые, агариссы и местные бряцали цепями, сияли драгоценностями, благоухали, чихали, наступали друг другу на ноги, извивались, галдели, били хвостами, воображая себя конями и орлами. Мразь!

Снова бухнули пушки. Много пушек. И еще раз... И еще... Четыре выстрела – начало движения. Оркестр заиграл очередной марш, очень неплохой. Твою кавалерию, это ж «Походная Балинта», искореженная, но узнаваемая! Сквозь проигрыши и барабанную дробь отчетливо прорывалась лихая знакомая мелодия. Такая же краденая, как золотые цепи на Берхаймах и Ванагах, как вся эта «победа».

– Да здравствует принцесса Матильда! – Темплтон! Дурачина, нашел чего орать! – Слава великолепной Матильде!

– Ваше Высочество, – взвыл некто с приклеенным к роже восторгом, – вы царственны! Царственны!

– Виват царственной Матильде, – ревел Ванаг. – Слава!

– Видишь, – промурлыкал Альдо, – как тебя любят.

Любят они! Как же, разбежались! Так любят, что сожрут и косточек не оставят.

– Едем? – хмуро осведомилась царственная Матильда. – Или пусть еще поорут?

– Пора, – Альдо и раньше не замечал чужих настроений, а уж сегодня и подавно. – Ты все помнишь?

– Твою кавалерию! – заверила принцесса и, не удержавшись, добавила: – Глаза б мои на этот балаган не глядели.

2

За Домом Скал всегда следует Дом Ветра, за Ветрами идут Волны, а за ними – Молнии. Повелители равны между собой, но первым идет Хозяин Круга. Сегодня это Окделлы, но как неприятно стоять рядом со Спрутом!

– Повелитель Волн! – словно в ответ проорал здоровенный конный герольд. – Да здравствует Повелитель Волн герцог Придд!

Плохо, что на коронации лишь три дома из четырех, но Дом Ветра почти мертв. Рокэ до суда не выйдет из Багерлее, а кроме него, живы лишь трое увезенных Манриками детей. Альдо даст им титулы и владения, но сначала Карла и его сестер нужно выкрасть или выкупить, а это не просто. В Ноймаринен и Придде принца считают наследником Олларов, но он – наследник Дома Ветра. Единственный.

Жертва Катарины Ариго не была напрасной. Не будь этого ребенка, Кэртиана лишилась бы одного из Великих Домов. Неважно, что в глазах несведущих Карл – бастард или Оллар; в его жилах течет кровь Борраска. Он – рожден главой Дома Ветра, но по нынешним законам мальчик – не Алва. Даже если Манрики пустят в ход исповедь Эрнани,

это ничего не изменит. Опасен только Ворон. Святой Алан, какое счастье, что у Алвы нет законных детей и Альдо не стоит перед выбором – мир или жизнь ребенка. Как государь, сюзерен должен выбрать Кэртиану, но отправить на смерть невинного... Это страшно!

– Слава Повелителям Волн! – в увитые алыми бархатными розами ворота въехал Валентин. Теперь Ричард мог видеть, как выглядел он сам, ведь все Повелители следовали одним и тем же распоряжениям церемониймейстера Берхайма. Дик попытался представить вместо серого мориска Караса и заменить траурный бархат багряным. Кажется, он выглядел неплохо!

Раздался раскатистый барабанный бой. Валентин поравнялся с очередной аркой и осадил жеребца. Под ясным солнцем конь и всадник не казались снежными призраками, но ощущение угрозы, просыпавшееся в присутствии Повелителя Волн, никуда не делось. Барабаны смолкли, Придд выдернул из ножен клинок. Не шпагу – меч! Ричард тоже мог взять клинок, откованный во времена Алана. Не догадался!

– Кого ищет Повелитель Волн? – спросил герольд. – И почему в его руках меч?

– Я ищу моего короля. – От звуков ненавистного голоса у Ричарда сжались зубы. – Моя рука и моя Честь принадлежат ему и Талигойе.

Эктор Придд тоже произносил эти слова, найденные Ричардом в старинных хрониках по просьбе Альдо.

– Займи свое место и жди, – велел герольд.

– Я буду ждать, сколько нужно.

– Так и будет!

Вновь зарокотали барабаны, к ним присоединилась флейта, Валентин вбросил меч в ножны и заставил мориска попытаться к фиолетовым всадникам. Это было нетрудно, Ричард проделал бы то же, не будь у Караса повреждена губа.

Повелитель Волн остановил коня рядом с вздымавшим фамильное знамя светловолосым пажом и поднял руку. Оркестр заиграл марш, не тот, что звучал в честь Окделлов, а более плавный. Мэтр Алессандри сочинил марши для всех Повелителей и походный цикл «Триумф Раканов», занимающий ровно столько времени, сколько продлится шествие к Нохе. Музыканты репетировали втайне. Ричард не был уверен, что даже Альдо слышал посвященную ему музыку, а музыка была хороша. Даже слишком хороша для потомка Эктора Придда.

Валентин привстал в стременах и направил мориска к отведенному Дому Волн месту. Ричард напрягся, он знал, что им со Спрутом предстоит встать рядом, но это было отвратительно. Мориск Валентина высоко, словно танцуя, поднимал ноги, встряхивая длинной нестриженной гривой. Наездник сидел в седле неподвижно, будто кукла или выходец. Ричард видел, как приближалось ненавистное длинное лицо, равнодушное, с презрительно выпяченной губой. Повелитель Волн думал не о великом празднике, а о том, как выказать свою неприязнь Дому Скал.

Когда между Карасом и серым оставалось не больше десятка бье, Спрут повернул коня. Мимо Дика проплыл чеканный профиль, сверкнула герцогская цепь, мягким серебром проструился плащ. Юноша смотрел на строй полуденных гимнетов и не сразу сообразил, что происходит что-то не то. Что именно, герцог Окделл не видел. Не мог видеть, но стук копыт не стихал, значит, Придд не остановился.

Чужая ненависть и отсутствующий Ветер уберегли Ричарда Окделла от необходимости стоять рядом с врагом, а Валентин был именно врагом. Личным врагом герцога Окделла и куда более опасным, чем Эстебан со всеми своими навозниками. Только прочитав завещание Эрнани, Ричард до конца осознал, чего можно ожидать от Спрутов. Сюзерен слишком великодушен, чтобы понять – Эктор Придд не спасал государство, он хотел захватить власть. И никто не сказал, что потомку предателя не придет в голову такая же мысль.

– Мой государь, Дом Молнии верен Дому Раканов, и порукой тому моя Кровь и моя Честь. – Крови пока хватает, а вот чести не осталось, тенъент Эпинэ вышвырнул ее по приказу деда в канаву, даже не поняв, что творит. Честь, присяга, клятвы... Слова, которые для одних значат все, для других – ничего.

– Мы верим Повелителю Молний, – обрадовал Альдо замершего Дракко. В последнее время сюзерен предпочитал общество Дика и Айнсмеллера, а сам Робер, к вящей радости Никола, превратился в заправского южанина. Юг и север... Раньше это было просто Талигом.

– Что прикажет мой государь? – чужие слова, пустые, сухие, как змеиная кожа.

– Твой конь пойдет рядом с нашим, – возвестил сюзерен. Закатные твари, и как только Арчибальд сочинил этот бред? Сарассан с многосмертным бароном помогли, что ли? С этих станется!

– Я следую за моим государем, – покорно закончил ритуал Иноходец и развернул Дракко, одновременно заставив шагнуть вбок, чтобы пропустить Рокслея и Мевена с королевскими линарцами в поводу.

– Ваше Величество, – обрадовал герольд-распорядитель, – впереди – Дом Волн. Его глава жаждет предстать перед государем.

– Пусть герцог Придд приблизится. Мы желаем его видеть, – те же слова, те же жесты, только музыка другая. Если что сегодня и удалось, так это погода и марши.

– Повиновение королю! – Помощник герольда отделился от свиты и тяжелым коротким галопом поскакал к серой статуе. Повелитель Волн опять появился в трауре, и траур этот отдавал не скорбью, а вызовом. Кому? Ричарду Окделлу или всему миру?

Заиграли трубы, и серебристый мориск по-оленьи сорвался с места. Роскошный конь! Если б Альдо ездил вполонину так хорошо, как Придд! Но лошадь, шпагу и гитару нужно чутать. Иначе учись не учись – выше курицы не взлетишь.

– Повелитель Волн явился на зов своего государя, – возвестил герольд-распорядитель тупым голосом. Почему равнодушие так часто принимают за величие, слабость – за доброту, а наглость за смелость? Волки не лают, а левретки не молчат.

– Мы слушаем герцога Придда, – сюзерен очередной раз тронул венок из королевского кедра, словно проверил, не упал ли.

– Мой государь, Дом Волн верен Дому Раканов, и порукой тому моя Кровь и моя Честь.

Ну и ледяная же бестия, но Спруту с Раканами по пути. Придды ничего не должны Олларам, кроме смерти. Началось с убийства Эктора, кончилось гибелью семьи.

– Мы верим Повелителю Волн, – именно так отвечали древние анаксы своим зориям. И укрепляли доверие заложниками и подачками.

– Что прикажет государь? – Придд знал ритуал назубок, Альдо мог быть доволен. Рвущиеся из души чувства портят память, хитрость и равнодушие ей полезны.

– Твой конь пойдет рядом с нашим, – произнес сюзерен, и Рокслей с Темплтоном повели королевских скакунов дальше мимо занятой оркестром галереи.

– Я следую за государем, – подтвердил Повелитель Волн. Серый мориск встал слева от Дракко. Молния, Волны, Ветер, Скалы...

Повелители равны друг перед другом и своим господином. Равны... Не предавший Фердинанда Алва, замысливший измену Эпинэ, обожающий сюзерена Дикон, непонятный, скользкий Придд. Четыре стихии, четыре судьбы, что у них общего, кроме Излома?

Линарец Альдо поравнялся с оркестром, и седой маэстро красиво опустил на колени, умудрившись не прерывать дирижирования. Зимнее солнце плясало по бросившей вызов золоту меди, барабаны и скрипки клялись в верности и сулили победы, но гитара без струн глушила грохот оркестра.

Рокслей замедлил шаг, из-за увитой зеленью балюстрады выскочили нарумяненные детишки в звездных платьицах, под ноги лошадям посыпались цветы и блески, в небо взмыла очередная голубиная стая. Музыканты резко сменили ритм, заиграв нечто грозное и плавное, потом вступил хор – Робер не сразу сообразил, что поют на гальтарском. Альдо слушал, по-императорски скрестив руки на груди. Так вот почему лошадей анаксов водили

под уздцы!

Торжественные аккорды затопили площадь, словно дым невидимого пожара. Ветер играл мишурой и блестками, осыпая замерших коней и мертвые цветы. Алая искра каплей крови дрожала на парике Матильды, сама вдовствующая принцесса смотрела поверх разукрашенной гирляндами стены – там, за горизонтом, был Алат. Сильная молодая рука вцепилась в золотые оборки, словно в уздечку, – Матильда его избегает. Почему? Уж не потому ли, что решила – это маршал толкает своего короля в пропасть?

Грохот барабанов слился с пушечными залпами, громко и слитно ударили колокола Святого Фабиана, ставшего Святым Аланом. Учитель, закрывший собой воспитанника, рыцарь, схватившийся за кинжал, кто из них более свят?

– Слава королю! – возвестил хор. – Слава и Вечность!

Поводыри повели коней навстречу Ветру и Скалам, но Ветра нет, и Дику придется ехать конь о конь с Валентином. Музыканты проводили кавалькаду бравурным маршем, из-за галереи показалась лиловая шеренга, обрывающаяся пронизанной солнцем пустотой.

– Что это значит? – Альдо осадил вскрикнувшего от неожиданной боли коня. – Отвечайте.

Отвечать было некому. Церемониймейстер Берхайм, обгоняя кортеж, мчался в Ноху, герольд-распорядитель с ужасом таращился на дыру, разделявшую лиловые и черные мундиры. Среди серых каменных плит вспыхнула, резанула по глазам сумасшедшая синяя искра. Кинжал! Кто-то воткнул его в щель, кто?!

– Принесите. – Альдо уже владел собой. Что-то буркнула, перехватывая поводья, Матильда. Дуглас Темплтон кивнул и быстро выдернул клинок.

– Дайте. – Руки сюзерена схватили сверкающую сапфирами рукоять, ничего не случилось. – Кто знает это оружие?

– Я, – на лице Валентина Придда не дрогнул ни один мускул. – Это кинжал Борраска, я полагал эту вещь достойным подарком в столь знаменательный день.

– Этот кинжал воистину бесценен, – глаза Альдо вспыхнули, – но как он оказался на плацу?

– Мой покойный отец считал необходимым изучение гальтарских манускриптов. – Повелитель Волн казался слегка удивленным. Словно ментор, которого спросили, почему ночами жгут свечи. – Согласно статуту Эрнани Святого, если герб Дома не разбит, но его глава не может присутствовать на важной церемонии, на том месте, где он должен стоять, вонзается в землю родовой клинок.

«Никто не может заменить никого, никто не может занять ничье место. Это оскорбляет анакса и весь мир». Так пишет Павсаний-старший. Мне казалось, его труды легли в основу сегодняшней церемонии. Я ошибся?

– Нет, – нахмурился Альдо, – ошибся Берхайм. Мы благодарим герцога Придда за исправленную ошибку.

– Я не предполагал, что у господина церемониймейстера нет трудов Павсания, – поднял бровь Спрут. – Граф Берхайм представлялся мне как главе Дома и заверил меня в том, что помощь ему не требуется.

– Берхайм переоценил свои знания, – скривился Альдо. – Герцог, предотвратив извращение древних обычаев, вы оказали нам большую услугу. Мы награждаем вас орденом Эвро, о чем будет объявлено на большом приеме.

– Дом Волн верен своему слову, – глаза Спрута стали жесткими. – Моя Честь и моя Кровь принадлежат моему королю и моему королевству.

– И знания тоже, – сюзерен явно сделал стойку на наследство Вальтера Придда. – Мы хотим знать историю клинка Борраска. Как вышло, что он хранился в Доме Волн?

– Он напоминал о нашем долге Дому Ветра, – холодно пояснил Валентин, – я намеревался его отдать. Теперь это проще, и я заплачу. Сполна.

Ракана (б. Оллария)
399 года К.С. 24-й день Осенних Молний

1

Ворота Нохи были распахнуты, гимнеты, цивильники и южане Эпинэ с трудом сдерживали рвавшихся увидеть короля горожан. Не прошло и двух месяцев, а Талигойя приняла и полюбила Альдо Ракана. Конечно, сумасшедшие и недовольные есть и будут – у Олларов прихвостней хватало, но талигойцы свое слово сказали. Цветы под ногами, голуби в безоблачном небе, здравицы, улыбки, нарядные платья – все это нельзя подделать. Окажись Эмиль Савиньяк сегодня в Ракане, он бы все понял и преклонил колено перед истинным сюзереном, но кавалерист все еще в Урготе. Ничего, они еще поговорят. Главное – уговорить Эмиля встретиться с Альдо, а дальше все выйдет само собой. Савиньяк отличит старое золото от олларской медяшки, а такие генералы Альдо нужны.

Ричарду мучительно захотелось обернуться и увидеть серьезное и светлое лицо короля, но юноша сдержался. Во-первых, их с сюзереном разделяли дружины Скал, Волн и Молний, а во-вторых, Повелитель Круга возглавляет коронационную процессию и смотреть он должен вперед и только вперед.

Карас поравнялся с двумя каменными стелами, словно стерегущими вход в аббатство. Мэтр Шабли, рассказывая о древностях, говорил, что они перенесены в новую столицу из Гальтары. Здесь, между древних камней, кортеж должен остановиться и ждать, пока Ричард Окделл сделает свое дело. Юноша, откинув плечи, сжал колени, но жеребец продолжал шагать вперед, и Дику пришлось потянуть за уздечку. Линарец обиженно всхлипнул и замер, на выметенную мостовую вновь упали кровавые розовые хлопья, а скованный церемониалом хозяин не мог ничего поделать. Герцог Окделл выпрямился в седле, слушая приветственный гул. Все было чудесно, вернее, было бы, если б не досадные мелочи. Сначала – подлая надпись на стене, потом старуха и, наконец, Карас. Бедняге досталось больше, чем казалось вначале.

Пушечный залп слился с колокольным перезвоном и боем часов. Полдень! Берхайм правильно рассчитал дорогу. Ричард спрыгнул на обрадованные камни, бросил поводья и пошел вперед мерным шагом гальтарского гимнета. В воротах Повелителя Скал ждали церемониймейстер и четверо клириков с орденскими голубями на груди.

– Все ли готово к встрече Государя? – больше всего на свете Ричард боялся сбиться, но память не подвела, недаром они с Берхаймом перерыли столько книг.

– Повелитель Скал может быть спокоен, – заверил церемониймейстер. – Кто из близких рядом с Государем?

– Ее Высочество вдовствующая принцесса, – ответил Дик. – Ее коня ведет Йоган-Йозев Мевен, подвластный Волнам.

– Повелители следуют за своим Государем?

– Кони Повелителя Молний и Повелителя Волн идут рядом с конем Государя. – Спруту верить нельзя, но он тут, на своем привидении в конском обличье. Моро и тот приятней.

– Ноха ждет Государя, – поднял руку Арчибальд Берхайм, – да здравствует идущий впереди! Да здравствует благой вестник! Да здравствует Повелитель Скал!

Да, сегодня по древнему закону впереди Ричард Окделл, но через год первым будет Ветер. Новый Ветер! Вороны больше не будут предвещать несчастья. Повелителем Ветров станет Карл Борраска, в небо Кэртианы взвоется белая ласточка, но пока мальчик слишком мал, его заменят отчим и опекун.

– Я доложу Государю, что Ноха ждет. – Когда-нибудь вместо «Государь» он скажет «анакс», когда-нибудь они поднимутся на площадку Мечей и над головой Альдо вспыхнет четверной ореол, но слава начинается сегодня. В Нохе.

– Его Высокопреосвященство Левий, – объявил светлоглазый священник в облачении

епископа, – готов возложить венец на чело Его Высочества. Пусть Альдо Ракан войдет в храм и преклонит колени пред Создателем Всего Сущего. Он выйдет из обители владыкой земным.

– Мэратон! – произнесли губы Дика, и это было самым трудным, потому что было враньем. Не оливковое масло на лбу и не Создатель, которого нет, вознесли Альдо на престол предков. Он это сделал сам по воле Кэртианы.

Святой Алан, все должно быть по-другому! И так и будет! Вместо храмового купола – гальтарское небо, вместо эсператистских молитв – благословение богов и победы, достойные первых анаксов.

– Я возвращаюсь к моему Государю с благой вестью.

Преклонять колени перед разрисованными досками – оскорблять свою кровь, но сейчас иначе нельзя. Без поддержки Эсперадора и союзных государств Талигойе не продержаться. Из Оллари в древнюю столицу можно попасть только в обход, через Тронко, но там Дьегаррон и Бонифаций, с ними не договориться.

– Иди, сын мой. Кланниме!⁶⁴

Сын?! Ричард Окделл – сын своего отца, Повелитель Скал и верный вассал Альдо Ракана, но сюзерену приходится склоняться перед Агарисом и заключать договор с Гайифой и Дриксен. То же собирался сделать и отец. Надеялся ли Эгмонт Окделл на древние силы или рассчитывал только на силу мечей и родовую честь? Эгмонт Окделл был благороден и судил обо всех по себе, а его загнали в болота.

– Герцог Окделл, вам дурно?

– Нет, граф.

Древняя арка казалась рамой, в которую вставили пронизанную светом картину. Темплтон и Рокслей держали под уздцы королевских линарцев. Сверкали золотым шитьем мундиры, рядом с затянутым в алое Робером смертной тенью маячил Придд, а за спиной рос, заполняя все вокруг, торжествующий перезвон.

2

Храм был огромным, а Левий маленьким, по плечо покойному Адриану, если не меньше. Конечно, для мужчины рост не главное, то есть не самое главное, и все же, будь Левий повыше, Матильде было бы как-то спокойней и за кардинала, и вообще. Вдовствующая принцесса сама не знала, чего опасалась, но после избрания нового Эсперадора и прогулки по кладбищу ничего хорошего от церковных ритуалов не ждала. Вдовица так и не поняла, что за бред ей привиделся, но зеленые свечи в руках призраков и черный монах из головы идти не желали.

– Держись, – шепнул внук, подавая руку, – это не так уж и долго.

– Твою кавалерию! – скорее по привычке, чем от души, огрызнулась Матильда, проходя под тяжелой сводчатой аркой. В храме царил полумрак, по крайней мере в сравнении с залитыми солнцем улицами. И то сказать, свечи, сколько б их ни было, никогда не сравнятся с солнцем. Ее Высочество вдохнула напоенный курениями воздух и поежилась то ли от холода, то ли от тревоги. Строгий молодой клирик с поклоном вручил ей толстую серебристую свечу, такая же, но золотая досталась внуку, что-то громко и зло вздохнуло, Матильда не сразу поняла, что это орган. Звуки «Создателю всего сущего» отдавали детскими страхами и желанием выскочить из опасной полутьмы на солнце. Тильда Алати с детства ненавидела органные сопения и всю жизнь проторчала в Агарисе. Так всегда бывает – кричишь, что не любишь кошек, а кошки вот они, в твоей постели. Заползли и греются. Попробуй прогони.

Орган отстенал «Ураторэ»⁶⁵ и принялся за что-то новое, еще более замогильное, но на

⁶⁴ Изначально «внемли мне» (*гальтарск.*) , эсператистское благословение.

этом неприятности иссякли. Ничего не меркло и не дуло, Матильда помнила, на каком она свете, а сбоку твердо и медленно вышагивал вырядившийся в белое внук, а не призрак глупой девчонки, влюбившейся в недоношенного принца.

– Орстон, – завыл хор, – те урсти пентони меи нирати...⁶⁶

Это песнопение Матильда еще не слышала. Музыка была хороша – светлая, величественная, строгая, под такую и впрямь поверишь во вселенскую справедливость. Надо спросить Левия, что это такое. И вообще нужно с ним поговорить, но так, чтоб Альдо не решил, что бабка за его спиной сговаривается с кардиналом. Внук от Высокопреосвященства не в восторге, а чего он ждал? Что ему сюда Берхайма в сутане пришлют? Агарису нужно вернуть Талиг в свое лоно, для такого дела каплуны не годятся, а Левий хотя бы не чужой, как-никак с Адрианом знался. Надо расспросить Его Высокопреосвященство про Руция и про то, что творится на его могиле.

Кедровая ветка вцепилась в шлейф не хуже репейника и потащилась за принцессой. Когда-то в Сакаци у нее на юбке повис рак, а Ферек его отдирали. Глупость какая... Принцесса содрала с лица неуместную улыбочку и покосилась на выстроившихся коридором клириков. В серых руках торчали длинные семерные свечи, горевшие желтым огнем, а впереди сверкали лампадами Рассветные Врата, перед которыми стоял кардинал в парадном облачении. Зеленой жути, вползшей в агарисский храм «Семи свечей», не было и следа – обычная благостная скука, приправленная политикой. Вечером начнут считать, кто за кем шел и что это значит.

– Возрадуемся, – рявкнул на талиг здоровенный клирик, – ибо сам Создатель возрадуется, когда вернется.

– И длиться радости Его вечно, – подхватил хор, – и каплей той радости быть радости нынешней.

Капля радости в ведре бед – вот что такое нынешний праздник. Талиг, может, и уцелеет. Если все эти Савиньяки с Ноймаринен так хороши, как про них говорят. А вот Альдо с Робером радости будет, что у Клемента при встрече с кошкой. Тут даже Левий не вытащит, наоборот. Олларианцы за объятия с Агарисом восемь шкур спустят, никакого Зверя не понадобится.

Рука внука с силой сжала локоть, предупреждая о ступеньках. И правильно, хороша бы она была, шмякнувшись посреди храма кверху задом. Такой зад лучше не показывать, особенно днем. Ее Высочество, величаво вздернув подбородок, ступила на огражденное кедровыми гирляндами возвышение и преклонила колени на подушку с вышитым голубем. Подушка была большой и мягкой, но простоять полчаса на коленках, когда тебе за шестьдесят, еще то удовольствие. Особенно без привычки.

Орган взвыл еще разок и смолк, служки высоко подняли истекающие воском свечи, четырежды ударил колокол, и Рассветные Врата медленно распахнулись. Меж серебряных створок показались нарисованный сад и семь раскрашенных статуй. Самым красивым был Адриан со своим львом. Говорят, святой и при жизни был хоть куда. Одно слово, Эпинэ.

– Кто ты? – произнес бархатистый мужской голос. – Тот ли, кого я ожидаю?

Левий! Всем ты хорош, только б росточку б тебе добавить. Вот был бы кардинал повыше, а Альдо поумнее, цены бы обоим не было.

– Я Альдо из дома Раканов, – звонко ответил внук. – По праву рода и по закону людскому – король Талигойский. Я пришел преклонить колена перед Создателем нашим.

– Клянешься ли ты именем Его, что сказанное тобой правда?

– Вечной душой клянусь.

– Кто вошел с тобой в храм?

⁶⁵ «Создателю» (гальтарск.).

⁶⁶ Да будет так, да исполнятся все мои моления (гальтарск.).

– Мать моего отца, – голос Альдо звенел натянутой струной, – и мои вассалы.
– Чтут ли они Создателя нашего и ожидают ли Возвращения Его?
– Ручаюсь за них. Своим словом, своей жизнью, своей душой.
– Есть ли среди вошедших в храм тот, кто знает об Альдо из рода Раканов то, что не знает он сам? Тот, кто может сказать, что Альдо из рода Раканов не чист пред ликом Создателя и слуг Его? Тот, кто оспорит сказанное Альдо из рода Раканов? Тот, кто скажет: нет, Альдо Ракан не король Талигойский?

Если знаете, встаньте и ответьте. Свеча Истины зажжена. Пока не погас огонь, откройте тайное – и будете прощены.

Свеча истины... Желтый огонек в руках Левия. Как быстро она тает. Четыре минуты, какая малость, но можно встать, вернее, окончательно свалиться и покаяться.

Прокричать, что она, Матильда Алати, согрешила с Адрианом, с шадом, с Леворуким и Альдо не имеет прав на корону? Или не она, а Ида... Бедная курносенькая Ида, обожавшая Эрнани. Если бы она, так боявшаяся моря, заупрямилась, оба были бы живы, но Ида не хотела огорчать свою любовь и утонула вместе с ней.

Свеча все еще горит, а внук ждет. Он – Ракан, Ракан до мозга своих глупых костей, одно лицо с дедом! Ей никто не поверит, а если и поверит, все уже случилось. Альдо будет держаться за трон, а Робер не бросит Альдо. И она не бросит, потому что коронованный балбес – все, что у нее есть. Лаци, он, как тюреговизе – выпил и забылся. Он молодой и он алат, а она привязала себя к Раканам, этого не разрубить... Упавшие листья к веткам не прикрутишь, как ни старайся.

Золотистая звездочка жалобно замигала и погасла. Огонь, Круг, жизнь – все кончается, а молодость кончилась уже давно.

– Альдо из дома Раканов, – в голосе Левия звучало удовлетворение, – нет никого, кто оспорил бы твое право. Нет никого, кто бы знал про тебя дурное. Ты чист в глазах слуг Создателя. Возблагодари же и восславь Его, ибо Он есть истина первая и последняя, начало всему и вместилище всего.

– Славлю Создателя устами и сердцем, – выкрикнул внук в серебряный рассвет. Громко выкрикнул. Анэсти тоже повышал голос, когда врал. Почему она не видела, что в Альдо столько от деда? Сын был почти алатом, а внук – талигоец. И дурак к тому же.

– Отрекся ли ты духов нечестивых? – для эсператистов что мармалюца, что охотнички золотые – все одно нечисть.

– Я не знаю таких. – Внук не знает, а вот с кем она на могиле Эсперадора согрешила?

– Верю слову твоему, сын мой. Да свершится предначертанное тебе при рождении твоём.

Маленькие, еще ниже кардинала клирики – и где он таких раздобыл? – встали позади Левия. Кардинал тронул наперсный знак.

– Возлюби всякого брата во Ожидании, как брата кровного. Смири гордыню свою пред Лицом Создателя. Почитай Пастыря своего и Отца своего. Почитай мать детей твоих и держи ложе свое нескверно. Не злоумышляй против брата своего во Ожидании. Не предавайся излишествам, теща плоть свою в ущерб духу.

– Мэдосэ, те урсти пентони меи нирати, – вполголоса попросил хор.

«Отринь Закат и открой душу Рассвету», – одними губами повторила Матильда, глядя, как седой маленький клирик снимает с головы молодого человека кедровый венок, высоко поднимает над собой и опускает в корзину.

– Мэратон!

Служка подал Его Высокопреосвященству массивный жезл, кардинал опустил его в сосуд с освященным Эсперадором маслом, коснулся им лба, висков, щек и запястий Альдо. Разом вспыхнули прикрепленные к тыльной стороне Рассветных Врат лампы, словно там, в Саду, и вправду рассвело. Левий подал жезл Альдо:

– Именем Создателя нашего называю тебя королем Талигойским. – Глаза Левия сияли неподдельной теплотой и участием. – Будь милосерден к слабым и беспощадным к

злостствующим и возгордившимся. Да будет над тобой благословение Создателя.

Губы Альдо припали к жезлу, что-то простонал хор, к запаху курений примешался аромат кипарисовой смолы. Левий извлек из второй корзины корону Раканов. Массивный золотой венец сверкал и переливался. Роскошная вещь, одних самоцветов хватит прокормить свору берхаймов год, если не два.

Альдо вернул жезл Левию и, сияя золотом, поднялся с колен. Рядом с кардиналом он казался еще выше. Дальше внук пойдет один, за ним двинется Левий, ну а ей придется повиснуть на Ричарде – ноги совсем затекли, никакая подушка не спасет. Бедный Дикон, волоочь эдакую тушу, да еще с незажившей рукой.

Твою кавалерию, и ведь это только начало! Придется торчать на площади, принимать подношения цехов, а вечером – большой прием во дворце с послами и ызаргами. Нет, если ей не удастся выпить, причем немедленно, она сдохнет и не заметит.

3

Хозяин уходящего Круга подал руку хмурой Матильде. Хоть с этим повезло. Пока Повелитель Скал сопровождает принцессу, он не сцепится с Повелителем Волн. Робер поискал глазами Спрута, тот стоял чуть впереди, ожидая, пока пройдут вассалы Окделлов. Гордо посаженная голова, каштановые волосы, поджатые губы. О чем он думал, всаживая меж плит кинжал Борраска? Приддов никто не понимает, кроме Приддов. Именно так сказала Ирэна и ушла, поигрывая костяным веером.

– Монсеньор, – шепнул помощник церемониймейстера, – вы должны присоединиться к Его Величеству на выходе из храма после герцога Придда.

– Я помню, – кивнул Робер, – мою гвардию поведет Сэц-Ариж.

Гвардия Эпинэ. Восемь десятков таскают маскарадные платья и две тысячи мотаются по всему городу. Пока Монсеньор трясет красным плащом, южане хватают за руки вешателей, разгоняют по домам тех, кто не желает кричать «ура».

Только б сегодня обошлось без крупных пакостей. Никола говорил о том, что в художествах Сузы-Музы замешан кто-то из гимнетов. Найти бы этого «кого-то», пока до него не добрался Айнсмеллер. И не забыть о мальчишках, оравших здравицы Эпинэ. Если дойдет до Альдо, может случиться всякое.

Распорядитель что-то прошипел Придду. Тот небрежным движением поправил воротник и неспешно двинулся за разряженными в черное, багряное и золотое вассалами Дикона. За Спрутом потянулся Дом Волн. Замыкали шествие Удо Борн и Берхайм. Хорошо, что среди прискакавших в Олларию страдалцев не обнаружилось вассалов Эпинэ, а вот Дикону предстоит решать, кто из Карлионов настоящий – его дед по матери или агарисское недоразумение.

Удо, стараясь не смотреть в сторону соседа, мерно печатал шаг. Нужно съездить с ним к Капуйль-Гизайлям. Когда придет ответ от Лионеля, герцог Эпинэ должен быть у прелестной баронессы завсегдатаем, а Айнсмеллер – с этим свыкнуться. Если б не Удо, Робер не отказался бы провести с красавицей пару ночей, но Борн отправил маленького барона к морискиллам первым.

Иноходец так и не понял, влюблен Удо или душит в чужой спальне свою тоску, но делить с другом женщину неприятно, даже если она нужна обоим не больше, чем они ей.

– Монсеньор, – сообщил еще один распорядитель, – пора!

– Хорошо.

Ветер в лицо и солнце. Этого достаточно для полного счастья, только длится такое счастье меньше минуты. Робер прикрыл глаза ладонями, привыкая к свету.

– Эпинэ, вам плохо?

– Нет!

– Вы уверены? – Его Высокопреосвященство озабоченно сжал запястье Робера. – Вам следует беречь сердце, оно вам еще пригодится.

– Спасибо. Вы покидаете Его Величество?

– Я исполнил приказ Его Святейшества, – довольно сухо пояснил кардинал, – но присутствие на балах и гуляньях в обязанности духовных пастырей не входит. Я намерен посетить Багерлее, а вам предлагаю посетить меня. После празднеств.

– Благодарю, Ваше Высокопреосвященство.

– Идите, герцог, короли не любят ждать. И мой вам совет – не принимайте все так близко к сердцу. Оно у вас одно.

У человека не только сердце одно, но и голова, и совесть, и душа, наконец. Робер, довольно невежливо отстранив верных вассалов герцога Окделла, присоединился к сюзерену. Альдо стоял на храмовой террасе, и солнце плясало на фамильном венце. Рубины, изумруды, сапфиры вспыхивали и гасли, а король смотрел вниз, на своих подданных, после начала церемонии допущенных в Ноху. Подданных было много, стражи тоже. Эпинэ заметил шляпу Никола и немного успокоился. Хорошо, что военный комендант в толпе, а гражданский – наверху. Здесь он, по крайней мере, никого не повесит.

– Что тебе сказал кардинал? – бросил через плечо Альдо.

– Что духовное лицо не может принимать участие в светских увеселениях.

– Нам кажется, он выразился иначе, – губы сюзерена скривились. – Не знаю, как выглядят святые, но Левий явно не из их числа. Леворукий! Это еще что такое?!

4

Гигантский ворон сорвался откуда-то сверху, с карканьем пронесся мимо террасы и исчез в слепящей синеве. Ричард Окделл вздрогнул и шагнул вбок, словно ища защиты у сюзерена.

– Это просто ворон, – сказал сюзерен и засмеялся, – он нас приветствует.

– Он поселился в аббатстве после Октавианской ночи, – равнодушно заметил Валентин Придд, – я слышал об этом.

– Вот как? – сюзерен дотронулся до короны Раканов. – Что ж, пусть живет. Голубей иногда следует пугать.

Сюзерен не видел, как ворон утянул за собой в смерть золотого орлана, он мог шутить, но Ричарду Окделлу было не до смеха.

– Символ ордена Славы – лев, а львов пугать не стоит, – нахмурилась Ее Высочество. Она тоже ничего не знала, никто не знал, только оставшиеся в Варасте адуаны и Алва. Не потому ли он вернулся, что вспомнил знамение? Не проиграть, когда победить невозможно, именно так сказал Ворон, глядя на мертвых птиц. Он не боится смерти, но сюзерен должен жить!

– Что с тобой, Окделл? – спросил Альдо, и Дик замялся и опустил глаза. – Неужели тебя так взволновала эта птица?

– Не птица, – выпалил юноша и осекся.

– Тогда что? – голос сюзерена прозвучал резко и настойчиво. – Все сомнения надо разрешить, а все ошибки исправить до того, как закончится Круг.

Это не ошибка и не сомнение, это глупость, бред, совпадение. Просто ворон вылетел так неожиданно... И потом, все уже случилось. Алва не опасен, он не может вредить из Багерлее. И Фердинанд не может. Единственная опасность – исповедь Эрнани, но тут они бессильны.

– Ричард Окделл, – повторил Альдо, – мы приказываем вам рассказать, что случилось.

– Я думал о... – будь что будет, он не омрачит сегодняшний день дурными пророчествами, – о своей лошади. По дороге в Ноху передо мной выскочила сумасшедшая... Мне удалось вздыбить коня, я порвал ему рот. Ехать на нем теперь нельзя, я думал, где взять запасного.

– Чего хотела эта женщина? – очень медленно произнес Альдо. – Мы должны знать.

Она кричала, что Ричард Окделл – убийца и лизоблюд, но такие вещи вслух не говорят,

тем более при Спруте. Святой Алан, зачем только он заговорил об этой старухе?!

– Что она говорила?

– Ваше Величество, – вмешался Айнсмеллер, и у Дика немного отлегло от сердца, – сегодня великий день, зачем его...

– Где эта женщина? – перебил сюзерен, его рука теребила эфес шпаги. – Вы – цивилинный комендант Олларии, вы должны знать обо всем, что происходит в городе.

– Я прикажу узнать, – пообещал комендант. – Видимо, задержавший ее офицер не счел дело важным.

– Неважных дел не бывает, – отрезал Альдо, – особенно на Изломе. Потрудитесь позвать генерала Карваля. Возможно, ему известно о том, что случилось. Герцог Окделл, где это случилось?

– На улице Мимоз, – выпалил Дикон, прежде чем понял, что правду говорить нельзя. Ни в коем случае нельзя.

– На улице Мимоз, – с расстановкой повторил Альдо, – значит, на улице Мимоз...

– Ваше Величество, – Уолтер Айнсмеллер предпринял еще одну попытку вернуть сюзерена в праздник, – явились представители городских сословий.

– Они явились вовремя, – Альдо Ракан сдвинул брови. – Зовите.

Горожане – человек сорок мужчин и четыре юные девушки, настоящие красавицы, – замерли у лестницы, явно не зная, что делать дальше.

– Мы рады вас видеть, – Альдо тепло улыбнулся пожилому негодянту, – но ваши приветствия мы выслушаем позже. Сначала мы должны кое-что узнать. Айнсмеллер, вы послали за Карвалем?

– Он здесь.

Маленький южанин в белом мундире напоминал Лово – не поймешь, когда и кому в горло вцепится. Робер Карвалю доверял или делал вид, что доверяет, но Ричарду военный комендант не внушал ни симпатии, ни доверия.

– Генерал, – Его Величество смотрел прямо в глаза южанину, – известно ли вам, что произошло на улице Мимоз, когда по ней проезжал герцог Окделл?

5

– Генерал, – Альдо казался озабоченным, – известно ли вам, что произошло на улице Мимоз, когда по ней проезжал герцог Окделл?

– Известно, – у влезшего в генеральский мундир Никола было выражение собаки, на которую силком натянули кошачью шкуру, – на улице Мимоз произошло то же, что и на некоторых других улицах. Люди господина Айнсмеллера в присущей им манере пресекли крамолу.

– То есть? – Казалось, Альдо узнал что-то новое и очень неприятное. – Что вы имеете в виду?

– Сумасшедшая горожанка, прилюдно оскорбившая Ваше Величество и Повелителя Скал, была заведена во двор одного из пустующих аббатств и повешена.

– Как такое могло случиться? – громко, слишком громко произнес Альдо Ракан. – Сумасшедшие не отвечают за свои поступки, а женщин не вешают. Генерал Карваль, почему ваши люди не остановили расправу?

– Военный комендант не может вмешиваться в дела гражданских властей, – напомнил Робер, уже ничего не понимая. – Никола Карваль неоднократно докладывал мне о том, что считает действия гражданского коменданта излишне жестокими. Я говорил об этом с Вашим Величеством.

– Значит, тихо говорил, – белый с шитым золотом отворотом сапог наступил Роберу на ногу, приказывая молчать. – Мы не можем знать, что творится на каждой улице. Нам доносили о бунтовщиках и мятежниках, но мы и подумать не могли, что Уолтер Айнсмеллер так называет обезумевших женщин. Почему, к слову сказать, она лишилась рассудка?

– Она называла герцога Окделла и Ваше Величество убийцами, – пояснил Карваль. – Рискну предположить, что причиной помешательства стала гибель кого-то из ее семьи.

– Возможно, в этом приняли участие солдаты Окделлов, – добавил Придд. – Гвардейцы Скал ведут себя с горожанами весьма вольно.

– Я отвечаю за своих людей, – подался вперед Дик, – они не убийцы и не палачи.

– Мы в этом не сомневаемся, – кивнул Альдо, – воин не станет воевать со слабыми. Генерал Карваль, часто ли люди Айнсмеллера злоупотребляют данной им властью? Отвечайте.

– Мои патрули снимают повешенных каждую ночь, – набычился Никола. – Готов поклясться, что восемь из двенадцати не являются ни мятежниками, ни укрывателями оных.

– Теперь мы понимаем, – жестко произнес Его Величество, – почему Его Высокопреосвященство отказался благословить Айнсмеллера. Казнь без суда есть убийство, казнь же без последнего утешения есть преступление пред Создателем. Виновным в подобном преступлении церковь не дает отпущения, если грех не искуплен четырьмя праведными. Но это вряд ли. Уолтер Айнсмеллер, что вы можете сказать в свое оправдание?

– Ваше Величество, – вешатель стал белее собственного мундира, – генерал Карваль забыл доложить, что на Подвальной некие подмастерья поносили Ваше Величество и выкрикивали здравицу герцогу Эпинэ и его людям.

– Что ж, – свел брови Альдо, – это решает дело. Люди Эпинэ выполняли наши приказы и обрели любовь горожан. Вы тешили свою злобу и вызвали ненависть, тень которой падает на нас. Генерал Карваль, взять этого человека.

Айнсмеллер затравленно оглянулся и неуверенно потащил из ножен шпагу, трое южан во главе с Карвалем бросились вперед. Рука Никола перехватила запястье гражданского коменданта, вторая вцепилась в шитый золотом воротник. Подоспевший сержант стянул локти вешателя за спиной его собственной перевязью. Опять перевязь, только генеральская...

– Граждане Раканы, – король резко повернулся к замершим фигурам, – мы были слепы и не боимся признаться в этом. Мы не могли поверить, что среди вставших на нашу сторону найдется человек, способный на подобные зверства.

Во времена Эрнани Святого с теми, кто обманул доверие государя и кто его именем творил зло, поступали просто – его отдавали на суд городу. Мы возвращаем этот обычай. Генерал Карваль, выдайте преступника жителям Раканы, огласите нашу волю и возвращайтесь. Если Айнсмеллер останется жив, он будет навеки изгнан из Талигойи.

Осужденный рванулся сильно, но неумело, сержант-южанин ухватил его за плечо. Бывший комендант извернулся и свалился на пол, не желая идти. О пощаде он не просил – то ли потерял голову, то ли понимал, что бесполезно.

– Если не идет, тащите, – бросил Альдо и отвернулся от бьющейся в руках солдат бело-золотой фигуры. – Маршал, распорядитесь разделить имущество Айнсмеллера между родственниками несправедливо казненных. Следует провести тщательнейшее расследование. Вы меня поняли?

Глаза Ричарда, большие, словно ложки, перебежали с гражданского коменданта на сюзерена и обратно, Придд любовался кружащими в небе голубями, Матильда молчала, комкая золотистые оборки. Себя Робер не видел.

– Эпинэ, вы меня поняли?

– Да, Ваше Величество, – собственный голос показался Роберу чужим и хриплым, – я понял.

– Гражданским комендантом Раканы мы назначаем герцога Окделла, – монаршая рука легла на плечо Дика. – Сын великого Эгмонта не совершит ничего бесчестного. Мы уверены в нем, как только Ракан может быть уверен в Окделле.

– Мой государь, клянусь не запятнать имени Раканов и чести Окделлов!..

– Герцог Окделл, – губы Придда изогнула улыбка, – разрешите поздравить вас с новой должностью. Нет сомнений, что вы заслужите одобрение государя и любовь народа.

– Благодарю вас, герцог, – сверкнул глазами Дикон. Эти двое не замечают ничего,

кроме своей вражды. И хорошо, что не замечают.

– Я исполнял приказ!.. Только приказ!!! – дикие вопли мешались с колокольным звоном, словно кровь с медом. Можно было не смотреть, не слушать, не думать, но Робер шагнул к балюстраде. Никола исполнил приказ в точности: Айнсмеллер, без мундира и шпаги, в одной рубашке полетел в толпу, словно свежаванный кролик в кипящую похлебку.

Разноцветное месиво колыхнулось, принимая подачку, замелькали лица, кулаки, плечи. Безумие, зеленое, как горох, желтое, как морковь, багровое, как свекла, кружилось, мелькало, плескалось между древних стен, от него тянуло тошнотворно сладким. Так пахли полусгнившие лилии в разгромленном храме, – как же тогда смеялся Айнсмеллер, смеялся и облизывал красные, влажные губы...

Из бурлящей мешанины вынырнуло что-то длинное, изломанное, заляпанное красным. Мелькнуло запрокинутое одноглазое лицо, над ним вознеслась рука с намотанным на кулак поясом, и все затянуло паром, не кровавым, а ядовито-зеленым, как зацветшая вода.

Чудовищное варево вспенилось, выбросило бело-красный сапог, он взмыл над толпой, перевернулся в полете, окатив кровью чью-то седину... Сапог рухнул на чье-то плечо и исчез между желтым чепцом и меховым беретом... Почему так тихо? Толпа должна кричать, выть, а не они, так Айнсмеллер, но звуки вязнут, как мухи в патоке, не могут выбраться из растекшейся по площади мерзости.

Глава 4

Надор

399 года К.С. 24-й день Осенних Молний

1

Госпожа Арамона тщательно разложила на постели и стульях три платья, подумала и вытащила из сундука четвертое. Не прошло и пятидесяти лет, как ее схватил за шиворот вечный женский вопрос – что надеть? Какая прелесть, и главное – как вовремя!

В Надоре Луиза Арамона ходила в особах, пользующихся благорасположением нынешнего величества и доверием величества бывшего. За праздничным столом столь верноподданной персоне полагалось сидеть среди почетных гостей, причем в приличествующем случаю наряде. Оставалось решить, в каком.

С одной стороны, Луиза оставалась дуэньей Айрис, с другой – она ходила в подругах Катарини Ариго, с третьей – ее тошнило от Мирабеллы, а с четвертой – граф Эйвон все чаще попадался гостье на глаза.

Вдовой дуэнье подходило платье лучшего мышиного тона, но это убожество ложилось пятном пусть на бывшую, но королеву и в придачу равняло капитаншу с не вылезавшей из серого герцогиней, что было противно.

Подруга Катарини могла ходить в черном, этот цвет был одним из любимых цветов Ее Величества, а волосы Луизы прямо-таки молили о черных туалетах. Увы, черный считался одним из цветов Окделлов, напаялить его без спросу в надорском свинарнике было вызовом. Незаконная дочка «навозника», пусть трижды заслуженная, в герцогском платье. Кошмар!

Туалет цвета старого вина не оскорбит фамильные чувства супруги великого Эгмонта, но наверняка возмутит ее женское нутро, а заодно взбеленит всех слетевшихся в Надор ворон. Что до темно-зеленого с белой отделкой, то и он по надорским меркам был вызывающим. Здесь вызывающим было все, кроме плесени и моли.

Госпожа Арамона с нежностью тронула теплый бархат. Когда на них с девочками набросилась целая армия портных и белошвеек, Луиза не устояла и заказала себе несколько платьев. Это было глупо, но стареющая баба не обязана быть умной. Особенно оказавшись в модной лавке.

В юности Луизу, шипя и причитая на дочернее уродство, одевала маменька. Розовые и

голубые платица с кружавчиками красы долговязой девице не прибавляли, но Аглая Кредон смотрела на вещь, а не на человека. Сама она в девических туалетах и в самом деле была хороша. Лет до сорока. Именно глядя на вырядившуюся в нечто воздушное и расшитое анемонами матушку, Луиза поняла, что красивое платье может превратить красивую женщину в стареющую обезьянку. Если эта женщина видит в зеркале не себя, а урготский бархат по талу за локоть.

После свадьбы Луиза избавилась от маменькиных вкусов, но выходить ей было некуда и не с кем. И все равно в мечтах капитанша год за годом шила себе туалеты, превращавшие ее пусть не в красотку, но хотя бы в женщину, от которой кони не шарахаются. Потом Леворукий встал с правой ноги, и на голову Луизы перезрелыми орехами посыпались соблазны. Разумеется, она не устояла.

Родительнице было сказано, что мать Селины не должна отпугивать от девочки женихов, сама же Луиза в глубине души мечтала попасться в зеленом платье на глаза Алве. А может, не в зеленом, а в вишневом или в черном, лишь бы перебить воспоминания о чудовище, которое приволок в дом герцога Герард. Вот она и попалась. На глаза Эйвона Ларака.

Граф был нелепым, чтобы не сказать жалким, но он смотрел на дуэнью как на королеву, а сегодня был Зимний Излом. Встречать день, который бывает раз в году, в сером?! Она не герцогиня и не дура.

Луиза подошла к столу, сунула пальцы в чернильницу и старательно вытерла пятерню о мышастое сукно. Вот вам! Она б и рада надеть серое, но, написав письмо своей обожаемой покровительнице, не вымыла рук и загубила лучшее платье. Конечно, его можно перешить, но это требует времени, поэтому... Поэтому госпожа Арамона вытащила монетку. Дракон – зеленое, решка – вишневое, а восемь бед – один ответ.

2

Судьба, видимо приняв в расчет Катаринин подарок, встала на сторону Дракона и зеленого бархата. Луиза показала изгаженной серой шкурке язык и не торопясь, с удовольствием занялась волосами. За окном стремительно смеркалось, хотя было чуть больше четырех пополудни. Что поделаешь, север, да еще самый короткий в году день. Госпожа Арамона торжественно застегнула ожерелье и в припадке вдохновения вытащила из прически несколько коротких прядок.

– Айрис, Селина, – окликнула капитанша своих девиц, – вы готовы?

– Да, – заверила Айрис, вылетая из спальни, и Луизе стало смешно. Девица явно собиралась не мириться, а кусаться. Утром Луиза сломала язык, уламывая Айри одеться, как заведено в Надоре, но в подопечную точно все кошки Леворукого вселились. Госпожа Арамона махнула на юную герцогиню рукой, а потом и сама сбесилась, напялив урготский бархат и торские изумруды. Айрис же вырядилась в алое и обвешалась рубинами, за которые можно было купить четыре Надора. Если бы кому-то могла прийти в голову подобная дурь.

– «Морская раковина», – объявила невеста Робера Эпинэ, растопырив руки и поворачиваясь, – шестнадцать шпилек!

– Очень хорошо, – одобрила капитанша. – Селина, у тебя выходит все лучше и лучше. Айрис, будь любезна помнить, что спорить в День Излома – дурная примета, особенно когда за столом чужие.

– Я постараюсь, – пообещала Айрис. В честных серых глазах застыло твердое намерение не нападать первой. – Я понимаю, мы не можем ссориться при гостях. Сэль, надень жемчуг!

– В самом деле, – Луиза оглядела серо-голубое платице дочери, – ожерелье тебе не помешает.

– Сегодня праздник, – сверкнула глазами Айри. – И нечего корчить из себя пыльных бабочек!

- Но я не могу, – залепетала Селина, – не могу... Герард на войне, все так плохо...
- Сударыни, – решительно вмешалась Луиза, – позволю себе напомнить, что все *очень* хорошо. Дело Раканов уже победило, нареченный Айрис – ближайший друг Его Величества, а мы – доверенные дамы Ее Величества.
- Да помню я, – фыркнула герцогиня Окделл. – Мы с Робером любим друг друга, но почему Селина должна ходить, как нищенка?
- Еще весной дочке Эгмонта голубенькое платьице Селины показалось бы верхом роскоши, но к роскоши привыкаешь быстро. Если уж старая баба замоталась в дорожные тряпки, чего говорить о девчонках.
- Я не стану носить драгоценности, – уставилась в пол Селина, – пока Монсеньор в Багерлее.
- Станешь, – отрезала Луиза мерзким маменькиным голоском. – Именно сейчас и станешь.
- Пойдем, – Айри ухватила Селину за рукав, – я тебе помогу, ну, пойдем же!
- Кажется, началось. Сейчас дочка узнает страшную тайну о помолвке и поездке. Что до самой капитанши, то она не сомневалась, что невеста собралась за помощью к Савиньяку и сбежит при первом удобном случае. Скорее всего, в мужском платье и при помощи влюбленного кузена. К счастью, Реджинальд уехал по отцовским делам, но после его возвращения придется бдить в четыре глаза, а заодно искать собственного гонца. Лучше всего подошел бы Рауль Левфож, но Луиза не была уверена, что южанин уже готов послать к кошкам сюзерена ради глаз Селины. Встречай они Излом в приличном доме, а не в этакой мертвецкой, Левфож мог бы dozреть уже сегодня, но Надор не способствует любви, хотя Эйвон, похоже, влюбился...
- Мы готовы, – Айрис держала сияющую Селину за руку, на шейке дочери красовались отборные жемчуга, в ушках сверкали бриллиантовые капельки. – А она пусть что хочет, то и делает.
- «Она»... Дожила Мирабелла, если родная дочь ее ни по крови, ни по имени не зовет, словно какую-то нечисть.
- Что ж, – Луиза поправила вдовий браслет, – прячьте когти, дети мои, нам пора.

3

На щеке Дейдри краснело нечто весьма напоминавшее след от пощечины, Эдит дышала медленно и тяжело, а вдова великого Эгмонта напоминала подмороженную лужу. Сверху приличный ледок, но лучше не наступать.

Явление непокорной дочери и ее дам герцогиня тем не менее пережила, почти не поморщившись, а ведь они заявили позже хозяйки. Это вышло случайно, но Мирабелла в случайность не поверит, ей нравится быть оскорбленной.

– Дочь моя, – проскрипела благородная дама, – займите свое место.

Айрис, сияя рубинами, молча опустила между маменькой и Дейдри, Луиза оказалась рядом с Эйвоном, а Селине досталось место среди благочестивых жен и дочерей, ради праздничка допущенных в святая святых. Закутанные в серое и черное дамы казались сборищем воробьев и галок, явившихся засвидетельствовать свое почтение вороне. Селина среди них воссияла утренней звездой, что не укрылось ни от Рауля Левфожа, ни от Луизы. Нет, пожалуй, в надорских обычаях есть свои преимущества.

– Вознесем молитву во славу Создателя нашего, – изрекла герцогиня Окделл, – служителей Его и всех убиенных во имя Чести и Долга.

А где, спрашивается, Его Величество Альдо Ракан и его верные сторонники? Не донести ли в столицу, что Мирабелла Окделльская не желает молиться за истинного государя и продолжает носить траур, когда вся Талигойя счастлива избавлению от тирании?

– Мэдосэ, те урсти пентони, – отец Маттео понес гальтарскую тарабарщину. Мирабелла истово шевелила бескровными губами, но кротости и всепрощения на застывшем лице было

не больше, чем у вяленой щуки.

Луиза эсператистские заклинания знала плохо и учить на старости лет не собиралась, зато надорский уют подвигнул капитаншу на Денизины заговоры. Госпожа Арамона прикрыла глаза и про себя призвала на помощь Молнии, Волны, Скалы и Ветер. Несчастному возчику, которому «Занимательная логика» Герарда предлагала перевезти через реку зерно, цыплят, кошку и собаку, было проще, ему не приходилось иметь дело с Мирабеллой и ее дочерью.

Первая встреча закончилась безобразно, но младшая герцогиня Окделл предпочла остаться в Надоре, а старшая сделала вид, что так и надо. Айрис после приступа обедала в своих комнатах, матушка раз в день справлялась о самочувствии дочери, никто никого не ел, но в Излом по углам не отсидишься, одна надежда на этикет и слетевшихся дур. Кстати, куда они своих мужчин-то дели? Уморили?

Госпожа Арамона покосилась на Эйвона и нарвалась на обожающий взгляд. Графиня Ларак при живом муже и сыне по примеру родственницы замоталась в серое, зато граф явился во вполне приличном темно-зеленом камзоле, не успевшем свести знакомство с местной молью. Надо же, они оба в зеленом, и ведь не сговаривались!

– Орстон, – твякнул клирик и поднял лапки.

– Мээээ-ра-тон, – проблеяла паства. Собравшееся за столом общество надежд на благополучный исход обеда внушало все меньше.

Унылый слуга обошел хозяев и гостей, наполняя унылые кубки унылой жидкостью, которую в Надоре называли белым вином. Праздничный стол отличался от непраздничного разве что посудой. Из сундуков извлекли старинное тяжелое серебро, которое так и не удосужились почистить. В Надоре бытовало мнение, что мел истончает драгоценный металл, и блюда, супницы и кубки покрывала вековая патина, превращая их в нечто нищенски неопрятное. К гнутым черно-радужным реликвиям как нельзя лучше подходили трещины на потолке, пузырящиеся от сквозняков шпалеры и драпировки, не говоря уж об исходящей злостью хозяйке.

– Граф Ларак, – Мирабелла повернула голову к Эйвону, – вы – ближайший родственник Эгмонта Окделла и в глазах Создателя опекун его сирот. Прошу вас поднять первую праздничную чашу в его память.

Бедняга Эйвон кашлянул и предстал пред нахохлившимся курятником.

– Сегодня особенный день, – взгляд Ларака достиг госпожи Арамоны, – особенный. Я счастлив, что все мы собрались здесь, под этой славной кровлей. Я очень хочу, чтобы новый Круг стал добрым. Пусть он принесет мир и любовь. Мы пережили тяжелые времена, но они в прошлом. Ночь больше не будет расти, а зима рано или поздно кончится. Придет весна, зазеленеют листья, распустятся цветы. Я верю, что так и будет!

Эйвон поднял погнутый кубок, глаза графа не отрывались от Луизы, и госпожа Арамона невольно улыбнулась, приподняв склянку с похожим на разбавленный уксус извращением.

– Так и будет, – повторил Эйвон, торжественно глотая торскую кислоту.

– Мэратон, – в гальтарском словечке не было ни единого шипящего звука, но Мирабелла умудрилась его прошипеть. – Граф Ларак исполнен надежд на будущее, он может себе это позволить, но я не обрету покоя, пока Рокэ Алва и Фердинанд Оллар не расплатятся за свои злодеяния. Эгмонт Окделл должен быть отмщен, и я хочу видеть, как свершится справедливость! Я поеду в Олларию и потребую казни убийцы.

– Отец погиб на линии, – Айрис вскочила стремительно, словно молния расколола серый камень, – убийства не было. Был честный поединок.

– Ложь! – серый хвост метнулся навстречу алому росчерку. – Ты предаешь память отца!

– Это вы загрызли отца, – тряхнула рубинами Айрис. – Вы и никто другой!

– Замолчите! – щеки Мирабеллы медленно багровели, и это было страшно. – Замолчите, или я за себя не ручаюсь.

– Вы и меня отравите, как Бьянко? – грудь Айрис судорожно вздымалась. – Или потребуете от Альдо, чтоб он меня повесил? Как матереубийцу? Только я больше не ваша, слышите?! Не ваша!!!

– Эрза, – Эйвон опрокинул кубок, белая дрянь расплылась по дряхлой скатерти. – Айрис... Сегодня такой день... Зачем...

– Создатель велит прощать зло, причиненное невольно, – забубнил отец Маттео и для убедительности перешел на гальтарский, – кланниме!

Святая Октавия, они же сейчас друг другу в глотки вцепятся! Луиза подняла упавший кубок:

– Сударыня, о гибели вашего достойного супруга на линии ваша дочь узнала от герцога Эпинэ. Его старший брат Мишель был свидетелем со стороны вашего супруга.

– Эрза, – торопливо произнес Эйвон, хватаясь за кувшин, – прошу всех выпить за жениха нашей Айрис. Здоровье Первого маршала Талигойи Робера Эпинэ, где бы он сейчас ни находился! Да пребудет с ним наше благословение и наша любовь!

Глава 5

Ракана (б. Оллария)

399 года К.С. 24-й день Осенних Молний

1

Малый прием только начинался. Альдо, Матильда и хозяин Круга еще не выходили, и на растерзание затопившей дворец своре были отданы Повелитель Молний и Повелитель Волн. Говорить со Спрутом Роберу не хотелось, с гостями – тем более, но интриган и заговорщик не должен отсиживаться в углу, и Робер улыбался, отвечал на приветствия мужчин, говорил комплименты дамам. Все было как в Агарисе, только гаже. Потому что большая свалка смердит больше маленькой, а свалка во дворце отвратней свалки ни задворках.

– Магшал, как я гад вас видеть! Я знал, что этот день пгидет, знал всю жизнь, – возопил агарисский Карлион, раскрывая объятия. Робер было отшатнулся, но взял себя в руки.

– Добрый вечер, сударь. Нам повезло с погодой, не правда ли?

– О да, – старый зануда с таинственным видом подхватил Эпинэ под руку. – Мой дгуг, пгошу вас уделить мне некоегоо вгемя.

Эпинэ предпочел бы не уделять, но, отделавшись от Карлиона, он имел все шансы нарваться на Берхайма с Ванагом или вообще на Кавендиша. Иноходец выдавил из себя улыбку:

– Я слушаю вас, сударь.

– Монсенюг, нужно устганить некоегоо недогазумение, – потребовал агарисец. – Я знаю нашего догогого Альдо с ганнего детства, а незабвенный Анэсти был моим лучшим дгугом. И у него никогда, слышите, никогда не возникало вопгосов относительно моих пгав на титул ггафа Каглиона. И что я узнаю, вегнувшись на Годину? Я узнаю, что Каглионами называют себя дгугие люди. Да, они всего лишь багоны, но тем не менее это недопустимо!

– Талигойские Карлионы – прямые потомки графа Брендона, – отрезал Робер, – их происхождение не вызывает сомнений.

– Признав узугпатога, – строго сказал лучший друг Анэсти, – они уггатили пгаво на имя великого Бгндона, пгедав его память и его дело. Только мы в Агагисе сохганили дух талигойского гыцагства, мы!

Если талигойское рыцарство сплошь и рядом было таким, его следовало закопать в негашеной извести четырехста лет назад вместе с духом. Как падший от ящура скот.

– Сожалею, сударь, но ничем не могу вам помочь. К тому же я обручен с дочерью Эгмонта, а его жена, как вам известно, урожденная Карлион.

Вот сказал, не хуже гогана!

– Гегцог, – морда хранителя духа стала сразу плаксивой и требовательной, – вы не должны ставить личные интегесы выше спгаведливости. Если б великому Бгендону пгедложили выбгать, кто будет его наследником – отгекшийся от него сын или вегный его памяти бгат, он бы не колебался.

– Возможно, – не стал спорить Эпинэ, – но Брендон повешен, а наш разговор становится беспредметным.

– И это говогит внук Гийома Эпинэ, сын Могиса Эг-Пги, нашедший пгиют в Агагисе! – возопил страдалец. – Мы пгинали вас как годного, с гаспгостегтыми объятиями, и вот благодагность!

Допустим, как родного его приняли Матильда с Альдо, а Карлиона Робер Эр-При увидел лишь через год. Страдалец за Отечество одолжил у сына Мориса Эр-При предпоследний тал. Обещал отдать завтра, отдает до сих пор.

– Я помню, что и кому должен, лучше вас, – огрызнулся Робер. Помнит и вытацит из ОллариИ Матильду, чего бы это ни стоило, а сюзерена спасать поздно. Альдо прикончил себя сегодня вместе с Айнсмеллером.

– На что вы намекаете? – водянистые глазки возмущенно заморгали – вспомнил или притворяется?

– На то, что пока вы в Агарисе вспоминали предков, мы в Талигойе сражались, – наставительно заметил вынырнувший из-за колонн барон Кракл, вполне оправившийся после страшной раны, полученной в усыпальнице Олларов.

– Мы сохганили вам госудагя, – закатил глаза «Карлион», – вас к победе пгивел Альдо Гакан.

– А где в это время были вы? – подошедший Дуглас Темплтон сжал локоть Робера. – Я что-то не припомню вас ни у леса Святой МартИны, ни у стен ОллариИ.

– У стен Раканы, – мило улыбнулась баронесса Кракл. Она была недурна собой, слишком недурна для косого, немолодого мужа. – Мы живем в Ракане, господа.

– Не могу согласиться, – Удо Гонт поцеловал холеную ручку. – Его Величество брал именно Олларию, иначе б это не было победой.

– Вы правы, – баронесса игриво взмахнула малиновым веером. Зря – на мундире Удо золотилась роза, без сомнения перекочевавшая туда с груди Марианны Капуль-Гизайль.

– Вы, судагыня, не можете знать некоторых вещей, – поднял палец агарисский обитатель. – Только мы, те, кто пегежил чегные вгемена, сохганили пгошлое во имя будущего.

– Талигойю освободили сами талигойцы, – отрезал Кракл. – Мы склоняем головы перед погибшими за нашу и вашу свободу. Эгмонт Окделл, Карл Борн, Морис Эр-При и его сыновья – все они родились в Талиге, но умерли за Талигойю. О ком из родившихся в Агарисе можно сказать то же самое?

– Вы оскогбляете не только наших пгедков, – «Каглион» заломил руки и сделал полшага в сторону оскорбителя, освобождая тем самым путь к отступлению, – вы оскогбляете госудагя.

Что ответил Кракл, поспешно ретировавшиеся друзья не слышали. Робер выскочил из Золотого зала, не понимая, от кого его мутит больше – от агарисских сидельцев, косого барона или малиновых тряпок его белобрысой супруги.

– Успокойся, – Удо поправил свою розу. – Знаешь что. Приходи послезавтра к Капуль-Гизайлям. Я с полудня до рассвета торчу в Приемной, а потом свободен, как четыре ветра. Сыграем в вьехаррон, выпьем, барон тебе птичек покажет.

– Может, и приду, – ЛэЙе Астрапэ, что с ними всеми сотворила Святая Мартина?! Дуглас только что не кусается, Удо прячет голову в чужой постели и не желает ничего замечать, а Эпинэ... Эпинэ предал сюзерена еще до того, как сюзерен предал себя.

– Приходи, – подмигнул брат Рихарда, – а то Дуглас не может, а втроем не игра.

– Не могу, – развел руками Темплтон. – Семейный долг, знаете ли!

– Вот видишь, – сощурился Удо, – он не может, а на второй день Излома положено ходить в гости.

– Ты сперва первый переживи, – посоветовал Робер. – Утром горожанам подарки раздают, а вечером – Большой прием, после него нам небо точно со сковородку покажется.

– Прием как-нибудь переживем, а для подарков у нас целый цивильный комендант есть, – Гонт вгляделся в толпу и скривил губу. – Предлагаю сбежать. Повелитель Волн – это выше моих сил. Да еще с Берхаймом.

– Бежим, – согласился Робер. – Спрут Иноходцу не друг, а заодно в Охотничий зал глянем.

– О «Золотой охоте» соскучился? Я тоже, – лицо Дугласа стало растерянным. – Закатные твари, мы же вернулись домой, а как не дома.

Вернулись, но как и с кем? Если б только можно было сказать правду, но Удо никогда не простит Олларам Карла и Рихарда. Вот Дуглас, тот наверняка поймет, но сначала нужно дождаться Реджинальда.

2

– Господа, разрешите вас поздравить с великим днем, – бородатый Сарассан и с ним еще не дорвавшийся до столов Ванаг заступили путь. Обойти их, не отпихнув дряхлого кавалерийского генерала и агарийского посла, было невозможно.

– Мы вас тоже поздравляем, – вежливо произнес Эпинэ. Сколько сегодня проглотит Ванаг? Сколько этот «владелец островов у Хексберг» вообще проглотит?

– Я предвидел, что этот день наступит. Помните, я говорил вам об этом в Агарисе, – пошел в атаку обжора. – Я никогда не сомневался в нашем Альдо!

Было время, Робер тоже не сомневался. Ни в своей правоте, ни в том, что Альдо Ракан – его друг, а он сам – друг Альдо Ракана.

– Эпинэ, – кустистые брови Сарассана поднялись вверх, – что с вами?

– Дела военные, – пришел на помощь Дуглас. – Из Придды пришли тревожные вести.

– Но мы не должны складывать оружие, – затряс знаменитой бородой Сарассан, во время пира в нее наверняка набьются крошки. – Я говорил и буду говорить о том, что против Талигойи существует заговор.

Существует. И только благодаря этому заговору ты здесь. А заговор нужно вышибать заговором.

– Дорогой Сарассан, – подбоченился Иноходец, – мы вернулись домой навсегда. Главные беды в прошлом.

– Это вы вернулись, – дернул усом Ванаг. – Но Придда и Марагона все еще стонут под пятой захватчиков. Мои родовые земли...

– Придет и их черед, – перебил проглота Борн. – Весной все будет кончено.

Только не так, как хочется Ванагу. Не видать ему никаких островов. А островам, к счастью для них, не видать «законного владельца».

– Граф Гонт, – колыхнул бородой разоблачитель заговора, – вы слишком доверчивы и простодушны. Достаточно вспомнить «Анналы», в которых...

Как хорошо все эти болтуны запомнили, что Удо стал Гонтом, а Оллария – Раканой, и как же быстро они слетелись, сползли, повылезали из своих нор.

– ...уничтожить Талигойю, несущую в себе зерно истинной, высокой духовности, – бубнил Сарассан. – Для этого две тысячи двести двадцать четыре года назад был составлен заговор...

Игнас был способен вещать часами, но у Ванага были куда более важные дела.

– Монсеньор, – пророкотал обжора, оттесняя приятеля, – я не стану настаивать на возвращении мне моих островов и сносе возведенных без моего согласия фортов, но я рассчитываю на возмещение понесенных убытков.

– За четыреста лет? – ухмыльнулся Темплтон.

– За триста девяносто семь, – Ванаг не шутил, он просто не умел шутить, – из учета обычного гайифского⁶⁷ процента.

– А почему не гоганского? – не утерпел Робер. – Гоганский процент выгодней.

– Да? – удивился владелец островов. – Но ведь он не фиксируется, в отличие от гайифского.

– А вы посоветуйтесь с вашим ростовщиком, – посоветовал Удо, – когда будете отдавать ему деньги. Если будете, разумеется.

– И все же вы недооцениваете угрозу, – Сарассан не собирался слушать про проценты за острова, у него была своя песня. – Друзья мои, вы еще так молоды! Вы не задумываетесь, кто веками жил с нами бок о бок, подтачивая сами устои существования Талигойи, я же этому посвятил всю жизнь.

Чему? Подтачиванию? Не ты один. Все мы в меру сил грызли чужой ствол, но перегрызли его не агарисские проглоты, а Люра с гоганами.

– Если вы читали мои труды, – не отставал борец со вселенским злом, – то вы должны помнить Франимские поучения.

– Увы, нет, – едва не взвыл Робер. – Я – человек военный, история и философия мне непонятны.

– Я пришлю вам свои «Комментарии к Антинахию», – пообещал Сарассан. – Маршал Талигойи должен знать, с какими врагами ему предстоит иметь дело.

– Он знает, – заверил Борн-Гонт, хватая Эпинэ под локоть.

– Нет, – поднял палец Сарассан, – вы не можете знать всей широты заговора. Мы смеемся, разговариваем, пьем за победу, а среди нас снуют враги. Они ловят каждый наш вздох и ждут своего часа, чтобы ударить.

Один, по крайней мере, точно снует и ждет, и этот один – Первый маршал Талигойи собственной персоной.

– Господа, – возвестил вынырнувший из Морисской галереи Арчибальд Берхайм, – пока мы ждем Его Величество и Ее Высочество, нас осчастливит своей новой балладой барон Дейерс. Она написана к сегодняшнему дню, и мы будем первыми, не считая вдохновлявшего барона гения, кто услышит эту вещь.

Многосмертный Дейерс с лютней наперевес вылез вперед. Он был по-прежнему уныл, но сменил потрепанный камзол на роскошный придворный туалет. Барон щипнул струны и объявил:

– «Песнь Победителя».

Робер возвел очи горé. На потолке золотоволосый охотник обнимал юную поселянку. Им было хорошо, они не слушали Дейерса.

Вот и свершился миг великий, –

затянул менестрель, —

Стряхнули мы ярмо оков,
Я слышу радостные крики,
Но в них вплелись стенанья вдов...

Эта баллада была новой. И тухлой, как прошлогоднее яйцо, потому что барон по своему обыкновению очередной раз обезглавливался, вешался и изгонялся на пару со всеми спасителями отечества. Начал он, как водится, с Эктора Придда и Эрнани, затем пришел черед Окделлов.

⁶⁷ Процент за выделенный кредит в гайифских ссудных домах.

Я помню, как великий Алан, —
выл Дейерс, —

Сразил предателя клинком,
С ним вместе кровь моя стекала
На плаху рядом с топором.

Реджинальд уже в Надоре, праздники виконт встретит с родными, а завтра или послезавтра отправится к Савиньяку. Значит, через месяц придет ответ. Может, и раньше, но лучше просчитаться в хорошую сторону, чем в плохую. Месяц он выдержит, месяц — это недолго.

Я видел очи Карлиона,
Стоящего пред палачом,
Я с ним одною цепью скован
И не могу взмахнуть мечом.

Конечно, не можешь! Разве взмахнешь мечом, когда ты связан по рукам и ногам и висишь вверх ногами? Мечом, секирой, шпагой, оглоблей и метлой сподручно махать в изгнании, но в изгнании барон оружием не баловался, предпочитая оплакивать стонущую под ярмом родину издалека и над бутылкой.

Я вздрогнул, видя, как стянулась
Вкруг шеи Пэллота петля,
Моя душа к нему рванулась,
Но пал защитник короля.

Какого короля защищал предавший все и вся Поль Пэллот и можно ли пасть, будучи повешенным, Дейерс не сообщил. Не до того было:

Взошло для нас чужое солнце,
И скрылась родина вдали,
Печальна участь талигойцев,
Лишившихся родной земли.
Рыдали Сарассан и Мевен
Над чашей скорбного вина,
И чашу горечи и гнева
Я с ними осушил до дна.

Робер снова уставился на потолок, но на этот раз не помогло. Бароний вой заполнял все вокруг, словно во дворце за каждой дверью и под каждым диваном пряталось по страдальцу с дребезжащей лютней. Страдальцы вопили, как их казнят и изгоняют, а Робер не мог сделать ни того, не другого, хоть и хотел. До рези в глазах и кома в горле. А Дейерс не унимался.

Настал черед великой битвы,

— для вящей убедительности радетель за отечество не просто грохнул по струнам, но топнул ногой, —

Рванулся я в своей тюрьме,

Но не спасли мои молитвы,
В Рассвет ушедших Эпинэ.

Это было последним, что услышал Робер. Последним, что он увидел, стали выпученные глаза менестреля, желтоватые, в красных прожилочках, и блестящий от ужаса нос.

3

Выжженную степь бьют янтарные копыта, рычит гром, рвут закатное небо лапы молний и висится, растет на горизонте увенчанный алым шаром черный столб. Как до него далеко и как близко!

Молния!
Сквозь расколотый кристалл.
Молния!

Что-то просвистело у виска, что-то упало под ноги прыгнувшему в сторону коню. Или кто-то? Дождя нет и не будет, только жара, грохот и скачка навстречу тому, от чего все бегут. Лицом к лицу на последнем рубеже – вот для чего ты рожден, а остального просто нет. Ни белого, ни черного, ни дурного, ни доброго. Твое место там, где небо сходится с землей, а закат с ночью.

Вечер!
Разбивается бокал.
Вечер!
Залитый вином опал.
Вечер!
Одного Один назвал!
Вечер...

Золотом сверкнула сквозь багровый мрак умирающая звезда, покатила вниз, оставляя гаснущий след, за ней понеслась вторая, словно пытаясь догнать. Одичавший ветер швырнул в лицо пригоршню пепла, из-за плеча вынырнула, задела щеку крылом черная птица, прокричала что-то непонятное, вздрогнул, забился, как живой, алый шар в черной когтистой лапе.

Сердце!
Древней кровью вечер ал.
Сердце!

Из пылающей пасти вынырнул всадник на вороном коне, понесся рядом, что-то крича. Алый бархат, спутанные черные волосы, лицо залито кровью, ветер уносит слова, ничего не разобрать, не запомнить – только глаза. Синие, злые, отчаянные... В них невозможно смотреть, как на смерть, как на солнце, но он же смотрит! Птицы все кричат, и тянется, рвется к умирающему сердцу, вскипая пеной, жадная волна. Пламя – пеплом, пепел – льдом...

Полночь!
Сотней скорпионьих жал —
Полночь!
В грудь отравленный кинжал —
Полночь!

Одного Один не ждал.
Полночь!

– Странная песня. Вот уж не ожидал.

Рвущийся струнный звон, кривляющиеся тени, стук копыт удаляется, гложет, только сердце продолжает стучать. Сердце... Белая фигура без лица, сотни свечей, их свет отливает зеленью. Век богов ничтожно мал...

– Почему я никогда ее не слышал?

Песня? Разве была песня? На Изломе не поют. И не кричат. Разве можно кричать на перевале?

Призрак медленно разворачивается – древняя корона, золотая перевязь, знакомое лицо. *Зачем ему перевязь после всего? После Айнсмеллера, после Люра? Им все равно не войти в башню ...*

– Что у тебя с руками? – Матильда! В первый раз в жизни Робер мог бы назвать ее старухой. – Поранился?

– Нет, – но руки в крови, как глупо!

– Ты зачем Дейерсу нос расквасил? – хмыкнул Альдо. – Певец он, конечно, паршивый, но зато от души.

– Врать не стоит даже от души. – Матильда словно спала на ходу, спала и видела кошмар. – Хорошо, что прогнал это недоразумение, но калечиться-то зачем было?

– Не понимаю, – пробормотал Робер, глядя на чужую лютню в собственных руках, – у нее нет струн, а она играла. Как?

Глава 6 Ракана (б. Оллария) 399 года К.С. 24-й день Осенних Молний

1

Пальцы Эпинэ были изрезаны в кровь, а струны лопнули. Дурная примета, но Иноходец сам виноват. Зачем было набрасываться на Дейерса?! Он, конечно, не Дидерих и не Веннен, но он нашел нужные, правдивые, справедливые слова.

– Что ты пел? – резко спросил Альдо.

Иноходец не ответил, только взял у Матильды платок и вытер пальцы. Святой Алан, он совсем сумасшедший. Или пьяный. Хорошо, Альдо, увидев, что творит герцог Эпинэ, велел отойти всем, кроме Матильды и Повелителей, хотя Валентину тут делать нечего.

– Робер, – сдвинул брови сюзерен, – о Дейерсе мы поговорим позже, откуда ты взял эту песню?

– Точно не помню, – Эпинэ засунул окровавленный платок за обшлаг рукава, – слышал как-то в Эпинэ. От брата.

– Я знаю эту песню, – подал голос Дикон. Вспоминать Ворона не хотелось, но сюзерен ждал ответа. – Герцог Эпинэ спел ее не до конца. В ней должно еще быть о Скалах и Ветрах.

– У Слова Повелителей много куплетов, герцог, – раздвинул губы Валентин. – Павсаний пишет, что изначально их было двадцать и один, но все знал лишь анакс.

– Переводы искажают первоначальный смысл, – нахмурился Альдо, – но Повелитель Молний прав. Сегодня гальтарские песни уместней новых, а радость уместней печали. Кэртиана начинает новый Круг, и Талигойя вместе с ней! Это наш Круг, друзья мои, наш и ничей больше, так что будем веселиться! Хозяин Круга, твое слово!

Дикон вздрогнул. Излом, ночь, зима. «Четверых Один призвал». На призыв Альдо Ракана откликнулись трое, но один не в себе, а второму верить нельзя.

– Господа, – только бы не сбиться, не забыть слова, – Круг замыкается. Дряхлое умирает, вечное возрождается. От Заката до Полуночи – Скалы и Ветер, от Полуночи до Рассвета – Ветер и Скалы! Эта ночь – мост! Пройдемте же по нему! Большой зал ждет гостей!

Альдо коротко кивнул и поправил перевязь, на которой должен был висеть совсем другой меч. Проклятый Фердинанд! Четыре армии и те не нанесли бы сюзерену такого вреда, как распорядившееся реликвией ничтожество.

– Его Величество следует в Большой зал, – возвестил помощник церемониймейстера и ударил жезлом о наборный паркет. Альдо резко повернулся на золотых каблуках, улыбнулся и двинулся в парадную анфиладу. Ричард Окделл помнил эту дорогу. Именно ею он шел в день рождения Ее Величества. В тот день он встретил и свою любовь, и свою ненависть.

– Ее Высочество и Хозяин Круга следуют за Его Величеством!

Герцог Окделл поклонился вдовствующей принцессе, и та оперлась о его руку. Им предстояло обойти почти весь дворец, шествие анакса и зориев из Тронного зала в Пиршественный было еще одной древней традицией. В Гальтаре гнездо анаксов опоясывали четыре перетекающие одна в другую галереи, но кабитэлские и олларские зодчие строили иначе.

– Повелитель Волн и Повелитель Молний следуют за Его Величеством!

Бедный Иноходец, заполучить в спутники Придда! Уж лучше Дейерс с его лютней, чем эта лживая, ледяная физиономия. И ведь никуда не денешься – «Четверых Один призвал», и одним из этих Четверых является Повелитель Волн! Теперь Ричард был почти рад, что Катарина Ариго отклонила приглашение сюзерена. Хозяин Круга на Большом приеме сопровождает сюзерена, а Валентин и Рокслей, пользуясь случаем, навязали бы Катари свое общество. Не потому ли Ее Величество предпочла остаться в своих комнатах?

Катарина никого не принимала, но Дикон не поехал к Марианне, хотя воспоминания о золотом будуаре и кружили голову, а баронесса прислала «отважному другу» два очень милых письма. Ричард не ответил: истинная любовь с визитами к куртизанке несовместна. Теперь к Капуль-Гизайлям зачастил Удо. Ну и пусть, сердце графа Гонта свободно, и лучше в постели красотишки будет он, чем Придд или Рокслей.

Марианна, без сомнения, оскорблена пренебрежением Повелителя Скал, она может рассказать новому любовнику и то, что было, и то, чего не было. Ничего, дальше Удо не пойдет...

Левая нога Дика встретила пустоту, и юноша удержался на ногах лишь благодаря Матильде. И как он только забыл о ступеньке меж Охотничьей прихожей и Фонтанным залом?

– Ваше Высочество, – пробормотал Дикон, – прошу меня простить.

– Ерунда, – пальцы принцессы с силой сжали локоть юноши, – но под ноги глядеть не забывай. Особенно когда с девицами гулять станешь.

С девицами? Зачем ему девицы? Но Ее Высочество этого не знает. Окделлы любят только раз, как лебеди из сонета Веннена. Он нашел свою любовь, и это навеки.

– Его Величество вступил в Охотничью галерею. Ее Высочество и Хозяин Круга следуют за ним!

Игра сумерек и свечей превращали вытканые леса в живые. Меж золотых деревьев неслись, спасая свою жизнь, олени и кабаны, а за ними летели блестящие кавалькады. Реяли плащи всадников и конские гривы, трубили рога, раскрывали пасти гончие. Вечная погоня сквозь неистовую осень, остановленная мастерством ткачей.

Сюзерен легко и гордо шагал меж старинных гобеленов, и за его спиной блеснул кинжал Борраска. Как он попал в руки Приддов? Когда? Слуги Спрутов честнее кэналлийцев, они сохранили вверенные им сокровища, а как был бы рад Альдо, получив гальтарские летописи! Кинжал одного из великих домов ничто перед мечом Раканов, а в старинных манускриптах могли отыскаться ответы на многие вопросы.

Ричард не сомневался, что среди исчезнувших книг был и труд Павсания, которым

кичится Спрут. У Ворона имелись и более редкие фолианты, в каком-то из них могла быть и песнь Четверых. Сюзерен знает ее по-гальтарски, но всю ли?

2

Робер воет на луну, Дикон ловит ворон, единственный внук одурел, как кобель во время гона, а за спиной копошится стая ызаргов. Красота!

Ее Высочество вдовствующая принцесса старалась не смотреть на спину внука. Еще утром хотелось орать, спорить, ругаться последними словами, а сейчас остались лишь усталость и оцепенение. Так было после смерти Эрнани и Иды. Анэсти рыдал, молился, хватался за сердце, упрекал ее в бесчувственности, а она смотрела в окно и пила. Пока Пакетта не принесла спящего Альдо. Сейчас ей никого не принесут.

– Ваше Высочество, – Дикон изо всех сил пытался быть кавалером, – как вы находите эти гобелены?

Никак, но о гобеленах лучше говорить, чем о погоде. А о погоде лучше, чем о кровавых ошметках на нохских камнях и довольной улыбке внука. Айнсмеллер был мерзостью, тварью, выродком, Альдо это знал и этим пользовался, а потом бросил вешателя толпе. В подарок.

– Их ткали по эскизам Бонди, – настаивал Дикон, – это был великий художник.

– Рисовать он умел, – поспешила согласиться Матильда, – а вот всадник из него никакой, иначе б поводья у него не провисали. Как твой жеребец, кстати?

– Его Нокс увел, – лицо мальчишки стало озабоченным. – Караса нельзя трогать неделю, не меньше. Придется купить другого, Повелитель не может ездить на кобыле.

– Не можешь, покупай, – поставить мальчишку цивильным комендантом – это ж надо было додуматься. – Только пусть Эпинэ сначала глянет.

– Я разбираюсь в лошадях, – набычился Дикон, – просто хорошего линарца не сразу найдешь.

– Не в породе счастье, – оно в молодости и в глупости, но Дикону этого не понять еще лет тридцать. – Мне в Алати жеребчик подвернулся – урод уродом. Жирный, башка баранья, круп свислый, а сам хитрый, как сто гоганов. Но это мой конь! Понимаешь, мой! Я за Бочку четырех линарцев не возьму. Конь сначала – друг, потом – крылья, а линарцы твои что? Подставки под задницу! Ты сегодняшних кляч видел? Отворотись не насмотришься, только у Робера и Придда кони как кони.

– Не люблю серых, – вскинулся Ричард, – они кажутся грязными.

– Придда ты не любишь, – не выдержала принцесса, – и немудрено. Только не любить тоже нужно уметь. Спрут тебе не по зубам – значит, не замечай. Нет его, и все!

– Он врет! – Почему у одних от волнения краснеет все лицо, а у других – только щеки или уши? – Я его мог убить, но пощадил. Придд ударил меня предательски!

– Но ты пропустил удар.

И она пропустила. Не ждала, не понимала, не видела, не хотела видеть, а ведь раньше голову под крыло не прятала!

– Наш спор с герцогом Приддом рассудит шпага, – выпалил Дик и сам испугался. – Только не сейчас... Я помню про эдикт.

– Вот и помни.

Со Спрутом и в самом деле не все просто. Мутный он какой-то, хотя с чего ему прозрачным-то быть? Душу надо застегивать, тогда в нее не плюнут. И не влезут с ногами.

Внук замедлил шаг, тряхнул светлыми волосами, обтянутое белым сукном плечо дернулось – хотел поправить корону, но сдержался. Кто его всему этому учил? Не Анэсти, тот как жил капустным слизнем, так и умер, не слезая с агарисского кочана.

– Ваше Высочество, осторожней, – захлопотал Дикон, – здесь ступени.

Можно подумать, она не видит. С лестницы она не свалится, а с горы уже грохнулась, и назад не влезть.

Мраморные воины в нишах, похожие друг на друга, но лишь на первый взгляд, шпалеры с охотничьими сценами, золотые морискиллы на усыпанных самоцветами ветвях. Все это было краденым, а ворами были они, победители без победы...

– Монсеньор, – серьезный слуга со Зверем на груди провел Робера к его месту, – прошу вас.

Краснодеревщики успели – за королевским столом крепостной стеной громоздились спинки кресел. Над двумя топорщил крылья Зверь. Тот самый, со старой шкатулки, над остальными торчали герцогские короны.

Альдо сам резким движением отодвинул дубового монстра, позволяя Ричарду усадить Матильду, и опустился рядом с бабкой. Все по обычаю: во главе стола – анакс, за ним – Повелители в единожды и навеки определенном порядке. Спинки с вепрями, спинки со спрутами, спинки с конями. Воронов не было. Между креслом Ричарда и креслом Придда зияла дыра, что не могло не радовать.

Кравчий разлил вино, на хорах взвыли и стихли трубы. Альдо поднялся из-за стола с золотым кубком в руках. Кубок был новым, как и орденские цепи, и кресла, и «гальтарские» одежды с гербами. Робер с ненавистью глянул на собственный рукав: кровь потихоньку сворачивалась, на алом сукне проступали бурые пятна. Ничего, к утру в пятнах будет не только он.

– Круг замкнулся, – провозгласил Его Величество, и Робер вздрогнул, хоть и ожидал тоста. – Талигойя очищена от олларской коросты. Мы пьем за победу, друзья, за великую Талигойю и за новую эпоху! Это будет эпоха побед, величия и справедливости. Так и будет, эры и эрэа!

– Так и будет! – Дикон осушил кубок, с обожанием глядя на Альдо. Горящие глаза, верность до гроба и никаких сомнений. Обзавидуешься!

С хоров посыпался, закружился, заблестел золотой лживый снег, маэстро Алессандри взмахнул своей скрипкой, оркестр заиграл что-то лихое и неуместное, как собачья свадьба на похоронах.

– Сударь, вы не пьете? – в серых глазах Придда была вежливость, одна только вежливость и ничего, кроме вежливости. – Вам дурно?

– Старая рана, – вернее, нарыв, который прорвало лишь сегодня, – не обращайтесь внимания, герцог, это, право, пустяки.

– Некоторая музыка раздражает, не правда ли? – о чем это Спрут? Об оркестре или о Дейерсе?

– Пожалуй...

– Господа, – снова Альдо – веселый, довольный, уверенный. – Мы призываем вспомнить тех, кто сложил голову за нашу победу. Их было много, мы не можем назвать их поименно и не желаем никого забывать. Поэтому мы пьем до дна за всех истинных талигойцев. Они в эту ночь здесь, с нами. Помним!

– Помню! – заорал Берхайм, помнящий только о себе.

– Помню! – на совести Кавендиша сотни восставших, но он о них давно забыл.

– Помню! – Ванаг льет в себя черную струю и жмурится. «Хозяин островов» дорвался до стола, какие уж тут талигойцы!

– Помню! – слезы в глазах Дикона! Как же он похож на отца!

– Помню! – Удо подносит кубок к губам и тут же ставит на скатерть.

– Помню! – Валентин Придд пьет и смотрит в окно. У сумерек, как и у смерти, синий взгляд, а у кого ледяной?

– Помню! – вино сладкое, слишком сладкое для памяти, оно лжет своей сладостью, но надо допить. И не сходить с ума, а жить и ждать. Сначала утра, потом ответа из Надора. Лэйе Астрапэ, он должен жить, и он будет жить!

– Сударь, позвольте наполнить ваш кубок.

Это не кэналлийское, не кагетское и не талигойское, но голову оно кружит. Закатные твари, он не должен напиваться! Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке.

– Ваше Величество! – провозгласил Берхайм. – Послы Золотых земель просят немедленной аудиенции.

«Послы Золотых земель» – это было громко сказано. В распахнутые двери гуськом вползли представители семи держав. Первым выступал осанистый дриксенец, и по лицу сюзерена скользнула досада. Из всех послов нужней всех Альдо был ургот, но он не явился, и вряд ли дело было в возрасте и немощах.

– Мы слушаем, – Его Величество вновь излучал уверенность и доброжелательность.

– Ваше Величество, – граф фок Глауберозе отвесил полный достоинства поклон, – поскольку дуайен посольской палаты болен, мне выпала честь приветствовать вас не только от имени моего кесаря, но и от всех моих собратьев.

– Мы благодарны вам, – улыбнулся Альдо и откинулся на спинку кресла. – Передайте наше расположение и братскую любовь нашим венценосным братьям и сестре.

– Золотые земли с глубокой радостью приняли возвращение великой Талигойи в лоно эсператистской церкви, – веско произнес временный дуайен. – Мне выпала огромная честь выразить общую надежду, что с падением династии Олларов в Золотых землях воцарятся мир и справедливость.

– Мы разделяем ваши надежды, – кивнул Альдо, – и не сомневаемся, что новый Круг принесет Золотым землям величие и процветание.

– Мы счастливы это слышать, – дриксенец еще раз поклонился. – А теперь уже как полномочный посол Его Величества Готфрида я прошу принять мои верительные грамоты.

Дриксенский офицер с каменным лицом вручил господину послу обтянутую черной кожей шкатулку. Фок Глауберозе открыл ящичек, приподнял униженный печатями свиток, прикрыл крышку и вернул каменному лицу.

– Мы всегда рады видеть вас, господин посол, – повелитель Великой Талигойи милостиво улыбнулся. – Мы желаем Его Величеству Готфриду успеха в возвращении исконных дриксенских владений. В свою очередь, представляю экстерриора графа Вускерда. Он примет верительные грамоты, после того как их огласит ликтор.

Каменными четким, заученным жестом принял из рук фок Глауберозе шкатулку и, все так же печатая шаг, направился к замершему у своей конторки королевскому ликтору.

– Мы слушаем, – Альдо откинулся на спинку кресла.

– *Сим подтверждается*, – хорошо поставленный значительный голос напоминал напигованную сладким черносливом утку, которую Робер ненавидел с детства, – *что предьявитель сего граф Отто-Фердинанд фок Глауберозе является нашим полным и полномочным представителем при дворе Его Величества Альдо Первого и сказанное и написанное им сказано и написано по нашему поручению. Готфрид. Кесарь*.

Отто-Фердинанд в последний раз поклонился и занял украшенное дриксенским лебедем кресло.

– Ваше Величество, – то ли йернец, то ли клавиот говорил сорванным собачьим басом, – Его Величество Антоний шлет в этот знаменательный день пожелания процветания Великой Талигойе и ее молодому, но мудрому и отважному королю.

– Мы благодарим нашего брата Антония, – заверил молодой, но мудрый сюзерен, – и мы выражаем надежду, что сможем способствовать взаимопониманию между любимой нами Агарией и родиной матери моего отца Алатом.

– Я с радостью уведомлю о словах Вашего Величества моего короля, – оказавшийся агарийцем собачий сын сиял счастьем. – Прошу Ваше Величество принять мои верительные грамоты.

– Мы рады, – произнес монаршее заклинание Альдо Ракан, – прошу вас занять место у пиршественного стола.

Агарийский офицер был таким юным и красивым, что вполне мог сойти за гайифского,

а принесенные им верительные грамоты за исключением подписи были копией дриксенских. Тем не менее ликтор тупо огласил до конца, что барбос по имени Павел Луивиан *«является нашим полным и полномочным представителем при дворе Его Величества Альдо Первого и сказанное и написанное им сказано и написано по нашему поручению»*.

– Ваше Величество, – черноусый порывистый кагет тоже мог бы сделать карьеру в Паоне, – мой государь Хаммаил-ло-Заггаза из славного рода Сакаш-кувай счастлив обрести брата и друга. Я же, казарон Бурраз-ло-Ваухсар из рода Гурпотай, вдвойне счастлив служить союзу Великой Талигойи и Кагетской Казарии. Создателю было угодно послать талигойцам и кагетам сходные испытания, но как солнце не может взойти на западе, так злоба и предательство не могут победить честь и мужество. Талигойя освободилась от власти кровавой тирании, скоро будет свободна и Кагета. Падение Олларов и пленение Вашим Величеством преступного герцога Алва принесет свободу и счастье не только подданным Вашего Величества, но и кагетам.

– Мы напишем нашему брату Хаммаилу-ло-Заггазе, – без малейшей запинки произнес сюзерен. – Что до бывшего герцога Алва, то он ответит за все свои преступления, свершенные как в Талигойе, так и в других странах. Ваше право и ваша обязанность перед Создателем, государем и кагетами – поведать суду и миру о том, что вам известно.

– Я, Бурраз-ло-Ваухсар из рода Гурпотай, буду счастлив бросить горсть кагетской земли на курган справедливости, – бросился в бой казарон. – Прошу Ваше Величество принять мои верительные грамоты.

Бурраз обошелся без офицера. Танцующей походкой кагет пересек зал, вручил пораженному ликтору нечто золотое, усыпанное бирюзой, обжег взглядом красотку Кракл и, страстно вздохнув, занял свое законное место, оказавшись меж двух пустующих кресел – йернского и алатского: брат Матильды все-таки был очень осторожным человеком.

«Сим подтверждается, – возвысил голос пораженный врученным ему великолепием ликтор, – что предъявитель сего, Бурраз-ло-Ваухсар из рода Гурпотай, является не полным и полномочным представителем нашим при Талигойском дворе, а гайифской усладой. Заодно подтверждается, что тем же самым являются казарон Хаммаил-ло-Заггаза и Альдо Ракан, коему мы в великой благодати своей повелеваем впредь именоваться Та-Раканом. И, наконец, мы уведомляем, что нашим полномочным послом при Та-Раканьем дворе являемся мы сами и все сказанное и написанное нами написано собственноручно и с чувством глубочайшего удовлетворения».

Суза-Муза. Граф».

4

Первым опомнился Удо.

– Слава королю Талигойскому! – Граф Гонт осушил бокал и с силой швырнул об пол, рубиновые осколки смешались с разноцветными блестками. – Так и будет!

– Слава Великому Альдо! – подхватил Кракл, что-то стряхивая с рукава.

– Великая слава!

– Друзья! – Сюзерен даже не взглянул на черноусого красавца, съжившегося до кроличьих размеров. – Мы благодарим всех разделивших наше торжество. Не стоит затягивать церемонию, экстерриор передаст верительные грамоты завтра же, а сейчас наполните кубки. Эта ночь создана для вина и музыки, а не для скучных бумаг!

– Да здравствует Альдо Первый! – Гамбрин высоко поднял бокал и посмотрел на Робера. Очень странно посмотрел.

– Слава Альдо Победоносному, не побоюсь этого слова! – возопил Ванаг.

– До дна! Только до дна!

– «Тгиумф Гаканов»! Я тгебую, чтоб сыгнали «Триумф Гаканов»!

– За нашего короля!

– Нашего великого короля!..

Все пили, и Робер со всеми, иначе было нельзя! Барон Кракл громко рассказывал о своем путешествии в Кадану, Удо поднимал бокал за бокалом за прекрасные глаза, серые, черные, синие, зеленые, Вускерд рассказывал какую-то сплетню, но его рассказ тонул в звоне и тараторящих на все лады голосах. Куда делся злосчастный казарон, Эпинэ не заметил, но тот исчез. Матильда тряхнула головой, поднялась и ушла. Догнать? Нет, нельзя, он ВЕРНЫЙ друг Его Величества, он должен сидеть рядом с Приддом и не давать повода для подозрений. Бедная Матильда... Хоть бы ее Лаци нашел нужные слова или не слова.

– Вы что-то сказали?

– Да, герцог. У баронессы Кракл прелестный головной убор, вы не находите?

– Бесспорно, в нем есть нечто морисское.

Слуга сплеснул вино, иначе почему кубок стал липким? Здесь все липкое: кубок, пальцы, голоса, лица, даже музыка. А Дейерс остался без лютни, и Леворукий с ним...

– Сударь, у вас снова показалась кровь.

– Ничего страшного.

Сквозь сладкие скрипичные рулады прорывается мелодия. Чужая, тревожная, как конский топот в ночи, как туман над черным озером. Оркестр играет другое, а она все равно звучит, заполняя все вокруг. Из мелодии вырастают слова: незнакомые, неправильные, настойчивые.

Скрыт туманом перевал —
Утро.
Четверых один призвал,
Будто
Звон металла о металл.
Полдень,
Четверых Один призвал —
Помни!

Ричард смотрит на Альдо и блаженно улыбается. Пьян! Не вином – восторгом. Вино мешается с кровью, этого не замечают и пьют. Алое сукно, алая кровь – не заметишь, пока не засохнет. На синем видно, на красном – нет. Огонь свечей все зеленой, а кровь не унимается, значит, так надо.

– Возьмите платок.

– Спасибо, Валентин.

Разбивается бокал —
Вечер,
Четверых один призвал —
Вечность...
В грудь отравленный кинжал —
Полночь,
Четверых Один Призвал —
Помни!

Рука совсем онемела, не хватает еще истечь кровью прямо на пиру, а песня звучит все громче. Песня, которую никто не слышит...

Глава 7
Хексберг
399 года К.С. 24-й день Осенних Молний

Солнечный диск медленно сползал к морю, чистому и спокойному, как небо. Не плескалась вода, не кричали чайки, не скреблись в окна облетевшие ветки; собаки и те примолкли. О недавней буре напоминал разве что потерявший одну из двух вершин ясень. Светлый скол на темном стволе казался свежей раной, особенно на закате.

Капитан Джильди отошел от полыхающего окна, выдернул из бювара чистый лист, обмакнул перо в чернильницу. В правом верхнем углу появилась надпись: «*Хексберг. Вечер 24-го дня О.М. 399 года К.С.*». Отец всегда начинал с места и даты, это было самым простым. Внезапно Луиджи понял, что писать правду хочет еще меньше, чем врать.

Как просто набросать донесение о том, что адмирал Альмейда, учтя опыт фельпской кампании, не допустил высадки врага и встретил дриксенскую эскадру на подступах к Хексберг, умело воспользовавшись неожиданностью, особенностями местных ветров и численным превосходством. Рапорт сочинить легко, он требует одной лишь точности, но дома ждут другого: подробностей, объяснений, обещаний. Особенно мать. Когда она узнает, что сын не вернется, будет море слез, и тонуть в нем придется отцу. Он поймет, расстроится, но поймет.

Джилди выдавил из себя фразу, уверяющую родных в его, Луиджи, прекрасном самочувствии, и исыяк, не представляя, как рассказать о чужой войне, которая стремительно становится своей? То, что он и сегодня ничего не напишет, все очевиднее. Во все века родители требуют писем, а дети не знают, что написать. Проходит время, и они обижаются на собственных отпрысков... Фельпец еще раз глянул на пустынный белый лист с двумя жалкими строчками наверху, почувствовал себя последней скотиной, опоясавшись шпагой и отправился на поиски Вальдеса. Поиски не затянулись: Ротгер отыскался в гостинной. Вице-адмирал в парадном мундире, из-под которого выглядывала легкомысленная голубая рубаша, восседал на ручке кресла, изучая какой-то свиток.

– Иногда, – наставительно заметил Кэналлиец, – родственники – это благо, особенно обстоятельные. Мой дорогой супруг тетушки написал мне из Доннервальда. В основном речь идет о моей когда-нибудь будущей женитьбе и, не побоюсь этого слова, моей душе, но примерно четверть письма достойна прочтения. Налей себе чего-нибудь, у нас еще уйма времени.

– Они уже знают о победе? – Луиджи честно выполнил просьбу хозяина. «Черная кровь» лишний раз напомнила о том, что и так не шло из головы.

– Несомненно, – Вальдес потянулся и подмигнул портрету какого-то предка, – но сухопутные восторги дойдут до нас не раньше, чем к концу праздников. Зато мы знаем, что Бруно попался так же, как твой утопленник.

– Можно подумать, – хмыкнул фельпец, – тебе не нравится держать в доме дриксенского адмирала с кесарским родственником.

– Нравится, – признался Кэналлиец, – настолько нравится, что я отправляюсь в Ноймар с вами.

– Я рад, – Джильди был совершенно искренен. – Но как же Альмейда?

– А никак, – объявил Ротгер. – Топить сейчас все равно некого, альмиранте – человек без предрассудков, а Ледяной слишком серьезен, чтоб бросать его на произвол судьбы и Рудольфа. И потом, я так давно не видел тетушку. Луиджи, я вас познакомлю!

– Спасибо, – поблагодарил фельпец. – Но ты, кажется, говорил о войне.

– Перед Изломом я становлюсь рассеянным, – признался Кэналлиец. – Итак, дядюшка пишет, что Давенпорт ушел из Лауссхен девятого. Двенадцатого Бруно начал наступление и к полудню нарвался на Ариго, который и задал «гусям» первую трепку. Пришлось подтянуть основные силы. Дриксы старались, как могли, но Ариго устоял, несмотря на безобразное соотношение сил. Видимо, у нас с ним много общего.

На следующий день генерал отступил на вторую позицию, Бруно усилил натиск и к

исходу дня выбил Жермона и оттуда. Ночью арьергард отошел, оставив несколько кусачих отрядов, которые честно донимали фельдмаршала, пока тот обустривался в Лауссхен. В качестве ответной любезности Бруно выслал вслед Ариго крупный отряд конницы.

В тот миг, когда дядюшка Везелли в очередной раз советовал мне жениться и продлить род, дриксы, по его мнению, должны были выползти из Лауссхен. Ты помнишь, где в Хербсте впадает Ферра?

– Нет, – улыбнулся Джильди, – у вас так много рек.

– Ну что еще ожидать от фельпца, – вздохнул Кэналлие. – Ферра сливается с Хербсте прямо за Доннервальдом. Армии тащиться туда дней семь, так что Бруно по идее уже на месте и пляшет на одном берегу, а Жермон – на другом.

– А переправа там есть? – Луиджи глянул на пустой бокал и винный кувшин, но удержался: ночь и так обещала выдаться непростой. – Мост там или брод какой-нибудь?

– Дядюшка сообщает, что мосты уничтожены, а в таких делах я склонен ему доверять. – Вальдес бросил письмо на кресло. – Дриksam остаются броды, но купаться сейчас – еще то удовольствие, придется наводить переправы, а нам пора на прогулку. Нельзя заставлять девочек ждать.

– Смотря каких, – поежился Луиджи, после ночи на вилле Бьетероццо не желавший иметь дела с нечистью, даже самой дружелюбной. – Лично я предпочитаю обходиться человеческим обществом.

– Кончай страдать. – Ротгер ухватил левой рукой шляпу, решительно нахлобучил на голову и только после этого соизволил подняться. – Талигойцы танцевали на Андиях, теперь твоя очередь.

Можно подумать, он не понимает. Когда моряки оптом отрекутся от суеверий, наступит конец света. Уго, при котором Луиджи имел неосторожность посетовать на приглашение, позабыв про субординацию, завопил, что это к бабам можно не ходить, а удачу не затанцуешь – кораблю пропасть.

– Просто так даже кошкам не везет, – процитировал Джильди расхолодившегося Варотти, – а «Акуле» с лета ветер попутный. Твои ведьмы могут рассчитывать на мою благодарность.

– Надеюсь, ты им понравишься, – подмигнул Вальдес, – а то Дитрих так ни одной и не видел, Бреве тоже, Альмейда молчит, но я думаю, альмиранте есть что рассказать. Ну а про дядюшку Везелли я скромно молчу. Во имя тетушки.

– А ты? – задал неизбежный вопрос Луиджи. – От тебя они тоже бегают?

– Кто ж их знает, – пожал плечами Кэналлие. – Я не имею обыкновения спрашивать у дамы, ведьма ли она. Это в конце концов невежливо...

2

Приречные тополя казались нарисованными черной кэналлийской тушью на раскаленном стекле, Хербсте тоже была стеклянной, и за ней горели костры. Земной огонь был рыжим, небесный – багровым.

– Бруно решил не воевать, а праздновать, – подвел итог Жермон. – Теперь раньше чем на шестой день не начнется.

– И это будет еще очень хорошая новость. – Ойген Райнштайнер исполнил свое обещание присоединиться к арьергарду. – Но я боюсь, что за эти дни фельдмаршал узнает неприятную новость. Он начнет думать о появлении Альмейды и может додуматься до появления фок Варзов.

– Я потерял убитыми две сотни далеко не худших солдат. – Костров становилось все больше, а закат слабел. – Будет обидно, если все впустую.

– Умирать зря неприятно, – согласился бергер, – но мы не всегда зависим от наших желаний, а тебе не в чем себя упрекнуть. Ластерхавт-увер-Никш оправдал возложенные на него надежды.

Дубовый Хорст и впрямь не подкачал. Бедняга и помыслить не мог, что все держалось не на его храбрости, а на его глупости. Исполненный рвения и отваги Ластерхафт не отошел, когда было нужно, и попался. Так дриксенский фельдмаршал узнал, что лезущий на рожон Ариго не дурит, не показывает гонор, а играет на его, Бруно, осторожности, вынуждая терять драгоценное время. Дриksы выбрались из Лауссхен, дошли почти до цели и остановились. Из-за праздников, Леворукий бы их не видал.

– У тебя есть вопросы или сомнения? – Офицер для особых поручений при персоне регента с пристрастием изучал вражеские костры. – Это уже праздничные огни, их зажгли вдоль берега.

– Нужно будет выкупить Хорста, – Ариго наконец высказал то, о чем думал вторую неделю, – или обменять. Мы, как ни крути, поступили с ним некрасиво.

– Ты не прав, – в голосе Райнштайнера прозвучало умеренное осуждение. – Ластерхавт-увер-Никш давал присягу военного, в которой клялся отдать свои способности и рвение королю и Талигу там, где они нужнее всего. Ты тоже в этом клялся. Твои способности позволяют командовать арьергардом, а возможно, и армией. Способности Ластерхавта требуют отправить их владельца в плен. Он просто исполнил свою присягу.

– И все же мне его жаль, – признался Жермон. – Встречать Излом в плену под чужие песни не слишком весело.

– Мы сегодня провожаем осень и год, это так, – изрек очередную истину барон. – Больше день не будет становиться меньше, а ночь больше, но скоро замыкается Круг, и это не праздник, а очень большая тревога.

– Не так уж и скоро, – не согласился Ариго, – у Скал впереди еще целый год.

– Кругу осталось шесть дней, считая сегодняшний. – Бергер аккуратно убрал ставшую бесполезной трубу в замшевый чехол. – По крайней мере, так считали наши предки. В эсператистских странах все всегда делают проще, в этом есть свой резон, но Эпоха Скал имеет всего шесть дней, считая сегодняшний, а Эпоха Ветра придет только через год и четыре месяца.

– Весной все равно придется драться, – Ариго подобрал повод и чихнул. – Слишком далеко все зашло.

– Да, – подтвердил бергер, – и поэтому мы должны руководствоваться тем, что велят нам наш долг и здравый смысл. Сейчас нам пора возвращаться и обдумывать то, что мы видели, а потом праздновать самую длинную ночь года.

– Не спорю, – не сдержал улыбки талигоец, – с тобой вообще сложно спорить. А почему бы нам не отпраздновать еще и Излом Эпох?

– Это хорошая мысль, – одобрил Райнштайнер. – Мы поднимем наши стаканы за все доброе, что принесли Скалы. Я словно бы вернусь домой, потому что в Торке Излом Эпох встречают, как в древние времена. Два праздника лучше одного, ведь никто не может знать свою судьбу, начиная большую войну.

– Когда нет войны, мы знаем, что нас ждет, еще меньше, – не согласился Жермон. – Я двадцать лет прожил рядом с бергерами, или, если угодно, с агмами, но про другой Излом слышу первый раз.

– Это нам свойственно. – Ойген вглядывался в пылающую стену, словно надеясь разглядеть легендарные врата. – Мы помним то, чего уже нет, и редко говорим о том, чего нет еще. Если тебе интересно, я охотно буду рассказывать.

– Если бы мне было неинтересно, я бы не спрашивал, – заверил Ариго. Жаль, этот закат нельзя остановить. И унести с собой тоже нельзя, через полчаса он отгорит и рассыплется сумеречным прахом. А следом придет ночь, и ее тоже нельзя будет удержать.

– Ты уже готов ехать? – деловито осведомился Райнштайнер. – По дороге я могу говорить про обычаи Бергмарк, с которыми ты еще не сталкивался.

Жермон Ариго подкрутил усы, возвращаясь на грешную воюющую землю.

– Едем. Ойген, я весь внимание.

Мохнатые торские жеребцы шустро затопали по еще неглубокому снегу. За спиной

переговаривалась и пересмеивалась неизбежная для объезжающих позиции генералов свита, впереди бежала дорога. Днем она была бы белой, как шкура снежной гончей. Жермон почти забыл о своем вопросе, но Райнштайнер не забывал ничего. Однажды он вернул сдачу в двенадцать суанов человеку, позабывшему их четыре года назад в придорожной гостинице.

– Вы знаете, что каждый Круг имел своего бога? – напомнил о себе и Изломе бергер.

– Академики говорят, что таковы были представления древних, – напряг память Ариго. – Это как-то связано со звездами.

– Академики, – поджал губы барон, – часто меняют местами следствие и причину. Мы давно живем в горах, но наше сердце остается морским. Мы стали бергерами, но не перестали быть агмами, и верим, что звезда Круга – маяк, зажженный его хозяином. Она разгорается, светит, пока не прогорят дрова, и гаснет. В чаше остается пепел, он должен остыть. Это и есть четырехсотый год. Он очень тяжелый, потому что среди ложных маяков нет истинного. На Изломе мы остаемся одни в ночи, пока новый хозяин не раздует новое пламя.

Что ж, моряки должны были придумать нечто в этом роде, на то они и моряки. Любопытно, что рассказывают холтийцы, которым нельзя приближаться к большой воде ближе чем на дневной переход.

– Дриксы и гаунау думают так же?

– «Гуси» не помнят, с каких озер они взлетели, – взгляд Ойгена стал ледяным. – Сначала они забыли о совести, потом о долге и, наконец, о вечности, а в конце концов пришли серые священники с сетями. Нет, дриксы и гаунау не смотрят назад. Мы смотрим, но как сквозь сон, это было слишком давно, мой друг, слишком.

– Значит, огонь Скал вот-вот погаснет, – зачем-то пробормотал Жермон Ариго, – а огня Ветра еще ждать и ждать.

Дорога вела на восток, навстречу вечерним звездам, впереди лошадей по красному снегу бежали черные, похожие на собак тени. Последний день осени умирал красиво. Завтра будет такой же снег, такое же небо, такой же ветер. Деревья, птицы, звери ничего не заметят, и только для людей начнется что-то новое...

– Дорогой Герман, – лицо Ойгена было сразу задумчивым и сосредоточенным, – я подумал, что было бы правильно, если б мы с тобой в Великий Излом исполнили один очень старый обычай. Если, конечно, это не оскорбит тебя как олларианца.

– Еще чего, – возмутился Жермон, – я готов исполнить все, но пиво ваше пить не стану.

3

Вершина Хексберг заросла причудливым растеньицем, похожим и не похожим на поседевший вереск. Пряный запах мешался с запахом дыма шестнадцати костров. Багровые отблески превращали гранит в красную яшму, заливали седую траву то ли кровью, то ли вином, карабкались на изогнутую мертвую сосну. Луиджи не выдержал, тронул рукой выбеленный веками ствол.

– Ну как? – осведомился Вальдес. – Очень страшно?

– Как она уцелела на здешних ветрах? – Джильди еще раз погладил похожую на кость древесину. – Давно она умерла?

– До того, как родился Хексберг. Поможешь? – Ротгер вытащил из-за пазухи что-то завернутое в белый шелк.

– Конечно, – заверил Луиджи. – Что делать?

– Гостинчик повесить. – Кэналлиец ловко развернул сверток, внутри оказалось ожерелье, за которое было не жаль и пяти сотен. – Подружки любят жемчуг.

– Давай. – Взобраться по узловатым ветвям было проще простого. Джильди пристроил «гостинчик» на изогнувшейся лебединой шеей ветке. Освещенные пламенем камни сверху казались спящими вепрями, а мир съезжился до закатной поляны, за пределами которой правила свой бал тьма. Ночной ветер тронул лицо, нежным звоном откликнулись дальние

колокольчики, пискнула, пробуя голос, скрипка. Капитаны, смеясь и переговариваясь, выстраивались для танца. Как похоже на Андии и как не похоже!

– Луиджи! – Джузеппе Рангони стоял рядом с Альмейдой и Салиной. – Сколько можно на дереве висеть? Слезай!

И в самом деле, что он здесь забыл? Фельпец зачем-то погладил белую ветку и прыгнул вниз. Что-то звякнуло. Чья-то шпага? Цепь? Браслет? Скрипка запела смелее, громче, к ней присоединились еще три или четыре. Человек в шапочке с фазаньим пером ударил по цимбалам, летним жаворонком зазвенела свирель.

– Эномбрэдастрапэ! – Альмейда с легкостью ухватил бочонок, чем-то плеснул в костер и отскочил. Синее пламя кошкой прыгнуло к отпрянувшей луне, адмирал ухватил за плечо фок Таннера и понесся меж шестнадцати огней навстречу Излому.

Танец дикий родником струился среди валунов, то разрастаясь в бурную реку, то растекаясь четырьмя потоками. Луиджи тонул в древней пляске, если б не Рангони и Вальдес, он бы захлебнулся в темных, вскипавших звездами волнах.

Пламя костров стало белым и холодным, наверное, в него что-то бросили. Морисскую соль? Ветви мертвой сосны расцвели синими огнями, такие спускаются на мачты избранных кораблей, предвещая то ли гибель, то ли победу. Флейты и скрипки продолжали свою песню, но сквозь их голоса рвалась странная мелодия, чужая и при этом знакомая.

Ветер и звезды, ветер и звезды,
Ветер и звезды, звездная мгла...

Багровые земные огни, лунный свет, блеск шестнадцати созвездий, настигших друг друга на краю Эпох... Луиджи не знал чему верить – глазам или разуму, но Звездная Охота неслась по спятившему небу, объединяя полдень с полночью и минувшее с грядущим, а внизу земным отражением вечности скользила среди костров полуночная пляска.

Капитаны Хексберг то замыкали круги, то разрывали, образуя живые цепи, то сплетавшиеся влюбленными змеями, то отталкивавшиеся друг от друга, как вода и масло. Перед глазами Луиджи проносились людские лица – знакомые и чужие, давно позабытые и недавно оплаканные, близкие и далекие.

Ветер и звезды, ветер и звезды,
Ветер и звезды, звездная мгла....

Стройный темноволосый человек в синем и черном мчался между Бреве и хохочущим Альмейдой. Луиджи прекрасно знал, что это Салина, и все-таки... Фельпец резко отвернулся и столкнулся взглядом со стариком, тем самым, что принес известия от контрабандистов. Капитан-командор Фальце, вот кто это был, Вальдес говорил, что деду исполнилось сто восемь, а он пляшет, и как пляшет...

Ветер над кромкой льда, ветер над кромкой льда.
Ветер над кромкой льда, звездная мгла.

Звезды и ветер, только звезды и ветер! Муцио Скварца обнимал за плечи двоих марикьяре и смеялся, но сквозь белую повязку сочилась кровь. Луиджи крикнул, но его не услышали, и капитан позабыл о друге, подхваченный заполонившим уши и душу напевом. Ноги неслись, едва касаясь горькой травы, руки лежали на чужих плечах, мчались над головой звездные кони, рвались с серебряных сворок гончие, яростно кричали ловчие птицы.

Ветер и песня скал, ветер и песня скал,
Ветер и песня скал, сердце зимы.

Тоненькая смеющаяся девушка летит между двух высоких моряков, и один из них – Муцио. Напротив смеется, дразня огненными шелками, Франческа. Они нашли друг друга, они встретились!

Ветер и звезды, ветер и звезды.
Ветер и звезды, полуночный смех.
Ветер и звезды, ветер и звезды.
Ветер и песня скал, сердце зимы.

Цепь лопнула, распалась на пары, Муцио прижал к себе жену, целуя ее на глазах людей и звезд. Франческа никогда не отбрасывала вуаль, не плясала на краю обрыва, не хохотала, дразня вечность красотой летящей звезды.

Ветер над смертью скал, ветер над смертью скал.
Ветер над смертью скал, полуночный смех.

Влюбленные ничего не стыдились и ничего не скрывали, хороводы продолжали носиться меж бьющих крыльями огней и упавших на седой вереск, позабывших обо всем пар.

Ветер и звезды, ветер и звезды,
Ветер и звезды зимы, только
Ветер и звезды, ветер и звезды,
Ветер и звезды, и мы.

Из слепящего тумана выступила маленькая фигурка. Поликсена! Растрепанные волосы, оленьи глаза, шалая улыбка. Нет, это не она, это вернулся фельпский кошмар!

– Не бойся, – дальний смех, звон колокольчиков, белое перо снежинкой падает в ладонь и тает, – тебе нечего бояться. Я не она, она не я... Ты меня искал. Ты меня нашел!

– Нет!

Пусть это девушка, а не оборотень, но она не Поликсена. Поликсена не была такой легкой, такой неистойвой, такой доступной.

– Танцуй, – черные кудри взметнулись крыльями, – танцуй и не думай... Ты звал ее, она пришла. Почему ты ее гонишь? Ты ее больше не зовешь? Ты не зовешь ее, позови другую. Она придет... Позови другого, и он будет... Здесь будет, с тобой будет. Все придут... Зови, только зови!

Звать? Кого? Муцио со своей Франческой. Им хорошо, больше им никто не нужен. Зачем эта женщина похожа на Поликсену? Если б не это, они бы станцевали, но память рвет струны! Он не хочет, не верит, но помнит... Поликсена... Кровь на палубе, дрогнувшие в последний раз ресницы, пьяные красавицы, манерные всхлипы лютни, чужие сладкие губы, бесстыдные стоны.

«Никогда не бегите за женщиной, особенно ночью...» Ворон! Кэналлиец должен быть здесь. Если здесь Муцио, здесь и Рокэ! Шрамы на спине, шалые глаза, искусанное в кровь плечо. Ворон тут, его надо найти... Обязательно надо его найти...

«Ветер и звезды, нет слова «поздно», нет его больше, нет!» Он это слышит или кричит самому себе, этой ночи, рушащемуся в звездное небо миру?

Танцоры перебегают из одной цепочки в другую, гибкие красавицы вскидывают руки в манящем танце, весенними ручейками звенят колокольчики. Откуда здесь женщины? Здесь только капитаны, капитаны Хексберг.

Из-за похужей на просыпающуюся птицу скалы вылетели девять плясунов, которых вел Алва. Кэналлиец вновь обманул и людей, и смерть, и судьбу. Он вернулся, скользит над бездной, обнимая непонятные, растрепанные создания, а все разговоры о том, что герцог в

плону, – только разговоры. Нужно написать фок Варзов, маршал должен знать, что все в порядке.

– Танцуй, капитан. Это ночь танца, это ночь ветра, это ночь звезд.

Только ветер и звезды, ветер и звезды, и свет...

Теперь их с Алвой разделял лишь пригнувший гриву костер, Ворон махнул рукой, расхохотался, как летом на площади. С неба белым жемчугом посыпались звезды, Луиджи, сам не соображая, что делает, вывернулся из ухвативших его, пахнувших вереском рук, пошел, побежал навстречу другу, тот смеялся, поднявшийся ветер трепал черные волосы.

– Ты меня ищешь? – Рокэ Алва стоял у самого обрыва, внизу бесились волны, над головой алыми роями мерцало созвездие Врагов, но оно же под горизонтом! В Зимний Излом Враги не видны: когда они на небе – день. Враги стояли в зените, когда картечь выметала палубы дриков, звезды все видели, все...

4

Девять крылатых созданий скользят по заливу и смеются. Им радостно, очень радостно, но они помнят, с кем танцуют. И зачем. Это их залив, их люди, их корабли, а чужаков нужно прогнать... Или оставить здесь, на дне, среди синих водорослей и веселых рыб с колючими плавниками, которым не стать крыльями. Да, пусть остаются, пусть с ними играют волны, им тоже хочется танцевать.

Пришельцы пытаются держать линию, они двигаются медленно, тяжело, скучно. Они ничего не знают, не понимают, не чувствуют. Туман для них лишь туман, а ветер только ветер. Как глупо...

Сплетаются в хороводе тонкие руки, изящные ножки едва касаются ледяной пены. Волны вскипают, тянутся к плясуньям, а те с хохотом несутся меж кораблей с лебедиными флагами, то отпуская друг друга, то вновь смыкая хохочущую цепь. Пары и тройки сталкиваются, кружатся, меняются друг с другом, взмахивают крыльями – то белыми, то серебряными, то льдисто-зелеными, как голодная вода.

Море кипит, как в котле. Волны клокочат, прижимают острые уши, готовясь к прыжку, бросаются за ускользящей любовью, швыряют огромные корабли, как скорлупки. Море танцует с ветром, ветер играет с морем, а дриксенская эскадра умирает. Для нее песня ветра станет последней...

Смерть и победа, горе неведомо, звезды, и ветер, и снег. Ветер и звезды, нет слова «поздно», будешь ты счастлив вовек. Ветер и звезды, камни и розы, песня твоя и моя, звезды и ветер, помни о лете и не забудь про меня.

Флагман дриксенцев убирает паруса, матросы на вантах рвутся, как сумасшедшие, и не успевают. Стройные ножки трогают палубу, ветер поет, море смеется, лопаются снасти, вьются лохмотья парусов, белогривые волны лижут борта, зовут к себе, к веселым рыбам, к зеленым сонным камням.

Еще один круг, покалеченный корабль выпадает из строя, его несет на чужие пушки, а девять хохочущих смертей мчатся дальше играть в пятнашки, шутить, звенеть своими колокольчиками.

...Так вот как это было. Сражение. И танец. Они дрались среди танца, а кэцхен танцевали среди смерти.

– Ты искал меня? – снова улыбка, безумная, зовущая. – Ты меня нашел, так чего же ты ждешь?

Пьян? Или просто смеется? Ворона не поймешь, как не поймешь ветер, но этот сумасшедший прав. Он всю ночь искал кэналлийца, всю ночь... Пляска в Хексберг, пляска в Фельпе, они связаны. Но разве может связать ветер?

– Станцуем, моряк! Это ночь всех звезд, всех звезд и всех ветров. Это ночь танца... Ночь вечности, и она наша... Наша с тобой...

Луиджи уже ничего не понимал. Горели какие-то огни, падали звезды, или это шел вверх снег? Вьюга вырастала в стену, стена становилась зеркалом, в котором плясали звезды, а люди исчезли. Они были совсем одни, глаза Алвы горели ярче обычного, он смеялся весело и безжалостно, так смеется водоворот, затягивая в неизбежность. Кэналлиеца звал, и Луиджи шагнул вперед. Первым. Он никогда не желал мужчин, никогда... Чужие глаза, огромные, голубые, с узкими кошачьими зрачками, не мужские и не женские!

– Опять боишься? – звенят, звенят дальние колокольчики, а в темных локонах сверкают звезды. Или капли росы. Или черные ройи? – Зачем ты думаешь? Почему не хочешь? Тебя звали, тебя зовут. Всю ночь зовут, а ты боишься!

– Я не боюсь!

Тоненькие руки, синие крылья, мелодичный, смеющийся звон.

– Не бойся, я не та... Я не уведу... Мы просто станцуем... До рассвета, пока с нами только ветер и звезды. Мы станцуем... Зачем якорь, когда нужен парус? Зачем корни, когда есть крылья?

Муцио, Франческа, Поликсена, Алва, они же были тут, были. Были!

– Они с тобой. Они в тебе. Ты думал о них... Но ты хочешь не их... Я понимаю, теперь понимаю... Идем...

Сколько ей или ему? Тринадцать лет или тринадцать тысячелетий? Птичьи крылья, кошачьи глаза, шелк волос... Поют, заливаются колокольчики, танцует море, танцуют звезды, танцует ветер... Танцуй, моряк, танцуй!

– Теперь ты меня поцелуешь?

– Поцелую. Такой, какая ты есть...

– А какая я есть? Я такая, как ты хочешь... Я – такой, как ты хочешь. Я – это ты... Ты – это я... На эту ночь... Приходи еще танцевать, обязательно приходи. Не бойся. Зачем бояться? Есть ты – нет смерти. Есть смерть – нет тебя. Поцелуй меня, ну же!

Они касаются пружинящей синей поверхности, и море вскипает, тянется навстречу, рассыпается звездной пылью. Крылатые тени взлетают, дразня влюбленные волны, они танцуют, и море танцует. Волны и звезды, ветер и звезды, волны и звезды, и мы. Звезды и ветер, забудем о смерти, забудем в свете луны.

Ветер и море, ветер и воля, нет ни судьбы, ни беды, ветер и звезды, звездные гроздья, в волнах полночной луны. Звезды танцуют, море ревнует, танец, где я и где ты. Звездная пристань, ветер, как быстро тают полночные сны.

Это все же ОНА – женщина, ведьма, звездная тварь, желанная и жадная. У нее синие глаза. Или голубые? Нет, черные... Или лиловые? Юный рот, шелковые локоны, жемчуга на белой шее. А крылья... кто сказал, что крылья мешают любви?!

5

В синее окно смотрели кошки, много кошек. Любопытные морды прижимались к холодному стеклу, щурились и блестели золотые глаза... Как много глаз, как много кошек, звери осторожно отступают в зимнюю тьму, их уже не видно, совсем не видно, только горят любопытные огоньки, сливаясь в знакомые с детства узоры, высокие, холодные, вечные. Над головой сияет Ласточка, а на востоке поднимается Всадница – восемь белых и голубых звезд дрожат, словно отраженные в море огоньки. Каисс, Корхада, Синиал, Маррэт...

Луиджи улыбнулся небесным знакомцам. Когда-то кто-то точно так же смотрел на мерцающие россыпи и давал им имена. Теперь смысл помнят единицы, для остальных это просто слова, таинственные и странные. Зачем знать, что Маррэт значит «Грива», а Синиал – «Копыто»? Седло, Перстень, Хвост Коня... Двенадцатилетний Луиджи чуть не заплакал, узнав, что значат звучащие, как заклятия, имена. Тайны не должны гаснуть. Разгаданная тайна – мертвая песня...

– Нашелся! – веселый голос показался отвратительно громким. – Вот ты куда забрался. Полежал, и хватит.

Вальдес, какой же он все-таки настырный! Луиджи оперся руками о холодный камень и кое-как поднялся. Что-то шумело: то ли голова, то ли море внизу. Ноги дрожали и подгибались, как у какого-то котенка.

– Выпей! – потребовал Ротгер, всовывая в оледеневшие пальцы флягу. – И пошли отсюда.

– Зачем? – возмутился Луиджи. Только что было так хорошо. Он и звезды над головой. И больше никого!

– Затем, что хватит, – отрезал племянник супруги Вейзеля. – Эк тебя закрутило, знал бы, сам на дерево полез, и кошки с ней, с вежливостью.

Дерево? При чем тут какое-то дерево?

– Ротгер, – ноги по-прежнему не желали слушаться, пришлось вцепиться в Вальдеса, – я ведь не пил.

– Не пил, – подтвердил Кэналлиец, – зато тебя сначала пили, а потом поили. А я тоже хорош, отвлекся... Ну, кто ж знал, что подружка на тебя глаз положила, ладно хоть не до смерти залюбила. Ничего, к вечеру оживешь!

Глава 8

Ракана (б. Оллария)

400 года К.С. 1-й день Зимних Скал

1

Только чувство долга заставило Ричарда открыть глаза через два часа после того, как он лег. Праздник обернулся головной болью и тошнотой, но цивилиный комендант Олларии не может спать до полудня, как бы ни хотелось. Если Эпинэ проверяет своих чесночников каждое утро, чего удивляться, что он на всех бросается?

Ричард Окделл потребовал вина и кое-как добрался до зеркала. Действительность превзошла худшие ожидания, но гулянья не отменят из-за того, что у Повелителя Скал не лицо, а какая-то булка. Цирюльник притащил свой тазик, противно запахло розовой водой. Если б не новая должность, Дикон послал бы всех к кошкам и юркнул под одеяло, но празднества в Доре на ответственности цивилизованного коменданта. Айнсвеллер не оправдал оказанного ему доверия, лишний раз доказав, что навозник остается навозником. Своей жестокостью и несправедливостью негодяй запятнал не только себя, но и государя. К счастью, чернь быстро забывает не только добро, но и зло. Сегодняшняя щедрость и вчерашняя справедливость смоют неприятный осадок.

– Монсеньор, – склонился в поклоне мастер, – я настоятельно рекомендую примочки из семян петрушки и окопника.

– Делайте, – Ричард отхлебнул из золотистого, присланного послом Дриксен бокала. – И побыстрее.

«Вдовья слеза» помогла прогнать тошноту, но не сон. До начала празднеств оставалось два с половиной часа. Простолюдины встают рано, но увеселять их могли начать и в полдень, ничего бы с ними не случилось. Рокслей опасается пьяных ночных драк, но от того, что какой-нибудь молочник выбьет зубы портному, никто не умрет.

– Монсеньор, – поклонился Джереми, – письма из Надора. От вашей матушки и вашего кузена.

– Пусть сварят шадди!

Начинать следовало с письма, отмеченного вдовьей короной, но утро и так было тяжелым. Ричард развернул письмо Наля.

– «Дорогой Дикон, – ровные строки, буквы с завитушками, чиновник он и есть чиновник, – спешу тебя обрадовать. Мы доехали благополучно, чему немало способствовала неосведомленность местных жителей о происходящем в столице.

Айрис перенесла дорогу с большим мужеством. Благодарение Создателю, приступов было всего два, но твоя сестра слишком слаба, чтобы писать, а посему это делает твой толстый кузен.

Айрис, Дейдри и Эдит свидетельствуют тебе свою сестринскую любовь и послушание, а твоя матушка обещала отписать лично.

В Надоре мы нашли всех в добром здравии, только месяц назад умерла Анна. Помнится, ты очень любил ее сказки. К сожалению, мне не удастся встретить Излом Года в кругу родных. Болезнь отца обострилась, и я вызвался поехать в Ларак и Рингалу вместо него. Я выезжаю завтра на рассвете, так как хочу обогнать известия из столицы. В противном случае у нас будут серьезные неприятности, так как Ренкваха и Южный Надор все еще на стороне узурпаторов.

Если маршал Савиньяк узнает о нашей победе, он может перекрыть северные дороги и мы останемся без средств к существованию. Отец не думает, что Надору угрожает опасность, но Ларак расположен слишком близко к Бергмарк.

На сем прощаюсь. Засвидетельствуй мое почтение герцогу Эпинэ. По возвращении из Рингалы я ему отпишу.

Отец и матушка шлют тебе свои наилучшие пожелания.

Твой Наль».

Лионелю нужно было написать подробное письмо и передать с кузеном, а еще лучше отправить маршалу рескрипт Его Величества, включающий графа Савиньяка в Высокий Совет и Совет Меча.

Думать о Савиньяках – дело Эпинэ, но Иноходец с братьями не воевал и не пил, для него они – враги, да и Лионель не станет говорить с чужим. Конечно, было бы лучше, если бы в Кадале стояла Южная армия – Эмиль проще, понятней и решительней брата, он бы не колебался, узнав сюзерена, но и Лионель поймет, что Раканы вернулись навсегда и только Альдо может провести Талигойю через Излом к величию и победам.

Савиньяки не враги Отечеству, но с ними нужно говорить на понятном им языке. Герцог Окделл мог это сделать, но рана и ссоры с сестрой выбили его из колеи, теперь время упущено, и все из-за этой закатной кошки Айрис и Спрута.

– Сударь, кони оседланы. Шадди сейчас будет.

– Хорошо. – Письмо матери он прочитает по возвращении. К полудню горожане расхватают все подарки и выпьют все вино. Можно будет выспаться и засесть за письма, а вечером Альдо дает Большой прием.

2

Его Высокопреосвященство поправил своего голубя и слегка наклонил седую голову:

– Благодарю за визит, маршал. Вы принесли немалую жертву, появившись утром после празднества.

– Ваше Высокопреосвященство, – подавил улыбку Робер, – это не так уж и трудно, ведь я еще не ложился.

– Я так и предполагал, – кивнул Левий. – Насколько мне известно, Квентина Дорака погубил шадди, но вы еще молоды, здоровы и хотите спать. Или вы предпочитаете касеру?

– Согласен на шадди, – во время разговоров с кардиналами лучше не пить, даже если кардинал кажется другом.

– Тогда садитесь. Я перенял у покойного Адриана обыкновение варить шадди собственноручно. Полагаю, эта маленькая причуда изрядно продлила Его Святейшеству жизнь.

Сильно сказано, и это только начало разговора, что же будет в конце?

– Я редко пью шадди. – Эпинэ уютно устроился в обитом кожей кресле, здесь уютным было все, от улыбки хозяина до медной, заполненной песком жаровни, у которой грелась трехцветная кошка. У эсператиста?!

– Такой шадди вы не пили никогда, – заверил кардинал, открывая массивный темный ларец, – я мелю зерна собственноручно. Вообще-то это следует делать непосредственно перед тем, как варить, но такую роскошь я позволить себе не могу. Вот и делаю запасы.

Робер кивнул, рассеянно наблюдая, как первый клирик Талигойи возится с коричневым порошком. Шадди пах остро и горько, это был чужой запах, и напоминал он о чужом. О гоганских куреньях, раскаленной сагранской пыли, оранжевых розах на террасах Равиата.

– Полагаю, вы хотите знать, как поживает герцог Алва? – равнодушным тоном осведомился Левий, засыпая шадди в похожую на песочные часы посудину.

– Хочу, – подтвердил Робер. Левий желает откровенности? Он ее получит. До определенного предела.

Кардинал открыл ларчик поменьше, в котором друг к другу лепились изящные коробочки и лежало несколько костяных лопаток.

– Этот набор специй для шадди я купил у морисских корсаров, за что меня, без сомнения, осудит конклав. Если узнает. Итак, наш неподражаемый узник... Я его навещаю дважды в неделю, хотя не думаю, что мои визиты доставляют ему удовольствие.

– А вам? – не выдержал Эпинэ.

– Трудно сказать, – кардинал взял на лопаточку несколько белых крупинок. – Рокэ Алва удивительно изящно умеет намекнуть, что не желает вас видеть, но мне он нравится. В наше время редко встретишь совершенство. Мои собратья во Истине полагают, что это от Леворукого, но я с ними не согласен. А вы?

– Я? – подобные вопросы всегда ставили Робера в тупик. – Алва – странный человек, но я ему обязан жизнью. Правда, не знаю, сколько раз. Мне не хотелось бы, чтоб с ним поступили недостойно.

– Вот как? – кардинал казался удивленным. – Я слышал про Сагранну, а разве было что-то еще?

– Как вы думаете, – задумчиво произнес Робер, – мог герцог Алва случайно задержаться у Ренквахи?

– А, – понял кардинал, – вот вы о чем. Пожалуй, я с вами соглашусь. Если б кэналлиец хотел уничтожить всех сторонников Окделла или захватить вожakov, он бы так и сделал. Передайте мне кувшин с водой. Некоторые заливают шадди кипятком, но это – кошунство.

Кувшин был большим, серебряным, с гравировкой – гривастый лев держал в высоко поднятой лапе казавшуюся мечом свечу.

– Память, – ответил на невысказанный вопрос Левий. – Так вот, света и воды у Алвы не меньше, чем у нас с вами, а гитару без струн он, представьте себе, не отдал. Приспособился пальцы на ладах разминать или что-то в этом роде. Я не музыкант, не знаю...

– Я тоже не музыкант, – хоть и схватился ночью за чужую лютню и чужую песню, – но я рад, что с Алвой обращаются хорошо.

Его Высокопреосвященство налил воды в серебряный мерник.

– Если вы не уснете еще несколько минут, то не уснете до полудня. Я вас предупреждаю.

– Это будет весьма кстати, – как же он устал, не за ночь, за осень, за проклятую, бесконечную кровавую осень. – Я собирался проехаться по улицам, мало ли что...

– Опасаетесь волнений? Еще рано. – Тоненькая струйка полилась в шадди, запах стал сильнее. – Я пережил «Хёгредскую заутреню». То, что фитиль тлеет, было ясно за пару недель. Между прочим, с вашей стороны неразумно так мало спать, тем более другие гости разъехались часа четыре назад.

– Пришлось задержаться, – ответ вышел неприлично коротким, и Робер торопливо пояснил: – Во время приема оскорбили кагетского посла, мы пытались найти того, кто это

сделал.

– И не нашли, – кивнул Левий, отставляя мерник. – Что ж, расскажите, как оскорбили гордого казарона.

– Ему подменили верительные грамоты, – скрыть улыбку Иноходец не сумел, – в которых называли «гайифской усладой». Вы слышали про Сузу-Музу?

– Доводилось, – кардинал угнездил свою посудину в раскаленном песке. – А вспомнили ли вы, что доблестный Бурраз после вашей победы сменил казара? При Олларе он представлял сына Адгемара.

– Охотно верю, – от бессонных ночей и вправду тупеют, – но как это связано...

– Маршал, – вздохнул Его Высокопреосвященство, – прошу вас, не становитесь экстерриором, даже если Вускерда сбросят в Данар. Сколько времени займет путешествие из Олларии через Варасту, Сагранну и Западную Кагету к казарону Хаммаилу и обратно? Мог наш посол получить верительные грамоты ко дню коронации?

– Нет...

– Значит, их подделали, а кто подделал одну бумагу, подделает и другую, похожую на первую. Я бы спросил Бурраза-ло-Гаусхара о том, чьими услугами он воспользовался.

– Да, мы об этом не подумали. – Все лежит на поверхности, жаль только, что не просто смотреть, но и видеть дано не всем. – Благодарю Ваше Высокопреосвященство за совет.

– Не за что, – вежливо ответил клирик. – Признаться, у меня в последние дни было отвратительное настроение. Вы меня развлекли, так что я у вас в долгу, а надо сказать, я терпеть не могу быть кому-то обязанным. Поэтому я вас удивлю. Что вы скажете про посла Дриксен?

– Он заменил заболевшего дуайена. – Если тот, разумеется, заболел. – Его Величество был с ним весьма любезен и пожелал кесарю всяческих успехов.

– А что фок Глауберозе?

– Поблагодарил.

– Граф – отменный дипломат, вам следует брать с него пример, – посоветовал кардинал, прихватывая щипцами сосуд и шевеля им песок. – Да будет вам известно, вчера утром пришло известие из Метхенберг. Западный флот Готфрида разбит наголову, можно сказать, его вообще нет.

– Как? – не понял Иноходец. – При таком преимуществе?

– Святой Адриан не советовал принимать желаемое за действительное. – Чужой, навязчивый запах заполонил всю комнату, и лицо Левия стало еще более сосредоточенным. – Когда дриксенцы втянулись в бой с вышедшей навстречу эскадрой, в залив вошел Альмейда. Вижу, вы удивлены.

– Да, – хотя не так сильно, как могло бы быть.

– Один из дриксенских адмиралов, к слову сказать, ярый сторонник войны, счел уместным незамедлительно вернуться в Метхенберг. Если я не ошибаюсь, вам подобные люди попадались?

Тучи комаров над Ренквахой, липкая, жаркая духота и Кавендиш! Кавендиш, спасавший и спасший свою шкуру, а теперь восседающий за королевским столом.

– Да, – подтвердил Робер, – мне такие люди попадались.

– Мой вам совет – не оставляйте их за спиной ни на войне, ни тем более во времена, которые по недомыслию называют мирными. Кстати, – кардинал слегка передвинул сосуд, – что было в шкатулке, обнаруженной под рукой покойного Франциска Оллара?

– Обручальный браслет Октавии. – Франциск любил свою королеву, а она так и не забыла Рамиро. – Я его видел, он принадлежит Ветру.

– Вот как? – удивился Левий. – Узурпатор поворачивается к нам неожиданной стороной. Так же, как и его пасынок. Не каждый положит отцовскую реликвию в гроб отчима. Гробница все еще закрыта?

– Да, нужно, чтоб яд потерял силу.

– Октавия Алва была доброй эсператисткой, – сообщил Его Высокопреосвященство, не

отрывая взгляда от шадди, – она будет похоронена по обряду. Что до ее второго супруга, то Его Величество, перемешав останки, соединил их навеки. Оба упокоятся в одной из каплиц Нохи, что бы кто ни говорил.

Что скажет камень в короне, когда на него найдет коса в сутане? Кардинал рубит наотмашь, но Агарис далеко.

– Ваше Высокопреосвященство, я хотел вас спросить еще об одном узнике Багерлее. Вы ведь исповедовали Штанцлера?

– Неприятный человек, – кардинал ловко ухватил посудину с шадди, немного подержал на весу и вновь опустил на песок, – весьма неприятный, но вполне здоровый. Ему приносят белое мясо и травяные отвары, и он каждый день гуляет. Тем не менее граф Штанцлер покаялся, и я дал ему отпущение.

Когда-то мы с преосвященным Оноре пытались понять, что значит в глазах Создателя прощение грехов, если пастырь дает его устами, но не сердцем.

– Я много слышал о Его Преосвященстве...

– Оноре был святым, – не задумываясь, откликнулся Левий и влил в шадди несколько капель холодной воды. – Именно поэтому мне не раз хотелось его убить, но это сделали другие. Не могу отделаться от мысли, что безумие, постигшее орден Истины, – кара за убийство святого и сорванный мир. Прошу! Каждый глоток советую запивать водой...

– Благодарю, Ваше Высокопреосвященство.

Шадди был горячим, горьким и ароматным. Он и должен быть таким. Робер медленно пил морисский напиток и смотрел на сварившего его клирика. Левий был могучим союзником, но Эпинэ слишком сросся со своими мыслями и со своим одиночеством, чтоб довериться тому, кто сильнее.

– Ну что, – голубые глаза лукаво сверкнули, – умеют кардиналы варить шадди?

– Мне не с чем сравнивать, – Иноходец поставил невесомую чашечку на стол, – в нашем доме пили вино и молоко. Ваше Высокопреосвященство, правильно ли я понял, что...

– Что в смерти Оноре виноват магнус Истины? Да, я так полагаю. Вы ведь имели сомнительное удовольствие беседовать с Клементом?

– Да, – зачем отпираться, если все очевидно, – торквинианцы приглашали меня для беседы.

– Дважды, – уточнил Левий. – Первый раз вы сопровождали Альдо Ракана, второй раз были один. К слову сказать, именно этим визитам Талиг обязан моим приездом. Я обещал Адриану не оставлять «мышек» без присмотра. Они слишком много желали, эти мышки, в том числе и вас.

«Истинники» желали того же, что и гоганы с Альдо, впрочем, сюзерен желает и сейчас. Ему нужны меч Раканов и жезл Левия, и он ни перед чем не остановится.

– Клемент обещал Альдо помощь. – Кардинала надо охранять, но сможет ли Никола сделать это тайно? Или раскрыть карты? Не все, просто намекнуть насчет жезла?

– Кто-то принцу и впрямь помог, – задумчиво произнес Левий, ставя чашку на прозрачное блюдечко. – Смерть Адриана, погромы, смерть Оноре, смерть Дорака, измена Люра. Слишком много совпадений даже для Излома. Вы не находите?

– И все-таки, – быстро произнес Робер, – почему вы обвиняете в убийстве именно Клемента?

– Адриан двадцать восемь лет шел к тому, чтоб примирить эсператизм с оллариянством, – кардинал нахмурился и, разумеется, схватился за голубя. – Мир был нужен ему до Излома, но до Излома Эсперадор не дожил. У Леонида не было шансов получить Светлую Мантию, но и у Клемента не было. Победил Юнний. Старик давно впал в детство. Это знали все, но то, что Эсперадор ест из рук Оноре, оказалось для мышек полной неожиданностью. Оноре хотел мира, Дорак тоже, хоть и по другим причинам. Соглашение казалось неизбежным, но Оноре привез отравленную воду, погибли дети.

Заклучить мир с «отравителем» было бы невозможно, даже останься Дорак на ногах и не случись бунта. А на обратном пути Оноре бы встретили «мстители», как, в общем-то, и

случилось. Их ждали в той самой гостинице, в которой они останавливались по пути в Олларию. Или вы настаиваете, чтоб я называл вашу столицу Раканой?

– Ваше Высокопреосвященство, – если не понимаешь, спроси, хуже не будет, – чего вы добиваетесь?

– Герцог Эпинэ, – кардинал вновь коснулся своего знака, словно поклялся, – я не хочу, чтобы Золотые земли пошли вразнос. Герцог Алва должен дожить до весны, потому что без него бойню не остановить. Я вывернул Пьетро наизнанку, и он вспомнил все, что делал и говорил Оноре в Олларии. Преосвященный смотрел на мир совсем не теми глазами, что мы с вами, но в некоторых вещах он не ошибался. Он назвал Алву плотиной на пути зла, и я ему верю.

– Оноре так сказал? – пробормотал Эпинэ, просто чтобы не молчать.

– Да, – медленно повторил Левий, – он так сказал. Вам давно известно, что Альдо Ракан намерен устроить над Алвой суд?

– Нет, – проклятье, и как он об этом забыл. – Альдо придумал это вчера, наслушался Бурраза и придумал. Это несерьезно.

– Это серьезно, – кардинал провел пальцем по ободку чашки. – Его Величество одержим мыслью о суде самое малое десять дней.

– Вам это не нравится? – в упор спросил Иноходец.

– Не нравится, – подтвердил Левий, – и еще меньше нравится, что вы узнали обо всем вместе с посольской палатой.

– Альдо не любит лишних споров. – Жаль шадди, прогоняя сон, не делает умнее. – Выше Высокопреосвященство, вы не можете данной вам властью отменить суд?

– Не могу. За образец взят суд зориев, на котором присутствовал Эрнани Святой. Это обстоятельство не позволяет объявить задуманное действие ересью и демонопочитанием.

– Бред! – не выдержал Робер и торопливо добавил: – Я не понимаю, зачем сюзерену этот суд? Какая в нем корысть?

– Это вы меня спрашиваете? – Левий поднялся, подошел к окну, отдернул занавеску, впустив розовый луч. – Знаете, маршал, иногда мне кажется, что рассвета не будет, а он все равно настает. Это обнадеживает, не правда ли? Хотите еще шадди?

3

Теперь Ричард жалел, что не побывал в Доре при Олларах и не может сравнить прежнее место боли и позора с местом праздника. Три века за этими стенами отверженные дожидались приговора, уходили на галеры и в торские копи. Здесь вешали, клеймили, рубили головы, руки, языки тем, кто шел против узурпаторов и ставил свободу превыше страха перед несправедливыми законами. Победа Раканов принесла конец и старой Доре.

Ричард недолюбливал барона Кракла, но мысль устроить коронационные гуляния именно здесь была великолепной. Простолюдинам следует напоминать, кто гнал их на галеры, а кто дал свободу и радость.

Взметнутся к солнцу гневны воды,
И канет в прошлое тиран.
Рука счастливого народа
Омоет кровь со славных ран
Тех, кто отдал златые годы
Во имя правды и свободы, –

пробормотал Ричард.

– Прошу прощения, Монсеньор, – коренастый офицер, назначенный комендантом Доры, в изумлении смотрел на гражданского коменданта Раканы, и Дику стало весело.

– Это Дидерих, капитан Локк, – юноша со смешком хлопнул служаку по плечу, –

великий Дидерих! Певец свободы и чести. Эти слова произносит здесь, в Доре, перед казнью Гарольд-подкидыш.

– Прошу простить, – захолопал глазами Локк, – казнили не в Доре, а у Занхи.

– Это метафора, – объяснил Дик, еще больше запутав беднягу. – Главное, мы победили, и человек никогда больше не будет издеваться над человеком.

– Да, Монсеньор, – щелкнул каблуками капитан. – Монсеньор желает осмотреть место праздника?

– Желаю, – засмеялся окончательно проснувшийся Дикон, оглядывая древние стены, кое-где залатанные свежей кладкой. Изнутри Дора казалась не столь уж и большой. Четверо ворот вели в первые дворы, представлявшие собой довольно-таки мрачный лабиринт из длинных низких зданий без окон, разделенных кирпичными стенами; за первыми дворами шли вторые, откуда через шесть проходов можно было попасть на центральную площадь. Там находились небольшой храм, дом коменданта, казармы для стражников и выложенные камнем позорные ямы, ныне прикрытые толстыми досками.

Посреди площади торчал старый фонтан, которому сегодня предстояло забить вином. Рядом с фонтаном возвышалась временная галерея для почетных гостей и оркестра, а по краям площади располагалось шестнадцать разноцветных палаток с подарками жителям доброго города Раканы от Его Величества и Повелителей Стихий.

– В каждой палатке ровно четыреста подарков, – объяснил капитан. – Нужно только фишку предъявить.

– Хорошо, – кивнул Ричард, глядя поверх галереи на зеленое небо. Легкий ветерок трепал флажки и разноцветные ленты, растерявшая былую мрачность Дора блестела свежими красками, поджидая гостей. Все было просто замечательно, но Ричард для порядка прошелся выметенными дворами, заглянул в «свою» палатку и развернул один из узелков со сладостями, игрушками и кошелечком с серебряной монеткой «на зубок».

– Это для тех, кто с белыми фишками, – пояснил раздатчик, словно Ричард этого не знал, – для младенчиков, значит; для детишек постарше у нас – желтые, для девиц – голубые, для женатиков – зеленые, а для старичья – коричневые.

Юноша вытащил кошелек и бросил веселому палаточнику золотой.

– После праздника выпьете за Дом Скал!

Весельчак рассыпался в благодарностях, Дикон засмеялся, поплотнее запахнул плащ и прошел к вербовщикам. Навстречу выскочили бравый капрал в новеньком мундире и четыре писаря с амбарными книгами.

– Ну что, – подмигнул капралу Ричард, – наберете сегодня роту?

– Больше наберем, Монсеньор, – заверил вояка. – Пусть только фонтан запустят, а уж мы всех перепишем.

– Всех не надо, – махнул рукой юноша. – Его Величеству нужны славные воины, а не уродцы.

– Монсеньор, – разволновался вербовщик, – мы ж понимаем. Кривых, хромых нам не надо.

– Вот и хорошо, – кивнул юноша и обернулся к Локку: – Вы что-то хотели?

– Народ присобрался уже. Ворота б открыть, чтобы давки не было.

– Пожалуй, – кивнул Ричард, поднимаясь на галерею. Сверху чисто выметенная площадь казалась еще праздничней. Разноцветные крыши палаток, столбы с висящими на них призами, предназначенными самым ловким, «дерево невест», увешанное атласными лентами и стеклянными браслетами, два помоста для фигляров. Горожане будут счастливы.

– Монсеньор, вот ваше место.

Отлично. Юноша не глядя опустил в плетеное кресло и с благодарностью принял кружку с дымящимся грогом.

– Рад вас приветствовать, герцог, – приподнял шляпу Кракл. – Какое разочарование. Я так надеялся быть первым, но вы меня опередили.

– Я же военный, – засмеялся Дикон, – и к тому же гражданский комендант. Хорош бы я

был, если б пришел после старейшины Совета провинций.

– Но мы, провинциалы, встаем рано, – смотрящие в разные стороны глаза смущали. – Моя супруга, простите мою откровенность, расстроена. Его Величество прав во всем, но, не позволив нашим дамам наблюдать за празднеством вместе с нами, он нанес им удар в самое сердечко.

– Зато они выспятся, и на Большом приеме их личики будут свежими, как розы. Здравствуйте, господа. – Джеймс Рокслей с трудом подавил зевок. – Сегодня я впервые пожалел, что я не дама, но, я вижу, уже пускают. Не рано ли?

– Нет, – откликнулся Ричард, глядя, как первые горожане, с любопытством оглядываясь, стекаются к фонтану, – простолюдины встают с петухами.

– Не могу сказать, что я им за это признателен, – командующий гвардией уже откровенно зевнул, прикрывая рот ладонью. – А Эпинэ и Придд, между прочим, спят.

– Дело Первого маршала – война, а не праздник, – один глаз Кракла смотрел на Ричарда, второй – на Джеймса, – а Придд в трауре. Он присутствует лишь на обязательных церемониях.

Еще бы Валентин приехал туда, где распоряжается Окделл. Ричард допил грог, поманил стоящего у входа на галерею сержанта, вернул ему кружку, рассеянно глядя вниз. Площадь заполнялась стремительно, хотя до пуска фонтана и раздачи подарков оставалось больше часа.

– Монсенъег, – раздалось под ухом, – вы так гано встали.

– Доброе утро... – святой Алан, как же к нему обращаться? – сударь.

– Пгизнаюсь, гегцог, я надеялся вас встгетить именно здесь, – картавый агарисец навис над Ричардом, как сосулька. – Я хотел бы пгояснить одну вещь как со своим сюзегеном. Ггафы Каглионы пгинадлежат к Дому Скал, но, к своему пгискогбию, я обнагужил, что моим годовым именем называются постогонние люди.

– Сударь, – праздничное настроение начало стремительно съезживаться, – я не хотел бы обсуждать это, тем более здесь. К тому же я связан с бароном Ангерраном Карлионом родственными узами.

– Я знаю, – выпятил губу агарисец, – но для Окделлов главное – спгаведливость. Вы не можете отгигцать, что Гаканы пгизнавали наши пгава. Я знаю Его Величество с ганнего детства.

– Здравствуйте, Ричард, – улыбнулся Удо Борн. – Кажется, праздник удался, а я, признаться, боялся, что народ не вылезет из нор. Джеймс, ты засыпаешь на ходу, шел бы ты домой.

– Вот кончится, и пойду, – дернул головой командующий гвардией, – я обещал Роберу проследить.

– Джеймс, – не вытерпел Дикон, – сегодняшнее гулянье – это мое дело.

– Вот прокомандуешь хотя бы месяц, – лицо Рокслея стало хмурым, – и ни я, ни Эпинэ и не подумаем лезть куда нас не зовут, но какова морда, таков и хвост, а морда у гражданской стражи еще вчера была гнусной. Так что придется тебе меня потерпеть. Так, на всякий случай.

– Ну что ты, – смутился Дикон. Джеймс был прав, доверять людям Айнсмеллера было бы ошибкой.

– А где наш догогой Пегвый магшал? – влез «Каглион». – Мы с ним вчега не договогили.

– Вместе с гимнетами ищет Сузу-Музу, – лицо Борна досадливо сморщилось. – Я ему не завидую.

– Приветствую вас, – барон Морен учтиво поклонился. После праздников бывший комендант Багерлее отправлялся в Барсину, и Дикон решил не откладывать.

– Генерал, – юноша указал длинноносому генералу на свободное кресло, – мне хотелось бы с вами поговорить.

– Я весь внимание, – заверил Морен и тепло улыбнулся, – но сначала позвольте

поздравить вас с назначением гражданским комендантом столицы. Вы преодолели большой путь со дня нашей первой встречи.

– Вы тоже, – совершенно искренне ответил любезностью на любезность Ричард. – Жаль, нам не удалось поговорить раньше, я бы хотел узнать о самочувствии графа Штанцлера.

– Когда мы виделись последний раз, граф был здоров и спокоен, – Морен внимательно посмотрел в глаза Ричарду, – ему ни в чем не отказывали. Позволю высказать предположение, если бы не предубеждения герцога Эпинэ, граф Штанцлер был бы на свободе. Он – друг, а не враг. Я пытался донести свое мнение до Его Величества, но наш король предпочитает слушать друзей, а не подчиненных. Это делает ему честь.

А генералу Морену делают честь его чувства. Другой бы на его месте затаил обиду, но носатый барон думает не о себе и потерянном месте, а о несправедливо запертом в тюрьму человеке.

– Я лично поговорю с Его Величеством о графе Штанцлере, – заверил юноша, – и о вас. Не сомневаюсь, ваши заслуги перед домом Раканов будут оценены по достоинству, и весьма скоро.

– Герцог Окделл, – Дейерс и не подумал подождать конца разговора, – а вы уверены, что нам не грозит покушение? Всем известно: гадина, издыхая, старается укусить.

– Не трусьте, барон, – хохотнул Удо, – и потом, разве вы не мечтали разделить судьбу борцов с узурпаторами?

– Вот-вот, – поддакнул Рокслей, – вы падете от вражеской руки, но ваш преемник примет вашу лютию из мертвых рук и закончит балладу строфами о певце свободы бароне Дейерсе. Чем плохо? Вижу, струны вы уже заменили, так что все в порядке.

– Ваши шутки глгосто возмутительны! – вскинулся Карлион. – Герцог Окделл, вы отвечаете за нашу безопасность?

– Разумеется, – пожал плечами Ричард, – галерея надежно охраняется.

– Но они могут стелеть, – не унимался агарисец, – с кгыши или из толпы.

– Сударь, – предположил Джеймс Рокслей, – мне кажется, вы не только трус, но и невежда. Ну как вы это представляете? Тут нет ни одной крыши, с которой можно в вас попасть. По-вашему, убийца встанет перед галереей, вытащит мушкет, прицелится, причем не в герцога Окделла, не в меня, не в Кракла, а именно в вас?

– А стоило бы, – заметил Борн. – Жаль, горожане не позволяют.

– Жители Раканы празднуют вместе со своим государем, – ввернул Кракл, – не сомневаюсь, этот день войдет в историю, как день всеобщего примирения и согласия. И символом его станет преображенная Дора.

– Это мудрое и кгасивое гешение, – завел Карлион, но Ричарду было не до старого надоеды. У фонтана юноша заметил толстенную фигурку, показавшуюся странно знакомой. Малышка была в белом, усыпанном блестками платье, за ее спиной топорщились золоченые крылышки, а голову украшал кружевной чепчик, поверх которого переливалась бутафорская корона. И все-таки Ричард ее узнал! Эта толстушка бродила по дому убитого ювелира.

Карлион о чем-то спорил с Краклом, Рокслей потягивал гог и обсуждал с Удо будущий смог, а Дикон не мог отвести взгляда от маленькой ювелирши. Существовал ничтожный шанс, что карас подобрала именно она, но на Изломе и песчинка становится горой. Эта встреча не случайна, нужно расспросить девчонку, вдруг она вспомнит.

Юноша поискал глазами капитана Локка, но тот отдавал какие-то распоряжения, да и как объяснить свое внимание к маленькой горожанке? Если камень найдется, Повелитель Скал подарит его сюзерену, но это должно стать сюрпризом. Ричард с тревогой глянул в сторону фонтана, кругленькая фигурка исчезла, и сердце юноши оборвалось: он уже не сомневался, что карас взяла именно толстушка. Для маленькой мещанки реликвия Раканов просто черный камушек, она только рада будет обменять его на жемчуг или кораллы.

Удо распрощался и исчез – в полдень графу предстояло кого-то где-то сменить. Дейерс

вынул из чехла лютню и с озабоченным видом тронул струну. Кракл заговорил с Мореном о новом торговом кодексе, к агарисскому Карлиону присоединились Берхайм и Кавендиш. Теперь понятно, почему нет Робера. Иноходец не может простить трусу Ренкваху, но Альдо запретил ссоры и поединки. Эорий не поднимает руку на эория, и поэтому Кавендиши в безопасности. Как и Придд, к сожалению.

— Господин цивильный комендант, — доложил капитан Локк, — площадь почти заполнена, можно начинать хоть сейчас.

— Благодарю вас, капитан.

До начала праздника оставалось менее получаса. Ричард подошел к краю помоста, вглядываясь в толпу. Ему повезло, солнечный луч задел стекляшку на короне — маленькая ювелирша самозабвенно прыгала по дощатому настилу рядом с палаткой вербовщиков. Ричард Окделл бросил праздничный плащ на кресло, обозначив таким образом свое присутствие.

— Мне нужно догнать Борна, — сообщил он Краклу. — Если меня будут искать, я скоро вернусь.

Барон важно кивнул, «Карлион» разинул рот, но Дику было некогда слушать про титулы и права. На первом этаже без присмотра валялось несколько темных плащей, принадлежавших музыкантам. Ричард взял первый попавшийся, полностью скрывший придворный мундир. Не хватало, чтоб его каждый встречный хватал за рукав!

Внизу былолюдно и весело. Принарядившиеся люди шутили, грызли орехи и пряники, глазели по сторонам, смеялись дети, улыбались девушки, но Ричард, ничего не замечая, пробивался к тому месту, где заметил толстушку. Толпа шевелилась и напирала, но Дикон все же добрался до настила. Маленькой ювелирши там не было. Дик завертел головой, пытаясь разглядеть среди шапок и чепцов алые стекляшки, и снова на помощь пришло солнце: алый зайчик, отскочив от поддельного рубина, угодил юноше прямо в глаз. Теперь девчонка умудрилась влезть на помост для жонглеров, как раз над столпившимися вокруг раздатчика фишек горожанами.

Малявка скакала по самому краю, приставив к носу растопыренные пальцы, и что-то кричала. Вызолоченные крылышки смешно раскачивались, белое платье обтягивало круглый животик. И как ей не холодно. Хотя, когда прыгаешь, не замерзнешь.

— У нее уже есть фишка. — Женский голос был визгливым и злым.

— А вот и нет! — тощая тетка с ненавистью уставилась на большеносу. — Это она голубую фишку ухватила. Невеста кошачья!

— Я дочке, — огрызнулась первая, — хворает она, так что ж ей, без подарка сидеть?!

— Как же, дочке...

— А ну пустите, теперь моя очередь!

Кто-то с силой толкнул Дика в спину, юноша с трудом удержался на ногах, глядя, как продавец лимонной воды, изо всех сил работая локтями, пробивался к комендантскому дому. Вот осел неуклюжий! Ричард торопливо обернулся. Паршивка по-прежнему скакала, высунув от усердия язык. Юноша, выставив по примеру торговца локти, начал проталкиваться к девчонке. Площадь гудела, хихикала, ругалась, Ричард с трудом лавировал между прущими навстречу мешанами. Назад, пожалуй, не пробиться, ну и ладно. Он поговорит с малышкой и подождет в комендантском доме. Подальше от Карлиона с Кавендишем.

— Куда лезешь, урод? — прорычал какой-то толстяк с фиолетовой мордой. — Дубина!

— На себя погляди, — заорала старуха в желтом чепце, которую никто не трогал, — жаба!

— А ну посторонись!

— Смотри, куда прешь!

— Ой, придавили...

— Ребенка, ребенка пустите...

Спорить с толпой было все трудней, но Ричард целеустремленно пробивался вперед, не думая о чужих ногах и животах. Смех и шутки сменила ругань, остро и зло запахло потом и

отчего-то гнилой водой. Дик потряс головой, отгоняя вонючее марево. Раскрасневшиеся лица дрожали и расплывались, превращаясь в сплошные раззявленные рты, из которых рвались ругань и вонь.

– Что делаешь! Что делаешь, хряк поганый!!! Что дела...

– Да чтоб тебя!..

– Пузо подтяни, корова!

– Зенки разуй, на сносях я!

– А на сносях, неча лезть, куда не надо.

– Ах, ты...

– Пустили! Фонтан пустили!!!

– Винища там!!!

– Дают! Дают!! Дают!!!

Толпа вздрогнула, взвыла и рванулась к вожакам, норовя уволочь с собой рвущегося против течения Ричарда, но юноша упирался, отвоевывая у людского стада шаг за шагом. Толкотня становилась все невыносимей, брань, стоны и вопли слились в нечто звериное. Продвигаться вперед стало невозможно. Людей на площади больше не было, были камни, ожившие камни и зеленая, жидкая грязь, по которой они ползли, сдавливая, истирая, дробя друг друга.

Как много камней, как много грязи... Хрустят, ломаются, все плотней и плотней забивая пространство между низкими, угрюмыми домами.

– Пустите! Создатель! Пустите...

– Умираю!

– Заткнись!..

Ричард запрокинул голову. Он был выше тех, кто оказался рядом, он мог видеть небо и крыши.

– Пусти! Убью! Пусти...

– Создателю всего сущего...

– Лиза... Лиза!!

Отдельных движений нет, ты можешь колебаться только с толпой. И тебя нет, есть подыхающая, рычащая огромная тварь, спрут, растекшийся по древним камням, истекающий ужасом.

– Беги, беги отсюда!

– Мамочка!

Кто-то вытолкнул наверх ревущего мальчишку лет четырех, и он пополз. По головам, лицам, плечам. Только не к выходу, а к центру площади. Не к спасению, к смерти.

4

Судить Алву? Бред! И хуже всего, что сказал об этом кардинал. Церковники, если только они не святые, разнюхивают чужие тайны не хуже гоганов, но дружбе с Альдо конец, причем обоюдный. Странные все-таки существа – люди. Доверяют тебе – плохо, перестали доверять – еще хуже.

– Да пребудет над вами благословение Создателя. Орстон! – Секретарь Левия, худенький и невысокий, сдержанно поклонился и распахнул двери. Блеснуло солнце, в лицо кошачьими коготками вцепился утренний морозец. Робер вздохнул полной грудью и только тут понял, что клирик ждет положенного ответа.

– Мэратон! – добропорядочно произнес Эпинэ и направился к Дракко. Конь весело топнул копытом, ему не терпелось пробежаться, а дома дожидается своей прогулки Моро, так что ложиться не придется, да и зачем? После трех чашек шадди заснет только покойник. Нет, спать мы не будем, мы будем думать. О словах Его Высокопреосвященства.

– Карваль, – глаза Никола были красней, чем у кролика, вот кому нужно отдохнуть, – поезжайте рядом, вы мне нужны.

– Да, Монсеньор. – Военный комендант Олларии в свободное время упрямо оставался капитаном-южанином, гоняющим от своего Монсеньора воробьев и мышей. – Мы едем в резиденцию?

– Куда ж еще. Когда приедем, вы отправитесь спать. Это приказ.

Карваль не ответил. В окне на втором этаже мелькнуло что-то светлое. Левий! Дожил до очередного рассвета и счастлив. Славный он человек, Адриан, похоже, был таким же. Двадцать восемь лет добивался мира, не успел. А Оноре не сумел.

Выбеленная инеем Ноха казалась новой и праздничной. В синем небе черкнула черная молния. Ворон. Охотится! Надо полагать, Левий от такого соседства в восторге. В небе ворон, в доме – кошка... Магнус Клемент бы рехнулся от злости, впрочем, он так и так рехнулся, а Его Крысейшество остался с Мэллит. Залогом будущей встречи, только когда она будет?

Южане по четверо в ряд миновали ворота, площадь перед аббатством была чистой и пустой, как во сне. Только свет, камни и небо.

– Никола, – плести интриги в такой день, гадость какая, – Его Высокопреосвященство плохо знает Олларию. Я бы попросил вас выделить ему сопровождающих.

– Его Высокопреосвященству грозит опасность?

– Он так не думает, – упряму можно верить, кому же верить, как не ему, – но он здесь чужой.

– А вы?

– «Мы», а не «вы», генерал Карваль. Мы! – Никола все понимает, и все равно сказать «кардинал мешает королю, и его могут убить» язык не поворачивался. Закатные твари, вот бы превратиться в Придда, ходить с каменной физиономией, о которую клирик и тот зубы обломает.

– Монсеньор! Вы предупредили Его Высокопреосвященство о... грабителях?

– Нет еще. Кто будет его охранять? Дювье?

– Дювье нужен Монсеньору.

– Левий нужнее меня, значит, Дювье нужнее Левию. Это не обсуждается.

– Я понял, – Карваль стал еще серьезней обычного. – Следует ли из этого, что Его Высокопреосвященство важнее Его Величества?

– Следует. – Все, слово сказано. – Никола, вы что-нибудь думаете о будущем суде?

– Ничего хорошего, – не задумался ни на минуту Карваль. – Его Высокопреосвященство вмешается?

– Боюсь, что нет...

– Монсеньор! – выскочивший из-за угла Посольской сержант-южанин осадил коня. – Монсеньор... Какое счастье!..

– Форестье? – узнал солдата Иноходец. – Что случилось?

– Дора... Там такое... Такое!

Дора?! Там-то что могло произойти? Для драк рановато.

– Соберитесь! – прикрикнул Эпинэ. – И доложите.

– Давка, – дорвавшись до начальства, сержант на глазах приходил в себя, – народу навалило... И все прут и прут. К нам тенъент прибег. Говорит, разгонять велел, а то как бы не вышло чего. Ну, его милость граф Пуэн туда две роты бросили и сами поехали, только куда там! В Дору не войдешь, напихались – мышь не пролезет. А уж орут!..

– Никола... – Какие олухи, какие невозможные олухи! – Отправляйтесь в казармы, пусть поднимают всех: наших, цивильников, «спрутов»! Подходы к Доре перекрыть к Леворукому! Остальные – за мной!

Глава 9

Ракана (б. Оллария)

400 года К.С. 1-й день Зимних Скал

– Они заперлись изнутри, – глаз и щека Пуэна предательски дернулись. – Когда давка началась, Галерные, Торские и Комендантские ворота закрыли, а Канальные толпа не дала. Какой-то мерзавец крикнул, что подарки кончаются, народ бросился вперед, опоры не выдержали... Короче, сами видите.

Робер видел. Канал, давший имя воротам, лет сто назад упрятали под землю и забыли. И зря, забывать нельзя ни о чем.

Эпинэ зачем-то поправил шляпу и, стараясь не слушать доносившихся из-за шеренги южан воплей, заглянул в провал. Внизу был ад или нечто очень похожее. Все еще утреннее солнце высвечивало обломки крепезных бревен, камни, веревки – люди Пуэна пытались вытащить провалившихся, но отслуживший свое настил расплзался на глазах.

– Осторожней, – крикнул Пуэн, – там сыплется все!

– Вижу. – Жуткая яма, сожрав часть площади и одну из двух привратнических, подползала к самым воротам. Свод не просто проломился – толпа каким-то образом умудрилась обрушить опоры, те, падая, снесли облицовку, обнажив ненадежную желтую землю. Как в лесу Святой Мартины...

– Будь ты проклят! – острый, как гвоздь, вопль вылетел из черной пасти, над которой нависали бесполезные ворота. Гибнущий горожанин опоздал. Герцог Эпинэ был проклят намного раньше.

– Монсеньор!!!

Робер едва успел отскочить, здоровенный кусок перекрытия со злобным лаем прыгнул вниз. Яма вплотную подступила ко второй привратнической.

– Проклятье! – снизу тянуло холодом, гнилой водой и смертью. – Сколько их там?

– Кто ж знает, – лицо Пуэна снова дернулось, – много. Спасать нужно, а оно лезет, как гнилое сукно...

Надо спасать провалившихся. Надо освободить запершихся в Доре. Надо отогнать опоздавших к празднику. Любви властям это не прибавит, но хоть люди живы останутся.

– Граф Пуэн, – с голосом Роберу справиться удалось, а вот справился ли он с лицом? – сколько у вас человек?

– Две роты, – хрипло каркнул граф, – и три сотни цивильников.

– Так мало?

– Остальные внутри.

– Будем надеяться, они голову не потеряли, – бросил Иноходец и едва не взвыл, вспомнив, что там Дикон. Герцог Окделл, вчера назначенный цивильным комендантом вместо Айнсмеллера! – Вы не знаете, кто из высших офицеров внутри?

– Были Джеймс Рокслей и генерал Морен...

Джеймс все-таки продрал глаза и пришел, уже легче, Рокслей головы не потеряет, не должен потерять, а вот Дикон!

– Вы хоть представляете, что там? – спрашивай хоть что-нибудь, делай вид, что ты знаешь, как надо, и думай! Думай, поberi тебя Леворукий!

– Монсеньор! – Пуэн переглянулся с рябоватым офицером из цивильников. – Точно не скажу, но, когда за нами послали, центральная площадь была забита под завязку, и толпа начинала заполнять первые дворы.

– Подарки раздают на площади, – у рябого был высокий, звенящий голос. – Там галерея для гостей и оркестра, ее охраняет моя рота. Еще две роты возле палаток, и одна разделена по числу ворот. Среди народа должны быть переодетые наблюдатели, но сколько – не знаю.

– А во дворах?

– Первые дворы заперты, внутренние стены там не хуже наружных, со вторыми хуже, непроходные отгородили переносными заборами, в проходных оставлены караулы, но, боюсь, этого недостаточно.

Бойтся он, а кто не бойтся?!

– Я забыл спросить, кто послал за помощью?

– Граф Рокслей. Увидел, что площадь переполнена, а люди продолжают подходить.

– Хорошо, – вот уж глупое словцо, но иногда без него не обойтись. – Наше дело – отправить народ по домам. Как я понимаю, очистить подходы мы сейчас не можем?

– Не можем, – тихо сказал Пуэн, он был явно благодарен за это «мы».

– Закатные твари, – вдруг пробормотал цивильник, – они все еще хотят подарков!

Да уж! Одни стреляют с крыш, другие бегут за подачками, и этих других в десятки раз больше. Только, проглотив подарок, они при первой возможности вцепятся в швырнувшую его руку. Любовь винными фонтанами не купишь, а уважение тем более.

– Провал нужно огородить, даже не провал, а подземную дыру.

– Огородишь ее, – махнул рукой Пуэн, – как же. Сквозь землю смотреть еще не научились.

– Канал засыпан по приказу Карла Третьего, – вспомнил Робер, – значит, об этом должны быть записи. Пошлите кого-нибудь в архив. Заодно пусть притащат сюда землемера, а пока огородим на глазок.

Перекрывшие Мясную улицу южане раздались, пропуская всадника на караковом мерине. Мерина Робер узнал сразу же. Его звали Мэтр Жанно, и ездил на нем сержант Дювье. Новости от Никола, наконец-то!

– Монсеньор, – правый глаз сержанта был синим и заплывшим, – улицы перекрыты, люди идут по домам. Генерал Карваль объезжает караулы. Герцог Придд отбыл к Галерным воротам.

– Хорошо. Сколько с вами людей и что у вас с лицом?

– Две роты. А с мордой – камень бросили... Ничего, заживет.

– Не сомневаюсь. – Робер развязал было кошелек, собираясь достать золотой, но передумал и бросил его Дювье целиком. – Сам выпей и товарищей угости. Хорошо, что хорошо кончается.

– Спасибо, Монсеньор, – лицо южанина было серьезным. – И то сказать, чудом обошлось, но разозлились на нас... Страсть.

А когда из Доры попрут счастливы с подарочками, разозлятся еще больше, но лучше остаться без узелка с леденцами, чем сдохнуть в какой-нибудь яме.

– Пуэн, – распорядился Иноходец, – оставайтесь здесь. Площадь очистить, людей у вас теперь хватит. Присматривайте за дырой и ждите землемеров. Тех, кого вытащат, переписать. Списки пришлите мне к Комендантским воротам, а если уеду – домой.

2

Высокий длинноносый горожанин больше не хрипел и не задыхался. И не дышал. Зажатый со всех сторон труп медленно колыхался вместе с живыми. Ставшее после смерти надменным сине-багровое лицо висело перед самыми глазами Дика, и юноша зажмурился. Это он еще мог сделать, но только это.

Сзади шумело, орало, выло, ругалось, сзади была хоть какая-то жизнь. Там, где стоял Ричард, не было ничего, кроме судорожных хрипов и торопливого женского бормотанья. Дик не раз пробовал повернуться, но разве может повернуться вмурованный в стену камень?

– Убейте меня! – вырвавшийся из тупого рокота крик был чудовищным, люди так не кричат. – Убейте! Ну, убейте!.. Что вам, жалко? Жалко, да?! Выходцы, вот вы кто... Выходцы зеленые!.. Вы все зеленые!!! Смотрите... У него нос зеленый и крошится... Вы только гляньте, зеленый и крошится, кро... ха-ха-ха...

Вопли переросли в хохот, хохот – в какой-то шакалий вой, а кладка под ногами стала мягкой. Это не камни, это просто не могут быть камни. Камни – верные, надежные, уставшие, а тут – грязь. Злая, зловонная жижа, из которой рождаются оборотни. Старая

Анна умерла. Ее больше нет, а раньше она рассказывала про рожденных топями гадин. Они совсем как люди, но изо рта у них пахнет болотом, и одна нога остается ослиной. Твари из зеленого болота, из Ренквахи... Они всегда ненавидели Окделлов, как трясина ненавидит скалы. Сначала она затянула отца, теперь и его...

– Мама! – детский крик резанул по ушам, и Дик торопливо распахнул глаза. – Мамочка... Что с тобой? Мамочка!

– Померла твоя мамка, – рявкнул в ответ грубый голос, – сдохла! И все мы сдохнем из-за этих таРаканов!

– Это они! – не поймешь, мужчина визжит или женщина. – Они!.. Они всех изведут!

– Именно, – заорал грубый, – мы перемрем, а в наших домах прихвостни тараканы зажируют!

– Ты лжешь, – выдохнул Дик, но его не услышали. Или не поняли. Орала сзади, а вокруг колеблющиеся лица были смутными, зелеными и сонными. Только толстый мужчина в шляпе с пером медленно поднял налитые кровью глаза, словно хотел ответить, но вместо этого его стошнило. Он не мог опустить головы, его рвало прямо в затылок усатой старухи, и толстяк водил головой, пытаясь утереться о ее чепец. Сумасшедший сзади все еще хохотал, а перед глазами, которые страшно было закрыть, качался, качался, качался длинноносый мертвец.

3

– Эй, вы, – дюжий капрал-южанин из всех сил барабанил в окованную железом дверцу, – открывайте! Уснули вы там, что ли? Или сдохли?!

Дора до ответа не снизошла. Светило солнце, в небе кружили голуби, безмятежно серебрился иней, но из-за испятнанных временем стен доносился странный, тревожный гул.

– Эй, – орал капрал, – это свои! Отворяйте, ..., так вас...! Точно, перепились!

– Подвинься. – Никола Карваль оттеснил служаку и саданул в калитку сапогом. Военный комендант был подчиненному по плечо, но смешным маленький южанин не казался, наоборот.

– С вами говорит генерал Карваль, – в устах Никола эти слова прозвучали чуть ли не в первый раз. – Приказываю открыть. Именем короля и Талигойи!

– Леворукий, померли они там, что ли? – процедил давешний цивильник. – Или в фонтане купаются?

Проклятое гуденье, что за ним кроется? Веселье? Драка? Бунт? Хотя бунтовщики бы орали. И пьяницы бы орали, и драчуны, а тут ноют, словно замерзающие пчелы. И где стражники и солдаты? Должен же кто-то быть у ворот!

– Монсеньор! – женщина? Здесь, откуда? – Монсеньор!

Полная горожанка средних лет вынырнула из-за мясной лавки, смешно вскидывая грудью, перебежала улицу, хлопнулась на колени перед Робером.

– Монсеньор, милости!

– Кто вы? – милое круглое лицо, из-под светло-серого чепца выбивается каштановая прядка. – Что вам нужно?

– Там мои дочери, – горожанка попыталась вцепиться Эпинэ в сапог, но Робер успел отскочить, – обе... Я их не пускала, а они пошли. С подружками... Пошли – и теперь там!

– Ворота закрыли, когда началась давка. – Иноходец говорил чистую правду, но ему казалось, что он врет. – Если ваши дочери не успели войти, они уже дома. Какой дорогой они пошли?

– Улицей Красильщиков, – торопливо забормотала женщина, – и прямо сюда, к Комендантским... Я их не пускала, но там... Обещали ленты и морисское масло... Они так хотели.

Ох уж эти пахнущие розами флакончики. И эти ленты! Как просто приманить

девчонок, даже проще, чем мышей в мышеловку. Те хотя бы принимают.

– Вам нечего волноваться, – если нечего, чего ты торчишь и смотришь, как теперь уже трое колотят в мертвые ворота?! – у Канальных и в самом деле случилось несчастье, но здесь все в порядке.

– Сандра и Мона никогда не пойдут к Канальным, никогда...

Оплакать беду она всегда успеет. Если случилась именно беда, но ведь пока ничего не ясно, пока просто не открывают ворота.

– Ваши дочери или дома, или скоро придут, – Робер осторожно погладил плечо женщины. – Вам тоже лучше вернуться.

– Монсеньор, – а ведь она на кого-то похожа, на кого-то давно забытого, – можно я подожду, пока откроют? Мне подарков не надо, только пусть...

– Ждите, – сейчас она заплачет, если только на нее не наорать, – только отойдите к лавке!

– Постой. – Никола отвлекся от калитки, лицо его было хмурым и подозрительным. – Как тебя пропустили?

– Я попросила, – лицо горожанки вспыхнуло, – там Жильбер стоял. Он тоже из Агиррэ. Он меня узнал.

– Постой, – подался вперед Иноходец, – так ты – дочь старухи Маризо?

– Да, Монсеньор, – закивала неожиданная землячка, – да... Неужели Монсеньор меня узнал?

– Ты похожа на сестер. – Эмма Маризо... Коса вокруг головы, бирюзовые сережки... Эмма пекла пирожки с земляникой и вышла замуж за мещанина из Агиррэ. Роберу было лет десять, эта была первая свадьба, на которую его взяли.

– Монсеньор меня вспомнил? – шмыгнула носом женщина. – Мои девочки похожи на меня... Такой, как я была.

– Я их найду, – а еще он найдет иголку в стоге сена, но Эмма ждет именно этих слов, и она из Эпинэ. – Кто-нибудь, проводите ее. Капрал, что с калиткой?

– Да все то же, – откликнулся служака, – и звук глухой, может, завалили чем. Я так думаю, надо к Торским ехать.

– Так езжайте!.. Нет, стойте, сейчас все узнаем.

4

Валентин Придд осадил мориска, не доезжая до ворот, и спрыгнул на землю, зацепив поводья за луку седла.

– Добрый день, герцог. – Лицо Спрута было не таким бледным, как всегда. От холода или от скачки?

– Здравствуйте, сударь. – Почему, чем меньше доверяешь, тем учтивее говоришь? – Позвольте поблагодарить вас за помощь.

– Это мой долг, – таким тоном сообщают о кончине любимых дядюшек, – насколько я понимаю, эти ворота тоже не спешат открывать?

«Тоже не спешат», «тоже»...

– Вы ведь от Торских, герцог?

– К сожалению, – деревянным голосом произнес Спрут. – Канальные, насколько я понимаю, безнадежны?

– Вы правы, – Робер вскинул голову, глядя на шершавые, испятнанные временем стены, из-за которых доносился надоедливый низкий гул, – о Канальных придется забыть. Остаются Галерные.

– Я проверю!

Повелитель Волн вскочил в седло, прежде чем Робер успел возразить. Серый мориск крутанулся на задних ногах, напомним о запертом в деннике Моро.

Одиноким всадником промчался вдоль стены и исчез. Робер в изнеможении прислонился

к оглохшим воротам. Действие шадди прошло, вернулись старая усталость и что-то весьма похожее на отчаяние.

Стена была не просто холодной – ледяной, но отрывать от нее было лень и незачем, все равно ничего не выйдет. Жизнь – это болото, в котором можно лишь тонуть. По крайней мере, его жизнь.

Шершавая кладка ощущалась даже сквозь одежду – сырая, заплесневелая, дряхлая, как мир. На бледной поверхности темнели пятна, они смахивали на лошадь. На сонную пегую лошадь, что бредет из вечности в вечность. Цокают копыта, понуро свисает грива, по бесплодной земле тянется цепочка следов...

– Мама, мамочка... Мама! – Девчушка лет пяти с белым узелком в руке ползет по слипшимся, сросшимся друг с другом плечам, светлые волосики, алые ленты, красные точки окружают широко распахнутые перепуганные глаза. – Мама! Где ты... Мамочка!

Ее нужно забрать, эту девочку, ее и всех остальных. Лэ́йе Астрэпэ, люди не должны так умирать, не должны!

– Монсеньор, герцог Придд возвращается!

– Никола, – Робер глубоко вздохнул, отгоняя остатки бреда, – вы слышали крики? Крики и детский плач?

– Нет, Монсеньор, но я не приближался к стене.

– Что ж, – в голове звенит, но это пережить можно, пережить можно все, кроме чужих, жутких смертей, – послушаем Придда.

Валентин держал серого под уздцы. Коня он не жалел, себя, впрочем, тоже.

– Не отвечают? – сухо бросил Робер.

– Именно, – на длинном лице даже появилось выражение, – ворота заперты, и они, как и прочие, открываются внутрь, но одному из солдат удалось забраться на стену. То, о чем он рассказывает, весьма прискорбно.

– Потрудитесь объяснить подробнее, – Леворукий бы побрал этого Придда с его манерами, – и, если можете, человеческим языком.

– Для этого надо быть Венненом, Дидерихом или капралом. – Повелитель Волн все же натянул на свою рожу улыбочку. – Подходы к воротам, насколько хватает глаз, забиты людьми. У стен много мертвых, дальше просто стоят и не могут двигаться. Ворота можно считать замурованными, чтобы их открыть, потребуется таран.

Таран... Его еще найти и притащить надо! Закатные твари, тут и деревьев-то подходящих нет, не говоря о топорах, а даже если б и были? Сколько людей выведешь через трое ворот, даже если выбить сразу все?! Лэ́йе Астрэпэ, ну почему это свалилось на такого тупицу? Будь Первым маршалом Талигойи Первый маршал Талига, Дору б раскололи, как орех! Если бы да кабы...

– Карваль, – услышал собственный голос Робер, – пошлите в Арсенал за порохом и запалами...

– Монсеньор, – лицо Никола ничего не выражало, – что отвечать, если спросят, зачем вам порох?

– Скажите, это приказ Первого маршала!

– Талигойи, – холодно добавил Придд, и Роберу в который раз захотелось Повелителя Волн придушить. Хотя бы за то, что его замысел и впрямь пристал Ворону. Скольких живых он сейчас убьет на месте, разорвет в клочки, завалит камнями? Но другого выхода нет.

– Сударь, – неожиданно тихо сказал Спрут, – вы отдаете себе отчет, что по ту сторону стены – люди?

– Отдаю. – Лэ́йе Астрэпэ, что он несет, да еще так спокойно! – Уверю вас, герцог, Создатель без сотни-другой не самых умных своих созданий обойдется. А вот тем, по милости которых в мученьях передохнут тысячи, даже Закат Рассветом покажется.

Вонючее, холодное марево, синюшные лица, выпученные глаза, открытые рты. Дышать нечем, шевельнуться невозможно. В просвете между двумя оскаленными головами торчит кто-то до невозможности высокий; на самом деле его вытолкнуло на поверхность, а ноги земли не касаются. Он кривляется, дергается, как кукла на веревочках, и вдруг проваливается и исчезает. Навсегда. И снова тишина, окутанные зеленью лица, сразу холод и духота. Это сзади – крики и брань, а здесь тихая, грязная, безнадежная смерть.

Сюзерен ничего не знает, остальные ничего не делают. Почему Рокслей не разгонит толпу, у него же полно людей? А Морен?! Он же знает, что такое бунт!

Часы Святой Терезы медленно, издеваясь, отбили пять, семь, одиннадцать раз. Святой Алан, куда все они смотрят!.. Смотрят? Спят они! Иноходец, Дуглас, Спрут, Карваль, а Борн был и ушел... Через час он сменит Мевена в приемной Альдо, а вечером пойдет к Марианне как ни в чем не бывало. А на галерее болтают, пьют грог, ждут, когда внизу выпьют все вино и растащат все подарки. Неужели Джеймсу никто не доложил, что творится на подходах к площади?!

Губы и язык пересохли, а ноги окоченели. Ричард отдал бы все на свете за глоток грога, но не было даже снега. Безжалостное небо радостно сияло, и в нем кружились белые праздничные голуби. Будь проклят этот праздник, будь проклят недоумок Кракл, придумавший согнать всех в Дору. И будь проклято отвратительное, тупое стадо, затягивающее в смерть!

Слева что-то грохнуло, расколов вязкую одурь. За первым ударом последовал еще один. И еще! Глухие раскаты сплетались с криками, вышина клубилась потревоженными стаями и черным дымом, горячий, пахнущий пороховой кислотой ветер сорвал тошнотворную муть и стих, но вопли не смолкали. Толпа качнулась назад, сжимая и давя еще сильнее, хоть это и было невозможно. То ли спавший, то ли потерявший сознание горожанин в синем сукне распахнул бессмысленные глаза и заорал: «И придет судия, и будут очи его исполнены света небесного!» Громко заплакала девушка с утиным носом, и Ричард понял, что может шевелить рукой.

Тело само извернулось, вырываясь из смертного покоя, рядом ворочались, переводили дух, трясли головами живые и валились под ноги лишившиеся опоры мертвецы. Дик споткнулся обо что-то толстое и мягкое и едва не упал, спас измазанный рвотой толстяк, в которого юноша вцепился, не соображая, что делает.

– Грабят! – визгливый, глупый вопль окончательно прогнал оцепенение, Ричард с отвращением отдернул руку и, выставив плечо вперед, принялся пробиваться туда, где смерть перетекала в жизнь. Пережитый ужас требовал выхода, и юноша неистово распахивал отвратительных, грязных тварей, едва не уволокших его в Закат. Ему что-то кричали, но Дикону было не до ругани, он не мог оставаться среди этого сброда! И еще очень хотелось пить. Нет, не пить, сначала он сорвет с себя провонявшие, гадкие тряпки и смоет грязь, в которой тонул.

– Герцог Окделл! Герцог Окделл, стойте! Это вы?

Никола Карваль! Явился наконец!

– Да, – только б не выкрикнуть в морду чесночнику то, что он думает о проспавших все на свете недотепах, – это я. Вижу, вы наконец появились.

– Что с генералом Рокслеем? – Коротышка ничего не понял, хотя чего от такого ждать?

– Не имею чести знать, – отрезал Ричард. – Почему вы задержались?

– Потому что праздники – дело гражданского коменданта. – Карваль отвернулся. – Жерве, передайте Монсенбюру, что Окделл цел.

Цел?! Хорошее словечко, словно речь идет о лошади или собаке, но не спорить же с чесночным «генералом» среди вонючей толпы.

– Дайте мне чистый плащ и лошадь, – дрожа от ярости, произнес Дикон, – и можете быть свободны.

Глава 10
Ракана (б. Оллария)
400 года К.С. 1-й день Зимних Скал

1

Южане, «спруты», цивильники растаскивали толпу снаружи, разбирали, словно какую-то кучу, а частицы кучи оживали и расползались по городу. Медленно, безнадежно, страшно, словно вочеловечившаяся болезнь.

Серолицые фигуры медленно шаркали по серым камням, обтекая солдат и стражников, пробивавшихся к центру Доры, а у стен лежали бывшие люди. Они пришли за подарками и были размазаны по каменным кладкам. Или задохнулись в нишах, где пытались укрыться. Или упали и были затоптаны. У кого-то не выдержало сердце, у кого-то разум.

– Монсеньор, – Никола Карваль был без шляпы и плаща, – Придд добрался до главной площади.

– Ну и как вам, – ровным голосом произнес Робер, – это, гм, сердце праздника?

Никола не ответил, только желваки на скулах заходили еще сильнее. Лэйе Астрапэ, что же там такое? Но что бы ни было, нужно идти и смотреть. Не то чтоб Спрут не справился, просто есть вещи, от которых прятаться нельзя.

– Монсеньор, я встретил герцога Окделла. Он не пострадал.

– Где он? – слава Создателю, мальчишка жив и здоров. – С ним точно все в порядке?

– Насколько я понял, герцог Окделл отбыл во дворец с докладом о происшествии. – Когда Карваль говорит как канцелярская крыса, он готов кого-нибудь убить, но кого – Дикона или Альдо?

– Хорошо, – вот ведь словечко привязалось. – Что-нибудь еще?

– Мы почти очистили вторые дворы, – равнодушно сообщил Карваль. – Пуэн прислал человека. Осыпи прекратились, яму огородили, живых вытащили, теперь вынимают покойников. Ждут землемера.

– Девушек из Агиррэ не нашли?

– Нет, Монсеньор, – Карваль шумно выдохнул, – но мы ищем. Вы не беспокойтесь.

Прелестный совет, и какой простой и понятный.

– Идемте на площадь. – Вот бы бросить все и удрать. В Эпинэ, в Торку, куда угодно, только бы подальше от провонявшей смертью и жадностью Доры. Только некуда ему удирать, потому что эта самая Дора повисла на шее камнем и отправится с хозяином хоть в Рассвет, хоть в Закат. Со всеми своими покойниками, опрокинутыми загородками, перевернутыми телегами и неизбежными подарками, с которых ухмылялись королевские Звери. Разноцветные узелки были всюду: валялись в лужах, высовывались из-под трупов, смеялись в руках оживших выходцев. Он подышать будет, не забудет даже не покойников – уцелевших. Пустые лица, измятые, изгаженные одежки и пестренькие узелки в руках.

Злобные сказочные тварешки заводили охотчих до поживы дураков в трясину, королевские гостинцы выползли из тех же топей.

– Тут есть проход. Свободный. – Никола свернул в какую-то нишу, и они втиснулись в щель между двух слепых стен. Здесь никто не умер, и все равно Эпинэ прибавил шагу. Это было дурью и трусостью, но страх прогнать еще никому не удавалось. Его можно посадить на цепь, загнать в конуру, но не прогнать, а сумеречный, несмотря на ясный день, закоулок казался смертельно опасным.

– Монсеньор, там все уже случилось. – Никола по-своему расценил поведение своего кумира. Пришлось сбавить шаг. Эпинэ старался держаться подальше от осклизлых стен и при этом не налететь на Карваля.

Дорога оказалась короткой, Дора вообще была маленькой, куда меньше Нохи, но время

словно остановилось, а пятна на стенах, наоборот, двигались вместе с Иноходцем. Крупные, темные пятна, норовящие сложиться во что-то живое и чудовищное.

– Осторожнее, Монсеньор, здесь ступенька!

Любопытно, на входе в Закат есть ступеньки? Мало ли что болтают про него, Закат – это не страшно. Подумаешь, негасимый огонь, то ли дело холодная щель, и в конце – ступенька в грязную безнадежность.

– Лэе Астрапэ, что это?!

– Вино, Монсеньор.

2

Фонтан на центральной площади все еще бил красным дешевым вином, казавшимся кровью. Выщербленная временем чаша была заполнена до краев, захлебнувшиеся, затоптанные, разбившиеся головы плавали в красной жиже. Вино перехлестывало через край бассейна, багровыми струйками стекало вниз, хлюпало под ногами, сливалось в ручейки и лужицы, обтекая мертвецов и разбросанные вещи, мешаясь с блевотиной, грязью, кровью. Кисло-сладкий кабацкий запах плыл над тем, что должно было стать праздником.

– Во имя Леворукого, – заорал Эпинэ, – да перекройте же вы этот фонтан!

– Уже пытались, Монсеньор, – откликнулся Карваль, – но... Похоже, он будет бить, пока вино не кончится.

А кончится оно в шесть часов пополудни, или в полшестого, если распорядители озаботились хоть что-то украсть. Сейчас начало четвертого, за оставшееся время красной дрянью зальет пол-Талига. Эпинэ с тоской оглядел разгромленную площадь. Он мог уйти, Карваль и «спруты» справятся и без него. Те, кто выжил, уже выжили, а мертвецам от присутствия Первого маршала Талигойи ни жарко ни холодно. Покойникам нет дела ни до маршалов, ни до королей, ни до заливающего их пойла.

– Где герцог Придд?

– У позорных ям. Там хуже всего, там и у галереи.

Что значит хуже? Что может быть хуже торчащих из дрянного вина ног и женщины с вырванными косами?

– Где эти ямы? А, вижу!

Серая фигура в окружении фиолетовых. Сегодня траур уместен как никогда, завтра он тоже наденет серое.

– Как у вас дела, Валентин?

– Господин Первый маршал, – лицо Придда было нежно-зеленым, словно капустная рассада, – правая сторона площади свободна. Мои люди дошли до галереи. К сожалению, она рухнула.

– Благодарю вас, – и это еще мягко сказано, – но теперь вам следует отдохнуть. Вы неважно выглядите.

– Я не могу уйти, – вскинул голову Спрут, – мои люди подчиняются только мне.

– Не можете – возвращайтесь, – пожал плечами Иноходец. – Когда расстанетесь с завтраком, если вы, разумеется, завтракали.

– К моему глубокому сожалению, завтракал, – поклон Придда выглядел жалкой пародией на его всегдашнюю безупречность. – Я вернусь не позже чем через полчаса. Если вам что-то потребуется, обратитесь к графу Гирке.

– Непременно, – пообещал Эпинэ, провожая глазами высокую фигуру.

– Он очень много сделал, – неожиданно сообщил Карваль, – очень. Если бы все северяне были такими...

Если бы все северяне были такими, как Придд, можно было б удавиться, но «спруты» и впрямь разгребли то, что наворотили устроители праздничка. А могли бы и не разгребать – приказывать Повелителю Волн может только король.

– Смотрите, Монсеньор, – господин военный комендант поднял с земли что-то черное и

осклизлое, оказавшееся обломком доски, – гнилье. Странно, что оно сразу не провалилось.

Это и в самом деле было странно. И страшно. Хуже оврага Святой Мартины, хуже смытой взбесившейся Бирой деревни, хуже Канальных ворот. Солнце безжалостно светило в ямы, когда-то бывшие позорными, а сегодня ставшие чудовищными ловушками. Наспех прикрытые досками, ямы эти обнаружили себя, когда фонтан забил вождленным вином. Гнилое дерево не выдержало тяжести, но будь оно трижды крепким, ничего бы не изменилось. Разве что беда промедлила бы несколько лишних минут. Кого-то это спасло бы, а кого-то погубило.

– Узнайте, кто продал в Дору негодные доски. – Виноват не вороватый поставщик, а дурак, решивший устроить праздник в мышеловке. И второй дурак, ухватившийся за эту мысль. И третий дурак и подлец, не удосужившийся разузнать об этой затее и сваливший это безумие на неопытного мальчишку. Но отвечать будет поставщик. И покупатель. Если он жив.

– Рокслея еще не нашли?

– Может быть, у галереи... Но живых там, похоже, нет.

– Кто был на галерее, хотя бы известно?

– Приглашения разослали...

– Я сам знаю, кому рассылали приглашения, – рявкнул Эпинэ. – Кто притащился на это проклятое сборище?!

– Точно неизвестно, Монсеньор, – отчеканил побледневший Карваль, – но это может знать герцог Окделл.

– Помолчите, Никола, – Робер сжал рукой плечо южанина, – а то я вас укушу, а вы ни в чем не виноваты. И вот что... Не ходите за мной сейчас.

Карваль не ответил. То ли послушался приказа, то ли наконец обиделся. Кому-то из «спрутов» стало худо. Солдаты держали беднягу под руки, а его рвало прямо на осклизлую зелень. Запах вина, кислоты и еще чего-то становился невыносимым, а то, что держало на плаву эти несколько часов, таяло свечным огарком. Оставалась пустота, в которую медленно заползали тоска и усталость.

– Зажгите костры, – велел Эпинэ, стараясь не глядеть на растоптанный узелок, из которого вывалились флакон и несколько лент. Запах морисского розового масла прорывался даже сквозь винную вонь.

– Точно, Монсеньор, – живо откликнулся какой-то лиловый, – уж лучше пусть паленым воняет...

Надо дойти до галереи, вернее, до обломков, и узнать, кто под ними. Ах, не хочешь? А рубить в куски мертвеца ты хотел? А убивать гоганов? А командовать казнью? И не твоя вина, что она не состоялась. Ты делал, что тебя заставлял сюзерен, и дошел до Доры, так имей смелость отдать приказ самому себе и исполнить его! Иди и смотри, Спрут смог – и ты сможешь!

3

Лютня лежала в луже, вонючей, отливающей зеленью луже. Лютня Дейерса, которую он вчера вырвал у многосмертного барона из рук. Неужели менестрель наконец в самом деле умер?

Робер пригляделся – струны были новыми, но гриф покрывал белесый налет. Словно на патоку налип тополиный пух. Такой же налет облепил огрызки бревен и досок, меж которых валялись полусгнившие тряпки и расползавшиеся слизью цветочные гирлянды. Неужели несколько часов назад они были свежими и живыми? Не может быть! Повелитель Молний прикрыл глаза ладонями, пытаясь сосредоточиться. Это помогло. Искореженные доски и бревна остались осклизлыми и ноздреватыми, но цветы стали цветами, а обивка обивкой, да и лютня была в порядке, а вот хозяин...

Из-за груды обломков, пятясь, появился солдат в лиловом, за ним – другой. «Спруты»

тащили мертвеца, один за плечи, другой за ноги, руки покойника были прихвачены шейным платком, красивая темноволосая голова безвольно болталась. Смерть меняет людей стремительно, но Рокслея Иноходец узнал сразу. Висок бедняги был пробит, черный с золотом камзол измят и испятнан, но лицо так и оставшегося «молодым графом» Джеймса было чистым и совершенно спокойным.

Эпинэ понял, что делает, только когда его плащ уже лежал на истоптанной земле. Солдаты неуклюже опустили свою ношу и вновь побрели в развалины. Иноходец нагнулся, откинул со лба покойного окровавленную прядь. Они никогда не были друзьями, но Джеймс казался меньшим ызаргом, чем другие вассалы Дика. Теперь Ричарду придется отвозить матери погибшего шпагу, говорить, что Джеймс умер сразу, и прочую дурь, которую отчего-то считают утешением. А как можно утешить мать? Она провожала сына на праздник, пусть глупый, нелепый, но праздник, и сын не вернулся. Джеймс мог не ехать, но он обещал помочь Дику и помог...

Джеймс Рокслей оглянулся на пустующее кресло и отцепил с пояса усыпанные рубинами часы. Сверкнули и погасли алые искры, словно с золотой луковицы глянуло множество злых глазенок. Граф убрал часы, Ричард Окделл махнул платком, опустился в кресло, улыбнулся. Маэстро Алессандри взмахнул скрипкой, дрогнули смычки, но музыки не случилось.

Над безмолвной площадью надували щеки флейтисты, закатывали глаза скрипачи, тряс седеющей гривой маэстро, шевелили губами Морен, «Каглион», Дейерс, Кавендиш... В полной тишине, медленно и плавно, словно лебеди на пруду, горожане надвигались на палатки с подарками, окружали сонный багровый фонтан, тянули руки к разносчикам фишек, а на галерее, подтянув одну пухленькую ножку к подбородку и свесив другую, сидела толстая девчонка с золотыми крылышками за спиной. Девчонка шевелила пальчиками над самой головой маэстро Алессандри и щербато скалилась, а на ее голове пылала алыми ройями золотая корона...

– Господин маршал, тут барон Кракл... Живой!

Живой? Робер вздрогнул, выпустив руку Рокслея, и та мягко упала на алый плащ. Кракл жив, Рокслей мертв, таков закон мироздания. Его собственные руки были в крови, своей и чужой, Иноходец торопливо вытерся об измазанный камзол и увидел чудом уцелевшего. Барон громко стонал и закатывал глаза, но был невредим.

– Герцог, – провозгласил он, глядя на Эпинэ, – вы опоздали! Наши друзья мертвы. Какая ужасная смерть, какая страшная случайность! Кто мог подумать...

Подумать могли многие, но не удосужился никто. Кем надо быть, чтоб устроить гулянье на кое-как заделанных ямах?!

Тяжелые шаги заставили оглянуться. Двое «спрутов», не тех, кто вытаскивал Рокслея, сложили свою ношу рядом с Джеймсом. Полковник Морен больше никого не напоит солью. И в Барсину он тоже не уедет.

По лицу бывшего коменданта Багерлее прошелся кто-то в кованых сапогах, но нос уцелел. Нос и тяжелый перстень на левом мизинце. Следующими из-под обломков появились Карлион, которому выпало умереть без титулов, и маэстро Алессандри, сыгравший свой последний марш. Еще кто-то в капитанском мундире и с пробитой головой, совсем как Джеймс.

– Комендант здешний, – поясняет какой-то «спрут», – вроде как Локком звали...

– Вы не представляете, что я пережил, – один из глаз Кракла ловил взгляд Робера, другой лез в небеса, – и не дай вам Создатель испытать подобное! Вы не представляете, не можете себе представить...

Толстая девчонка в белом платье с блестками прыгает по гнувшимся доскам, высовывает язык, кричит, хлопает в ладоши, а на галерею, на помосты для актеров, на

одинокое дерево лезут в поисках спасенья прижатые толпой люди. Те, кто внизу, хватают за ноги тех, кому посчастливилось подняться. Гроздь чудовищного винограда корчатся, раскачиваются, валятся на головы новой волны, рассыпаются обезумевшими тварями. Твари рычат, царапаются, кусаются, давят друг друга.

Кто-то поднимается, кто-то не может, по упавшим идут, лезут, ползут следующие, падают, снова лезут, вторым, третьим, четвертым слоем... А девчонка все прыгает, все размахивает руками, беззвучно, по-рыбьи разевая щербатый рот. За ее спиной нелепо топорщатся золоченые крылышки, на лице багровеют чудовищные шрамы, сверкает, переливается корона, и наползает со всех сторон тошнотворная зеленая муть...

Четверо скрипачей, цивильник с продавленной грудью и Кавендиш, которого больше не нужно убивать! Подлец, погубивший конницу Эпинэ, нашел подлую смерть. Мельницы судьбы мелют медленно, но наверняка. Каждому – свое. Раню или поздно. Кому – Скалы, кому – Ветер, кому – Молнии...

Небесная стрела ударила в вершину горы, разлетелась искрами. Искры стали звездами и снегом. Снег летел сквозь звездный свет, а сквозь него мчалась золотая охота. Рыжие кони топтали мертвые листья, языками пламени вились плащи за плечами всадников, пластались в полете черномордые борзые. С багряной перчатки сорвался ловчий ястреб, описал круг над головой Робера, крича звонко и тревожно. Всадник обернулся, поднял руку, то ли приветствуя Повелителя Молний, то ли подзывая заигравшуюся птицу.

Звездная россыпь бросилась Роберу в лицо, но Эпинэ успел увидеть, как белый крик опускается на руку разом поседевшего хозяина....

– Герцог Эпинэ, – незнакомый офицерик с изжелта-зеленым лицом изо всех сил пытался сохранять спокойствие, – Его Величество настоятельно требует вас к себе.

– Его Величество подождет, – медленно произнес Иноходец, – пока его Первый маршал не закончит веселиться.

Сверкающая кавалькада стремительно исчезает в снежной круговерти. Звонко трубит ледяной рог, ржут, закидывая головы, белоснежные иноходцы, рассыпаются вьюжной заметью, а из-за черных гор вздымаются, тянутся к закованной в серебряный шар окровавленной луне четыре призрачных меча.

Сердце...
Четверым Один Отдал
Сердце.

– Господин Первый маршал, – офицерик не уходил, а смотрел собачьими глазами на Робера, – Его Величество... Его Величество не поймет вашего отказа.

Дурашка прав, нужно идти. Собрать в кулак то, что осталось от воли, и идти к бывшему другу, сюзерену, человеку. Робер в последний раз глянул на измазанную зеленой мерзостью лютню.

Нет золота, нет солнца, нет звезд, ничего нет. Погасло, остыло, умерло, смолкло...

В грудь отравленный кинжал —
Полночь,
Четверых Один Призвал —
Помни!

– Он предчувствовал свою смерть! – возопил Кракл, глядя сразу на Робера и на

осиротевший инструмент. – Предчувствовал! Мы не верили, а он оказался прав!

– Барон Дейерс слишком много пел о смерти, – не сдержался Эпинэ, – и она его услышала. Идемте, тенъент, не стоит испытывать терпение Его Величества.